This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

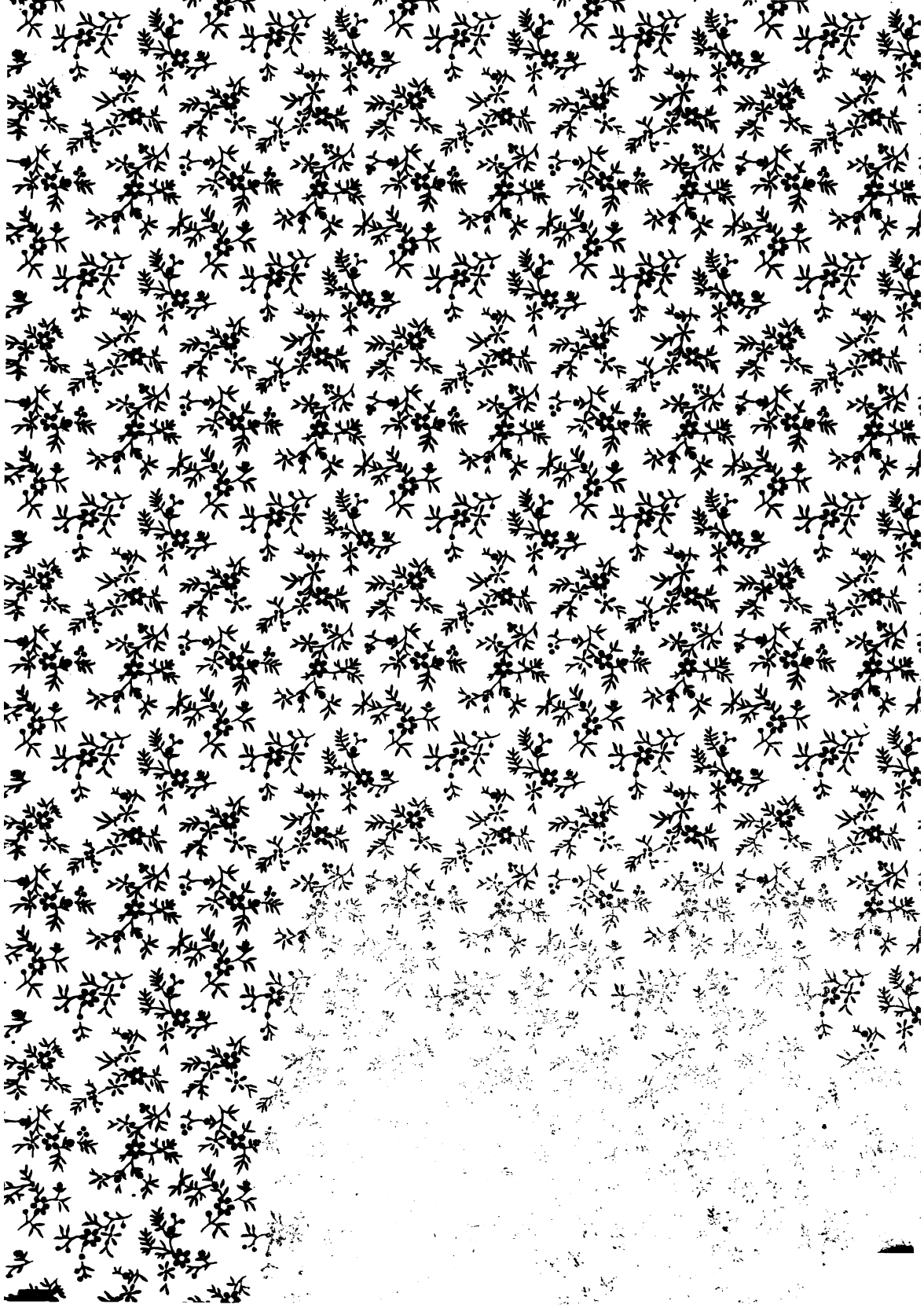
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav
4360
3.4

Harvard College Library

BOUGHT WITH MONEY
RECEIVED FROM THE
SALE OF DUPLICATES



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. **А. С. Архангельскаго.**

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1906.

Printed in Soviet Union

Slav 4360.3.4

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1938

Артистич. завед. А. Ф. МАРКСА, Измайловскій пр., № 29.

1822.

—

РАЗРУШЕНІЕ ТРОИ.

изъ энеиды виргилія.

Всѣ молчатъ, обративъ на Энея внимательны лица.
Съ ложа высокаго такъ начинаетъ Эней-прародитель:
О царица, велишь обновить несказанное горе:
Какъ погибла Троя, какъ Пріамово царство
Греки низринули, все, чему я плачевный свидѣтель,
Все, чего я былъ главная часть... повѣствуя объ этомъ,
Кто—мирмидонъ ли, долопъ ли, свирѣпый ли ратникъ Улисса—
Слезъ не прольетъ! Но влажная ночь уже низлетѣла
Съ тихаго неба; ко сну приглашаютъ сходящія звѣзды.
Если жъ толь сильно желаніе слышать о нашихъ страданьяхъ,
Слышать о страшномъ послѣднемъ часѣ разрушенной Трои:
Столь ни тяжко душѣ вспоминать о бѣдахъ толь великихъ,
Я повинуюсь. Войной утомленны, отверженны рокомъ.
Столько напрасно утративши лѣтъ, полководцы данаевъ
Хитрымъ искусствомъ небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромнаго, плотныя ребра изъ крѣпкія сосны,
Въ жертву богамъ при отплытіи (такъ молва разгласила).
Тутъ избранныхъ мужей, назначенныхъ жребіемъ, тайно
Скрыли они въ пространныя нѣдра чудовища: полно
Сдѣлалось чрево громады одѣянныхъ бронею ратныхъ.
Близъ Иліона лежитъ Тенедосъ, знаменитый издревле
Островъ, обильный, доколѣ стояло царство Пріама,
Нынѣ же бѣдный заливъ, кораблямъ ненадежная пристань.
Тамъ, удалясь, у пустыхъ береговъ притаились данаи;
Мы же ихъ мнили уплывшими съ вѣтромъ попутнымъ въ Микены.
Тевкрія вся отъ тяжелой печали вдругъ отдохнула;
Градъ растворился; рвемся на волю, чтобъ лагерь дорійскій,
Мѣсто пустое и берегъ, врагами оставленный, видѣть.
«Тамъ стояло ихъ войско; тутъ шатеръ былъ Ахилловъ;
«Здѣсь корабли ихъ; тамъ поле, гдѣ рати обычно сражались».
Всѣ дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Всѣ дивятся великой громадѣ, и первый Тимотосъ—
Былъ ли онъ врагъ намъ, судьба ль ужъ паденье Пергама рѣшила—
Въ городъ вовлечь и въ замкѣ поставить коня предлагаетъ:
Но проницательный Каписъ и каждый, въ комъ ясенъ былъ разумъ,
Въ море совѣтуютъ козни данаевъ съ ихъ даромъ невѣрнымъ
Бросить, или предать огню и пепломъ развѣять;
Или, чрево пронзивъ, сокровенное въ немъ обнаружить.

Такъ въ нерѣшимости мнѣній толпа волновалась. Но быстро,
Гнѣвенъ, стремится отъ замка, одинъ впереди, провожаемъ
Сонмомъ шумящимъ народа, Лаокоонъ; издалека
Онъ возопилъ: «о несчастные! что за безумство, граждане!
«Вѣрите ль бѣгству врага? Иль мните, что даръ нековарный
«Могутъ оставить данаи? Такъ ли узнали Улисса?
«Или ахеяне здѣсь, заключенные въ древѣ, таятся;
«Или громада сія создана, чтобъ, на гибель Пергаму,
«Въ домы наши глядѣть и градъ сторожить съ возвышенья;
«Иль коварство иное... коню не ввѣряйтеся, тевкры!
«Что здѣсь ни будь... я данаевъ страшусь и дары приносящихъ».
Такъ сказалъ, и копье тяжелое мощной десницей
Онъ въ огромный бокъ и въ согбенное чрево громады
Ринулъ; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звонъ издала; застенало въ нѣдрѣ глубокомъ.
Такъ: когда бы не боги, когда бъ не затменье разсудка,
Намъ бы тогда же открыло ихъ козни желѣзо... и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Пріама!
Вдругъ дарданскіе горные пастыри съ крикомъ и плескомъ
Юношу, руки ему на хребетъ заковавши, къ Пріаму
Силой влекутъ; онъ самъ, невѣдомый имъ, замышляя
Хитрость и средство ахеянъ впустить въ Иліонъ, произвольно
Предалъ себя, отважный, на все готовый заранѣ:
Козни ль свои совершить, иль вѣрною смертью погибнуть.
Жадно троянскіе бросились юноши грека увидѣть;
Стали кругомъ, и спорятъ другъ съ другомъ, чтобъ плѣннымъ ругаться...
Свѣдай же хитрость ахеянъ; въ злодѣйствѣ единомъ
Всѣхъ ихъ узнай!
Стоя одинъ, посреди толпы, смятенъ, безоруженъ,
Робко водилъ онъ кругомъ недовѣрчивый взоръ; напослѣдокъ:
«О, какая земля, какое море,—воскликнулъ:—
«Примутъ меня, и что мнѣ теперь, несчастливцу, осталось!
«Мѣста межъ греками нѣтъ, а здѣсь раздраженная Троя,
«Полная праведной мести, погибелью мнѣ угрожаетъ!»
Жалоба плѣнника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаемъ: какой онъ породы? откуда?
Что намѣренъ начать? за что судьбу упрекаетъ?
Бремя страха сложивши, Пріаму отвѣтствовалъ плѣнникъ:
«Что бъ ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первыхъ,
«Родомъ я грекъ—не таюсь; Синонъ быть можетъ несчастенъ,
«Воля судьбы; но коварнымъ лжецомъ никогда онъ не будетъ.
«Вѣрно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
«Вѣрно, слыхалъ о дѣлахъ Паламеда, Вилова сына;
«Славный вождь, но безвинно по злымъ наущеньямъ пелазговъ,
«Только за то, что войны не оправдывалъ, преданный смерти,
«Нынѣ же, свѣта лишенный, отъ нихъ же свирѣпыхъ оплакалъ.
«Сродникъ его, мой убогій отецъ, его попеченьямъ
«Въ юности ввѣрилъ меня, снарядивъ на войну; и доколѣ
«Былъ почтенъ Паламедъ, засѣдая съ вождями въ совѣтѣ,
«Былъ и я не безъ имени, было и мнѣ уваженье.

«Но съ тѣхъ поръ, какъ палъ онъ жертвой Улиссовой злобы,
«Тяжкую жизнь во мракѣ печальномъ влачилъ я, безплодно
«Въ сердцѣ своемъ негодуя на гибель невиннаго друга;
«О, безразсудный! я не смолчалъ, но смѣло грозился
«Мстить за него, лишь только бъ въ Аргосъ возвратиться съ побѣдой
«Боги велѣли! Угрозы мои распалили ихъ злобу.
«Съ той минуты бѣды за бѣдами; Улиссъ неусыпно,
«Самъ виновный, меня обвинялъ въ замышленьяхъ, коварно
«Сѣялъ навѣты въ толпѣ и губилъ меня клеветами.
«Прежде не могъ успокоиться онъ, доколѣ Калхаса...
«Но почто продолжать безполезно-прискорбную повѣсть?
«Что прибавлю? Когда вамъ всѣ греки равно ненавистны—
«Вѣдать довольно: я грекъ; поражайте меня; вы Улиссу
«Тѣмъ угодите; и щедро за то наградятъ васъ атриды».
Чужды сомнѣнья, не зная всего вѣроломства пелазговъ,
Мы, любопытствомъ горя, вопрошать продолжаемъ Синона.
Снова началъ онъ робкую рѣчь съ лицемѣрнымъ смиреньемъ:
«Долгой осадой наскучивъ, безплодной войной утомленны,
«Греки не разъ отъ упорныя Трои бѣжать замышляли.
«О! почто сего не свершилось? Но бури отъ моря
«Часто имъ путь заграждали, и южный вѣтеръ страшилъ ихъ.
«Съ той же поры, какъ построенъ былъ конь сей изъ брусьевъ сосновыхъ,
«Грозы съ небесъ не сходили и ливень шумѣлъ непрестанно.
«Въ трепетѣ мы Эрифила узнать, что велитъ намъ оракулъ,
«Въ Дельфы послали—съ ужаснымъ отвѣтомъ онъ возвратился:
«*Греки, плывя къ Иліону, кровію дѣвы закланной*
«*Вѣчныхъ склонили боговъ даровать имъ вѣтеръ попутный:*
«*Крови аргосскаго мужа и нынѣ за вѣтеръ возвратный*
«*Требуетъ небо.* Едва разнеслось прорицанье въ народѣ,
«Всѣ возмутились умы, сердца охладѣли и трепетъ
«Кости проникнулъ. Кому сей жребій? Кто Фебова жертва?
«Съ шумомъ тогда Улиссъ ухищренный Калхаса пророка
«Силой привлекъ предъ народъ, да откроетъ волю безсмертныхъ.
«Многіе тутъ же, зная Улисса, мнѣ предсказали
«Умыселъ злой на меня и ждали въ смятеньи, что будетъ;
«Десять дней прорицатель молчалъ и, таясь, отрекался
«Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
«Но, наконецъ, приневоленъ докучнымъ Улиссовымъ воплемъ,
«Онъ произнесъ... то было мое несчастное имя!
«Всѣ одобрили выборъ, и всякъ, за себя трепетавшій,
«Радъ былъ, что грозное всѣмъ одному обратилось въ погибель.
«День роковой наступалъ; меня ужъ готовили въ жертву!
«Были готовы и соль, и священный пирогъ, и повязка
«Мнѣ ужъ чело украшала... но я (не сокрою) разрушилъ
«Цѣпи, скрылся въ болото и тамъ, въ тростникѣ притаившись,
«Ночью ждалъ, чтобъ они, поднявъ паруса, удалились...
«Нѣтъ теперь мнѣ надежды отчизну древнюю видѣть!
«Вѣчно милыхъ родныхъ и отца желаннаго вѣчно

«Я не увижу! быть можетъ и то, что
ихъ же невинныхъ,
«Мнѣ въ замѣну, за бѣгство мое убійцы
погубятъ...
«О! всевышними, зрящими вѣчную правду
богами,
«О! правотой неизмѣнною—если еще со-
хранилась
«Гдѣ на землѣ правота—молю: яви со-
жалѣнье
«Бѣдному мнѣ, и тронься на мой неза-
служенный жребій!»
Мы, сострадая, скорбѣли надъ нимъ, про-
ливающимъ слезы;
Самъ благодушный Пріамъ повелѣлъ тя-
готящія узы
Съ плѣнника снять и ему съ утѣшитель-
ной ласкою молвилъ:
—Кто бы ты ни былъ, забудь о своихъ не-
пріязненныхъ грекахъ;
Нашъ ты теперь; ободрись и друзьямъ от-
кровенно повѣдай:
Что знаменуетъ громадный сей конь? На
что онъ воздвигнутъ?
Кѣмъ? Приношеніе ль богу какому? Ору-
діе ль брани?—
Такъ Пріамъ вопрошалъ. И полный ковар-
ства пелазговъ
Плѣнникъ, поднявши къ священному небу
свободныя руки:
«Вы, свѣтила небесныя, вы, надзвѣздные
боги,
«Васъ призываю (воскликнулъ), васъ, отъ
которыхъ бѣжалъ я,
«Жертвенный ножъ, алтарь, роковая повяз-
ка! Отнынѣ
«Я навсегда разорвалъ ненавистныя съ гре-
ками узы;
«Греки враги мнѣ; свободно открою троя-
намъ ихъ тайны:
«Чуждый отчизнѣ, я чуждъ навсегда и за-
конамъ отчизны.
«Ты же мнѣ данный обѣтъ сохрани, сохра-
ненная Троя,
«Если тебѣ во спасенье великую истину
молвлю.
«Всѣхъ упованій подпорой, надежной по-
мощницей въ битвахъ
«Грекамъ Паллада была искони; но съ тѣхъ
поръ, какъ преступный
«Сынъ Тидеевъ и съ нимъ Улиссъ, вымы-
шлятель коварныхъ
«Козней, изъ храма Палладіумъ, стражей
высокаго замка
«Смерти предавъ, унесли, и рукой, отъ
убійства кровавой,
«Дѣвственно-чистыхъ богини одеждъ при-
коснуться дерзнули—
«Кончилась наша довѣренность къ ней,
охладѣла надежда,
«Сила упала, отъ насъ отклонилась боги-
ня; и зрѣлись
«Явные знаки гнѣва Тритоны: лишь только
во станѣ
«Былъ утвержденъ похищенный идолъ,
ожившія очи
«Вдругъ ослѣпительнымъ блескомъ за-
жглись, по членамъ соленый
«Потъ проступилъ и трикраты (о страш-
ное чудо!) богиня,
«Прянувъ, воздвигнула щитъ и копьемъ
потрясла, угрожая.
«Намъ устрашеннымъ Калхасъ не медля
совѣтуетъ бѣгство.
«*Троя не пасть отъ аргивскія силы,*—
пророкъ онъ:—*иль снова*
«*Греки должны вопросить оракулъ въ*
Аргосѣ, и моремъ
«*Взятый въ отчизну Палладіумъ вновь*
привести къ Иліону.
«Знайте жъ: теперь, переплывши въ Аргосъ
съ благовѣющимъ вѣтромъ,
«Рать и сопутныхъ боговъ они собираютъ,
чтобъ снова
«Вслѣдъ за Калхасомъ войной на Пергамъ
неожиданной грянуть.
«Въ даръ же богамъ за Палладіумъ, въ
честь оскорбленной Тритоны
«Ими воздвигнутъ сей идолъ, чтобъ ихъ
святотатство загладить;
«Самъ Калхасъ повелѣлъ, чтобъ конь сей
чудовищный созданъ
«Былъ изъ крѣпкихъ досокъ и высился
ростомъ огромнымъ
«Къ небу, дабы не пройти во врата и не
стать въ Иліонѣ

«Грозной защитой народу по древнимъ сказаніямъ предковъ.
«Вѣдай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
«Гибель великая—о! да обрушатъ ее на Калхаса
«Праведны боги!—постигнетъ Пріамовъ престолъ и фригіянъ;
«Если же сами коня возведете во внутренность града,
«Нѣкогда Азія стѣны Пелопсовы сильной оступитъ
«Ратью, и нашихъ потомковъ постигнетъ мстящая гибель».—
Боги! боги! притворнымъ рѣчамъ вѣроломца Синона
Жадно повѣрили мы... и тѣ, кого ни Тидеевъ
Сынъ, ни Ахиллъ ѳессаліецъ, ни десять лѣтъ непрерывной
Брани, ни тысяча ихъ кораблей покорить не умѣли—
Тѣ единому слову, одной слезѣ покорились.
Тутъ явилось другое неслыханно-страшное чудо
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола приносилъ предъ храмомъ на жертву...
Вдругъ, четой, отъ страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу;
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой покидая,
Вьются хвосты: разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; вспользаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ, и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону, и двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ; на помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
Вдругъ на него и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ ко звѣздамъ онъ подъемлетъ;
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
Быстро вiясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.
Всѣмъ намъ тогда предвѣщательный ужасъ глубоко проникнулъ
Сердце; въ трепетѣ мыслимъ: достойно былъ дерзкій наказанъ
Лаокоонъ, оскорбитель святыни, копьемъ святотатнымъ
Нѣдра пронзившій коню, посвященному чистой Палладѣ.
«Ввесть коня въ Иліонъ! молить о пощадѣ
Весь народъ возопилъ... [Палладу!»
Стѣны поспѣшно пронзаемъ; разломаны града твердыни;
Всѣ на работу бѣгутъ: подъ коня подкативши колеса,
Ставятъ громаду на нихъ и, шею канатомъ опутавъ.
Тянутъ... шатнулось чудовище; воиновъ полное, въ городъ

Медленно движется; юноши вкругъ и безбрачныя дѣвы
Гимны поютъ и тѣснятся, чтобъ вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идетъ, угрожающій, стогнами Трои...
О отчизна! о градъ боговъ Иліонъ! о во брани
Славныя стѣны дарданскія! трижды въ воротахъ громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало желѣзо...
Мы жъ, ослѣпленные, разумъ утративъ, не зримъ и не слышимъ.
Въ замокъ Пергама введенъ, наконецъ, истуканъ бѣдоносный.
Тутъ Кассандра, безъ вѣры внимаема нами, напрасно
Вѣщій языкъ разрѣшила, чтобъ намъ предсказать о грядущемъ;
Мы, слѣпцы, для которыхъ сей день былъ послѣдній, цвѣтами
Храмы боговъ украшали, спокойно по стогнамъ ликуя...
Небо тѣмъ временемъ кругъ совершило, и ночь полетѣла
Съ моря, и землю и твердь и обманъ мирмидонянъ объемля
Тѣнью великой; по граду безпечно разсыпавшись тевкры
Всѣ умолкнули: сонъ обнималъ утомленные члены.
Тою порой отъ береговъ Тенедоса фалангу аргивянъ
Строемъ несли корабли, въ благосклонномъ безлунія мракѣ,
Прямо къ знакомымъ брегамъ; и лишь только надъ царской кормою
Вспыхнуло пламя—судьбою боговъ, намъ враждебныхъ хранимый,
Тихо сосновыя двери замкнутымъ въ громадѣ данаямъ
Отперъ коварный Синонъ: растворившися, грековъ на воздухъ
Конь возвратилъ; спѣшатъ изъ душнаго мрака темницы
Выйти вожди: Стенелъ и Тессандръ и Улиссъ кровожадный,
Смѣло по верви скользя, и за ними Ѳоасъ съ Аѳаманомъ,
Внукъ Пелеевъ Неоптолемъ, Магаонъ, напослѣдокъ
Самъ Менелай и съ нимъ громады создатель Эпеосъ.
Быстро напали на сонный, виномъ обезумленный городъ;
Стража зарѣзана; твердыя сбиты врата, и навстрѣчу
Ждущимъ у входа вождямъ мирмидоняне хлынули въ Трою.
Было то время, когда на усталыхъ сходить начинаетъ
Первый сонъ, боговъ благодать, успокоитель сладкій.
Вдругъ... мнѣ заснувшему видится, будто Гекторъ печальный
Сталъ предо мной, проливая обильно горькія слезы,
Тотъ же, какимъ онъ являлся, конями размыканный, черенъ
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшія ноги.
Горе! такимъ ли видалъ я его? Какъ былъ онъ несходенъ
Съ Гекторомъ прежнимъ, гордо бѣгущимъ въ Ахилловой бронѣ,
Иль запалившимъ фригійскій пожаръ въ корабляхъ супостата!
Всклочена густо брада; отъ крови склеилися кудри;
Тѣло истерзано ранами, нѣкогда вкругъ иліонскихъ
Стѣнъ полученными. Самъ, заливаясь слезами, казалось,
Такъ во снѣ я привѣтствовалъ Гектора жалобной рѣчью:
«О свѣтило Дарданіи! вѣрная Трои надежда!
«Гдѣ такъ долго ты медлилъ? Гекторъ желанный, откуда
«Нынѣ пришелъ ты? О! сколь же ты насъ, по утратѣ толикихъ
«Храбрыхъ друзей, по толикихъ бѣдствіяхъ гражданъ и града,
«Сердцемъ унылыхъ обрѣлъ! И что недостойное свѣтлый
«Образъ твой затемнило? Откуда толикія раны?» —

Онъ ни слова; безплоднымъ вопросамъ онъ не далъ вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздохъ исторгнувъ изъ груди,
Молвилъ: «бѣги, сынъ богини, спасайся; Пергамъ погибаетъ;
«Врагъ во градѣ; падаетъ Троя; Пріаму, отчизнѣ
«Мы отслужили; когда бы отъ смертной руки для Пергама
«Было спасенье—Пергамъ бы спасенъ былъ этой рукою.
«Троя пенатовъ своихъ тебѣ повѣряетъ; прими ихъ
«Въ спутники жизни; для нихъ завоюй обреченныя небомъ
«Стѣны державныя, ихъ же воздвигнешь, исплававши море».
Кончилъ—и вынесъ изъ тайны святилища утварь, повязки,
Вѣчно-пылающій огнь и ликъ всемогущія Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалася гибель.
Болѣ и болѣ—хотя въ сторонѣ, одинокъ и непышенъ,
Домъ Анхиза-родителя сѣнью закрытъ былъ древесной—
Шумъ приближается; явственнѣй слышно волненіе брани.
Я очнулся, и ложе покинулъ; на верхнюю кровлю
Дома взбѣжалъ, и стою, внимательнымъ слушая ухомъ.
Такъ—когда, раздуваемый бурей, свирѣпствуетъ пламень
Въ жатвѣ, иль ливнемъ потокъ наводненный, съ горы загремѣвши,
Губитъ поля и веселыя нивы, и трудъ земледѣльца,
Съ корнями рветъ и уноситъ деревья—съ вершины утеса
Въ смутномъ невѣдѣньи силится къ шуму прислушаться пастырь.
Все мнѣ тогда, и видѣнія тайна, и козни данаевъ
Вдругъ объяснилось. Ужъ домъ Деифобовъ горитъ и огромной
Грудой развалинъ, дымящійся, падаетъ; съ нимъ пламенѣетъ
Укалегоновъ, и заревомъ блещутъ сигейскія воды;
Слышны и крики людей, и звонкой трубы дребезжанье.
Я, какъ безумный, за мечъ... но куда съ мечомъ обратиться?
Рвусь нетерпѣньемъ дружину созвать, чтобъ броситься въ замокъ;
Ярость и бѣшенство душу стремительно мчатъ, и погибнуть
Смертью прекрасной въ бою съ тоскою мучительной жажду.
Вдругъ явился Панѳей, убѣжавшій отъ копій ахейскихъ,
Старецъ Панѳей, Отріадъ и въ замкѣ жрецъ Аполлоновъ.
Утварь и лики боговъ побѣжденныхъ похитивъ, младого
Внука онъ влекъ за собой и безпамятенъ мчался къ Анхизу.
«Есть ли надежда, Панѳей? Уцѣлѣли ль замка твердыни?»
Я вопросилъ; отчаяннымъ стономъ отвѣтствовалъ старецъ:
«День послѣдній насталъ, неизбѣжное время настало
«Царству; мы были трояне, былъ Иліонъ, и великой
«Тевкріи слава была... на аргивянъ жестокій Юпитеръ
«Все перенесъ; господствуютъ греки въ пылающемъ градѣ,
«Гибельно высясь надъ площадью замка, ратниковъ сонмы
«Конь извергаетъ; Синонъ, торжествуя, пожарное пламя
«Тщится усилить; тамъ непрестанно двумя воротами
«Войска безчисленны входятъ, какихъ не видали Микены;
«Здѣсь, захвативши тѣсные выходы, сильная стража
«Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещетъ
«Ихъ остріе; безнадежно, разстроенной, слабой дружиной

«Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться».
Страшною вѣстью Панѳея и силой безсмертныхъ влекомый,
Я побѣжалъ, куда призывали Эриннисъ и шумный
Говоръ сраженья, и пламень, и стонъ, ко звѣздамъ восходящій.
Слѣдомъ со мною Рифей и зрѣлый мужествомъ Ифитъ;
Къ намъ пристали при блескѣ пожара Димантъ съ Гипанисомъ,
Къ намъ и Хоревъ Мигдонидъ, въ Иліонъ приведенный судьбою
За день предъ тѣмъ, горящій безумной къ Кассандрѣ любовью,
Съ вѣрною помощью къ тестю Пріаму и Троѣ... несчастный!
Купно съ другими вѣщимъ рѣчамъ вдохновенной невѣсты
Онъ не повѣрилъ...
Я же, ихъ видя рѣшительныхъ, жаждущихъ боя, воскликнулъ:
«Юные други! сердца, толь напрасно безстрашныя нынѣ!
«Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы
«Силы послѣдней (что же фортуна рѣшила, вы зрите:
«Наши святилища бросили, наши покинули храмы
«Боги, хранители Трои; святый Иліонъ исчезаетъ
«Дымомъ), на смерть побѣжимъ, ударимъ въ средину оружій;
«Други! спасенья не ждать—одно побѣжденнымъ спасенье».
Вспыхнула бодрая младость. Подобно какъ въ темномъ туманѣ
Рыщутъ, почуя добычу, гонимые бѣшенствомъ глада,
Хищные волки, и, пасти засохшія жадно разинувъ,
Ихъ волчата ждутъ въ логовищахъ: сквозь копья и сонмы
Такъ на погибель ударились мы, пролагая въ средину
Города путь, облетаемы ночи огромною тѣнью.
Ночь несказанная; гдѣ слова для ея разрушеній?
Кто и какими слезами такую погибель оплачетъ?
Падаетъ древній градъ, многолѣтній властитель народовъ;
Всюду разбросаны трупы; лежатъ неподвижно во прахѣ
Улицъ, на прагахъ домовъ, при дверяхъ, во святилищахъ храмовъ,
Но не одну безотпорную смерть принимаетъ троянецъ,
Часто горитъ въ побѣжденномъ привычная бодрость, и гибнетъ
Грекъ-побѣдитель... Вездѣ, отовсюду являются взору
Ужасъ и бой, и кровавая смерть въ неисчисленныхъ видахъ.
Первый изъ грековъ, дружиною встрѣченный нашей на стогнахъ,
Былъ Андрогей; въ обманчивомъ сумракѣ ночи пріемля
Насъ за данаевъ союзныхъ, онъ такъ дружелюбно воскликнулъ:
«Братья, спѣшите; гдѣ же такъ долго васъ задержала
«Праздная лѣнь? Давно расхищаютъ горящую Трою
«Греки; а вы едва съ кораблями разстаться успѣли».
Такъ онъ сказалъ; но, узрѣвъ безотвѣтную нашу суровость,
Вмигъ догадался, кто передъ нимъ, отскочилъ и умолкнулъ,
Скованный страхомъ. Какъ путникъ, змѣю разбудившій ногою,
Трепетенъ рвется назадъ, узрѣвъ, какъ она, развернувшись,
Гнѣвъ воздымаетъ и свищетъ, поднявъ чешуи голубыя:
Такъ, задрожавши, отъ насъ побѣжалъ Андрогей... но напрасно!
Мы за нимъ; разорвали ихъ строй; и не вѣдая града,
Вдругъ осажденные страхомъ, внезапностью, ночью и нами,
Всѣ до единаго пали враги. Улыбнулась фортуна

Первому нашему бою. Хоревъ, воспаленный удачей,
«Други!—воскликнулъ,—отважимся ввѣриться первому счастью;
«Намъ благосклонно судьба указуетъ нашъ путь; облачимся
«Въ брони данаевъ, щиты перемѣнимъ; обманомъ иль силой—
«Все равно для врага. И нынѣ оружіе сами
«Греки троянамъ дадутъ». Сказалъ и надѣлъ Андрогеевъ
Гривистый шлемъ, завоеванный щитъ надвинулъ на шуйцу,
Греческій мечъ утвердилъ на бедрѣ. Ему подражая,
Бодро Димантъ и Рифей, и вся молодая дружина
Свѣжей добычей оружій себя ополчили. Въ средину
Грековъ бѣжимъ... но боги отчизны были не съ нами.
Подвиговъ много, врагами не узнаны, въ сумракѣ ночи
Мы совершили, много данаевъ низринуто въ Оркусъ.
Въ страхѣ одни къ кораблямъ, къ безопасному берегу моря
Мчатся изъ града; иныхъ загоняетъ постыдная робость
Въ нѣдра коня, и пріемлетъ ихъ снова знакомое чрево.
Но... богамъ отвратившимся, поздно ввѣряться надеждѣ!
Вдругъ изъ храма Паллады влекутъ за власы распущенны,
Вырвавъ ее изъ святилища, дочь Пріама Кассандру,
Къ темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи—
Очи одни, окованы были невинныя руки;
Страшнаго вида сего не стерпѣло сердце Хорева;
Онъ, обезумленный, прямо въ средину толпы ихъ, и сдвинувъ
Груди и копья, мы дружно за нимъ; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипѣлъ: трояне, обмануты видомъ
Нашихъ греческихъ латъ и сверканіемъ шлемовъ косматыхъ,
Съ кровли высокаго храма пустили въ насъ тучею стрѣлы;
Стонъ пораженныхъ намъ измѣнилъ; на Кассандрины вопли
Бросился врагъ; мы всѣ опрокинуты; съ бурнымъ Аяксомъ
Оба явились Атрида—за ними толпами данаи.
Такъ, подымаясь крутящимся вихремъ, сшибаются вѣтры
Нотъ и Зефиръ и на легкихъ несомый коняхъ отъ востока
Эвръ, и бушуютъ лѣса, и Нерей опѣненнымъ трезубцемъ
Бьетъ по водамъ, и до самаго дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мракомъ ночнымъ и по граду
Нашей дружиной разсѣянны, вышли изъ тайныхъ убѣжищъ,
Первые насъ по щитамъ и обманчивымъ бронямъ узнали,
Вслушались въ наши слова и чужіе замѣтили звуки.
Множество насъ задавило: первый мечомъ Пенелея
Палъ Хоревъ предъ святымъ алтаремъ броненосной Паллады;
Палъ и Рифей, изъ троянъ непорочнѣйшій, правды блюститель
(Иначе боги судили о немъ); Димантъ съ Гипанисомъ
Пали отъ копій троянскихъ; ни Фебова риза, ни святость
Чистыя жизни тебя не спасли, о Панѳей благодушный.
Прахъ Иліона, всѣ блага мои поглотившее пламя,
Васъ призываю! вы зрѣли, что я не чуждался ни копій
Вражьихъ, ни силы врага; и когда бы назначилъ мнѣ жребій
Пасть — я паденье свое заслужилъ. Но изъ битвы (за мною
Ифитъ одинъ съ Пеліасомъ, Ифитъ, уже отягченный

Дряхлостью лѣтъ, Пеліасъ, умирающій, раненъ Улиссомъ)
Я устремился на стонъ, огласившій чертоги Пріама.
Тамъ всѣ ужасы брани стеклися: какъ будто во градѣ
Не было битвы иной и нигдѣ никого не не разили—
Такъ свирѣпствовалъ Марсъ, такъ бѣшено греки рвалися
Въ замокъ и, сдвинувъ щиты черепахой, на входъ напирали.
Множествомъ лѣстницъ унизаны стѣны; вверхъ по ступенямъ
Лѣзутъ данаи, шуйцей щиты надъ главами подъ копья
Наши подставивъ, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпоръ, разоряютъ и башни, и домы,
Вмѣсто оружій сбираютъ обломки съ намѣреньемъ грознымъ
Въ битвѣ отчаянной ими врага раздавить, погибая;
Съ шумомъ державнаго дома царей позлащенны убранства
Падаютъ; мечъ обнаживши, другіе, у вратъ осажденныхъ
Тѣсной дружиной столпясь, ограждаютъ святилище прага.
Взорванный гнѣвомъ, стремлюсь на защиту Пріамова дома,
Ратныхъ усилить и бодраго духа придать побѣжденнымъ.
Были сокрытыя двери въ стѣнѣ высокаго замка,
Ходъ потаенный изъ внѣшняго града въ царево жилище;
Часто, во дни благоденствія Трои, ко свекру Пріаму
Онымъ путемъ Андромаха несчастная тайно ходила:
Взоръ престарѣлаго дѣда порадовать внукомъ цвѣтущимъ.
Онымъ путемъ пробираюсь къ тому возвышенью, откуда
Тщетно послѣднія стрѣлы на грековъ бросали трояне.
Тамъ воздымалась стремнистая башня, весь градъ перевыся;
Съ кровли ея неприступной видимы были вся Троя,
Всѣ корабли мирмидонянъ, весь греческій станъ отдаленный.
Тамъ, гдѣ она со стѣны висѣла громадою всею
Грозно надъ градомъ, какъ туча, мы острымъ желѣзомъ подрыли
Сплочены камни и двинули башню... гремя и дымяся
Вдругъ она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на грековъ; погибшихъ смѣнили другіе, и градомъ
Стрѣлы, копья и камни опять полетѣли.
Всѣхъ опредя, напиралъ на преддверіе Пирръ бѣдоносный,
Грозенъ, какъ пламенный, мѣдной броней и стрѣлами сіяя.
Такъ на солнцѣ змѣя, напитавшися ядомъ растеній,
Долго лежавъ неподвижно подъ тягостнымъ холодомъ снѣга,
Вдругъ, чешуи обновивъ, расправляетъ красы молодыя,
Скользкій волнуетъ хребетъ, золотистую грудь надуваетъ,
Вьется въ лучахъ и жаломъ тройнымъ, разыгравшися, блещетъ.
Съ нимъ великанъ Перифрасъ и правитель Ахилловыхъ коней
Оруженосецъ Автомедонъ и дружина скиріянъ
Шумно къ чертогамъ тѣснятся и пламень бросаютъ на кровли.
Самъ же, у всѣхъ впереди, онъ огромной, двуострой сѣкирой
Рушитъ затворы, съ притолокъ тяжкихъ, окованныхъ мѣдью,
Петли сбиваетъ, брусья дробитъ и плотныя доски
Вдругъ прорубилъ—широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренній дворъ, и ряды переходовъ.
Видима древняя храмина прежнихъ царей и Пріама,

Видимы въ сѣняхъ и стражи, хранители
царскаго прага.
Въ самомъ же домѣ и жалобный крикъ,
и шумъ, и волненье;
Звонкіе своды чертоговъ наполнивъ пронзительнымъ стономъ,
Жены рыдаютъ; къ звѣздамъ подымаетъ
отчаянье голосъ.
Блѣдныя матери, бѣгая въ мутномъ
безуміи страха,
Праги объемлютъ дверей и къ нимъ прилипаютъ устами.
Вдругъ вторгается Пирръ, какъ отецъ,
неизбѣжно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таранъ стѣнобойный
Сшибъ ворота; расколовшись, огромные
рухнули створы;
Силѣ прочистился путь, и въ проломъ,
опрокинувъ передних,
Ринулся грекъ, и врагами обители всѣ
закипѣли.
Менѣе грозенъ, плотину прорвавъ и разрушивши стѣну,
Съ ревомъ и съ пѣной стремится потокъ
изъ береговъ и, равнину
Шумнымъ разливомъ окрестъ потопивъ,
стада и заграды
Мчитъ по полямъ. Я видѣлъ убійствомъ
яримаго Пирра;
Видѣлъ обоихъ Атридовъ, дымящихся
кровью въ обители царской;
Видѣлъ Гекубу и сто невѣстокъ ея, и
Пріама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь
обагрившихъ.
Вдругъ пятьдесятъ сыновнихъ брачныхъ
чертоговъ, надежда
Столькихъ внуковъ, и стѣны, добычъ
многочисленныхъ златомъ
Гордыя, пали—пожаромъ забытое схвачено грекомъ.
Знать пожелаешь, быть можетъ, царица,
что было съ Пріамомъ.
Видя паденіе града, видя пылающій замокъ,
Видя врага, захватившаго внутренность
царскаго дома,
Старецъ давно позабытую броню на хилыя плечи,
Сгорбленный тягостью лѣтъ, чрезъ силу
надѣлъ, безполезный
Мечъ опоясалъ и въ сонмы враговъ пошелъ на погибель.
Въ самой срединѣ царскихъ чертоговъ,
подъ небомъ открытымъ
Былъ великій алтарь; надъ нимъ многолѣтняго лавра
Сѣнь наклонялась и лики домашнихъ
боговъ обнимала.
Тамъ съ дочерями сидѣла Гекуба. Напрасно.—Укрывшись
Робко подъ жертвенникъ, словно какъ
стая пугливая горлицъ
Въ грозу подъ вѣтви—кумиры безсмертныхъ онѣ обнимали.
Вдругъ царица одѣтаго бронею младости
бранной
Видитъ Пріама. «Куда ты, бѣдный супругъ (возгласила)?
«Что ополчило тебя? Къ чему безразсудная бодрость?
«Нынѣ такая ли помощь, такой ли защитникъ Пергаму
«Нужны? Пергама не спасъ бы теперь и
великій мой Гекторъ.
«Съ нами останься, Пріамъ; алтарь защититъ насъ,
«Или умремъ неразлучны». Сказала и,
руку супругу
Давши, старца съ собой посадила на мѣстѣ священномъ.
Вдругъ, изъ убійственныхъ Пирровыхъ
рукъ убѣжавшій Политосъ,
Сынъ послѣдній Пріама, сквозь копья,
сквозь сонмища вражьи,
Вдоль переходовъ, пустыми чертогами раненый мчится;
Быстро за нимъ сверкающій Пирръ съ
неизбѣжнымъ убійствомъ
Гонится... близко; нагналъ, достигнулъ
желѣзомъ; пронзенный
Къ лону родителей кинулся юноша въ
страхѣ, предъ ними
Палъ, содрогнулся... и жизнь пролилася
потоками крови.
Тутъ закипѣло Пріамово сердце. Самъ
погибая,

Онъ не стерпѣлъ толь великаго горя и гнѣвно воскликнулъ:
«О, чудовище! Боги тебѣ, святотатный убійца,
«Боги—если живетъ въ небесахъ правосудная жалость—
«Мзду ниспошлютъ; по заслугѣ получишь награду, губитель,
«Ты, предо мной моего растерзавшій послѣдняго сына!
«То ли Ахиллъ, отъ тебя названьемъ отца поносимый,
«Сдѣлалъ съ Пріамомъ врагомъ? Онъ, краснѣя, почтилъ униженье
«Старца молящаго; далъ схоронить мнѣ бездушное тѣло
«Гектора сына и въ Трою меня отпустилъ безобидно».
Такъ онъ сказалъ и копье безсильное слабой рукою
Бросилъ; оно, ударяся въ мѣдь, зазвенѣвшую глухо,
Тронуло выгибъ щита и на немъ безъ движенья повисло.
Яростно Пирръ возопилъ: «иди же съ поносной отсюда
«Вѣстью къ Пелиду отцу; не забудь о безславныхъ дѣяньяхъ
«Пирра повѣдать ему; теперь же умри».
Безпощадно
Онъ передъ жертвенникъ дрогнувшій старца повлекъ; сѣдинами
Шуйцу, облитую кровью сыновней, опуталъ, десницей
Мечъ замахнулъ и въ ребра до самой вонзилъ рукояти.
Такъ совершилася участь Пріама; такъ онъ покинулъ
Землю, зрѣвши добычей пожара Пергамъ и паденье
Трои, нѣкогда сильный властитель народовъ, державный
Азіи царь... и великое тѣло на брегѣ пустынномъ
Нынѣ безъ чести лежитъ, обезглавлено, трупъ безымянный.
Тутъ впервые мнѣ ужасъ предчувствія душу проникнулъ:
Я обомлѣлъ; я о миломъ старцѣ родителѣ вспомнилъ,
Видя, какъ дряхлый ровесникъ его подъ рукой безпощадной
Царь издыхалъ; я вспомнилъ о сирой Креузѣ, о домѣ,
Преданномъ греку во власть, о судьбинѣ младенца Іула.
Взоръ обращаю: нѣтъ ли со мною сподвижниковъ ратныхъ?
Всѣ исчезли; одни, утомленные битвою, съ башни
Прянули въ городъ; другіе отчаянно кинулись въ пламень;
Я одинъ уцѣлѣлъ. И вдругъ въ преддверіи храма
Весты, робко-безмолвную, скрытую въ темномъ притворѣ,
Вижу Тиндарову дочь: при заревѣ яркомъ пожара
Свѣтлымъ путемъ я бѣжалъ, все оку являлося яснымъ.
Тамъ, опасаясь троянъ, раздраженныхъ паденьемъ Пергама,
Злобы данаевъ и мести супруга, отчизну и Трою
Купно губящая Фурія, жертвенникъ Весты объемля,
Въ храмѣ, богамъ ненавистная, тайно сидѣла Елена.
Вспыхнуло сердце во мнѣ; отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнѣвъ; истребить истребленья виновницу жажду.
Ей ненаказанной Спарту узрѣть! въ . въ родныя Микины
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидѣть супруга,
Домъ родительскій, чадъ, окруженной прискорбной толпою
Дѣвъ иліонскихъ и плѣнныхъ троянъ!..
А Пріамъ ужъ зарѣзанъ,
Троя горитъ и Дарданія цѣлая кровью дымится!
Нѣтъ! того не стерплю! пускай не великая слава
Женоубійцѣ, пускай для него безпохвальна побѣда—

Свѣтъ отъ чудовища должно очистить; кровавою местью
Сердце свое утолю и непелъ моихъ успокою.
Такъ я, себя раздражая, злобой кипящій, стремился.
Вдругъ передъ очи мои, откровенная, мракъ осіявши
Яркимъ блистаньемъ, великой богиней, какою лишь небо
Знаетъ ее, предстала мать и, меня удержавши,
Молвила такъ мнѣ устами, живыми, какъ юная роза:
«Сынъ, для чего необузданной скорбію гнѣвъ пробуждаешь?
«Что за безумство? Ужели оставилъ о насъ попеченье?
«Прежде помысли о томъ, гдѣ покинутъ тобою родитель,
«Дряхлый Анхизъ, не погибли ль супруга Креуза и юный
«Сынъ твой Асканій? Кругомъ ихъ обители бѣшено рыщетъ
«Грекъ, и давно бы, когда бъ не моя берегла ихъ защита,
«Ихъ истребило желѣзо и пламень враждебный похитилъ!..
«Нѣтъ! не Парисъ, похититель преступный, не образъ Спартанки,
«Низкой Тиндаровой дочери—боги, разгнѣванны боги
«Вашъ опрокинули градъ и сразили величіе Трои.
«Зри—я всякое облако, нынѣ темнящее слабый
«Смертнаго взоръ и облекшее все предъ тобою туманнымъ
«Мракомъ, подъемлю—но только моимъ повелѣніямъ смѣло,
«Сынъ, покорись и безспорно мои поученья исполни.
«Тамъ, гдѣ видишь разбросанны груды, утесъ на утесѣ,
«Гдѣ подымается черное облако праха и дыма,
«Тамъ Посидонъ великимъ его потрясеннымъ трезубцемъ
«Стѣны дробитъ, и, подрывъ основанья, весь городъ въ обломки
«Рушитъ; здѣсь безпощадная Ира, на скейскихъ воротахъ
«Грозно воздвигшись, союзную рать съ кораблей къ Иліону,
«Броней звучащая, кличетъ...
«Тамъ—оглянися—на замкѣ, надъ градомъ, Тритона-Паллада
«Сѣла, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.
«Самъ Вседержитель и бодрость и бранную силу низводитъ
«Свыше на грековъ и самъ на Дарданъ подымаетъ все небо.
«Нѣтъ упованія, сынъ; бѣги, не упорствуй сражаться;
«Буду съ тобой; невредимо достигнешь родительской сѣни».
Такъ сказала и скрылась въ глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мнѣ предстали, разящія Трою
Силы великихъ боговъ я увидѣлъ...
Тутъ открылось, какъ, страшно разрушенъ, въ огнѣ распадался
Весь Иліонъ, и въ обломки валилась Нептунова Троя.
Такъ на густой прародительскій ясень, горы украшенье,
Корни кругомъ подрубивъ, дровосѣки, столпясь, нападаютъ;
Споря проворствомъ, разятъ топоры; благородное древо
Зыблется, сѣнью шумитъ, волосистой главою трепещетъ,
Мало-по-малу подъ ранами клонится... вдругъ, изнемогши,
Стонетъ и падаетъ, всю заваливъ разрушеніемъ гору...
Я удаляюсь, хранимъ божествомъ; иду черезъ пламень,
Мимо враговъ: раздвигаются копья, огонь уступаетъ.
Къ древней обители, къ прагу священной родительской сѣни
Скоро достигъ я, и первой заботой въ защитное мѣсто,
На гору старца отца перенесть. Приближаюсь къ Анхизу—

Трою свою пережить и себя осудить на изгнанье
Старецъ отрекся. «Вы, сохранившіе бодрую младость,
«Вы, нелишенные мужеской силы годами, спѣшите
«Бѣгствомъ спасаться, сказалъ онъ.
«Если бъ державные боги конецъ мой отсрочить хотѣли—
«Мнѣ бы они сохранили мой домъ. Но слишкомъ довольно
«Зрѣть и однажды погибель своихъ и сожженіе града.
«Съ миромъ идите, почтивши мое полумертвое тѣло
«Словомъ прощальнымъ; смерть я самъ обрѣту, иль, жалѣя,
«Врагъ умертвитъ старика. Не страшна погребенья утрата;
«Слишкомъ долго, противный богамъ, на землѣ я промедлилъ,
«Чуждый землѣ, съ тѣхъ поръ, какъ безсмертныхъ и смертныхъ владыка
«Вѣяньемъ молній своихъ и громомъ ко мнѣ прикоснулся».
Такъ говорилъ мой родитель, въ жестокомъ намѣреньи твердый.
Мы же въ слезахъ — и я, и Креуза, и юный Асканій
Сынъ мой, и съ нами домашніе—молимъ, чтобъ вмѣстѣ съ собою
Онъ, отецъ, семьи не губилъ и въ бѣду не ввергался...
Тщетны моленья; покинуть свой домъ непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущій смерти.
Что иное мнѣ оставалось? Какая надежда?
«Какъ, родитель, чтобъ я убѣжалъ, объ отцѣ позабывши,
«Требовалъ ты! изъ родительскихъ устъ толь обидное слово!
«Если назначили боги, чтобъ не было Трои великой,
«Если тобой рѣшено истребить съ истребляемымъ градомъ
«Насъ и себя—для погибели нашей двери отверзты:
«Скоро Пріамовой кровью дымящійся Пирръ, умертвивши
«Сына предъ взоромъ отца и отца предъ святыней пенатовъ,
«Явится здѣсь! Для того ли сквозь бой и пожаръ, о богиня,
«Я проведенъ, чтобъ, врага допустивъ во святилище дома,
«Видѣть, какъ сынъ мой Асканій, и дряхлый отецъ, и Креуза,
«Кровью другъ друга обливъ, предо мною истерзаны будутъ?
«Дайте оружія, воины; время пришло роковое;
«Грекамъ меня возвратите; отвѣдаемъ силы послѣдней;
«Въ бой, друзья! мы не всѣ неотмщенные нынѣ погибнемъ».
Мечъ опоясавъ и щитъ свой надвинувъ на шуйцу, изъ дома
Выйти спѣшу; но Креуза, упавъ со слезами на прагѣ,
Ноги мои обняла, и, сына младенца подъемля
Къ лону отца, возопила: «если себя на погибель
«Ты осудилъ—да погибнемъ съ тобою и мы неразлучно!
«Если жъ осталось тебѣ упованье на мечъ и на силу—
«Прежде свой домъ защити; здѣсь младенецъ Іулъ; здѣсь отецъ твой;
«Здѣсь Креуза... ее называлъ ты донынѣ своею».
Такъ вопіяла супруга, стенаньемъ весь домъ оглашая.
Тутъ несказанное въ нашихъ очахъ совершилося чудо:
Сына Іула съ печалью родительской мы обнимали—
Вдругъ надъ его головою сверкнуло эѳирное пламя,
Въ кудри власовъ, не палящее, вѣяньемъ тихимъ влетѣло,
Пыхнуло ярко, и вкругъ головы обвилося блистаньемъ.
Въ трепетѣ страха мы отряхаемъ горящіе кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.

Чуда свидѣтель, Анхизъ, оживленныя радостью очи
Къ небу возвелъ и, дрожащія длани подъемля, воскликнулъ:
«О Вседержитель Зевесъ! когда ты молитвамъ доступенъ,
«Призри на насъ, о единомъ молящихъ: если достойны,
«Будь намъ защитой, отецъ, и знаменью дай подтвержденье».
Только промолвилъ Анхизъ—помутилося небо, и страшно
Грянуло влѣвѣ; и быстро упадшая съ темныя тверди,
Мракъ лучезарной разсѣкши браздой, звѣзда побѣжала...
Видѣли мы, какъ она, разразившись надъ нашею кровлей,
Свѣтлая, вдаль покатилась и, путь нашъ означивъ блистаньемъ,
Пала за Идою въ рощу... долго, протянутъ вдоль неба,
Слѣдъ пламенѣлъ и запахомъ сѣрнымъ дымилась окрестность.
Тутъ побѣжденный старецъ родитель подъемлется съ ложа,
Молитъ боговъ и творитъ поклоненье звѣздѣ путеводной.
«Все рѣшено! — возгласилъ онъ — Боги отчизны, ведите;
«Съ вѣрой иду; сохраните и домъ мой и внука; то ваше
«Знаменье было и въ вашемъ могуществѣ есть еще Троя;
«Вамъ покоряюсь; мой сынъ, предводи; за тобою отецъ твой».
Такъ онъ сказалъ... и уже приближался къ обители нашей
Съ трескомъ пожаръ и шумящаго пламени зной опалялъ насъ.
«Время, родитель; на плечи сыновнія сядь (возгласилъ я),
«Дай мнѣ мои подклонить рамена подъ священное бремя.
«Что бы ни встрѣтило насъ на пути — одно намъ спасенье,
«Гибель одна; перестанемъ же медлить; младенецъ Асканій
«Рядомъ со мною пойдетъ; въ отдаленьи за нами Креуза.
«Вы же, служители дома, замѣтьте, что вамъ повелю я:
«Есть при исходѣ изъ града холмъ, и на холмѣ Цереринъ
«Древле покинутый храмъ; передъ нимъ кипарисъ престарѣлый,
«Съ давнихъ временъ сохраненный почтеніемъ набожныхъ предковъ.
«Тамъ во единое мѣсто изъ разныхъ сторонъ соберитесь.
«Лики пепатовъ и утварь тебѣ повѣряю, родитель;
«Я же, пришедшій изъ битвы, рукою кровавой не смѣю
«Къ нимъ прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньемъ
«Свѣжія влаги»...
Съ сими словами, широкія плечи склоня, и на выю
Сверхъ одѣянья накинувъ косматую львиную кожу,
Старца подъемлю; идемъ; Асканій, мою обхвативши
Крѣпко десницу, бѣжитъ, торопяся шагами неровными съ боку;
Слѣдомъ Креуза; идемъ, пробираяся мглою по стогнамъ:
Я же, дотолѣ безстрашнымъ окомъ смотрѣвшій на тучи
Стрѣлъ и отважно встрѣчавшій дружины враждебныя грековъ,
Тутъ, при малѣйшемъ звукѣ блѣднѣлъ, при шорохѣ каждомъ
Медлилъ, робѣя за спутника, въ страхѣ за милую ношу.
И уже достигалъ я воротъ, и мнилъ, что опасный
Путь совершился... вдругъ невдали голоса раздалися,
Что-то мелькнуло, послышался топотъ. Пристально въ сумракъ
Смотритъ Анхизъ: мой сынъ, мой сынъ, бѣги! возопилъ онъ.
Идутъ! сверкаютъ щиты! оружіе мѣдное блещетъ!..
Кто изъяснитъ? Божество ли какое враждебною силой

Умъ мой смутило... но, въ сторону бросясь, чтобъ мнимой
Встрѣчи избѣгнуть, далекимъ обходомъ я
вышелъ изъ града;
Боги! Креуза исчезла; во тьмѣ ль, ослѣпленная рокомъ,
Сбилась съ дороги, иль гдѣ отдохнуть,
утомленная, сѣла—
Я не знаю; съ тѣхъ поръ мы нигдѣ ужъ
ея не встрѣчали.
Только тогда я утрату, опомнясь, замѣтилъ, когда мы
Холма святого и древняго храма Цереры
достигли.
Тамъ собрались мы, убогій остатокъ Троянъ—а Креузы
Не было, къ горю сопутниковъ, сына,
отца и супруга.
О! кого изъ людей и боговъ я не клялъ,
изступленный!
Было ли что для меня и въ паденьи Пергама ужаснѣй?
Сына Іула съ Анхизомъ отцомъ и съ пенатами Трои
Спутникамъ ввѣривъ, въ излучинѣ дола
велю имъ укрыться;
Самъ же, блестящей одѣтый броней, возвращаюся въ Трою.
Вновь рѣшено боевые труды испытать,
по горящимъ
Стогнамъ Пергама промчаться и грудь подъ
удары подставить.
Къ темному прагу воротъ, чрезъ который
мы вышли изъ града,
Прежде спѣшу, чтобы снова по свѣжему
нашему слѣду
Трою пройдя, замѣчательнымъ окомъ всмотрѣться въ примѣты:
Всюду ужасъ! даже молчаніе въ трепетъ
приводитъ!
Къ дому Анхиза — не тамъ ли она, не
туда ли ей случай
Путь указалъ — я бѣгу: но данаи ужъ
грабили домъ нашъ;
Все ниспровергнуто; съ воплями врагъ по
обители рыскалъ;
Пламень пожара уже прошибалъ изъ-подъ
верхнія кровли;
Вихремъ взвивалися, искры и въ воздухѣ
страшно гремѣло.
Я обратился къ Пріамову дому, къ высокому замку:
Боги! боги! въ притворѣ пустого Юнонина
храма
Звѣрскій Улиссъ и Феникъ у добычи
стояли на стражѣ:
Тамъ сокровища Трои, богатства сожженыхъ святилищъ,
Чаши златыя, престолы боговъ и убранства и ризы
Въ грудахъ лежали; младенцы и блѣдныя
матери длиннымъ
Строемъ стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнулъ
я во мракѣ
Голосъ возвысить; печальный мой кликъ
раздавался по стогнамъ.
Гдѣ ты, Креуза?—взывалъ я, взывалъ...
но было напрасно.
Въ яростномъ горѣ по грудамъ разрушенныхъ зданій я бѣгалъ.
Вдругъ передъ очи мои появилася призракомъ, легкой
Тѣнью она... и казалась возвышеннѣй
прежняго станомъ.
Я ужаснулся, волосы дыбомъ, голосъ мой
замеръ.
Тихо съ улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
«Тщетной заботѣ почто предаешься, безумно печалясь?
«О Эней, о сладостный другъ, не безъ
воли безсмертныхъ
«Было оно: мнѣ не должно идти за тобой
изъ Пергама;
«То запрещаетъ владыка небесъ, громодержецъ Юпитеръ.
«Долго изгнанникомъ будешь браздить
безпредѣльное море;
«Тамъ въ Гесперіи, гдѣ волны Лидійскаго
Тибра по тучнымъ,
«Людnымъ равнинамъ обильно-медлительнымъ токомъ ліются,
«Свѣтлое счастье и царскій вѣнецъ, и
невѣсту царевну
«Ты обрѣтешь. Не томи жъ по Креузѣ
утраченной сердца;

«Нѣтъ! ни дверей мирмидона, ни пышныхъ чертоговъ долопа
«Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
«Дочь Дарданіи, вѣчной Венеры невѣстка...
«Быть при себѣ мнѣ судила великая матерь безсмертныхъ.
«Ты же прости; поминай о супругѣ любовію къ сыну».
Смолкла и тихо со мной, проливающимъ слезы, разсталась;
Много хотѣлъ я сказать, но она улетѣла; трикраты
Я за летящею тѣнію руки простеръ и трикраты
Легкая тѣнь изъ напрасно-объемлющихъ рукъ ускользнула,
Словно какъ вѣющій воздухъ, словно какъ сонъ мимолетный.
Такъ миновалася ночь; возвращаюсь къ товарищамъ бѣгства;
Много толпою притекшихъ изъ Трои сопутниковъ новыхъ
Тамъ нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкій народъ бѣглецовъ, невозвратно утративъ отчизну,
Съ бѣднымъ остаткомъ сокровищъ, тѣснился тамъ, приготовясь
Вмѣстѣ со мной за морями искать обреченнаго брега.
И уже восходилъ надъ горой свѣтоносный Люциферъ,
Юнаго дня благовѣстникъ, и всѣ ворота Иліона
Заперты были врагомъ... упованье исчезло! судьбинѣ
Я уступилъ и Анхиза понесъ на высокую Иду.

1828, 1829, 1849—1851 гг.

—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛІАДЫ.

—

I. ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій, и воиновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Аида, ихъ трупы оставя на пищу окружнымъ
Птицамъ и псамъ,—такъ свершалася воля Кроніона Зевса—
Съ тѣхъ поръ, какъ сильной враждою разрознены были владыки,
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ богоравный.

Кто изъ безсмертныхъ зажегъ въ ихъ груди толь свирѣпую злобу?
Фебъ, сынъ Латоны и Зевса. Атридомъ прогнѣванный, язву
Онъ ниспослалъ на ахейскую рать, и безчисленно гибли
Люди, понеже былъ жрецъ Аполлоновъ Хризесъ недостойно
Сыномъ Атрея обиженъ. Чтобъ выручить дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши.
Всѣхъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями:

Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахеяне, сила
Вѣчныхъ боговъ Олимпійскихъ да вамъ ниспровергнуть поможетъ
Городъ Пріамовъ и путь вамъ успѣшный устроить въ отчизну;
Вы же отдайте мнѣ дочь, за нее многоцѣнный принявши
Выкупъ и сына Зевесова чтя, стрѣлоноснаго Феба.—

Такъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ и такъ раздраженный примолвилъ:

Если, докучный старикъ, отъ моихъ кораблей крѣпкозданныхъ

Ты не уйдешь во мгновенье, иль снова дерзнешь подойти къ нимъ,
Жезлъ твой и лавръ Аполлоновъ тебя отъ бѣды не избавятъ.
Дочь же твоя изъ неволи не выйдетъ; до старости поздней
Въ домѣ моемъ, въ отдаленномъ Аргосѣ, съ домашними розно,
Будетъ работать она и моею наложницей будетъ.
Но удались и меня не гнѣви: иль домой ты отсюда
Цѣлъ не пойдешь. — Такъ сказалъ онъ; испуганный жрецъ удалился.
Берегомъ моря широкошумящаго молча пошелъ онъ;
Сталъ вдалекѣ отъ судовъ, сокрушенный, и началъ молиться
Фебу царю, свѣтлокудрой Латоной рожденному богу:
Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хризу и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій.
Если тебѣ я когда угодилъ, изукрасивъ священный
Храмъ твой, и жирныя козъ и быковъ предъ тобою сожегши
Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моленье:
Слезы мои отомсти на данаяхъ твоими стрѣлами.—

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Гнѣвный поспѣшно сошелъ Аполлонъ съ высоты Олимпійской,
Тулъ затворенный и лукъ за спиною неся; и ужасно
Стрѣлы гремѣли, стуча о плеча раздраженнаго бога
Въ грозномъ его приближеньи; какъ черная ночь подходилъ онъ.
Сѣвъ на виду кораблей, онъ пустилъ неизбѣжныя стрѣлы;
Страшно серебряный лукъ зазвучалъ, разогнувшись. Сначала
Въ муловъ и вольнобродящихъ собакъ онъ стрѣлялъ, напослѣдокъ
Горькія стрѣлы свои обращать и на ратныхъ данаевъ
Началъ: всечасно безчисленны труповъ костры пламенѣли.
Девять ужъ дней облетала погибель весь станъ, на десятый
Созвалъ Пелидъ Ахиллесъ на собранье все войско ахеянъ.
Мысли его обратила на то свѣтлорукая Ира:
Въ страхѣ богиня была, погибающихъ видя аргивянъ.
Всѣ собрались они, и собраніе сдѣлалось полнымъ.
Первый, поднявшися, такъ имъ сказалъ Ахиллесъ быстроногій:

Видно, Атридъ, намъ придется опять, избраздивши все море,
Въ домы свои возвратиться, ежели только удастся
Смерти кому избѣжать; насъ война и чума совокупно
Губятъ: спросить надлежитъ намъ пророка, жреца, иль какого
Сновъ изъяснителя—сны равномѣрно приходятъ отъ Зевса—
Пусть истолкуетъ онъ, чѣмъ Аполлонъ такъ ужасно прогнѣванъ?
Былъ ли обѣтъ не исполненъ? Принесть ли ему экатомбу
Медлимъ? Иль жертвенный запахъ отборныхъ козловъ и барановъ
Долженъ его усладить, чтобъ отъ насъ отклонилась зараза?—

Кончивъ, онъ сѣлъ. И тогда поднялся птицевѣдатель зоркій,
Старецъ Калхасъ Тесторидъ, изъ вѣщателей самый премудрый:
Вѣдалъ онъ все настоящее; вѣдалъ, что было, что будетъ;
Даръ звѣздознанья пріявъ отъ безсмертнаго сына Латоны,
Онъ управлялъ и судами данаевъ, плывущими въ Трою.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ Ахиллесу:

Вѣдать желаешь, Пелидъ, многославный любимецъ Зевеса,

Чѣмъ раздраженъ далекоопоражающій Фебъ Олимпіецъ:
Истину всю вамъ открою—но ты, Ахиллесъ, поклянися
Мнѣ, что и словомъ, и дѣломъ меня защитишь, поелику
Думаю я, что моимъ оскорбится пророческимъ словомъ
Мужъ, обладатель Аргоса и всѣхъ повелитель ахеянъ.
Сильнаго страшно царя человѣку простому прогнѣвать:
Если сперва и воздержитъ онъ гнѣвъ свой, то памятнымъ сердцемъ
Будетъ досадовать тайно, покуда себя не насытитъ
Мщеньемъ. Размысли же, можешь ли ты даровать мнѣ защиту?—

Вѣщему старцу отвѣтствовалъ такъ Ахиллесъ быстроногій:
Смѣло открой намъ—тебѣ откровенную волю безсмертныхъ;
Я жъ Аполлономъ, любимцемъ Зевеса [ему же, Калхасъ, ты
Молишься, волю боговъ возвѣщая данаямъ], клянуся
Здѣсь, что покуда живу и сіяніемъ дня утѣшаюсь,
Руку поднять на тебя не дерзнетъ ни одинъ изъ данаевъ
Близъ кораблей крѣпкозданныхъ; хотя бы и самъ Агамемнонъ,
Между ахейцами первымъ слывущій, былъ названъ тобою.—
Тутъ, ободренный, сказалъ Ахиллесу Кальхасъ прорицатель:
Богъ раздраженъ не забвеньемъ обѣта, не ждетъ экатомбы;
Онъ за жреца, Агамемноном здѣсь оскорбленнаго, гнѣвенъ;
Гнѣвенъ за то, что не выдали дочери старцу, что выкупъ отвергнутъ;
Вотъ что на насъ навлекло всѣ бѣды и еще навлечетъ ихъ
Много. И Фебъ далекоопоражающихъ рукъ не опуститъ
Прежде, покуда отцу свѣтлоокую дѣву безъ всякой
Платы, безъ выкупа выдавъ, святой не пошлемъ экатомбы
Въ Хризу: иначе ничто не смиритъ раздраженнаго Феба.—
Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся пространнодержавный
Пастырь народовъ Атридъ, повелитель царей, Агамемнонъ,
Гнѣвомъ проникнутый; сердце его преисполнено было
Черною злобой, и очи, какъ яркое пламя, горѣли.
Грозно взглянувъ на Калхаса, воскликнулъ Атридъ Агамемнонъ:
О зловѣщатель! ты добраго мнѣ никогда не пророчилъ;
Сердце твое лишь напасти предсказывать любитъ; ни разу
Словомъ и дѣломъ благимъ отъ тебя я порадованъ не былъ.
Нынѣ въ собраньи ахейскихъ вождей, утверждать ты дерзаешь
Будто за то насъ казнитъ Аполлонъ стрѣлоносецъ, что мною
Былъ отъ отца Хризеиды, невольницы плѣнной, не принятъ
Выкупъ; но я несказанно желаю прекрасную дѣву
Въ домъ свой увезть: мнѣ она и самой Клитемнестры супруги
Стала милѣе, понеже ее превосходитъ высокимъ
Станомъ, лица красотой, и умомъ, и искусствомъ въ работѣ.
Но и ее уступить я согласенъ, когда ужъ такъ должно—
Лучше конечно мнѣ видѣть спасенье, чѣмъ гибель народа.
Только отъ васъ за убытокъ я долженъ имѣть воздаянье.
Мнѣ ль одному безъ возмездія быть? Неприлично, то всѣ вы
Видите сами, что даръ мой почетный былъ мною утраченъ.—
Тутъ, возражая, сказалъ Ахиллесъ богоравный Атриду:
Ты, многосильный Атридъ, ненасытный копитель корыстей,

Какъ же ты требовать можешь подарка себѣ отъ данаевъ?
Развѣ имѣютъ въ запасѣ какое богатство данаи?
Наши добычи изъ всѣхъ городовъ мы давно раздѣлили;
Должно жъ ли все раздѣленное вновь собирать, чтобъ дѣлиться
Снова? Отдай ты теперь Хризеиду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будетъ тебѣ воздаянье, когда намъ
Градъ Иліонъ крѣпкостѣнный Кроніонъ разрушить позволитъ.—

Царь Агамемнонъ, отвѣтствуя, такъ возразилъ Ахиллесу:
Сколь ты ни силенъ, Пелидъ богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вамъ меня провести не удастся.
Или ты думаешь, самъ награжденный богато, что буду
Я терпѣливо сидѣть безъ награды, твоей покорившись
Волѣ? Пускай за утрату мою отдадутъ мнѣ данаи
То, что по мысли моей и достоинства равнаго будетъ.
Иначе, если откажутъ данаи, своею рукою
Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
Данное взять къ вамъ приду, не заботясь о вашей досадѣ.
Но объ этомъ и послѣ есть время подумать, теперь же
Черный корабль на священное море немедленно спустимъ,
Выберемъ сильныхъ гребцовъ и, корабль нагрузивъ экатомбой,
Въ немъ Хризеиду, прекрасную, свѣтлокудрявую дѣву,
Съ миромъ отпустимъ къ отцу,—корабля жъ предводителемъ будетъ
Идоменей, иль Аяксъ, иль герой Одиссей богоравный;
Или ты самъ, Ахиллесъ, межъ ахеянъ ужаснѣйшій, бога,
Злыхъ посылателя стрѣлъ, поспѣши усмирить экатомбой.—

Мрачно взглянувъ на Атрида, сказалъ Ахиллесъ быстроногій:
Ты, облеченный въ безстыдство, копитель богатствъ ненасытный,
Кто изъ ахеянъ исполнить твое повелѣнье захочетъ,
Если пошлешь иль въ сраженье, иль въ трудный походъ за добычей?
Я же сюда съ кораблями пришелъ не троянъ копьеносныхъ
Въ битвѣ губить: мнѣ отъ нихъ никакой не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной
Фтіи моей не топтали: покрытыя тѣнистымъ лѣсомъ
Горы и море пространно-шумящее насъ разлучаютъ.
Здѣсь для тебя мы, чтобъ ты веселился, безстыдный, чтобъ брату
Честь возвратилъ и чтобъ Трою, собачьи глаза ниспровергнулъ,
Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь объ этомъ;
Нынѣ жъ и взять у меня мой участокъ добычи грозишься,
Стоившій мнѣ несказанныхъ трудовъ, мнѣ ахейцами данный.
Здѣсь не бывало такихъ, какъ твои, мнѣ участковъ, когда намъ
Городъ какой многолюдный троянскій разрушить случалось.
Бремя тревогъ утомительно-шумнаго боя лежало
Все на плечахъ у меня, при раздѣлѣ жъ богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебѣ, и довольствуясь малымъ,
Я къ кораблямъ возвращался, трудомъ боевымъ изнуренный.
Нѣтъ, мнѣ пора возвратиться въ мою плодоносную Фтію;
Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же

Здѣсь, оскорбивши меня, ни добычъ, ни
богатства не скопишь.—

Пастырь народовъ Атридъ, возражая, ска-
залъ Ахиллесу:
Хочешь бѣжать ты—бѣги! Умолять ужъ
конечно не буду
Я, чтобъ остался ты здѣсь для меня; здѣсь
найдется довольно
Бодрыхъ вождей для добытія славы; за
насъ и Кроніонъ.
Ты изъ питомцевъ Зевеса царей для меня
ненавистнѣй
Всѣхъ; ты всегдашній заводчикъ раздо-
ровъ, смятеній и брани.
Правда, ты силенъ; но сила даруется намъ
безъ заслуги
Небомъ. Веди же въ отчизну свои корабли
и дружины,
Властвуй спокойно своей плодоносною
Фтіей; ты здѣсь мнѣ
Вовсе не нуженъ; о гнѣвѣ твоемъ не
забочусь; напротивъ
Слушай: когда ужъ беретъ у меня Апол-
лонъ Хризеиду,
Въ собственномъ я кораблѣ и съ своими
людьми не замедлю
Дѣву послать; но за то изъ шатра твоего
Бризеиду,
Даръ твой почетный, своею рукою исторгну,
чтобъ зналъ ты,
Сколь я сильнѣе тебя, чтобъ впередъ и
другіе страшились
Дерзостно мнѣ возражать и со мною
надменно равняться.—
Такъ онъ сказалъ. Закипѣло въ косматой
груди Ахиллеса
Сердце; межъ двухъ волновался онъ, сильно
озлобленный, мыслей:
Острый ли мечъ отъ бедра отхвативъ,
сквозь данаевъ прорваться
Прямо къ Атриду и разомъ его умертвить;
иль кипучій
Гнѣвъ успокоить и руку свою воздержать
отъ убійства.
Тою порою, какъ разсудкомъ и сердцемъ
онъ такъ колебался,
Выхвативъ мечъ изъ ноженъ въ половину,
великій, слетѣла
Съ неба Аѳина Паллада—ее свѣтлорукая
Ира,
Сердцемъ обоихъ любя, за обоихъ трево-
жась, послала;
Ставъ позади Ахиллеса, его за густые
схватила
Кудри богиня, ему лишь открывшись, не-
зримая прочимъ.
Очи назадъ обратилъ, изумясь, Ахиллесъ;
онъ Аѳину
Разомъ узналъ, устрашенный ея пламе-
нѣющимъ окомъ.
Къ ней обратился лицомъ онъ и бросилъ
крылатое слово:

Дочь потрясателя грозной эгиды, зачѣмъ
ты, богиня,
Здѣсь? Любоваться ль пришла самовласт-
нымъ нахальствомъ Атрида?
Я же тебѣ говорю, и тому неминуемо
сбыться:
Жизнію онъ за свою безразсудную гор-
дость заплатитъ.—
Такъ отвѣчала Аѳина богиня лазурныя-очи:
Гнѣвъ успокоить твой, если покоренъ мнѣ
будешь, сошла я
Съ неба—меня свѣтлорукая Ира, тебя и
Атрида
Сердцемъ любя, за обоихъ васъ сердцемъ
тревожась, послала.
Вдвинь же убійственный мечъ свой въ
ножны и спокойся; словами
Можешь съ нимъ ратовать, сколько душа
пожелаетъ. Тебѣ же
Я предскажу, и мое предсказанье испол-
нится вѣрно:
Нѣкогда втрое богатою платой твое оскор-
бленье
Гордый загладитъ; теперь усмирися и будь
намъ покоренъ.—

Такъ, отвѣчая богинѣ, сказалъ Ахиллесъ
быстроногій:
Слово, богиня, уважить твое безъ сомнѣнія
должно,
Сколь бы ни злилась душа; то будетъ
конечно полезнѣй:
Смертный, покорный богамъ, завсегда и
богами внимаемъ.—

Тутъ къ рукояти серебряной крѣпкую руку притиснувъ,
Мечъ свой великій въ ножны онъ, покорствуя слову богини,
Вдвинулъ. Она же на свѣтлый Олимпъ улетѣла, въ жилище
Зевса эгидодержавца, въ собраніе прочихъ безсмертныхъ.

Снова Пелидъ обратился съ ругательной рѣчью къ Атриду.
Такъ онъ ему говорилъ, преисполненный яростнымъ гнѣвомъ:
Пьяница, сердце оленье, собачьи глаза, никогда ты,
Въ панцырь облекшися, воинства въ бой не водилъ, ни однажды,
Съ первыми вмѣстѣ вождями въ засаду засѣвъ, не рѣшился
Выждать врага — ты въ сраженьи лишь смерть неизбѣжную видѣлъ.
Легче конечно, бродя по широкому стану ахеянъ,
Силой добычи у тѣхъ отымать, кто тебѣ прекословитъ;
Царь-душегубецъ, ты видно не смѣлыхъ людей повелитель;
Иначе, думаю, нынѣ въ послѣдній бы разъ такъ обидно
Здѣсь говорилъ. Но послушай меня: я священнымъ клянуся
Этимъ жезломъ, и столь вѣрно, какъ то, что ни листьевъ, ни вѣтвей
Онъ ужъ не пуститъ, покинувъ, отрубленный, гору, и вѣчно
Зеленъ не будетъ — теперь отъ коры и листовъ онъ очищенъ
Острою мѣдью; его скиптроносцы владыки ахеянъ,
Правды блюстители, держатъ въ рукахъ, на землѣ сохраняя
Зевсовъ порядокъ. И нынѣ моей онъ великою клятвой
Будетъ. Наступитъ пора: Ахиллеса ахеяне станутъ
Всѣ призывать. И не будешь ты имъ, сколь ни сѣтуй, защитой
Противъ людей истребителя Гектора, ихъ безпощадно
Въ боѣ толпами губящаго; сердце свое лишь измучишь,
Поздно раскаясь, что лучшаго между ахеянъ обидѣлъ.—

Такъ онъ сказалъ и свой жезлъ, золотыми гвоздями обитый,
Бросивъ на землю, нахмуренный, сѣлъ. Агамемнонъ
Гнѣвно словами его оскорблять продолжалъ. Тутъ поднялся
Звонкоголосный, привѣторѣчивый витязь пилійскій,
Несторъ, котораго рѣчи лилися, какъ медъ благовонный,
Съ сладостныхъ устъ; два колѣна людей говорящихъ, съ нимъ вмѣстѣ
Жившія, кончили жизнь и исчезли; во градѣ священномъ
Пилосѣ царствовалъ онъ ужъ надъ третьимъ людей поколѣньемъ.
Мыслей благихъ преисполненный, такъ онъ сказалъ предъ собраньемъ:
Горе намъ! злая печаль всю ахейскую землю обыметъ,
Будутъ Пріамъ и Пріамовы всѣ сыновья и трояне
Въ сердцѣ своемъ ликовать несказанно, когда къ нимъ достигнетъ
Слухъ о раздорѣ, смутившемъ вождей знаменитѣйшихъ нашихъ,
Первыхъ межъ нами и мудрымъ совѣтомъ и мужествомъ въ битвѣ.
Дайте, о дайте мнѣ васъ образумить! меня вы моложе
Оба; и съ лучшими, нежели вы, современно на свѣтѣ
Жилъ и знавался, и не былъ отъ нихъ за ничто принимаемъ.
Я ужъ не вижу теперь, не увижу и послѣ, подобныхъ
Славнымъ любимцамъ боговъ, Пиріоою, Дріасу, Кенею,
Или Эксадію, или владыкѣ людей Полифему,
Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:
Силою съ ними конечно никто на землѣ не равнялся;
Сами сильнѣйшіе, въ бой и сильнѣйшихъ они вызывали;

Страшныхъ кентавровъ они на горахъ истребили. Въ то время
Я ихъ товарищемъ былъ, къ нимъ пришедъ изъ далекаго града
Пилоса, призванный ими самими, и подвиговъ много,
Ратуя вмѣстѣ, тогда мы свершили; никто бъ изъ живущихъ
Нынѣ людей земнородныхъ не въ силахъ былъ съ ними бороться.
Но и они мой цѣнили совѣтъ, моему покорялись
Слову. И вы покоритесь ему. Намъ покорность полезна.
Плѣнницы ты у него не бери, Агамемнонъ,— ты властенъ
Взять, но ее получилъ онъ отъ рати ахейской въ почетный
Даръ; а тебѣ, благородный Пелидъ, неприлично такъ спорить
Дерзко съ царемъ — ни одинъ на землѣ изъ царей скиптроносныхъ,
Зевсомъ прославленныхъ, не былъ подобною честью украшенъ.
Если, рожденный богиней, ты въ даръ получилъ при рожденьи
Болѣе мужества; выше онъ властью, онъ царь надъ царями.
Ты же, Атридъ, успокойся, и къ просьбѣ моей благосклонно
Слухъ преклони, не враждуй съ Ахиллесомъ: ахеянамъ твердой
Онъ обороною служитъ въ пылу истребительной брани.—

Нестору такъ, возражая, отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
Старецъ! ты правду сказалъ, и разуменъ совѣтъ твой; но этотъ
Гордый всегда передъ всѣми себя одного выставляетъ,
Всѣми господствуетъ, всѣмъ управляетъ, какъ царь самовластный,
Хочетъ для всѣхъ быть закономъ, который никѣмъ здѣсь не признанъ.
Если искусно владѣть онъ копьемъ наученъ отъ безсмертныхъ,
Въ правѣ ль за то раздражать здѣсь людей оскорбительнымъ словомъ?—
Рѣчь перебивши его, отвѣчалъ Ахиллесъ богоравный:
Жалкимъ, достойнымъ презрѣнія трусомъ пусть буду я признанъ,
Если во всемъ, что замыслишь ты, буду тебѣ покоряться.
Властвуй другими и все имъ предписывай, я же
Власти твоей признавать не хочу и тебѣ не поддамся.
Слушай однако и въ сердце свое запиши, что услышишь.
Противъ тебя и другихъ за невольницу рукъ подымать я
Вовсе не думаю; данное вами возьмите обратно;
Но до того, что мое на моихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ,
Я ни тебѣ, ни твоимъ не дозволю дотронуться. Если жъ
Хочешь, отвѣдай—тогда всѣ ахейцы увидятъ, какъ черной
Кровью твоею мое боевое копье обольется.—

Тутъ, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,
Встали и собранныхъ всѣхъ къ кораблямъ распустили ахеянъ.
Къ чернымъ своимъ кораблямъ Ахиллесъ возвратился съ Патрокломъ,
Сыномъ Менетія, съ нимъ и другіе друзья мирмидоны.
Тою порою корабль на соленую влагу, избравши
Двадцать гребцовъ, повелѣлъ Агамемнонъ спустить съ экатомбой,
Фебу назначенной; самъ Хризеиду прекрасно-младую
Взвелъ на корабль, и его Одиссею премудрому ввѣрилъ.
Всѣ собрались мореходцы и въ путь устремилися влажный.
Тутъ повелѣлъ очищаться ахеянамъ царь Агамемнонъ;
Разомъ омывшись, они все нечистое бросили въ море.
Послѣ жъ, дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу

Козъ и быковъ на брегу непріютно-безплодной пучины.
Съ облакомъ дыма взошло къ небесамъ благовоніе жертвы.
Такъ очищалася рать. Той порою Атридъ Агамемнонъ,
Все, чѣмъ грозилъ Ахиллесу, спѣша совершить, Эврибата
Вмѣстѣ съ Талтибомъ, царскихъ глашатаевъ, призвалъ.
Были проворные слуги они; имъ сказалъ Агамемнонъ:
Оба идите въ шатеръ Ахиллеса Пелеева сына;
За руку взявъ Бризеиду, ко мнѣ возвратитесь съ прекрасной
Дѣвой; а если ее не захочетъ онъ выдать, за нею
Самъ я съ другими приду, и тогда огорченье сильнѣе
Будетъ ему.—Такъ сказавъ, ихъ послалъ онъ съ грозящимъ къ Пелиду
Словомъ. Пошедъ неохотно ко брегу безплоднаго моря,
Скоро они къ кораблямъ и шатрамъ мирмидонскимъ достигли.
Близъ корабля и шатра своего Ахиллесъ богоравный
Мрачный сидѣлъ; и не радостно было ему ихъ явленье.
Полные страха глашатаи, въ смутномъ молчаньи,
Оба стояли, къ нему обратить не дерзая вопроса.
Онъ же, ихъ робкимъ смятеньемъ растроганный, кротко сказалъ имъ:

Милости просимъ, глашатаи, воли людей и безсмертныхъ
Вѣстники; смѣло приблизьтесь; виновны не вы—Агамемнонъ.
Взять у меня Бризеиду сюда васъ приславшій, виновенъ.
Другъ, благородный Патроклъ, приведи Бризеиду и выдай
Имъ; пусть за ними послѣдуетъ! Я же въ свидѣтели нынѣ
Васъ предъ судомъ и блаженныхъ боговъ и людей земнородныхъ,
Также равно и предъ нимъ, необузданнымъ, здѣсь призываю:
Если случится, что снова въ бѣдѣ я ахеянамъ буду
Нуженъ... Безумный! онъ самъ на себя и другихъ накликаетъ
Злую бѣду, ни назадъ ни впередъ не глядя, и ахеянъ,
Бьющихся близъ кораблей крѣпкозданныхъ, защиты лишая.—

Такъ говорилъ онъ. Патроклъ благородный, покорствуя другу,
Вывелъ Бризееву дочь изъ шатра и глашатаямъ выдалъ
Милую дѣву. И съ нею къ ахейскимъ шатрамъ возвратились
Оба. За ними жъ она съ отвращеньемъ пошла. И, заплакавъ,
Сѣлъ Ахиллесъ одиноко, вдали отъ друзей, на пустынномъ
Берегѣ моря сѣдого. Смотря на свинцовыя волны,
Руки онъ поднялъ и, милую мать призывая, воскликнулъ:

Милая мать, на недолгую жизнь я рожденъ былъ тобою.
Славу за то даровать обѣщалъ мнѣ высокогремящій
Зевсъ Олимпіецъ. Но что жъ даровалъ онъ? Какая мнѣ слава?
Царь Агамемнонъ, владыка народовъ, меня обезчестилъ,
Взялъ достоянье мое и теперь имъ безстыдно владѣетъ.—
Такъ говорилъ онъ въ слезахъ, и услышала жалобы сына
Мать въ глубинѣ неиспытанной моря, въ жилищѣ Нерея.
Легкимъ туманомъ съ пучины сѣдой поднялася богиня;
Къ сыну, ліющему горькія слезы, приближась, съ нимъ рядомъ
Сѣла она и сказала, ему потрепавши рукою
Щеки: О чемъ же ты плачешь, дитя? Что твою сокрушаетъ
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной подѣлися печалью.—

Такъ ей, вздохнувъ глубоко, отвѣчалъ
Ахиллесъ быстроногій:
Вѣдаешь все ты сама; мнѣ не нужно разсказывать. Въ Ѳивы,
Градъ Этеоновъ священный, ходили мы сильной дружиной;
Градъ истребивъ, мы сюда воротились съ великой добычей;
Все раздѣлили, какъ слѣдуетъ, между собою ахейцы;
Сыну Атрееву даромъ почетнымъ была Хризеида,
Дочь молодая Хризеса жреца Аполлонова. Тяжкимъ
Горемъ крушимый, чтобъ выручить милую дочь изъ неволи,
Съ выкупомъ старецъ богатымъ пришелъ къ кораблямъ крѣпкозданнымъ,
Жреческій жезлъ золотой Аполлоновымъ лавромъ обвивши;
Всѣхъ обходилъ онъ ахеянъ, склоняя сердца ихъ на жалость;
Паче жъ другихъ убѣждалъ двухъ Атридовъ, вождей надъ вождями.
Всѣхъ онъ молилъ; восклицаньемъ всеобщимъ рѣшили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный имъ выкупъ.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отвергъ онъ, жестокое слово примолвивъ.
Жрецъ удалился разгнѣванный; Фебъ, издалека разящій,
Жалобный голосъ имъ многолюбиваго старца услышалъ;
Злую стрѣлу истребленья послалъ онъ, и начали гибнуть
Люди; и, смерть разнося по широкому стану ахеянъ,
Фебовы стрѣлы ужасно летали. Тогда прорицатель,
Вѣдатель воли далекоразящаго бога, открылъ намъ
Гнѣва причину; и первый я подалъ совѣтъ примириться
Съ Фебомъ. Атридъ раздражился; стремительно вставъ, онъ грозилъ мнѣ
Яростнымъ словомъ: и нынѣ его совершилась угроза.
Въ Хризу на быстромъ везутъ кораблѣ Хризеиду, младую
Дѣву, ахейцы съ дарами царю Аполлону. И были
Присланы два ужъ глашатая въ царскій шатеръ мой Атридомъ
Взять Бризеиду, за подвиги данную мнѣ отъ ахеянъ.
Если ты можешь, вступися за честь оскорбленнаго сына,
Милая мать; полети на Олимпъ къ громовержцу, и если
Словомъ иль дѣломъ когда угодила ему, помолися
Нынѣ за сына. Не разъ отъ тебя я въ Пелеевомъ домѣ
Слышалъ, какъ Зевсъ чернооблачный нѣкогда былъ лишь тобою,
Прочимъ богамъ вопреки, отъ бѣды и позора избавленъ:
Противъ него сговорясь, олимпійцы Аѳина-Паллада,
Ира и богъ Посидонъ замышляли связать громоноснца;
Въ помощь къ нему ты, богиня, пришла, и отъ срама избавленъ
Былъ онъ тобой; на Олимпъ привела ты сторукаго—звали
Боги его Бріареемъ, онъ слылъ у людей Эгеономъ.
Грозный титанъ, и отца своего превзошедшій великой
Силою, рядомъ съ Кроніономъ сѣлъ онъ, огромный и гордый;
Имъ устрашенные, боги связать не посмѣли Зевеса.
Нынѣ и ты близъ Кроніона сядь, и рукою колѣно
Тронувъ его, помолись за меня, чтобъ послалъ онъ троянамъ
Помощь, чтобъ къ морю они оттѣснили ахеянъ, чтобъ, гибель
Видя, ахейцы своимъ похвалились царемъ, чтобъ и самъ онъ,
Гордый, пространнодержавный владыка людей, Агамемнонъ

Горько постигнулъ, что лучшаго между ахеянъ обидѣлъ.—
Сыну Ѳетида въ слезахъ, сокрушенная, такъ отвѣчала:
Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
Здѣсь близъ твоихъ кораблей, не крушась и не плача, сидѣть бы
Долженъ ты былъ, на землѣ обреченный такъ мало, такъ мало
Жить. Но безвременно здѣсь умереть, въ сокрушеньи истративъ
Жизнь—для того ли тебя мнѣ родить повелѣла судьбина?
Съ этою жалобой къ молніелюбцу Зевесу отсюда
Я подымусь на Олимпъ снѣгоносный. Меня онъ услышитъ.
Ты же вблизи кораблей крѣпкозданныхъ спокойно, питая
Гнѣвъ на Атрида, сиди и въ сраженье отнюдь не мѣшайся.
Зевсъ на потокъ Океанъ къ эѳіопамъ вчера безпорочнымъ
Вмѣстѣ со всѣми богами на праздникъ пошелъ; онъ оттуда
Прежде двѣнадцати дней возвратиться не можетъ.
Въ домъ мѣднокованный къ Зевсу тогда я приду и, колѣна
Тронувъ его, помолюсь о тебѣ, и молитвы конечно
Онъ не отринетъ.—Съ симъ словомъ исчезла богиня, оставя
Гнѣвнаго сына въ тоскѣ по краснопоясанной дѣвѣ, насильно,
Сердцу ея вопреки, отъ него уведенной къ Атриду.

Къ Хризу тѣмъ временемъ плылъ Одиссей съ экатомбой; когда же
Быстрый корабль ихъ въ глубокую пристань проникнулъ, свернули
Всѣ паруса и уклали на палубѣ ихъ мореходцы,

Мачту потомъ опустили въ хранилище, крѣпкимъ канатомъ
Быстро на веслахъ корабль довели до притоннаго мѣста,
Якорный бросили камень, канатомъ корабль прикрѣпили
Къ берегу, сами сошли на волной орошаемый берегъ.
Съ ними была снесена и великая Фебова жертва;
Съ ними сошла съ корабля и сопутница ихъ Хризеида.
Дѣву немедля приведши во храмъ, Одиссей многоумный
Самъ ее отдалъ руками отцу и сказалъ, отдавая:

Присланъ къ тебѣ, о, Хризесъ, я Атридомъ, владыкой народовъ
Дочь возвратить и принесъ экатомбу священную Фебу
Въ даръ за ахеянъ, чтобъ гнѣвъ укротился великаго бога,
Имъ приключившаго тьмы сокрушающихъ сердце напастей.—

Такъ говоря, Хризеиду онъ отдалъ; съ веселіемъ принялъ
Старецъ любезную дочь. По порядку потомъ экатомбой
Фебовъ высокій алтарь окружили ахейцы, омыли
Руки, и горсти наполнили жертвеннымъ чистымъ ячменемъ;
Сталъ посреди ихъ Хризесъ и, молясь Аполлону, воскликнулъ:

Богъ, облетающій съ лукомъ серебрянымъ Хризу и Киллы
Свѣтлый предѣлъ, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущій,
Ты благосклонно услышалъ мою и исполнилъ молитву,
Честь мнѣ воздавъ ниспосланіемъ бѣдъ на ахеянъ!
Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно—
Гнѣвъ свой великій смири и бѣды отврати отъ ахеянъ!—

Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Аполлономъ услышанъ.
Тѣ жъ приготовленнымъ въ жертву скотамъ, ихъ ячменемъ осыпавъ,

Шеи загнули назадъ, всѣхъ зарѣзали, сняли съ нихъ кожу,
Тучныя бедра отсѣкли, кругомъ обложили ихъ жиромъ,
Жиръ же кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Старецъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями;
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все раздробили на части; на вертелы вздѣвъ осторожно,
Начали жарить; дожаривши, съ вертеловъ сняли и, дѣло
Кончивъ, обильнобогатый устроили пиръ; началося
Тутъ пированье, и всѣ насладилися пищей; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладостно-вкусною пищей,
Юноши, чашу до края наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Въ кубкахъ его разнесли, по обычаю справа начавши.
Цѣлый день славивъ мирительнымъ пѣніемъ Феба, ахейцы
Громко хвалебный пеанъ воспѣвали ему; совокупно
Пѣли они стрѣлоноснаго бога; имъ благосклонно внималъ онъ.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и тьма наступила ночная;
Всѣ улеглися на брегѣ они у причалъ корабельныхъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Плыть собралися они къ отдаленному стану ахеянъ.
Вѣтеръ попутный имъ далъ Аполлонъ, и они, совокупно
Мачту поднявъ и блестящіе всѣ паруса распустивши,
Поплыли; парусъ середній надулся; пурпурныя волны
Шумно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля закипѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
Къ брегу приставъ и достигнувъ широкаго стана ахеянъ,
Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встянули;
Тамъ на подпорахъ высокихъ его утвердили, и сами
Всѣ разошлись, кто въ шатеръ, кто на черный корабль крутобокій.
Близко своихъ кораблей крѣпкозданныхъ сидѣлъ, продолжая
Гнѣвъ свой питать, Ахиллесъ богоравный крылатыя-ноги;
Онъ никогда не являлся уже на совѣтѣ вождей многославныхъ,
Онъ не участвовалъ въ битвахъ; въ бездѣйствіи милое сердце
Онъ изнурялъ, по тревогахъ и ужасахъ брани тоскуя.
Тою порою съ двѣнадцатымъ небо украсившимъ утромъ
Вѣчноживущіе боги на свѣтлый Олимпъ возвратились
Всѣ, предводимые Зевсомъ. Ѳетида, желаніе сына
Помня, изъ моря глубокаго съ первымъ сіяніемъ утра
Вышла; взлетѣвъ на высокое небо Олимпа, богиня
Зевса нашла тамъ; одинъ, отъ боговъ отдѣляся, всю землю
Видя, на высшей главѣ многоглаваго былъ онъ Олимпа.
Сѣвъ близъ него, окружила колѣно священное бога
Лѣвой рукою Ѳетида, а правой его подбородокъ
Гладя, Кроніону тучъ собирателю нѣжно сказала:
Если, отецъ, я тебѣ межъ богами когда угодила
Словомъ иль дѣломъ, мое благосклонно исполни моленье:
Сына утѣшь моего, осужденнаго рано покинуть
Жизнь; обезчестилъ его повелитель царей Агамемнонъ,

Дерзко похитивши данный ему отъ ахеянъ подарокъ.
Ты же отмсти за него, міродержецъ, всесильный Кроніонъ!
Пусть побѣждаютъ ахеянъ трояне, пока воздаянья
Полнаго сынъ за обиду свою отъ царя не получитъ.—

Такъ говорила она, и не вдругъ отвѣчалъ громовержецъ;
Долго сидѣлъ онъ въ молчаньи; Ѳетида жъ къ объятому прежде
Ею колѣну прижавшися крѣпче, вторично сказала:
Прямо отвѣтствуй, Зевесъ; никого ты страшиться не можешь;
Иль согласися, тогда утверди головы мановеньемъ обѣтъ свой;
Иль откажи: чтобъ узнала я, сколь предъ тобою ничтожна.—

Тяжко вздохнувъ, воздымающій тучи Зевесъ отвѣчалъ ей:
Трудное дѣло ты мнѣ предлагаешь; межъ Ирой и мною
Ссора опять загорится; ругательнымъ словомъ разсердитъ
Ира меня: передъ всѣми безсмертными вѣчно со мною
Вздоритъ она, утверждая, что я за троянъ заступаюсь.
Ты же отсюда уйди, чтобъ тебя не примѣтила Ира.
Способъ найду я тебѣ угодить; на меня положися;
Слово свое головы мановеньемъ *готовъ утвердить я;*
Знаменье это для всѣхъ Олимпійцевъ есть знакъ величайшій
Власти моей: неизмѣнно мое непреложно и твердо
Слово, когда подтверждаю его головы мановеньемъ.—

Кончилъ и черногустыми бровями повелъ громовержецъ;
Благоуханные кудри волосъ потряслись на безсмертномъ
Бога челѣ: содрогнулись кругомъ всѣ вершины Олимпа.

Тайную кончивъ бесѣду, они разлучились; съ Олимпа
Въ бездну соленую быстрымъ полетомъ слетѣла Ѳетида;
Зевсъ возвратился къ себѣ, поднялися почтительно боги
Съ троновъ своихъ передъ вѣчнымъ отцомъ; ни единый,
Сидя, его не отважился выждать, но, вставъ, всѣ навстрѣчу
Вышли къ нему. На высокомъ престолѣ онъ сѣлъ. Отъ очей же
Иры не скрылось, что съ нимъ приходила бесѣдовать тайно
Дочь среброногая старца морского Нерея, Ѳетида;
Къ Зевсу немедленно грубое слово она обратила:

Кто изъ боговъ, лицемѣръ, тамъ шептался такъ скрытно съ тобою?
Вѣчно ты любишь, я знаю, себя отъ меня отклонивши,
Втайнѣ съ другими совѣты держать и ни разу еще ты
Мнѣ наперед не сказалъ откровенно о томъ, что замыслилъ.—

Ирѣ отвѣтствовалъ такъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ:
Ира, не мни, чтобъ мои всѣ совѣты постигнуть возможно
Было тебѣ; и супруга верховнаго бога не въ силахъ
Вынести ихъ. Что тебѣ сообщить я признаю приличнымъ,
Прежде тебя не услышатъ о томъ ни безсмертный ни смертный;
Если же что отъ боговъ утаить я намѣренъ, не смѣй ты
Спрашивать дерзко о томъ, и моей не развѣдывай тайны.—

Ира, богиня воловьи-глаза, отвѣчала Зевесу:
Странное слово сказалъ ты, ужасный Зевесъ; никогда я
Дѣлать вопросы и въ тайны твои проникать не дерзала.
Все, какъ хотѣлъ, ты задумывалъ, все исполнялъ безъ помѣхи.

Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя обольстила
Дочь среброногая старца морского Нерея, Ѳетида,
Утромъ съ тобой здѣсь сидя и колѣна твои обнимая:
Ей головы мановеньемъ конечно ты далъ обѣщанье
Честь Ахиллесу воздать погубленіемъ многихъ ахеянъ.—

Ирѣ отвѣтствовалъ такъ воздымающій тучи Кроніонъ:
Вѣчно, безумная, ты примѣчать и подсматривать любишь!
Трудъ безполезный! ничто не удастся тебѣ! отъ себя лишь
Только меня отдалишь; то стократно прискорбнѣе будетъ!
Быть ли, не быть ли тому, что тебя устрашаетъ, на это
Воля моя. Замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить.
Или тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ Олимпійскихъ,
Если я, вставъ, подыму на тебя неизбѣжную руку.—

Такъ отвѣчалъ онъ. Богиня воловьи-глаза ужаснулась;
Сѣла въ молчаньи и милое сердце свое усмирила.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Было прискорбно то собраннымъ въ домѣ Зевеса безсмертнымъ.
Началъ тогда многославный художникъ Ифестъ, чтобъ утѣшить
Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обратясь къ ней и Зевсу:

Горько и всѣмъ намъ богамъ, на Олимпѣ живущимъ, несносно
Будетъ, когда вы такъ ссориться здѣсь за людей земнородныхъ
Станете, всѣхъ возмущая безсмертныхъ; испорченъ веселый
Будетъ нашъ пиръ; и чѣмъ далѣ, тѣмъ хуже Къ тебѣ напередъ я,
Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:
Зевсу отцу уступи, чтобъ не гнѣвался болѣ отецъ нашъ,
Сильный Зевесъ, и чтобъ весело мы пировать продолжали;
Онъ громовержецъ, онъ царь на Олимпѣ, онъ, если захочетъ,
Съ нашихъ престоловъ насъ всѣхъ опрокинетъ; онъ богъ надъ богами.
Словомъ привѣтнымъ порадуй его и къ нему приласкайся;
Снова онъ милостивъ будетъ ко всѣмъ намъ, богамъ Олимпійскимъ.—

Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно приблизившись, кубокъ двудонный
Подалъ божественной матери въ руки, примолвивъ: терпѣнье,
Милая мать; покорися, хотя то тебѣ и прискорбно;
Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами
Видѣть не дай: за тебя заступиться не въ силахъ я буду,
Какъ бы того ни хотѣлъ; одолѣть Олимпійца не можно.
Было ужъ разъ, что когда за тебя я поспорилъ, меня онъ,
За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
Цѣлый, кувыркаясь, день и тогда лишь, какъ стало садиться
Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился о земь въ Лемносѣ;
Дружески былъ я синтійцами добрыми поднятъ полмертвый.—

Такъ говорилъ хромоногій Ифестъ. *И съ улыбкой внимала*
Ира, съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
Сталъ онъ потомъ подносить по обычаю, справа начавши,
Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черпая кратеры;
Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,
Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетясь, ковылялъ по чертогу.

Вѣчные боги весь день до склоненія солнца на западъ,
Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищей,
Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
Также и музъ очерёднымъ, сердца проницающимъ пѣньемъ;
Но когда уклонилось на западъ блестящее солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разошлися
Всѣ по домамъ: имъ построены были тѣ домы
Дивно-искусной рукой хромоногаго бога Ифеста.
Также и молній метатель могучій Кроніонъ въ чертогѣ,
Гдѣ отдыхалъ онъ обычно, блаженному сну предаваясь,
Легъ и заснулъ; съ нимъ на ложе легла златотронная Ира.

II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Боги другіе и мужи коней обуздатели спали
Мирно всю ночь, но отъ Зевса спокойствіе сна убѣгало.
Сердцемъ колеблясь онъ мыслилъ о томъ, какъ воздать Ахиллесу
Честь истребленьемъ ахеянъ при ихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ напослѣдокъ онъ самымъ удобнымъ,
Гибельнымъ сномъ въ заблужденіе ввергнуть Атрида рѣшившись,—
Къ богу сна обратился и бросилъ крылатое слово Кроніонъ:
Богъ сновидѣнья, лети къ кораблямъ крѣпкозданнымъ ахеянъ;
Въ царскій шатеръ Агамемнона сына Атреева вшедши,
Все то ему повтори, что теперь отъ меня ты услышишь.
Вывесть не медливши въ бой густовласыхъ ахеянъ
Въ полномъ оружіи...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Были вождями дружинъ беотійскихъ Леитъ, Пенелейонъ,
Аркезилай, Проѳоэноръ и Хлоній; ихъ рать составляли
Жутели тучныхъ Хирійскихъ луговъ, каменистой Авлиды,
Схонія, Схола, лѣсистоглубокихъ долинъ Этеонскихъ,
Ѳеспіи, Греи, широкопространныхъ полей Микалесса,
Свѣтлыхъ окрестностей Хорма, Эритры, Илезія, Илы
Жители града Петеона, жители стѣнъ Элеона,
Копы, Эвтрезы, Охаліи, жившіе въ зданьяхъ красивыхъ
Града Медеона, въ Тизбѣ, стадамъ голубинымъ привольной,
Вкругъ Коронеи, на пышно-зеленыхъ лугахъ Галіарта,
Жители града Платеи, полей обработанныхъ Глиса,
Ѳивъ крѣпкостѣнныхъ, прекрасными зданьями славнаго града,
Града Онхеста, гдѣ лѣсъ посвященъ Посидону завѣтный,
Арны златымъ виноградомъ богатой, луговъ благовонныхъ
Низы, Мидеи и стѣнъ Анѳедона, на крайнихъ лежащаго граняхъ;
Съ ними пришло пятьдесятъ кораблей крѣпкозданныхъ, и въ каждомъ
Было сто двадцать отборныхъ бойцовъ молодыхъ беотійскихъ.

Но аспледонянъ и всѣхъ, Орхоменъ населявшихъ Минейскій,
Были вождями Ареевы дѣти, Ялменъ съ Аскалафомъ—
Ихъ родила Астіоха, Акторова дочь; потаенно
Въ верхнемъ покоѣ царева жилища стыдливая дѣва,
Свидясь съ Ареемъ могучимъ, упала въ объятія бога—
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Были вождями дружины фокеянъ Эпистрофъ и Схедій,

Ихъ же отцомъ знаменитый былъ Ифитъ,
потомокъ Навбола;
Жители стѣнъ Кипариссы, утесовъ Пиѳона
суровыхъ,
Жители града прекраснаго Хризы, богатыхъ полей Панопея,
Давлиса, Анемореи, сосѣдней съ Гіамполомъ, также
Пахари тучныхъ полей, вкругъ Цефизы
священной лежащихъ,
Съ ними и жителей близкой къ истокамъ
Цефизы Лилеи,
Сорокъ судовъ темноносыхъ оснастивъ,
пришли за вождями.
Въ строй мѣднолатыхъ фокеянъ поставивъ, вожди ихъ дружину
Лѣвымъ крыломъ къ беотійскому ближнему строю примкнули.

Былъ полководцемъ локріянъ Аяксъ Оилей
быстроногій;
Ростомъ своимъ Теламонову сыну, другому
Аяксу,
Онъ уступалъ, но хотя не великъ и
холстинною, тонкой
Броней покрытъ былъ, могучимъ метаньемъ копья побѣждалъ онъ
Между ахейцами всѣхъ; населяли жъ
локріяне грады
Киносъ, плодами обильную Авгію, Бессу,
Ѳронійскій
Лугъ, орошенный Воагріемъ, Тарфу,
Опунтъ, Каліарій;
Сорокъ привелъ онъ съ собой кораблей
изъ Локриды, лежащей
Противъ святыхъ береговъ, окруженной
волнами, Эвбеи.

Но боелюбныхъ абантовъ, эвбейскій
народъ, населявшій
Халкисъ, Эретрію, область вина Истіею,
приморскій
Городъ Коринѳъ, на горѣ неприступно-
построенный Діумъ,
Стѣны Каристы и роскошью нивъ окруженную Стиру,
Велъ Эльпеноръ, многославный потомокъ
Арея; рожденъ былъ
Онъ Халкониемъ, Эвбеи царемъ; и съ
веселіемъ въ битву
Шли съ ними абанты его, заплетенныя
густо на тылѣ
Косы носившіе, ясенныхъ копій метатели,
броней
Мѣдь на груди у врага пробивать пріобыкшіе ими.
Сорокъ пришло кораблей крѣпкозданныхъ
съ эвбейской дружиной.

Строемъ къ эвбейской дружинѣ примкнули
аѳиняне; градомъ
Ихъ и всей областью властвовалъ прежде
питомецъ Паллады
Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный, Палладой
Былъ онъ воспитанъ во храмѣ великомъ,
гдѣ жертвой обильной
Агнцевъ и тучныхъ быковъ утѣшали ей
сердце младыя
Дѣвы и юноши, празднуя кругосвершеніе
года.
Ратью Аѳинъ Менестей полководствовалъ,
сынъ Петеона,
Съ нимъ же изъ всѣхъ, на землѣ обитающихъ, въ трудномъ искусствѣ
Конныхъ и пѣшихъ устраивать въ битву
никто не равнялся,
Кромѣ великаго Нестора—старше однако
его былъ
Несторъ годами. Привелъ пятьдесятъ кораблей онъ съ собою.

Сынъ Теламоновъ Аяксъ отъ береговъ Саламины двѣнадцать
Черныхъ привелъ кораблей: онъ придвинулъ ихъ къ строю аѳинянъ.

Жителей Аргоса, башневѣнчаннаго града
Тиринта,
Азицы, скрытой въ глубокомъ заливѣ
морскомъ Эрміоны,
Винобогатыхъ холмовъ Эпидавра, Эйопы,
Трезены,
Юношей Масія, жителей волнообъятой
Эгины,
Былъ полководцемъ герой Діомедъ, вызыватель въ сраженье;
Вождь ихъ второй былъ Сѳенелъ, многославнаго сынъ Капанея;

Третій же вождь Эвріалъ, богоравный герой, Мекисѳеевъ
Сынъ, Талаона державнаго внукъ; но главою надъ ними
Былъ Діомедъ, вызыватель въ сраженье; пришелъ отъ Аргоса
Онъ къ берегамъ Иліона съ осьмьюдесятью кораблями.

Жители древней Микены, домовъ велелѣпіемъ славной,
Ареѳиреи прекрасной, Коринѳа богатаго, свѣтлыхъ
Зданій Клеоніи, жители града Орнеи, старинныхъ
Стѣнъ Сикіона, Адрасту подвластнаго въ прежнее время,
Жившіе въ древнихъ стѣнахъ Гиперезіи, въ градѣ Пелленѣ,
Въ Эгіи, въ крѣпко-нагорныхъ стѣнахъ Гоноэссы твердынной,
Пахари тучныхъ приморскихъ полей, достигавшихъ до самой
Гелики—вслѣдъ за царемъ Агамемнономъ, сыномъ Атрея,
Сто кораблей привели; полководецъ избраннѣйшихъ, самъ онъ
Шелъ передъ ними, сіяющій мѣдной бронею, прекрасный,
Гордый; величіе прочихъ вождей затмѣвалъ онъ, понеже
Былъ ихъ глава и сильнѣйшей дружиной начальствовалъ въ войскѣ.
Жители скрытаго между холмовъ Лакедемона, Спарты,
Фары, Мессаны, гдѣ много слетается стадъ голубиныхъ,
Пахари тучныхъ полей, окружающихъ грады Бризею,
Авгію, Амиклы, жители Гелоса, близкаго къ морю,
Лаоса, свѣтлыхъ равнинъ, орошенныхъ Этилосомъ, были
Братомъ царя предводимы, отважнымъ въ бояхъ Менелаемъ;
Вывелъ на смотръ шестьдесятъ кораблей онъ; но строемъ отдѣльнымъ
Ратныхъ поставилъ, и ихъ, на себя одного уповая,
Въ бой возбуждалъ: пламенѣло его нетерпѣніемъ сердце—
Мщенье свершить за позоръ, приключенный обидой Елены...

Къ нимъ примкнули пиліяне, жители тучныхъ Аренскихъ
Пажитей, Ѳрія, гдѣ былъ перевозъ чрезъ Алфей, Кинариссы,
Эпіи крѣпкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Доріона, гдѣ Тамириса ѳракійца
Встрѣтили музы и въ немъ уничтожили даръ пѣснопѣнья:
Онъ изъ Эхаліи шелъ; посѣтивши тамъ Эврита, хвасталъ
Онъ передъ нимъ, что побѣду одержитъ, хотя бы и сами
Музы, Зевеса эгидоносителя дочери, спорить
Съ нимъ въ пѣснопѣніи стали; и въ гнѣвѣ его ослѣпили
Музы, и даръ пробуждать сладкопѣнье въ струнахъ онъ утратилъ.
Былъ полководцемъ дружины пиліянъ *герой Геренейскій*
Несторъ; онъ въ Трою привелъ девяносто судовъ крѣпкозданныхъ.
Люди Аркадіи—храбрый народъ—на покатѣ Киллены
Жившіе [тамъ, гдѣ находится Эпитовъ памятникъ древній],
Жители паствъ Орхомена, луговъ, окружающихъ Феносъ,
Рипы, Стратіи, напору всѣхъ вѣтровъ открытой Эниспы,
Злачнополянной Тегеи, предѣловъ Стимфала, Парразія, тучной
Жатвой обильныхъ полей Мантинеи, прекраснаго града,—
Агапенора, Анкеева сына, вождемъ признавали:
Въ Трою привелъ шестьдесятъ кораблей онъ, и много аркадскихъ
Воиновъ храбрыхъ пришло съ нимъ въ его корабляхъ крѣпкозданныхъ.
Самъ Агамемнонъ, владыка народовъ, его кораблями
Тѣми снабдилъ для отплытія въ темное море, понеже

Было аркадянамъ вовсе невѣдомо дѣло морское.

Жившихъ въ Элидѣ священной, въ Вупразіи, въ краѣ, который
Грады Мирсинъ пограничный, Гирмину, Алезій, до самыхъ
Скалъ Оленійскихъ въ предѣлахъ своихъ заключаетъ, четыре
Храбрыхъ вождя предводили—у каждаго девять летучихъ,
Полныхъ эпейцами, было въ строю кораблей: Амфимаху,
Сыну Ктеата, одна изъ дружинъ покорялась; другая
Талпію, сыну Эвритоса Акторіада; вождемъ былъ
Третьей эпейской дружины Діоръ, Аматринковъ отважный
Сынъ; а четвертой начальствовалъ вождь Поликсенъ богоравный,
Сынъ Агасѳена властителя, внукъ знаменитый Авгея.

Мужи Дулихія, люди святыхъ острововъ Эгинадскихъ,
Жившіе на морѣ шумномъ сосѣдственно съ брегомъ Элиды,
Власть признавали Мегеса, подобнаго силой Арею;
Былъ онъ Пилея, коней обуздателя, сыномъ, Пилея—
Ссорой съ отцомъ принужденнаго скрыться на островъ Дулихій;
Сорокъ Мегесъ кораблей быстроходныхъ привелъ къ Иліону.

Царь Одиссей предводителемъ былъ кефаленянъ могучихъ,
Жившихъ въ Итакѣ суровой, на шумнолѣсистыхъ вершинахъ
Нерита, вдоль береговъ Крокилеи, межъ скалъ Эгилипы;
Жители Зама, полей хлѣбодарныхъ Закинѳа и твердой
Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномѣрно
Всѣ Одиссею, какъ Зевсъ многомудрому, были подвластны.

Въ Трою съ собой онъ двѣнадцать привелъ кораблей красногрудыхъ.
Сынъ Андремоновъ Ѳоасъ полководствовалъ ратью этолянъ.
Жившихъ въ стѣнахъ Плеурона, въ Халкидѣ приморской, въ Оленѣ,
Въ горномъ краю Каледонскомъ, въ окрестностяхъ града Пилены;
Войско жъ этолянъ избра́ло Ѳоанта вождемъ, поелику
Былъ Оиней ужъ въ Аидѣ, и не было болѣ на свѣтѣ
Храбрыхъ его сыновей, и давно Мелеагръ свѣтлокудрый
Въ область сведенъ былъ подземную; сорокъ пришло кораблей съ нимъ.

Съ Идоменеемъ пришли копьеносные критяне; жили
Въ Гносеѣ они, въ окруженной *бойницами* твердой Гортинѣ,
Въ Ликтѣ, въ Милетѣ, окрестъ бѣлостѣннаго града Ликаста,
Въ Фестѣ, въ Ритіонѣ,—множествомъ жителей шумно-кипящемъ,
Также и въ прочихъ краяхъ многолюдныхъ стограднаго Крита.
Идоменей, копьевержецъ могучій, былъ главнымъ вождемъ ихъ;
Съ нимъ Меріонъ, истребителю ратей Арею подобный;
Вмѣстѣ они обладали осьмьюдесятью кораблями.
Силы Ирakла великаго сынъ Тлеполемъ изъ Родоса,
Девять привелъ кораблей съ необузданно-храброй дружиной.
Люди его населяли три города: въ твердомъ Камирѣ
Жили одни, въ свѣтлостѣнномъ Ялиссѣ другіе, и въ Линдѣ
Третьи; ихъ вождь Тлеполемъ, копьеборствомъ герой знаменитый,
Былъ Астіохой Ираклу рожденъ; Астіоху жъ похитилъ
Сильный Ираклъ съ береговъ Селлеиеи, потока Эфиры,
Тамъ, гдѣ онъ многихъ питомцевъ Зевесовыхъ грады разрушилъ.

Въ зрѣлую младость вступя, въ свѣтлозданномъ отцовѣ
Домѣ, убилъ онъ тамъ скоро Ираклова дядю Ликимна.
Старца сѣдого, питомца Ареева. Въ страхѣ, что будетъ
Месть за убійство ему отъ сыновъ и отъ внуковъ Иракла,
Онъ поспѣшилъ корабли изготовить и съ вѣрной дружиной
Храбрыхъ товарищей, въ темно-пустынное море пустился;
Много тревогъ испытавши, достигли они до Родоса,
Гдѣ и остались жить, раздѣлившися на три колѣна,
Свыше хранимые Зевсомъ, владыкой безсмертныхъ и смертныхъ;
Пролилъ на нихъ изобиліе щедрой рукою Кроніонъ.

Прибыло три корабля легкокрылыхъ изъ Симы съ Ниреемъ,
Сыномъ Харопа царя и Аглаи, съ Ниреемъ, который
Всѣхъ затмевалъ красотою своею данаевъ, пришедшихъ
Въ Трою; съ однимъ лишь не могъ безпорочнымъ Пелидомъ равняться;
Былъ онъ не мужественъ; войско его малочисленно было.

Жители волнообъятаго Низира, Каза, Картата,
Коса [гдѣ градъ свой имѣлъ Эврипилъ],
Были вождями Фидиппъ и Антифосъ, два брата; отецъ ихъ
Былъ знаменитый Ѳессалъ, Ираклидъ, повелитель народовъ;
Тридцать они кораблей привели къ берегамъ Иліона.

Тѣ же, которыми былъ обитаемъ Аргосъ Пелазгійскій,
Жители Алоса, града Алопы, Трахинъ многолюдныхъ,
Фтіи, Эллады, прекрасноцвѣтущими дѣвами славной
[Имя же общее имъ мирмидоны, эллены, ахейцы]—
Съ ними привелъ пятьдесятъ кораблей Ахиллесъ богоравный.
Но въ то время они не готовились къ бою, въ то время
Некому было вести ихъ могучаго строя въ сраженье:
Праздно сидѣлъ посреди кораблей Ахиллесъ быстроногій,
Злясь за свою Бризеиду прекрасноку-друю дѣву,
Взятую нѣкогда въ плѣнъ имъ, съ трудомъ несказаннымъ, въ Лирпесѣ:
Онъ ниспровергнулъ тогда и Лирнесъ и высокія Ѳивы,
Послѣ того какъ Миней и Эпистрофъ, метатели копій,
Дѣти царя Селепида Эвена, сраженные въ боѣ имъ, пали.
Праздно онъ гнѣвный сидѣлъ... но воздвигнуться долженъ былъ скоро.

Жители тучной Филаки, луговъ цвѣтоносныхъ Пираза.
Агнцамъ привольной Итоны [Димитрѣ любезнаго края],
Моремъ омытой Антроны, травяныхъ равнинъ Птелеонскихъ
Протезилай многославный вождемъ былъ, покуда сіяньемъ
Дня веселился; но былъ онъ землей ужъ покрытъ, и въ Филакѣ
Тяжко о немъ тосковала вдова, раздирая ланиты;
Домъ недостроеннымъ свой онъ оставилъ: изъ всѣхъ онъ ахеянъ
Первый убитъ былъ дарданцемъ, ступя на Троянскую землю
Первый. Былъ избранъ другой вождь; но войско о прежнемъ скорбѣло;
Вождь же избранный былъ храбрый Подаркосъ, питомецъ Ареевъ,
Сынъ обладателя стадъ Ификлая, Филакова сына,
Протезилаевъ родной, но гораздо родившійся позже,
Братъ: былъ и старше годами и силою крѣпче

Протезилай богоравный, Арею подобный. Имѣло
Войско вождя, но крушилось оно, поминая о мертвомъ.
Сорокъ въ Дарданію прибыло съ нимъ кораблей чернобокихъ.

Жившихъ близъ водъ Бебенскаго Озера, въ Ферѣ и Бебахъ,
Жителей пышнаго града Іолкоса и свѣтлой Глафиры
Вождь знаменитый Эвмелъ предводилъ, сынъ Адметовъ, Алцестой,
Самой прекрасной изъ всѣхъ дочерей Пеліаса, рожденный;
Было одиннадцать съ нимъ кораблей у береговъ Иліона.

Жившихъ въ Метонѣ, окрестъ Таумакіи, между суровыхъ
Скалъ Олизона, среди цвѣтоносныхъ луговъ Мелибеи,
Былъ предводителемъ дивный стрѣлокъ Филоктетъ.

III. главкъ діомеду.
[П. VI, ст. 145—149].

Другъ, для чего о породѣ моей меня вопрошаешь?
Листьямъ лѣснымъ племена человѣковъ подобны. На землю
Вѣтеръ бросаетъ увядшіе листья; другіе выводитъ
Лѣсъ, оживая съ весной молодою. И люди подобно!
Племя одно настаетъ — исчезаетъ племя другое.

IV. отрывки изъ иліады.
[пѣсни VI—XX].

Жертву принесши богамъ, да пошлютъ Иліону спасенье,
Гекторъ поспѣшно потекъ по красиво устроеннымъ стогнамъ;
Замокъ высокій Пергама пройдя, наконецъ онъ достигнулъ
Скейскихъ воротъ, ведущихъ изъ града въ широкое поле!
Тамъ Гетеонову дочь Андромаху, супругу онъ встрѣтилъ;
Съ нею былъ сынъ. На груди у кормилицы нѣжный младенецъ
Тихо лежалъ: какъ звѣзда лучезарная, былъ онъ прекрасенъ,
Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; отъ другихъ онъ былъ прозванъ
Астіанаксомъ (понеже лишь Гекторъ защитой былъ града).
Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
«Неумолимый! отважность погубитъ тебя. Не жалѣешь
Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленахъ, ни о бѣдной супругѣ,
Скоро вдовѣ безотрадной! Ахейцы тебя неизбѣжно,
Силою всею напавъ, умертвятъ. Для меня же бы лучше
Въ землю сокрыться, тебя потерявъ: что будетъ со мною,
Если тебя, отнятаго рокомъ могучимъ, не станетъ?
Горе! ужъ нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной;
Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божественнымъ; Ѳивы,
Градъ киликіянъ съ блестящими златомъ вратами разрушивъ,
Самъ онъ убилъ Гетеона, но не взялъ оружія; чуждый
Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сожженію предалъ
Кости родителя, въ почесть ему погребальный насыпалъ
Холмъ и платанами горныя нимфы тотъ холмъ обсадили.
Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ отчизнѣ—
Всѣ они, въ день единый, повержены въ бездну Аида:
Всѣхъ безпощадной рукой умертвилъ Ахиллесъ быстроногій.
Матерь царицу отъ пажитей густолѣсистаго Плака
Въ рабство добычей войны онъ увлекъ, но за выкупъ великій
Скоро ей отдалъ свободу, чтобъ пала отъ стрѣлъ Артемиды.

Гекторъ, ты все мнѣ теперь: и отецъ и нѣжная матерь;
Ты мой единственный братъ, о Гекторъ, цвѣтущій супругъ мой.
Будь же ко мнѣ сострадателенъ, здѣсь останься на башнѣ;
Сыну не дай сиротства, супругѣ не дай быть вдовою;
Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь: нападенье
Легче оттуда на градъ; тамъ открыты для приступа стѣны.
Съ той стороны уже трикраты на насъ покушались
Оба Аякса, Идоменей, Діомедъ и Атриды».
Кротко отвѣтствуетъ гривистымъ шлемомъ украшенный Гекторъ:
«О Андромаха, и я о томъ же печалюсь; но стыдъ мнѣ
Будетъ тогда отъ троянскихъ мужей и отъ женъ Иліона,
Если, какъ робкій, сюда удалюсь, уклоняся отъ боя;
То запрещаетъ и сердце; донынѣ привыкъ я спокойно
Бодрствовать духомъ и биться у всѣхъ впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но предвидитъ
Вѣщее сердце и тайно гласитъ мнѣ тревожное чувство:
Нѣкогда день сей наступитъ — падетъ священная Троя,
Съ нею Пріамъ и народъ царя копьеноснаго бодрый.
По не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ни же Пріамова гибель, ни же столь многихъ, столь храбрыхъ
Братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно падущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага, сокрушаютъ нынѣ такъ сильно
Душу мою, какъ мысль о тебѣ, Андромаха, когда ты,
Вслѣдъ за одѣяннымъ мѣдною бронею мужемъ ахейскимъ,
Плача, отсюда пойдешь, лишенная свѣта свободы,
Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями ткать для царицы,
Иль утомленная, тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ гиперейскомъ
Черпая воду, будешь въ слезахъ поминать о Пергамѣ.
Можетъ быть, видя, какъ плачешь въ своемъ одиночествѣ, скажутъ:
—Вотъ вдова знаменитаго Гектора, бывшаго первымъ
Въ войскѣ троянскомъ, въ тѣ дни, какъ сражались у стѣнъ Иліона.—
То услыша, ты съ новою вспомнишь тоской, что на свѣтѣ
Нѣтъ ужъ того, кто отъ рабства надежною былъ бы защитой.
Нѣтъ! я лучше хочу, чтобъ меня бездыханнаго скрыли
Въ землю, чѣмъ слышать о плачѣ твоемъ и крушительномъ плѣнѣ.
Такъ отвѣтствовалъ Гекторъ, и къ сыну руки простеръ онъ;
Робко отъ нихъ отклонился, и къ лону кормилицы съ крикомъ
Бросился милый младенецъ, дичася отца, устрашенный
Яркимъ блистаніемъ латъ и косматою гривою шлема,
Грозно надъ нимъ зашумѣвшею съ мѣдно-огромнаго гребня.
Съ грустной улыбкой и мать и отецъ посмотрѣли на сына.
Шлемъ съ головы снимаетъ поспѣшно блистательный Гекторъ,
Бранный уборъ на землю кладетъ и, на руки взявши
Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и нѣжно лелѣетъ.
Громко взываетъ потомъ онъ къ безсмертнымъ богамъ и Зевесу:
Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ, да будетъ
Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбіемъ первый въ народѣ,
Столько же мышцею крѣпокъ и мощно господствуетъ въ Троѣ.
Пусть со временемъ скажутъ: *отца своего превзошелъ онъ!*

Видя его, изъ сраженья идущаго съ пышною броней,
Снятой съ врага—и такая хвала да порадуетъ матерь».
Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятія нѣжной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ покровомъ
Персей одѣла его; и, глубокой печалію полный,
Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣтно сказалъ ей:
«Бѣдная, ты не должна обо мнѣ сокрушаться такъ много;
Противъ судьбы я никѣмъ преждевременно сосланъ не буду
Въ темный Аидъ; но судьбы ни единый еще не избѣгнулъ
Смертный, родившійся разъ на землѣ, ни смѣлый, ни робкій.
Съ миромъ же въ домъ свой пойди: занимайся порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабы и рабыни въ работѣ
Были прилежны своей; о войнѣ же имѣть попеченье—
Дѣло троянскихъ мужей и мое изъ всѣхъ наиболѣ».
Кончивъ, свой гривистый шлемъ поднимаетъ блистательный Гекторъ.
Медленнымъ шагомъ, и часто назадъ озираясь, и слезы
Горькія молча лія, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора; много служительницъ было
Собрано тамъ за работою; всѣ сокрушалися съ нею;
Заживо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ своемъ. Неизбѣжно,
Мнили онѣ, онъ погибнетъ; мы вѣчно его не увидимъ.
Истину вѣщая скорбь предсказала имъ; время настало
Сбыться тому, что давно предназначено было: но прежде
Славой великой покрылся могучій защитникъ Пергама.
Палъ Патроклъ отъ руки благороднаго Гектора; втуне
Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали его; неизбѣжный
Часъ судьбы наступилъ — и съ Патроклова хладнаго трупа
Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и спѣча зажглася
Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь бодраго въ битвѣ.
—Я къ кораблямъ Антилоха послалъ возвѣстить Ахиллесу
Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не придетъ онъ на помощь,
Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою... онъ безороженъ.
Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга. Упорно
Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное тѣло.—
Такъ говорилъ Менелай Теламонову сыну Аяксу.
—Правда, Атридъ знаменитый, Аяксъ отвѣчалъ Менелаю,
Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклоньтесь и тѣло,
Взявъ на плеча, несите изъ боя. Мы жъ, оба Аякса,
Разные мужествомъ сердца, всегда неразлучные въ битвѣ,
Будемъ стремленье троянъ и великаго Гектора дружно
Грудью своей отражать, охраняя отшествіе ваше.—
Царь Менелай съ Меріономъ подъемлютъ Патроклово тѣло
Сильной рукою съ земли: ужаснулись трояне, увидя
Тѣло во власти ахеянъ и бросились съ воплемъ за ними.
Словно какъ псы, упредя звѣроловцевъ младыхъ, на лѣсного
Вепря, когда онъ пораненъ, кидаются вдругъ, но лишь только
Бѣшеный онъ, ощетинясь, на нихъ обернется, въ испугѣ
Всѣ разсыпаются—такъ и трояне сначала стремятся

Бодро впередъ, подымая мечи и двуострыя копья;
Но лишь только Аяксы въ лицо имъ лицомъ обратятся—
Всѣ блѣднѣютъ и боя начать ни одинъ не дерзаетъ.

Царь Менелай съ Меріономъ безстрашно, медлительнымъ шагомъ,
Идутъ впередъ, унося изъ сраженья Патроклово тѣло;
Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный Гекторъ съ Энеемъ
Рвутся, какъ львы разъяренные, силясь добычу похитить;
Страшной грозой къ кораблямъ приближается шумная битва.

Робко межъ тѣмъ Антилохъ къ Ахиллесовой ставкѣ подходитъ.
Онъ сидѣлъ впереди кораблей недалеко отъ моря,
Мраченъ, тревожимый думой о томъ, что уже совершилось.
«Горе! онъ мыслилъ: зачѣмъ къ кораблямъ въ безпорядкѣ тѣснятся
Снова ахейцы, покинувъ сраженье? Страшусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мнѣ матерь: что долженъ,
Прежде меня отъ троянъ мирмидонецъ погибнуть храбрѣйшій.
Сердце дрожитъ; ужъ не палъ ли Менетіевъ сынъ? Непреклонный
Другъ! а я умолялъ уйти къ кораблямъ, отразивши
Вражій пожаръ и отнюдь не испытывать съ Гекторомъ силы».
Такъ размышлялъ Ахиллесъ — и предъ нимъ съ сокрушительной вѣстью
Сынъ престарѣлаго Нестора, слезы ліющій, явился.
«Горе мнѣ! сынъ благородный Пелея, ты долженъ о страшной
Слышать бѣдѣ, какой никогда не должно бы случиться!
Палъ Патроклъ; ужъ теперь за его бездыханное тѣло
Бьются; онъ нагъ—оружіе Гекторъ могучій похитилъ».
Мрачное облако скорби лицо Ахиллеса покрыло.
Обѣ онъ горсти наполнивши пепломъ, главу имъ осыпалъ;
Ликъ молодой почернѣлъ, почернѣла одежда и самъ онъ,
Тѣломъ великимъ пространство покрывши великое, въ прахѣ
Былъ распростертъ, и волосы рвалъ и бился объ землю.
Дѣвы, имъ купно съ Патрокломъ плѣненныя, въ страхѣ изъ ставки
Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перси терзали.
Съ ними стеналъ Антилохъ; заливаясь слезами, всей силой
Онъ Ахиллесовы руки держалъ, чтобъ въ безуміи горя
Самъ онъ себѣ не пронзилъ изощреннымъ оружіемъ груди.
Съ страшнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его услышала матерь,
Въ домѣ сѣдого отца, на днѣ глубокаго моря,
Громко она зарыдала, и къ ней собрались Нереиды,
Сестры младыя, морской глубины златовласыя дѣвы.
Полонъ былъ ими подводный, серебряный домъ, поражали
Всѣ они перси, печалясь съ сестрой. Имъ Ѳетида сказала:
«Милыя сестры, Нерея безсмертныя дочери, много,
Много печали на сердцѣ моемъ; о горе мнѣ бѣдной!
Мнѣ, Ахиллеса великаго матери! мною рожденный
Сынъ, столь душой благородный, столь мужествомъ славный, въ герояхъ
Первый... онъ цвѣлъ, какъ младое прекрасное древо; съ любовью
Нѣжной воспитанный, выросъ, и мной наконецъ къ Иліону
Посланный, поплылъ туда въ корабляхъ острогрудыхъ... и вѣчно
Мнѣ ужъ его не увидѣть въ отеческомъ домѣ Пелея;
Но доколѣ и живъ онъ, сіяніемъ дня озаренный

Онъ осужденъ на страданье и матерь ему не поможетъ.
Милыя сестры, покинемъ глубокое море; мнѣ должно,
Должно сына увидѣть, мнѣ должно провѣдать, какое
Новое горе ему, не вступавшему въ бой, приключилось».
Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Ѳетида, и съ нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы лiющія. Волны
Моря кругомъ ихъ шумятъ, раздѣляясь. Достигнувши Трои,
На берегъ всходятъ одна за другою въ томъ мѣстѣ, гдѣ зрѣлись
Всѣ корабли мирмидонянъ кругомъ Ахиллесовой ставки.
Матерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ и, обнявши
Нѣжной рукой преклоненную голову сына, сказала:
«Что же ты плачешь? Что бодрую душу твою сокрушило?
Будь откровененъ со мною! Зевесъ громовержецъ исполнилъ
Все, о чемъ ты молился, подъемля здѣсь руки. Ахейцы
Много стыда претерпѣли, утративъ тебя и, тѣснимы
Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя призывали».
Тяжко, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Матерь, не тщетно молилъ я, исполнилъ Зевесъ громовержецъ
Все; но какая въ томъ польза, когда потерялъ я Патрокла,
Друга нѣжнѣйшаго, милаго мнѣ, какъ сіянье дневное?
Онъ погибъ, и оружіе Гекторъ убiйца похитилъ,
Крѣпкое, дивное, даръ отъ боговъ олимпiйскихъ Пелею
Въ оный день, какъ тебя сочетали безсмертную съ смертнымъ.
Было бы лучше, когда бъ ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не безсмертной супруги супругомъ
Былъ Пелей: безконечной тоской по утраченномъ сынѣ
Будешь ты нынѣ крушиться; ужъ вѣчно его не увидишь
Въ домѣ отца. Да и сердце мое запрещаетъ мнѣ долѣ
Здѣсь межъ живыми скитаться; но прежде Гекторъ заплатитъ
Мнѣ за Патроклову жизнь, подъ моею ногой издыхая».
Матерь, лiющая слезы, отвѣтствуетъ: «то, что сказалъ ты,
Мнѣ возвѣщаетъ, что жизни твоей прекращенiе близко:
Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо долженъ погибнуть—
Такъ повелѣла судьба». Ахиллесъ возразилъ ей угрюмо:
«Пусть я погибну теперь! что въ жизни, если Патрокла
Мнѣ защитить не дано? Далекò отъ любимой отчизны
Палъ онъ, а я не пришелъ отразить ненавистную гибель.
Что я? Родительскихъ мирныхъ полей суждено не видать мнѣ;
Жизни Патрокла спасти я не могъ; не могъ быть защитой
Столькимъ друзьямъ благороднымъ, отъ сильнаго Гектора падшимъ.
Здѣсь я сижу, позади кораблей, безполезное бремя
Свѣту, я, Ахиллесъ, изъ всѣхъ мѣднолатныхъ Ахеянъ
Въ битвѣ храбрѣшiй, хотя на совѣтѣ другимъ уступаю.
О! да погибнутъ вражда и гнѣвъ, отемняющiй часто
Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй меда, но скоро
Пламень снѣдающiй въ сердцѣ, вкусившемъ его, зажигаетъ.
Такъ и меня раздражилъ Агамемнонъ, царей повелитель.
Но пусть будетъ прошедшимъ прошедшее; сколь ни прискорбно

Сердцу оно—раздраженное сердце должно покориться.
Я иду — не избѣгнешь меня ты, Патроклов убійца,
Гекторъ. Свой жребій принять я готовъ, когда ни назначатъ
Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа; и мнѣ ли
Нынѣ роптать на судьбу, когда и Алкидъ благородный,
Сынъ громовержца любимый, былъ нѣкогда ею постигнутъ?
Если подобный удѣлъ и меня ожидаетъ, пусть лягу
Въ землю, дыханье утративъ; но славу великую прежде
Здѣсь соберу, быстротечныя жизни въ замѣну; здѣсь многихъ
Дѣвъ полногрудыхъ дарданскихъ принужу крушиться, и слезы
Съ юныхъ ланитъ отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая въ груди, раздираемой горемъ.
Скоро узнаютъ, что я отдохнулъ. А ты не надѣйся,
Матерь, меня удержать: никогда я не буду покоренъ».
«Истину ты говоришь, отвѣчала Ѳетида; похвально
Быть для друзей отъ бѣды и отъ смерти защитой. Но Троя
Нынѣ владѣетъ твоими блестящими латами; хищный
Гекторъ, украшенный ими, ликуетъ — хотя и недолго
Въ нихъ величаться ему: предназначенный часъ недалеко.
Но безоружный, мой сынъ, не бросайся въ тревогу Арея;
Здѣсь помедли, доколѣ меня опять не увидишь.
Завтра сюда на разсвѣтѣ, лишь только подымется солнце,
Съ пышной бронею, искованной богомъ Ифестомъ, приду я».
Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ простилась.
Къ юнымъ сестрамъ, среброногимъ богинямъ, потомъ обратяся,
«Милыя сестры, сказала, теперь погрузитеся въ море,
Въ домъ возвратитесь Нерея и старцу сѣдому пучины
Все возвѣстите. А я на вершину Олимпа къ Ифесту
Прямо отсель полечу умолять, чтобъ оружіе далъ намъ».
Кончила: въ лоно зыбей погрузились младыя богини.
Быстро къ вершинѣ Олимпа отъ нихъ полетѣла Ѳетида.
Тою порою ахейцы отъ грознаго Гектора съ громкимъ
Воплемъ бѣжали къ своимъ кораблямъ, на брега Эллиспонта,
Силясь напрасно исторгнуть изъ боя Патроклово тѣло;
Гекторъ, какъ бурное пламя, гнался за нимъ; ужъ трикраты
За ногу мертваго сзади хваталъ онъ, готовый добычу
Вырвать изъ рукъ у ахеянъ, и кликалъ троянъ, и трикраты
Силою всею Аяксы его отражали отъ трупа.
Яростный, пламенный, все низвергалъ онъ; то, бѣгая быстро,
Бился въ толпѣ; то, стоя недвижимъ, сзывалъ громогласно
Въ битву своихъ и рвался неотступно на хладное тѣло.
Такъ надъ растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
Левъ космолапый сидитъ, не тревожася пастырей крикомъ.
Тщетно Аяксы отважные борются съ нимъ; овладѣлъ бы
Онъ неизбѣжно Патрокломъ съ великою славой, когда бы
Ира съ небесъ не послала Ириду къ Пелееву сыну.
«Сынъ Пелеевъ, бѣги, бѣги на помощь къ Патроклу;
Битва уже подошла къ кораблямъ. Посмотри: убиваютъ
Страшно другъ друга, одни, отбиваясь, другіе, стремяся

Тѣло схватить; одолѣютъ трояне; блистательный Гекторъ
Скоро похититъ Патрокла, и въ Трою умчитъ, и на башнѣ
Выставитъ голову, снятую съ плечъ въ посрамленье ахеянъ.
Полно медлить: иль псамъ напитаться Патрокловымъ тѣломъ.
Встань, безоружный, взбѣги на раскатъ; покажися троянамъ;
Образъ твой ужасъ нагонитъ на нихъ, ободрятся ахейцы».
Такъ Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахиллесъ. И Аѳина
Мощныя плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и съ нея заблистали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымъ, извиваясь,
Всходитъ далеко на островѣ, ратью враговъ обложенномъ—
(Бодро весь день осажденные бьются, но сядетъ лишь солнце,
Всюду костры зажигаютъ, и съ яркими искрами пламя
Всходитъ великимъ столбомъ и, окрестъ отраженное моремъ,
Свѣтитъ, чтобъ видѣли путь корабли, приносящіе помощь)
Такъ съ головы Ахиллеса блистанье въ эѳиръ подымалось.
Онъ взбѣжалъ на раскатъ и ставъ на виду у ахеянъ,
Крикнулъ... пронзительный крикъ повторила Паллада Аѳина
Отзывомъ громкимъ: троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Такъ оглушительный громъ боевыя трубы, возвѣщая
Приступъ, внезапно мутитъ осажденныхъ. Едва Ахиллесовъ
Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце; всѣ кони,
Гибель почуя, подняли гривы и съ топотомъ громкимъ
Вспять понесли колесницы; правители ихъ въ изступленьи,
Съ блѣднымъ лицомъ, обратяся назадъ, неподвижнымъ смотрѣли
Окомъ на грозный лица Ахиллесова блескъ. Троекратно
Крикнулъ онъ съ валу на нихъ—троекратно, разбитыя страхомъ,
Войска троянъ и союзныхъ назадъ въ безпорядкѣ бросались.
Тутъ отъ своихъ колесницъ и отъ собственныхъ копій двѣнадцать
Храбрыхъ дарданянъ погибло. Ахейцы, похитивъ Патрокла,
Въ ставкѣ простерли его на одрѣ, и друзья окружили
Тѣло. Пришелъ Ахиллесъ. Залился онъ слезами, увидя
Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежащаго, острой
Мѣдью пронзеннаго: самъ онъ недавно его на сраженье,
Броней своею облекши, послалъ: но назадъ не пришелъ онъ.
Тою порой, постоянный въ теченіи Геліосъ, волю
Иры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ океана,
Въ нихъ потонувшее солнце исчезло, и войско ахеянъ,
Послѣ губительной брани, въ глубокій покой погрузилось.

Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
Смутно они собрались на совѣтъ. Опершися на копья,
Всѣ стояли и сѣсть не дерзалъ ни единый и всѣмъ имъ
Сердце тревожила мысль о явившемся въ бой Ахиллесѣ.
Полидамантъ благомыслящій, Гекторовъ другъ осторожный
Первый подалъ совѣтъ: покинувъ поле сраженья,
Въ Трою войти. «Намъ теперь благовонная ночь благосклонна.
Такъ онъ сказалъ: Ахиллеса держитъ она. Но заутра,

Въ полѣ увидя насъ, выйдетъ онъ въ битву. Тогда неизбѣжно
Многіе будутъ добычею псовъ. Удалимся же въ Трою, покуда
Время, на торжищѣ ночь проведемъ подъ небомъ открытымъ;
Съ первымъ же блескомъ денницы сберемся на стѣны; пускай онъ
Боя отвѣдать приблизится къ нимъ; лишь напрасно могучихъ
Коней своихъ утомитъ; но въ Трою ему не ворваться».
Сумраченъ, брови нахмуря, отвѣтствовалъ пламенный Гекторъ:
«Полидамантъ, осторожный совѣтъ твой теперь безполезенъ;
Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжать въ огражденную башнями Трою?
Мы ль не устали еще, за стѣнами тѣснясь, укрываться?
Нѣкогда городъ Пріамовъ, межъ всѣми народами славный,
Былъ знаменитъ на землѣ изобиліемъ мѣди и злата;
Но ужъ давно изъ печальныхъ жилищъ изобиліе скрылось.
Мы раздражили Зевеса; во Фригіи, въ краѣ союзномъ
Пышной Меоніи, проданы лучшія утвари наши.
Нынѣ жъ, когда мнѣ могучій Кроніонъ, Зевесъ вседержитель
Славу послалъ отразить къ кораблямъ мѣднолатныхъ ахеянъ,
Я ли укроюся въ Троѣ? Какой же совѣтъ подаешь ты?
Кто изъ троянъ покорится ему? Здѣсь я повелитель.
Слушайте жъ слово мое и мою исполните волю:
Пищу пускай по дружинамъ раздѣлятъ; насытьтесь, но каждый
Будь остороженъ, и стражъ да не дремлетъ на стражѣ. Заутра
Съ первымъ сіяньемъ денницы, оружіе мѣдное взявши,
Мы побѣжимъ къ кораблямъ на рѣшительный приступъ. И если
Правда, что всталъ Ахиллесъ, то недоброе время онъ выбралъ;
Я не страшуся его безпощаднаго встрѣтить; отважно
Стану предъ нимъ, не заботясь, меня ли, его ли украситъ
Славою бой... неподкупенъ Арей, и разящихъ разитъ онъ».
Гекторъ сказалъ и трояне, согласные съ нимъ, отвѣчали
Плескомъ шумящимъ... слѣпцы! имъ Паллада затмила разсудокъ:
Злое благому они предпочли и остались въ полѣ.
Въ горѣ и плачѣ ту ночь надъ Патрокловымъ тѣломъ ахейцы,
Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ, положивши
Мощныя руки на грудь неподвижную друга, со стономъ
Плакалъ. Такъ львица грозная, рычетъ, когда звѣроловецъ
Львенка младаго ея изъ глубокаго лога похитилъ:
Злобяся, рыщетъ она по ущеліямъ съ жалобнымъ ревомъ.
Такъ Ахиллесъ вопіялъ, окруженный толпой мирмидонянъ:
«Боги! сколь были надежды мои безразсудны, когда я,
Тщась утолить сокрушенье Менетія, далъ обѣщанье
Вмѣстѣ съ украшеннымъ славой Патрокломъ въ Опунтъ возвратиться,
Трою разрушивъ и много богатой добычи скопивши.
Смертный замыслитъ одно, а Зевесъ совершаетъ иное!
Оба единую землю мы кровью своей напитаемъ
Здѣсь въ отдаленномъ троянскомъ краю. И меня не увидятъ
Вѣчно въ жилищѣ отцовъ ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни матерь Ѳетида. Здѣсь лягу, покрытый могилой.
Если же послѣ Патрокла назначено въ землю сойти мнѣ,

О мой Патроклъ! я твое совершу погребенье, повергнувъ
Голову Гектора съ броней его предъ тобой и двѣнадцать
Юношей плѣнныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ Трои, заклавши
Въ почесть твою и обиженной тѣни твоей въ утѣшенье!
Съ миромъ же сши у моихъ кораблей въ ожиданіи мести;
Пусть троянки, плѣненныя нами, и денно и нощно
Плачутъ дотолѣ надъ тѣломъ твоимъ и перси терзаютъ».
Съ сими словами друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
Чистой водою огромный котелъ треножный наполнивъ,
Прахъ съ запекшейся кровію смыть съ Патроклова тѣла.
Ставятъ треножникъ на яркій огонь и шумящей струею
Льется въ него ключевая вода и хворостъ бросаютъ
Въ пламя: оно обхватило котелъ и вода закипѣла
Въ мѣдномъ звѣнящемъ сосудѣ. Омытое теплою влагой
Тѣло умаслили тучнымъ елеемъ; потомъ, ароматной
Девятилѣтнею мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одрѣ и, покрывъ полотномъ драгоцѣннымъ
Купно и тѣло и ложе блестящею тканью одѣли.

Эосъ младая, въ одеждѣ багряной, безсмертнымъ и смертнымъ
День приносящая, встала изъ водъ океана. Ѳетида
Съ дивной, Ифестомъ ей данной бронею, пришла къ Ахиллесу;
Онъ распростертый лежалъ надъ бездушнымъ Патрокломъ, и громко
Плакалъ; окрестъ мирмидоняне въ мрачномъ молчаньи сидѣли.
Тихо межъ ними прошла среброногая матерь богиня
Къ сыну и, за руку взявши его, умиленно сказала:
«Сынъ мой, оставимъ покоиться мертваго, сколько бъ о немъ мы
Въ сердцѣ своемъ ни крушились: онъ силой безсмертныхъ постигнутъ.
Я принесла невредимую броню отъ бога Ифеста,
Чудо красы: ни на комъ изъ людей не бывало подобной».
Такъ сказавъ, положила Ѳетида къ ногамъ Ахиллеса
Броню; громкій оружіе звукъ издало; мирмидонянъ
Ужасъ проникнулъ: взглянуть не посмѣлъ ни единый богинѣ
Прямо въ лицо, и всѣ трепетали. Но гнѣвомъ сильнѣйшимъ,
Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засверкали
Искрами, вспыхнувъ подъ тѣнью рѣсницъ, какъ ужасное пламя;
Жадной рукою онъ броню схватилъ и, даромъ чудеснымъ
Бога Ифеста плѣненный, имъ сталъ любоваться; но скоро
Снова сдѣлался мраченъ; потомъ, обратяся къ Ѳетидѣ,
«Матерь, сказалъ онъ, оружіе дивно твое, и немедля
Выйду я въ битву. Но сердце мое неспокойно; онъ будетъ
Здѣсь бездыханный лежать; насѣкомыя жадныя могутъ
Въ раны влетѣть, въ нихъ червь поселится и можетъ гніенье,
Въ тѣло проникнувши, образъ его опозорить прекрасный».
«Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, сказала Ѳетида:
Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять насѣкомыхъ,
Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хотя бы
Медленный года надъ нимъ совершился полетъ, я нетлѣннымъ
Тѣло его сохраню, и еще онъ прекраснѣе будетъ».

Съ сими словами она проливаетъ на раны Патрокла
Сокъ благовонный амврозіи съ нектаромъ свѣтлопурпурнымъ.
Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахиллесъ благородный;
На голосъ звучный его собрался ахейцы. Прискорбно
Руку онъ подалъ Атриду, и былъ примирительной жертвой
Поздній межъ ними союзъ утвержденъ. Агамемнонъ могучій
Далъ повелѣнье дары отнести къ Ахиллесу. Немедля
Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго Нестора, съ славнымъ
Сыномъ Филія Мегитомъ, съ Ѳоантомъ и съ ними Креоновъ
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Агамемнону въ ставку
Идутъ и, выбравъ семь драгоцѣнныхъ треножниковъ, двадцать
Свѣтлыхъ сосудовъ, двѣнадцать коней и семь рукодѣльныхъ
Плѣнницъ съ осьмой Бризеидой, отходятъ въ шатеръ Ахиллесовъ,
Царь Одиссей впереди съ десятью талантами злата.
Всѣ потомъ, окруживъ Ахиллеса, его приглашаютъ
Съ ними обѣдъ раздѣлить; но, тяжко вздохнувъ, отвѣчалъ онъ:
«О друзья! умоляю васъ, если хоть мало я дорогъ
Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чтобъ я насладился
Вашею пищею: горе всю душу мою раздираетъ.
Нѣтъ, не коснусь ни къ чему до самыя позднія ночи».
Всѣ полководцы простились тогда съ Ахиллесомъ; остались
Оба Атрида, Идоменей, Одиссей благородный,
Несторъ и старецъ Фениксъ. Прояснить омраченную душу
Друга старались они разговоромъ веселымъ; но тщетно.
Сумраченъ былъ онъ, лишь битвы единой алкалъ, непрестанно
Думалъ о мертвомъ, объ немъ лишь одномъ говорилъ непрестанно:
«О сколь часто бывало, что самъ ты заботливо, бѣдный,
Въ ставку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной утренней пищей,
Мнѣ возвѣщая, что войско ахеянъ шатры покидало,
Снова съ троянами въ битву готовое выйти: а нынѣ
Здѣсь ты лежишь, бездыханный! Не можетъ мое услаждаться
Сердце ни пищей, ни сладкимъ виномъ безъ тебя. Я толь сильнымъ
Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышавъ о смерти Пелея,
Льющаго слезы во Фтіи своей обо мнѣ отдаленномъ,
Бьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены презрѣнной,
Ни же печальную вѣсть получивши о сынѣ, въ Скиросѣ
Мнѣ расцвѣтающемъ, богоподобномъ Неоптолемѣ,
Если онъ живъ!—Я донынѣ всегда упованіемъ тайнымъ
Сердце свое утѣшалъ, что погибну одинъ, разлученный
Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ троянской землѣ, что, въ предѣлы
Фтіи родной возвратятся, ты самъ въ корабляхъ бѣлокрылыхъ
Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему покажешь въ отчизнѣ
Всѣ богатства мои, рабовъ и царевы чертоги.
Чувствовалъ я, что тогда ужъ Пелей иль въ землѣ, бездыханный,
Будетъ лежать, иль, можетъ быть, грустно свой вѣкъ доживая,
Будетъ согбенъ отъ печали и лѣтъ, все боясь, что отъ Трои
Вѣстникъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса не стало».
Такъ говорилъ онъ и плакалъ. Сидѣвшіе съ нимъ воздыхали,

Каждый о томъ помышляя, что въ домѣ далекомъ оставилъ.
Взоръ сострадательный съ неба Зевесъ на печальныхъ склонивши,
Быстро къ богинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обращаетъ:
«Или, Паллада, покинутъ тобой Ахиллесъ благородный?
Видишь, какъ онъ на брегу у своихъ кораблей черногрудыхъ,
Плача о мертвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокій. Другіе
Утренней пищей себя подкрѣпляютъ; но онъ не пріемлетъ
Пищи. Лети жъ и во грудь Ахиллесу амврозіи сладкой
Съ нектаромъ влей, чтобъ отъ голода силъ онъ своихъ не утратилъ».
Такъ Зевесъ говорилъ, упреждая желанье Аѳины.
Быстро она—какъ орелъ съ необъятными крыльями, съ звонкимъ
Крикомъ—къ шатрамъ полетѣла съ небесъ. Ужъ ахейцы толпились,
Въ бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозіи сладкой
Съ нектаромъ тайно Аѳина влила, чтобъ отъ голода силы
Онъ не утратилъ, и снова потомъ возвратилась въ обитель
Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно какъ частый, клоками сыплющій снѣгъ, уносимый
Сѣвернымъ, быстро эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ, изъ ставокъ
Сыпались шлемы безчисленны, рой за сверкающимъ роемъ,
Круто согбенныя латы, изъ ясеня твердаго копья,
Съ острою бляхой щиты; до небесъ восходило сіянье;
Въ блескѣ оружій смѣялась земля; подъ ногами бѣгущихъ
Берегъ гремѣлъ. Посреди ихъ броней Ахиллесъ облекался.
Зубы его скрежетали и очи, какъ быстрое пламя,
Рдѣли, сверкая; но сердце его нестерпимой печалью
Было наполнено. Злобой кипя, на троянъ разъяренный,
Взялъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифеста созданье;
Голени въ свѣтлыя, гладкія поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянулъ онъ; огромнымъ
Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на плечо драгоцѣнный
Мечъ съ рукоятью серебряной, съ лезвіемъ мѣднымъ повѣсилъ.
Послѣ надѣлъ необъятный, тяжкій, блескомъ подобный
Полному мѣсяцу щитъ: какъ далекій маякъ мореходцамъ
Свѣтитъ во мглѣ, пламенѣя одинъ на вершинѣ утеса—
Буря же вдаль отъ друзей ихъ несетъ по шумящему морю—
Такъ лучезарно свѣтился божественный щитъ Ахиллесовъ,
Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ тяжелый
Гривистый шлемъ; онъ сіялъ какъ звѣзда и густымъ златовласымъ
Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ воздымавшійся гребень.
Броней одѣянный, силу свою Ахиллесъ испытуетъ:
Двигался въ ней онъ свободно и члены обнявшая броня
Легче казалася крылъ и какъ будто его подымала.
Тутъ онъ отцово копье изъ ковчега прекраснаго вынулъ,
Тяжкоогромное—въ сонмѣ ахеянъ его ни единый
Двинуть не могъ, но легко имъ играла рука Ахиллеса:
Ясень могучій съ гордой главы Пеліона срубивши,
Создалъ Хиронъ то копье для Пелея, врагамъ на погибель.
Автомедонъ и Алкимъ на коней возложили поспѣшно

Свѣтлую збрую и удила силой втѣснили
имъ въ зубы;
Туго потомъ натянувши бразды, впереди
колесницы
Ихъ укрѣпили. Автомедонъ въ колесницу
съ блестящимъ
Прянулъ бичомъ. Ахиллесъ, изготовясь въ
кровавую битву,
Сталъ позади, какъ Геліосъ дивной бронею
сіяя.
Тутъ громогласно къ Пелеевымъ бодрымъ
конямъ онъ воскликнулъ:
«Ксанѳъ и Валій, славныя дѣти Подарги,
вѣрнѣе,
Добрые кони, вы нынѣ правителю вашему
будьте;
Сытаго боемъ его къ кораблямъ возвратите;
не мертвымъ
Въ полѣ оставьте, подобно Патроклу». На
то легконогій,
Дышащій пламенемъ Ксанѳъ отвѣчалъ, до
копытъ наклонивши
Гордую голову—пышная грива упала на
землю;
Ира лилейной рукой разрѣшила языкъ—
онъ промолвилъ:
«Такъ, мы живого еще тебя принесемъ,
сынъ Пелеевъ;
Но предназначенный день твой ужъ близко.
Не нашей
Волей, но силою бога и строгой судьбой
то свершилось;
Нѣтъ, не мы замедленьемъ своимъ и без-
временной лѣнью
Дали троянамъ похитить Патроклову крѣп-
кую броню;
Сынъ густовласыя Литы, богъ неизбѣжный
постигнулъ
Въ битвѣ его и Гектора честью побѣды
украсилъ.
Пусть на бѣгу мы полетъ опреждаемъ Зе-
фира, изъ легкихъ
Вѣтровъ легчайшаго вѣяньемъ крылъ бла-
говонныхъ—но вѣдай:
Ты отъ могучаго бога и смертнаго мужа
погибнешь».
Онъ сказалъ и языкъ обезмолвила сила
Эринній.
Сумраченъ ликомъ, ему отвѣчалъ Ахил-
лесъ быстроногій:
«Ксанѳъ, для чего безполезно мнѣ смерть
прорицаешь? И самъ я
Знаю, что мнѣ далеко отъ отца и отъ матери
должно
Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все
не престану
Биться и мучить троянъ ненасытною
битвой».
Звучно онъ крикнулъ и съ топотомъ гром-
кимъ помчалися кони;
Влѣдомъ за нимъ изъ заградъ побѣжали
ахейцы. Трояне
Ждали ихъ въ полѣ, густыми толпами по-
строясь на холмѣ.
Вѣчный Зевесъ съ многоглавой вершины
Олимпа Ѳемиду
Всѣхъ боговъ пригласить на совѣтъ посы-
лаетъ. Богиня
Имъ повелѣла собраться въ обителяхъ неба.
Предстали
Всѣ: и самые боги потоковъ и въ тѣни-
стыхъ рощахъ,
Въ темныхъ долинахъ, въ источникахъ
тайныхъ живущія нимфы;
Древній одинъ Океанъ не явился. Въ чер-
тогахъ, Ифестомъ
Возданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по
волѣ Зевеса, на тронахъ
Боги сидѣли кругомъ громовержца. При-
званью Ѳемиды
Самъ Посидонъ покорился. Онъ вышелъ изъ
водъ и съ другими
Сѣлъ на совѣтъ. Наконецъ, вопросилъ онъ
владыку Зевеса:
«Богъ громоносный, зачѣмъ ты призвалъ
насъ въ чертоги Олимпа?
Или рѣшить замышляешь ты участь тро-
янъ и ахеянъ,
Вышедшихъ въ поле и снова исполнен-
ныхъ яростью битвы?»
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, отвѣчая, ска-
залъ Посидону:
«Богъ, колебатель земли, ты мои помышле-
нія знаешь,
Знаешь о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ
умъ мой печется.

Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей Олимпа,
Зрѣлищемъ боя себя услаждая. Но вамъ позволяю
Къ войскамъ троянъ и ахеянъ идти, и можете помощь
Той сторонѣ подавать, на которую склонитъ васъ сердце.
Если одинъ Ахиллесъ нападетъ на троянъ— ни мгновенья
Въ полѣ они не подержатся противъ Пелидовой силы;
Трепетъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его появленьи.
Нынѣ жъ, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ погибелью друга,
Я страшусь, чтобъ, судьбѣ вопреки, не разрушилъ и Трои».
Такъ говорилъ Зевесъ, и вспылали безсмертные боемъ.
Съ неба они, раздѣлясь, ко враждующимъ ратямъ слетѣли.
Мощная Ира пошла къ кораблямъ съ Палладой Аѳиной;
Съ ней Посидонъ, облегающій землю и Эрмій, обильный
Кознями, щедрый податель богатства и медленно-тяжкій,
Пламеннооκій Ифестъ, чрезъ силу влекущій хромую
Ногу. Но шлемомъ блестящій Арей обратился къ Троянамъ,
Съ нимъ полнокудрый Ѳебъ и мѣткостью стрѣлъ Артемида
Гордая, Лито и Ксанѳъ и Киприда съ улыбкой привѣтной.
Были надменны ахейцы, пока не вмѣшались боги
Въ бой—Ахиллесъ появленьемъ своимъ, по долгомъ покоѣ,
Ихъ ободрилъ, а троянс, при видѣ Пелеева сына,
Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ трепетали—
Но лишь только сошли олимпійцы ко смертнымъ, Эриннисъ
Страшно свирѣпствовать вдругъ начала.
То стоя на валѣ,
Подлѣ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго моря
Гласомъ могучимъ Аѳина кричала. И черной, подобенъ
Бурѣ, Арей завывалъ, то съ горной вершины Пергама
Клича троянъ, то бѣгая взадъ и впередъ у высокой
Каликолоны, внѣ стѣнъ, невдали Симоисова брега.
Такъ олимпійскіе боги рать на рать возбуждали.
Скоро вездѣ запылалъ разрушительный бой истребленья.
Страшно гремѣлъ всемогущій отецъ людей и безсмертныхъ
Съ неба; внизу колебалъ Посидонъ необъятную землю;
Горы тряслись; отъ подошвы богатой потоками Иды,
Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями дрожало.
Въ царствѣ глубокой, подземныя тьмы Айдоней возмутился;
Блѣденъ съ престола сбѣжалъ онъ и крикнулъ страшася, чтобъ свыше
Твердой земли не пронзилъ Посидонъ сокрушитель, чтобъ оку
Смертныхъ людей и боговъ неприступный Аидъ не открылся,
Страшный, мглистый, пустой и безсмертнымъ самимъ ненавистный.

1817, 1833—1836.

УНДИНА.

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ.

[ПОДРАЖАНІЕ ЛАМОТТЪ ФУКЕ].

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснію была.

Оно прошло, то время золотое;
Съ природы снятъ магическій вѣнецъ;
Свѣтъ узнанный свое лицо земное
Разоблачилъ, и призракамъ конецъ

Но о мечтѣ, какъ о весенней птичкѣ,
Пѣвавшей мнѣ, съ усладой помню я;
И прелести явленьемъ по привычкѣ
Любуется, какъ встарь, душа моя.

Здѣсь есть *одна*—жива, какъ вдохновенье,
Какъ ясная надежда, молода—
На душу мнѣ ея одно явленье
Поэзію наводитъ завсегда...

Передъ пустой когда-то колыбелью
Задумчиво-безмолвенъ я стоялъ.
«Кто обреченъ святому новоселью
«Тобой въ жильцы»? Судьбу я вопрошалъ.

И съ первою блеснувшей мнѣ денницей
Ужъ милый гость въ той колыбели былъ;
Онъ въ ней лежалъ подъ царской багряницей,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ.

Года прошли—и мой расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ;
И мнится мнѣ, что неба уроженецъ
Утѣхой въ немъ на землю присланъ былъ.

Его-то я порою здѣсь встрѣчаю,
Какъ чистую поэзію мою;
Имъ иногда я душу воскрешаю;
При немъ подчасъ, забывшись, я пою.

ГЛАВА I.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРІѢХАЛЪ ВЪ ХИЖИНУ РЫБАКА.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ, случилось,
что въ ясный, весенній
Вечеръ сидѣлъ, передъ дверью избушки
своей, престарѣлый,
Честный рыбакъ и починивалъ сѣть. Сто-
рона та, въ которой
Жилъ онъ, было прекрасное мѣсто. Лугъ,
гдѣ стояла
Хижина, длинной косою входилъ въ ши-
рокое лоно
Моря: можно было подумать, что берегъ
душистый
Въ свѣтлолазурныя, чуднопрозрачныя
воды съ любовью
Нѣжной тѣснился, что море, влажной,
трепещущей грудью
Нѣжно прижавшись къ нему и его обни-
мая, плѣнялось
Свѣжестью шелковой зелени, блескомъ
цвѣтовъ и прохладой
Темныхъ сѣней древесныхъ. Правда, въ
краю томъ немного
Было людей: рыбакъ съ женою и только;
дремучій
Лѣсъ отдѣлялъ полуостровъ отъ твердой
земли. И ужасенъ
Былъ тотъ лѣсъ своей темнотой непри-
ступной; и слухи
Страшные были объ немъ въ народѣ;
тамъ было нечисто:
Злые духи гнѣздилися въ немъ и пугали
прохожихъ
Такъ, что не смѣли и близко къ нему
подходить. Но смиренный,
Старый рыбакъ не боялся враждебныхъ
духовъ; на продажу
Рыбу носилъ онъ въ городъ, лежавшій
за лѣсомъ; полонъ
Набожныхъ мыслей, входилъ онъ въ его
глубину, и ни разу
Тамъ ничего онъ не встрѣтилъ, храни-
мый небесною силой.
Сидя безпечно въ тотъ вечеръ за нево-
домъ, вдругъ онъ услышалъ
Шумъ въ лѣсу, какъ будто бы топотъ
коня и желѣзной
Брони звукъ; онъ слушаетъ: шумъ при-
ближается; робость
Имъ овладѣла, и все, что до тѣхъ поръ
въ ненастныя ночи
Снилось ему о таинственномъ лѣсѣ, пред-
ставилось разомъ
Мыслямъ его; особливо жъ одинъ вели-
канскаго роста,
Бѣлый, всегда головою странно кивающій.
Въ темный
Лѣсъ онъ со страхомъ глядитъ и ему
показалось, что въ самомъ
Дѣлѣ сквозь черныя вѣтви смотритъ
кивающій призракъ.
Вспомнивъ однако, что все никакой еще
не случилось
Съ нимъ бѣды ни въ лѣсу, ни въ избушкѣ,
въ которой такъ долго
Жилъ онъ съ женою вдвоемъ, что нечи-
стый надъ ними не властенъ,

Онъ ободрился, прочелъ молитву, и сдѣлалось скоро
Даже ему и смѣшно, когда онъ увидѣлъ, какую
Шутку съ нимъ глупая робость сыграла: кивающій образъ
Былъ не что иное, какъ быстрый ручей, изъ средины
Лѣса бѣгущій и съ пѣной впадающій въ озеро; шумъ же,
Слышанный имъ, былъ отъ рыцаря: шагомъ, на бѣломъ,
Бодромъ конѣ, изъ чащи лѣсной, онъ ѣхалъ и прямо
Къ хижинѣ ихъ приближался. Мантіей алаго цвѣта
Былъ покрытъ его фіолетовый, золотомъ шитый,
Стройный колетъ; на бархатномъ черномъ баретѣ вилися
Бѣлыя перья; висѣлъ у бедра на цѣпи драгоцѣнной
Мечъ съ золотой рукоятью искусной работы; а бѣлый
Рыцаревъ конь былъ статенъ, силенъ и живъ; онъ, копытомъ
Легкимъ едва къ луговой муравѣ прикасаясь, воздушной
Поступью шелъ и, сгибая красивую шею, какъ лебедь,
Грызъ узду, облитую пѣной. Старикъ, пораженный
Видомъ статнаго рыцаря, неводъ покинулъ и, снявши
Шляпу, смотрѣлъ на него съ привѣтной улыбкой. Приближась,
Рыцарь сказалъ: могу ль я съ конемъ найти здѣсь на эту
Ночь убѣжище?—Милости просимъ, гость благородный;
Лучшимъ стойломъ будетъ коню твоему нашъ зеленый
Лугъ, подъ кровлей вѣтвистыхъ деревъ; а вкусную пищу
Самъ онъ найдетъ у себя подъ ногами; тебѣ жъ мы охотно
Уголъ очистимъ въ нашемъ убогомъ жилищѣ и ужинъ
Скудный съ тобою раздѣлимъ. Рыцарь, кивнувъ головою,
Спрыгнулъ съ коня, его разнуздалъ и по свѣжему лугу
Бѣгать пустилъ; потомъ сказалъ рыбаку: ты охотно,
Добрый старикъ, принимаешь меня, но когда бъ и не столько
Былъ ты сговорчивъ, то все бы со мной не раздѣлался нынче:
Море, вижу я, здѣсь передъ нами, и далѣ дороги
Нѣтъ никакой; а вечеромъ поздно въ этотъ проклятый
Лѣсъ возвращаться, избави Боже! — Не станемъ объ этомъ
Слишкомъ много теперь говорить, сказалъ озираясь
Старый рыбакъ, и въ хижину ввелъ усталаго гостя.
Тамъ, передъ яркимъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ и въ чистой
Горницѣ трепетный блескъ разливавшимъ, на стулѣ широкомъ,
Съ спинкой рѣзною, сидѣла жена рыбака пожилая.
Гостя увидѣвъ, старушка встала, ему поклонилась
Чинно, и сѣла опять, ему отдать не подумавъ
Мѣсто свое. Рыбакъ, засмѣявшись, сказалъ: благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стулъ для себя сберегла: у насъ такой ужъ обычай;
Лучшее мѣсто всегда старикамъ уступается.—Что ты,
Дѣдушка! съ кроткой усмѣшкой сказала хозяйка; вѣдь гость нашъ
Вѣрно такой же Христовъ человѣкъ, какъ и мы, и придетъ ли,
Самъ ты скажи, молодому на умъ, чтобъ ему уступали
Старые люди лучшее мѣсто? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, она продолжала, да только

Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна.
Рыцарь взялъ осторожно скамейку, придвинулъ къ камину,
Сѣлъ, и сердцу его такъ стало пріятно, какъ будто бъ
Былъ онъ у милыхъ родныхъ, возвратяся изъ чужи въ отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь развѣдать о страшномъ
Лѣсѣ хотѣлъ, но рыбакъ ночною порою боялся
Рѣчь о немъ заводить; за то о своей одинокой
Жизни и промыслѣ трудномъ своемъ разсказывалъ много.
Съ жадностью слушали мужъ и жена, когда говорилъ имъ
Рыцарь о томъ, какъ въ разныхъ земляхъ онъ бывалъ, какъ отцовскій
Замокъ его у истоковъ Дуная стоитъ, какъ прекрасна
Та сторона; онъ прибавилъ: меня называютъ Гульбрандомъ,
Имя же замка Рингштетенъ.—Такъ говоря, не однажды
Рыцарь слышалъ какой-то шорохъ и плескъ за окошкомъ,
Точно какъ будто водой кто опрыскивалъ стекла снаружи.
Всякій разъ съ досадой нахмуривалъ брови, послышавъ плесканье,
Старый рыбакъ; но когда же какъ ливнемъ вдругъ обдало стекла,
Такъ, что окно зазвенѣло и въ горницу брызги влетѣли,
Съ сердцемъ вскочилъ онъ и крикнулъ въ окошко съ угрозой: Ундина!
Полно проказничать; стыдно; въ хижинѣ гости. При этомъ
Словѣ стало тамъ тихо, лишь изрѣдка слышенъ былъ легкій
Шопотъ, какъ будто бы кто потихоньку смѣялся. Почтенный
Гость, не взыщи, сказалъ рыбакъ, возвратившись на мѣсто:
Можетъ быть шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нѣтъ у нея. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденышъ; сущій младенецъ,
Все проказитъ, а будетъ ей лѣтъ ужъ осьмнадцать; но сердце
Самое доброе въ ней. Покачавъ головою, старушка
Молвила: такъ говорить ты воленъ; когда ты усталый
Съ ловли приходишь домой, то тебѣ на досугѣ забавны
Эти проказы: но, съ утра до вечера дома глазъ на глазъ
Съ нею пробывъ, отъ нея не добиться путнаго слова—
Дѣло иное; тутъ и святой потеряетъ терпѣнье.
Полно, старуха, рыбакъ отвѣчалъ; ты бьешься съ Ундиной,
Я съ причудливымъ моремъ: развѣ нечасто мой неводъ
Портитъ оно и плотины мои размываетъ, а все мнѣ
Любо съ нимъ; то же и ты, хоть норою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не такъ ли?— Что правда, то правда;
Вовсе ее разлюбить ужъ нельзя, кивнувъ головою,
Кротко сказала старушка. Вдругъ растворилася настежь
Дверь; и въ нее бѣлокурая, легкая станомъ, съ веселымъ
Смѣхомъ впорхнула Ундина, какъ что-то воздушное. «Гдѣ же
«Гости, отецъ? Зачѣмъ ты меня обманулъ?» Но, увидя
Рыцаря, вдругъ замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнувъ звѣздами подъ сумракомъ черныхъ рѣсницъ, устремились
Быстро на гостя, а онъ, изумленный чуднымъ явленьемъ,
Былъ, какъ вкопанный, жадно смотрѣлъ на нее, и боялся
Взоръ отвести: онъ думалъ, что видитъ сонъ, и вглядѣться

Въ образъ прекрасный спѣшилъ, пока
онъ не скрылся. Ундина
Долго смотрѣла, пурпурныя губки раскрывъ, какъ младенецъ;
Вдругъ, встрепенувшись рѣзвою птичкой,
она подбѣжала
Къ рыцарю, стала предъ нимъ на колѣна
и цѣпью блестящей,
Къ коей привѣшенъ былъ мечъ, играя,
сказала: прекрасный;
Милый гость, какою судьбой очутился ты
въ нашей
Хижинѣ? Долго ты по̀ свѣту долженъ былъ
странствовать прежде,
Нежели къ намъ дорогу найти? Скажи,
черезъ лѣсъ нашъ
Какъ ты проѣхалъ? — Но онъ отвѣчать
не успѣлъ; на Ундину
Крикнула съ сердцемъ старушка: оставь
въ покоѣ, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу. Ундина, ни слова
Ей не сказавши въ отвѣтъ, схватила скамейку и, сѣвши
Подлѣ Гульбранда съ своимъ рукодѣльемъ,
тихонько шепнула:
«Вотъ гдѣ я буду работать». Старикъ, притворясь, что не видитъ
Новой проказы ея, хотѣлъ продолжать;
но Ундина
Рѣчь перебила его: у тебя я спросила,
мой милый
Гость, откуда пріѣхалъ ты къ намъ? Дождусь ли отвѣта?—
Изъ лѣсу прямо пріѣхалъ я, прелесть
моя.—Разскажи же,
Какъ ты въ лѣсу очутился, и что въ
немъ чуднаго видѣлъ?
Трепетъ почувствовалъ рыцарь, вспомнивъ
о лѣсѣ; невольно
Онъ обратилъ глаза на окошко, въ которое кто-то
Бѣлый, ему показалось, глядѣлъ; но было
въ окошкѣ
Пусто, за стеклами ночь густая чернѣла.
Собравшись
Съ духомъ, разсказъ онъ готовъ былъ начать; но старикъ торопливо
Молвилъ ему: недоброе время теперь намъ
объ лѣсѣ
Рѣчь заводить; разскажешь намъ завтра.
Услышавши это,
Съ мѣста вскочила Ундина, и глазки ея
засверкали.
Нынче, не завтра онъ долженъ разсказывать! нынче, теперь же!
Вскрикнула съ сердцемъ она, и, бровки
угрюмо нахмуривъ,
Топнула маленькой ножкою объ полъ; и
въ эту минуту
Такъ забавно мила и прелестна была, что
въ Гульбрандѣ
Вспыхнуло сердце, и онъ еще болѣ плѣнился смѣшною,
Дѣтской ея запальчивостью, нежели рѣзвостью прежней.
Но рыбакъ, разсердясь не на шутку, причудницу началъ
Крѣпко журить за ея упрямство и дерзкую вольность
Съ гостемъ. Старушка пристала къ нему.
Тутъ Ундина сказала:
Если браниться хотите со мной, а того
не хотите
Сдѣлать, о чемъ я прошу, такъ прощайте жъ;
одни оставайтесь
Въ вашей скучной, дымной лачужкѣ. Съ
сими словами
Прыгнула въ двери она и въ минуту во
мракѣ пропала

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КАКЪ УНДИНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ЯВИЛАСЬ ВЪ ХИЖИНѢ РЫБАКА.

Рыцарь вскочилъ, за нимъ и рыбакъ, и
бросились оба
Въ дверь, чтобъ ее удержать, но напрасно:
Ундина такъ быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, въ какую
Сторону вздумалось ей побѣжать. Испуганнымъ взоромъ
Рыцарь спросилъ рыбака: что дѣлать?—
Уже это не въ первый
Разъ, рыбакъ проворчалъ: такими побѣгами часто

Насъ забавляетъ она; теперь опять мнѣ придется
Цѣлую ночь напролетъ безъ сна проворочаться съ боку
На бокъ на жесткой постелѣ моей: вѣдь мало ль, что можетъ
Встрѣтиться ночью!—Зачѣмъ же медлить? Пойдемъ поскорѣе
Сами за нею. — Трудъ безполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворѣ: куда мы пойдемъ? И кто угадаетъ,
Гдѣ она спряталась? — Будемъ по крайней мѣрѣ, прибавилъ
Рыцарь, хоть кликать ее. И кричать онъ началъ: Ундина!
Гдѣ ты, Ундина?—Старикъ покачалъ головою. Какъ хочешь,
Рыцарь, кричи, она не откликнется намъ, а ужъ вѣрно
Гдѣ нибудь близко сидитъ; еще ты не знаешь, какая
Это упрямица.—Такъ говоря, старикъ съ безпокойствомъ
Въ темную ночь глядѣлъ и не могъ утерпѣть, чтобъ туда же
Вслѣдъ за Гульбрандомъ не крикнуть: Ундиночка! милая! гдѣ ты?
Правду однако онъ предсказалъ: никакой тамъ Ундины
Не было. Долго кричавъ по-напрасну, они наконецъ возвратились
Оба въ хижину; тамъ ужъ было темно, и старушка,
Менѣе мужа о томъ, что съ Ундиной случится, заботясь,
Спать улеглась, и въ каминѣ огонь, догорѣвши, потухнулъ;
Только немногіе уголья тлѣли и синее пламя,
Изрѣдка вспыхнувъ, трепещущій свѣтъ разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбакъ наполнилъ большую
Кружку виномъ и поставилъ ее передъ гостемъ.—«Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснемъ; такъ не лучше ли будетъ, когда мы,
Вмѣсто того, чтобъ въ безсонницѣ жесткой рогожей
Грѣшное тѣло тереть, посидимъ у огня и за доброй
Кружкой вина о томъ и другомъ побесѣдуемъ? Какъ ты
Думаешь, добрый мой гость?»—Гульбрандъ согласился охотно.
Сѣсть принудивъ его на почетномъ оставленномъ стулѣ,
Честный старикъ помѣстился съ нимъ рядомъ, и вотъ дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждомъ малѣйшемъ
Шорохѣ—стукнетъ ли что въ окошко, и даже нерѣдко
Просто безъ всякаго стука и шороха—вдругъ умолкали
Оба, и, палецъ поднявши, глаза неподвижно уставивъ
Въ двери, слушали; каждый шепталъ: идетъ! и не тутъ-то
Было; не шелъ никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговоръ.—Разскажи мнѣ, сказалъ напослѣдокъ
Рыцарь, какъ вамъ случилось найти Ундину?—А вотъ какъ
Это случилось, рыбакъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣнадцать
Будетъ лѣтъ, какъ я съ товаромъ моимъ черезъ этотъ
Лѣсъ былъ долженъ отправиться въ городъ; жену я оставилъ
Дома, какъ то бывало всегда, а въ то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачѣмъ, ты спросишь? Господь намъ
Въ позднія наши лѣта даровалъ прекрасную дочку;
Какъ же было покинуть ее? Товаръ мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мнѣ ничего, какъ и прежде, въ лѣсу недобраго встрѣтить;
Богъ мнѣ сопутствовалъ всякій разъ, когда черезъ этотъ

Страшный лѣсъ мнѣ идти удавалось: а съ
Нимъ и опасный
Путь не опасенъ. При этомъ словѣ старикъ съ умиленнымъ
Видомъ шапочку снялъ съ головы и, руки сложивши,
Въ набожныхъ мысляхъ минуты на двѣ умолкнулъ; потомъ онъ
Шапочку снова надѣлъ, и такъ продолжалъ: я съ веселымъ
Сердцемъ домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся въ слезахъ навстрѣчу ко мнѣ жена прибѣжала.
Царь небесный! что случилось? я воскликнулъ. Гдѣ наша
Дочка!—Она у того, чье имя ты въ эту минуту,
Бѣдный мой мужъ, призываешь, жена отвѣчала. И, молча,
Горько заплакавъ, пошелъ я за нею въ хижину; тѣла
Милой малютки моей я глазами искалъ тамъ, но тѣла
Не было. Вотъ какъ это случилось: съ нашимъ младенцемъ
Подлѣ воды на травѣ жена спокойно сидѣла;
Съ нимъ въ беззаботномъ весельи играла она; вдругъ малютка
Сильно къ водѣ протянулась, какъ будто чудесное что-то
Въ свѣтлыхъ примѣтя струяхъ; и видитъ жена, что нашъ милый
Ангелъ смѣется, рученками что-то хватая; но въ этотъ
Мигъ какъ будто какой невидимой силой швырнуло
Въ волны дитя, и въ ихъ глубинѣ бѣдняжка пропала.
Долго я тѣла искалъ, но напрасно, нигдѣ и примѣты
Не было. Вотъ мы, на старости двѣ сироты, въ безотрадномъ
Горѣ сидѣли въ тотъ вечеръ вдвоемъ у огня и молчали:
Если бъ и можно было отъ слезъ говорить, то не стало бъ
Духу; итакъ, мы оба молчали, глаза устремивши
Въ тусклый огонь; какъ вдругъ въ дверяхъ послышался легкій
Шорохъ; онѣ растворились—и что же видимъ мы? Чудной
Прелести дѣвочка, лѣтъ шести, въ богатомъ уборѣ,
Намъ улыбаясь, какъ ангелъ, стоитъ на порогѣ. Сначала
Мы въ изумленьи не знали, живой ли то былъ человѣчекъ,
Или обманчивый призракъ какой; но скоро примѣтилъ
Я, что вода съ золотыхъ кудрей и съ платья малютки
Капала: я подумалъ, что вѣрно младенецъ недавно
Былъ въ водѣ, и что скорая помощь нужна.
И, вздохнувши,
Такъ сказалъ я женѣ: никто не подумалъ спасти намъ
Милое наше дитя; по крайней мѣрѣ мы сами
Сдѣлаемъ то для другихъ, чего не могли намъ другіе
Сдѣлать, и что на землѣ блаженствомъ было бы нашимъ.
Мы раздѣли малютку, ее положили въ постель, и напиться
Дали горячаго ей; а она все молчала, и только,
Свѣтло-небесными глазками глядя на насъ, улыбалась.
Скоро заснула она, и свѣжа, какъ цвѣточекъ весенній,
Утромъ проснулась; когда жъ мы распрашивать стали, откуда
Родомъ она и какъ попала къ намъ въ хижину, толку
Не было въ странныхъ отвѣтахъ ея никакого; и вотъ ужъ
Ровно двѣнадцать лѣтъ, какъ съ нами живетъ, а добиться
Путнаго мы не могли отъ нея ничего; по разсказамъ
Вздорнымъ ея подумать легко, что она къ намъ упала

Прямо съ луны: о какихъ-то замкахъ прозрачныхъ, жемчужныхъ
Гротахъ, коралловыхъ рощахъ и разныхъ другихъ небылицахъ
Все твердитъ и теперь, какъ твердила тогда; удалося
Вывѣдать только одно, что, катаясь по морю въ лодкѣ
Съ матерью, въ воду упала она, и что волны на здѣшній
Берегъ ее принесли, гдѣ она и очнулась... Въ сомнѣньи
Тяжкомъ осталися мы: хотя и было не трудно
Намъ рѣшиться, на мѣсто родной потерянной дочки,
Взять чужую, намъ данную Богомъ самимъ; но не знали
Мы, крещена ли она иль нѣтъ? Сказать же объ этомъ
Намъ ничего не умѣла бѣдняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по волѣ Господней
Въ здѣшнемъ свѣтѣ, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что съ волей Господней согласно. И вотъ что
Мы въ такомъ затрудненьи придумали вмѣстѣ съ женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долгъ святой совершить не будетъ грѣха. Но какое
Дать ей имя? И въ умъ намъ пришло, что ее Доротеей
Было бъ всего приличнѣй назвать: мы слыхали, что значитъ
Это имя *даръ Божій*, она же была милосердымъ
Господомъ Богомъ дарована горести нашей въ отраду.
Но объ имени этомъ она и знать не хотѣла. «Ундиной
Звали меня отецъ мой и мать; хочу и остаться
Вѣчно Ундиной!» — Но было ли то христіанское имя,
Мы не знали. И вотъ я пошелъ за священникомъ въ городъ;
Онъ согласился прійти къ намъ; сначала имя Ундины
Было противно ему, какъ и намъ; но наша малютка,
Въ платьецѣ странномъ своемъ, была такъ чудесно красива,
Такъ ласкалась къ нему и въ то же время такъ мило,
Такъ забавно спорила съ нимъ, что самъ онъ не въ силахъ
Былъ противиться ей — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотрѣть на нее въ продолженье святого
Таинства: дикая рѣзвость исчезла, и тихимъ, смиреннымъ
Агнцемъ стояла она, какъ будто бы чувствуя, что съ ней
Въ это время творилось. Правду молвить, немало
Съ нею хлопотъ намъ, и если бы все разсказать мнѣ... Но рыцарь
Тутъ перервалъ рыбака; онъ шепнулъ: послушай! послушай!
Что тамъ?—Не разъ ужъ во время разсказа былъ опъ встревоженъ
Шумомъ воды; но въ эту минуту былъ явственно слышенъ
Ревъ потока, который бѣжалъ съ возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились въ двери;
Въ мѣсячномъ свѣтѣ открылося имъ, что ручей, выходящій
Изъ лѣса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
Съ трескомъ деревья, въ море бѣжалъ; и было все небо,
Такъ же какъ море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность подъ блескомъ и тьмой т епетала; при свистѣ
Вихря было внятно, какъ море свирѣпое голосъ
Свой воздымало, и какъ, скрипя отъ вершины до корня,
Гнулись и шумно сшибались вѣтвями деревья. —Ундина!...

Царь мой небесный!.. Ундина! старикъ закричалъ; но отвѣта
Не было. Оба тогда побѣжали, забывши о бурѣ,
Каждый своею дорогою къ лѣсу и громко при шумѣ
Вѣтра въ ночной глубинѣ раздавалось: Ундина! Ундина!

ГЛАВА III.

О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛА НАЙДЕНА УНДИНА.

Странное что-то чувствовалъ рыцарь, скитаясь во мракѣ
Ночи, подъ шумомъ бури, одинъ, въ безполезномъ исканьи:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призракъ,
Въ темномъ лѣсу его обманувшій, была; и при свистѣ
Вихря, при громѣ воды, при трескѣ деревьевъ, при чудномъ
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращеньи,
Началъ онъ думать, что море, лугъ, источникъ, рыбачья
Хижина, старый рыбакъ и все, что съ нимъ ни случилось,
Было обманъ; но жалобный крикъ старика, зовущій Ундину,
Все ему издали слышался. Вотъ, наконецъ, очутился
Онъ на самомъ краю лѣсного ручья, который въ разливѣ
Бурномъ своемъ бѣжалъ широкою, мутной рѣкою,
Такъ, что отъ лѣса отрѣзанный мысъ, на которомъ стояла
Хижина, сдѣлался островомъ. Боже! рыцарь подумалъ,
Что, когда Ундина отважилась въ лѣсъ, и назадъ ей
Нѣтъ оттуда дороги, и тамъ у злыхъ привидѣній
Плачетъ она одна въ темнотѣ? Отъ ужаса вскрикнувъ,
Онъ поспѣшно поднялъ съ земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сукъ, чтобъ, держась за него, перебраться
Въ лѣсъ черезъ воду. Хотя и самъ онъ дрожалъ, вспоминая
Все, что тамъ видѣлъ прошедшимъ днемъ; хотя и казалось
Въ эту минуту ему, что стоялъ тамъ, ровенъ съ деревами,
Бѣлый, слишкомъ знакомый ему великанъ и, оскаливъ
Зубы, кивалъ ему головою — но самый сей ужасъ
Только что съ большею силою влекъ его въ лѣсъ: тамъ Ундина
Въ страхѣ, одна, безъ защиты была. И вотъ ужъ ступилъ онъ
Смѣлой ногою въ кипучую воду, какъ вдругъ недалеко
Сладостный голосъ сказалъ: «не ходи, не ходи, берегися
«Злого потока; старикъ сердитъ и обманчивъ». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Онъ же стоялъ въ водѣ, озирался и слушалъ: но мѣсяцъ
Темной задернуло тучей и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и онъ, черезъ силу держася,
Былъ какъ въ чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искавъ въ темнотѣ, наконецъ онъ воскликнулъ: Ундина!
Ты ли? Гдѣ ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Самъ въ потокъ за тобой; откликнись; мнѣ лучше погибнуть,
Нежели быть безъ тебя. — И глубже въ воду пошелъ онъ.
Тотъ же голосъ и такъ же близко сказалъ: оглянися!
Въ эту минуту вышелъ мѣсяцъ изъ тучи, и рыцарь
Въ блескѣ его увидѣлъ Ундину. Былъ маленькій островъ
Подлѣ берега быстрымъ разливомъ ручья образованъ;
Тамъ, подъ навѣсомъ деревьевъ густыхъ, въ травѣ угнѣздившись,

Призракомъ свѣтлымъ сидѣла Ундина. Было не трудно
Въ этомъ мѣстѣ потокъ перейти, и Гульбрандъ очутился
Вмигъ близъ Ундины на мягкой травѣ; она жъ, приподнявшись,
Руки вкругъ шеи его обвила и его по неволѣ
Рядомъ съ собой посадила.—Теперь ты разскажешь мнѣ, милый,
Повѣсть свою, шепнула она; мы одни; старики насъ
Здѣсь не услышатъ и скучнымъ своимъ ворчаньемъ не могутъ
Намъ помѣшать; а эта густая древесная кровля
Стѣитъ ихъ хижины дымной.—Здѣсь рай, Ундина! воскликнулъ
Рыцарь, прижавши ко груди ее съ поцѣлуемъ горячимъ.
Въ эту минуту рыбакъ, проискавши напрасно Ундину,
Къ мѣсту тому подошелъ и увидѣлъ ихъ съ берега. Рыцарь!
Онъ закричалъ, непохвальное дѣло ты дѣлаешь; нами
Былъ ты довѣрчиво принятъ; а ты теперь, обнимаясь
Съ нашей дочкой, шепчешься съ нею тайкомъ, и оставилъ
Въ страхѣ меня старика одного попустому за нею
Бѣгать въ потемкахъ. — Я самъ, отвѣтствовалъ рыцарь, лишь только
Въ эту минуту встрѣтился съ нею. — Тѣмъ лучше; скорѣе жъ
Оба ко мнѣ перейдите сюда на твердую землю. —
Но Ундина о томъ не хотѣла и слышать; и лучше
Въ страшный лѣсъ она соглашалася съ милымъ, прекраснымъ
Гостемъ пойти, чѣмъ въ несносную хижину, гдѣ не хотѣли
Дѣлать того, о чемъ просила она, и откуда
Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крѣпко къ нему, она гармонически, тихо запѣла:

«Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется;
«Влившися въ море, она изъ моря назадъ не польется».
Горько заплакалъ рыбакъ, услышавъ ту пѣсню; ее же
Слезы его, какъ будто, не трогали; къ рыцарю съ дѣтской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказалъ ей: Ундина,
Развѣ не видишь, какъ плачетъ отецъ? Не упрямься жъ; намъ должно,
Должно къ нему возвратиться. Въ нѣмомъ изумленьи Ундина
Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потомъ: когда ты такъ думаешь, милый,
Я согласна. И съ видомъ покорнымъ, глаза опустивши,
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь потокъ перешелъ. Старикъ со слезами на шею
Кинулся къ ней и въ радости былъ какъ дитя; прибѣжала
Скоро къ нимъ и старушка; свою возвращенную дочку
Нѣжно они цѣловали; упрековъ не было; въ добромъ
Сердцѣ Ундины все также утихло, и ихъ обнимала
Съ лаской сердечной она, просила прощенья, смѣялась,
Плакала, милыя всѣ имена имъ давала. А утро
Тою порой занялось и буря умолкла, и птицы
Начали пѣть на свѣжихъ, дождемъ ожемчуженныхъ вѣткахъ;
Стало свѣтло, и опять приступать принялася Ундина
Къ рыцарю съ просьбой, чтобъ началъ разсказъ свой. Итакъ, согласились
Завтракъ принесть подъ деревья. Ундина проворно усѣлась
Подлѣ Гульбрандовыхъ ногъ на травѣ; другого же мѣста

Выбрать никакъ не хотѣла; и рыцарь
разсказывать началъ.

ГЛАВА IV.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ СЪ РЫЦАРЕМЪ ВЪ ЛѢСУ.

Вотъ ужъ болѣ недѣли, какъ я въ тотъ
вольный имперскій
Городъ, который лежитъ за вашимъ лѣ-
сомъ, пріѣхалъ;
Тамъ былъ турниръ и рыцари копья ло-
мали усердно.
Я не щадилъ ни себя, ни коня. Подо-
шедши къ оградѣ
Поля, дабы отдохнуть отъ веселой работы,
я шлемъ свой
Снялъ и отдалъ его щитоносцу; и въ эту
минуту
Вижу на ближнемъ алтанѣ дѣвицу, въ
богатомъ уборѣ,
Чудной прелести. Это была молодая Бер-
тальда—
Мнѣ сказали—питомица знатнаго герцога,
въ ближнемъ
Замкѣ живущаго. Мнѣ показалось, что съ
ласковымъ видомъ
Смотритъ она на меня, и во мнѣ загo-
рѣлась двойная
Бодрость; усердно бился я прежде, но съ
этой минуты
Дѣло пошло ужъ иначе. А вечеромъ съ
нею одною
Я танцовалъ; и такъ продолжалось во всѣ
остальные
Дни турнира.—Въ эту минуту почувство-
валъ рыцарь
Сильную боль въ опущенной лѣвой рукѣ;
оглянувшись,
Видитъ онъ, что Ундина, жемчужными
зубками стиснувъ
Палецъ ему, сердито нахмурила бровки
и въ глазкахъ,
Ярко свѣтившихся, бѣгали слезки; потомъ
на Гульбранда
Съ грустнымъ упрекомъ взглянувъ, она
ему погрозила
Пальцемъ; потомъ вздохнула, потомъ на-
клонила головку.
Рыцарь, смутившись, умолкъ на минуту;
потомъ онъ разсказъ свой
Такъ продолжалъ: Бертальда прекрасна, не-
льзя не признаться;
Но черезчуръ ужъ горда и причудлива; мнѣ
во второй разъ
Нравилась менѣ она, чѣмъ въ первый,
а въ третій разъ менѣ,
Чѣмъ во второй. Однако мнѣ показалось,
что болѣ
Всѣхъ другихъ я замѣченъ былъ ею, и
это мнѣ льстило.
Вотъ мнѣ вздумалось въ шутку ее по-
просить, чтобъ перчатку
Мнѣ свою подарила она. Подарю, отвѣчала
Съ гордой усмѣшкой Бертальда, если осмѣ-
лишься, рыцарь,
Съѣздить одинъ въ заколдованный лѣсъ
нашъ, и вѣрныя вѣсти
Мнѣ принесешь о томъ, что въ немъ про-
исходитъ. Перчатка
Мнѣ дорога не была; но было бы рыцарю
стыдно
Вызовъ такой отъ себя отклонить, и я
согласился.—
Развѣ тебя не любила она, спросила Ун-
дина?—
Я ей нравился, рыцарь отвѣтствовалъ,
такъ мнѣ казалось.—
О! такъ она сумасшедшая, вскрикнула
громко Ундина,
Съ радостнымъ смѣхомъ захлопавъ въ ла-
доши. Кто жъ не безумный
Съ милымъ себя разлучитъ и его добровольно
въ волшебный
Лѣсъ на опасное дѣло пошлетъ? Отъ меня бъ
не дождался
Этотъ лѣсъ такой неслыханной почести.—
Рано
Утромъ вчера, продолжалъ Гульбрандъ,
улыбнувшись Ундинѣ,
Я отправился въ путь. Спокойно сіяли
деревья
Въ блескѣ зари, полосами лежавшемъ на
зелени дерна;
Было свѣжо; благовонные листья такъ
сладко шептались,
Все такъ манило подъ сумракъ прозрач-
ный, что я поневолѣ
Злился на глупыхъ людей, которымъ стра-
шилища въ райскомъ

Мѣстѣ такомъ могли померещиться.
Въѣхалъ я въ чащу;
Мало-по-малу все стало пустынно и тихо;
густѣя,
Лѣсъ предо мной и за мною сдвигался, какъ
будто хватая
Тысячью рукъ волшебныхъ меня. Опасаясь
возвратный
Путь потерять, я коня удержалъ: посмотрѣть, высоко ли
Было солнце, хотѣлъ я; глаза подымаю и
что же
Вижу? Черное что-то копошится въ вѣтвяхъ дубовыхъ.
Я подумалъ, что то былъ медвѣдь; обнажаю поспѣшно
Мечъ. Но вдругъ человѣческимъ голосомъ,
дикимъ, визгливымъ,
Мнѣ закричали: кстати пожаловалъ; милости просимъ;
Мы ужъ и вѣтокъ сухихъ наломали, чтобъ
было на чемъ намъ
Вашу милость изжарить. Потомъ, съ отвратительно-дикимъ
Смѣхомъ оскаливши зубы, чудовище такъ
зашумѣло
Вѣтвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успѣлъ разглядѣть, какой тамъ гнѣздился
Дьяволъ. При имени этомъ рыбакъ и старушка съ молитвой
Перекрестились; Ундина жъ тихонько шепнула: всего здѣсь
Лучше по-моему то, что ты не изжаренъ,
мой милый
Рыцарь, и то, что ты съ нами. Разсказывай далѣе.—Конь мой
Мчался, какъ бѣшеный, рыцарь сказалъ;
имъ владѣть не имѣлъ я
Силы; вдругъ передъ нами стремнина, и
скачетъ со мной онъ
Прямо въ нее; но въ самое жъ это мгновеніе кто-то
Длинный, огромный, сѣдой, перерѣзавши
нашу дорогу,
Вдругъ передъ дикимъ конемъ повалился,
и конь, отшатнувшись,
Сталъ, и снова я имъ овладѣлъ. Озираюся—что же?
Мой спаситель былъ не сѣдой великанъ,
а блестящій
Пѣнный ручей, бѣжавшій съ холма. —
Благодарствую, милый,
Добрый ручей, закричала, захлопавъ въ ладоши, Ундина.—
Тяжко вздохнувъ и нахмурясь, рыбакъ
покачалъ головою;
Рыцарь разсказывалъ далѣ. Собравъ повода, укрѣпился
Я на сѣдлѣ. Вдругъ вижу, какой-то стоитъ
человѣчекъ
Рядомъ съ конемъ, отвратительный, грязный горбунъ, земляного
Цвѣта лицо, и носъ огромный такой, что,
казалось,
Былъ онъ длиною со все остальное тѣло
Урода.
Онъ хохоталъ, оскаливалъ зубы, шаркалъ
ногами,
Гнулся въ дугу. Я его оттолкнулъ и, коня
повернувши,
Былъ готовъ пуститься въ обратный путь
(ужъ склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карликъ,
Прянувъ, какъ кошка, дорогу коню заслонилъ. Берегися,
Я закричалъ, раздавлю. Но уродъ, исковеркавшись снова,
Началъ визжать: сперва заплати за работу; ты въ пропасть
Вмѣстѣ съ конемъ бы слетѣлъ, когда бы
не я подвернулся.
Лжешь ты, кривляка, сказалъ я, не ты,
а этотъ источникъ
Насъ сохранилъ отъ паденья. Но вотъ
тебѣ деньги; оставь насъ,
Дай дорогу. И бросивъ одну золотую монету
Въ шапку уроду, поѣхалъ я шибче; но
снова явился
Рядомъ со мной онъ; я шпорю коня; конь
скачетъ, но сбоку
Скачетъ и карликъ, кривляясь, коверкаясь, съ хохотомъ, съ визгомъ,
Высунувъ красный, съ локоть длиною,
языкъ. Чтобъ скорѣе

Съ нимъ развязаться, бросаю опять золотую монету
Въ шапку ему; но, съ хохотомъ дикимъ оскаливши зубы,
Началъ кричать онъ: поддѣльное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!—И въ эту минуту
Мнѣ показалось, что вдругъ просвѣтлѣла земная утроба;
Дернъ изумрудомъ прозрачнымъ сдѣлался; взоръ мой свободно
Могъ сквозь него проницать въ глубину; и тогда мнѣ открылась
Область подземная гномовъ: они гомозились, роились,
Комкались въ клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали въ кучи рубинъ и сапфиръ и смарагдъ, и пускали
Вихри песка золотого другъ другу въ глаза. Мой сопутникъ
Быстро метался то внизъ, то вверхъ; и ему подавали
Слитки огромные золота; мнѣ показавъ ихъ со смѣхомъ,
Каждый онъ въ бездну бросалъ и, изъ пропасти въ пропасть со звономъ
Падая, всѣ въ глубинѣ исчезали. Тогда онъ монету,
Данную мною, швырнулъ съ пронзительнымъ хохотомъ въ бездну;
Хохотомъ, шиканьемъ, свистомъ ему отвѣчали изъ бездны.
Вдругъ взгомозилися всѣ и, толпяся, толкаясь, полѣзли
Кверху, когтистые, пылью металловъ покрытые пальцы
Всѣ на меня растопорщивъ; вся пропасть, казалось, кипѣла;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужасъ меня одолѣлъ; давъ шпоры коню, безъ оглядки
Я поскакалъ... и не знаю, долго ль скакалъ; но очнувшись
Вижу, что нѣтъ никого; привидѣнья исчезли; прохладно
Было въ лѣсу и вечеръ уже наступилъ. Сквозь деревья
Блѣдно мелькала тропинка, ведущая изъ лѣсу въ городъ.
Въѣхать спѣшу я на эту тропинку; но что-то сѣдое,
Зыбкое, дымъ не дымъ, туманъ не туманъ, поминутно
Видъ свой мѣняя, стало межъ вѣтвей и мнѣ заслонило
Путь; я пытаюсь объѣхать его, но куда ни поѣду,
Тамъ и оно; разсердившись скачу на проломъ; но навстрѣчу
Прыщетъ мнѣ пѣна, и ливнемъ холоднымъ я обданъ, и рвется
Конь мой назадъ; ослѣплепъ, промоченъ до костей, я бросаюсь
Вправо и влѣво, но все не могу попасть на тропинку,
Бѣлый никакъ на нее не пускаетъ меня. Попытаюсь
Ѣхать обратно—за мной по пятамъ онъ, но смиренъ, и волю
Путь продолжать мнѣ даетъ; но лишь только опять на тропинку
Взъѣду — онъ тутъ, и опять заслоняетъ ее, и холодной
Пѣной меня обдаетъ. Наконецъ, поневолѣ я выбралъ
Ту дорогу, къ которой меня онъ тѣснилъ такъ упорно;
Онъ унялся, но все отъ меня не отсталъ, и за мною
Блѣдно-туманнымъ столбомъ подвигался; когда же случалось
Мнѣ оглянуться, то чудилось мнѣ, что этотъ огромный
Столбъ съ головой, что въ меня упирались тускло и зорко
Съ чуднымъ какимъ-то миганьемъ глаза, и кивала
Всякій разъ голова, какъ будто меня понукая
Ѣхать впередъ. Но порою мнѣ просто казалось, что этотъ
Странный гонитель мой былъ лѣсной водопадъ. Наконецъ, я,

Выѣхавъ изъ лѣсу, здѣсь очутился и встрѣтился съ вами,
Добрые люди. Тогда пропалъ и упрямый мой спутникъ.—
Рыцарь кончилъ разсказъ свой. Мы рады тебѣ, благородный
Гость нашъ, сказалъ рыбакъ, но пора и о томъ намъ подумать,
Какъ бы тебѣ возвратиться въ городъ.—Ундина, услышавъ
Эти слова, начала про себя тихомолкомъ смѣяться
Съ видомъ довольнымъ. То рыцарь замѣтивъ, сказалъ ей: Ундина,
Развѣ ты рада разлукѣ со мною? Чему ты смѣешься?—
Я ужъ знаю чему, отвѣчала Ундина. Отвѣдай
Этотъ сердитый потокъ переплыть—верхомъ иль на лодкѣ,
Какъ угодно — анъ нѣтъ, не удастся! а моремъ... давно я
Знаю, что этого сдѣлать нельзя; и отецъ недалеко
Въ море уходитъ съ лодкой своею. Итакъ, оставайся
Съ нами, радъ ли, не радъ ли. Вотъ чему я смѣюся.
Рыцарь съ улыбкою всталъ, чтобъ видѣть, такъ ли то было,
Что говорила Ундина; всталъ и рыбакъ; а за ними
Вслѣдъ и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей въ лѣсу; потокъ разлился и сталъ полуостровъ
Островомъ. Рыцарь не могъ о возвратѣ и думать, и долженъ
Былъ поневолѣ онъ ждать, пока въ берега не вольется
Снова потокъ. Возвращаяся къ хижину рядомъ съ Ундиной,
Онъ ей шепнулъ: что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что съ вами
Я остаюся?—Полно, полно, она проворчала, Бровки нахмуривъ, не вздумай тебя укусить я за палецъ,
Ты бы не то разсказалъ намъ объ этой несносной Бертальдѣ.

ГЛАВА V.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖИЛЪ У РЫБАКА ВЪ ХИЖИНѢ.

Можетъ быть, добрый читатель, тебѣ случалося въ жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Мѣсто, гдѣ было тебѣ хорошо, гдѣ живущая въ каждомъ
Сердцѣ любовь къ домашнему быту, къ семейному миру
Съ новою силой въ тебѣ пробуждалась; и снова ты видѣлъ
Край родимый; и всѣ обаянія младости, блага
Первой, чистой любви на могилахъ минувшаго снова
Въ прежней красѣ расцвѣтали, и ты говорилъ, отдыхая:
Здѣсь живется сладко, здѣсь сердцу будетъ пріютно.
Вспомнивъ такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнималъ безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что долженъ былъ чувствовать рыцарь,
Вдругъ поселившися въ этомъ предѣлѣ, далеко отъ свѣта.
Часто онъ съ радостью тайной смотрѣлъ, какъ потокъ, свирѣпѣя,
День ото дня расширялся, и островъ все далѣ и далѣ
Въ море входилъ, разлучаяся съ твердой землею; казалось,
Міръ кончался за нимъ. На сердцѣ рыцаря стало
Тихо, свѣтло и легко. Рыбакъ былъ мудрецъ простодушный;
Зная людей, извѣдавъ тревоги житейскія, бывши
Ратникомъ самъ въ молодыхъ лѣтахъ, онъ много
Могъ разсказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словомъ онъ былъ живая лѣтопись; время безъ скуки
Шло въ разговорахъ межъ старцемъ отжившимъ и юношей, полнымъ

Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо изъ жизни
Взятая здравымъ разсудкомъ и вѣрою въ Бога, вливалась
Въ душу Гульбранда и въ ней поселяла блаженную ясность.
Бодрый старикъ промышлялъ попрежнему рыбною ловлей;
Былъ не безъ дѣла и рыцарь: въ хижинѣ къ счастью нашелся
Старый доспѣхъ рыбака, самострѣлъ; его починивши,
Съ нимъ ежедневно рыцарь ходилъ на охоту; а вечеръ
Вмѣстѣ всѣ передъ яркимъ огнемъ проводили, и полный
Кубокъ тогда частенько постукивалъ въ кубокъ: въ запасѣ
Было вино и нерѣдко съ нимъ длилась бесѣда до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
Въ этомъ жилищѣ, куда суеты не входили, какимъ-то
Райскимъ видѣньемъ сіяла она: чистота херувима,
Рѣзвость младенца, застѣнчивость дѣвы, причудливость Никсы,
Свѣжесть цвѣтка, порхливость Сильфиды, измѣнчивость струйки.
Словомъ, Ундина была несравненнымъ, мучительно-милымъ,
Чуднымъ созданьемъ; и прелесть ея проницала, томила
Душу Гульбранда, какъ прелесть весны, какъ волшебство
Звуковъ, когда мы такъ полны болѣзненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нравъ и смѣшныя причуды Ундины
Были подчасъ и докучливой мукой; за то и журили
Крѣпко ее старики; и тогда шалунья такъ мило
Дулась на нихъ, такъ забавно ворчала; потомъ такъ сердечно
Съ ними, раскаясь, мирилась; потомъ проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Свѣтью, которою мало-по-малу опуталось сердце
Рыцаря. Съ нею онъ сталъ неразлученъ; съ каждою мыслью,
Съ каждымъ чувствомъ слилася Ундина. Но, имъ обладая,
Той же силѣ она и сама покорялась; хотя въ ней
Все осталось попрежнему, рѣзвость, причуды, упрямство,
Вздорныя выдумки, дѣтскія шалости, взбалмошный хохотъ,
Но Ундина любила—любила безпечно, какъ любитъ
Птичка, летая средь чистаго неба. Старикъ и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вмѣстѣ, невольно привыкли
Ихъ почитать женихомъ и невѣстой. И рыцарю также
Часто на мысль приходило, что въ міръ для него невозвратно
Входъ загражденъ, что съ людьми никогда ужъ ему не встрѣчаться
Если жъ случалось, что рыцаревъ конь, на свободѣ бродившій
По лугу, ржаньемъ своимъ его пробуждалъ и какъ будто
Спрашивалъ: скоро ли въ битву? иль, если ему попадался
Брошенный щитъ на глаза; иль праздно .на стѣнкѣ висѣвшій
Мечъ, ненарокомъ сорвавшись съ гвоздя, изъ ноженъ выдвигался
Въ звонкомъ паденьи—дума о славѣ и подвигахъ бранныхъ
Душу его шевелила. Но въ этой тревогѣ себя онъ
Тѣмъ утѣшалъ, что возвратъ для него невозможенъ; къ тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словомъ, онъ вѣрилъ, что все то не случай, а Божій
Промыселъ было. И такъ одинъ за другимъ непримѣтно

Дни уходили, ясные, тихіе. Но и въ спокойномъ
Этомъ быту напослѣдокъ случилось разстройство: привыкли
Каждый вечеръ рыбакъ и рыцарь, отужинавъ, съ полнымъ
Кубкомъ часъ другой проводить въ разговорѣ радушномъ;
Вдругъ не достало вина: запасъ рыбака небогатый
Вышелъ; взять же новаго было негдѣ. Наморщивъ
Лбы, сидѣли Гульбрандъ и рыбакъ за столомъ; а Ундина,
Глядя на нихъ, умирала со смѣху. Скученъ и дологъ
Былъ тотъ вечеръ и рано всѣ разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина изъ хижины. Вы мнѣ
Оба несносны, сказала она; не хочу я на ваши
Длинныя лица смотрѣть и слушать вашу зѣвоту.
Съ этимъ словомъ, захлопнула двери и скрылась. А вечеръ
Былъ ненастенъ, вѣтеръ шумѣлъ и море сердилось.
Въ страхѣ рыбакъ и рыцарь вскочили, вспомнивъ, какъ въ первый
Разъ они перепуганы были Ундиной. Но только
Въ двери за нею они собрались побѣжать, какъ Ундина
Имъ навстрѣчу явилась сама. За мною! за мною
Всѣ! закричала она, гостинецъ прислало намъ море;
Бочка и вѣрно съ виномъ лежитъ на пескѣ. За Ундиной
Всѣ пошли, и подлинно—бочка нашлася; поспѣшно
Рыцарь, старикъ и съ ними Ундина ее покатили
Къ хижинѣ: буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, какъ на морѣ волны свои подымали сѣдыя
Головы, дождь вызывая изъ тучъ; и тучи бѣжали
Шибко и шумно, какъ будто грозятся напасть на идущихъ;
Вотъ ужъ начали сыпаться первыя капли. Ундина
Вдругъ повернула головку и, пальчикъ поднявши, сердито
Имъ погрозила тучѣ и ей закричала: смотри ты,
Туча, не смѣй замочить насъ; еще намъ далеко до дома.
Съ сердцемъ рыбакъ ей сказалъ: уймися, Ундина, грѣхъ! И, умолкнувъ,
Стала она про себя потихоньку смѣяться. Однако
Засухо всѣ добралися до мѣста; но только успѣли
Бочку подъ кровлю поставить и вскрыть и отвѣдать, какое
Было вино въ ней, какъ дождь проливной зашумѣлъ, зашатались
Со скрипомъ деревья, и море дико завыло. Но бурю
Въ хижинѣ скоро забыли; за полными кружками снова
Умъ разогрѣлся и ожили шутки; и этой бесѣдѣ
Прелесть двойную давалъ огонекъ, всегда столь пріятный
Въ тепломъ пріютѣ, при шумѣ вѣтра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдругъ старикъ, какъ будто что вспомнивъ,
Сталъ задумчивъ; потомъ, помолчавши минуту, сказалъ онъ:
Царь небесный, помилуй насъ грѣшныхъ! мы здѣсь на досугѣ
Шутимъ и этимъ прекраснымъ виномъ веселимся; а бѣдный
Прежній хозяинъ его, быть можетъ, погибъ и, волнами
Брошенный Богъ вѣсть куда, лишенъ погребенья. При этомъ
Словѣ Ундина съ лукавой усмѣшкой подвинула кружку
Къ рыцарю. Пей, не бойся, она прошептала. Но рыцарь

За руку взялъ старика и воскликнулъ: я честью клянуся
Если бъ могли мы его отыскать и спасти, то ночная
Буря помѣхою мнѣ не была бы; съ опасностью жизни
Я бы на помощь къ нему побѣжалъ; за то обѣщаюсь,
Если когда возвращуся въ край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль дѣтямъ его заплатить за прекрасный
Этотъ напитокъ, который безъ воли его намъ достался.
Добрый старикъ кивнулъ головою въ знакъ одобренья;
Въ немъ успокоилась совѣсть и съ бблышимъ вкусомъ онъ допилъ
Кружку. Но тутъ Ундина сказала Гульбранду: ты денегъ
Сколько угодно можешь за это вино разсорить; но бросаться
Въ воду и жизни своей не жалѣть... вотъ это ужъ глупо
Сказано было; что же будетъ со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше съ Ундиной
Здѣсь останешься?—Правда, Ундиночка, рыцарь съ улыбкой
Ей отвѣчалъ.—Признайся жъ, что глупо сказалъ ты; вѣдь каждый
Самъ себѣ ближе; и что до другихъ намъ?.. Старушка, услышавъ
Это, тяжко вздохнула; а добрый рыбакъ, не стерпѣвши,
Началъ кричать на Ундину: у турковъ, у нехристей что ли
Выросла ты, прости мнѣ Господи? Что за горячку
Снова ты намъ говоришь, грѣховодница? Вдругъ замолчавши,
Робко Ундина прижалась къ Гульбранду; потомъ прошептала:
Что же такое сказала я имъ? Ужъ и ты не сердить ли,
Милый мой рыцарь? Но рыцарь, пожавши ей руку, расправилъ
Кудри, упавшіе кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не отвѣтствовалъ: брань рыбака его оскорбила.
Такъ сидѣли всѣ четверо, молча, нахмуривши брови;
Добрую четверть часа продолжалося это молчанье.

ГЛАВА VI.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ЖЕНИЛСЯ.

Вдругъ, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздрогнули всѣ, какъ будто недоброе что-то почуя:
Страшный лѣсъ былъ близко, а къ хижинѣ доступъ разливомъ
Былъ загражденъ человѣку живому; кому же въ такую
Позднюю пору зайти къ нимъ? Они съ безпокойствомъ смотрѣли
Другъ на друга. Снова послышался стукъ; и поспѣшно
Рыцарь схватился за мечъ. Не поможетъ твой мечъ, сотворивши
Крестъ, рыбакъ прошепталъ, когда здѣсь случается съ нами
То, о чемъ и подумать боюсь я. Но въ эту минуту
Прыгнула съ мѣста Ундина и въ дверь закричала сердито:
Кто тамъ? Если, то ваши проказы, духи земные,
Будетъ бѣда вамъ; мой дядя Струй васъ порядкомъ проучитъ.
Пуще прежняго всѣ оробѣли, слова тѣ услышавъ.
Другъ на друга взглянули старикъ и старушка; а рыцарь
Всталъ и хотѣлъ ужъ Ундину спросить, но тутъ изъ-за двери
Голосъ сказалъ: я не духъ, человѣкъ, христіанинъ; впустите
Ради Господа Бога меня. При этомъ поспѣшно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночникъ, во внутренность темной
Ночи стала свѣтить: престарѣлый священникъ стоялъ тамъ.

Онъ, при видѣ Ундины, назадъ отступилъ, приведенный
Въ робость ея поразительной прелестью; въ бѣдной лачужкѣ
Встрѣчу такой красоты онъ волшебствомъ, иль дѣломъ бѣсовскимъ
Счелъ и воскликнулъ: съ нами Господь и Пречистая Дѣва!
—Я не бѣсъ, засмѣявшись, сказала Ундина: не бойся;
Милости просимъ, отецъ; войди, здѣсь добрые люди.
Патеръ вошелъ и ласково всѣмъ поклонился; пріятенъ
Былъ онъ лицомъ; веселая кротость сіяла во взорахъ.
Но по складкамъ длиннаго платья его, съ распущенныхъ
Бѣлыхъ волосъ и сѣдой бороды катилися градомъ
Капли: его промочило дождемъ. Въ боковую каморку
Тотчасъ его отвели, чтобъ раздѣть; а старушка съ Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огнѣ. Съ благодарнымъ
Чувствомъ услуги старикъ принималъ; онъ, надѣвъ рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышелъ, и снова
Всѣ за столомъ передъ свѣтлымъ камином усѣлись; старушка
Гостю сама уступила почетный стулъ, а Ундина
Въ ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнулъ ей шутливое слово; но съ важнымъ
Видомъ она отвѣчала: онъ Божій служитель; не должно
Этимъ шутить.—Поужинавъ, добрымъ виномъ подкрѣпивши
Силы свои, священникъ разсказывать началъ, какимъ онъ
Образомъ свой монастырь, лежащій близъ моря, вчерашнимъ
Утромъ покинулъ. Я былъ къ епископу нашему въ городъ
Посланъ, сказалъ онъ: хотя и есть по изгибу залива
Путь, но моремъ ближе; и я съ гребцами надежными лодку
Нанялъ; съ Богомъ мы съѣздили; нынче жъ поутру въ обратный
Поплыли путь; но сдѣлался вѣтеръ противный; а къ ночи
Буря—и буря, какой мнѣ ни разу видать не случалось;
Вѣтромъ вырвало весла изъ рукъ у гребцовъ; безпомощно
Были мы преданы морю, котораго волны, какъ щепку,
Нашъ челнокъ подымали съ хребта на хребетъ; и несло насъ
Прямо сюда; сквозь туманъ и сквозь пѣну чернѣлъ въ отдаленьи
Этотъ берегъ: ужъ были мы близко; но бѣдную лодку
Нашу такъ и кружило; вдругъ поднялась и на насъ повалилась
Съ страшнымъ шумомъ большая волна; и самъ я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпалъ изъ лодки,
Только я вдругъ очутился въ водѣ. Господь не дозволилъ
Мнѣ погибнуть... я былъ принесенъ невредимо на этотъ
Островъ.—Да, островъ, сказалъ со вздохомъ рыбакъ; но давно ли
Былъ онъ твердой землею? Какъ же не скажешь, что море
Съ нашимъ потокомъ бурлитъ заодно?— И самъ я подумалъ
Что-то подобное, патеръ сказалъ; когда я тащился
Берегомъ вашимъ впотьмахъ, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошелъ; но эта тропинка исчезла
Вдругъ передъ лѣсомъ; ее перерѣзалъ потокъ. Тутъ сверкнулъ мнѣ
Въ вашей хижинѣ свѣтъ и тотчасъ сюда повернулъ я.
Слава Господу Богу! меня онъ спасъ, да и къ добрымъ

Людямъ еще мнѣ путь указалъ; но за
то ужъ отнынѣ
Кромѣ васъ никого на землѣ не встрѣ-
чать мнѣ; отнынѣ
Въ этомъ углу весь міръ для меня за-
ключенъ.—Почему же?
Рыцарь спросилъ.—Да кто жъ, отвѣтство-
валъ патеръ, узнаетъ
Скоро ли кончится эта война безпоря-
дочныхъ стихій?
Я же старъ, и силы мои, конечно, изсякнутъ
Прежде, чѣмъ этотъ разлившійся бурный
потокъ; да случиться
Можетъ и то, что день ото дня все шире
и шире,
Глубже и глубже онъ дѣлаться будетъ, и
вы напослѣдокъ
Такъ далеко отъ земли отодвинетесь въ
море, что въ людяхъ
Даже и память объ васъ совсѣмъ пропа-
детъ; и тѣмъ легче
Можетъ это случиться, что васъ отъ земли
заслоняетъ
Лѣсъ дремучій; потокъ же, я видѣлъ, такъ
дикъ и порывистъ,
Такъ широкъ, что и крѣпкому судну не
будетъ возможно
Силы его одолѣть.—Сохрани насъ Господь
и помилуй,
Крестъ сотворивши, сказала старушка.—
Чего же хозяйка
Такъ испугалась, рыбакъ возвразилъ? Не
то же ли будетъ
Съ нами, что было? Чудное дѣло желанья
людскія!
Развѣ не все одни мы здѣсь жили? Ни
разу во столько
Лѣтъ не ходила ты далѣ опушки нашего
лѣса.
Кромѣ меня старика и Ундины, кого ты
видала?
Нынѣ же стало у насъ и людно: Господь
Богъ послалъ намъ
Добрыхъ гостей на житье. Нускай совсѣмъ
разлучится
Островъ нашъ съ твердой землею и люди
о насъ позабудутъ,
Намъ же прибыль.—Что правда, то правда,
сказала старушка;
Только признаться, мнѣ какъ то страшно
подумать, что вѣчно
Намъ ужъ съ людьми не сойтись, что
землѣ навсегда мы чужіе.
То услыша, Ундина прижалася къ рыцарю,
жаркой
Ручкой стиснула руку ему, и, уставивши
глазки,
Полные острыхъ лучей, на него, нарас-
пѣвъ прошептала:
«Ты останешься съ нами, ты останешься
съ нами».
Рыцарь молчалъ; онъ былъ очарованъ
какимъ-то видѣньемъ;
Былъ глубоко въ себя погруженъ, и Ун-
диной, желаннымъ,
Найденнымъ счастіемъ жизни полный въ
душѣ, не разслушалъ
Словъ Ундины, проказницы рѣзвой, си-
дѣвшей съ нимъ рядомъ;
Мигъ насталъ роковой: священникъ своими
словами
Всѣ сомнѣнья рѣшилъ; все далѣ и далѣ
за темный
Лѣсъ убѣгалъ обитаемый свѣтъ, а островъ
цвѣтущій,
Гдѣ такъ сладко жилось, все свѣжѣй, зе-
леней, все пріютнѣй
Сердцу его становился — невѣста, какъ
чистая роза,
Тамъ расцвѣтала; и къ нимъ какъ будто
бы свыше былъ посланъ
Божій священникъ: то явно было не слу-
чай. Къ тому же
Рыцарь замѣтилъ, какъ строго старикъ
поглядѣлъ на Ундину
Въ ту минуту, когда, позабывъ о служи-
телѣ церкви,
Такъ беззаботно она къ нему приласка-
лась. Ундину
Сильной рукой обхвативши, рыцарь всталъ
и воскликнулъ:
Честный отецъ, мы женихъ и невѣста; во
имя Господне
Благослови насъ, если дадутъ позволеніе эти
Добрые люди. Рыбакъ и старушка весьма
изумились.
Правда, имъ часто входило на мысль, что
такая развязка

Рано иль поздно случиться должна; но
об этомъ молчали
Даже другъ съ другомъ они; и въ это
мгновеніе было
Вовсе нежданнымъ для нихъ предложеніе
рыцаря. Долго
Слова ему отвѣчать они не умѣли. Ундина жъ
Вдругъ присмирѣла, задумалась, глазки
потупила въ землю.
Тою порою священникъ, спросясь съ старикомъ и старушкой,
Началъ готовить вѣнчальный обрядъ; старушка, очистивъ
Наскоро горницу ту, гдѣ жила съ рыбакомъ, отыскала
Двѣ восковыя свѣчки, которыя были во
время
Оно на свадьбѣ ея зажжены: а рыцарь
изъ звеньевъ
Цѣпи своей золотой отдѣлилъ два кольца,
чтобъ съ невѣстой
Было чѣмъ обручиться. Все устроивъ, священникъ
Брачныя свѣчи зажегъ, и сказалъ жениху и невѣстѣ:
Дайте руку другъ другу.—Ундина, какъ
будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснѣла, и, руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала
съ нимъ рядомъ.
Кончивъ вѣнчальный обрядъ, новобрачныхъ отецъ ихъ духовный
Перекрестилъ; старики жъ молодую жену
и Гульбранда
Обняли съ чувствомъ родительскимъ, громко
рыдая. Но въ этотъ
Мигъ священникъ сказалъ: вы странные
люди! не сами ль
Вы говорили, что этотъ островъ безлюденъ, что кромѣ
Васъ четверыхъ не живетъ никого здѣсь?
А я въ продолженье
Службы, все видѣлъ, что кто-то въ это
окошко, въ широкомъ
Бѣломъ платьѣ, сѣдой и длинный, глядѣлъ; за дверями
Вѣрно стоитъ и теперь онъ, и ждетъ,
чтобъ впустили.—Спаси насъ
Дѣва Пречистая Божія Матерь, сказала
старушка;
Молча рыбакъ покачалъ головою; а рыцарь къ окошку
Бросился: не было тамъ никого; но что-то
въ потемкахъ,
Видѣлъ онъ, бѣлой струею мелькнуло и
и скрылось. Отецъ мой,
Ты ошибся, сказалъ онъ священнику.
Всѣ беззаботно
Съ этимъ словомъ кругомъ огонька по-
прежнему сѣли.

ГЛАВА VII.

о томъ, что случилось въ свадебный вечеръ.

Смирно стояла Ундина во все продолженье обряда:
Но лишь только онъ кончился, вдругъ,
какъ будто волшебной
Силой какой, что ни было въ ней и причудъ и безпутныхъ
Выдумокъ, все забродило и вспѣнилось;
вдругъ принялася
Всѣхъ тормошить,—старика, старушку и
рыцаря, не былъ
Даже и самъ священникъ оставленъ въ
покоѣ. Суровымъ
Словомъ хотѣла хозяйка шалунью унять,
какъ бывало; но рыцарь
Съ значащимъ взглядомъ назвалъ ее
своею женою;
Та замолчала. И самъ онъ однако такимъ поведеньемъ
Не былъ доволенъ; но тутъ ни его увѣщанья, ни ласки
Ниже упреки, ничто помочь не могло.
Унималась,
Правда, она на минуту, когда замѣчала
досаду
Рыцаря: нѣжно тогда къ нему прижимаясь, ручонкой
Милой своею трепала его по щекѣ и
шептала
На ухо слово любви съ небесной улыбкой; но снова
Съ первою взбалмошной мыслію то жъ
начиналось и пуще,

Нежели прежде. Священникъ сказалъ напослѣдокъ: Ундина,
Рѣзвость такая забавна, но въ эту минуту приличнѣй
Было бы вамъ, новобрачной, подумать о томъ, какъ съ душою
Даннаго Богомъ супруга свою сочетать христіански
Душу.—Душу? смѣясь закричала Ундина. Такое
Слово пріятно звучитъ; но много ли въ этомъ пріятномъ
Звукѣ смысла? А если кому души не досталось,
Что тому дѣлать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня? — Оскорбленный глубоко, священникъ,
Строго взглянувъ на нее, замолчалъ; испугавшись, Ундина
Съ дѣтскимъ смиреньемъ къ нему подошла и шепнула: послушай,
Добрый отецъ, не сердися, мнѣ это такъ грустно, такъ грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобнымъ,
Робкимъ созданьемъ, такъ строгъ; напротивъ того, съ снисхожденьемъ
Выслушай то, что хочу исповѣдать искреннимъ сердцемъ.
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердцѣ Ундины;
Что-то хотѣла сказать, но вдругъ поблѣднѣла и горько,
Горько заплакала. Всѣ на нее съ любопытствомъ смотрѣли;
Что творилося съ нею, не вѣдалъ никто. Напослѣдокъ
Слезы обтерла она и священнику, въ сильномъ волненьи
Сжавши руки, сказала: отецъ мой, не правда ль, ужасно
Душу живую имѣть? И не лучше ль, скажи мнѣ, не лучше ль
Вѣчно пробыть безъ души?.. Она замолчала, уставивъ
Острый, разстроенный взоръ на священника. Всѣ поднялися
Съ мѣстъ, какъ будто дичася ея; не дождавшись отвѣта,
Съ тяжкимъ вздохомъ, она продолжала: великое бремя,
Страшное бремя душа! при одномъ ужъ ея ожиданьи
Грусть и тоска терзаютъ меня; а донынѣ мнѣ было
Такъ легко, такъ свободно.—Она опять зарыдала,
Скрыла въ ладони лицо и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а свѣтлые кудри, скатясь на прекрасный
Лобъ и на жаркія щеки, повисли густымъ покрываломъ.
Съ строгимъ лицомъ подошелъ къ ней священникъ; Ундина, сказалъ онъ,
Именемъ Господа Бога тебѣ говорю: исповѣдуй
Душу свою передъ нами, и, если таится въ ней злое,
Богъ милосердъ, Онъ помилуетъ.—Тихимъ, покорнымъ младенцемъ
Стала она передъ нимъ на колѣна, и, руки сложивши,
Набожно къ небу глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божіе славя, твердила, что не было зла никакого
Въ сердцѣ ея. Священникъ сказалъ, обратяся къ Гульбранду:
Рыцарь, вамъ повѣряю я ту, съ которою нынѣ
Самъ сочеталъ васъ: душою она безпорочна, но много
Чуднаго въ ней. Примите мой добрый совѣтъ: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердаго Бога
Съ вѣрой оставьте.—Сказавъ, новобрачныхъ священникъ
Перекрестилъ и вышелъ: за нимъ рыбакъ и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на колѣняхъ стояла въ молчаньи; когда же

Всѣ удалились, она потихоньку лицомъ обернулась
Къ рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, какъ будто
Въ чувство входя, головку свою подняла и уныло
Очи лазурныя, полныя слезъ, на него устремила.
—Милый, ты вѣрно также покинешь меня, прошептала
Робко она: но чѣмъ же я, бѣдная, чѣмъ виновата?—
Руки ея такъ призывно, такъ жарко къ нему поднялися,
Взоры ея такъ похожи на небо прекрасное стали,
Голосъ ея такъ глубоко изъ сердца раздался, что рыцарь
Все позабылъ, и въ порывѣ любви протянулъ къ ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась къ милому въ руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онѣмѣла.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что случилось на другой день свадьбы.

Свѣжій утренній лучъ разбудилъ новобрачныхъ; блаженствомъ
Ясныя очи Ундины горѣли; а рыцарь въ глубокой
Думѣ молчалъ про себя; всю ночь онъ видѣлъ какой-то
Странный, мучительный сонъ: все снилось ему, что хотѣли
Бѣсы его обольстить подъ видомъ красавицъ, что въ змѣевъ
Адскихъ красавицы всѣ передъ нимъ обращались. Проснувшись
Въ страхѣ, онъ началъ смотрѣть недовѣрчиво: тутъ ли Ундина?
Нѣтъ ли въ ней какой перемѣны?.. Но было все тихо,
Буря кончилась; полный мѣсяцъ свѣтилъ, и Ундина
Сномъ глубокимъ спала, положивши горячую щеку
На руку; вольно дышала она и сквозь сонъ, какъ журчанье,
Шопотъ невнятный бродилъ по жарко-раскрывшимся губкамъ.
Видомъ такимъ успокоенный, рыцарь заснулъ, но въ другой разъ
Тотъ же сонъ! наконецъ засіяла заря и проснулися оба.
Сонъ разсказавши, рыцарь просилъ, чтобъ Ундина простила
Страхъ безразсудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
Съ грустью она ему подала, и ни слова; но сладкій,
Полный глубокой любовію взглядъ, какого дотолѣ
Рыцарь въ лазоревыхъ глазкахъ ея не встрѣчалъ, безотвѣтно
Выразилъ все. Съ довольнымъ сердцемъ онъ всталъ, и къ домашнимъ
Вышелъ; всѣ трое сидѣли, молча, на лицахъ ихъ видно
Было, что тяжко тревожило ихъ ожиданье развязки;
Видно было, что внутренно Бога священникъ молилъ: да поможетъ
Имъ защититься отъ козней врага. Но какъ скоро явился
Съ яснымъ лицомъ новобрачный, то вмигъ и у нихъ просіяли
Души и лица; рыбакъ и старушка заплакали; къ небу
Взоръ благодарный поднялъ священникъ. Потомъ и Ундина
Вышла; они хотѣли пойти къ ней навстрѣчу, но стали
Всѣ неподвижны: такъ знакома и такъ незнакома
Имъ въ красотѣ довершенной она показалась. Священникъ
Первый къ ней подошелъ; но лишь только онъ руку, чтобъ дать ей
Благословеніе, поднялъ, она ему поклонилась
Въ землю и стала прощенья просить въ словахъ безразсудныхъ,
Сказанныхъ ею вчера; потомъ примолвила: добрый
Другъ, помолись о спасеньи моей души многогрѣшной.

Вставши, она обняла стариковъ, и то, что сказала
Имъ, было такъ полно души, такъ было ихъ слуху
Ново, и такъ далеко отъ всего, что прежде плѣняло
Въ ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслухъ и ее называли небеснымъ
Ангеломъ, дочкой родною; она же съ сердечнымъ смиреньемъ
Ихъ цѣловала; такой и осталась она съ той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, въ то же
Время дѣвственно-чистымъ, божественно-милымъ созданьемъ.
Рыцарь, старикъ и старушка, давно ужъ привыкнувъ къ причудамъ
Дѣтскимъ ея, все ждали, что снова она, какъ и прежде,
Станетъ проказить, но въ этотъ разъ они обманулись:
Ангеломъ тихимъ осталась Ундина. Священникъ, любуясь
Ею, воскликнулъ: радуйтесь, рыцарь; Господь милосердый
Вамъ даровалъ чрезъ меня недостойнаго рѣдкое счастье;
Будетъ добро вамъ и въ здѣшней и въ будущей жизни, когда вы
Чистымъ его сохраните. Господь помоги вамъ обоимъ!—
Около вечера, съ нѣжностью робкой Ундина взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздухъ. Безоблачно солнце садилось, свѣтя на зеленый
Дернъ сквозь чащу деревъ, за которыми тихо горѣло
Море вдали. Во взорахъ жены молодой трепетало
Пламя любви, какъ роса на лазурныхъ листкахъ; но казалось
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохомъ невнятнымъ. Въ молчаньи она вела за собою
Рыцаря далѣ; когда же съ ней говорилъ онъ, отвѣта
Не было, взоръ одинъ отвѣчалъ; но въ этомъ сердечномъ
Взорѣ цѣлое небо любви и смиренья лежало.
Такъ подошли напослѣдокъ они къ лѣсному потоку...
Что же рыцарь увидѣлъ? Разливъ уже миновался;
Мелкимъ ручьемъ стремился потокъ.—Онъ исчезнетъ
Къ утру совсѣмъ, сказала Ундина, скрывая рыданье;
Завтра кончится все, и тебѣ ужъ препятствія болѣ,
Милый, не будетъ отсель удалиться, какъ скоро захочешь.
—Вмѣстѣ съ тобою, Ундиночка, рыцарь отвѣтствовалъ.—Это
Въ волѣ твоей, шепнула она, усмѣхаясь сквозь слезы.
Другъ, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навѣкъ. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на рукахъ на этотъ зеленый
Островъ; тамъ пріютнѣй. Хотя и самой мнѣ сквозь волны
Было бъ нетрудно туда проскользнуть, но, другъ, мнѣ такъ сладко
Быть на рукахъ у тебя. И, если намъ должно разстаться,
То хоть въ послѣдніе счастьемъ земнымъ подышу я
Здѣсь у тебя на груди.—И растроганъ, встревоженъ,
Рыцарь Ундину на руки взялъ и понесъ черезъ воду.
Было то мѣсто знакомо, то былъ островокъ, на которомъ
Встрѣтился рыцарь съ Ундиною въ бурю. Ее опустилъ онъ
Тихо на шелковый дернъ и хотѣлъ помѣститься съ ней рядомъ.
—Нѣтъ, не рядомъ со мной, а противъ меня ты садися,

Милый, сказала она: хочу я прежде, чѣмъ словомъ
Будешь отвѣтствовать мнѣ, твой отвѣтъ въ непритворныхъ
Взорахъ твоихъ заранѣ угадывать. Слушай. Ты долженъ
Знать, ужъ на дѣлѣ узналъ ты, что есть на свѣтѣ созданья,
Вамъ подобныя видомъ, но съ вами различнаго свойства.
Рѣдко ихъ видите вы. Въ огнѣ живутъ Саламандры,
Чудныя, рѣзвыя, легкія; въ нѣдрахъ земли, неприступныхъ
Свѣту, водятся хитрые гномы; въ воздухѣ вѣютъ
Сильфы; лоно морей, озеръ и ручьевъ населяютъ
Духи веселые водъ. Прекрасно и вольно живется
Тамъ, подъ звонкокристальными сводами; небо и солнце
Свѣтятъ сквозь нихъ; и небесныя звѣзды туда проницаютъ;
Тамъ на высокихъ деревьяхъ коралловыхъ пурпуромъ яркимъ,
Темнымъ сапфиромъ блистаютъ плоды; тамъ гуляешь по мягкимъ
Свѣжимъ песочнымъ коврамъ, узорами раковинъ пестрыхъ
Хитро украшеннымъ; многое, бывшее чудомъ минувшихъ
Лѣтъ, облеченное тайнымъ серебряныхъ водъ покрываломъ,
Видится тамъ въ величавыхъ развалинахъ: влага съ любовью
Ихъ объемлетъ, въ мохъ и цвѣты водяные ихъ рядитъ,
Пышнымъ вѣнцомъ тростника ихъ сѣдыя главы обвиваетъ.
Жители странъ водяныхъ обольстительно-милы, прекраснѣй
Самыхъ людей. Случалось не разъ, что рыбакъ, подглядѣвши
Дѣву морскую—когда, изъ воды подымаяся тайно,
Пѣла она и качалась на зыбкой волнѣ—повергался
Въ хладную влагу за нею. Ундинами чудныя эти
Дѣвы слывутъ у людей. И, другъ, ты теперь предъ собою
Въ самомъ дѣлѣ видишь Ундину.—Гульбрандъ, содрогнулся;
Холодъ по членамъ его пробѣжалъ; неподвиженъ, какъ камень,
Молча и дико смотрѣлъ онъ въ лицо разсказчицы милой,
Силъ не имѣя очей отвести. Покачавъ головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потомъ продолжала:
Видомъ наружнымъ мы то же, что люди, быть можетъ и лучше,
Нежели люди; но съ нами не то, что съ людьми; покидая
Жизнь, мы вдругъ пропадаемъ какъ призракъ, и тѣломъ и духомъ
Гибнемъ вполнѣ, и самый нашъ слѣдъ исчезаетъ; изъ праха
Въ лучшую жизнь переходите вы, а мы остаемся
Тамъ, гдѣ жили, въ воздухѣ, искрѣ, волнѣ и пылинкѣ.
Намъ души не дано; пока продолжается наше
Здѣсь бытіе, намъ стихіи покорны; когда жъ умираемъ,
Въ ихъ переходимъ мы власть, и онѣ насъ вмигъ истребляютъ:
Веселы мы и насъ ничто не тревожитъ, какъ птичекъ
Въ рощѣ, рыбокъ въ водѣ, мотыльковъ на лугу благовонномъ.
Все однако стремится возвыситься: такъ и отецъ мой,
Сильный царь въ голубой глубинѣ Средиземнаго моря,
Мнѣ, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелалъ, хотя онъ и вѣдалъ, что съ нею и горе
(Всѣхъ, одаренныхъ душою, удѣлъ) меня не минуетъ.
Но душа не иначе дана быть намъ можетъ, какъ только

Тѣснымъ союзомъ любви съ человѣкомъ.
И, милый, отнынѣ
Я съ душою навѣки; тебѣ одному благодарна
Я за нее, и тебѣ жъ благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вѣчное горе.
Что будетъ
Съ бѣдной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманомъ
Сердце твое сохранить она не хотѣла.
Теперь ты
Знаешь все, и, если меня оттолкнуть ты рѣшился,
Сдѣлай это теперь же: одинъ перейди на противный
Берегъ; я брошуся въ этотъ потокъ—онъ мой дядя; издавна
Въ нашемъ лѣсу онъ свободную, чудную жизнь, какъ пустынникъ,
Розно съ родней и друзьями проводитъ.
Онъ силенъ и многимъ
Старымъ рѣкамъ и могучимъ потокамъ союзникъ. Принесъ онъ
Нѣкогда къ жителямъ хижины здѣшней меня беззаботнымъ,
Яснымъ, веселымъ младенцемъ; и онъ же нынѣ отсюда
Въ домъ отца моего меня отнесетъ измѣненнымъ, живую
Душу пріявшимъ созданьемъ, любящей, скорбящей женою.—
Далѣ она говорить не могла; пораженный, плѣненный,
Рыцарь ее обхватилъ, и на руки поднялъ, и вынесъ
На берегъ; тамъ передъ небомъ самимъ повторилъ онъ обѣтъ свой:
Съ ней неразлучно жить на землѣ и дѣлить все земное.
Въ сладкомъ согласіи, за руки взявшись, медлительнымъ шагомъ
Въ хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнувъ
Благо святое души, перестала жалѣть о прозрачномъ
Морѣ и влажныхъ жилищахъ отцовскаго чуднаго царства.

ГЛАВА IX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И ЕГО МОЛОДАЯ ЖЕНА ОСТАВИЛИ ХИЖИНУ.

Рыцарь, проснувшись съ зарей на другой день, весьма удивился,
Видя, что подлѣ него Ундины нѣтъ, и снова онъ началъ
Думать, что все, происшедшее съ нимъ въ послѣднее время,
Было мечта. Но въ эту минуту Ундина явилась;
Сѣвши къ нему на постель, сказала она: я ходила
Въ лѣсъ провѣдать, исполнилъ ли дядя свое обѣщанье?
Все исполнено; воды свои онъ собралъ и снова
Лѣсомъ бѣжитъ одинокъ, невидимъ и задумчиво шепчетъ;
Всѣхъ водяныхъ и воздушныхъ друзей распустилъ онъ, и стало
Тихо въ лѣсу, и все въ порядкѣ по-прежнему; можемъ,
Милый, отправиться въ путь, какъ скоро захочешь.—Съ какимъ-то
Страннымъ чувствомъ, похожимъ на робость, слушалъ Ундину
Рыцарь: ея родные были ему не по сердцу.
Но Ундина своею тихою прелестью снова
Сладкій покой возвратила ему и, любуясь съ ней вмѣстѣ
Зеленью берега, такъ благовонно, свѣжо и прозрачно
Свѣтлою влагой объятаго, рыцарь сказалъ: для чего же
Такъ намъ спѣшить отсюда, Ундина? Ужъ вѣрно не встрѣтимъ
Мы нигдѣ толь мирнаго счастья, какимъ насладились
Въ этомъ краю; побудемъ же здѣсь; никто насъ не гонитъ.
—Что ты, мой другъ, прикажешь, то и будетъ, сказала съ покорнымъ
Видомъ Ундина; но слушай: моимъ старикамъ разлучаться со мною
Тяжко и такъ, а они еще не знаютъ Ундины,
Новой, нѣжной, любящей, смиренной Ундины; и все имъ

Мнится еще, что смиренье мое не надежнѣй покоя
Водъ; и меня легко позабудутъ они, какъ весенній
Цвѣтъ, какъ быструю птичку, какъ свѣтлое облако; дай же,
Милый, въ тотъ мигъ, какъ навѣкъ на землѣ намъ должно разстаться,
Скрыть мнѣ отъ нихъ тобой сотворенную, вѣрную душу.
Если же долѣе здѣсь мы пробудемъ, то буду ль умѣть я
Такъ притвориться, чтобъ имъ моя не открылася тайна?—
Рыцарь былъ убѣжденъ, и вмигъ собралися въ дорогу;
Снова коня осѣдлали; священникъ вызвался съ ними
Въ городъ идти черезъ лѣсъ, и съ рыцаремъ вмѣстѣ Ундинѣ
Сѣсть помогъ на сѣдло. Обнялися; разстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбакъ и старушка
Выли голосомъ, глядя за нею вслѣдъ, и какъ будто
Вдругъ догадавшись, какое сокровище въ эту минуту
Въ ней потеряли. Въ грустномъ молчаньи впередъ подвигались
Путники. Гущи лѣсной ужъ достигли они, и прекрасно
Было видѣть въ зеленой тѣни, на разубранномъ пышно
Гордомъ конѣ, молодую, робкую всадницу, справа
Стараго патера въ бѣлой одеждѣ, а слѣва, въ богатомъ
Пестромъ уборѣ, прекраснаго рыцаря. Бережно чащей
Лѣса они пробирались. Рыцарь одну лишь Ундину
Видѣлъ; Ундина жъ влажныя очи свои въ упоеньи
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихій, нѣмой разговоръ начался между ними изъ нѣжныхъ
Взглядовъ и вздоховъ. Но вдругъ онъ былъ прерванъ какимъ-то
Шопотомъ страннымъ: шелъ рядомъ съ священникомъ кто-то четвертый,
Къ нимъ недавно приставшій. Онъ-то шепталъ. Какъ священникъ,
Былъ онъ въ бѣломъ платьѣ, лицо закрывалось какимъ-то
Страннымъ, широкимъ покровомъ, котораго складки, какъ волны,
Падали съ плечъ и станъ обвивали: и онъ безпрестанно
Ихъ поправлялъ, закидывалъ на руку полы, вертѣлся,
Прыгалъ; но это ему ни идти, ни болтать не мѣшало.
Вотъ что шепталъ онъ въ ту минуту, когда молодые
Вслушались въ рѣчи его: ужъ давно, давно, преподобный,
Въ этомъ лѣсу я живу, какъ у васъ говорится, монахомъ;
Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мнѣ любо
Жить на волѣ въ глуши и въ этомъ бѣломъ, волнистомъ
Платьѣ подъ тѣнью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкаетъ по складкамъ моимъ; а когда я кустами
Крадусь, бываетъ такой веселый шорохъ, что сердце
Прыгаетъ... — Вы человѣкъ замѣчательный, молвилъ священникъ,
Я бы желалъ покороче узнать васъ.—А ты кто, когда ужъ
Дѣло у насъ пошло на распросы, сказалъ незнакомецъ?—
Патеръ Лаврентій, священникъ Маріинской пустыни.—Дѣльно;
Я же, просто сказать, свободный лѣсной обыватель;
Имя мнѣ Струй; ремесла не имѣю; воленъ, какъ птица;
Нѣтъ у меня господина; гуляю и все тутъ. Однако,
Нужно мнѣ кое-что молвить вотъ этой красавицѣ. Съ этимъ

Словомъ онъ прянулъ къ Ундинѣ, вдругъ выросъ, и подлѣ
Уха ея очутилась его голова. Но Ундина
Въ страхѣ его оттолкнула, воскликнувъ: поди поскорѣе
Прочь; я болѣе съ вами не знаюсь.—О! о! да какая жъ
Замужемъ стала она спесивая! съ нами, роднею,
Знаться не хочетъ! Да кто же, скажи мнѣ, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спинѣ изъ подводной
Области на берегъ здѣшній принесъ? Позабыла?—Оставь насъ,
Именемъ Бога тебя умоляю, сказала Ундина;
Ты мнѣ страшенъ; ты сдѣлаешь то, что и мужъ мой дичиться
Станетъ меня, какъ скоро увидитъ съ такою роднею.—
Здѣсь я не даромъ; хочу проводить васъ, иначе едва ли
Вамъ черезъ лѣсъ удастся пройти безопасно. А этотъ
Патеръ ужъ знаетъ меня; говоритъ онъ, что будто
Былъ я въ лодкѣ, когда онъ въ воду упалъ; и конечно
Былъ я въ лодкѣ; я въ эту лодку прянулъ волною,
Вырвалъ его изъ нея и на берегъ вынесъ, чтобъ свадьбу
Можно было сыграть вамъ.—Ундина и рыцарь при этомъ
Словѣ взглянули на патера: шелъ онъ, какъ будто въ глубокій
Сонъ погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.
—Вотъ и лѣсу конецъ, сказала дядѣ Ундина,
Помощь твоя теперь не нужна, оставь насъ; простимся
Съ миромъ; исчезни.—Струй разсердился; онъ сдѣлалъ такую
Страшную харю, и такъ глазами сверкнулъ, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ
Въ голову Струя ударить, но мечъ по волнамъ водопада
Съ свистомъ хлестнулъ, и въ водѣ какъ будто шипящій
Хохотъ раздался; рыцаря обдало пѣной холодной.
Патеръ, вдругъ очнувшись, сказалъ: я предвидѣлъ, что это
Съ нами случится, лѣсной водопадъ былъ такъ близко; и все мнѣ
Мнилось до сихъ поръ, что онъ живой человѣкъ и какъ будто
Съ нами шепчетъ. И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вотъ что шепталъ водопадъ: ты смѣлый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силенъ, могучъ; я быстръ и гремучъ; не сердиты
Волны мои; но люби ты, какъ очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, какъ живую люблю я волну.. и волшебный
Шопотъ, какъ ропотъ волны, разлетѣвшейся въ брызги, умолкнулъ.
Кончился лѣсъ и вышли въ поле они: тамъ имперскій
Городъ лежалъ передъ ними въ лучахъ заходящаго солнца.

ГЛАВА X.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ИМПЕРСКОМЪ ГОРОДѢ.

Въ этомъ имперскомъ городѣ всѣ почитали погибшимъ
Нашего рыцаря, всѣ сожалѣли о немъ, а Бертальда
Болѣ другихъ; она себя признавала причиной
Смерти его, и совѣсть терзала ей сердце, и милый
Рыцаревъ образъ глубоко въ него впечатлѣнъ былъ печалью.
Вдругъ онъ явился живой и женатый, а съ нимъ и свидѣтель
Брака его, отецъ Лаврентій; весь городъ нежданнымъ
Чудомъ такимъ приведенъ былъ въ волненье; прелесть Ундины
Всѣхъ поразила, и слухъ прошелъ, что въ лѣсу изъ-подъ власти

Злого волшебника рыцарь избавилъ ее, что породы
Знатной она. Но на всѣ вопросы людей любопытныхъ
Рыцарь отвѣтствовалъ глухо; патеръ же былъ на разсказы
Скупъ, да и скоро въ свой монастырь возвратился онъ; словомъ
Мало-по-малу толки утихли; одной лишь Бертальдѣ
Было грустно: скорбя о погибшемъ, она поневолѣ
Сердцемъ привыкла къ нему и его *своимъ* называла.
Скоро, однако, она одолѣла себя; отъ природы
Было въ ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
Въ немъ не могло сохраняться, и здѣсь легкомысліе было
Вѣрнымъ лѣкарствомъ. Ундину ласкала она, а Ундинѣ,
Простосердечной, доброй Ундинѣ болѣ и болѣ
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: мы, вѣрно, съ тобою, Бертальда,
Какъ-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтобъ кто безъ причины, безъ сильной,
Тайной причины, могъ такъ кому полюбиться, какъ ты мнѣ
Вдругъ полюбилася съ перваго взгляда.—И въ сердцѣ Бертальды
Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порою. Какъ бы то ни было, скоро другъ съ другомъ
Стали онѣ неразлучны, какъ сестры родныя. Но рыцарь
Былъ готовъ ужъ въ замокъ Рингштетенъ, къ истокамъ Дуная
Ѣхать, и день разлуки, можетъ быть, вѣчной разлуки,
Былъ недалеко; Ундина грустила; и вотъ ей на мысли
Вдругъ пришло, что Бертальду съ собою въ замокъ Рингштетенъ
Могутъ они увести, что на то герцогиня и герцогъ
Вѣрно по просьбѣ ея согласятся. Однажды объ этомъ
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроемъ разсуждали. Былъ теплый
Лѣтній вечеръ, и темною площадью города вмѣстѣ
Шли они; синее небо глубоко сіяло звѣздами;
Въ окнахъ домовъ сверкали огни; передъ ними ходили
Черныя тѣни гуляющихъ; шумъ разговоровъ, сліянье
Музыки, пѣнья, хохота, крика дѣтей наполняли
Чуднымъ какимъ-то говоромъ воздухъ, и онъ напоенъ былъ
Весь благовоніемъ липъ, вокругъ городского фонтана
Густо насаженныхъ. Здѣсь, отъ шумной толпы въ отдаленьи,
Близъ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущихъ водъ, ихъ слушая шумъ и любуясь на влажный
Снопъ фонтана, бѣлѣвшій сквозь сумракъ, какъ вѣющій, легкій
Призракъ; и ихъ веселило, что такъ они въ многолюдствѣ
Были одни, и все, что при свѣтѣ казалось столь труднымъ,
Сладилось само собой безъ труда въ тишинѣ миротворной
Ночи; и было для нихъ рѣшено, что Бертальда поѣдетъ
Въ замокъ Рингштетенъ. Но въ ту минуту, когда назначали
День отъѣзда они, подошелъ къ нимъ, какъ будто изъ мрака
Вдругъ родившійся, длинный, сѣдой человѣкъ, поклонился
Чинно, потомъ кивнулъ головою Ундинѣ, и что-то
На ухо ей прошепталъ. Ундина, нахмуривши бровки,
Въ сторону съ нимъ отошла, и тогда начался между ними
Шопотъ на странномъ какомъ-то чужомъ языкѣ; а Гульбранду
Въ мысли пришло, что онъ съ незнакомцемъ гдѣ-то встрѣчался;

Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Былъ какъ въ чаду, и все съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Ундину.
Вдругъ Ундина, захлопавши съ радостнымъ крикомъ въ ладоши,
Кинулась прочь и блаженствомъ глазки сверкали; съ досадой
Сморщивши лобъ и сѣдой покачавъ головой, незнакомецъ
Влѣзъ въ водоемъ, гдѣ вмигъ и пропалъ. Тутъ рѣшилось сомнѣнье
Рыцаря. Что, Ундина, съ тобою смотритель фонтановъ
Здѣсь говорилъ, спросила Бертальда? Съ таинственнымъ видомъ
Ей головкой кивнула Ундина. «Въ твои именины,
Послѣ завтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый другъ; я тебя и твоихъ приглашаю на этотъ
Праздникъ къ себѣ». Другого отвѣта не было. Скоро
Послѣ того они проводили Бертальду и съ нею простились.
—Струй? спросилъ съ содроганьемъ невольнымъ рыцарь Ундину,
Съ ней оставшись одинъ въ темнотѣ передъ герцогскимъ домомъ.
—Онъ, отвѣчала Ундина; премножество всякаго вздора
Мнѣ насказалъ; но, между прочимъ, открылъ и такую,
Нехотя, тайну, что я себя не помню отъ счастья.
Если велишь мнѣ все разсказать сію же минуту,
Я исполню приказъ твой, но, милый, Ундинѣ большáя
Радость была бы, когда бъ ей теперь промолчать ты позволилъ.
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
Въ чемъ отказать Ундинѣ, столь мило просящей? И сладко
Было ей въ ту ночь засыпать; она, забываясь
Сномъ, потихоньку сама про себя съ улыбкой шептала:
Ахъ, Бертальда! какъ будетъ рада! какое намъ счастье!

ГЛАВА XI.

О ТОМЪ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ИМЯНИНАХЪ БЕРТАЛЬДЫ.

Гости ужъ были давно за столомъ, и Бертальда, царица
Праздника, въ золотѣ, перлахъ, цвѣтахъ, подаренныхъ друзьями
Ей въ именины, сидѣла на первомъ мѣстѣ, Ундина
Съ правой руки, а рыцарь съ лѣвой. Обѣдъ ужъ кончался;
Подали сласти; дверь была отперта; въ ней тѣснилось
Множество зрителей всякаго званья; таковъ былъ старинный
Предковъ обычай: каждый праздникъ тогда почитался
Общимъ добромъ, и народъ всегда пировалъ съ господами.
Кубки съ виномъ и закуски носили межъ зрителей слуги;
Было шумно и весело; рыцарь Гульбрандъ и Бертальда
Глазъ не сводили съ Ундины; они съ живымъ нетерпѣньемъ
Ждали, чтобъ тайну открыла она; но Ундина молчала;
Было замѣтно, что съ сердца ея и съ устъ, озаренныхъ
Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;
Но (какъ ребенокъ, любимый кусокъ свой къ концу берегущій)
Все молчала она, чтобъ продлить для себя наслажденье;
Рыцарь смотрѣлъ на нее съ неописаннымъ чувствомъ; Ундина
Въ дѣтской своей простотѣ, съ своимъ добродушіемъ прелесть
Ангела Божія въ эту минуту имѣла. Вдругъ гости
Стали ее убѣждать, чтобъ спѣла имъ пѣсню. Сверкнули
Ярко ея прекрасные глазки; поспѣшно схватила

Цитру и вотъ какую пѣсню тихо запѣла:
«Солнце сіяетъ; море спокойно; къ брегу съ любовью
«Воды тѣснятся. Что на душистой зелени брега
«Свѣтится, блещетъ? Цвѣтъ ли чудесный, посланный небомъ
«Свѣжему лугу? Нѣтъ, свѣтлоокій, ясный младенецъ
«Тамъ на зеленомъ дернѣ играетъ. Кто ты, откуда,
«Милый младенецъ? Какъ очутился здѣсь на чужбинѣ?
«Ахъ! изъ отчизны былъ онъ украденъ моремъ коварнымъ.
«Бѣдный; чего жъ ты между цвѣтами съ жадностью ищешь?
«Цвѣтъ благовонный живъ, но безъ сердца; онъ не услышитъ
«Дѣтскаго крика; онъ не замѣнитъ матери нѣжной
«Лучшаго въ жизни рано лишенъ ты, бѣдный младенецъ.
«Мимо проѣхалъ съ свитою герцогъ; въ пышный свой замокъ
«Взялъ онъ сиротку; тамъ герцогиня благостнымъ сердцемъ
«Бѣдной сироткѣ мать замѣнила. Стала сиротка
«Дѣвою милой, радостью сердца, прелестью взоровъ;
«Милую дѣву Промыселъ Божій щедро осыпалъ
«Всѣмъ... но отдастъ ли лучшее въ жизни, мать и отца ей?»—
Съ грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Пѣсня ея растрогала всѣхъ, а герцогъ съ женою
Плакали. Герцогъ сказалъ: такъ точно случилось въ то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердый
Богъ наградилъ насъ тобою; но права пѣвица, не можемъ
Лучшаго блага земного тебѣ возвратить мы, родную
Мать и родного отца. — Ундина снова запѣла:
«Мать тоскуетъ, бродитъ, кличетъ... нѣтъ ей отвѣта;
«Ищетъ, ищетъ, что жъ находитъ? домъ опустѣлый.
«О, какъ мраченъ, какъ ужасенъ домъ опустѣлый,
«Гдѣ дотолѣ днемъ и ночью, мать въ упоеньи
«Цѣловала, миловала дочку родную!
«Будетъ снова заниматься ярко денница;
«Придутъ снова дни весенни, благоуханны;
«Но денница, дни весенни, благоуханны
«Не утѣшатъ болѣ сердца матери бѣдной;
«Все ей чуждо; въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ей отрады;
«Невозвратно все пропало съ дочкой родною.»—
О, Ундина! ради Бога открой мнѣ! ты знаешь,
Гдѣ отецъ мой и мать; ты этотъ, этотъ подарокъ
Мнѣ приготовила. Гдѣ они? Здѣсь? Отвѣчай мнѣ, Ундина.
Взоръ Бертальды, сверкая, леталъ по собранью; межъ знатныхъ,
Съ ними сидѣвшихъ гостей выбирала она. Но Ундина
Вдругъ залилася слезами, къ толпѣ обратилась, рукою
Знакъ подала, и воскликнула: гдѣ вы? явитесь,
Найденной дочери вашей, отецъ и мать!— Разступилась
Съ шумомъ толпа; изъ средины ея рыбакъ и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
Вотъ она, ваша родная дочь! закричала Ундина,
Имъ указавъ на Бертальду; и съ громкимъ рыданьемъ на шею
Бросились къ ней старики; но Бертальда съ пронзительнымъ крикомъ
Ихъ отъ себя оттолкнула; страхъ, изумленье, досада
Вдругъ на лицѣ ея отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкій ударъ для ея надменной души, ожидавшей

Новаго блеска съ открытіемъ знатныхъ родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищіе!.. Въ эту минуту
Въ мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
Съ тѣмъ, чтобъ унизить ее передъ свѣтомъ и рыцаремъ Злая
Ложь! обманщица! подкупъ! вотъ что твердила Бертальда,
Гнѣвно смотря на старушку, на мужа ея и Ундину.
Господи Боже! тихонько старушка шептала, какое жъ
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чуетъ мое, что она мнѣ родная. Рыбакъ же, сложивши
Руки, молился, чтобъ Богъ не каралъ ихъ,ославъ имъ такую
Дочь; а Ундина, какъ ангелъ, вдругъ утратившій небо,
Блѣдная, въ страхѣ незапномъ, не вѣдая, что̀ съ ней
Дѣлалось, вся трепетала. Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя? она повторяла, стараясь
Доброе чувство въ ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была внѣ себя; она въ изступленьи кричала
Крикомъ; рыбакъ и старушка плакали горько, а гости,
Страннымъ явленьемъ такимъ изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; въ ужасный
Все пришло безпорядокъ, и вотъ напослѣдокъ Ундина,
Съ чувствомъ своей правоты, съ благородствомъ невинности мирной,
Знакъ подала рукою, и всѣ замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: вы странные люди!
Что я вамъ сдѣлала? Чѣмъ раздражила я васъ? И за что вы
Такъ разстроили милый мой праздникъ? Ахъ, Боже! донынѣ
Я о вашихъ обычаяхъ, вашемъ безумномъ, жестокомъ
Образѣ мыслей не знала, и ихъ никогда не узнать мнѣ,
Вижу, что все безразсудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здѣсь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда.
Нѣтъ у меня доказательствъ; но я не обманщица, слышитъ
Богъ правосудный меня; а все, что здѣсь о Бертальдѣ
Я говорила, было открыто мнѣ тѣмъ, кто въ морскія
Волны младенцемъ ее заманилъ, потомъ на зеленый
Берегъ отнесъ, гдѣ ее и нашелъ знаменитый нашъ герцогъ.—
Слышите ль? громко вскричала Бертальда. Она чародѣйка,
Водится съ злыми духами; сама при всѣхъ признается
Въ этомъ она.—О, нѣтъ, Ундина воскликнула, съ чистымъ
Небомъ невинности въ мирныхъ очахъ, никогда чародѣйкой
Я не была; мнѣ невѣдомо адское зло.—Такъ безстыдно
Лжетъ и клевещетъ она. Ничѣмъ нельзя доказать ей
Здѣсь, что рыбакъ отецъ мнѣ, а нищая мать. О! покинемъ
Этотъ домъ и этотъ городъ, гдѣ я претерпѣла
Столько стыда.—Нѣтъ, Бертальда, отвѣтствовалъ герцогъ, отсюда
Я дотолѣ не выйду, пока не рѣшится сомнѣнье
Наше вполнѣ. То слыша, старушка приблизилась робко
Къ герцогу, низко ему поклонилась и вотъ что сказала:
Вы, государь, своимъ высокимъ герцогскимъ словомъ
Вдругъ на разумъ меня навели. Скажу вамъ, что, если

Ваша питомица подлинно дочь намъ, то должно, чтобъ были
Три родимыхъ пятна, какъ трилиственникъ видомъ, подъ правой
Мышкой ея и точно такія же три на подошвѣ
Правой ноги. Позвольте, чтобъ съ нею я вышла. Отъ этихъ
Словъ поблѣднѣла Бертальда, а герцогъ велѣлъ герцогинѣ
Выйти вмѣстѣ съ нею и взять съ собою старушку.
Скоро назадъ возвратились они; герцогиня сказала:
Правда правдой; все то, что здѣсь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отецъ и мать питомицы нашей Бертальды.
Съ этимъ словомъ герцогъ съ женой и съ Бертальдой и вмѣстѣ
Съ ними, по волѣ герцога, старый рыбакъ и старушка
Вышли; гости, кто вѣря, кто нѣтъ, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакавъ, упала въ объятія мужа.

ГЛАВА XII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ И УНДИНА УѢХАЛИ ИЗЪ ИМПЕРСКАГО ГОРОДА.

Рыцарь съ глубокимъ чувствомъ любви смотрѣлъ на Ундину.
Мною ль, онъ думалъ, дана ей душа иль нѣтъ, но прекраснѣй
Этой души не бывало на свѣтѣ: она, какъ небесный
Ангелъ.—И слезы Ундины съ нѣжнѣйшимъ участіемъ друга
Онъ отиралъ, цѣлуя ей очи, уста и ланиты.
Городъ имперскій, который ей сталъ ненавистенъ, покинуть
Онъ рѣшился немедля, и все велѣлъ приготовить
Къ скорому въ замокъ Рингштетенъ отъѣзду. Вотъ на другой день
Рано поутру была подана къ крыльцу ихъ повозка;
Рыцаревъ конь и кони его провожатыхъ за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; ужъ рыцарь
Вышелъ съ своей молодою женой, и готовъ былъ ей руку
Дать, чтобъ въ повозку ее посадить; но въ эту минуту
Къ нимъ подошла молодая дѣвушка съ неводомъ, въ платьѣ
Рыбной торговки. Намъ товаръ твой не нуженъ, мы ѣдемъ,
Рыцарь сказалъ ей. Она заплакала взрыдъ и Бертальду
Въ эту минуту узнали Гульбрандъ и Ундина; поспѣшно
Вмѣстѣ съ нею они возвратилися въ домъ, и Бертальда
Имъ разсказала, какъ герцогъ, вчерашнимъ ея поведеньемъ
Былъ раздраженъ, какъ ее отъ себя отослалъ, подаривши
Ей большое приданое, какъ старикъ и старушка,
Также богато имъ одаренные, городъ того же
Вечера вмѣстѣ покинули. Съ ними хотѣла пойти я,
Такъ продолжала Бертальда въ слезахъ, но старикъ, о которомъ
Всѣ говорятъ, что онъ мой отецъ...—Онъ отецъ твой, Бертальда,
Точно отецъ, сказала Ундина; ты помнишь, какъ ночью
Къ намъ подошелъ сѣдой человѣкъ, твой смотритель фонтановъ:
Онъ-то мнѣ все и сказалъ; меня убѣждалъ онъ, чтобъ въ замокъ
Нашъ Рингштетенъ тебя не брала я съ собой, и невольно
Тайна съ его языка сорвалась...—Ну, отецъ мой, когда ужъ
Долженъ онъ быть мнѣ отцомъ, продолжала Бертальда, сказалъ мнѣ
Вотъ что: ты съ нами не будешь до тѣхъ поръ, пока не исправишь
Гордаго сердца; осмѣлься одна чрезъ этотъ дремучій
Лѣсъ къ намъ пройти, тогда я повѣрю, что нашей роднею

Быть желаешь; но скинь богатый уборъ; рыбаковой
Дочерью къ намъ явися.. И я на все ужъ рѣшилась;
Что онъ велѣлъ, то и будетъ; меня несчастную цѣлый
Свѣтъ оставилъ; бѣдная дочь рыбака, я въ убогой
Хижинѣ жизнь безотрадную скрою и скоро умру тамъ
Съ горя. Правда, лѣсъ волшебный меня устрашаетъ,
Бродятъ тамъ, слышно, духи, а я такъ пуглива; но что же
Дѣлать? Къ вамъ же пришла я за тѣмъ, чтобъ загладить вчерашній
Свой проступокъ признаньемъ вины. О! забудьте, простите!
Я и такъ ужъ несчастна безмѣрно; вспомните, что̀ я
Утромъ вчерашнимъ была, что̀ была еще при началѣ
Вашего пира, и что̀ я теперь... Опустивши въ ладони
Голову, плакала горько она, и межъ пальцевъ бѣжали
Слезы. Вся также въ слезахъ, къ ней на шею упала Ундина,
Долго безгласна была, напослѣдокъ сказала: ты съ нами
Въ замокъ Рингштетенъ поѣдешь; что положили мы прежде,
То и сдѣлаемъ; только ты будь со мной, какъ привыкла
Быть; говори мнѣ попрежнему ты. Вотъ видишь ли? Въ дѣтствѣ
Насъ обмѣняли одну на другую; тогда ужъ мы были
Связаны тѣсно судьбою; сплетемъ же узелъ нашъ сами
Такъ, чтобъ уже никогда никакой человѣческой силѣ
Не было можно его разорвать. Теперь ты поѣдешь
Съ нами прямо въ Рингштетенъ; что жъ послѣ, какъ сестры родныя,
Мы межъ собою раздѣлимъ, о томъ успѣемъ, пріѣхавъ
Въ замокъ, условиться.—То услышавъ, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и, руку подавъ ей, вотъ что сказалъ онъ:
—Ввѣрьте себя беззаботно сердцу Ундины. А къ вашимъ
Добрымъ родителямъ мы, по прибытіи въ замокъ, отправимъ
Тотчасъ гонца, чтобъ знали они, что сдѣлалось съ вами.—
Подъ руку взявши Бертальду, ее посадилъ онъ въ повозку,
Рядомъ съ нею Ундину, и бодро поѣхалъ за ними
Рысью и скокомъ. Повозка летѣла: скоро имперскій
Городъ пропалъ далеко назади, съ нимъ вмѣстѣ пропало
Тамъ и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной
Людной странѣ ихъ дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь ихъ, но вотъ напослѣдокъ въ одинъ прекраснѣйшій лѣтній
Вечеръ они пріѣхали въ замокъ Рингштетенъ. Былъ долженъ
Рыцарь заняться хозяйствомъ своимъ; молодая жъ хозяйка
Вмѣстѣ съ гостьей пошли осматривать замокъ. Построенъ
Былъ на крутой онъ горѣ посреди равнинъ благодатной
Швабіи: видъ изъ него былъ роскошный; и по валу вмѣстѣ,
За руки взявшись, гуляли Ундина съ Бертальдою; вдругъ имъ
Встрѣтился долгій, сѣдой человѣкъ; Бертальдѣ знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знакъ ему подала, чтобъ онъ удалился, и скорымъ
Шагомъ, тряся головой, онъ пошелъ и пропалъ за кустами,
Въ мысли пришло ей, что то ночной, городской ихъ знакомецъ

Былъ, смотритель фонтановъ. Не бойся,
Бертальда, сказала
Ей Ундина, ужъ въ этотъ разъ твой не-
сносный фонтанщикъ
Зла никакого не сдѣлаетъ намъ.—Тогда
разсказала
Все о себѣ Ундина: кто родомъ она, какъ
Бертальду
Струй похитилъ, какъ къ рыбакамъ по-
пала Ундина
Вмѣсто родной ихъ дочери, словомъ, все.
И сначала
Въ ужасъ Бертальда пришла отъ такого
разсказа; на сонный
Бредъ походилъ онъ; но скоро она убѣ-
дилась, что было
Все то правда и только дивилась тому,
что въ волшебной
Сказкѣ, когда-то въ дѣтствѣ разсказан-
ной ей, очутилась
Вдругъ наяву, живая, сама; все ей въ
Ундинѣ
Стало чуждо; какъ будто бы духъ безтѣ-
лесный межъ ними
Вдругъ притѣснился; ей сдѣлалось стра-
шно. Когда жъ, возвратяся,
Рыцарь съ нѣжностью обнялъ Ундину, то
было понять ей
Трудно, какъ могъ онъ ласкаться къ та-
кому созданью, въ которомъ
(Послѣ того, что Бертальдѣ сама разска-
зала Ундина)
Видѣлся ей не живой человѣкъ, а какой-
то холодный
Призракъ, что-то нездѣшнее, что-то чу-
жое душѣ человѣка.

ГЛАВА XIII.

О ТОМЪ, КАКЪ ОНИ ЖИЛИ ВЪ ЗАМКѢ РИНГШТЕТТЕНѢ.

Здѣсь мы съ тобой остановимся, добрый
читатель; прости мнѣ,
Если тебѣ о томъ, что послѣ случилось,
немного
Буду разсказывать; знаю, что можно бы
было подробно
Мнѣ описать, какъ мало по малу рыцарь
нашъ сердцемъ
Сталъ отъ Ундины далекъ и близокъ къ
Бертальдѣ, какъ стало
Сердце Бертальды ему отвѣчать и часъ
отъ часу жарче
Тайной любовью къ нему разгораться,
какъ стали Ундины
Онъ и она дичиться и въ ней существо,
имъ чужое,
Видѣть, какъ Ундина плакала, какъ про-
буждали
Слезы ея заснувшую совѣсть Гульбранда,
а прежней
Въ немъ любви уже пробудить не могли,
какъ порою
Жалость его къ Ундинѣ влекла, а ужасъ
невольно
Прочь отталкивалъ, сердце жъ стремило
къ Бертальдѣ, созданью
Съ нимъ однородному... знаю, что это
все я умѣлъ бы,
Добрый читатель, порядкомъ тебѣ раз-
сказать; но позволь мнѣ
Лучше о томъ позабыть, что такъ больно
душѣ; испытали
Всѣ мы невѣрность здѣшняго счастья;
ты самъ, вѣроятно,
Былъ имъ обманутъ, таковъ ужъ земной
человѣческій жребій.
Счастливъ еще, когда при раздѣлѣ жи-
тейскаго былъ ты
Самъ назначенъ терпѣть, а не мучить;
на свѣтѣ семъ доля
Жертвы блаженнѣй, чѣмъ доля губителя.
Если сей лучшій
Жребій былъ твой, читатель, то, можетъ
быть, слушая нашу
Повѣсть, ты вспомнишь и самъ о своемъ
миновавшемъ, и тихо
Милая грусть тебѣ черезъ душу прокра-
дется, снова
То, что прошло, оживетъ, и ты слезу
сожалѣнья
Бросишь опять на цвѣты, которыми такъ
любовался
Прежде на грядкахъ своихъ, давно ужъ
растоптанныхъ. Полно жъ,
Полно объ этомъ, читатель. Послушай,
и съ доброй Ундиной
То же сбылось, что и съ нами со всѣми.
Ундина страдала:

Но и Гульбрандъ и Бертальда не были веселы. Всякій
Разъ, когда Ундина хоть мало была несогласна
Въ чемъ съ Бертальдой, послѣдней казалось, что ревность владѣла
Сердцемъ обиженной бѣдной жены; и мало-по-малу
Видъ госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
Съ ней приняла; Ундина съ грустнымъ незлобіемъ, молча,
Все сносила; а рыцарь всегда стоялъ за Бертальду.
Болѣ жъ всего съ недавняго времени вотъ что согласье
Жителей замка стало тревожить: Гульбрандъ и Бертальда
Начали вдругъ на всѣхъ переходахъ, во всѣхъ закоулкахъ
Замка встрѣчать привидѣнья, о коихъ дотолѣ и слуху
Не было; бѣлый, сѣдой человѣкъ, въ которомъ проказникъ
Дядя Струй Гульбрандомъ, смотритель фонтановъ Бертальдой
Узнаны были, сталъ имъ повсюду обоимъ, Бертальдѣ жъ
Чаще, являться съ угрозой, такъ, что Бертальда отъ страха
Стала больна и даже рѣшилась бы замокъ покинуть,
Если бъ имѣла гдѣ уголъ какой для пріюта; но честный
Нашъ рыбакъ на письмо Гульбранда, которымъ тогда же
Рыцарь его извѣстилъ, что Бертальда ѣдетъ въ Рингштетенъ,
Вотъ что отвѣтствовалъ: «я по волѣ Господа Бога
«Сталъ одинокій, бѣдный вдовецъ; скончалась старушка
«Женка моя; хоть теперь мнѣ дома и пусто, но лучше
«Быть хочу я одинъ, чѣмъ съ Бертальдой; пускай остается
«Съ вами, но только, чтобъ не было худа какого Ундинѣ
«Милой моей отъ того; тогда ее проклятую я».
Такъ-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
Въ замкѣ Бертальда. Вотъ однажды, случилось, что рыцарь
Выѣхалъ. Скликавъ дворовыхъ людей, Ундина велѣла
Камень одинъ огромный поднять и его на колодецъ,
Бывшій на самой срединѣ двора, наложить. Намъ далеко
Будетъ ходить за водою, замѣтили слуги. Но съ грустнымъ
Ласковымъ видомъ, съ унылой улыбкой сказала Ундина:
Дѣти, сама бы за васъ я съ охотою стала въ кувшинахъ
Воду носить; но этотъ колодецъ, повѣрьте мнѣ, должно,
Должно закрыть намъ, иль съ нами случится большое несчастье.
Всѣмъ служителямъ было пріятно угодное сдѣлать
Доброй своей госпожѣ; безъ дальнихъ разспросовъ, огромный
Камень былъ поднятъ; и онъ, показалось; какъ будто бы доброй
Волей давшись имъ въ руки, съ земли поднялся, и какъ будто
Самъ рванулся колодецъ задвинуть. Но въ эту минуту
Къ нимъ прибѣжала изъ замка Бертальда. Не троньте колодца,
Громко она закричала; его вода умываньемъ
Лучшимъ мнѣ служитъ; его запереть никакъ не позволю.
Но Ундина съ своимъ обычнымъ смиреньемъ на этотъ
Разъ осталася въ волѣ своей непреклонна. Я въ здѣшнемъ
Замкѣ хозяйка, сказала она, улыбаясь прискорбно,
Мнѣ за всѣмъ наблюдать; и здѣсь мнѣ приказывать можетъ
Только рыцарь, мой мужъ и мой господинъ.—Посмотрите,

Съ сердцемъ вскричала Бертальда, подумать можно, что этой
Бѣдной, невинной водѣ самой не хочется съ Божьимъ
Свѣтомъ разстаться: какъ жалко она трепещетъ и бьется!
Въ самомъ дѣлѣ, чудно кипя и шипя, изъ-подъ камня
Ключъ пробивался, какъ будто спѣша убѣжать, и какъ будто
Что изъ него исторгнуться силой хотѣло. Тѣмъ съ большей
Строгостью своей приказъ повторила Ундина; охотно
Былъ онъ исполненъ: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всѣхъ отъ нея удаляла, и каждому было пріятно
Той угодить, а этой сдѣлать досаду; и камень
Крѣпко-накрѣпко устье колодца задвинулъ. Ундина
Тихо къ нему подошла, надъ нимъ задумалась, что-то
Пальчикомъ нѣжнымъ своимъ на немъ написала, въ молчаньи
Грустномъ, потомъ посмотрѣла вокругъ себя, и, вздохнувши,
Медленнымъ шагомъ въ замокъ пошла. На камнѣ жъ остались
Видны какіе-то странные знаки, которыхъ дотолѣ
Не было тамъ. Въ вечеру, когда Гульбрандъ возвратился
Въ замокъ Рингштетенъ, Бертальда ему въ слезахъ разсказала
То, что случилось съ колодцемъ. Сурово взглянулъ на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
Въ землю глаза опустивъ; но однако, собравшися съ духомъ,
Вотъ что шепнула въ отвѣтъ: всегда справедливъ господинъ мой;
Онъ и раба не осудитъ, не выслушавъ; тѣмъ наипаче
Мнѣ, законной женѣ, онъ позволитъ въ свое оправданье
Слово сказать. — Говори, сердито отвѣтствовалъ рыцарь.
—Я бы желала, чтобъ былъ ты одинъ, сказала Ундина.
—Нѣтъ, при ней! Гульбрандъ возразилъ, указавъ на Бертальду.
—Я исполню волю твою, она продолжала;
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй.
Голосъ ея былъ такъ убѣдителенъ, очи такъ нѣжны,
Все въ ней являло такую покорность, что въ сердце Гульбранда
Солнечный лучъ минувшихъ дней пробѣжалъ; онъ Ундину
Дружески за руку взялъ и въ ближнюю горницу съ нею
Вышелъ; и вотъ что ему сказала она: ужъ коварный
Дядя мой Струй довольно извѣстенъ тебѣ; не одинъ разъ встрѣчался
Онъ съ тобою здѣсь въ замкѣ; Бертальдѣ же такъ онъ
Страшенъ, что можетъ она умереть. Онъ бездушенъ, онъ просто
Отблескъ стихійный наружнаго міра; что въ жизни духовной
Здѣсь происходитъ, то вовсе чуждо ему; здѣсь глядитъ онъ
Только на внѣшность одну. Замѣчая, какъ ты недоволенъ
Мной иногда бываешь, какъ я, неразумный младенецъ,
Плачу, какъ въ то же время Бертальду, случайно быть можетъ,
Что-нибудь заставляетъ смѣяться, въ своемъ безразсудствѣ
Видитъ онъ то, чему здѣсь и признака нѣтъ, колобродитъ,
Злится и въ наши дѣла незваный мѣшается; пользы
Нѣтъ отъ того никакой, что ему я грожу и гоняю
Съ сердцемъ отсюда его; онъ мнѣ упрямый не вѣритъ; въ бездушной,
Бѣдной жизни своей, никогда не будетъ способенъ
Онъ постигнуть того, что въ любви и страданье и радость

Такъ плѣнительно сходны, такъ близко родня, что разрознить
Ихъ никакая сила не можетъ: съ улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождаютъ улыбку.—И очи,
Полныя слезъ, съ улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрѣла Гульбранду въ лицо; и все трепетанье
Прежней любви онъ почувствовалъ въ сердцѣ; Ундина глубоко
То поняла, къ нему прижалась нѣжнѣй, и въ блаженствѣ
Радостныхъ слезъ продолжала: когда словами не можно
Намъ безтолковаго дядю Струя унять, то затворимъ
Входъ ему въ замокъ; единственный путь, которымъ сюда онъ
Можетъ свободно всегда проникать, есть этотъ колодецъ;
Онъ съ другими духами здѣшнихъ источниковъ въ ссорѣ;
Царство жъ его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вотъ для чего я на камнѣ, которымъ колодецъ задвинутъ,
Знаки свои написала: они безпокойнаго дядю
Струя власти лишили, и онъ ни тебя, ни Бертальду
Болѣ не будетъ тревожить; онъ камня не сдвинетъ. Но людямъ
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, повѣрь мнѣ, она не знаетъ, чего такъ упрямо
Требуетъ; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что онъ предсказалъ мнѣ (хотя и безъ всякой
Мысли худой отъ тебя) то и самъ ты, мой милый, не будешь
Внѣ опасности.—Рыцарь, глубоко проникнутый въ сердце
Великодушнымъ поступкомъ своей небесной Ундины,
Обнялъ ее съ горячностью прежней любви. Мы не тронемъ
Камня; отнынѣ жъ и все, что ты когда ни прикажешь,
Будетъ въ замкѣ отъ всѣхъ, какъ теперь, исполняемо свято,
Другъ мой Ундиночка.—Такъ ей рыцарь сказалъ, и Ундина,
Руку цѣлуя ему въ благодарность за милое, столько
Времени имъ позабытое слово любви, прошептала
Робко: милый мой другъ, ты нынѣ со мной такъ безмѣрно
Милостивъ, ласковъ и добръ, что еще объ одномъ попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня какъ свѣтлое лѣто; въ сильнѣйшемъ
Блескѣ своемъ оно иногда себя покрываетъ
Огненно-грознымъ вѣнцомъ громовыхъ облаковъ и владыкой,
Истиннымъ Богомъ земли намъ является; точно таковъ ты
Кажешься мнѣ, когда, на меня прогнѣванъ бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словомъ; и въ этомъ
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мнѣ, безразсудной, плакать; но слушай, другъ мой: воздержанъ
Будь на водахъ отъ гнѣвнаго слова со мною; единымъ
Словомъ такимъ меня передашь ты въ волю подводныхъ
Сродниковъ; мстя за обиду ихъ рода, они невозвратно
Въ море меня увлекутъ, и тамъ въ продолженіе цѣлой
Жизни я буду подъ влажно-серебрянымъ сводомъ въ неволѣ
Плакать, и мнѣ ужъ къ тебѣ не прійти; а если приду я...
Боже! то это будетъ и пуще тебѣ на погибель.
Нѣтъ, мой сладостный другъ, избавь меня отъ такого
Бѣдствія.—Рыцарь торжественно далъ обѣщанье исполнить
Просьбу ея, и они съ веселымъ лицомъ возвратились

Въ горницу, гдѣ ихъ Бертальда ждала.
Она ужъ успѣла
Слугъ къ колодцу послать, чтобъ они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили съ него. Не трогайте камня,
Холодно рыцарь сказалъ, и помните всѣ, что Ундина
Въ замкѣ моемъ одна госпожа, что ея приказанья
Святы.—При этомъ словѣ Бертальда, въ лицѣ измѣнившись,
Скрылась. Вотъ ужъ и ужина часъ наступилъ, а Бертальды
Не было. Рыцарь послалъ за нею, но, вмѣсто Бертальды,
Въ спальнѣ ея опустѣвшей нашли записку на имя
Рыцаря; вотъ что стояло въ запискѣ:
«вы приняли, рыцарь,
«Въ домъ свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низкомъ
«Родѣ своемъ я безумно забыла; за то въ наказанье
«Доброю волей иду къ отцу рыбаку, чтобъ, въ убогой
«Хижинѣ скрывшись, о счастьи земномъ не мечтать; наслаждайтесь
«Долго имъ вмѣстѣ съ вашей прекрасной супругой.» Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря вслѣдъ за Бертальдой
Стала она посылать—ея убѣжденья однако
Были не нужны; онъ самъ на то былъ готовъ. Но въ какую
Сторону ѣхать за ней? Никто объ этомъ не вѣдалъ.
Рыцарь сидѣлъ на конѣ и хотѣлъ ужъ свой путь на удачу
Выбрать, какъ вдругъ явился пастухъ и сказалъ, что Бертальда
Встрѣтилась съ нимъ у входа Черной Долины; стрѣлою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что въ окошко
Вслѣдъ за нимъ кричала Ундина: «не ѣзди! не ѣзди,
«Милый! постой! Гульбрандъ, берегися Черной Долины!
«Стой! назадъ! иль, Бога ради, позволь мнѣ съ собою
«Ѣхать!»... Но рыцарь ужъ былъ далеко. Ундина поспѣшно
Сѣла сама на коня и одна за нимъ поскакала.

ГЛАВА XIV.

О ТОМЪ, КАКЪ ОТЫСКАЛАСЬ БЕРТАЛЬДА.

Эта долина, въ то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была отъ замка, а какъ называютъ
Нынче ее, неизвѣстно; тогда жъ поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко средь дикихъ утесовъ,
Елями густо заросшихъ, лежала она, что кипучій,
Быстрый потокъ, на скалистомъ днѣ ущелья шумѣвшій,
Черенъ межъ елей бѣжалъ, и что небо нигдѣ голубое
Въ мутныя воды его не свѣтило. Въ сумерки стало
Вдвое темнѣй и ужаснѣй межъ елей и дикихъ утесовъ.
Рыцарь съ трудомъ пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засвѣтло встрѣтиться съ нею
Онъ торопился; по всѣмъ сторонамъ съ напряженнымъ вниманьемъ
Взоръ обращалъ онъ, и сердце въ немъ билось сильнѣй; онъ со страхомъ
Думалъ: что будетъ съ нею, если заблудится въ этомъ
Дикомъ мѣстѣ, ночью, и въ грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдругъ показалось
Бѣлое что-то ему въ потемкахъ, на склонѣ утеса;
Онъ подумалъ, что было то платье Бертальды, и шпорить
Началъ коня; но конь захрапѣлъ, уперся и, уши
Чутко поднявъ, не шелъ ни назадъ ни впередъ; чтобъ напрасно не тратить

Времени, рыцарь спрыгнулъ съ сѣдла, къ
опрокинутой вѣтромъ
Ели коня привязалъ, и пѣшій впередъ
пробираться
Началъ кустами; онъ спотыкался; упорныя вѣтви
Били его по лицу, и какъ будто нарочно
сплетались
Сѣтью, чтобъ далѣ не могъ онъ идти;
онъ ломалъ ихъ, а небо
Тою порою все болѣ и болѣ мрачилось,
и глухо
Громъ гремѣлъ по горамъ, и все кругомъ
становилось
Страннымъ такимъ, что онъ ужъ и робость чувствовать началъ,
Глядя на бѣлый образъ, къ которому
ближе и ближе
Все подходилъ и, который лежалъ на
землѣ неподвижно.
Съ духомъ собравшись, къ нему наконецъ
подступилъ онъ; сначала
Сучьями тихо потрясъ, мечомъ позвенѣлъ—никакого
Нѣтъ отвѣта. Бертальда! Бертальда! онъ
началъ сначала
Тихо, потомъ все громче и громче
кликать—отвѣта
Все ему нѣтъ. Наконецъ, закричалъ онъ
такъ громко, что эхо
Вмѣстѣ съ нимъ закричало повсюду: Бертальда!—напрасно;
То же молчанье. Тогда онъ въ ней
наклонился; но, было
Такъ ужъ темно, что не могши подъ
носомъ видѣть, пригнулся
Къ самой землѣ онъ лицомъ, и въ эту
минуту сверкнула
Яркая молнія; все освѣтилось, и что же
въ блескѣ увидѣлъ
Рыцарь? Подъ самымъ лицомъ его отразилась изъ черной
Тьмы безобразно-свирѣпая харя, и голосъ
осиплый
Взвылъ: поцѣлуйся со мной, пастушокъ
дорогой! Приведенный
Въ ужасъ, кинулся рыцарь назадъ; но
свирѣпая харя
Съ визгомъ и хохотомъ кинулась вслѣдъ.
«Зачѣмъ ты? Куда ты?
Духи на волѣ! назадъ! убирайся! иль
будешь ты нашимъ!»
Вотъ что выла она, и длинныя руки хватали
Рыцаря.—Струй проклятый! (Гульбрандъ
закричалъ ободрившись)
Это твои проказы! постой, я тебя поцѣлую!
Сильно онъ треснулъ по харѣ мечомъ;
она разлетѣлась
Въ брызги, и рыцарь пѣной, шипящей,
какъ хохотъ, былъ облитъ
Весь съ головы до ногъ; тогда объяснилося,
съ кѣмъ онъ
Дѣло имѣлъ. «Меня удержать онъ, я вижу,
намѣренъ,
Рыцарь громко сказалъ; онъ думаетъ, я
испугаюсь
Шутокъ бѣсовскихъ его и Бертальду
бѣдную брошу
Злому духу во власть. Демонъ бездушный
не знаетъ,
Какъ всемогущъ человѣкъ своей непреклонною волей!»
Самъ онъ почувствовалъ истину словъ
сихъ; новая бодрость
Въ немъ родилась, и какъ будто бы счастіе съ этой минуты
Стало съ нимъ заодно: къ своему коню
возвратиться
Онъ еще не успѣлъ, какъ ужъ явственно,
сдѣлался слышенъ
Жалобный голосъ Бертальды, зовущей на
помощь сквозь шумный
Вѣтеръ и говоръ грозы, подходившей часъ
отъ часу ближе.
Онъ полетѣлъ на крикъ и увидѣлъ Бертальду. Изъ страшной
Черной Долины силяся выйти, она по
крутому
Боку ея тащилася кверху; тутъ заступилъ ей
Рыцарь дорогу; и какъ ни твердо, въ
своей оскорбленной
Гордости, прежде рѣшилась она на побѣгъ,
но встрѣтить Гульбранда
Было ей радостно; ужасъ, испытанный
ею въ дорогѣ,

Сердце ея усмирилъ, а свѣтлая жизнь въ безмятежномъ
Замкѣ, такъ ласково руки къ ней простирала, что рыцарь
Тотчасъ ее за собою идти убѣдилъ. Но Бертальда
Силы почти не имѣла; Гульбрандъ съ большимъ затрудненьемъ
Могъ ее до коня своего довести; и помочь ей
Сѣсть на сѣдло онъ хотѣлъ, чтобъ, коня отвязавъ, за собою
Весть его въ поводахъ; но конь, испуганный Струемъ,
Былъ какъ звѣрь: онъ злился, храпѣлъ, на дыбы подымался,
Задомъ и передомъ билъ; Бертальдѣ даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пѣшкомъ: осторожно
Рыцарь спутницу подъ руку велъ, а коня за собою
Силой тащилъ за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и, какъ ни боролась съ собой, но усталость давила
Члены ея, какъ свинецъ; а буря, ударъ за ударомъ
Грома, сверканіе молніи, шумъ деревьевъ во мракѣ,
Злая игра привидѣній... словомъ, Бертальда, сліяньемъ
Ужасовъ сихъ изнуренная, пала на землю; и въ то же
Время рыцаревъ конь, какъ будто взбѣсившійся, началъ
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтобъ въ Бертальду
Онъ не ударилъ, хотѣлъ отъ нея отойти; но Бертальда
Съ воплемъ его начала умолять, чтобъ остался. На волю жъ
Злого коня пустить онъ не смѣлъ: онъ боялся, что этотъ
Дикій звѣрь, набѣжавъ на лежащую, тяжкимъ копытомъ
Грянетъ въ нее: короче, на что рѣшиться, что дѣлать
Рыцарь не зналъ. И вдругъ онъ обрадованъ былъ недалекимъ
Стукомъ колесъ: каменистой дорогой, онъ слышалъ, тащилась
Фура. Гульбрандъ закричалъ, чтобъ имъ помогли; грубоватый
Голосъ мужской откликнулся; скоро въ потемкахъ мелькнули
Двѣ огромныя бѣлыя лошади, съ ними погонщикъ
Роста огромнаго, въ бѣломъ плащѣ; и фура покрыта
Бѣлой холстиной была, какъ всѣ повозки съ товаромъ.
Стойте, клячи! крикнулъ погонщикъ, и лошади стали.
Онъ подошелъ къ Гульбранду, который съ конемъ одичалымъ
Все еще бился. «Я вижу, въ чемъ дѣло, сказалъ онъ, съ моими
Бѣлыми то же случилось, когда я въ первый разъ съ возомъ
Этой долиной тащился; здѣсь гнѣздится какой-то
Бѣсъ водяной: онъ великій проказникъ, проѣзжимъ покоя
Нѣтъ отъ него; но мнѣ удалося свѣдать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадкѣ
На ухо.»—Дѣлай, что хочешь, но только скорѣе, воскликнулъ
Рыцарь, кипя нетерпѣньемъ.—Погонщикъ, какъ слабую вѣтку,
Вытянулъ шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
Въ ухо ему шепнулъ, и какъ вкопанный сталъ онъ, лишь только
Жарко пыхтѣлъ, и паръ отъ него подымался. Не время
Было Гульбранду распрашивать, какъ совершилося чудо;
Онъ убѣдилъ погонщика взять въ повозку Бертальду,
Самъ же хотѣлъ провожать ее на конѣ; но усталый
Конь едва шевелилъ ногами. Садитесь-ка, рыцарь,
Въ фуру и вы, погонщикъ сказалъ; дорога отсюда
Подъ гору будетъ; коня же привяжемъ сзади повозки.

Рыцарь сѣлъ съ Бертальдою въ фуру, коня привязали
Сзади, бичомъ захлопалъ погонщикъ, дернули дружно
Лошади, фура поѣхала. Было темно; утихая;
Глухо вдали гремѣла гроза; въ усладительно-мирномъ
Чувствѣ своей безопасности, въ сладкомъ покоѣ, въ волшебномъ
Мракѣ ночи, свободѣ рѣчей благосклонномъ, межъ ними
Скоро сердечный, живой разговоръ начался: въ выраженьяхъ
Ласковыхъ рыцарь Бертальдѣ пенялъ за побѣгъ. Торопливо,
Трепетнымъ голосомъ, вся въ волненьи Бертальда проступокъ
Свой извиняла, и рѣчи ея таинственно-ясны
Были, какъ свѣтъ лампады, когда онъ во мракѣ отъ милой
Милому знакъ подаетъ, что его ожидаютъ. Рыцарь
Былъ въ упоеньи. Но вдругъ пробудилъ ихъ погонщиковъ голосъ:
«Клячи, тяните живѣе! (кричалъ онъ) дружно! бѣда намъ!»
Рыцарь поспѣшно изъ фуры выглянулъ— что онъ увидѣлъ?
Лошади, по брюхо въ мутной водѣ, не шагали, а плыли;
Не было видно колесъ: онѣ, какъ на мельницѣ, съ шумомъ,
Съ пѣной и съ брызгами рѣзали волны; погонщикъ на козлы
Взлѣзъ и правилъ стоймя, и былъ ужъ въ водѣ по колѣно.
Что за дорога такая, спросилъ у погонщика рыцарь?
Прямо идетъ въ середину потока.—«Напротивъ! погонщикъ
Съ смѣхомъ сказалъ: потокъ идетъ въ середину дороги,
Видите сами; это сущій потопъ; мы пропали».
Подлинно, вся глубина долины кипѣла волнами;
Выше и выше онѣ подымались. — Это злодѣй нашъ
Струй! утопить насъ онъ хочетъ, рыцарь воскликнулъ; товарищъ,
Нѣтъ ли и противъ него у тебя какого словечка?—
«Есть словечко, погонщикъ сказалъ, да надобно прежде
Свѣдать вамъ, кто я и какъ прозываюсь!»— Не время загадки
Намъ загадывать, рыцарь сказалъ, вода прибываетъ;
Имя твое здѣсь не нужно.—«А такъ-то, не нужно, погонщикъ
Съ дикимъ хохотомъ гаркнулъ, что, просимъ не гнѣваться, самъ я
Струй!» — И ужасную харю свою онъ уставилъ въ повозку...
Но повозка ужъ болѣ была не повозка, ужъ были
Лошади болѣ не лошади; все разлетѣлось, расшиблось
Въ пѣну, въ шипучую воду, и самъ погонщикъ поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчалъ за собой въ глубину, и ужасно
Началъ снова расти и расти, и горой водяною
Выросъ, и былъ ужъ готовъ на Бертальду и рыцаря, силой
Волнъ увлеченныхъ, упасть, чтобъ громадой своей задавить ихъ...
Вдругъ, сквозь шумъ, гармонически-сладостный голосъ раздался;
Вышелъ изъ облака мѣсяцъ, и въ свѣтѣ его надъ долиной явился
Образъ Ундины; она погрозила волнамъ— и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убѣжала:
Въ блескѣ мѣсяца мирно потокъ заструился; и бѣлымъ
Голубемъ свѣяла тихо Ундина въ долину; и, руку
Рыцарю вмѣстѣ съ Бертальдой подавъ, на муравчатый берегъ
Ихъ за собой увела; тамъ они отдохнули; Ундининъ

Конь былъ отданъ Бертальдѣ; за нею пѣшкомъ потихоньку
Рыцарь съ женою пошли; и такъ возвратились всѣ въ замокъ.

ГЛАВА XV.

о томъ, какъ они ѣздили въ Вѣну.

Съ этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
Въ замкѣ Рингштетенѣ. Рыцарь все чувствовалъ болѣ и болѣ
Прелесть небесную добраго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. Въ доброй Ундинѣ
Всякая память о прошломъ исчезла: она беззаботнымъ
Сердцемъ любила, и зная, что шла прямою дорогой,
Ясную въ немъ питала довѣренность; все въ настоящемъ
Было ей радостно; въ будущемъ все улыбалось. Бертальда,
Снова ей съ прежней любовью всю душу отдавъ, благодарной,
Кроткой и нѣжной являлась; короче, замокъ Рингштетенъ
Сталъ обителью свѣтлаго счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вотъ и весна съ благовонно-зеленой своей муравою,
Съ свѣтло-лазоревымъ небомъ своимъ улыбнулась веселымъ
Жителямъ замка; стало на сердцѣ ихъ радостно, стало и смутно.
Что жъ тутъ дивиться, если, при видѣ, какъ въ воздухѣ вешнемъ
Нитью вились журавли и легкія ласточки мчались,
Стало и ихъ позывать въ далекую даль. Разъ случилось
Рыцарю вмѣстѣ съ женой и Бертальдой въ прекрасное утро
Около свѣтлыхъ истоковъ Дуная гулять; имъ объ этой
Славной рѣкѣ онъ разсказывалъ много: какъ протекала
Пышнымъ, широкимъ потокомъ она по землямъ благодатнымъ,
Какъ на ея берегахъ прекрасная Вѣна сіяла,
Какъ по ней величаво ходили суда, какъ бѣжали
Мимо плывущихъ назадъ берега, услаждая ихъ очи
Зрѣлищемъ пажитей, нивъ, городовъ и рыцарскихъ замковъ.
«О! сказала Бертальда, какъ было бы весело съѣздить
Въ Вѣну водой»... но опомнясь, она покраснѣла, и взоры
Робко потупила. Милымъ ея смущеньемъ Ундина
Тронувшись, руку ей подала, и въ ней загорѣлось
Сильно желанье утѣшить подругу свою. Да, зачѣмъ же
Дѣло стало, сказала она? Ничто не мѣшаетъ
Съѣздить намъ въ Вѣну.—Бертальда запрыгала съ радости. Вмѣстѣ
Стали они учреждать поѣздку свою, и заранѣ
Тѣмъ, что представится имъ на пути, восхищались. И рыцарь
Съ ними былъ заодно; Ундинѣ однако шепнулъ онъ:
«Вспомни о Струѣ; вѣдь онъ могучъ на Дунаѣ».—Не бойся,
Съ смѣхомъ сказала Ундина; пускай онъ попробуетъ сдѣлать
Что-нибудь съ нами; я тутъ! при мнѣ ужъ никакъ колобродить
Онъ не посмѣетъ.—Отвѣтомъ такимъ уничтожены были
Всѣ затрудненья, и съ бодрымъ духомъ, съ веселой надеждой
Стали готовиться въ путь. Но скажите мнѣ, добрые люди,
Все ли сбывается такъ на землѣ, какъ надежда сулитъ намъ?
Хитрая власть, стерегущая насъ для погибели нашей,
Сладкія пѣсни, чудныя сказки подмѣченной жертвѣ

На ухо часто поетъ, чтобъ ее убаюкать. Напротивъ
Часто спасительный Божій посланникъ громко и страшно
Въ двери наши стучится. Какъ бы то ни было, наши
Путники весело плыли въ первые дни по Дунаю:
День-ото-дня рѣка становилася шире и виды
Пышныхъ ея береговъ живописнѣй. Но вдругъ—и на самомъ
Чудно-прелестномъ мѣстѣ—открылъ свои нападенья
Бѣшеный Струй; то были сначала простыя помѣхи
(Волны бурлили безъ вѣтра; вѣтеръ отвсюду, мѣняясь,
Дулъ и судно качалъ); но Ундина одною угрозой,
Словомъ сердитымъ однимъ на воздухъ и воды смиряла
Силу врага; то было однако не надолго: снова
Онъ гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словомъ сказать, веселость дороги разстроилась—вовсе.
Въ то же время, гребцы, дивяся тому, что въ глазахъ ихъ
Дѣлалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все съ подозрѣньемъ посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, дикимъ и робкимъ
Взоромъ слѣдили господъ; а Гульбрандъ, задумавшись грустно,
Самъ про себя говорилъ: таково-то бываетъ, какъ скоро
Здѣсь неровные сходятся; худо, если вступаетъ
Въ грѣшный союзъ земной человѣкъ съ женой водяною.
Вотъ что однако себѣ въ утѣшенье твердилъ онъ: вѣдь прежде
Самъ я не вѣдалъ, кто она; правда, тяжко порою
Мнѣ приходитъ отъ этой бѣсовской родни; но мое здѣсь
Горе, вина жъ не моя. Хотя иногда и вливалъ онъ
Нѣсколько бодрости въ душу свою такимъ разсужденьемъ,
Но за то съ другой стороны все болѣ и болѣ
Противъ бѣдной Ундины былъ раздражаемъ. То слишкомъ,
Слишкомъ она понимала, и въ смертную робость угрюмый
Рыцаревъ видъ ее приводилъ. Утомленная страхомъ,
Горемъ и тщетной борьбой съ необузданнымъ Струемъ, присѣла
Подъ вечеръ къ мачтѣ она, и движеніе тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась въ глубокій
Сонъ. По едва на мгновенье одно успѣли закрыться
Свѣтлые глазки ея, какъ вдругъ передъ каждымъ изъ бывшихъ
Въ лодкѣ, въ той сторонѣ, куда онъ смотрѣлъ, появилась,
Вынырнувъ съ шумомъ изъ водъ, голова съ раствореннымъ зубастымъ
Ртомъ, и кривлялась, выпучивъ страшно глаза. Закричали
Разомъ всѣ; отразился на каждомъ лицѣ одинакій
Ужасъ, и каждый въ свою указывалъ сторону съ крикомъ:
Здѣсь! сюда посмотри! И изъ каждой волны создалася
Вдругъ голова съ ужаснымъ лицомъ, и поверхность Дуная
Вся какъ будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множествомъ зубъ, хохотала, гремѣла, шипѣла,
Шикала. Крикъ разбудилъ Ундину, и вмигъ при воззрѣньи
Гнѣвномъ ея пронали страшилища всѣ. Но рыцарь ужасно
Былъ раздраженъ; съ умоляющимъ взглядомъ Ундина сказала:
Ради Бога, здѣсь на водахъ меня не брани ты.
Онъ умолкнулъ, сѣлъ и задумался. Другъ мой, шепнула

Снова Ундина, не лучше ль намъ далѣ
не ѣздить? Не лучше ль
Въ замокъ Рингштетенъ обратно отправиться? Въ замкѣ
Будемъ спокойны.—«Итакъ, проворчалъ
нахмурившись рыцарь,
Въ собственномъ домѣ своемъ осужденъ я
жить, какъ невольникъ!
Только до тѣхъ поръ и можно дышать мнѣ,
пока на колодцѣ
Будетъ камень! Чтобъ этой проклятой
роднѣ»... Но Ундина
Рѣчь его перебила, съ улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчалъ онъ,
вспомнивъ о данномъ
Имъ обѣщаньи Ундинѣ. Въ эту минуту
Бертальда,
Въ мысляхъ о томъ, что дѣлалось съ ними,
сидѣла на краѣ
Лодки и въ воды глядѣла; сама того не
примѣтивъ,
Съ шеи своей она сняла ожерелье, подарокъ
Рыцаря; имъ водила она на поверхности
ровныхъ
Водъ, любуясь, какъ будто сквозь сонъ,
сверканьемъ жемчужныхъ
Зеренъ въ прозрачной, вечернимъ лучемъ
орумяненной влагѣ.
Вдругъ разступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунувъ, ею схватилъ ожерелье и быстро
пропалъ съ нимъ.
Вскрикнула громко Бертальда и хохотъ
пронзительный грянулъ
Отзывомъ крика ея по водамъ. Тутъ болѣе рыцарь
Гнѣва не могъ удержать; онъ вскочилъ
въ изступленьи въ рѣку
Началъ кричать, вызывая на битву съ
собой всѣхъ подводныхъ
Демоновъ, никсъ и сиренъ; а Бертальда
своимъ безутѣшнымъ
Плачемъ о милой утратѣ и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, къ рѣкѣ наклонясь, окунула
Руку въ прозрачныя волны и что-то надъ
ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопотъ,
Гульбранду
Голосомъ нѣжнымъ твердя: возлюбленный,
милый, подумай,
Гдѣ мы; брани ихъ, какъ хочешь; со мной
же ни слова; ни слова,
Ради Бога, со мною одною; ты знаешь.
—И рыцарь,
Какъ ни былъ раздраженъ, но ее пощадилъ. Вдругъ Ундина
Вынула влажную руку изъ водъ, и въ ней
ожерелье
Было изъ чудныхъ коралловъ; своимъ очарованнымъ блескомъ
Всѣхъ ослѣпило оно. Его подавая Бертальдѣ,
Вотъ что (сказала она) для тебя изъ рѣки
мнѣ прислали,
Другъ мой, въ замѣну потери твоей. Возьми
же и полно
Плакать.—Но рыцарь въ бѣшенствѣ кинулся къ ней, ожерелье
Вырвалъ, швырнулъ въ Дунай и воскликнулъ: ты съ ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь!
пропади ты
Вмѣстѣ съ своими подарками, вмѣстѣ съ
своею роднею!
Сгинь, чародѣйка, отъ насъ, и оставь насъ
въ покоѣ!.. Съ рукою,
Все еще поднятой вверхъ, какъ держала
она ожерелье,
Блѣдная, страхомъ убитая, взоръ неподвижный, но полный
Слезъ устремивъ на Гульбранда, Ундина
его слова роковыя
Слушала; вдругъ начала, какъ милый ребенокъ, который
Былъ безъ вины жестоко наказанъ, съ
тяжкимъ рыданьемъ
Плакать, и вотъ что сказала потомъ истощеннымъ отъ горя
Голосомъ: ахъ, мой сладостный другъ! ахъ,
прости невозвратно!
Ихъ не бойся; останься лишь вѣренъ, чтобъ
было мнѣ можно
Зло отъ тебя отвратить. Но меня уводятъ;
отсюда

Прочь мнѣ должно на всю молодую жизнь...
о мой милый,
Что ты сдѣлалъ! ахъ, что ты сдѣлалъ!
о горе! о горе!..
Тутъ изъ лодки быстро она въ рѣку
ускользнула:
Въ воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася;
Въ лодкѣ никто не примѣтилъ; было и
то и другое;
Было ни то ни другое. Слѣда не оставивъ, въ Дунаѣ
Вся распустилась она; но долго мелкія
струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и
вслухъ доходили
Внятно, какъ будто слова: о горе! будь вѣренъ! о горе!..
Съ жалобнымъ крикомъ рыцарь упалъ, и
обморокъ сильный
Душу ему на минуту отвелъ отъ тяжелыя муки.

ГЛАВА XVI.

о томъ, что послѣ случилось съ рыцаремъ.

Какъ намъ, читатель, сказать: къ сожалѣнью иль къ счастью, что наше
Горе земное не надолго? Здѣсь разумѣю я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое съ милымъ, потерянным благомъ сливаетъ
Насъ воедино, которымъ утрата для насъ не утрата,
Смерть вдвоемъ бытіе, а жизнь порывъ непрестанный
Къ той чертѣ, за которую милое наше изъ міра
Прежде насъ перешло. Есть, правда, много избранныхъ
Душъ на свѣтѣ, въ которыхъ святая печаль, какъ свѣча предъ иконой
Ярко горитъ, пока догоритъ; но она и для нихъ ужъ
Все не та подъ конецъ, какою была при началѣ,
Полная, чистая; много, много иного, чужого
Между утратою нашей и нами уже протѣснилось;
Вотъ наконецъ и всю измѣняемость здѣшняго въ самой
Нашей печали мы видимъ... и такъ, скажу: къ сожалѣнью,
Наше горе земное не надолго. Это и рыцарь
Также извѣдалъ—къ худу ль, къ добру ль своему, мы увидимъ.
Онъ сначала только и могъ, что плакать, такъ горько
Плакать, какъ плакала бѣдная, кроткая, ангелъ доброты, Ундина,
Стоя въ лодкѣ, когда онъ отнялъ у ней ожерелье,
Коимъ она все поправить такъ мило хотѣла; потомъ онъ
Такъ же и руку вверхъ подымалъ, какъ Ундина, и снова
Плакалъ, и весь изойти слезами хотѣлъ.
И Бертальда
Вмѣстѣ съ нимъ плакала искренно, горько.
Другъ подлѣ друга
Въ замкѣ Рингштетенѣ тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины, и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. Къ тому же въ это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во снѣ посѣщала Ундина:
Грустно къ постелѣ его подходила она, и смотрѣла
Пристально въ очи ему, и плакала молча, и тихо,
Тихо потомъ назадъ уходила, такъ, что, проснувшись,
Самъ онъ навѣрно не зналъ, его ли, ея ли слезами
Были такъ влажны щеки его. Но вотъ напослѣдокъ
Эти сны объ Ундинѣ стали часъ отъ часу рѣже;
Стало на сердцѣ рыцаря тише; въ немъ скорбь призаснула.
Но, быть можетъ, что онъ для себя ничего и придумать

Въ жизни не могъ бы иного, какъ только,
чтобъ память Ундины
Вѣрно хранить и объ ней горевать, когда бъ
не явился
Въ замкѣ нашъ честный, старый рыбакъ,
и не сталъ отъ Гульбранда
Требовать дочери. Свѣдавъ по слуху о
томъ, что съ Ундиной
Сдѣлалось, долѣ терпѣть онъ уже не хо-
тѣлъ, чтобъ Бертальда
Въ замкѣ одномъ жила съ неженатымъ.
—«Рада ль, не рада ль
Будетъ мнѣ дочь, о томъ я теперь и
знать не желаю,
Онъ говорилъ, но гдѣ о честномъ имени дѣло,
Тамъ разбирать ужъ нельзя». Съ приходомъ его пробудилось
Въ рыцарѣ прежнее чувство, имъ позабытое вовсе
Въ горѣ по милой Ундинѣ; при томъ же
его ужаснула
Мысль: одному въ опустѣвшемъ замкѣ
остаться. Но много
Противъ брака съ Бертальдой отецъ го-
ворилъ въ возраженье:
«Точно ль Ундины на свѣтѣ не было?
Впрочемъ—на днѣ ли
«Влажномъ Дуная тѣло ея неотпѣтымъ
лежало,
«Море ль его безъ пріюта носило своими
волнами—
«Все Бертальда отчасти ея безвременной,
жалкой
«Смерти причиной была, и великій грѣхъ
заступить ей
«Мѣсто бѣдной жены, отъ нея постра-
давшей». Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоялъ на
своемъ; напослѣдокъ,
Съ нимъ согласившись, рыбакъ остался
въ замкѣ. И тотчасъ
Былъ отправленъ гонецъ за отцомъ Лав-
рентіемъ съ зовомъ
Въ замокъ Рингштетенъ: Гульбранду хо-
тѣлось, чтобъ тотъ же, кѣмъ первый
Бракъ съ Ундиной его въ счастливые дни
совершонъ былъ,
Нынѣ и съ новой женою его сочеталъ.
Но священникъ,
Съ страхомъ какимъ-то посланника вы-
слушавъ, тотчасъ
Въ путь отправился; день и ночь, несмотря
на усталость—
Было ль ненастье, иль ясное время—онъ
шелъ. Помоги мнѣ,
Господи, зло отвратить, онъ молился. И
вотъ напослѣдокъ
Вечеромъ позднимъ однимъ онъ вступилъ
на дворъ, осѣненный
Старыми липами, замка Рингштетена.
Рыцарь съ невѣстой,
Веселы, рядомъ съ ними рыбакъ, задум-
чивъ, подъ тѣнью
Липъ сидѣли. Увидя отца Лаврентія, рыцарь
Съ радостнымъ крикомъ вскочилъ, и всѣ
его окружили.
Но священникъ былъ молчаливъ, при-
скорбенъ; хотѣлъ онъ
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь,
какъ будто
Вѣсть худую предчувствуя, медлилъ вступить въ особливый
Съ нимъ разговоръ. Священникъ сказалъ
напослѣдокъ: таиться
Здѣсь мнѣ не нужно; до всѣхъ васъ ка-
сается то, что скажу я;
Слушайте жъ, рыцарь. Точно ль увѣрены
вы, что супруга
Ваша скончалась? Мнѣ не вѣрится это.
Хоть много
Было разной молвы и объ ней самой и
о родѣ
Чудномъ ея — что правда, что нѣтъ, я
не знаю—но знаю
То, что она была добронравной, вѣрной,
смиренной,
Благочестивой женою; а вамъ я скажу,
что съ недавнихъ
Поръ она по ночамъ начала мнѣ являться:
приходитъ,
Плачетъ, ломаетъ руки, вздыхаетъ и все
говоритъ мнѣ:
«Честный отецъ, удержи ты его; я жива;
о, спаси ты
Тѣло ему! о, спаси ты душу ему!..» И
сначала
Самъ я понять не умѣлъ, чего хотѣло
видѣнье:

Вдругъ посольство отсюда—и здѣсь я; но я не для брака
Здѣсь, для развода, Гульбрандъ, откажись отъ Бертальды; Бертальда,
Рыцарь не можетъ быть мужемъ тебѣ, имъ владѣетъ другая.
Вѣрьте мнѣ, вѣрьте, или вашъ бракъ вамъ не будетъ на радость.—
Рыцарь съ досадою выслушалъ старца Лаврентія; долго
Спорили жарко они; напослѣдокъ патеръ съ сердитымъ
Видомъ изъ за́мка ушелъ, не желая и ночи единой
Въ немъ провести. Гульбрандъ, увѣривъ себя, что священникъ
Былъ сумасбродъ и мечтатель, послалъ въ монастырь, по сосѣдству
Съ за́мкомъ лежавшій, за патеромъ; тотъ безъ труда согласился
Бракъ совершить, и день для обряда былъ тутъ же назначенъ.

ГЛАВА XVII.

О томъ, какъ рыцарь видѣлъ сонъ.

Было время межъ утра и почи, когда на постелѣ
Рыцарь, сонный не сонный, лежалъ. Ужѣ забываться
Началъ онъ; вдругъ передъ нимъ, невидимкой, ужасное что-то
Стало; и онъ очнулся, какъ будто услышавъ какой-то
Голосъ, шепнувшій: къ тебѣ подошелъ посѣтитель безплотный,
Силиться сталъ онъ, чтобъ вовсе проснуться; но вотъ онъ услышалъ
Снова: какъ будто надъ нимъ и подъ нимъ лебединыя крылья
Вѣяли, волны журчали и пѣли; и онъ, утомленный,
Въ сладкой дремотѣ опять упалъ головой на подушку.
Вотъ наконецъ и подлинно сонъ овладѣлъ имъ; и началъ
Видѣть во снѣ онъ, что будто имъ слышанный шумъ лебединыхъ
Крыльевъ крыльями сталъ, что будто его подхватили
Эти крылья и съ нимъ надъ землей и водой полетѣли
Съ сладостнымъ вѣяньемъ, съ звонкимъ стенаніемъ. «Стонъ лебединый!
Стонъ лебединый! (себѣ непрестанно твердилъ поневолѣ
Сонный рыцарь)—вѣдь онъ предвѣщаетъ намъ смерть». И казаться
Стало ему, что подъ нимъ Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пѣлъ: разступись, озарись, Средиземное море.
Внизъ посмотрѣлъ онъ: лазурныя воды стали прозрачнымъ,
Чистымъ кристалломъ, и могъ онъ насквозь до самаго дна ихъ
Видѣть; и тамъ онъ увидѣлъ Ундину; подъ свѣтлымъ, кристальнымъ
Сводомъ сидѣла она и плакала горько: и было ужъ много,
Много въ ея лицѣ перемѣны; не та ужъ Ундина
Это была, съ которою, въ прежнее время, такъ счастливъ
Былъ онъ въ за́мкѣ Рингштетенѣ: очи, столь ясныя прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болѣзненъ былъ образъ.
Все то рыцарь замѣтилъ; но ею самой онъ, казалось,
Не былъ замѣченъ. И вотъ подошелъ къ ней—рыцарь увидѣлъ—
Струй, какъ будто съ упрекомъ за то, что такъ безутѣшно
Плакала; тутъ Ундина съ такимъ пощелительнымъ видомъ
Встала, что Струй передъ нею какъ будто смутился. «Хотя я
Здѣсь подъ водами живу, сказала она, но съ собою
Я принесла и душу живую; о чемъ же такъ горько
Плачу; того тебѣ никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, какъ все блаженно тому, кто имѣетъ
Вѣрную душу».—Струй, покачавъ головою съ сомнѣньемъ,

Началъ о чемъ-то думать, потомъ сказалъ: ты, какъ хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты подъ властью
Нашихъ стихійныхъ законовъ, и все ты обязана строгій
Судъ нашъ надъ нимъ совершить въ ту минуту, когда онъ
Вѣрность нарушитъ тебѣ и женится снова.—«Но въ этотъ
Мигъ онъ еще вдовецъ, отвѣчала Ундина, и грустнымъ
Сердцемъ любитъ меня».—Вдовецъ, я не спорю, со смѣхомъ
Струй отвѣчалъ; но онъ и женихъ, а скоро и мужемъ
Будетъ; тогда ужъ ты, не прогнѣвайся, съ нашимъ посольствомъ,
Хочешь, не хочешь, пойдешь; а это посольство, сама ты
Знаешь какое—смерть.—«Но знаю и то, что не можно
Въ замокъ Рингштетенъ войти мнѣ, сказала съ улыбкой Ундина;
Камень лежитъ на колодцѣ». — А если онъ выйдетъ изъ замка,
Струй возразилъ? А если велитъ онъ камень съ колодца
Сдвинуть? Вѣдь онъ объ этихъ бездѣлкахъ забылъ.—«Для того-то,
Съ ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, и летаетъ
Духомъ теперь онъ поверхъ Средиземнаго моря, и слышитъ
Сонный все то, что мы съ тобой говоримъ; я нарочно
Это устроила такъ, чтобъ онъ остерегся».—Примѣтя
Рыцаря, Струй взбѣсился, топнулъ ногой, кувыркнулся
Въ волны и быстро уплылъ, раздувшись отъ ярости китомъ.
Лебеди снова, со звономъ, со стономъ начали вѣять,
Начали рѣять; и снова рыцарю видѣться стало,
Будто летитъ онъ, летитъ надъ горами, летитъ надъ водами,
Будто на замокъ Рингштетенъ слетѣлъ, и будто проснулся.
Такъ и было: проснулся Гульбрандъ у себя на постели.
Въ эту минуту вошелъ кастелянъ объявить, что близъ замка
Встрѣченъ былъ патеръ Лаврентій, что онъ въ лѣсу недалеко
Сдѣлалъ себѣ изъ сучьевъ шалашъ и въ немъ поселился
—Мнѣ на вопросъ, зачѣмъ онъ живетъ здѣсь, когда отказался
Рыцаревъ бракъ освятить, отвѣчалъ онъ: «развѣ одни лишь
«Браки должны освящать мы? Другіе нерѣдко обряды
«Намъ совершать случается. Если не могъ пригодиться
«Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
«Можетъ легко перейти въ гореванье. Итакъ, кто имѣетъ
«Очи, да видитъ; кто уши имѣетъ, да слышитъ».—Въ раздумьи
Долго рыцарь сидѣлъ, вспоминая свой сонъ и значенье
Словъ отца Лаврентія силясь понять; но, пришедши
Къ милой невѣстѣ, онъ все позабылъ, разгулялся и снова
Сдѣлался веселъ, и все осталось попрежнему въ замкѣ.

ГЛАВА XVIII.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ ПРАЗДНОВАЛЪ СВАДЬБУ.

Если разсказывать мнѣ, читатель, подробно, каковъ былъ
Въ замкѣ Рингштетенѣ свадебный пиръ, то будетъ съ тобою
То же, какъ если бы вдругъ ты увидѣлъ множество всякихъ
Рѣдкихъ сокровищъ, покрытыхъ траурнымъ флеромъ и въ этомъ
Злую насмѣшку нашелъ надъ ничтожностью счастья земного.
Правда, въ этотъ свадебный день ничего не случилось
Страшнаго въ замкѣ—духамъ водянымъ, ужъ это мы знаемъ,

Было проникнуть въ него нельзя—но со
всѣмъ тѣмъ нашъ рыцарь,
Гости, рыбакъ и даже служители были
всѣ какъ-то
Смутны; казалося всѣмъ, что на праздникѣ
съ ними кого-то
Главнаго нѣтъ, и что этимъ главнымъ
никто ужъ не могъ быть
Кромѣ смиренной, ласковой, всѣми любимой Ундины.
Всякій разъ, когда отворялися двери, невольно
Всѣ на нихъ обращали глаза и ждали;
когда же,
Вмѣсто желанной, являлся иль съ блюдомъ дворецкій, иль ключникъ
Съ кубкомъ вина благороднаго, каждый
печально въ тарелку
Взоръ опускалъ, и сидѣлъ безгласенъ,
какъ будто бы въ грустной
Думѣ о прошломъ. Всѣхъ веселѣе была
молодая;
Но и ей самой какъ будто совѣстно было
Въ брачномъ зеленомъ вѣнцѣ, въ жемчугахъ и въ богатомъ вѣнчальномъ
Платьѣ на первомъ мѣстѣ сидѣть, тогда,
какъ Ундина
«Трупомъ, еще неотпѣтымъ, на днѣ Дуная
лежала,
«Или носима была безъ пріюта морскими
волнами».
Эти отцовы слова и прежде мутили ей
сердце;
Тутъ же они отзывались въ ушахъ ея
безпрестанно.
Рано гости оставили замокъ, и каждый
съ какимъ-то
Тяжкимъ предчувствіемъ. Рыцарь пошелъ
къ себѣ, молодая
Также къ себѣ — раздѣваться. Кругомъ
новобрачной
Были прислужницы. Вотъ, чтобъ немного
свои поразсѣять
Черныя мысли, Бертальда велѣла подать
дорогіе
Перстни, жемчужныя нитки и платья,
рыцаремъ къ свадьбѣ
Ей подаренныя; стала примѣривать то и
другое.
Льстя ей, прислужницы вслухъ восхищались ея красотою;
Съ видомъ довольнымъ слушая ихъ, Бертальда смотрѣлась
Въ зеркало; вдругъ сказала: ахъ! Боже!
какая досада!
Вотъ опять у меня на шеѣ веснушки; а
можно бъ
Тотчасъ согнать ихъ; стоило бъ только
водой изъ колодца
Нашего разъ обтереться; ахъ! если бъ
мнѣ нынче жъ хоть кружку
Этой воды достали!—О чемъ же тутъ думать? сказала,
Бросившись въ двери, одна изъ прислужницъ.—Неужто успѣетъ
Эта проказница камень поднять! съ довольной усмѣшкой
Вслѣдъ за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сдѣлался шумъ на дворѣ: съ рычагами
къ колодцу бѣжали
Люди. Бертальда сѣла подлѣ окна и при
яркомъ
Блескѣ полной луны, освѣщавшемъ дворъ
замка, ей было
Видно все, что дѣлалось тамъ. Работники
дружно
Двинули камень, хотя иному изъ нихъ
и прискорбно
Было нодумать, что имъ теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сдѣлать прежнею,
доброй
Ихъ госпожею; но трудъ былъ не такъ
то великъ, какъ сначала
Думали; имъ изнутри колодца какъ будто
какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь,
говорили
Между собою работники: можно подумать,
что бьетъ тамъ
Сильный ключъ. И въ самомъ дѣлѣ съ
отверстія камень
Самъ собой подымался; безъ всякой помоги, свободно
Сдвинулся онъ и, со стукомъ глухимъ
откатясь, повалился.

Вдругъ изъ колодца что-то, какъ будто бѣлый прозрачный
Столбъ водяной, поднялося торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющимъ ключомъ показалось оно, но поднявшись
Выше, какимъ-то блѣднымъ, въ бѣлый покровъ облеченнымъ
Женскимъ образомъ стало. И плача, и жалобно руки
Вверхъ подымая, оно медлительно, шагомъ воздушнымъ
Прямо къ замку двигалось. Въ ужасѣ всѣ отбѣжали
Прочь отъ колодца. Бертальда же, стоя въ окнѣ, цѣпенѣла,
Холодомъ страха облитая. Вотъ, когда поровнялся
Съ самымъ окошкомъ идущій образъ, сквозь покрывало
Онъ поглядѣлъ на Бертальду пронзительнымъ окомъ, съ тяжелымъ
Вздохомъ; и блѣднымъ лицомъ Ундины тогда показался
Образъ Бертальдѣ: мимо ея она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, какъ будто на судъ.—Позовите
Рыцаря!—громко вскричала Бертальда. Но всѣ въ неподвижномъ
Страхѣ стояли на мѣстѣ. Сама Бертальда, какъ будто
Собственнымъ крикомъ своимъ приведенная въ ужасъ, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась къ двери
Замка, знакомую лѣстницу, рядъ знакомыхъ покоевъ
Тихо, молча, плача, прошла... о, такою ль бывало
Здѣсь видали ее? Въ то время еще не раздѣтый
Рыцарь въ уборной своей стоялъ передъ зеркаломъ. Тусклый
Свѣтъ проливала свѣча. Вдругъ кто-то легонько
Стукнулъ въ дверь... такъ точно, бывало, стучалась Ундина.
Все это призракъ! (сказалъ онъ) пора мнѣ въ постелю.—«Въ постелѣ
Будешь ты скоро, но только въ холодной, шепнулъ за дверями
Плачущій голосъ».—И въ зеркало рыцарь увидѣлъ, какъ двери
Тихо, тихо за нимъ растворились, какъ бѣлая гостья
Въ нихъ вошла, какъ чинно замокъ заперла за собою.
«Камень съ колодца сняли, она промолвила тихо:
Здѣсь я; и долженъ теперь умереть ты».—Холодъ, по сердцу
Рыцаря вдругъ пробѣжавшій, почувствовать далъ, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, онъ воскликнулъ:
—О, не дай мнѣ въ послѣдній мой часъ обезумѣть отъ страха!
Если ужасенъ твой видъ, не снимай покрывала, и строгій
Судъ соверши надо мной, мнѣ лица твоего не являя.—
«Ахъ! она отвѣчала, развѣ еще разъ увидѣть,
Другъ, не хочешь меня? Я прекрасна, какъ прежде, какъ въ оный
День, когда твоею невѣстою стала».—О, если бъ
Это правда была! (Гульбрандъ воскликнулъ) о, если бъ
Мнѣ хоть одинъ поцѣлуй отъ тебя! и пускай бы
Въ немъ умереть!—«Охотно, возлюбленный мой», покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первыхъ, блаженныхъ
Дней предстала. И онъ, трепеща отъ любви и отъ близкой
Смерти, склонился къ ней въ руки. Съ небеснымъ она поцѣлуемъ
Въ руки его приняла, но изъ нихъ уже не пустила
Болѣ его; а крѣпче, все крѣпче къ нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, какъ будто

Выплакать душу хотѣла: и быстро, быстро ліяся,
Слезы ея проникали рыцарю въ очи, и съ сладкой
Болью къ нему заливалися въ грудь, пока напослѣдокъ
Въ немъ не пропало дыханье и онъ не упалъ изъ прекрасныхъ
Рукъ Ундины бездушнымъ трупомъ къ себѣ на подушку.
«Я до смерти его уплакала», встрѣченнымъ ею
Людямъ за дверью сказала Ундина, и тихимъ, воздушнымъ
Шагомъ по двору, мимо Бертальды, мимо стоявшихъ
Въ страхѣ работниковъ, прямо прошла къ колодцу, безгласной,
Грустной тѣнью спустилась въ его глубину и пропала.

ГЛАВА XIX.

О ТОМЪ, КАКЪ РЫЦАРЬ БЫЛЪ ПОГРЕБЕНЪ.

Патеръ Лаврентій, услышавъ о томъ, какъ внезапно и чудно
Кончилъ жизнь владѣтель замка Рингштетена, тотчасъ
Въ замкѣ явился; и онъ, входя на дворъ, осѣненный
Липами, встрѣтился тамъ съ монахомъ, недавно вѣнчавшимъ
Рыцаря: въ ужасѣ тотъ удалиться спѣшилъ. Такъ и должно!
Патеръ Лаврентій сказалъ: теперь моя наступила
Очередь; мнѣ помощникъ не нуженъ. Хотѣлъ онъ невѣстѣ,
Вдругъ овдовѣвшей, отрадное слово сказать въ подкрѣпленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбакъ молился и плакалъ, и, въ горѣ смиряясь,
Думалъ: оно иначе и быть не могло — то Господній
Судъ; и, конечно, Гульбрандова смерть ни кому не могла быть
Такъ тяжела, какъ именно той, которую съ смертной
Вѣстью прислали къ нему, отверженной, бѣдной Ундинѣ.—
Стали готовить обрядъ похоронный, какъ было прилично
Сану покойника: тѣло его положить надлежало
Подлѣ церкви приходской, тамъ, гдѣ были гробницы
Предковъ его, одарившихъ множествомъ вкладовъ богатыхъ
Эту церковь. И щитъ и шлемъ ужъ лежали на кровлѣ
Гроба, чтобъ съ нимъ опуститься въ могилу, ибо нашъ рыцарь
Былъ послѣдній въ родѣ своемъ, который съ нимъ вмѣстѣ
Кончился весь. И ходъ печальный уже начинался;
Пѣснь погребальная къ свѣтло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила, съ длиннымъ крестомъ, во всемъ облаченьи
Патеръ Лаврентій шелъ впереди; за нимъ шла Бертальда
Въ горькихъ слезахъ, на дряхлую руку отца опираясь.
Вдругъ посреди Бертальдиныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ глубокій
Трауръ и шедшихъ въ свитѣ ея, замѣтили бѣлый
Образъ, въ длинномъ, густомъ покрывалѣ, тихо идущій,
Грустно потупивши голову. Страхомъ проникнуть былъ каждый,
Шедшій подлѣ такого товарища; всѣ сторонились,
Пятились, такъ, что порядокъ хода разстроился. Силой
Два смѣльчака хотѣли незваного изъ ряду вывесть;
Но, отъ нихъ ускользнувши, какъ легкая тѣнь, онъ на прежнемъ
Мѣстѣ явился опять и послѣдовалъ тихо за гробомъ.
Вотъ напослѣдокъ онъ, мало-по-малу, мѣняяся мѣстомъ
Съ тѣми, кто въ страхѣ спѣшилъ отъ него удалиться, подлѣ

Самой вдовы очутился; но ею сначала примѣченъ
Не былъ, и сзади пошелъ смиренно-печальный. Достигнулъ
Ходъ до кладбища, и всѣ обступили могилу. Тутъ въ первый
Разъ Бертальда незваного гостя увидѣла, въ страхѣ
Стала она рукою махать, чтобъ онъ удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, трясъ головою,
Руки къ ней простиралъ и, какъ будто, молилъ о пощадѣ.
Вспомнила тутъ невольно Бертальда Ундину, какъ руку
Къ ней она подняла на Дунаѣ, когда ей хотѣла
Такъ добродушно подать ожерелье, и какъ подъ водами
Скрылась потомъ навсегда. Но въ это мгновенье подалъ
Знакъ отецъ Лаврентій, чтобъ всѣ умолкли и стали
Гробъ опускать въ могилу, и мало-помалу засыпанъ
Былъ онъ землею. Когда же совсѣмъ былъ набросанъ могильный
Холмъ, и читать послѣднюю началъ молитву священникъ,
Стала вдова на колѣни, стали и всѣ на колѣни,
Въ томъ числѣ и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова всѣ встали... ужъ бѣлый образъ пропалъ; а на мѣстѣ,
Гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, сквозь травку сочился прозрачный
Ключъ; серебристо вiясь, онъ впередъ пробирался, покуда
Всей не обвилъ могилы; тогда ручейкомъ побѣжалъ онъ
Далѣ, и бросился въ свѣтлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя, про него тѣхъ мѣстъ поселяне
Чудную повѣсть любили прохожимъ разсказывать; долго,
Долго жило повѣрье у нихъ, что ручей тотъ Ундина,
Добрая, вѣрная, слитая съ милымъ и въ гробѣ Ундина.

1839.

КАМОЭНСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

[ПОДРАЖАНІЕ ГАЛЬМУ].

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

Донъ Людвигъ Камоэнсъ.
Донъ Іозе Квеведо Кастель Бранка.
Васко, его сынъ. *)
Смотритель главнаго госпиталя въ Лиссабонѣ.

(1579).

I.

Тѣсная горница въ большомъ лазаретѣ Лиссабонскомъ: стѣны голы; кое-гдѣ обвалилась штукатурка; съ одной стороны столъ съ бумагами и стулъ; съ другой большія кресла и за ними, ближе къ стѣнѣ, полуизломанная кровать. На ней лежитъ Камоэнсъ и спитъ; къ кровати прислоненъ мечъ; надъ изголовьемъ виситъ на стѣнѣ лютня, покрытая пылью. Съ правой стороны дверь.—Входитъ донъ Іозе Квеведо вмѣстѣ съ смотрителемъ госпиталя. У послѣдняго за поясомъ связка ключей, подъ мышкой большая книга.

Іозе Квеведо, смотритель госпиталя, Камоэнсъ.

Квеведо.

Ой, ой, какъ высоко! Неужто выше
Еще намъ подыматься?

Смотритель.

Нѣтъ, пришли.

Квеведо.

Ну, слава Богу! я почти задохся...
Такъ здѣсь онъ?

Смотритель.

Здѣсь. Вотъ, сами посмотрите,
Что у меня записано въ реестрѣ:

---

*) «Васко Мусинхо де-Квеведо Кастель Бранка, по свидѣтельству знатоковъ португальской литературы, болѣе всѣхъ другихъ поэтовъ Португаліи приблизился къ Камоэнсу. Его эпическая поэма «Альфонсъ Африканскій», въ которой особенно замѣчательны изображеніе мученій Фердинанда и описаніе сраженія Алькассарскаго, издана въ 1611 году. *Прим. Сочин.*».

Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ—
И на двери *десятый нумеръ;* это онъ.

Квеведо.

Ну, хорошо. Да развѣ болѣ ты
Объ немъ не знаешь?

Смотритель.

Нѣтъ.

Квеведо.

И никогда
Объ немъ не слыхивалъ, и не имѣешь
Объ немъ понятія?

Смотритель.

Какое тутъ
Понятіе! Лишь былъ бы только нумеръ.
Что намъ до имени, что намъ до слуховъ?
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ—
И все тутъ; такъ записано въ реестрѣ.

Квеведо.

Ты человѣкъ, я вижу, аккуратный,
И книги у тебя въ порядкѣ... *(Осматривается).*
Боже!
Въ какой тюрьмѣ онъ запертъ; какъ темно,
Тѣсно, нечисто! Стѣны голы; окна
Съ рѣшетками и потолокъ такъ низокъ,
Что душно.

Смотритель.

Здѣсь до сихъ поръ сумасшедшихъ
Держали: но ему такъ захотѣлось
Быть одному, а этотъ нумеръ былъ
Никѣмъ не занятъ—такъ его сюда я
И перевелъ.

Квеведо.

Къ безумнымъ? по дѣломъ!
Ты поступилъ догадливо; я вижу,
Ты расторопный человѣкъ. Я всѣхъ бы
Проклятыхъ этихъ стихотворцевъ заперъ
Въ домъ сумасшедшихъ. Тише! Кто лежитъ
Тамъ на кровати? ужъ не онъ ли?

Смотритель.

Онъ,
Синьоръ; онъ спитъ... Я разбужу.

Квеведо.

Не трогай;
Я подожду, пока онъ самъ проснется.

Смотритель.

Такъ оставайтесь съ Богомъ здѣсь; а я
Пойду: есть дѣло...

Квеведо.

Хорошо, поди—
И вотъ тебѣ за трудъ.

Смотритель.

Благодарю,
Синьоръ. *(Уходитъ).*

II.

Іозе Квеведо и Камоэнсъ.

Квеведо.

Итакъ, я наконецъ его
Нашелъ. Трудненько было мнѣ сюда
Карабкаться, и радъ я, что могу
Немного отдохнуть. Когда бъ не сынъ,
Моя нога сюда не забрела бы;
Да мой пострѣлъ совсѣмъ рехнулся; горе
Мнѣ съ нимъ великое; не знаю самъ,
Что дѣлать; съ отвращеньемъ смотритъ онъ
На наше ремесло, и не проценты
Считаетъ—стопы, да стихи плететъ,
Да о вѣнкахъ лавровыхъ безпрестанно
И сонный и несонный бредитъ. Денегъ
Ему не надобно; все для него
Равно, богачъ ли онъ, иль нищій; мнѣ,
Отцу, не хочетъ подражать, а вслѣдъ
За Камоэнсомъ рвется... Вотъ тебѣ
Твой Камоэнсъ, твой образецъ: изволь
Имъ любоваться! здѣсь, въ госпиталѣ
Въ отрепьи нищенскомъ лежитъ съ своими
Онъ лаврами,—сѣдой, больной, изсохшій, дряхлый,
Безглазый, всѣми брошенный, великій
Твой человѣкъ, твой славный Лузіады
Пѣвецъ, сражавшійся передъ Ораномъ
И передъ Цейтою. Вотъ, полюбуйся;
Онъ въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ
Людьми, и все имущество его—
Покрытый ржавчиною мечъ, да лютня
Безъ струнъ... Зачѣмъ онъ жилъ? и что онъ нажилъ?
Донъ Лудвигъ Камоэнсъ, десятый нумеръ,
И все тутъ—такъ записано въ реестрѣ...
А я, надъ кѣмъ такъ часто онъ, бывало,
Смѣялся; я, котораго осломъ,
Телячьей головой онъ называлъ,
Который на вѣсъ продаю изюмъ,

Да виноградъ, да въ добрые крузады
Мараведисы превращаю, я—
Я человѣкъ богатый, свѣжъ, румянъ,
И пользуюсь всеобщимъ уваженьемъ;
Три дома у меня, и въ море пять
Галеръ отправлено съ моимъ товаромъ:
За славой онъ пошелъ, я за прибыткомъ,
И вотъ, мы оба здѣсь. Пускай его
Мой сынъ увидитъ, и потомъ свой выборъ
Пускай самъ сдѣлаетъ. Затѣмъ-то я
Сюда и взлѣзъ; пускай разскажетъ сыну
Самъ этотъ сумасбродъ, какому вздору
Пожертвовалъ онъ жизнію своею...
Онъ шевелится, охаетъ, открылъ
Глаза...

Камоэнсъ.

Мой сонъ опять былъ на минуту;
То былъ не вѣчный сонъ, конецъ всему,
Не смерть, а только призракъ смерти...
Кто здѣсь?
Неужто человѣкъ? Здѣсь? Человѣкъ?
У Камоэнса?.. Кто ты, другъ? Чего
Здѣсь ищешь? Ты ошибся...

Квеведо.

Нѣтъ синьоръ,
Я васъ искалъ, и дѣло мнѣ до васъ.

Камоэнсъ.

Ахъ да, я и забылъ, что я пишу
Стихи! Вы, можетъ быть, синьоръ, хотите
Стиховъ на свадьбу иль на погребенье?
Иль словъ для серенады? Потрудитесь
Порыться тамъ въ бумагахъ на столѣ—
Тамъ всякой всячины довольно. Я
Беру недорого. Реаля два
Не болѣ за піесу.

Квеведо.

Нѣтъ, синьоръ,
Не то...

Камоэнсъ.

Такъ, можетъ быть, хотите вы,
Чтобъ я для васъ особенные сдѣлалъ
Стихи? Нѣтъ, государь мой, я не въ силахъ:
Вы видите, я боленъ; я едва
Таскаю ноги. *(Встаетъ и, опираясь на мечъ, переходитъ къ креслamъ, въ которыя садится).*
Нѣтъ ни чувствъ, ни мыслей;
Что у меня найдется, тѣмъ и радъ;
Извольте взять любое изъ запаса.

Квеведо.

Не за стихами я сюда пришелъ.
Всмотрись въ мое лицо, донъ Лудвигъ;
Не узнаешь меня? [развѣ

Камоэнсъ.

Синьоръ, простите,
Не узнаю.

Квеведо.

Не можетъ быть; ты долженъ
Меня узнать.

Камоэнсъ.

Не узнаю, синьоръ.

Квеведо.

Въ Калвасѣ мы ходили вмѣстѣ въ школу.

Камоэнсъ.

Мы?

Квеведо.

Да въ Калвасѣ. Мы частенько тамъ
Другъ съ другомъ и дирались, и поряд-
Ты иногда отдѣлывалъ меня. [комъ
Подумай — вспомнишь: мы знакомцы съ
дѣтства.

Камоэнсъ.

Синьоръ, прошу васъ не взыскать; я старъ,
И голова моя слаба; никакъ
Не вспомню, кто вы.

Квеведо.

Боже мой, но вѣрно
Меня узнаешь ты, когда скажу,
Что я Іозѣ Квеведо Кастель Бранка,
Сынъ крестной матери твоей, Маркитты?

Камоэнсъ.

Іозѣ Квеведо ты?

Квеведо.

Да, я Іозе
Квеведо—тотъ, котораго, бывало,
Ты называлъ телячьей головою,
Котораго такъ часто ты...

Камоэнсъ.

Чего жъ
Ты ищешь здѣсь, Іозѣ Квеведо?

Квеведо.

Какъ
Чего? Хотѣлось мнѣ тебя провѣдать,
Узнать, какъ поживаешь. Правду молвить,
Мнѣ на тебя невесело смотрѣть.
Ты худъ, какъ мертвый трупъ. А я—
гляди,
Какъ раздобрѣлъ. Такъ все идетъ на свѣтѣ!

Кто на ногахъ—держись, чтобъ не упасть.
Идти за счастьемъ скользко...

Камоэнсъ.

Правда, скользко.

Квеведо.

Вотъ ты теперь въ нечистомъ лазаретѣ,
Больной полумертвецъ, безглазый, нищій,
Оставленный...

Камоэнсъ.

Зачѣмъ, Іозе Квеведо,
Считаешь ты на лбу моемъ морщины
И сѣдины на головѣ моей,
Дрожащей отъ болѣзни?

Квеведо.

Не сердися,
Другъ, я хотѣлъ сказать, что времена
Перемѣняются, что вмѣстѣ съ ними
Перемѣняемся и мы. Теперь
Ты ужъ не тотъ красавчикъ, за которымъ
Такъ встарину всѣ женщины гонялись,
Съ которымъ знать водила дружбу,—ты
Не прежній Камоэнсъ.

Камоэнсъ.

Не прежній, правда!
Но пусть судьбой разрушена моя
Душа, пускай все было то обманъ,
Чему я жизнь на жертву добровольно
Принесъ—поймешь ли это ты? Моимъ
Судьей быть можетъ ли какой-нибудь
Квеведо?

Квеведо *(про себя).*

Вотъ еще! Какъ гордъ! когда бъ
Не сынъ, тебѣ я крылья бы ошибъ.
(Вслухъ)
Твои слова ужъ черезчуръ суровы;
Другого я пріема ожидалъ
Отъ стараго товарища. Но, правда,
Ты боленъ, иначе меня бы встрѣтилъ
Ты дружелюбнѣй. Намъ о многомъ прошломъ
Другъ съ другомъ можно поболтать. Вѣдь дѣтство
Мы вмѣстѣ провели; то было время
Веселое... Ты помнишь лугъ за школой,
Гдѣ мы, бывало, въ мячъ играли? Помнишь
Высокій вязъ... кто выше взлѣзетъ? Ты
Всегда другихъ опережалъ. А наша
Игра въ охоту—кто олень, кто псарь,
А кто собаки... то-то было любо:
Впередъ! крикъ, лай, визжанье, бѣготня...
Что? помнишь?

Камоэнсъ.

Помню.

Квеведо.

А походы наши
Въ сосѣдній садъ, и тамъ осада яблонь,
И возвращеніе домой съ добычей?
А иногда съ садовникомъ война
И отступленье?

Камоэнсъ.

Да; то было время
Веселое! Мы были всѣ народъ
Неугомонный.

Квеведо.

Да, лихое племя!
А нашъ крутой пригорокъ, на которомъ
Лежала груда камней? Онъ для насъ
Былъ крѣпостью; ее мы брали штурмомъ,
И было много тутъ подбитыхъ глазъ
И желваковъ...

Камоэнсъ.

Вотъ этотъ мой рубецъ
Остался мнѣ на память объ одномъ
Изъ нашихъ подвиговъ тогдашнихъ...

Квеведо.

Правду
Сказать, не разъ могла потѣха стоить
Намъ дорого. Вотъ, напримѣръ, морской
Походъ нашъ по рѣкѣ. Мы всѣ устали
И воротились; ты жъ одинъ...

Камоэнсъ.

Да, мнѣ
Казалось, что вдали передо мной
Былъ новый, никогда еще никѣмъ
Не посѣщенный свѣтъ; во что бъ ни стало
Къ нему достигнуть я рѣшился; сила
Теченья мнѣ препятствовала долго
Мой замыселъ исполнить; наконецъ,
Ее я одолѣлъ и вышелъ гордо
На завоеванный, желанный берегъ...
О, молодость! о, годы золотые!.. *(помолчавъ)*
Дай руку мнѣ! ты знаешь, мы съ тобою
Въ то время не были друзьями: ты
Казался—но, быть можетъ, не таковъ ты
Какимъ тогда казался намъ... Ну, дай же
Мнѣ руку: въ дѣтствѣ ты со мной игралъ,
Со мной дѣлилъ веселье; а теперь
Туманный вечеръ мой ты освѣтилъ

Воспоминаніемъ прекрасной нашей
Зари... Я такъ одинъ—хотя бъ ты былъ
И злѣйшій врагъ мой, мнѣ тебя теперь
Обнять отъ сердца должно...
(Обнимаетъ его).

Квеведо *(помолчавъ).*

Ну, скажи же,
Какъ жилъ ты, что съ тобой происходило
Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Мнѣ
Велѣлъ науки кончить и покинуть [отецъ
Калвасъ и въ Фигуэру ѣхать. Тамъ
Иная сказка началась: пришлося
Не объ игрѣ ужъ думать—о работѣ.

Камоэнсъ.

Меня судьба перевела въ Коимбру,
Святилище науки; тамъ впервые
Услышалъ я Гомера; Мантуанскій
Пѣвецъ меня гармоніей своей
Плѣнилъ, и прелесть красоты
Проникла душу мнѣ; что въ ней дотолѣ
Невидимо, невѣдомо хранилось,
То вдругъ въ чудесный образъ облеклось;
Что было тьма, то стало свѣтъ, и жизнью
Затрепетало все, что было мертвымъ;
И мнѣ во грудь предчувствіе чего-то
Невыразимаго впилося...

Квеведо.

Я,
Признаться, до наукъ охотникъ былъ
Плохой. Отецъ меня въ сидѣльцы отдалъ
Знакомому купцу; и должно правду
Сказать, ужъ было у него чему
Понаучиться: онъ считать былъ мастеръ.
А ты?

Камоэнсъ.

Промчались годы, въ школѣ стало
Мнѣ тѣсно; я послѣдовалъ влеченью
Души—увидѣлъ Лиссабонъ, увидѣлъ
Блестящій дворъ и короля во славѣ
Державнаго могущества, пышность
Его вельможъ... Но я на это робко
Смотрѣлъ издалека и, ослѣпленный
Блистательной картиною, за призракъ
Ее считалъ.

Квеведо.

Со мной случилось то же,
Точь въ точь, когда на биржу въ первый
Я заглянулъ и тамъ увидѣлъ горы [разъ
Товаровъ...

Камоэнсъ.

Въ это время встрѣтилъ я
Ее... О, Боже! какъ могу теперь,
Разрушенный полумертвецъ, снести
Воспоминаніе о томъ внезапномъ,
Неизглаголанномъ преображеньи
Моей души!.. Она была прекрасна
Какъ Богъ въ своей веснѣ, животворящей
И небеса и землю!

Квеведо.

И со мной
Случилось точно то жъ. У моего
Хозяина была одна лишь дочь,
Наслѣдница всему его имѣнью;
Имѣнье жъ накопилъ себѣ старикъ
Большое; мудрено ли, что мое
Заговорило сердце?

Камоэнсъ *(не слушая его).*

О, святая
Пора любви! Твое воспоминанье
И здѣсь, въ моей темницѣ, на краю
Могилы, какъ дыханіе весны,
Мнѣ освѣжило душу. Какъ тогда
Все было въ мірѣ отголоскомъ звучнымъ
Моей любви! какимъ сіяньемъ райскимъ
Блистала предо мной вся жизнь съ своимъ
Страданіемъ, блаженствомъ, съ настоящимъ,
Прошедшимъ, будущимъ!.. О, Боже! Боже!..

Квеведо.

Отцу я полюбился; онъ доволенъ
Былъ ловкостью моей въ дѣлахъ торго-
И дочери сказалъ, что за меня [выхъ,
Ее намѣренъ выдать; дочь на то
Сказала: «воля ваша», и тогда же
Насъ обручили...

Камоэнсъ.

О, блаженъ, блаженъ,
Кому любви досталася награда!...
Мнѣ не была назначена она.
Насъ разлучили; въ монастырской кельѣ
Младые дни ея угасли; я
Былъ увлеченъ потокомъ жизни; въ бурѣ
Войны хотѣлъ я рыцарски погибнуть,
Сѣлъ на коня и бился подъ стѣнами
Марокко, былъ на штурмѣ Цейты;
Изъ битвы вышелъ я полуслѣпымъ,
А смерть мнѣ не далась.

Квеведо.

Со мною было
Не лучше. Я съ женой недолго пожилъ:
Бѣдняжка умерла родами... Сильно
По ней я горевалъ... Но мнѣ наслѣдство
Богатое оставила она,
И это наконецъ кое-какъ стало
Моей отрадой.

Камоэнсъ.

Все переживешь
На свѣтѣ... Но забыть?.. Блаженъ, кто носитъ
Въ своей душѣ святую память, вѣрность
Прекрасному минувшему! Моя
Душа ее во глубинѣ своей,
Какъ чистую лампаду, засвѣтила,
И въ ней она поэзіей горѣла.
И мнѣ была поэзія отрадой:
Я помню часъ, великій часъ, меня
Всего пересоздавшій. Я лежалъ
Съ повязкой на глазахъ въ госпиталѣ;
Тьма вкругъ меня и тьма во мнѣ...
И вдругъ—сказать не знаю—подошло,
Иль нѣтъ, не подошло, а подлетѣло,
Иль нѣтъ, какъ будто Божіе съ небесъ
Дыханье свѣяло,—свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы—
И было то, какъ будто и во мнѣ
И внѣ меня, и въ глубь моей души
Оно вливалось, и волшебный кругъ
Меня тѣснѣй, тѣснѣе обнималъ;
И унесенъ я былъ неодолимымъ
Могуществомъ далеко въ высоту...
Я обезпамятѣлъ; когда жъ пришелъ
Въ себя—то было первая моя
Живая пѣсня. Съ той минуты чудной
Исчезла ночь во мнѣ и вкругъ меня;
Я не былъ ужъ одинъ, я не былъ брошенъ;
Страданій чаша предо мной стояла,
Налитая цѣлебнымъ питіемъ;
Моя душа на крыльяхъ пѣснопѣнья
Взлетѣла къ Богу и нашла у Бога
Утѣху, свѣтъ, терпѣнье и замѣну.

Квеведо.

Мнѣ посчастливилось; свое богатство
Удвоилъ я; потомъ ушестерилъ...
А ты какъ? Что потомъ съ тобой случилось?

Камоэнсъ.

Я въ той землѣ, гдѣ схоронилъ ее,
Не могъ остаться. Вслѣдъ за Гамой славный
Путь по морямъ я совершилъ, и тамъ,
Подъ небомъ Индіи, раздался звучно
Въ чеетъ Португаліи мой голосъ: онъ
Былъ повторенъ волнами Тайо; вдругъ
Услышала Европа имя Гамы
И изумилась; до предѣловъ Туле
Достигнулъ громъ побѣдный Лузіады.

Квеведо.

А много ль принесла тебѣ она?
У насъ носился слухъ...

Камоэнсъ.

Мнѣ принесла
Гоненіе и ненависть она.
Великихъ предковъ я ничтожнымъ внукамъ
Осмѣлился поставить въ образецъ,
Я карламъ указалъ на великановъ—
И правда мнѣ въ погибель обратилась:
И то, что я любилъ, меня отвергло,
И что моей я пѣснію прославилъ,
Тѣмъ былъ я посрамленъ—и былъ, какъ врагъ,
Я Португаліей моей отринутъ...
(помолчавъ).
Я мужъ, и жалобы я ненавижу;
Но всю насквозь мнѣ душу эта рана
Прогрызла; никогда не заживетъ
Она, и вѣчно, вѣчно будетъ рвать
Меня, какъ въ оный мигъ разорвала,
Когда отечество такъ безпощадно
Отъ своего поэта отреклося.

Квеведо.

Ну, не крушись; забудь о прошломъ; кто
Не ошибается въ своихъ разсчетахъ?
Теперь не удалось—удастся послѣ.

Камоэнсъ.

И для меня однажды солнце счастья
Блеснуло свѣтлою зарей. Когда
Король нашъ Себастьянъ взошелъ на тронъ,
Его орлиный взоръ проникъ въ мою
Тюрьму, съ меня упала цѣпь, и свѣтъ
И жизнь возвращены мнѣ были снова;
Опять весна въ груди моей увядшей
Воскресла... но то было на минуту:
Все погубилъ день битвы Алкассарской.
Король нашъ палъ великой мысли
И Португалія добычей стала [жертвой—

Филиппа... Страшный день! о, для чего
Я дожилъ до тебя!

Квеведо.

Да, страшный день!
Ужъ нечего сказать! И съ той поры
Все хуже намъ да хуже. Богъ на насъ
Прогнѣвался. По крайней мѣрѣ ты
Похвастать счастіемъ не можешь.

Камоэнсъ.

Солнце
Мое навѣкъ затмилось и печально
Туманенъ вечеръ мой. Забыть, покинуть,
Въ болѣзни, въ бѣдности я жду конца
На нищенской постели лазарета.
Одинъ мнѣ оставался другъ—онъ былъ
Невольникъ; иногда я называлъ
Его въ досадѣ черною собакой.
Но только что со мной простилось счастье,
Онъ сдѣлался хранителемъ моимъ:
Онъ мнѣ служилъ и для меня работалъ,
И отдавалъ свою дневную плату
На пищу мнѣ. Когда жъ болѣзнь меня
Къ постели приковала, день и ночь
Сидѣлъ онъ надо мной и утѣшалъ
Меня отрадными словами ласки,
И, самъ больной, по улицамъ таскался
За подаяніемъ для Камоэнса.
И наконецъ, свои истративъ силы,
Безъ жалобы, безъ горя за меня
Онъ умеръ—черная собака!.. Богъ
То видѣлъ съ небеси... Покойся, другъ,
Послѣдній другъ мой на землѣ, въ твоей
Святой могилѣ! тамъ тебѣ пріютно,
А на землѣ пріюта не бываетъ.

Квеведо (*про себя*).

Теперь пора мнѣ къ дѣлу приступить.
(*Ему*).
Сердечный другъ, тебѣ удѣлъ нелегкій
Достался, нечего сказать! Ты славилъ
Отечество, и чѣмъ же заплатило
Оно тебѣ за славу? Нищетой.
Съ надеждами пошелъ ты въ путь, а съ чѣмъ
Пришелъ назадъ? Ровнехонько ни съ чѣмъ.
И вотъ теперь, при нашей поздней встрѣчѣ,
Когда твою судьбу сравню съ моею,
То, право, кажется—не осердися—
Что выборъ мой сто разъ благоразумнѣй
Былъ твоего. Вотъ видишь, я богатъ;
По всѣмъ морямъ товаръ мой корабли
Развозятъ; а, бывало, на меня
Смотрѣлъ ты свысока. Сказать же правду,
Хоть лаврами я лба и не украсилъ,
Но, кажется, что на вѣсъ мой барышъ
Тяжелѣ твоего...

Камоэнсъ.

Ты въ барышахъ—
Не спорю. Но на свѣтѣ много есть
Вещей возвышенныхъ, не подлежащихъ
Ни мѣрѣ, ни расчетамъ торгаша.
Лишь выгодой опредѣлять онъ можетъ
Достоинство; замѣть же это, другъ:
Лавровый листъ скупать ты на вѣсъ можешь,
Но о вѣнкахъ лавровыхъ не заботься.

Квеведо (*про себя*).

Ужъ не смѣется ль онъ надъ нашимъ званьемъ?...
Постой, ужъ попадись ко мнѣ ты въ руки,
Я отплачу тебѣ порядкомъ. (*Ему*) Ты
Обидѣлся, я вижу; а въ тебѣ
Я искренно участье принимаю.
Да я и съ просьбою пришелъ; послушай,
Оставь ты лазаретъ свой, сдѣлай дружбу,
Переселись ко мнѣ; мой домъ просторенъ;
Чужимъ найдется много мѣста въ немъ,
Не только что друзьямъ. Ну, Камоэнсъ,
Не откажи мнѣ; перейди въ мой домъ;
Ты у меня свободно отдохнешь
Отъ прошлыхъ бѣдъ, и мой избытокъ
Охотно я съ тобою раздѣлю...
Не слышишь что ли, Камоэнсъ?

Камоэнсъ.

Что? что
Ты говоришь? Меня къ себѣ, въ свой домъ
Зовешь?

Квеведо.

Да, да! Къ себѣ, въ свой домъ, тебя
Зову. Согласенъ ли?

Камоэнсъ.

Жить у тебя?
Но, можетъ быть, ты думаешь, Квеведо...
Нѣтъ, нѣтъ! твое намѣренье, я въ этомъ
Увѣренъ, доброе—благодарю;
Но мнѣ и здѣсь покойно: я доволенъ;
Нѣтъ нужды мнѣ тебя тѣснить; да въ этомъ
И радости не будетъ никакой:

О радостяхъ давно мнѣ и во снѣ
Не грезится.

Квеведо.

Меня ты потѣснишь?
Помилуй, что за мысль! Ты мнѣ, напротивъ,
Полезенъ можешь быть; я отъ тебя
Жду помощи великой.

Камоэнсъ.

Отъ меня?
Ждешь помощи? И я могу тебѣ
Полезенъ быть? я? я? мечтатель жалкій,
Который никому и ни на что
Не нуженъ былъ на свѣтѣ, и себя
Лишь только погубить умѣлъ? Квеведо,
Не шутишь ли?

Квеведо.

Какая шутка! Самъ
Ты разсуди; далъ Богъ мнѣ сына—ну,
Ужъ нечего сказать, такихъ немного,
Каковъ мой Васко; онъ до этихъ поръ
Былъ радостью моей, и я имъ хвасталъ,
И ужъ заранѣ веселилъ себя
Надеждою, что онъ мое богатство,
Которому всему одинъ наслѣдникъ,
Удвоитъ, мнѣ, какъ должно, подражая—
Анъ нѣтъ, иначе вышло на повѣрку:
Отцовскимъ звапьемъ онъ пренебрегаетъ,
Въ проклятые зарылся пергаменты,
Ударился въ стихи, въ поэты мѣтитъ.

Камоэнсъ.

Безумство! жалкій бредъ!

Квеведо.

Я то же самъ
Ему пою; да онъ не вѣритъ. Музы—
Ему отецъ и мать и все земное
Его богатство.

Камоэнсъ.

Такъ мечтаютъ всѣ
Они, но то обманъ...

Квеведо.

Напрасно я
Увѣщевалъ его: онъ словъ моихъ
И понимать не хочетъ. Видишь ли теперь,
Какъ много мнѣ ты можешь быть полезенъ,
Дружище? Укажи ему на твой
Примѣръ, пускай узнаетъ онъ, какъ ты,
Его достойный образецъ, былъ щедро
Отъ свѣта награжденъ, пусть Камоэнса
Увидитъ онъ въ госпиталѣ, больного,
Въ презрѣньи, въ нищетѣ, быть можетъ...

Камоэнсъ.

Такъ
Пускай меня увидитъ онъ! Пришли
Его сюда; я выдѣчу его
Отъ гибельной мечты. Слѣпецъ! безумецъ!
Ненужною доселѣ жизнь свою
Я почиталъ; теперь мнѣ все понятно:
Имъ пугаломъ должна служить она!

Квеведо.

Такъ ты его остережешь, спасешь?

Камоэнсъ.

Остерегу, спасу... Пришли его
Сюда.

Квеведо.

Онъ недалеко; крылья имя
Твое придастъ ему; черезъ минуту
Онъ будетъ здѣсь; и вмѣстѣ съ нимъ въ мой домъ
Пожалуетъ желанный гость—не правда ль?
Ты будешь, другъ?

Камоэнсъ.

Увидимъ.

Квеведо.

Ну, прости же,
Любезный. *(Про себя).* Слава Богу! все какъ должно
Улажено. Лишь только бъ сына онъ
На путь наставилъ... самъ же... что за дѣло
Мнѣ до него!.. Пускай въ госпиталѣ
Околѣваетъ. *(Уходитъ).*

III.

Камоэнсъ *(одинъ).*

Я усталъ; всѣ силы
Мои истощены; и жаръ и холодъ
Я чувствую; въ глазахъ моихъ темнѣетъ;
Ужъ не она ль? Не смерть ли, званый другъ,
Ко мнѣ подходитъ?.. *(Помолчавъ).* Всѣхъ я схоронилъ;
Все, что любилъ я, что меня любило,
Давно во гробѣ... Я стою одинъ
Передъ своей могилою, одинъ...
И не протянетъ мнѣ никто руки,
Чтобы помочь въ нее сойти; свалюся
Туда, какъ чумный трупъ, рукой наемной
Толкнутый въ общій гробъ. Счастливъ стократно

Простой поселянинъ! Трудомъ прилежнымъ
Довольный, скромный, замысловъ высокихъ
Не вѣдая, своей тропинкой онъ
Идетъ; когда же смертный часъ его
Наступитъ, онъ, въ кругу своихъ, близъ
Жены, участницы всего, что было [доброй
И горькаго и радостнаго въ жизни,
Среди дѣтей, воспитанныхъ съ любовью,
Смиренно, тихо, ясно умираетъ;
И всѣми онъ любимъ, и, съ нимъ прощаясь,
Всѣ плачутъ, и глаза ему родная
Рука при смерти зажимаетъ. Я же?..
О, какъ меня все обмануло! Я
Жилъ одинокъ и одинокъ умру...
Сокровищемъ она казалась мнѣ
Въ тотъ часъ, когда насъ буря окружала,
Когда корабль нашъ объ утесъ въ щепы
Расшибся—да, сокровищемъ тогда
Она, мое созданье, Лузіада
Казалась мнѣ! и въ море съ Лузіадой
Я кинулся, и отдалъ на пожранье
Волнамъ все, все, и съ гордымъ торжествомъ
На берегъ нищимъ вышелъ... спасена
Была, мое созданье, Лузіада!
Часъ роковой! Погибельная пѣснь!
Погибельный вѣнецъ, мнѣ данный славой!
Для нихъ отъ мирнаго, земного счастья
Отрекся я—и что жъ отъ нихъ осталось?
Разувѣреніе во всемъ, что прежде
Я почиталъ высокимъ и прекраснымъ...
(Помолчавъ).
Мнѣ холодно, и дрожь въ моихъ костяхъ:
Послѣдняя минута Камоэнса—
И никого, чтобъ вздохъ его принять!
Въ прошедшемъ ночь, въ грядущемъ ночь;
разстроенъ,
Разрушенъ геній; мужество и вѣра
Потрясены, и вся земная слава
Лежитъ въ пыли... Что жизнь моя была?
Безумство, бѣшенство... онъ справедливо
Сказалъ: барышъ мечтателя—мечта.

IV.

Камоэнсъ и Васко Квеведо.

Васко.

Здѣсь, сказано, могу его найти...
Ахъ, вотъ онъ!.. это онъ!.. такимъ видалъ я
Его во снѣ... но только бодрымъ, смѣлымъ,
И молніи въ глазахъ, и голова,
Поднятая торжественно и гордо...
Что нужды! Это онъ... Хотя и старъ
И хилъ, но на лицѣ его печать
Его великой пѣсни.

Камоэнсъ.

Кто тутъ?

Васко.

Васко
Квеведо, сынъ знакомца твоего,
Іозѣ Квеведо...

Камоэнсъ.

Ты?

Васко.

Отецъ меня
Прислалъ сюда, донъ Лудвигъ, пригласить
Тебя въ нашъ домъ переселиться; тамъ
Найдешь достойное тебя жилище
И дружбу... но не рано ль я пришелъ?

Камоэнсъ.

Когда бъ промедлилъ часъ, пришелъ бы
поздно.
Приближься, посмотри: ужъ надо мной
Летаетъ ангелъ смерти; для меня
Все миновалось; но прими совѣтъ
Отъ умирающаго Камоэнса
И сохрани его на пользу жизни...

Васко.

Ты умираешь?.. Нѣтъ, не можетъ быть,
Чтобъ умеръ Камоэнсъ!

Камоэнсъ.

Минуты, другъ,
Намъ дороги; послушай, сынъ мой, ты,
Я слышалъ отъ отца, служенью музъ
Жизнь посвятить свою желаешь... правду ль
Сказалъ онъ?

Васко.

Правду, я клянуся Богомъ!

Камоэнсъ.

Одумайся; то выборъ роковой;
Ты молодъ, и твоя душа, земного
Еще не вѣдая, стремится къ небу,
И ты свое стремленіе зовешь
Любовію къ поэзіи, отъ неба
Исшедшей, какъ твоя душа. Но знай,
Любовь еще не сила; постигать
Не есть еще творить; а увлекаться
Стремленіемъ къ великому еще
Не есть великаго достигнуть.

Васко.

Знаю.

Камоэнсъ.

Такъ загляни жъ во глубину своей
Души, и что ее бы ни влекло—
Самонадѣянность, иль просто дѣтскій
Позывъ на подражанье, иль тревога
Кипучей младости, иль раздраженье
Излишне-напряженныхъ нервъ—себя,
Мой другъ, не ослѣпляй. Другія всѣ
Искусства намъ возможно пріобрѣсть
Наукою; поэта же творитъ—
Святѣйшее оставивъ про себя—
Природа; геніи родятся сами;
Нисходитъ прямо съ неба то, что къ небу
Возноситъ насъ.

Васко.

Того, что происходитъ
Теперь во мнѣ и что я самъ такое,
Я изъяснить словами не могу.
Но выслушай мою простую повѣсть:
Ребенкомъ тихимъ, книги лишь однѣ
Любя, я выросъ, преданный мечтанью.
Мой взоръ былъ обращенъ во внутрь моей
Души; я внѣшняго не замѣчалъ;
Уединеніе имѣло голосъ,
Понятный для меня; и прелесть лунныхъ
Ночей меня стремила въ область тайны.
На путь отца смотрѣлъ я съ отвращеньемъ;
Меня влекло невѣдомо къ чему...
Вдругъ раздалась чудесно Лузіада—
И стало все во мнѣ свѣтло и ясно;
Сомнѣнье кончилось, и выбирать
Ужъ нужды не было... *за нимъ, за нимъ!*
Въ моей душѣ гремѣло и пылало;
И каждое біенье сердца мнѣ
Твердило то жъ: *за нимъ! за нимъ!..* И
Влекущая меня, неодолима. [власть,
Теперь рѣши, поэтъ ли я иль нѣтъ?

Камоэнсъ.

Свидѣтель Богъ! твои глаза блестятъ,
Какъ у поэта; но послушай, другъ,
Хотя бъ ихъ блескъ и правду говорилъ,
Остановись, не покидай смиренной
Тропы, протянутой передъ тобою;
Судьба тебѣ добра желаетъ; мнѣ
Повѣрь, я дорогой купилъ цѣной
Признаніе, что счастіе земное
Не на пути поэта.

Васко.

Дай его
Мнѣ заслужить—и пусть оно погибнетъ!

Камоэнсъ.

Слѣпецъ! Тебя зоветъ надежда славы.
Но что она? и въ чемъ ея награды?
Кто раздаетъ ихъ? и кому онѣ
Даются? и не всѣ ль ея дары
Обруганы завидующей злобой?
За нихъ ли жизнь на жертву отдавать?
Лишь у гробовъ, которымъ ужъ никто
Завидовать не станетъ, иногда
Садитъ онъ свой лавръ, дабы онъ цвѣлъ
Надъ тлѣніемъ, которое когда-то
Здѣсь человѣкомъ было и страдало,
Нося торжественно на головѣ
Подъ лаврами пронзительные терны.
Но для того, кто въ гробѣ спитъ, навѣки
Безчувственный для здѣшнихъ благъ и бѣдъ,
Не все ль равно—полынь ли надъ костями
Его растетъ, иль лавръ... Не вся ль тутъ
слава?

Васко.

Я молодъ, но ужъ мнѣ видать случалось,
Какъ незаслуженно ея вѣнецъ
Безстыдная ничтожность похищала,
Ругаяся надъ скромно-молчаливымъ
Достоинствомъ? Но для меня не счастье,
Не золото—скажу ли?—и не слава
Приманчивы...

Камоэнсъ.

Не счастье и не слава?
Чего же ищешь ты?

Васко.

О, долго, долго
Хранилъ я про себя святую тайну!
Но посвященному, о Камоэнсъ,
Тебѣ я двери отворю въ мое
Святилище, гдѣ я досель одинъ
Доступному мнѣ божеству молился.
Нѣтъ, нѣтъ! не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня
Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лекарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ

Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!

Камоэнсъ.

О, молодость на крыльяхъ серафимскихъ!
Какъ мало ходъ житейскаго тебѣ
Понятенъ! возносить на небеса
Свинцовыя ихъ души, ихъ слѣпые
Глаза воспламенять, глухонѣмыхъ
Плѣнять гармоніей!..

Васко.

Что мнѣ до нихъ,
Бсэчувственныхъ жильцевъ земли иль
Губителей всего святого! Мнѣ [дерзкихъ
Они чужіе. Для чего Творецъ
Такой имъ жалкій жребій избралъ, это
Извѣстно одному Ему; Онъ благъ
И справедливъ; обителей есть много
Въ дому Отца—всѣмъ будетъ воздаянье.
Но для чего сюда Онъ ихъ послалъ—
О, это мнѣ понятно. Здѣсь безъ нихъ
Была ли бы для душъ, покорныхъ Богу,
Возможна та святая брань, въ которой
Мы на землѣ для неба созрѣваемъ?
Мы не затѣмъ ли здѣсь, чтобы средь тяжкихъ
Скорбей, гоненій, видя торжество
Порока, силу зла, и слыша хохотъ
Бестыднаго разврата иль насмѣшку
Безвѣрія, изъ этой бездны вынесть
Въ душѣ неосквернённой вѣру въ Бога?..
О, Камоэнсъ! Поэзія небесной
Религіи сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сби-
Съ пути. Поэтъ, на пламени его [лись
Свой факелъ зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ каждый
Хранительный свой огнь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что бъ труженикъ земной
Ни испыталъ—душой онъ не падетъ,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.
О, Камоэнсъ! о, вѣрь моимъ словамъ!
Еще во мнѣ того, что въ этотъ мигъ
Я чувствую, ни разу не бывало;
Богъ языкомъ младенческимъ моимъ
Съ тобою говоритъ: ты совершилъ
Свое святое назначенье, ты
Свой пламенникъ зажегъ неугасимо;
Мнѣ въ душу онъ проникъ, какъ Божій лучъ;
И сколькихъ онъ другихъ согрѣлъ, утѣшилъ!
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшія надежды
И чистыя обруганы мечты...
Объ нихъ ли сѣтовать? Таковъ удѣлъ
Всего, всего прекраснаго земного!
Но не умретъ живая пѣснь твоя;
Во всѣхъ вѣкахъ и поколѣньяхъ будутъ
Ей отвѣчать возвышенныя души.
Ты жилъ и будешь жить для всѣхъ временъ!
Прямой поэтъ, твое безсмертно слово!

Камоэнсъ.

Его глаза сверкаютъ, щеки рдѣютъ;
Пророчески со мной онъ говоритъ;
Отъ словъ его вся внутренность моя
Трепещетъ; не самимъ ли Богомъ присланъ
Ко мнѣ младенецъ этотъ?.. Ты, мой сынъ,
Лишь о грядущемъ мыслишь — оглянись
На настоящее и на меня,
Пѣвца твоей великой Лузіады.
Смотри, какъ я, въ нечистомъ лазаретѣ,
Отечествомъ презрѣнный и забытый
Людьми, кончаю жизнь на томъ одрѣ,
Гдѣ за два дня издохъ въ цѣпяхъ безумный.
Таковъ въ своихъ наградахъ свѣтъ: страшись
Моей стези; бѣги надеждъ поэта!

Васко.

Бѣжать твоихъ надеждъ, твоей стези
Страшиться?... Нѣтъ, бросаюсь на колѣни
Передъ твоей страдальческой постелью,
На коей ты, какъ мученикъ смиренный,
Зришь небеса отверстыя, гдѣ ждетъ
Тебя твой Богъ, тебя не обманувшій.
Благодарю тебя, о Камоэнсъ,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья. Пусть людская злоба,
Презрѣніе, насмѣшка, нищета
Достоинству въ награду достаются—
Прекраснѣй лавра, мученикъ, твой тернъ!
И умереть въ темницѣ лазарета

Верхъ славы... О, судьба! дай въ жизни мнѣ
Быть Камоэнсомъ! дай, какъ онъ, быть
Отечества и вѣка моего [свѣтомъ
Величіемъ!—и всѣ земныя блага
Тебѣ я отдаю на жертву!

Камоэнсъ.

О!
Клянусь моей послѣднею минутой
И всей моей блаженно-скорбной жизнью,
И всѣмъ святымъ, что я въ душѣ хранилъ,
И всѣми чистыми ея мечтами
Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ—тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему—ты сердцемъ чистъ.

Васко.

Дойду?.. О Камоэнсъ! ты ль это мнѣ
Пророчишь?.. Повтори жъ мнѣ, буду ль я
Поэтомъ?

Камоэнсъ.

Ты поэтъ! имѣй къ себѣ
Довѣренность, объ этомъ часѣ помни;
И если нѣкогда захочетъ взять
Судьба свое, и путь твой омрачится—
Подумай, что своимъ эфирнымъ словомъ
Ты съ Камоэнсовыхъ очей туманъ
Печали свѣялъ, что въ послѣдній часъ,
Обезнадеженный сомнѣньемъ, онъ
Твоей душой былъ вдохновленъ, и снова
На пламени твоемъ свой прежній пламень
Зажегъ—и жизнь прославилъ, умирая.
О, помни, другъ, объ этомъ часѣ, помни
О той рукѣ, ужъ смертью охлажденной,
Которая на званіе поэта
Теперь тебя благословляетъ. Жизнь
Зоветъ на битву! съ Богомъ! возсіяй
Прекраснымъ днемъ, денница молодая!
А Камоэнсово ужъ солнце сѣло,
И смерть надъ нимъ покровъ свой раз-
стилаетъ...

Васко.

Ты не умрешь. На имени твоемъ
Покоится безсмертье.

Камоэнсъ.

Такъ, оно
На немъ покоится. Его призывъ
Я чувствую: я былъ поэтъ вполнѣ.
Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его—Онъ правъ;
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе—святая благодать...
И здѣсь любилъ я истину святую,
И голосъ мой былъ голосомъ ея;
И не развѣется, какъ прахъ ничтожный,
Жизнь вдохновенная моя; безсмертны
Мои мечты; ихъ сѣмена живыя
Не пропадутъ на жатвѣ поколѣній.
Предъ Господа могу предстать я смѣло.

Васко.

Что, что съ тобой?..
(*Въ эту минуту совершается видѣніе: надъ головою Камоэнса является духъ въ образѣ молодой дѣвы, увѣнчанной лаврами, съ сіяющимъ крестомъ на груди. За нею яркій свѣтъ*).

Камоэнсъ.

Оставь меня, мой сынъ!
Я чувствую, великій часъ мой близко...
Мой духъ опять живой исполненъ силы;
Меня зоветъ знакомый сердцу гласъ;
Передо мной исчезла тьма могилы,
И въ небесахъ моихъ опять зажглась
Моя звѣзда, мой путеводецъ милый!..
О! ты ль? тебя ль часъ смертный мнѣ отдалъ,
Моя любовь, мой свѣтлый идеалъ?
Тебя, на рубежѣ земли и неба, снова
Преображенную я вижу предъ собой;
Что здѣсь прекраснаго, великаго святого,
Я вдохновенною угадывалъ мечтой,
Невыразимое для мысли и для слова,
То все въ мой смертный часъ пріяло
образъ твой,
И, съ миромъ къ моему приникнувъ изго-
ловью,
Мнѣ стало вѣрою, надеждой и любовью.
Такъ, ты поэзія: тебя я узнаю;
У гроба я постигъ твое знаменованье.
Благословляю жизнь тревожную мою!
Благословенно будь души моей страданье!
Смерть! смерть, великій духъ! я слышу
вѣсть твою;
Меня всего твое проникнуло сіянье!
(*Подаетъ руку Васку, который падаетъ
на колѣни*).

Мой сынъ, мой сынъ, будь твердъ, душою не дремли!
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли. (*Умираетъ*).

1837—1841 гг.

НАЛЬ и ДАМАЯНТИ.

индѣйская повѣсть.

ея императорскому высочѣству государынѣ великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ.

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ: казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины,
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ—небеса
Вечернія спокойно отражая—
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и вдали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей
Сіяя голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики;
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій ходъ; змѣею безконечной
Въ долину вьется онъ; и вдругъ я слышу;
Играютъ маршъ торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
Тамъ овъ выстѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ, паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ палан- [кинѣ
Увидѣлъ я царевну молодую,
Невѣсту сѣвера: и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все... когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день; я чувствовалъ, что въ [ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго въ одно живое
Лицо сліянnаго.—И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ царевомъ домѣ, и лицомъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминаніе какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни.—И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла...
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

И нынѣ тихо, безъ волненья, льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лицо подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего,
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
И матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье

И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ

Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ, какъ будто, область
Иного міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
Попрежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Дюссельдорфъ, 16/28 февраля 1843.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Жилъ былъ въ Индіи царь, по имени Наль. Виразены
Сильнаго сынъ, обладатель царства Нишадскаго, этотъ
Наль былъ славенъ дѣлами, во младости мудръ, и прекраснъ
Такъ, что въ цѣломъ свѣтѣ царя, подобнаго Налю,
Не было, нѣтъ и не будетъ: между другими царями
Онъ сіялъ, какъ сіяетъ солнце между звѣздами.
Крѣпкій мышцею, свѣтлый разумомъ, чтитель смиренный
Мудрыхъ духовныхъ мужей, глубоко проникнувшій въ тайный
Смыслъ писаній священныхъ, жертвъ сожигатель усердный
Въ храмахъ боговъ, вожделѣній своихъ обуздатель, нечистымъ
Помысламъ чуждый, любовь и тайная дума
Дѣвъ, гроза и ужасъ враговъ, друзей упованье,
Опытный въ трудной военной наукѣ, искусный и смѣлый
Вождь, изъ лука дивный стрѣлокъ, наипаче же славный
Чуднымъ искусствомъ править конями— на нихъ же онъ въ сутки
Могъ сто миль проскакать—таковъ былъ Наль; но и слабость
Такъ же имѣлъ онъ великую: въ кости играть былъ безмѣрно
Страстенъ. — Въ это же время владѣлъ Видарбинскимъ обширнымъ
Царствомъ Бима, царь благодушный; онъ долго бездѣтенъ
Былъ и тяжко скорбѣлъ отъ того, и обѣтъ предъ богами
Онъ произнесъ великій, чтобъ боги его наградили
Сладкимъ родительскимъ счастьемъ; и боги ему даровали
Трехъ сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дамасъ, Дантасъ другой, и Даманасъ третій; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смѣлы; звѣздой красоты расцвѣла Дамаянти:
Прелесть ея прошла по землѣ чудесной молвою.
Въ домѣ отца, окруженная роемъ подружекъ, какъ будто
Свѣжимъ вѣнкомъ, сіяла межъ нихъ Дамаянти, какъ роза
Въ пышной зелени листьевъ сіяетъ, и въ этомъ собраньи
Дѣвъ сверкала, какъ молнія въ тучѣ небесной. Ни въ здѣшнемъ
Свѣтѣ, ни въ мірѣ безплотныхъ духовъ, ни въ странѣ, гдѣ святые

Боги живутъ, никогда подобной красы не видали;
Очи ея могли бы привлечь и безсмертныхъ на землю
Съ неба. Но какъ ни была Дамаянти прекрасна, не менѣ
Былъ прекраснъ и Наль, подобный пламенно-нѣжной
Думѣ любви, облекшейся въ образъ тѣлесный. И каждый
Часъ о великомъ царѣ Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый часъ о звѣздѣ красоты благородный
Царь Нишадскій слышалъ; и цвѣтъ любви изъ живого
Сѣмени словъ межъ ними, другъ друга не знавшими, скоро
Выросъ. Однажды Наль, безыменной болѣзнію сердца
Мучимый, въ рощѣ задумчивъ гулялъ; и вдругъ онъ увидѣлъ
Въ воздухѣ бѣлыхъ гусей; распустивъ златоперыя крылья,
Стаей летѣли они, и громко кричали, и въ рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватилъ одного. Но ему сказалъ человѣчьимъ
Голосомъ гусь: отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебѣ сослужу: о тебѣ Дамаянти прекрасной
Слово такое при случаѣ молвлю, что только и будетъ
Думать она о Налѣ одномъ. То услыша, поспѣшно
Наль отпустилъ золотого гуся. Вся стая помчалась
Прямо въ Видарбу, и тамъ опустилася съ крикомъ на царскій
Лугъ, на которомъ въ тотъ часъ Дамаянти гуляла. Увидѣвъ
Чудныхъ птицъ, начала Дамаянти съ подружками бѣгать
Вслѣдъ за ними; а гуси, съ мѣста на мѣсто порхая,
Всѣ разсыпались по лугу; съ ними разсыпались также
Скоро и всѣ подружки царевнины: вотъ Дамаянти
Съ гусемъ однимъ осталась одна; и гусь, пріосанясь,
Вдругъ сказалъ человѣческимъ голосомъ ей: Дамаянти,
Въ царствѣ Нишадскомъ царствуетъ Наль; и нѣтъ и не будетъ
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполнѣ бъ совершилось; какой бы
Плодъ родился отъ союза съ его красотою могучей
Нѣжной твоей красоты. Васъ другъ для друга послали
Боги на землю. Повѣрь тому, что тебѣ говорю я,
О тихонравная, сладкопривѣтная, чистая дѣва!
Много мы въ странствіяхъ нашихъ луговъ человѣческихъ, много
Райскихъ обителей неба видали; въ странѣ великановъ
Также намъ быть довелось; но донынѣ еще, Дамаянти,
Встрѣтить подобнаго Налю царя намъ нигдѣ не случилось:
Ты жемчужина дѣвъ, а Наль мужей драгоцѣнный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрѣли
Мы на землѣ неземное. Такъ гусь говорилъ. Дамаянти,
Слушая, радостно рдѣла; потомъ въ отвѣтъ прошептала,
Вся поблѣднѣвъ отъ любви: *скажи ты то же и Налю.*
Быстро, быстро поднялся онъ, дважды рожденный, сначала
Въ видѣ яйца, потомъ изъ яйца, и въ Нишадское царство
Прямо помчался, и тамъ разсказалъ о случившемся Налю.

II.

Послѣ того, что сказалъ ей гусь золотой, Дамаянти,

Словно, какъ будто, съ собою разставшись, была безпрестанно
Съ Налемъ прекраснымъ. Объятая тайною думой, влачася
Шаткой, невѣрной стопою, какъ будто въ какомъ разслабленьи,
То подымая къ небу грустныя очи, то въ землю
Ихъ потупляя, то съ полною тяжкими вздохами грудью—
Временемъ щеки какъ жаръ, временемъ блѣдныя, очи
Полныя слезъ, засохшія губы и всѣ въ безпорядкѣ
Мысли, какъ волосы—день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на мѣстѣ иномъ; и, тая въ болѣзни,
Пищи она ни питья принимать не хотѣла. Подружкамъ
Скоро стало замѣтно, что съ ихъ царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе: скоро достигнулъ печальный
Слухъ и до Бимы царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Какъ скоро объ этомъ провѣдалъ
Царь, то онъ весьма опечалился. Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти, сказалъ онъ.
Вотъ и задумалъ Бима дать пиръ, чтобъ отвсюду на выборъ
Съѣхались къ ней женихи. Гонцовъ разослалъ онъ по разнымъ
Царствамъ индѣйскимъ: царей приглашать на праздникъ въ Видарбу.
Только къ царямъ и царевичамъ вѣсть объ этомъ достигла,
Всѣ снарядилися въ путь; съ востока и запада быстрый,
Шумный потокъ пути наводнилъ, наполняя всю землю
Смутнымъ гуломъ слоновъ, коней, колесницъ, и до неба
Пыль густую подъемля. Сіяя богатствомъ уборовъ,
Множествомъ ратниковъ, блескомъ оружій, пышностью броней,
Съѣхались гости въ Видарбу; торжествению встрѣтилъ ихъ Бима.—
Въ это время странствовать вышелъ глава и свѣтило
Всѣхъ отшельниковъ праведный старецъ Нарада; избранный
Спутникъ его былъ Первата блаженный. Изъ пыльнаго міра
Темныхъ гробовъ проникнулъ онъ въ царство небеснаго свѣта,
Въ оный предѣлъ, гдѣ садъ веселій цвѣтетъ, гдѣ великій
Властвуетъ Индра. Въ свѣтло-воздушныя сѣни вступили
Оба странника; ихъ привѣтствовалъ радостно Индра;
Имъ поклонясь и воздавъ имъ обоимъ приличную почесть,
Царь небесныя тверди спросилъ гостей о здоровьи
Ихъ и цѣлаго свѣта. Владыка, съ поклономъ Нарада
Индрѣ отвѣтствовалъ: божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свѣтъ нашъ здоровъ: благоденствуютъ люди и звѣри;
Въ каждой пылинкѣ и въ каждой былинкѣ жизнь и веселье.
Слыша такой отвѣтъ Нарады, могучій правитель
Міра спросилъ: но гдѣ же мои любимцы, кровавыхъ
Споровъ рѣшители, крови своей проливатели въ битвахъ,
Смерти презрители, храбрые міра защитники? Ими
Свѣтлую область мою населять я люблю: но напрасно
Жду я на пиръ мой желанныхъ гостей, не приходятъ
Гости мои ужъ давно. Скажи мнѣ, святой, что случилось
Съ племенемъ храбрыхъ?—На это отвѣтствовалъ Индрѣ Нарада:

Я объясню, всемогущій, тебѣ, отчего такъ давно ты
Здѣсь никого не видишь изъ храбрыхъ вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинскаго Бимы, которой на свѣтѣ
Нѣтъ ничего подобнаго, хочетъ по сердцу супруга
Выбрать, и всѣ цари и царевичи ѣдутъ въ Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вотъ почему такъ спокойна
Стала земля, почему и въ твою свѣтозарную область
Гости давно не приходятъ.—Покуда ихъ длилась бесѣда,
Прибыли къ Индрѣ его соучастники въ міродержавствѣ,
Агнисъ, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, богъ-земледержецъ. Услышавъ сказанье Нерáды,
Боги воскликнули съ свѣтлымъ лицомъ: на выборѣ этомъ
Будемъ и мы. И на быстрыхъ коняхъ, предводимые Индрой,
Боги пустились въ Видарбу, куда всѣ цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгарая, лишь, только
Свѣдалъ о съѣздѣ великомъ въ Видарбѣ, на быстрыхъ
Крыльяхъ желанья помчался; нужды въ коняхъ не имѣлъ онъ.
Боги, спустясь съ высоты, на дорогѣ увидѣли Наля:
Былъ красотою онъ свѣтелъ, какъ день; и боги, плѣняся
Той красотой, на него съ изумленьемъ смотрѣли; четыре
Стихій властителя, въ воздухѣ свой полетъ удержавши,
Вотъ что сказали: здравствуй, нишадецъ, войскъ истребитель,
Наль Пуньялока. Хочешь ли намъ оказать ты услугу?
Нашимъ посломъ полномочнымъ иди отсюда въ Видарбу.

III.

Все исполню, отвѣтствовалъ Наль; и руки сложивши
Въ страхѣ невольномъ, съ видомъ покорнымъ спросилъ онъ ихъ: кто вы,
Солнечнымъ блескомъ одѣтые? Съ вѣстью какой повелите
Мнѣ въ Видарбу идти?—Ему отвѣтствовалъ Индра:
Знай, что мы боги безсмертные, сшедшіе въ міръ для прекрасной
Дочери Бимы царя Дамаянти, къ которой отвсюду
Сходятся нынѣ земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнисъ, огня повелитель могучій;
Это Варуна, двигатель водъ, а это великій
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что нынѣ
Нашъ ты посолъ, и вотъ что ты долженъ сказать Дамаянти:
«Вѣдай, царевна, что боги стихій—богъ воздуха Индра,
«Агнисъ огня, Варуна воды и Яма земли—къ намъ
«Съ неба сошли, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги!»—
Руки сжавъ съ умиленіемъ, Наль отвѣтствовалъ Индрѣ:
Самъ я за тѣмъ же въ Видарбу иду; отъ другихъ невозможно
Быть мнѣ посломъ къ Дамаянти; молю, отъ такого посольства,
Боги, избавьте меня.—На то отвѣтствовалъ Индра:
Развѣ не ты, благородный нишадецъ, сказалъ намъ *исполню?*
Можешь ли слово нарушить? Иди жъ и не смѣй отрицаться.—
Наль отвѣчалъ съ замѣшательствомъ: какъ же дойду я къ царевнѣ?
Входы всѣ заперты крѣпкою стражей.—О томъ не заботься,
Боги сказали, дойдешь свободно, иди безъ боязни.
Наль пошелъ, покоряся безъ ропота волѣ безсмертныхъ.

Онъ во дворецъ свободно проникнулъ и тамъ Дамаянти
Скоро увидѣлъ въ кругу подружекъ; какъ съ неба слетѣвшій
Ангелъ, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нѣжные члены ея, вожделѣнье любви пробуждая
Въ каждомъ сердцѣ; и мѣсяцъ, и солнце не столь утѣшали
Свѣтомъ своимъ, какъ ея плѣнительно-дѣвственный образъ.
Муку любви почувствовалъ Наль при видѣ волшебномъ
Стройнаго стана ея; но онъ пересилилъ стремленье
Силы мучительной. Всѣ подружки царевны вскочили
Съ мѣстъ, изумленныя входомъ нечаяннымъ Наля; прекрасный
Образъ его поразилъ ихъ такъ, что имъ показалось
Небо отверстымъ. Не смѣя его вопросить, межъ собою
Тихо шептались онѣ, повторяя: откуда пришелъ онъ?
Кто онъ? какой онъ породы? райской? земной? исполинской?
Такъ вопрошали другъ друга онѣ, ослѣпленныя блескомъ
Наля, очей на него поднять не смѣя (столь боги
Прелесть его, ужъ и такъ неземную, блескомъ небеснымъ
Вдругъ возвеличили). Въ это мгновенье предъ нимъ Дамаянти
Съ сердцевластительнымъ взоромъ, съ улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядѣла, и таяла тайнымъ
Пламенемъ. Кто ты? она напослѣдокъ спросила,
Кто ты, все озаряющій, прелестью дышащій, душу
Радостной мукой объемлющій? Какъ ты проникнулъ въ обитель
Царской дочери, всѣмъ затворенную, мимо царевой
Стражи, никѣмъ не замѣченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя? — На этотъ вопросъ видарбинской прекрасной царевны
Наль отвѣтствовалъ: знай, Дамаянти, я Наль; я въ Видарбу
Присланъ, царевна, тебя извѣстить, что великіе боги
Индра, Агнисъ, Варуна и Яма спустились на землю
Съ неба за тѣмъ, чтобъ изъ нихъ одного избрала ты въ супруги.
Ихъ могуществомъ могъ и сюда непримѣтно пройти я;
Зная теперь, зачѣмъ я здѣсь, видарбинская дѣва,
Сдѣлай сама, что̀ найдешь для себя и благимъ, и приличнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Вѣсть такую услышавъ, сначала богамъ Дамаянти
Сердцемъ смиреннымъ свою принесла благодарность; съ улыбкой
Налю сказала потомъ: не боги, а ты мой избранный
Свѣтлый женихъ; я твоя, и все, чѣмъ я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, всѣ мысли, желанья, и жизнь и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое безъ остатка. Что бѣлый
Гусь мнѣ сказалъ, то сердце мое сокрушило, и были
Всѣ цари и царевичи созваны мною на выборъ
Только за тѣмъ, чтобъ привлечь и тебя: но ты ужъ заранѣ
Избранъ; отдаться тебѣ поклялась я, и былъ ты
Здѣсь ужъ давно ожидаемъ; но только совсѣмъ для иного.
Сватайся жъ самъ за меня; тебѣ неприлично являться
Здѣсь посломъ отъ другихъ; и знай, что, если тобою

Буду отвергнута я, отъ которой пріемлешь ты нынѣ
Почесть такую, то все мнѣ смертію будетъ: вода ли,
Ядъ ли, огонь ли, веревка ли, все мнѣ равно; нестерпимо
Женскому сердцу въ любви безотвѣтно признаться. На это
Наль видарбинской царевнѣ отвѣтствовалъ:
Какъ же ты можешь
Вѣчнымъ богамъ предпочесть обреченнаго смерти? Какъ можешь
Съ тѣми, отъ коихъ жизнь истекаетъ; кѣмъ держится зданье
Міра, ставить меня на ряду, недостойнаго съ прахомъ
Ногъ ихъ сравниться? Идущій противъ воли безсмертныхъ
Смерти навстрѣчу идетъ. О, плѣнительно-стройная дѣва!
Будь мнѣ спасеньемъ, избравши небесное вмѣсто земного.
Легкость чистыхъ, безпыльно-эѳирныхъ одеждъ, неземные
Перлы, вѣнки и повязки боговъ предпочти, и блаженствуй.
Что желаннѣй тебѣ? Благовонный ли воздухъ? Огня ли
Жертвенный пылъ? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вѣчной земли? Одинъ, лазурно-воздушнымъ пространствомъ
Міръ объемля, движеньемъ и свѣтомъ его наполняетъ;
Искрою въ каждой пылинкѣ таяся, другой проникаетъ
Все, разрушая тѣла, и духу даруя свободу;
Третій, кристальною цѣпію землю обвивъ и на зыбкомъ
Пухѣ воды отдыхая, жемчужныя нити вплетаетъ
Въ кудри свои; четвертый даетъ живущему мѣсто,
Мертвому пристань и все созданье на судъ собираетъ—
Вотъ твои женихи, Дамаянти; богамъ ли безсмертнымъ
Ты откажешь? Не дѣлай того, послушайся друга.—
Съ трепетомъ сердца и влагой печали затмивши сіянье
Свѣтлыхъ очей, отвѣчала ему Дамаянти: всесильны
Вѣчные боги; я чту ихъ всѣмъ сердцемъ и имъ покланяюсь
Съ вѣрой; но ты мой женихъ; ты избранъ любовію; этой
Правды скрывать не хочу я. Такъ говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала къ дрожащимъ
Дѣвственно чистымъ грудямъ съ умоляющимъ видомъ. Вздохнувши,
Наль отвѣчалъ: не забудь, Дамаянти, что я предъ тобою
Въ санѣ посла, нарушу ль святую довѣренность? Буду ль
Нынѣ просить для себя того, что строго велитъ мнѣ
Должность просить для другихъ? Наступитъ мой часъ, и безъ страха
Стану за право свое. Ты сама объ этомъ размысли,
Радость очей, видарбинская роза. Вздохъ утаивши,
Тихо въ отвѣтъ Дамаянти шепнула: о другъ, мы согласны
Въ мысляхъ; ты путь прямой избери, чтобъ упрека и тѣни
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшенье
Смертныхъ людей, съ богами ко мнѣ на торжественный выборъ:
Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься. Этотъ отвѣтъ видарбинской
Дѣвы принявши, Наль возвратился въ то мѣсто, гдѣ были
Собраны боги. Посла своего издалека увидя,
Міродержавцы спросили его съ живымъ любопытствомъ:
Что ты скажешь? Какой отвѣтъ намъ принесъ отъ царевны?
Наль сказалъ: посланникомъ вашимъ проникъ я въ жилище

Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражамъ,
Видимый только царевнѣ одной; конечно то было
Такъ устроено вашею властью: съ царевной нашелъ я
Много подругъ; онѣ вскочили, меня испугавшись;
Но Дамаянти, прекрасный свѣтло смѣющійся мѣсяцъ,
Въ то мгновенье, какъ вашу волю, безсмертные боги,
Я объявлялъ ей, меня самого въ затменьи разсудка
Выбрала. Вотъ что сказала въ отвѣтъ мнѣ царевна: «пусть придутъ
«Боги вмѣстѣ съ тобою ко мнѣ на торжественный выборъ;
«Тамъ въ присутствіи сильныхъ властителей міра, тебя я
«Выберу, царь благородный; тогда и ты предъ богами
Правымъ и чистымъ останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вѣчные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите съ меня и свободу мнѣ дайте.

II.

Вотъ съ наступленіемъ дня пригласилъ царь Бима на выборъ
Всѣхъ своихъ знаменитыхъ гостей. Собрались въ обширной
Царской палатѣ цари и царевичи; взоры ихъ жаркой
Жаждой любви пламенѣли; они прошли сквозь златые
Своды высокихъ дверей, какъ львы сквозь разсѣлину; въ блескѣ
Свѣжихъ душистыхъ вѣнковъ, въ серьгахъ драгоцѣнныхъ сидѣли
Тамъ величавые гости на пышныхъ, упругихъ подушкахъ;
Тѣсно ихъ сонмище было, какъ львиная грива густая;
Полная жъ ими палата казалась разинутымъ зѣвомъ
Тигра, полнымъ зубовъ. И было тутъ чѣмъ любоваться:
Крѣпкія бедра, какъ будто столбы, литые изъ мѣди,
Сильныя мышцы и плечи, какъ будто могучіе дубы,
Съ гибкими пальцами руки, какъ змѣи съ пятью головами,
Гордыя шеи, свѣтлымъ гранитнымъ зубцамъ на вершинахъ
Горныхъ подобныя, въ блескѣ прекрасныхъ, весельемъ горящихъ
Лицъ и пышныхъ волосъ и высокихъ бровей и огнистыхъ
Глазъ. И въ собранье гостей вошла Дамаянти, чтобъ умъ ихъ
Взглядомъ однимъ помутить, чтобъ глаза и сердца ихъ опутать
Сѣтью любви. И всѣ къ ней очами прильнули, какъ птицы
Къ клейкой охотничьей жерди. Долго кругомъ Дамаянти
Взоръ свой водила; но тотъ, кто одинъ былъ и въ сердцѣ и мысляхъ,
Ей не являлся. Вдругъ видитъ царевна пять одинакихъ
Образовъ; были они передъ нею; то къ ней приближались,
То отъ нея отходили; и каждый ей представлялся
Налемъ, какъ скоро глаза на него она обращала;
Мысли ея помутились. Она подумала: что мнѣ
Дѣлать? Какъ четырехъ боговъ отличу я отъ Наля?
Взоры ея напрасно божественныхъ знаковъ искали.
Знаковъ, о коихъ дошли къ намъ издревле сказанья, не носитъ
Здѣсь на себѣ ни одинъ изъ видимыхъ мною, царевна
Думала. Вотъ наконецъ, по долгомъ съ собой размышленьи,
Такъ рѣшилась она: къ богамъ подойду я съ молитвой;
Боги молитвы моей не отринутъ. И съ вѣрой смиренной,
Руки сложивъ и къ грудямъ богомольно прижавъ ихъ, царевна

Такъ сказала: «боги безсмертные, боги святые,
«Мною избраннаго, сердцемъ желаннаго мнѣ покажите;
«Если предъ вами я дѣломъ и мыслію правду хранила,
«Если молюся вамъ съ теплою вѣрою, если вы сами
«Мнѣ, ужъ избраннаго мною самою, въ супруги избрали,
«Если его я любить поклялася и если должны быть
«Клятвы священны, то мнѣ вы его покажите, благіе
«Боги, и знаки свои мнѣ откройте, чтобъ васъ я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша изъ устъ Дамаянти,
Видя ея чистоту и любовь и покорность ихъ волѣ,
Видя правдивость ея и кроткое сердце и свѣтлый
Умъ, согласились немедля ея желанье исполнить
Боги, и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Ихъ во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицамъ безпотнымъ, свѣтло-нетлѣннымъ вѣнкамъ, недоступнымъ
Пыли бѣлымъ одеждамъ, безтѣнному тѣлу и дивной
Легкости быстрыхъ движеній, съ какою они передъ нею
Вѣяли съ мѣста на мѣсто, земли не касаясь ногами.
Рядомъ съ ними, полуотѣненный, въ вѣнкѣ ужъ завядшемъ,
Пылью и потомъ покрытый, стоялъ на землѣ, съ помраченнымъ,
Грустно потупленнымъ взоромъ, задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчасъ его изъ средины безсмертныхъ и выборъ
Свой изъявила обычнымъ обрядомъ, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри ему наложивши
Свѣжій душисто-блестящій вѣнокъ. Совершился великій
Выборъ: со всѣхъ сторонъ раздалися торжественно клики;
Всѣ цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выборъ одобривъ, воскликнули: *Слава!* счастливому Налю.
Онъ же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснѣющій, очи склонившей, дрожащей невѣстѣ
Такъ сказалъ съ трепетаніемъ сердца, но голосомъ твердымъ:
Если могла при безсмертныхъ богахъ ты смертнаго мужа
Такъ почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Самъ предъ людьми и богами своею женой именую,
Весь на цѣлую жизнь отдаюся тебѣ, и доколѣ
Будетъ духъ жизни въ тѣлѣ моемъ, дотолѣ, о дѣва,
Роза Видарбы, я буду твоимъ: мое обѣщанье
Съ вѣрой прими, на меня положись; отнынѣ тебя я
Буду питать, защищать, и чтить и хранить, и останусь
Вѣренъ тебѣ всегда, во всемъ, и словомъ, и дѣломъ,
Радость и горе, богатство и бѣдность, и все неизмѣнно
Въ жизни съ тобой раздѣляя. Обѣтъ такой произнесши,
Свѣтлый женихъ передъ всѣми своей лучезарной невѣстѣ
Далъ цѣломудренно первый любви поцѣлуй; и другъ другомъ
Долго въ блаженствѣ нѣмомъ любовались они; напослѣдокъ
Вспомнивъ, что боги близко, и царь и царевна предъ ними
Пали съ молитвой; и боги скрѣпили своей благодатью
Бракъ ихъ; податели всякаго блага, они даровали
Налю четыре великія силы: могучій властитель

Воздуха далъ ему зоркость очей съ способностью въ каждомъ
Мѣстѣ просторъ находить и вездѣ освѣжаться прохладой;
Богъ огня даровалъ обладанье огнемъ и возможность
Видѣть безъ ужаса блескъ мірозданья; правитель земныя
Тверди далъ твердую поступь, чтобъ былъ для него безопасенъ
Всякій путь по землѣ, и тонкій вкусъ для разбора
Пищи; владыка воды наградилъ могуществомъ воду
Всюду творить и цвѣты рождать единымъ желаньемъ.
Такъ одаривши царя, и царевнѣ всѣ четверо вмѣстѣ
Дали одно обѣщанье: что брака ихъ радостью будутъ
Сынъ, какъ отецъ, и дочь, какъ мать, прекрасныя. Милость
Имъ изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслѣдъ и цари и царевичи, выборъ невѣсты одобривъ,
Въ путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынулъ
Этотъ приливъ гостей, устроилъ свадебный праздникъ.
Наль, сочетавшись съ своею царевною, пробылъ въ Видарбѣ
Первые дни въ весельи и въ радости сладкой; потомъ онъ
Въ царство свое, блаженный, прославленный, съ милой женою,
Честію женъ, звѣздой красоты и любви, возвратился.
Тамъ въ благовонныхъ рощахъ, въ роскошныхъ царскихъ палатахъ
Онъ благоденствовалъ, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни изъ чаши одной выпивая съ ней вмѣстѣ, вкушая
Миръ и свободу, въ молитвѣ, въ забавахъ, въ трудѣ и покоѣ,
Правду творя и на счастьѣ народномъ свое утверждая.

III.

Боги, покинувъ Видарбу и въ небо свое возвращаясь,
Встрѣтили адскаго бога Кали. Провожаемъ Двепарой,
Странствовалъ онъ по землѣ.—Куда направляешь ты путь свой?
Индра спросилъ,—Въ Видарбу, Кали отвѣчалъ; Дамаянти
Будетъ моею женою; мнѣ въ мысли пришло, что я долженъ
Ею быть выбранъ.—Съ улыбкой отвѣтствовалъ Индра: ужъ выборъ
Сдѣланъ; ты опоздалъ; при насъ она поклялася
Въ вѣрности Налю.—Кали, услышавъ отъ Индры такую
Вѣсть, воскликнулъ въ кипѣніи гнѣва: когда Дамаянти
Смертнаго мужа посмѣла богамъ предпочесть, то надъ нею
Страшно должна отмщена быть такая обида. На это
Боги свѣта мрачнымъ богамъ отвѣчали: по волѣ
Нашей выборъ свершился въ Видарбѣ; и младъ и прекрасенъ
Наль: лишь одною онъ, лишенною смысла, онъ могъ быть не избранъ,
Онъ, непорочный, уставовъ святыхъ постоянный блюститель,
Книгъ духовныхъ внимательный чтецъ, своимъ правосудно
Правящій царствомъ; онъ, у котораго въ домѣ усердно
Приняты съ почестью, съ сладко-душистыми жертвами боги;
Онъ, правдивый, твердый и кроткій, людьми и богами
Чтимый; онъ, строгій обѣтовъ хранитель, онъ, одаренный
Набожнымъ сердцемъ, великой душою, смиреньемъ и силой;
Онъ, въ которомъ терпѣнье, умѣренность, благость въ единый
Образъ божественной прелести слиты... Кали, кто враждуетъ
Съ праведнымъ Налемъ, тотъ скройся въ пропасти ада, на муку

Вѣчную. Такъ отвѣчавъ, удалилися боги на небо.
Видя боговъ удалившихся, съ злобной усмѣшкой Двепарѣ
Молвилъ Кали: не прощу никогда я обиды; теперь же
Въ Наля вселюсь, чтобъ его ненавистнаго ввергнуть въ погибель;
Ты же, Двепара (вѣдь знаемъ давно мы, какой онъ горячій
Въ кости игрокъ), поселися въ костяхъ и будь мнѣ помощникъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Съ замысломъ злобнымъ своимъ притаился въ обители царской
Наля коварный Кали. Онъ все выжидалъ, чтобъ удобный
Случай открылся ему совершить предпріятое; шесть лѣтъ
Ждалъ онъ напрасно; въ седьмой годъ предсталъ наконецъ благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабылъ совершить очищенье
Царь, и въ тѣло нечистое духъ нечистый вселился.
Въ сердце Наля проникнулъ Кали, и святое жилище
Мирной невинности сдѣлалось мутно отъ злыхъ помышленій.
Былъ у Наля сводный братъ Пушкара. Далеко
Жилъ онъ въ своемъ городкѣ, небогатымъ участкомъ довольный;
Хитрый Кали, овладѣвши сердцемъ смиреннаго Наля,
Вотъ что сказалъ въ сновидѣньи Пушкарѣ: возьми ты скорѣе
Кости, и къ Налю иди, и игру о царствѣ Нишадскомъ
Съ нимъ заведи, и будетъ твоимъ Нишадское царство;
Весь проиграется Наль. Пушкара, прельщенный нечистымъ
Духомъ, взялъ кости, въ которыхъ уже скрывался Двепара,
Къ Налю явился и вызвалъ его на игру; загорѣлся
Бѣшеной страстію Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, какъ безумный, ставилъ на кости
Все: драгоцѣнные камни, золото, утварь, одежды,
Замки и земли, и все, одно за другимъ, ослѣпленный
Хитрымъ врагомъ, онъ проигрывалъ. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее онъ не слушалъ. Смутились
Всѣ приближенные, всѣ вельможи, весь дворъ, всѣ граждане;
Вотъ Дамаянти слышитъ, что всѣ они собрались
Въ царскомъ дворцѣ, чтобъ царю объявить, какъ сильно тревожитъ
Ихъ злоключенье такое; и въ горькихъ слезахъ Дамаянти
Такъ сказала царю: въ твоей обители весь твой
Вѣрный нишадскій народъ собрался и ждетъ и желаетъ
Свѣтлыя очи увидѣть твои; покажися, отвѣтствуй
Имъ на любовь ихъ вниманіемъ царскимъ. И слезы бѣжали
Быстро изъ глазъ Дамаянти; но царь не внималъ ей, враждебной
Силою мрачнаго духа объятый. И дворъ и граждане,
Видя, что Наль ихъ моленья отвергъ, разошлись, помышляя
Съ горемъ глубокимъ и тяжкимъ стыдомъ: *онъ болѣ не царь намъ!*
Кости же тою порой, какъ живыя, летали; все жарче
Бой разгорался, и царь проигрывалъ съ каждымъ ударомъ.

II.

Видя, что мужъ отъ игры былъ совсѣмъ безъ ума, Дамаянти
Стала думать о томъ, какимъ бы средствомъ отъ близкой,
Имъ обоимъ грозящей бѣды защититься; но труднымъ
Ей показалось спасенье; безумный Наль поминутно

Область за областью брату проигрывалъ. Вотъ Дамаянти
Съ горемъ сказала кормилицѣ старой своей Врихазенѣ,
Чтимой всѣми въ домѣ царевомъ, совѣтницѣ умной:
Другъ мой, кормилица, слушай; ко мнѣ собери поскорѣе
Всѣхъ совѣтниковъ царскихъ; мнѣ должно съ ними исчислить,
Сколько богатства проиграно, что еще намъ осталось.
Вотъ собрался совѣтники; ихъ повела Дамаянти
Къ Налю, который игралъ безпробудно. Къ нему приступила
Съ ними царица, и, плача, выслушать ихъ умоляла.
Но очарованный Наль былъ глухъ и слѣпъ и безчувственъ;
Онъ не взглянулъ на нее, не сказалъ ей ни слова,
Все продолжалъ попрежнему съ братомъ играть, и стоявшихъ
Въ горѣ и страхѣ предъ нимъ вельможъ не примѣтилъ. Утративъ
Всю надежду, они съ содроганьемъ оставили царскій
Домъ. Царица же долго въ лицо безумному Налю
Съ страхомъ смертельнымъ смотрѣла; а между тѣмъ роковыя,
Налю враждебныя, брату его благосклонныя кости
Стукомъ своимъ безпрестаннымъ и пуще ее ужасали.
Слушай, кормилица (такъ наконецъ Дамаянти сказала
Вѣрной своей Врихазенѣ), бѣда наступила; скорѣе
Кликни Варшнею, правителя коней царевыхъ. Когда же
Къ ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда,
Вотъ что ему Дамаянти сказала: Варшнея, сопутникъ
Вѣрный царя, послужи ему и теперь въ наступившемъ
Бѣдствіи: видишь, что каждый проигрышъ съ новой
Силой въ немъ страсть къ игрѣ разжигаетъ, что кости, какъ будто,
Противъ него за одно съ Пушкарой; мой царь обезумленъ
Духомъ враждебнымъ, забылъ о народѣ, о ближнихъ, не внемлетъ
Даже и мнѣ; всему причиною кости; въ нихъ скрыта
Адская сила, а самъ онъ невиненъ. Послушай, мой добрый,
Вѣрный Варшнея, исполни мое повелѣнье: всечасно
Жду со страхомъ и трепетомъ я, что царь мой погибнетъ,
Все проигравъ; но еще не проиграны царскіе кони
Быстролетучіе; сядь въ колесницу его и немедля,
Прежде, чѣмъ наша погибель вполнѣ совершилась, въ Видарбу
Къ Бимѣ, отцу моему, дѣтей отвези; поклонися
Сродникамъ всѣмъ и знакомымъ моимъ; когда же отдашь ты
Все, и сиротокъ моихъ, и царскихъ коней съ колесницей
Бимѣ, тогда ты будешь воленъ иль остаться въ Видарбѣ
Или идти въ иную какую землю, куда ты
Самъ пожелаешь. Варшнея, вѣрный правитель царевыхъ
Коней, выслушавъ то, что ему Дамаянти сказала,
Созвалъ совѣтниковъ царскихъ; когда же и тѣ согласились
Съ умнымъ желаньемъ царицы, то, взявъ дѣтей, онъ поѣхалъ
Съ ними въ Видабру. Тамъ, снявши дѣтей съ колесницы,
Отдалъ ихъ Бимѣ, потомъ роднымъ и знакомымъ царицы
Всѣмъ отъ нея поклонился, потомъ, печалимый тяжкой
Участью Наля, пошелъ въ свой путь, и, въ Айоду пришедши,
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну правителемъ коней.

III.

Былъ ужъ далеко Варшнея, когда у несчастнаго Наля
Выигралъ злой Пушкара все царство. Съ насмѣшкою колкой
Брату сказалъ онъ: ты весь проигрался; посмотримъ,
Что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти
Только и есть у тебя; твое же добро остальное
Все мое; отвѣдаемъ счастья. Чью женою
Быть должна Дамаянти, твоею или моею?—
Это услышавъ, Наль содрогнулся, вздохнулъ и ни слова
Не былъ въ силахъ промолвить; но, мрачно взглянувши на брата,
Снялъ съ себя всѣ уборы и, только одно сохранивши
Бѣдное платье, нищій, ограбленный, царь благородный
Вышелъ смиренно изъ царскаго дома, несмѣтныхъ сокровищъ
Полнаго; слѣдомъ за нимъ, безъ роптанья судьбѣ покоряся,
Такъ же одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели безъ ночлега; подъ смертною казнью
Ихъ принимать запретилъ Пушкара гражданамъ Нишады;
Новый царь былъ страшенъ, итакъ, ни единый изъ прежнихъ
Подданныхъ не далъ пріюта царю безпріютному. Близко
Города, голодъ и жажду терпя, однимъ безотраднымъ
Горемъ богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потомъ онъ далѣ пошелъ, печальный, голодный;
Слѣдомъ за нимъ пошла Дамаянти; для скудныя пищи
Ягоды рвали они и рыли коренья. Прошло ужъ
Нѣсколько дней печальнаго странствія: голодъ жестоко
Мучилъ однажды обоихъ. Вдругъ двѣ златокрылыя птички
Сѣли на травкѣ близъ самого Наля. Намъ будетъ сегодня
Пища, сказалъ онъ, тихонько подкрался къ птичкамъ, и, снявши
Съ плечъ послѣднее платье свое, имъ поспѣшно накрылъ ихъ.
Что же? Съ нимъ вмѣстѣ птички взвилися на воздухъ, и видя,
Какъ изумленъ былъ Наль, совсѣмъ обнаженный, запѣли:
«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
«Мы сюда прилетали, чтобъ взять у тебя остальное
«Платье; намъ было досадно, что ты, совсѣмъ проигравшись,
«Съ платьемъ еще оставался. Прости, безразсудный; счастливый
«Путь!»— И птички исчезли. Наль сказалъ: Дамаянти,
Тѣ, отъ которыхъ такую бѣду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, отъ которыхъ не смѣетъ
Нынѣ меня принимать ни одинъ изъ нишадцевъ—подъ видомъ
Птицъ златокрылыхъ сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, силъ и разсудка
Горемъ лишенный, тебѣ самой, Дамаянти, на выборъ
Все отдаю. Та дорога ведетъ по горамъ Ришаванскимъ
Прямо въ Авантскую землю; здѣсь по склоненью Виндійскихъ
Горъ, вдоль излучистой свѣтло шумящей Пайошни проникнешь
Въ тѣ мѣста, гдѣ отшельники въ кельяхъ святыхъ обитаютъ;
Здѣсь же дорога въ Видарбу. Такъ Наль говорилъ; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекраснымъ,
Блѣднымъ щекамъ. Она ему отвѣчала чуть слышнымъ
Голосомъ: сердце мое замираетъ, и я отъ печали

Вся цѣпенѣю при мысли одной о томъ, что такъ сильно
Въ этотъ мигъ тебя, о возлюбленный другъ мой, тревожитъ.
Царства лишенный, счастье утративши, голодомъ, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Другъ, какъ могъ пожелать ты, какъ могъ ты подумать, чтобъ было
Мнѣ возможно покинуть тебя, отъ тебя отказаться?
Нѣтъ, мой прекрасный, тебя, изнуреннаго голодомъ, жаждой,
Горемъ о счастьи погибшемъ томимаго, буду и въ дикомъ
Лѣсѣ и въ знойной степи утѣшать я и словомъ и взглядомъ.
Знай, что нѣтъ для души и для тѣла вѣрнѣе лѣкарства
Вѣрной жены.—О! правда твоя, Дамаянти, съ улыбкой
Наль отвѣтствовалъ, нѣтъ для несчастнаго лучше лѣкарства
Вѣрной, любящей жены. Я съ тобой не разстанусь; могло ли
Въ умъ твой войти подозрѣнье такое? Скорѣе съ своею
Жизнью разстануся я, чѣмъ съ тобою, сокровище жизни.—
Другъ, для чего же ты мнѣ говоришь о дорогѣ въ Видарбу?
О, мнѣ страшно! о, свѣтъ мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидѣть, меня потерявши.
Нѣтъ, мой другъ, не указывай мнѣ на эти дороги;
Вся душа во мнѣ замираетъ отъ горя и страха.
Если же хочешь, чтобъ къ сродникамъ я возвратилась въ Видарбу,
Вмѣстѣ пойдемъ; видарбинскій царь, родитель мой, Бима
Радостно приметъ тебя и твоимъ утѣшителемъ будетъ;
Въ почести будешь со мною ты жить подъ отеческой кровлей.—
Наль отвѣчалъ: Дамаянти, сомнѣнія нѣтъ, что отецъ твой
Радостно приметъ меня, и пристанище дастъ мнѣ въ Видарбѣ;
Но, безпріютный и нищій, туда не пойду я. Могучимъ,
Славнымъ, богатымъ, подателемъ счастья тебѣ я оттуда
Вышелъ; могу ли туда возвратиться безсильнымъ, безславнымъ,
Нищимъ, счастія жизни твоей разрушителемъ? Лучше
Вмѣстѣ съ тобою, о свѣтлый мой ангелъ, пойду въ одинокій
Путь по горамъ, по долинамъ, питаяся воздухомъ, жажду
Свѣжей росой утоляя, чтобъ только лишь солнце и мѣсяцъ,
Нынѣ насъ страждущихъ видѣли, прежде насъ видѣвъ блаженныхъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Такъ утѣшалъ сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нѣжно къ нему прижимаясь, одѣла его половиной
Скудной одежды своей; и такъ подъ однимъ покрываломъ,
Голодъ и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба къ низенькой хижинѣ, лѣсомъ густымъ окруженной;
Тамъ, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Другъ подлѣ друга лежали на голой землѣ безъ подушки.
Наль заснулъ, и скоро глубокимъ сномъ Дамаянти
Также заснула. Но сонъ царя злополучнаго длился
Мало; тяжесть лежала на сердцѣ его; пробудившись,
Сталъ онъ думать о царствѣ своемъ, о потерянномъ счастьи;
Странствіе въ дикихъ лѣсахъ и степяхъ его ужасало;
Умъ его помутился. Что за судьба! про себя онъ

Такъ говорилъ: не лучше ль мнѣ смерть, чѣмъ изгнанье и бѣдность?
Эта жъ несчастная, мнѣ себя посвятившая... должно ль
Ей безъ вины раздѣлять мое заслуженное горе?
Розно со мною она къ роднымъ возвратится; со мною жъ
Вмѣстѣ удѣломъ ей будетъ страданье одно: такъ не лучше ль
Намъ разстаться?—Такъ онъ все думалъ, думалъ, и скоро
Въ немъ утвердилася мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. Гдѣ бы она ни была, онъ сказалъ, никакая
Вражья рука ей, небесно-прекрасной, божественно-чистой,
Зла приключить не дерзнетъ; опасность можетъ грозить ей
Только тамъ, гдѣ буду съ ней я, на бѣду обреченный.
Такъ онъ, врагомъ обуянный, знакомился съ мыслью разлуки.
Какъ же мнѣ быть? наконецъ онъ сказалъ: я нагъ; ужъ не взять ли
Мнѣ половину платья ея? Но могу ли то сдѣлать
Такъ, чтобъ она не проснулась?—И онъ бродилъ въ нерѣшимыхъ
Мысляхъ около хижины; вдругъ на землѣ онъ увидѣлъ
Ржавый кинжалъ безъ ноженъ; поспѣшно, съ радостью дикой
Этотъ кинжалъ онъ схватилъ и имъ половину отрѣзалъ
Платья у спящей жены и той половиной покрылся.
Послѣ, какъ будто въ испугѣ, зажавши глаза, побѣжалъ онъ
Прочь, но скоро назадъ возвратился и горько заплакалъ,
Глядя на спящую. «Та, на которую вѣтеръ холодный
«Дунуть не смѣлъ, которую знойное солнце не смѣло
«Жаркимъ лучомъ потревожить, краса молодая, услада
«Жизни моей, подобно безумной, въ обрѣзанномъ платьѣ
«Здѣсь на жесткомъ камнѣ лежитъ. О, ангелъ небесный,
«Свѣтъ души, Дамаянти, что будетъ съ тобою, когда ты
«Болѣ меня не найдешь? О, дочь прекрасная Бимы,
«Какъ же ты будешь бродить, не имѣя защитника въ дикомъ
«Лѣсѣ, гдѣ львы и тигры живутъ, гдѣ змѣи гнѣздятся.
«О! вы, боги земные, боги воздушные, духи
«Горъ и пещеръ, охраняйте ея прекрасную младость!
«Самый же вѣрный ей щитъ ея непорочность святая!»
Такъ сказавъ, опять удаляется Наль отъ безпечно
Спящей спутницы, снова приходитъ, снова уходитъ,
Плача, терзаясь, то сильнымъ врагомъ, то любовью влекомый.
Но наконецъ Кали одолѣлъ: трепещущій, блѣдный,
Тяжко стеная, чуть движа ногами, пошелъ онъ и скоро
Скрылся, и въ дикомъ лѣсу одна Дамаянти осталась.

II.

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
Съ ясной улыбкой открыла; ищетъ его, озираясь
Робко по всѣмъ сторонамъ... когда же нигдѣ не нашелся
Другъ желанный, то страхъ предвѣщательный душу пронзилъ ей;
Вдругъ она закричала отчаянно-жалобнымъ крикомъ:
Наль! но отвѣта ей не было. Царь мой, она возопила,
Мой повелитель, защитникъ, мой спутникъ, ужели
Могъ ты покинуть меня въ такой безпріютной пустынѣ?
Я умру отъ страха въ этомъ лѣсу; возвратися,

Наль, мой другъ, мой желанный! Ужели меня обманулъ ты?
Могъ ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О гдѣ ты? куда ты, въ какую
Сторону, милый, пошелъ? Подожди, возвратися; какъ могъ ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль надъ нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обѣщалъ въ присутствіи вѣчныхъ боговъ? О! теперь я постигла
Въ горѣ моемъ, что намъ умереть въ неуказанной свыше
Часъ нельзя—иначе могла ли бъ прожить я единый
Мигъ, потерявши тебя? О, нѣтъ, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой другъ; отъ шутокъ подобныхъ
Стынетъ кровь и мертвѣетъ душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Свѣтлыя очи твои мнѣ увидѣть! О, гдѣ ты? Въ какую
Чащу лѣсную ты скрылся, чтобъ душу мою растревожить?
Ахъ! но если ты вправду со мною разстался, и если
Болѣ ко мнѣ не придешь и мнѣ не подашь въ утѣшенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбѣть о тебѣ; ты одинъ; что будетъ съ тобою,
Всѣми на свѣтѣ оставленнымъ, грустнымъ, усталымъ, голоднымъ,
Жаждущимъ? о, мой милый, что будетъ, что будетъ съ тобою
Въ тѣ минуты, когда ты, меня ужъ не видя очами,
Будешь видѣть душою, и будешь звать, и нельзя ужъ
Будетъ дозваться меня, и ужъ болѣ меня ты не встрѣтишь?...
Такъ говорила въ печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая съ тяжкимъ рыданьемъ на землю, то съ громкимъ
Крикомъ съ земли подымаясь и лѣсъ наполняя стенаньемъ.
Вотъ послѣ долгаго плача, рыданья, крика и стона,
Съ чувствомъ живого къ нему сожалѣнья, она возопила:
Кто бы ни былъ тотъ врагъ, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытаетъ
Онъ, ненавистный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекшій въ такое
Дѣло, всѣ муки мои въ свою нечистую душу
Приметъ. Такъ проклявши врага, по дикому лѣсу,
Полному злыхъ людей и чудовищъ, пошла Дамаянти
Медленнымъ шагомъ, куда глядѣли глаза, и твердила
Грустною горлицей: милый, возлюбленный, гдѣ ты? и слезы
Градомъ катились изъ глазъ, и грудь разрывалась отъ вздоховъ.
Вдругъ на нее съ высокаго дерева кинулась съ страшнымъ
Свистомъ змѣя, голодная, длинная, жадно добычу,
Въ вѣтвяхъ древесныхъ склубившись, стерегшая. Сжатая въ крѣпкихъ
Кольцахъ чудовища, только о миломъ своемъ Дамаянти
Въ часъ погибели думала. Гдѣ ты? она восклицала,
Другъ, поспѣши на помощь ко мнѣ погибающей; горько,
Горько будетъ подумать тебѣ, когда возвратишься
Снова на царство, избѣгнувъ отъ бѣдъ, что меня ты покинулъ
Такъ беззащитно въ лѣсу на погибель.
Отнынѣ кто будетъ,
О, мой царь, тебя, одинокаго странника, въ темномъ
Лѣсѣ, въ знойной степи, утомленнаго, горемъ, болѣзнью

Голодомъ, жаждой томимаго, въ зной полуденный, въ жестокій
Холодъ ночной утѣшать, ободрять и покоить? Меня ужъ
Въ свѣтѣ не будетъ... Но жалобный стонъ
Дамаянти услышалъ
Шедшій вблизи звѣроловецъ. Онъ кинулся къ ней и, нацѣливъ
Мѣткимъ копьемъ, змѣю умертвилъ. Спасена Дамаянти.
Выпутавъ нѣжные члены ея изъ губительныхъ колецъ,
Онъ съ удивленьемъ спросилъ: откуда, красавица, кто ты?
Дѣва съ глазами живой антилопы, какою судьбою,
Въ эту пустыню зашла ты и вверглась въ такую опасность?
Съ грустно-привѣтной улыбкою повѣсть свою Дамаянти
Всю простодушно ему разсказала. Ее предъ собою
Видя полуобнаженную, съ дѣвственно-полною грудью,
Съ стройно-воздушнымъ станомъ, съ устами цвѣтущими, въ пышномъ
Шелковыхъ, черныхъ волосъ покрывалѣ, съ яркимъ блистаньемъ
Черныхъ глазъ подъ бровями, прекрасною, тонкой дугою
Ихъ осѣнившими, онъ во мгновеніе звѣрской любовью
Вспыхнулъ; и взоромъ безстыднымъ ее пожиралъ онъ, и руки
Около гибкаго стана обвить онъ хотѣлъ, и рвался онъ
Къ чистымъ устамъ, чтобъ ихъ осквернить поцѣлуемъ. Но гнѣвомъ
Очи ея, какъ небесная молнія, вспыхнули; грозно
Душу пронзающій взоръ на него она устремила.
Если то воля безсмертныхъ, чтобъ мною владѣлъ безъ раздѣла
Данный мнѣ ими супругъ, то теперь же пади бездыханенъ,
Врагъ ненавистный, на землю! сказала она, и лишь только
Гнѣвное слово языкъ произнесъ, какъ уже святотатецъ
Мертвъ передъ нею лежалъ, убитый ея заклинаньемъ.

III.

Чудомъ спасенная, снова пошла Дамаянти пустыннымъ
Лѣсомъ впередъ, и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ мрачнѣй становился
Лѣсъ; деревья сплеталися вѣтвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
Въ хворостѣ шорохъ отъ тигровъ, буйволовъ, рысей, медвѣдей
Слышался ей; нигдѣ дороги не было; всюду
Падшія гнили деревья; межъ трупами ихъ пробивались
Дикія травы, въ которыхъ шипя ворочались змѣи;
Вправѣ и влѣвѣ, въ кустахъ и въ вершинахъ деревъ раздавались
Крики орловъ плотоядныхъ и хлопали крыльями совы.
Лѣсъ наконецъ уперся въ высокую гору, гдѣ жили
Съ давнихъ лѣтъ великаны и карлы, которой вершина
Въ небо вдвигалась, а темное чрево хранилищемъ рѣдкихъ
Камней было. Тамъ чудно скалы на скалы громоздились;
Били живымъ серебромъ по бокамъ ихъ ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипѣли, ревѣли межъ скалъ; неподвижно
Черная тѣнь лежала въ долинахъ и ярко блистали
Голые камни вершинъ; въ бездонно-глубокихъ пещерахъ
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, съ неизмѣнной
Вѣрностью къ другу, ей измѣнившему, съ сердцемъ смиреннымъ,
Съ чистымъ въ душѣ цѣломудріемъ, съ вѣрой, не знающей страха;

Шла она, шла и пришла въ пустынное мѣсто; и въ грустныхъ
Мысляхъ о другѣ далекомъ младыя уста растворила
Къ жалобѣ нѣжной, и такъ, поминая его, говорила:
«Гдѣ ты царь благородный, нишадецъ прекрасный, могучій?
«Гдѣ ты? Куда ты пошелъ, мой владыка, покинувъ въ безлюдномъ
«Мѣстѣ меня безъ защиты? Скажи мнѣ, какъ могъ ты, усердный
«Жертвъ приноситель богамъ, позабыть о нашемъ союзѣ?
«Ведды читатель, какъ могъ ты обѣтъ свой нарушить? Какъ можешь
«Добрымъ молиться богамъ, повелѣвшимъ тебѣ быть защитой
«Данной ими жены, какъ и мнѣ они повелѣли
«Слѣдовать въ самую смерть за владыкой моимъ? О! зачѣмъ ты
«Слово нарушилъ? Виной ли какою я то заслужила?
«Или тебѣ не жена я? Скажи же, отвѣтствуй; зачѣмъ ты
«Такъ жестоко отрекся меня, обѣщавъ мнѣ иное?
«Или открой мнѣ, гдѣ ты теперь веселишься, оставивъ
«Въ горѣ меня безутѣшномъ? Отвѣтствуй, куда ты, нишадскій
«Царь, ушелъ? По тебѣ твоя видарбинка тоскуетъ;
«Сынъ Виразены могучаго, дочь благодушнаго Бимы
«Кличетъ тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
«Голосъ подай ей въ этой пустынѣ; ей здѣсь угрожаетъ
«Лѣса властитель, кровавый, голодный тигръ; неужели
«Ты отвѣта не дашь мнѣ, грустящей, плачущей, ждущей,
«Брошенной, слабой, изсохшей отъ голода, пылью покрытой,
«Ночью и днемъ безпріютной, одежды лишенной, бродящей
«Въ страхѣ, какъ матки лишенная лань? Неужели ко мнѣ ты,
«Другъ, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
«Всюду съ тобой лишь однимъ говорю, а ты безотвѣтенъ;
«Ты, изъ людей благороднѣйшій, блескомъ очей, величавой
«Стройностью стана, лица красотою божественный, гдѣ ты?
«Гдѣ ты? И гдѣ тотъ, кому бъ мнѣ сказать: *не видалъ ли ты Наля?*
«Кто бъ мнѣ отрадное слово промолвилъ въ отвѣтъ: *твой прекрасный,*
«*Твой желанный, о комъ ты такъ плачешь, такъ сѣтуешь, близко!*—
«Вотъ бѣжитъ владыка лѣсовъ, острозубый, могучій
«Тигръ; я безъ страха къ нему подойду и скажу: благородный
«Тигръ, владыка лѣсовъ, я царская дочь — Дамаянти,
«Свѣтлаго Наля жена, одинокая, сирая, въ горѣ,
«Въ страхѣ, въ нуждѣ, за нимъ безотрадно бродящая; гдѣ онъ?
«Если ты знаешь объ этомъ, звѣрей повелитель, скажи мнѣ;
«Если же нѣтъ, то скорѣе меня растерзай, чтобъ отъ муки
«Душу мою исцѣлить. Но, мои молящіе вопли
«Слыша, звѣрей повелитель къ рѣкѣ, впадающей въ море,
«Мимо, отвѣта не давъ мнѣ, изъ лѣса уходитъ. Я вижу,
«Тамъ подымается, въ небо упершись вершиной, обвитый
«Пышнымъ вѣнцомъ изъ деревъ и кустовъ благовонныхъ, цвѣтами
«Ярко пестрѣющій, солнечно-блещущій, слитый изъ твердыхъ
«Скалъ, насквозь просіянный металлами, рѣкъ и потоковъ
«Древній отецъ, лѣсовъ неприступная башня, пустыни
«Сторожъ, владыка горъ—подойду и скажу: о владыка
«Горъ первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,

«Тучеподобный, земли подпиратель, тебѣ поклоняюсь;
«Слезно тебя, о великій, молю, скажи: не видалъ ли
«Наля? Я дочь благодушнаго Бимы царя, Дамаянти;
«Сынъ Виразены, Наль Пуньялока, супругъ мой, Нишады
«Царь богомудрый, глубоко постигнувшій Ведду святую,
«Чистый и мыслью, и словомъ, и дѣломъ, гонимыхъ защитникъ,
«Зла истребитель, сѣятель благъ, мнѣ данный богами
«Спутникъ покинулъ меня и, разставшися съ нимъ, я разсталась
«Съ жизнію. Нынѣ къ тебѣ прихожу, многоглавный властитель
«Горъ, съ высоты все объемлющій окомъ, скажи: не видалъ ли
«Наля? Отвѣтствуй, могучій созданія первенецъ; словомъ
«Сладкой надежды утѣшь сироту, какъ отецъ утѣшаетъ
«Дочь сокрушенную: гдѣ мой возлюбленный? гдѣ мой желанный?
«Гдѣ мой прекрасный, мой болѣе жизни мнѣ милый сопутникъ?
«Гдѣ мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангелъ хранитель?
«Рвется сердце къ нему; по немъ душа унываетъ;
«Очи ищутъ его, и голоса милаго жаждетъ
«Слухъ, и грудь сгараетъ желаньемъ прижаться ко груди
«Жаркой его... О! когда же придется услышать мнѣ снова
«Милое слово изъ сладостныхъ Налевыхъ устъ: «*Дамаянти!*»
Такъ говорила въ своемъ сокрушеньи съ горою пустынной
Бѣдная царская дочь, но гора не дала ей отвѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Къ сѣверу лѣсомъ пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдругъ передъ нею явилась чудесно-густая
Роща изъ райскихъ дубовъ; кругомъ живая ограда
Вся въ цвѣту и исполнена тихимъ небеснымъ сіяньемъ
Внутренность. Тамъ обитали отшельники, міра отрекшись.
Строгіе постники, чувствъ обуздатели, помысловъ свѣтлыхъ
Полные, чистой душой на землѣ небожители, въ этой
Рощѣ жили они, съ собою розно, съ одними богами
Въ тѣсномъ союзѣ; имъ пищей роса и воздухъ, одеждой
Листья древесные были. Дивяся, смотрѣла на этотъ
Въ дикой пустынѣ сокрытый Эдемъ Дамаянти; тамъ было
Все благовонно; цвѣты и плоды сіяли межъ темныхъ
Листьевъ; сверкали ручьи; на ихъ берегахъ антилопы
Съ легкими сернами прыгали; вѣтви обвивши хвостами,
Съ крикомъ качались на нихъ обезьяны; по сучьямъ деревьевъ
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, какъ будто
Вѣя по воздуху, къ старцамъ святымъ подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она имъ сказала:
Миръ вамъ, угодники; трудное дѣло спасенья успѣшно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылаетъ огонь покаянья?
Звѣри и птицы спокойны ль въ обители вашей? Самимъ вамъ
Все ли во благо?—Они отвѣчали: все намъ во благо;

Будь равномѣрно во благо все и тебѣ. Но скажи намъ,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Насъ свѣтлый
Образъ твой всѣхъ изумилъ; успокойся у насъ и открой намъ,
Кто ты? Богиня лѣсовъ, иль полей, иль потоковъ?—На то имъ,
Тихо вздохнувъ, Дамаянти сказала въ отвѣтъ: не богиня
Я лѣсовъ, полей и потоковъ, но слабая, тяжкимъ
Горемъ гнетомая, смертная женщина; вамъ благодушнымъ
Старцамъ я все разскажу. Владыка Видарбы, могучій,
Славнодержавный Бима отецъ мой; властитель Нишады,
Грозный могуществомъ, въ каждомъ бою побѣдитель великій,
Свѣтлый душою, неба достойный земли уроженецъ,
Правды защитникъ, правды вѣщатель, божественно-царскимъ
Блескомъ сіяющій, градохранитель, градорушитель,
Въ свѣтлыхъ очахъ и солнца и мѣсяца блескъ совмѣстившій,
Наль, мой супругъ, игрокомъ коварно-искуснымъ былъ вызванъ
Въ кости играть; и ему все царство свое проигралъ онъ.
Имя мое Дамаянти; одна по лѣсамъ и пустынямъ
Вслѣдъ за Налемъ скитаюсь, крушимая горемъ, и нынѣ,
Старцы смиренные, къ вамъ прихожу, чтобъ узнать, не встрѣчался ль
Гдѣ-нибудь вамъ мой утраченный царь? Не видали ль въ Эдемской
Рощѣ своей вы его, за которымъ я слѣдуя, этотъ
Полный тиграми лѣсъ перешла? Скажите мнѣ, старцы,
Встрѣчу ль его? А ежели нѣтъ, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мнѣ она! одно нестерпимое бремя
Жизнь безъ него, усладителя жизни.—На жалобы царской
Дочери съ нѣжнымъ объ ней сожалѣніемъ, такъ отвѣчали
Старцы, читая пророчески въ будущемъ: «праведны боги!
«Вѣруя имъ, не смущайся душою, прекрасная; свѣтлы,
«Тихи и чисты, какъ очи твои, невинности ясной
«Полные, будутъ грядущіе дни для тебя; то являетъ
«Намъ откровеніе свыше: ты снова увидишь супруга;
«Снова онъ будетъ царемъ, отъ вины невольныя чистый,
«Царски вѣнчанный, грозный врагамъ, утѣшеніе ближнимъ,
«Скорби твоей исцѣлитель, жизни твоей украшенье,
«Прежній твой другъ, твой сопутникъ, совѣтникъ, защитникъ—и все то
«Сбудется, если въ тебѣ не ослабнетъ терпѣнье и вѣрность...»
То сказавши, тихо исчезли пустынники; съ ними
Вмѣстѣ и утвари ихъ, и жертвенный огнь, и молитвы
Мѣсто, и свѣжесть эдемски-сіяющей рощи исчезли...
Въ темномъ лѣсѣ одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругомъ. Дамаянти сказала: не сонъ ли
Мнѣ привидѣлся? Гдѣ святые отшельники? Гдѣ ихъ
Роща? Гдѣ ихъ живые ключи, ихъ птицы, ихъ звѣри?
Гдѣ ихъ цвѣты благовонные? — Такъ въ изумленьи подумавъ,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призракъ ее ободрилъ и пошла съ упованіемъ далѣ.

II.

По лѣсу долго скиталася въ горѣ своемъ Дамаянти;
Вдругъ попадается ей деревцо, одаренное чудной

Силою душу цѣлить; у людей его называютъ
Дерево *Го́реуслад*ъ, у боговъ *Азо́ка*. Царевна
Къ этому дереву, лѣсъ оживлявшему запахомъ сладкимъ,
Цвѣтомъ покрытому, съ сѣнью густою, проникнутой звонкимъ
Пѣніемъ птицъ голосистыхъ, тотчасъ подошла и заводитъ
Рѣчь съ нимъ такую: блаженное дерево, чудный, прекрасный
*Го́реуслад*ъ, благовонный *Гореуслад*ъ, услади ты
Горе мое; цвѣтущій *Азо́ка*, скажи, не видалъ ли
Ты моего супруга, царя Нишадскаго, Наля?
Гдѣ онъ скитается? Помнитъ ли онъ обо мнѣ! О! порадуй
Сердце мое доброю вѣстью о немъ, цвѣтоносный *Азо́ка;*
Дай мнѣ уйти отъ тебя съ утѣшеніемъ; самъ же въ пріютѣ
Лѣса цвѣти, никѣмъ не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный *Гореуслад*ъ, усладитель всякаго горя.
Такъ говоря, сорвала Дамаянти съ чуднаго древа
Вѣтку; потомъ, съ нимъ прощаясь, примолвила: съ этой вѣткой
Скорбь и печаль, и нужду, и заботу беру я съ собою;
Ты же, свободный отъ скорби, печали, нужды и заботы,
Здѣсь оставайся и, если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тѣнь и покой, чтобъ подъ кровлей твоей безпечальной,
*Гореуслад*ъ, онъ могъ, отдохнувъ, усладиться отъ горя.
Съ сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустыннымъ лѣсомъ пошла, и снова предъ нею
Стали являться деревья съ широкою сѣнью, крутыя
Горы, скалы разновидныя, темныя дебри, потоки;
Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздились, шумѣли, порхали и пѣли
Птицы лѣсныя, и всюду ей въ дикой глуши попадались
То кабанъ, то шакалъ, то буйволъ, то рысь, то пантера.
Такъ Дамаянти скиталася долго. Вдругъ на широкой,
Чистой полянѣ представился ей караванъ многолюдный;
Лѣсъ оглашался крикомъ людей, скрипѣньемъ повозокъ,
Ржаніемъ конскимъ, топотомъ тяжкимъ слоновъ и верблюдовъ,
Вдоль широкой рѣки, густымъ тростникомъ опушенной
(Гдѣ укрывалися цапли и бѣлые лебеди звучно
Голосъ свой подавали, гдѣ свѣтлая влага кипѣла
Множествомъ рыбъ, черепахъ и змѣй), караванъ тотъ тянулся.
Кинулась къ людямъ навстрѣчу царевна; ея появленье
Всѣхъ поразило; полунагая, однимъ покрываломъ
Шелковыхъ, длинныхъ волосъ, по плечамъ и грудямъ въ безпорядкѣ
Вьющихся, чудно-одѣтая, блѣдной подобная тѣни,
Съ горя изсохшая, вся въ пыли, но все какъ небесный
Ангелъ прекрасная — такъ имъ явилась въ лѣсу Дамаянти.
Въ страхѣ одни отъ нея убѣжали, другіе безмолвно
Ей смотрѣли въ лицо, иные смѣялись, иные,
Болѣ имѣя разсудка, приблизились къ ней съ состраданьемъ.
Кто ты, образъ небесный? спросили они. Для чего ты
Въ этомъ лѣсу? Земной ли ты человѣкъ, иль созданье
Высшее, горный, могучій духъ, иль дѣва потока,

Или иная безсмертная? Будь намъ встрѣча
съ тобою
Знаменьемъ добрымъ. Тебѣ мы себя предаемъ, чтобъ дорогу
Нашъ караванъ совершилъ безопасно. На это, вздохнувши,
Царская дочь отвѣчала: не съ неба сошла я; земная,
Бѣдная, жалкая странница я; мой отецъ видарбинскій
Царь; мой супругъ обладатель Нишады Наль знаменитый;
Съ нимъ въ разлукѣ, его я ищу, и не вѣдаю, гдѣ онъ.
Если что слышали вы о владыкѣ моемъ, то скажите,
Гдѣ мнѣ съ нимъ встрѣтиться, гдѣ я найду прекраснаго Наля,
Наля, царя львино-серднаго, грозно-отважнаго въ битвахъ?
Вождь каравана, богатый купецъ, по имени Зуччи,
Ей отвѣчалъ: нигдѣ на путяхъ, по которымъ давно ужъ
Странствуемъ мы, намъ донынѣ никто не встрѣчался, кто бъ имя
Наля имѣлъ; оленей, медвѣдей, буйволовъ, тигровъ
Много въ этомъ лѣсу; но до сихъ поръ еще человѣка,
Кромѣ тебя, мы здѣсь не видали.—Куда жъ вы идете?
Снова спросила его Дамаянти.—Идемъ въ знаменитый
Городъ Шедди, отвѣтствовалъ Зуччи; имъ нынѣ владѣетъ
Царь Сувегу, и въ царскомъ дворцѣ его обитаетъ
Вмѣстѣ съ нимъ его благодушная мать, драгоцѣнный
Перлъ добродѣтели женской. Услышавъ о томъ, Дамаянти
Въ городъ Шедди рѣшилась идти; пристать къ каравану
Зуччи ее пригласилъ. Съ караваномъ пошла Дамаянти.

III.

Долго съ печалью одна бродивъ по лѣсамъ, Дамаянти
Спутниковъ много имѣла теперь, но была и межъ ними
Все, какъ и прежде, съ печалью одна. По горамъ по долинамъ
Шумнымъ потокомъ валилъ караванъ. Вотъ однажды съ закатомъ
Солнца, они очутились у тихаго озера; въ темномъ
Лѣсѣ скрывалось оно; берега облекались зеленымъ
Бархатомъ свѣжей травы; какъ стекло, неподвижно-прозрачны
Были воды; и въ чистомъ зеркалѣ ихъ водяныя
Розы и лиліи ярко сіяли и бисеромъ пѣны
Легкія струйки, ласкаяся къ нимъ, осыпали ихъ листья.
Берегъ кругомъ былъ излучистъ и воды въ него то глубокой
Бухтой входили, то онъ въ ихъ широкое лоно зеленымъ
Мысомъ вдавался. Усталые путники, въ этомъ пріютномъ
Мѣстѣ ночлегъ учредивъ и снявши съ слоновъ и верблюдовъ
Лишнее бремя, спокойно легли на травѣ подъ открытымъ
Небомъ и скоро заснули. Вдругъ въ полночь (когда въ караванѣ
Всѣ какъ мертвые были отъ сна) съ горы прибѣжала
Съ страшнымъ храпѣньемъ стая дикихъ слоновъ, чтобъ въ потокѣ
Жажду свою утолить, пылая томительнымъ жаромъ.
Но, почуявши близость слоновъ каравана, съ свирѣпымъ
Бѣшенствомъ, пѣнясь и фыркая, кинулись всѣ на заснувшихъ
Смирныхъ враговъ; никакою силою грозныхъ чудовищъ
Было нельзя удержать; какъ въ долину, сорвавшись съ высокой
Горной вершины, катятся скалы, такъ, ломая деревья,
Вдругъ слоны ворвались въ караванъ и топтали лежащихъ
Сонныхъ людей. Со стономъ и крикомъ всѣ поднялися,

Всѣ смѣшались, слуга, господинъ, старикъ
и младенецъ;
Ночью, страхомъ и сномъ обуянные, сами
не зная,
Что за бѣда и откуда, кто въ лѣсъ, кто
къ водѣ побѣжали.
Слыша храпѣнье и топотъ, видя во мракѣ мельканье
Черныхъ огромныхъ тѣней, давимые тяжкой ногою,
Острымъ клыкомъ пронзенные, сжатые
хоботомъ сильнымъ,
Въ дикомъ безпамятствѣ, люди, верблюды
и кони бросались
Другъ на друга, и сами въ смятеньи другъ
друга губили,
Силясь спастися: тѣ кучей на дерево лѣзли,
цѣпляясь
Низшіе за ноги высшихъ и падали вмѣстѣ,
другіе
Въ яму свергались, или набѣгали на камень, иль въ воду
Слѣпо кидалися: разомъ исчезъ караванъ
многолюдный.
Многихъ въ минуту всеобщей бѣды корысть обуяла;
Голосъ лукавый шепнулъ имъ: куда вы
бѣжите? погибель
Общая—общимъ и всякое стало богатство;
берите
Все, что достанется въ руки; вотъ куча
разсыпанныхъ перловъ,
Вотъ драгоцѣнные камни, вотъ золото,
смѣло хватайте;
Нищій нынче завтра будетъ богачъ... и
погибли
Всѣ, кто, предавшись корысти, замедлили
бѣгствомъ спастися.
Въ это мгновенье, когда, какъ потокъ,
разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранимая силой боговъ
Дамаянти.
Видя очами такой дотолѣ невиданный
ужасъ,
Видя и слыша, какъ мчалася смерть надъ
ея головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть,
грустила
Только о миломъ, далекомъ, навѣкъ покидаемомъ другѣ.
Но когда миновалася буря и снова все
стало
Тихо въ лѣсу, собрались понемногу спасенные. Чѣмъ мы
Гнѣвъ несказанный такой на себя отъ
боговъ обратили?
Такъ разсуждали они. Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищъ хранителя? Иль караваномъ былъ встрѣченъ
Кто-нибудь, дерзкій хулитель бога торговли? Иль птицы,
Намъ враждебныя, въ эту ночь пролетѣли надъ нами?
Или то было вліянье зловредныхъ планетъ?.. Напослѣдокъ
Вотъ что сказали они: вся бѣда намъ отъ встрѣчи
Съ этой безумной, нагой, исчахлой и блѣдной бродягой?
Кто она? Чародѣйка, жена иль дочь великана,
Небомъ проклятая? Если опять на глаза попадется
Эта волшебница намъ, то ее мы не добрымъ привѣтомъ,
Камнями встрѣтимъ. Она своимъ колдовствомъ погубила
Нашъ караванъ.—Такія слова въ темнотѣ Дамаянти
Слыша, съ печалью, стыдомъ и страхомъ
въ чащу лѣсную
Скрылась. «О, горькая участь моя! она говорила,
Тяжко рыдая. О, счастье, меня обманувшее! снова
Цѣлымъ свѣтомъ покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? Кому я
Дѣломъ, иль словомъ, иль мыслію зло приключила? Знать, въ прежней
Жизни была я преступна: за то и въ теперешней должно
Мнѣ до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мнѣ отъ людей, за то и разлука съ супругомъ, утрата

Царства, отъ милыхъ дѣтей и отъ милыхъ
родныхъ отлученье,
Странствіе по лѣсу, полному тигровъ и
змѣй, безпріютность
Въ холодъ и зной, нищета, сиротство, и
ужасъ, и горе».—
Утро межъ тѣмъ занялось; въ небольшую
толпу собрался
Всѣ непогибшіе въ страшную прошлую
ночь, и въ дорогу
Снова отправились, плача о горькой утратѣ
богатства,
Плача о мертвыхъ друзьяхъ. Вотъ снова
покинута ими
Въ дикомъ лѣсу Дамаянти, и горе ея превышало
Всѣ ихъ страданія вмѣстѣ. О! чѣмъ же,
чѣмъ (говорила
Плача она) такую бѣду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слоновъ приманила
на гибель
Этихъ несчастныхъ, мнѣ давшихъ защиту;
зато и должна я
Долгимъ страданьемъ свой выплатить
долгъ; я чувствую въ тяжкомъ
Горѣ моемъ всю истину древняго слова:
безъ воли
Неба никто не умретъ, и моей истерзанной груди
Хоботъ слона не коснулся. Такъ! безъ
судьбы совершиться
Съ нами ничто не можетъ на свѣтѣ; я
за собою
Съ самыхъ младенчéскихъ лѣтъ никакого
не вѣдаю злого
Дѣла, не помню ни мысли худой, ни виновнаго слова—
Въ томъ ли мое преступленье, что я для
прекраснаго Наля
Свѣтлыхъ отвергла боговъ и не мстятъ ли
ужъ гнѣвные боги
Мнѣ за земную любовь безотрадной земною печалью?
Такъ говоря, Дамаянти пошла по слѣдамъ
каравана
Издали, въ чащѣ таяся лѣсной, какъ въ
облакѣ мѣсяцъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Вотъ наконецъ Дамаянти дошла до города
Шедди.
Грустно стояла она у воротъ, не входя въ
нихъ, стыдяся
Бѣдной одежды своей, обрѣзанной Налемъ,
и смятыхъ
Долгихъ волосъ, въ безпорядкѣ ей грудь
покрывавшихъ.
Жители города Шедди, встрѣчаяся съ ней,
удивлялись
Странному виду ея, а дѣти за нею бѣжали
Съ крикомъ; ихъ шумной толпою слѣдимая, скоро къ палатамъ
Царскимъ пришла Дамаянти. Тамъ, на
площадкѣ высокой
Кровли мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамкѣ своей сказала она: поди, пригласи
къ намъ
Эту жалкую странницу, чистый, дымомъ
затменный
Огнь красоты, народомъ тѣснимую. Вѣрно,
пріюта
Ищетъ она. Я вижу въ ней нѣчто высокое; домъ нашъ
Свѣтомъ наполнитъ она благодатнымъ.
Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И
царица,
Ласковымъ взоромъ встрѣтя ее, сказала
привѣтно:
Въ самомъ затменьи печали твой образъ
сіяетъ, какъ въ темной
Тучѣ яркая молнія. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и
покрыто
Нищенскимъ рубищемъ тѣло твое; одна
безъ защиты
Странствуешь ты по землѣ и людей не
страшишься, какъ чистый
Ангелъ. Скажи же мнѣ, какое званье
твое?—Дружелюбной
Рѣчью такой ободренная, такъ Дамаянти
сказала:

«Я не ангелъ, царица, я смертный простой человѣкъ; но породы
Я не простой. Огорченная тяжкой разлукой съ супругомъ,
Вслѣдъ за нимъ, чтобъ его отыскать, по землѣ я скитаюсь,
Женскимъ себя рукодѣльемъ питая; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище тамъ, гдѣ укажутъ мнѣ боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцемъ избранный,
Милый супругъ мой разстался со мною; царица, несчастливъ
Былъ онъ: въ игрѣ роковой свои всѣ богатства утративъ,
Нищимъ онъ домъ свой покинулъ, и въ лѣсъ съ одною одеждой
Скрылся; за нимъ я пошла, чтобъ имѣлъ онъ въ печали отраду.
Тамъ, изнуряемый голодомъ, онъ, на несчастье рожденный,
Платье послѣднее съ плечъ потерялъ: кто богами назначенъ
Въ жертву бѣдѣ, у того похищаетъ и вѣтеръ и птица
Платье; и днемъ и ночью я шла за нимъ, безпокровнымъ.
Разъ случилось, что я, утомленная, въ лѣсѣ заснула...
Ахъ! онъ скрылся, онъ бросилъ меня, онъ унесъ половину
Бѣдной одежды моей. Съ той поры и денно и ночно
Вслѣдъ за нимъ, веселъемъ и свѣтомъ души, я по темнымъ
Дикимъ лѣсамъ, по широкимъ степямъ, по долинамъ
Странствую; мнѣ половину одежды моей возвратить онъ
Долженъ, иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; какъ одной половинѣ одежды другая
Падобна, такъ и мнѣ другую себя половину
Должно найти, иль жить перестать.—Съ состраданьемъ царица,
Выслушавъ жалкую повѣсть ея, отвѣчала: останься
Съ нами, блаженно-скорбящая; радовать будетъ мнѣ сердце
Свѣтлая близость твоя. Не медля ни мало, повсюду
Мы разошлемъ гонцовъ за супругомъ твоимъ; но случиться
Можетъ, что онъ ненарокомъ зайдетъ и сюда, гдѣ его ты
Будешь ждать въ безопасно-спокойномъ пріютѣ.—На то ей,
Горе свое обуздавъ, сказала въ отвѣтъ Дамаянти:
Здѣсь я охотно останусь, если ты мнѣ обѣщанье
Дашь, царица, условье исполнить такое: чтобъ низкой
Должности я не имѣла, служа лишь тебѣ, чтобъ объѣдковъ
Въ пищу мнѣ не давали, чтобъ доступъ ко мнѣ запрещенъ былъ
Всѣмъ мужчинамъ, чтобъ каждый, кто мной овладѣть пожелаетъ,
Смертью наказанъ немедленно былъ — такую дала я
Клятву богамъ, чтобъ найти помогли мнѣ супруга; видаться жъ
Только съ одними браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условье мое, то здѣсь съ благодарнымъ
Сердцемъ останусь.—На то отвѣчала царица: исполню
Все, и святъ для меня твой обѣтъ. Потомъ приказала
Вызвать изъ внутреннихъ царскихъ покоевъ царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, вѣнкомъ многоцвѣтнымъ
Рѣзво-прелестныхъ подругъ окруженная. Видишь, Сунанда,
(Мать ей сказала) эту пришелицу въ бѣдной одеждѣ?
Ей ты лѣтами ровесница; но испытанія жизни
Дали ей раннюю зрѣлость. Люби ты ее, какъ подругу,
Ласково съ ней обходись и ее уважай; чтобъ съ тобою

Сердце ея отдохнуло, чтобъ ты въ сообществѣ съ нею
Пользу нашла для души. Сунанда, съ веселостью дѣтской
За руку взявъ Дамаянти, ее увела. И осталась
Съ той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II

Наль, столь жестоко покинувъ свою Дамаянти, прискорбенъ,
Сумраченъ, шелъ по пустынѣ и, самъ пустыня, съ собою
Въ горѣ разстаться желалъ. Когда раскаленное солнце
Зноемъ пронзало его, онъ ему говорилъ: не за то ли,
Солнце, ты жжешь такъ жестоко меня, что я Дамаянти
Бросилъ? Онъ горько плакалъ, когда на похищенный лоскутъ
Платья ея глаза обращалъ. Изнуряемый жаждой,
Разъ подошелъ онъ къ ручью; но, въ водахъ увидя свой образъ,
Съ ужасомъ кинулся прочь. О! если бъ я могъ разлучиться
Съ этимъ лицомъ, чтобъ быть и себѣ и другимъ незнакомымъ!
Онъ воскликнулъ и въ лѣсъ побѣжалъ; и вдругъ тамъ увидѣлъ
Пламя—не пламя въ лѣсу, а въ пламени лѣсъ—и оттуда
Жалобный голосъ къ нему вопіялъ: «придешь ли, придешь ли
«Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о Паль благодатный?
«Будь мой спаситель и будешь мною спасенъ.»—Изумленный
Наль вопросилъ: откуда твой голосъ? Чего ты желаешь?
Гдѣ ты и кто ты?—«Я здѣсь, въ огнѣ, благородный могучій
«Наль. Ты будешь ли столько безстрашенъ, чтобъ твердой ногою
«Въ пламя вступить и дойти до меня?»—Ничего не страшусь я,
Кромѣ себя самого съ той минуты, когда я невѣренъ
Сталъ моей Дамаянти. Съ сими словами онъ прямо
Въ пламя пошелъ: оно подымалось, лилось изъ глубокихъ
Трещинъ земли, выростая въ видѣ вѣтвистыхъ деревьевъ,
Густо сплетенныхъ огнистыми сучьями, черно-багровый
Дымъ вѣнчалъ ихъ вершины. Въ семъ огненномъ лѣсѣ
Наль очутился одинъ—со всѣхъ сторонъ устремлялись
Жаркія вѣтви навстрѣчу ему, и всюду, гдѣ шелъ онъ,
Частой травой изъ земли пробивалося острое пламя.
Вдругъ онъ увидѣлъ въ самомъ пылу, на огромномъ, горячемъ
Камнѣ змѣю: склубяся, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она подъ своей чешуей раскаленной.
Голову, свѣтлой короной вѣнчанную, тяжко поднявши,
Такъ простонало чудовище: «я Керкота, змѣиный
«Царь; мнѣ подвластны всѣ змѣи земныя; смиренный пустынникъ
«Старецъ Нерада проклялъ меня и обрекъ на такую
«Муку за то, что его я хотѣлъ обмануть. Ты, разсказъ мой
«Слушая, стой здѣсь покойно: стой покойно подъ страшнымъ
«Пламенемъ, жарко объявшимъ тебя, чтобъ оно затушило
«Бурю души, чтобъ душой овладѣвшій Кали былъ наказанъ,
«Чтобъ наконецъ ты, очищенный, снова нашелъ, что утратилъ».

III.

«Слушай же повѣсть мою, продолжалъ, задыхаясь отъ жару,
Царь змѣиный; и Наль, терпѣливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушалъ.—Нерада, смиренный пустынникъ,
Чудный садъ насадилъ вкругъ кельи своей; и въ саду томъ

Были всѣ земныя деревья и травы, и было
Много тамъ свѣтлыхъ ручьевъ и сѣней,
прохладно-тѣнистыхъ.
Въ этотъ садъ пригласилъ онъ всѣхъ незловредныхъ животныхъ;
Всѣхъ ходящихъ, летающихъ, скачущихъ,
плавать иль ползать
Созданныхъ; всѣхъ же зловредныхъ, терзающихъ зубомъ, когтями
Рвущихъ, иль жаломъ пронзающихъ проклялъ и входъ запретилъ имъ
Въ садъ свой. Изъ змѣй, мнѣ подвластныхъ, въ него проникать онъ дозволилъ
Только однимъ, не имѣющимъ жала, безвредно по травкѣ
Вьющимся, росу сбирая съ цвѣтовъ, иль
изъ ягодъ сосущимъ
Сокъ благовонный. Изъ этихъ красивыхъ, незлобно-веселыхъ
Змѣекъ одна любопытно-отважная, рѣзвая змѣйка
Разъ безъ всякаго умысла злого, въ саду
по деревьямъ
Ползала, ярко блестя чешуею на солнцѣ;
вдругъ видитъ
Домикъ воздушный, сплетенный изъ тонкихъ былинокъ и моха:
Онъ на вѣткѣ висѣлъ и качался, какъ
люлька; то было
Гнѣздышко маленькой птички; самой же
крылатой хозяйки
Не было въ немъ; она улетѣла за пищей;
яички,
Легкимъ прикрытыя пухомъ, лежали въ гнѣздѣ. Перегнувши
Тонкую шейку свою черезъ вѣтку, въ
гнѣздо опустила
Голову змѣйка—и видитъ яйцо тамъ лазурнаго цвѣта;
Каплей росы оно показалось, и змѣйкѣ
напиться
Вдругъ захотѣлось; лизнула яйцо; яйцо
раскололось.
Въ эту минуту птичка въ гнѣздо прилетѣла; увидя,
Что тамъ надѣлала змѣйка, бросилась съ
жалобнымъ крикомъ
Прямо къ Нерадѣ она. Нерада во гнѣвѣ
ужасенъ.
Тутъ же погибла бы змѣйка, когда бъ не
успѣла проворно
Изъ саду скрыться. Она спаслася ко мнѣ.
Но блаженный
Старецъ потребовалъ строго, чтобъ я преступницу выдалъ.
Я не посмѣлъ отказать; я спросилъ: чего
ты желаешь?
Какъ повелишь ее мнѣ казнить? Я царь;
самому мнѣ
Должно виновныхъ наказывать подданныхъ.—Видѣть хочу я
Завтра жъ ее на заборѣ сада висящую,
строго
Мнѣ отвѣчалъ Нерада; потомъ, по прошествіи трехъ дней,
Самъ я ее передъ всѣми сожгу, чтобъ
впередъ опасался
Кто бы то ни было садъ мой тревожить
зломышленнымъ дѣломъ.
Былъ мнѣ прискорбенъ такой приговоръ;
какъ родную, любилъ я
Эту милую змѣйку; поспѣшнѣй другихъ
и вѣрнѣе
Вѣсти она приносила ко мнѣ. Предо мной
извиваясь
Въ страхѣ, съ молитвой она ко мнѣ подымала головку.
Я ей сказалъ: проворнѣй, вылѣзь изъ кожи.
Не нужно
Было того повторять; въ минуту въ новой
одеждѣ
Змѣйка явилась моя, на землѣ предо мною
оставивъ
Старую. Тотчасъ, двухъ сильныхъ удавовъ
призвавъ, я велѣлъ имъ
Кожу пустую съ приличнымъ обрядомъ
повѣсить на тынѣ
Сада. Когда черезъ три дня онъ сниметъ
ее, то конечно
Станетъ думать, что солнце ее изсушило.
такъ мыслилъ
Я, уповая, что мой мнѣ удастся обманъ.
И доволенъ
Былъ Нерада моимъ послушаньемъ, увидя
на тынѣ
Кожу висящую; вѣтеръ ее колыхалъ. Какъ
живая,

Молвилъ Нерада, она гибка и вертлява; но краски
Кожи потускли: блѣдная смерть ее обхватила.—
Тѣмъ бы и кончилось все, когда бъ на бѣду не пропѣла
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственнымъ мщеньемъ себя ей хотѣлось потѣшить; къ висящей
Кожѣ она подлетѣла, чтобъ оба глаза у мертвой
Выклевать — что же? Ихъ нѣтъ; сквозь пустыя скважины также
Видитъ она, что и внутренность кожи пуста. И къ Нерадѣ
Тотчасъ она полетѣла. Тебя обманули; змѣиный
Царь не змѣйку, а змѣйкину кожу повѣсилъ, пропѣла
Птичка. Страшно Нерада разгнѣвался; вдругъ онъ явился
Здѣсь, гдѣ тогда я на этомъ камнѣ лежалъ и на солнцѣ
Грѣлся одинъ—при мнѣ ни ужа, ни змѣи, ни дракона,
Стражей моихъ, тогда не случилось; я спалъ. На громовый
Голосъ Нерады проснувшись, хотѣлъ я вскочить, но, могучимъ
Взоромъ его обезсиленъ, не могъ шевельнуться. Предатель,
Старецъ сказалъ мнѣ, меня обмануть тебѣ удалося:
Призракъ за сущность я принялъ; змѣиную кожу пустую
Вмѣсто змѣи я предалъ огню, и виновную спасъ ты.
Самъ за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отнынѣ
Съ этого камня; но будешь здѣсь не на солнечномъ свѣтѣ
Грѣться — я пламя иное зажгу вкругъ тебя; не сгарая,
Будешь горѣть въ немъ, шипя и свистя отъ тоски и мѣняя
Кожу за кожей въ напрасной надеждѣ, что жаръ утолится.
Кончатся жъ муки твои лишь тогда, какъ къ тебѣ издалека
Нѣкто придетъ, самому себѣ ненавистный и образъ
Свой утратить желающій. Если его изъ средины
Пламени ты позовешь и онъ безстрашной стопою
Въ пламень войдетъ, чтобъ избавить себя отъ мученій, сильнѣе
Муки твоей его раздирающихъ; если достанетъ
Твердости въ немъ, чтобъ среди нестерпимаго жара спокойно
Выслушать повѣсть твою—тогда ты спасенъ, прекратится
Въ ту же минуту твое наказанье, и самъ, по исходѣ
Года со днемъ, онъ все возвратитъ, о чемъ сокрушается сердцемъ.
Но чтобъ въ страданьи своемъ ты могъ къ себѣ издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Онъ называется Налемъ. Съ сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдругъ услышалъ я шорохъ и трескъ; озираюсь—
Всюду изъ трещинъ земли, какъ острыя иглы, выходитъ
Пламя, все гуще и гуще растетъ, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылаетъ; прикованный къ камню,
Чувствую я, какъ все подо мною, какъ все надо мною,
Камень, на коемъ лежалъ я, и воздухъ, коимъ дышалъ я,
Мало-по-малу въ пронзительный жаръ обращалось; сначала
Было то пламя какъ тонкая, гибкая травка: слилося
Скоро оно въ кустарникъ густой; напослѣдокъ воздвиглось
Лѣсомъ широкимъ, въ которомъ каждое дерево было
Все изъ огня; языками горящими листья шумѣли;

Вѣтви со всѣхъ сторонъ вилися, какъ молніи; въ вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дымъ громовою
Тучей надъ ними клубился. Теперь на себѣ испыталъ ты,
Наль безстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивалъ тѣло мое до тѣхъ поръ, покуда
Кожа на немъ не лопалась: снова потомъ на минуту
Я сжимался, чтобъ снова вытерпѣть то же мученье.
Цѣлыхъ семь лѣтъ протекло съ той поры, какъ лежу я на этомъ
Камнѣ въ огнѣ; а времени медленный ходъ замѣчалъ я,
Каждый часъ повторяя однажды: *придешь ли, придешь ли*
Съ мукой твоею къ мукѣ моей, о, Наль благодатный?
Вотъ наконецъ и пришелъ ты. Но знай, что здѣсь о тебѣ я
Частые слухи имѣлъ; мнѣ подвластныя змѣи, которымъ
Всѣ на землѣ дороги извѣстны, ко мнѣ ежедневно
Змѣекъ-гонцовъ присылали, и каждая, вѣрно исполнивъ
Долгъ свой и вѣсть передавъ мнѣ, въ огнѣ предо мной умирала;
Видишь, какъ много здѣсь собрано кожъ ихъ истлѣвшихъ. Отъ нихъ-то
Могъ я провѣдать о томъ, какъ ты полюбилъ Дамаянти;
Какъ цари и царевичи созваны были въ Видарбу;
Какъ мой гонитель Нерада, пресытясь земными плодами,
Садъ небесный боговъ посѣтилъ; какъ тамъ онъ посѣялъ
Сладостныхъ словъ сѣмена, отъ которыхъ мгновенно желанье
Выросло въ сердцѣ боговъ на землю сойти; какъ богами
Былъ ты посланъ въ Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебѣ самому досель неизвѣстно:
Какъ забрался Кали въ твое непорочное сердце.
Свѣдавъ, что царство свое ты утратилъ, что вмѣстѣ съ супругой
Бродишь нагой по горамъ и степямъ, что ее наконецъ ты
Самъ покинулъ, я былъ утѣшенъ надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылося. Благословляю,
Наль, и тебя, и приходъ твой; уже мучительный пламень,
Жегшій донынѣ меня, уступаетъ сходящей отъ неба
Сладостной свѣжести. Наль, не страшись, приступи и, на палецъ
Взявши меня, изъ пламени выдь».—Керкота умолкнулъ,
Свился проворно легкимъ кольцомъ и повиснулъ на пальцѣ
Наля; и съ нимъ побѣжалъ изъ пламени царь, и при каждомъ
Шагѣ его оно слабѣло и гасло, и скоро
Все исчезло, какъ будто его никогда не бывало.
Свѣжій почувствовавъ воздухъ, трепетомъ сладкимъ спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись отъ Налева пальца,
Змѣй безконечной, чешуйчатой лентою вдругъ растянулся:
Съ радостнымъ свистомъ наползъ къ тому онъ ручью, гдѣ, увидѣвъ
Образъ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
Всунулъ голову въ воду и съ жадностью долгую жажду
Послѣ толь долгаго жара сталъ утолять—истощились
Воды ручья, а змѣй попрежнему сдѣлался полонъ.
Силы свои возвративъ, онъ, блестя чешуею на солнцѣ,
Налю сказалъ: подойди; передъ нашей разлукой ты долженъ
Зубы мои перечесть; въ такомъ долголѣтнемъ отъ муки

Скрежетѣ, много зубовъ я могъ потерять
иль испортить.
Наль подошелъ; передъ нимъ оскалились
зубы; считать онъ
Началъ: первый, другой, четвертый. Ошибся,
ошибся,
Съ гнѣвомъ царь-змѣй зашипѣлъ, ты не
назвалъ третьяго зуба.
Съ этимъ словомъ кольнулъ онъ третьимъ
неназваннымъ зубомъ
Наля въ палецъ—и тутъ же почувствовалъ
Наль, что съ собою
Онъ какъ будто разстался: сперва свой
собственный образъ
Въ зеркально-свѣтломъ щитѣ, на царевой
шеѣ висѣвшемъ
Онъ увидѣлъ; потомъ тотъ образъ мало-
по-малу
Началъ блѣднѣть и скоро пропалъ; и
мало-по-малу
Мѣсто его заступилъ другой некрасивый;
и Налю
Стало ясно, что это былъ образъ его же,
и болѣ
Не былъ онъ страшенъ себѣ самому въ
такомъ превращеньи.
Видишь, Керкота сказалъ, что желанье
твое совершилось:
Ты превращенъ, ты разстался съ собой,
и отнынѣ никѣмъ ты,
Даже своею женою не можешь быть
узнанъ. Простимся;
Въ путь свой съ богами иди, и не мысли,
чтобъ могъ быть опасенъ
Ядъ мой тебѣ; не въ твое онъ чистое
сердце проникнулъ,
Нѣтъ! а въ того, кто сердцемъ твоимъ
обладаетъ: отнынѣ
Будетъ онъ жить тамъ и мучиться. Ты жъ,
превращенный, съ надеждой
Путь продолжай; ищи въ чужихъ странахъ
пропитанья;
Но не забудь о стихійныхъ дарахъ, отъ
боговъ полученныхъ
Въ брачный день; они для тебя не потеряны;
помни,
Наль, объ этомъ; и также твое искусство
конями
Править тебѣ сохранилось. Въ царство
Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; тамъ увидишь
царя Риту́перна;
Нѣтъ на землѣ никого, кто съ нимъ бы
сравнился въ искусствѣ
Счета и такъ бы въ кости игралъ. Я
Вагука, правитель
Коней, скажи ты ему про себя; и если
онъ спроситъ
Много ли можешь въ день проскакать?
Сто миль, отвѣчай ты.
Онъ твоему научиться искусству захочетъ; за это
Самъ научитъ тебя искусству считать:
безъ него ты
Въ кости все царство свое проигралъ. И
какъ скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, слѣда не оставивъ;
Въ ту же минуту, когда, и жену, и дѣтей отыскавши,
Прежній свой видъ возвратить ты захочешь, лишь только объ этомъ
Часѣ вспомни и въ этотъ щитокъ поглядись; кто владѣетъ
Этимъ щиткомъ, того на землѣ всѣ змѣи
боятся.
Такъ говоря, Керкота одну изъ зе́ркально-
свѣтлыхъ,
Шею его украшавшихъ чешуекъ снялъ
и, подавши
Налю, примолвилъ: носи ее на груди; въ
роковое
Время эта чешуйка тебѣ пригодится. Потомъ онъ
Скрылся; а Наль остался въ лѣсу одинъ,
превращенный.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Наль, разлучившися съ змѣемъ пошелъ
въ Айодское царство
Службы искать у царя Риту́перна, который давно ужъ
Принялъ къ себѣ и Варшнею, прежде
служившаго Налю.
Мудрый царь Риту́пернъ, великій конскій охотникъ,

Лучшихъ искусниковъ править конями
сбиралъ отовсюду.
Наль, черезъ десять дней пришедши въ
въ Айоду, къ царю Риттуперну
Тотчасъ явился. Я конюхъ Вагука, ска-
залъ онъ: въ искусствѣ
Править конями мнѣ равнаго нѣтъ; сто
миль проскакать ихъ
Въ день я заставить могу. И во многомъ
другомъ я искусенъ:
Пищу никто такъ вкусно, какъ я, не
умѣетъ готовить.
Всякое дѣло, для коего нужны и трудъ,
и умѣнье,
Взять на себя я готовъ, и къ тебѣ, царю
Риттуперну,
Въ службу желаю вступить. Риттуперъ
отвѣчалъ благосклонно:
Въ службу, Вагука, тебя я беру; ты бу-
дешь отнынѣ
Главнымъ конюшимъ моимъ; надзирай за
моими конями
Къ скачкѣ проворной ихъ пріучая; за
службу же будешь
Сто золотыхъ получать. Товарищъ твой
будетъ Варшнея,
Конюхъ искуснѣйшій въ дѣлѣ своемъ,
съ нимъ старый Джевала
Мой заслуженный конюшій и много дру-
гихъ; ты безъ скуки
Будешь съ ними досугъ свой дѣлить; и
свободенъ ты дѣлать,
Что пожелаешь. Будь главнымъ моимъ
конюшимъ, Вагука.
Вотъ и служитъ конюшимъ Наль у царя
Риттуперна,
Царь безъ царства, мужъ безъ жены,
изгнанникъ, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему такъ
усердно
Прежде служившій, теперь ужъ товарищъ
ему: подъ одною
Кровлей они; но чужды другъ другу, и
вмѣстѣ и розно,
Каждый своею печалью довольный, Вар-
шнея о жалкой
Гибели Наля царя сокрушаясь, а Наль,
по супругѣ,
Брошенной имъ, ежечасно тоскуя. И было
то каждый
Вечеръ, что Наль, убравши коней, одинъ
затворялся
Въ стойлѣ и пѣлъ тамъ все ту же и ту
же печальную пѣсню:
«Гдѣ, свѣтлоокая, ты одинокая стран-
ствуешь нынѣ?
Зноемъ и холодомъ, жаждой и голодомъ
въ дикой пустынѣ
Ты изнуренная, ты, обнаженная, вдов-
ствуя бродишь.
Гдѣ утѣшеніе, въ чемъ утоленіе скорби
находишь?»
Такъ онъ пѣлъ. И однажды Джевала, под-
слушавши эту
Пѣсню, спросилъ у него: по комъ ты,
Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную
пѣсню
Такъ заунывно поешь ты? — Пою про
жену сумасброда,
Ею избраннаго, ею любимаго, умъ и бо-
гатство
Вдругъ потерявшаго, ей измѣнившаго,
клятву святую,
Данную ей предъ богами, забывшаго. Съ
ней разлученный,
Онъ ужъ давно въ тоскѣ, въ раскаяньи,
въ страхѣ, не зная
Скорби своей утоленья ни днемъ, ни
ночью, бездомнымъ
Странникомъ бродитъ. Но каждую ночь,
о ней помышляя,
Эту пѣсню поетъ онъ. Скитаясь, какъ
нищій, съ терпѣньемъ
Пьетъ онъ свою, преступленьемъ нали-
тую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое съ однимъ
лишь собою
Дѣлитъ. Она же, которая съ нимъ и въ
бѣдѣ не разсталась,
Имъ въ пустынѣ забытая... Гдѣ она? Что
съ ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всѣхъ сто-
ронъ окруженной
Смертью въ лѣсахъ, гдѣ гнѣздится и ди-
кій звѣрь, и разбойникъ.

Эту повѣсть онъ самъ разсказалъ мнѣ.
Съ тѣхъ поръ и пою я
Пѣсню его, какъ самъ онъ поетъ, и о
немъ сокрушаюсь.

II.

Бима, царь Видарбы, узнавъ о бѣдствіи Наля,
Царство свое проигравшаго въ кости, немедленно созвалъ
Всѣхъ видарбинскихъ Брахмановъ и такъ имъ сказалъ: отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля царя: кто узнаетъ,
Гдѣ мои дѣти и ихъ ко мнѣ приведетъ, тотъ получитъ
Тысячу самыхъ отборныхъ быковъ и деревню, какъ людный
Городъ богатую; тотъ же, кто, ихъ не приведши, хоть съ вѣрной
Вѣстью о нихъ ко мнѣ возвратится, также получитъ
Десять сотенъ быковъ. Брахманы поспѣшно на сѣверъ,
Полдень, востокъ и западъ пошли отыскивать Наля;
Всюду, по всѣмъ областямъ, городамъ, деревнямъ, по безлюдымъ
Дикимъ лѣсамъ, по горамъ, по равнинамъ по разнымъ дорогамъ
Долго ходили они но напрасно; ни слуха, ни вѣсти
Нѣтъ ни о Налѣ царѣ, ни о вѣрной его Дамаянти.
Вотъ, наконецъ, одинъ изъ Брахмановъ, Судѣва достигнулъ
Города Шедди и тамъ во дворцѣ, на праздникѣ царскомъ
Онъ Дамаянти увидѣлъ. Подлѣ царевны Сунанды,
Въ платьѣ печальной вдовы, на лицѣ покрывало, близъ свѣтлой,
Радостной дѣвы она тамъ стояла—жена, по супругѣ
Мрачно скорбящая, тѣнь близъ свѣта, алмазъ безъ сіянья,
День безъ солнца, краса, двойнымъ покровомъ отъ взоровъ
Скрытая, чернымъ платьемъ и чернымъ горемъ. Увидя
Этотъ прекрасный, невидимо блещущій свѣтъ, догадался
Тотчасъ Судева, кто передъ нимъ. Про себя онъ подумалъ:
Тотъ же образъ я вижу, который столь сладостно свѣтелъ
Былъ въ то утро, когда всѣ земные цари и владыки,
Съ ними и вѣчные боги въ тревогѣ надежды, смиренно
Ждали, кому изъ нихъ благодатную руку подастъ Дамаянти.
Это она полногрудая, темно-кудрявая, райскимъ
Блескомъ очей веселящая душу, любовь и утѣха
Міра; она, молодая лилея, лишенная корня,
Лотосъ, слоновой стопой сокрушенный, высокое въ низкомъ;
Это она по супругѣ скорбящая, вмѣстѣ съ супругомъ
Всю потерявшая жизнь, какъ источникъ нынѣ безводный,
Нѣкогда быстро бѣжавшій, какъ лунная ночь по затменьи
Полномъ луны, поглощенной внезапно небеснымъ дракономъ;
Это она, достойная жить въ перламутровомъ, царскомъ
Домѣ, живущая нынѣ въ чужомъ сиротою бездомной;
Славная царской породою въ горькомъ безславномъ изгнаньи;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ея измучено сердце
Страстнымъ стремленьемъ къ супругу, избранному сердцемъ; на свѣтѣ
Мужъ украшенье жены; потерявъ сей небесно-прекрасный
Перлъ, и блестящая тратитъ свой блескъ.
Но гдѣ жъ онъ могучій
Наль? Перенесъ ли разлуку съ такою женою, иль мертвый
Палъ, утративъ ее? И мнѣ всю душу пронзаетъ
Горе при видѣ ея красоты сокрушенной, при встрѣчѣ

Огненно-темныхъ ея, въ слезахъ угасающихъ взоровъ.
Скоро ль, скоро ль, весь міръ исходивъ путемъ испытанья,
Къ цѣли желанной достигнетъ она и съ желаннымъ супругомъ,
Съ милымъ души, съ властителемъ жизни встрѣтится въ мірѣ,
Такъ, какъ звѣзда встрѣчается съ мѣсяцемъ? Скоро ль
Съ трона низверженный Наль возвратитъ Дамаянти и тронъ свой?
О! какое блаженство тогда для обоихъ, другъ другу
Равнымъ прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предковъ! Мнѣ должно теперь подойти съ утѣшительнымъ словомъ
Къ ней, сокрушенной. Такъ говорилъ многомудрый Судева
Самъ съ собою; потомъ онъ къ тому приблизился мѣсту,
Гдѣ одиноко стояла среди многолюдства съ печальной
Думой своей Дамаянти. «Здравствуй роза Видарбы,
Ей онъ сказалъ; я Судева, Брахманъ видарбинскій; царь Бима,
Твой родитель, живъ и здоровъ и царствуетъ мирно;
Здравствуетъ съ нимъ и твоя благодушная мать, управляя
Домомъ; здравствуютъ братья твои, здравствуютъ дѣти,
Мирно цвѣтя подъ защитою дѣда и бабки. Но горе
Всѣхъ по тебѣ сокрушило. И нынѣ по цѣлому свѣту
Ищутъ брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мнѣ.—Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потомъ о родныхъ, о друзьяхъ, знакомыхъ и ближнихъ
Спрашивать. Выросли ль дѣти? она напослѣдокъ спросила.
Съ этимъ словомъ рыданье стѣснило ей грудь, и съ прекрасныхъ
Длинныхъ рѣзницъ покатилися крупными каплями слезы.
Видя, что плачетъ она въ разговорѣ съ браминомъ, Сунанда,
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: наша
Гостья плачетъ; какой-то браминъ говоритъ съ ней, и вѣрно
Съ нимъ знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль. Тогда изъ покоевъ внутреннихъ вышла
Мать царица; увидя брамина, она повелѣла
Къ ней его привести; и его разспрашивать стала
Такъ: разскажи мнѣ объ ней, что вѣдаешь. Кто, и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И съ родными какою
Странной судьбою разсталась? И здѣсь ты ее по какому
Тайному признаку могъ распознать? Обо всемъ откровенно
Мнѣ разскажи.—И, сѣвъ на ему указанномъ мѣстѣ,
Такъ разсказывать началъ Судева, браминъ многомудрый.

III.

Царствуетъ нынѣ въ Видарбѣ царь Бима, до старости поздней
Въ славѣ дожившій; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбинскаго Бимы, жена нишадскаго Наля.
Наль же, сынъ Виразены, бывшій владыка Нишады, безумно
Въ кости все царство свое проигралъ недостойному брату.
Съ той поры, покинувъ Нишаду съ женою, пропалъ онъ
Безъ вѣсти. Бима послалъ насъ отыскивать дочь. И случайно
Въ вашемъ царскомъ дворцѣ въ печальной, таинственной гостьѣ
Вашей узналъ я ее... И кто не узналъ бы? На свѣтѣ
Нѣтъ Дамаянти другой, столь прекрасной душою и тѣломъ.

Есть при томъ и примѣта: на лбу подъ густыми
Кудрями свѣтлая скрыта звѣзда, какъ за облакомъ мѣсяцъ;
Съ нею она родилася; ее самъ Брама замѣтилъ
Знакомъ святымъ благодати; но знакъ сей однимъ лишь браминамъ,
Видящимъ здѣсь красоту неземную, служителямъ Брамы
Можетъ быть видимъ; и я очами брамина, какъ злато
Въ темной рудѣ, какъ въ пеплѣ горячемъ огонь сокровенный,
Тотчасъ узналъ Дамаянти, красы несказанной свѣтило.
Кончивъ разсказъ свой, Судева умолкъ. Тутъ царевна Сунанда,
Тихо подкравшись къ подругѣ, съ ея головы покрывало
Вдругъ сорвала и кудри волосъ, осѣнявшихъ прекрасный
Лобъ видарбинской царевны, откинула: ярко, какъ мѣсяцъ,
Тучу пронзившій, блеснула оттуда звѣзда благодати.
То увидя, Сунанда въ слезахъ умиленья припала
Къ сердцу ея, царица заплакала также; и всѣ три,
Крѣпко обнявшись, сліянныя сердцемъ, стояли безмолвно,
Слезы сливая съ слезами. Вотъ напослѣдокъ сказала
Мать царица: ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Нашъ знаменитый отецъ былъ владыка Дафернскій Судеманъ;
Бима выбралъ сестру, меня избралъ Виравагу.
Я и тебя младенцемъ видала въ то время, когда мы
Вмѣстѣ съ сестрой навѣстили въ Дафернѣ отца. И тогда ужъ
Эта звѣзда сіяла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчасъ я, кто ты, какъ скоро странницей грустной явилась
Здѣсь и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся жъ
Съ нами, мой домъ есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи въ любви и согласьи
Съ нами: будь дочерью мнѣ, будь нѣжной сестрою Сунандѣ.—
«Долго я здѣсь незнакомкой въ довольствѣ жила, отвѣчала
Теткѣ своей Дамаянти; не знала нужды, подъ защитой
Вѣрной была, и въ горѣ встрѣчала веселье; но будетъ
Мнѣ веселѣе въ Видарбѣ съ роднымъ отцомъ и съ родною
Матерью. Съ миромъ меня отпусти; я давно ужъ съ своими
Ближними розно; отсюда слышится мнѣ, какъ сиротки
Дѣти мои, по матери плача, ее издалека
Кличутъ и ей говорятъ: *безъ отца мы; на что же намъ*
Быть и безъ матери? Если свое благотворное дѣло
Ты довершить надо мною желаешь, то дай мнѣ скорѣе
Средство въ Видарбу къ своимъ возвратиться».—Исполнена будетъ
Воля твоя, красота звѣздоносная, такъ отвѣчала
Мать царица; потомъ съ позволенія сына, владыки
Царства Шеддійскаго, въ путь снарядила милую гостью;
Пищу съ питьемъ на дорогу сама царевна Сунанда
Ей приготовила: дали коней съ колесницею; дали
Также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
Съ плачемъ разстались потомъ. И вотъ, наконецъ, возвратилась
Къ ближнимъ своимъ Дамаянти. И много въ Видарбѣ веселья
Было при встрѣчѣ ея. Когда жъ Дамаянти со всѣми
Свидѣлась, съ милою матерью, съ добрымъ отцомъ и съ родными
Братьями, сродниковъ всѣхъ и знакомыхъ увидѣла, къ сердцу

Въ сладкихъ слезахъ прижала дѣтей—
то первой заботой
Было ея принести благодарность богамъ,
а браминовъ
Всѣхъ одарить. И Бима исполнилъ свое
обѣщанье:
Тысячу жирныхъ быковъ съ селомъ, бо-
гатымъ, какъ городъ,
Далъ онъ брамину Судевѣ. Награду та-
тую сначала
Онъ обѣщалъ лишь тому, кто найдетъ
Дамаянти и Наля;
Но, блаженный свиданіемъ съ дочерью,
онъ ужъ не думалъ
Болѣ о Налѣ. Зато не забыла о немъ
Дамаянти.
Ночь одну проведя въ жилищѣ отца, на
другой день
Матери такъ Дамаянти сказала: если ты
хочешь
Жизнь мнѣ мою сохранить, возврати мнѣ
прекраснаго Наля.
То услыша, царица заплакала горько и слова
Ей отвѣчать не могла отъ слезъ и ры-
данья. И вмѣстѣ
Съ нею домашніе всѣ сокрушились и гром-
кимъ стенаньемъ
Все жилище ея наполнялось. И вотъ что
царица
Бимѣ, властителю многихъ народовъ, ска-
зала: открыла
Сердце свое мнѣ наша дочь Дамаянти; по
миломъ
Налѣ тоскуетъ она несказанно. А гдѣ онъ?
Удастся ль
Такъ же найти и его, какъ найти уда-
лось Дамаянти?
Бима при этихъ словахъ опять вызываетъ
браминовъ
Новую службу ему сослужить. Святые
брамины,
Имъ говорить онъ, идите по всѣмъ пу-
тямъ и дорогамъ
Наля отыскивать; съ нимъ разлученная,
гаснетъ отъ горя
Дочь Дамаянти. Брамины, немедленно въ
путь изготовясь,
Всѣ собрались къ Дамаянти услышать ея
повелѣнье:
Ихъ приняла, улыбаясь сквозь слезы, она
и сказала
Такъ: куда бъ ни пришли вы и гдѣ бы
его ни искали—
Въ городѣ ль, въ царскомъ дворцѣ ли, въ
деревнѣ ли, въ хижинѣ ль бѣдной—
Всюду одно повторяйте, вытвердивъ то,
что скажу вамъ:
«Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ
украденномъ платьѣ,
«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почер-
нѣвши отъ зноя,
«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной,
ждетъ, чтобъ обратно
«Къ ней ты пришелъ. По тебѣ лишь то-
скуетъ она и ни разу
«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ себѣ
на погибель заснула
«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжа-
лостно брошена. То ли
«Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой?
Покровъ и защита
«Мужъ для жены; а ты, что сдѣлалъ съ
своею женою,
«Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, бла-
гимъ, благороднымъ?»
Помните эти слова и ихъ вездѣ повторяйте.
Если же кто вамъ на нихъ отзовется, то
знайте, что это
Наль; и тогда немедля развѣдайте, кто
онъ? Когда же
Словомъ какимъ онъ вамъ возразитъ, то
скорѣе, скорѣе
Это слово мнѣ передайте, брамины. Но
будьте
Съ нимъ осторожны, чтобъ онъ догадаться
не могъ, что за нимъ вы
Посланы мной и чтобъ снова не скрылся.
Идите съ богами
Въ путь свой, брамины, ищите Наля,
вездѣ повторяя
Грустную пѣсню мою, воздыханья любви
сокрушенной.—
Данныя имъ наставленья принявши, по
разнымъ дорогамъ
Всѣ разошлися брамины отыскивать Наля;
и всюду
Въ людныхъ, большихъ городахъ, въ бо-
гатыхъ палатахъ, въ убогихъ

Хижинахъ, въ темныхъ лѣсахъ, по горамъ, по полямъ, по долинамъ,
Гдѣ только былъ человѣческій слѣдъ, неусыпно искали
Наля они, вездѣ повторяя слова Дамаянти,
Грустную пѣсню ея, воздыханья любви сокрушенной.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Вотъ по странствіи долгомъ одинъ изъ браминовъ, Парнада
Именемъ, съ вѣстью такою пришелъ къ Дамаянти: повсюду
Наля искавъ безуспѣшно, пришелъ наконецъ я въ Айоду.
Тамъ предъ царемъ Ритуперномъ твои слова произнесъ я;
Царь ничего не сказалъ мнѣ въ отвѣтъ и никто изъ придворныхъ
Также мнѣ не далъ отвѣта. Когда жъ я, простясь съ Ритуперномъ,
Вышелъ изъ царскихъ покоевъ, со мной повстрѣчался служитель
Царскій съ руками короткими, малаго роста, Вагука
Именемъ; дѣло его смотрѣть за царевой конюшней;
Видомъ онъ некрасивъ; зато великій искусникъ готовить
Пищу; также чудесно править конями: онъ можетъ
Въ сутки сто миль проскакать ихъ заставить. И вотъ что съ глубокимъ
Вздохомъ, отъ слезъ задыхаясь, сказалъ мнѣ этотъ Вагука:
«Въ бѣдности, въ горести терпять безропотно съ вѣрой смиренной
«Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
«Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мститъ за обиду.
«Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
«Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
«Самъ уничтожить могъ, если отчаянный, платья лишенный
«Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
«Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
«Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ — доброй женою
«Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
«Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
«Радость не радостью; будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
«Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады».
Эти услышавъ слова, я рѣшился немедля пуститься
Въ путь обратный. Царевна, сама теперь ты разсудишь,
Съ доброю ль вѣстью къ тебѣ я пришелъ.—Дамаянти, Парнаду
Выслушавъ, тотчасъ къ царицѣ пошла и такъ ей сказала:
Слушай, родная; о томъ, что я сдѣлать хочу, мой родитель
Бима вѣдать не долженъ; хочу я брамина Судеву
Въ царство Айоду послать; награды своей половину
Онъ заслужилъ, вотъ случай ему заслужить и другую:
Вамъ возвратилъ онъ меня, пускай возвратить вамъ и Наля.
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Все учредили онѣ, и царь не узналъ ни о чемъ. Одаривши
Щедро Парнаду, царевна сказала: когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
Слѣдъ намъ къ нему указалъ. И доволенъ остался Парнада
Тою наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Такъ сказала: Судева, иди къ Царю Ритуперну
Въ царство Айоду; явися ему, но такъ, чтобъ подумалъ

Царь Ритупернъ, что зашелъ ты въ Айоду случайно, и вотъ что
Скажешь ему ты, какъ будто безъ всякаго умысла: «Бима
«Снова сзываетъ въ Видарбу царей и царевичей; снова
«Хочетъ супруга избрать Дамаянти: ужъ съѣхалось много
«Къ ней жениховъ». И ежели знать пожелаетъ онъ, скоро ль
Долженъ быть выборъ, назначенъ ли день?
Отвѣчай ты: «я вижу,
«Царь, что тебѣ одному невѣдомо то, что извѣстно
«Цѣлому свѣту; день назначенный—завтра;
и если
«Самъ ты отвѣдать счастья намѣренъ,
то можешь въ Видарбу
«Нынче же къ ночи поспѣть; у тебя
есть конюхъ, искусный
«Править конями; онъ въ сутки сто миль проскакать ихъ заставитъ;
«Только не медли: завтра, чѣмъ свѣтъ,
Дамаянти объявить
«Выборъ; о Налѣ жъ ни слуха, ни вѣсти;
и вѣрно погибъ онъ.
«Если же хочешь ты знать, отъ кого я
о сказанномъ слышалъ,
«Знай, Государь, что я слышалъ о томъ
отъ самой Дамаянти».

II.

Вотъ и приходитъ Судева къ царю Ритупернy. То было
Рано поутру. И только что ложную повѣсть брамина
Выслушалъ царь, какъ, съ мѣста вскочивши, воскликнулъ: скорѣе
Кликнуть Вагуку сюда! Когда же Вагука явился—
Вѣрный конюшій, сказалъ Ритупернъ, мнѣ должно въ Видарбу
Нынче жъ поспѣть; Дамаянти опять выбираетъ супруга;
Завтра утромъ она объявитъ свой выборъ. Искусство
Нынѣ свое покажи мнѣ, Вагука, на дѣлѣ; посмотримъ,
Можешь ли въ сутки сто миль проскакать на коняхъ, не кормивши?
Царская рѣчь наполнила ужасомъ Налеву душу.
Что замышляетъ — подумалъ онъ самъ про себя—Дамаянти?
Или она отъ скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Можетъ ли быть, чтобъ она на такое
Дѣло рѣшилась, она, непорочная, вѣрная, свѣтлый
Ангелъ любви? Неужель, оскорбленная мной такъ жестоко,
Хочетъ отмстить мнѣ она, смиренно-незлобный Эдемскій
Голубь? Но женское сердце измѣнчиво; я же предъ нею
Слишкомъ виновенъ; прекрасную младость ея погубилъ я;
Въ долгой разлукѣ со мной, разлучилась она и съ любовью.
Но, позабывши меня, какъ могла позабыть Дамаянти
Нашихъ дѣтей? Мнѣ должно развѣдать, что ложь и что правда
Въ этомъ слухѣ, и волю царя для себя я исполню.
Такъ онъ въ мысляхъ рѣшилъ и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвѣчалъ: несомнѣнно исполнена будетъ
Царская воля твоя; мы нынче жъ поспѣемъ въ Видарбу
Къ вечеру. — Вотъ на конюшню Вагука пошелъ, чтобъ надежныхъ
Выбрать коней и выбралъ тощихъ, тяжелыхъ, ноздристыхъ,
Тонконогихъ, толстоголовыхъ, съ щетинистой шерстью,
Съ длинными шеями, съ гривой встопорщенной, огненно-дикихъ.
Выборъ такой царя изумилъ. Ты шутишь, Вагука,
Съ гнѣвомъ сказалъ онъ: какъ будто въ насмѣшку изъ цѣлой конюшни
Выбралъ ты самыхъ негодныхъ коней. Въ такую дорогу
Можно ль на клячахъ подобныхъ пускаться?—То добрые кони,
Царь - государь, Вагука отвѣтствовалъ; вотъ и примѣты:

Двѣ на лбу, одна на груди и три на копытахъ;
Духомъ домчимся на этихъ коняхъ до Видарбы; но если
Выбрать другихъ ты желаешь, то самъ укажи ихъ; готовъ я
Волю исполнить твою.—Пускай по-твоему будетъ,
Царь отвѣчалъ; тебя не учить мнѣ; закладывай; ѣдемъ.
Выбранныхъ имъ четырехъ коней заложилъ въ колесницу
Наль, и сѣлъ въ нее съ Ритуперномъ; и съ ними, по просьбѣ
Наля, сѣлъ Варшнея. Собравши въ могучую руку
Вожжи, и ими тряхнувъ, какъ браздами излучистыхъ молній
Наль закричалъ: изготовьтесь вы, добрые кони; чтобъ нынче жъ
Быть намъ въ Видарбѣ! И дрогнувъ, предъ нимъ на колѣни упали
Кони; легкимъ движеньемъ руки опять онъ ихъ поднялъ
На ноги, голосъ смягчилъ и, ласковымъ словомъ придавъ имъ
Жару, крикнулъ: впередъ! Они понеслися, какъ вихри.
Царь Ритупернъ на бѣгъ ихъ смотрѣлъ съ нѣмымъ изумленьемъ.
Въ то же время, разслушавъ, сколь былъ таинственно-звученъ
Громъ колесницы, и видя, что вожжи со свистомъ и трескомъ
Били коней по бокамъ и, какъ молніи, быстро сверкали,
Думу глубокую думалъ Варшнея: откуда Вагука
Могъ получить такое искусство и кто онъ? Не самъ ли
Конней державнаго бога боговъ повелитель Метáлись?
Или онъ Наль, сокрывшій себя подъ личиной урода?
Налева образа нѣтъ здѣсь, но есть здѣсь Налева сила.
Кто же мнѣ правду откроетъ? Давно изъ древнихъ преданій
Вѣдаемъ мы, что земные цари, по волѣ судьбины,
Здѣсь на землѣ иногда превращенные, странствуютъ тайно.
Этотъ уродливый конюхъ не можетъ быть Налемъ великимъ;
Тотъ же, подъ кѣмъ, какъ гроза въ небесахъ, гремитъ колесница,
Кто онъ иной, какъ не Наль, мой великій владыка? Такъ думалъ,
Молча, Варшнея и въ бѣдномъ Вагукѣ угадывалъ Наля.

III.

Кони, безъ крыльевъ крылатые, властію Наля, какъ буря,
Мчались впередъ по горамъ, по доламъ, черезъ рѣки, потоки.
Вдругъ сорвалась съ головы Ритуперна повязка. Вагука,
Стой! онъ сказалъ, пускай Варшнея подастъ мнѣ повязку.
Поздно! отвѣтствовалъ Наль-Вагука, ужъ мы отскакали
Болѣе мили; оставимъ повязку. Царь изумился;
Вдругъ онъ увидѣлъ вдали Вибитаку, вѣтвисто-густою
Сѣнью покрытое дерево. Слушай, Вагука, сказалъ онъ,
Здѣсь на землѣ никто не имѣетъ всезнанья; въ искусствѣ
Править конями ты первый; зато мнѣ далося искусство
Счета, и знаю я тайну играть *навѣрное* въ кости.
Видишь ли тамъ вдалекѣ то вѣтвистое дерево? Много
Листьевъ на немъ и много плодовъ; но много ихъ также,
Съ вѣтвей упавшихъ, лежитъ на землѣ. Такъ знай же: упало
Листьевъ четыреста три и съ ними свалилось сто десять
Спѣлыхъ плодовъ: всѣхъ сучьевъ семь сотъ сорокъ девять; на сучьяхъ
Листьевъ осталося пять милліоновъ и восемь; плодовъ же
Тысяча триста пятнадцать созрѣвшихъ, восемьсотъ сорокъ

Три созрѣвающихъ, семьдесятъ восемь гнилыхъ. Хоть повѣрку
Сдѣлай, мой счетъ безъ малѣйшей ошибки. Въ эту минуту
Были они ужъ близъ дерева. Стойте, воскликнулъ Вагука,
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мнѣ
Прежде повѣрить, пока плодовъ и сучьевъ и листьевъ
Самъ не сочту я на деревѣ этомъ. Варшнея подержитъ
Вожжи, покуда я буду считать. Ритупернъ ужаснулся.
Что ты задумалъ, Вагука? сказалъ онъ, не время намъ медлить.
Но Вагука (былъ умыселъ свой у него) непремѣнно
Счетъ повѣрить хотѣлъ. Подожди, царю отвѣчалъ онъ;
Или — если ужъ такъ ты поспѣшенъ — прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будетъ конями
Править. На то Ритупернъ возразилъ, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: не упрямься, добрый Вагука; въ искусствѣ
Править конями тебѣ подобнаго нѣтъ, и въ Видарбу
Только съ тобою однимъ поспѣть намъ къ вечеру можно.
Я (самъ видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Долѣ меня; я сдѣлаю все въ твое угожденье,
Если только въ Видарбу доѣдемъ прежде, чѣмъ сядетъ
Солнце. Вагука, вмѣсто отвѣта, коней удержавши,
Съ козелъ сошелъ и началъ спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
Счетъ плодовъ безъ ошибки, сказалъ онъ царю Ритуперну.
Вотъ поглядимъ, не ошибся ль ты въ счетѣ сучьевъ и листьевъ?
Царь кипѣлъ нетерпѣньемъ. Будь же доволенъ, Вагука.
Развѣ мало тебѣ одного доказательства? — Мало,
Царь-государь, Вагука сказалъ, но если ты хочешь
Разомъ все кончить, то самъ объясни мнѣ, какъ могъ ты такъ много
Счесть въ такое короткое время? — Знай же, воскликнулъ
Царь (не отъ доброй души, а взбѣшенный упорствомъ Вагуки),
Я одаренъ могуществомъ счета и тайнымъ искусствомъ
Въ кости играть навѣрное. — Ежели такъ, то теперь же
То и другое мнѣ передай; въ замѣну искусство
Править конями получишь, сказалъ Вагука. — Согласенъ,
Съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ царь; и могущество счета и тайну
Въ кости играть я тебѣ отдаю; отъ тебя же, Вагука,
Даръ твой приму, какъ скоро пріѣдемъ въ Видарбу. Лишь только
Вымолвилъ слово свое Ритупернъ, какъ у Наля открылись
Очи и онъ всѣ вѣтви, плоды и листы Вибитаки
Разомъ могъ перечесть; и въ то же мгновенье, когда онъ
Данную силу въ себѣ ощутилъ, сокрытый дотолѣ
Въ сердцѣ его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымомъ, и мглою своей обхватилъ Вибитаку. При первомъ
Чувствѣ свободы Наль обезпамятѣлъ; скоро однако
Онъ очнулся, и, видя лицомъ къ лицу предъ собою
Злого врага своего, хотѣлъ проклясть нечестивца;
Но Кали возопилъ, поднявши руки смиренно:
Наль, воздержися отъ клятвы; уже довольно наказанъ
Былъ я проклятьемъ, въ минуту страданья твоею женою
Противъ меня изрѣченнымъ (хотя и былъ ей невѣдомъ

Общій вашъ врагъ). Съ тѣхъ поръ я,
замкнутый въ тебѣ, какъ въ темницѣ,
Столь же былъ горемъ богатъ, сколь ты
былъ радостью бѣденъ.
Мучимый ядомъ царя змѣинаго, денно и
ночно
Самъ я себя проклиналъ. Пощади же
меня, благодушный
Наль; я отнынѣ безсиленъ; отнынѣ
каждый, кто повѣсть
Бѣдственной жизни твоей прочитаетъ,
тебя прославляя,
Будетъ отъ козней моихъ огражденъ и
власти подобныхъ
Мнѣ зловредныхъ духовъ недоступенъ.
Смягченный молящимъ
Словомъ врага побѣжденнаго, Наль
воздержался отъ клятвы.
Самъ же Кали въ Вибитаку вселился и
полное жизни
Дерево мигомъ засохло. При чудѣ такомъ
изумился
Царь Ритупернъ (того же, что съ Налемъ
въ эту минуту
Дѣлалось, видѣть и слышать не могъ
онъ). Едва искуситель
Скрылся — отъ муки избавленный,
радостно блещущій, новой
Жизнію пламенный, вдвое могучій, сѣлъ
въ колесницу
Наль, и кони помчались; а опъ, упредивъ
ихъ, душою
Былъ ужъ въ Видарбѣ, тамъ, гдѣ была
Дамаянти, куда опъ
Съ сердцемъ, свободнымъ отъ зла, но
все еще бѣдный, бездомный
Царь, возвращался подъ видомъ чужимъ,
никому незнакомый.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы
достигнулъ
Царь Ритупернъ. Немедля о гостѣ
нежданомъ царь Бима
Былъ извѣщенъ, и, имъ приглашенный,
въ сіяньи вечернемъ
Въѣхалъ въ Видарбу владыка Айоды.
Какъ громъ отзывался
Стукъ колесницы его съ осьми сторонъ
небосклона,
Налевъ стукъ и Налевъ скокъ почуяли
тотчасъ
Налевы кони (которыхъ, еще до изгнанья
царева,
Къ Бимѣ съ дѣтьми сама Дамаянти
прислала);
Радостнымъ ржаньемъ, какъ будто при
Налѣ, они отвѣчали
Дружно на звукъ, имъ знакомый; и,
вслушавшись въ звукъ сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти
смутилась;
Что-то родное, бывалое, Налево въ вѣщее сердце
Вдругъ проникло—такъ и жена и кони
узнали
Разомъ Наля по стуку его колесницы.
И въ стойлахъ
Царскихъ слоны и на кровлѣ дворцовой
павлины, расширивъ
Радугой пышной хвосты, при этомъ
неслыханномъ стукѣ
Вдругъ встрепенулись; подняли хоботъ
слоны; закричали,
Вытянувъ шею, въ радостномъ страхѣ
павлины, какъ будто
Чуя грозы, обѣщающей дождь, приближенье. И съ райскимъ
Трепетомъ, вся обращенная въ слухъ,
про себя Дамаянти
Такъ говорила: мнѣ этотъ стукъ
колесницы и этотъ
Топотъ, тревожащій небо и землю, насквозь проникаютъ
Душу. Это Наль, мой владыка, Наль мой
желанный!
Если его я нынче жъ лицомъ къ лицу
не увижу,
Если нынче жъ въ сладкихъ объятіяхъ
Наля не буду,
Если это не онъ, столь чудно гремящій,
не свѣтлый
Наль, мой царь, мой спаситель; если
меня обмануло
Сердце, то болѣе жить мнѣ не должно;
и въ жаркое лоно

Пламени брошусь, чтобъ кончить тоску одинокія жизни.
О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась;
Страхъ одиночества, стыдъ нищеты, безпріютность, разлуки
Тяжкая боль—изъ сердца изглажено все; я не помню
Слова обиднаго, взгляда суроваго; помню одно лишь
Счастья святое любви, лишь его, избраннаго сердцемъ,
Радость души, благороднаго, кроткаго, сильнаго волей,
Тихаго нравомъ, разумомъ мудраго, сердцемъ младенца,
Наля, мою надежду, спасеніе, жизнь. Непрестанно
Думать о немъ и о прошлыхъ дняхъ неразлучности сладкой,
Думать о прелести взора его и улыбки, о сладкомъ
Голосѣ, нѣжныхъ рѣчахъ, и, всею душой погружаясь
Въ думу любви, быть розно съ нимъ, несказанно любимымъ—
Вотъ страданье, которому имени нѣтъ. Въ сокрушенныхъ
Мысляхъ такихъ Дамаянти сидѣла тогда на дворцовой
Верхней площадкѣ съ служанкой своей молодою Кезиной.
Вотъ и видятъ онѣ, что на дворъ широкій влетѣли
Кони, гремя и дымясь, съ колесницей; и въ той колесницѣ
Были трое: царь Ритупернъ, Вагука, Варшнея;
Гдѣ же Наль?.. Съ томительнымъ страхомъ глядитъ Дамаянти;
Видитъ царя; Варшнею потомъ узнаетъ; напослѣдокъ
Смотритъ на ихъ безобразнаго спутника—ей незнакомъ онъ.
Тою порой Ритупернъ сошелъ съ колесницы; Варшнея
Также; Вагука началъ разнуздывать коней; и въ это жъ
Время вышелъ и Бима гостю навстрѣчу. Другъ другу
Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали,
Что другъ другу сказать. Ритупернъ, осмотрясь, не примѣтилъ
Въ царскомъ дворцѣ ничего, что бъ канунъ означало большого
Праздника; онъ подумалъ: я былъ легковѣрно обманутъ
Ложною вѣстью; и Бимѣ сказалъ онъ: здравья и долгихъ
Лѣтъ тебѣ я желаю. Бима такимъ же привѣтнымъ
Словомъ отвѣтствовалъ. Что, потомъ онъ спросилъ, привело къ намъ,
Въ нашу столицу Видарбу, такого великаго гостя?
Слыша этотъ вопросъ и не видя нигдѣ никакого
Знака, чтобъ были другіе цари и царевичи въ царскомъ
Домѣ, владыка Айоды отвѣтствовалъ: видѣть хотѣлъ я,
Царь благодушный, тебя и, съ тобой познакомясь, провѣдать,
Все ли въ твоемъ благоденствуетъ царствѣ? Мудрому Бимѣ
Страннымъ отвѣтъ такой показался, и было ему непонятно,
Какъ могло прійти на умъ царю Ритуперну
Путь такой предпринять лишь за тѣмъ чтобъ провѣдать, здоровъ ли
Царь Видарбы, ему незнакомый. Тутъ есть, онъ подумалъ,
Вѣрно другая причина. Узнаемъ мы послѣ. И, руку
Ласково гостю подавши, сказалъ онъ: милости просимъ,
Царь Ритупернъ; мы рады весьма твоему посѣщенью.
Но ты усталъ; войди къ намъ въ палаты и тамъ успокойся;
Что ни прикажешь, все будетъ исполнено. Вмѣстѣ съ Варшнеей
Царь Ритупернъ вошелъ во дворецъ; а Вагука, отпрягши
Добрыхъ коней, отвелъ ихъ въ конюшню; потомъ, возвратяся,

Сѣлъ на прежнее мѣсто свое въ колесницѣ и скоро
Въ грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти
Сверху увидя, вздохнула глубоко. Ужель обманулось
Сердце мое? сказала она; но стукъ колесницы
Былъ мнѣ знакомый, былъ подлинно Налевъ... а Наля не вижу.
Или Варшнея искусство его перенялъ? Или открыли
Боги его царю Ритуперну? Такъ Дамаянти
Мучилась тяжкимъ сомнѣньемъ; вотъ, наконецъ, обратяся
Къ вѣрной Кезинѣ, служанкѣ своей, она ей сказала:

II.

Слушай, Кезина, поди и провѣдай, кто въ колесницѣ
Такъ угрюмо сидитъ одинъ, лицомъ некрасивый,
Руки короткія? Съ нимъ заведя разговоръ, постарайся
Выспросить, кто онъ? Меня подозрѣнье тревожитъ: не самъ ли
Наль таится подъ этимъ уродливымъ видомъ? Ты вотъ что
Сдѣлай: съ нимъ говоря, повтори, какъ будто случайно
Тѣ слова, которыя всюду браминамъ велѣла
Я повторять; увидишь, не дастъ ли какого отвѣта
Онъ на нихъ, и ежели дастъ, то все, что ни скажетъ,
Ты замѣть и мнѣ передай. Кезина къ Вагукѣ
Тотчасъ пошла; Дамаянти жъ, на прежнемъ мѣстѣ оставшись,
Сверху смотрѣла на нихъ. Кезина, приближась къ Вагукѣ,
Такъ сказала ему: благородные гости, будь въ добрый
Часъ вамъ пріѣздъ вашъ въ Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мнѣ приказала узнать, зачѣмъ вы здѣсь и откуда?—
Мы изъ Айоды, царю Ритуперну подвластнаго царства,
Такъ Вагука сказалъ. Узнавъ отъ брамина, что будетъ
Снова супруга себѣ выбирать Дамаянти, айодскій
Царь на своихъ быстроногихъ коняхъ, которыми правлю
Я, сюда прискакалъ, чтобъ явиться съ другими на выборъ.—
Ты не одинъ при царѣ; васъ двое; кто твой товарищъ?
Кто ты самъ, и откуда, и какъ къ царю Ритуперну
Въ службу вступилъ? — Мой товарищъ Варшнея, бывшій конюшій
Наля; меня называютъ Вагука; что я не красавецъ,
Это ты видишь; служу у царя на конюшнѣ, но могъ бы
Также служить и на кухнѣ, ибо я столь же искусенъ
Вкусную пищу готовить, какъ править конями.—Скажи жъ мнѣ,
Снова спросила Кезина его, не дошла ль до Варшнеи
Вѣсть какая о Налѣ? И самъ ты о немъ не слыхалъ ли?—
Налевыхъ бѣдныхъ дѣтей, Вагука сказалъ, проводивши
Къ дѣду и царскихъ коней оставивъ въ Видарбѣ, Варшнея
Въ службу вступилъ къ царю Ритуперну. Объ участи Наля
Онъ не знаетъ, и нѣтъ на землѣ никого, кто о ней бы
Что-нибудь зналъ; подъ видомъ чужимъ, въ невѣдомомъ мѣстѣ
Царь укрывается. Наль одинъ на свѣтѣ о Налѣ
Знаетъ, да та лишь одна, кто съ Налемъ *одно;* никому онъ,
Кромѣ ея, не открылъ своихъ таинственныхъ знаковъ.—
Но (сказала Кезина) браминъ, посѣтившій Айоду,
Встрѣтясь съ тобою, тебѣ повторилъ слова Дамаянти:
«Гдѣ ты, игрокъ? Куда убѣжалъ ты въ украденномъ платьѣ,

«Въ лѣсѣ покинувъ жену? Она, почернѣвши отъ зноя,
«Въ скудной одеждѣ, тобою обрѣзанной, ждетъ, чтобъ обратно
«Къ ней ты пришелъ; о тебѣ лишь тоскуетъ она, и ни разу
«Сна не вкусила съ тѣхъ поръ, какъ, себѣ на погибель, заснула
«Въ томъ лѣсу, гдѣ тобой такъ безжалостно брошена. То ли
«Ты обѣщалъ ей супружеской клятвой? Покровъ и защита
«Мужъ для жены; а ты что сдѣлалъ съ своею женою,
«Ты, величаемый мудрымъ, твердымъ, благимъ, благороднымъ?»
Помнишь ли, что на эти слова отвѣчалъ ты брамину?—
Весь поблѣднѣвъ, неподвижно смотрѣлъ на Кезину Вагука;
Долго, пронзенный внезапною болью любви, не имѣлъ онъ
Силы вымолвить слова; рыдающимъ голосомъ, очи,
Полныя слезъ, опустивъ, напослѣдокъ тихо сказалъ онъ:
«Въ бѣдности, въ горести терпятъ безропотно съ вѣрой смиренной
«Неба достойныя, долгу супружества вѣрныя жены;
«Сердце ихъ кроткое нѣжнымъ прощеніемъ мстить за обиду;
«Если въ безуміи всѣ свои радости, свѣтъ и усладу
«Жизни, разставшися съ вѣрной подругою, жалкій преступникъ
«Самъ уничтожить могъ; если, отчаянный, платья лишенный
«Хитрыми птицами, голодомъ мучимый, онъ удалился
«Тайно отъ спутницы, если онъ съ той поры денно и ночно
«Все по утраченной плачетъ и сѣтуетъ—доброй женою
«Будетъ оплаканъ онъ; чтобъ ей ни встрѣтилось доброе, злое,
«Нѣжному, вѣрному сердцу покажется горе не горемъ,
«Радость не радостью—будетъ лишь памятно бѣдствіе мужа,
«Тяжкой виной своей въ горѣ лишеннаго всякой отрады».
Съ этимъ словомъ вся Налева скорбь пробудилась въ Вагукѣ;
Онъ застоналъ и слезы изъ глазъ полилися. Кезина
Тотчасъ ушла, спѣша обо всемъ извѣстить Дамаянти.

III.

Это Наль (Дамаянти сказала въ слезахъ, съ замираньемъ
Сердца Кезину выслушавъ), это мой царь, мой владыка,
Въ видѣ чужомъ. Ты должна къ нему возвратиться, Кезина,
Снова. Вблизи притаись и внимательно слѣдуй за каждымъ
Шагомъ и взглядомъ его, не откроется ль въ томъ, что замѣтишь,
Признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро
Ужинъ начнетъ онъ готовить царю Ритуперну—смотри же,
Такъ устрой, чтобъ онъ ни воды, ни огня для варенья
Пищи не могъ получить, и замѣть потомъ, что начнетъ онъ
Дѣлать; и все другое, что въ немъ покажется чуднымъ,
Также мнѣ опиши. — Кезина пошла и, исполнивъ
Волю царицы, явилася къ ней съ своимъ донесеньемъ:
Нѣтъ! ни прежде видать не случалось, ни послѣ увидѣть
Мнѣ не случится того, что теперь предо мною сбылося;
Этотъ Вагука не просто земной человѣкъ; онъ съ богами
Въ явномъ союзѣ; ничто для него ни низко, ни тѣсно;
Къ низкимъ дверямъ подойдетъ—головы не наклонитъ, а сами
Двери надъ нимъ приподымутся; тѣсное мѣсто просторнымъ
Вдругъ при его приближеньи становится. Всякихъ припасовъ

Вмѣстѣ съ посудой царь Бима велѣлъ приготовить, чтобъ ужинъ
Онъ для царя Риτуперна сварилъ; но воды, какъ тобою
Было приказано, не дали; онъ того не замѣтилъ,
Только взглянулъ, и водой всѣ сосуды наполнились; такъ же
Онъ и огня подъ дрова попросить не подумалъ, а только
Взялъ соломы, и мигомъ сама собою солома
Вспыхнула. Много другого замѣтила я: безъ обжоги
Голой рукой разгребалъ онъ огонь; вода закипала,
Только-что къ ней онъ касался. Но чудо послѣднее болѣ
Всѣхъ другихъ изумило меня: засохшую розу
Онъ увидѣлъ; въ пыли она безъ листьевъ лежала;
Онъ ее поднялъ, взглянулъ на нее, и явилась живая
Роза въ рукѣ у него на мѣстѣ прежней, поблекшей.
Послѣ такого неслыханно-чуднаго дѣла, царица,
Я побѣжала немедля къ тебѣ.— Но уже Дамаянти
Болѣ сомнѣнья имѣть не могла, то явные были
Знаки Наля, то были дары, полученные въ самый день брака
Имъ отъ боговъ, и она ужъ, блаженствуя, видѣла сердцемъ
Наля желаннаго тамъ, гдѣ еще для очей былъ Вагука.
Сбѣгай опять ты къ нему, сказала Кезинѣ царица;
Запахъ отъ пищи, имъ приготовленной, чудно пріятенъ;
Хочется знать мнѣ, вкусна ли она? Попроси у Вагуки
Мяса жаркого кусокъ. Побѣжала Кезина къ Вагукѣ
Снова и скоро назадъ возвратилась съ дымящимся мясомъ.
Налевъ знакомый ей вкусъ Дамаянти узнала, отвѣдавъ
Мяса. Онъ здѣсь! онъ здѣсь! въ восхищеньи она повторяла
Мысленно; болѣ сомнѣнія нѣтъ. Но долго ль онъ будетъ
Свѣтлый свой образъ таить отъ жаждущихъ взоровъ и мучить
Бѣдное сердце мое нестерпимымъ желаньемъ свиданья?
Такъ сокрушаясь она, наконецъ, приказала Кезинѣ
Взять дѣтей и вывести ихъ изъ дворца, чтобъ Вагукѣ
Ихъ показать мимоходомъ. Лишь только Вагука увидѣлъ
Двухъ малютокъ, цвѣтущихъ дѣтей Дамаянти и Наля,
Столь давно потерявшихъ отца,—въ немъ душа загорѣлась;
Кинулся къ нимъ онъ навстрѣчу, по имени назвалъ обоихъ,
Къ сердцу прижалъ и заплакалъ и, долго-долго слезами
Ихъ обливая, отъ нихъ оторваться не могъ, но опомнясь,
Вдругъ отскочилъ и Кезинѣ сказалъ: я также имѣю
Двухъ дѣтей малолѣтнихъ, сына и дочь; совершенно
Съ этими сходны они, и давно я съ ними въ разлукѣ.
Вотъ отчего я и былъ такъ сильно встревоженъ ихъ встрѣчей;
Но, послушай, люди замѣтятъ, что часто ко мнѣ ты
Ходишь, и будетъ тебѣ отъ того безъ вины нареканье;
Съ миромъ отсюда поди и болѣ ко мнѣ не являйся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

Все, что было ей нужно, узнавъ, Дамаянти рѣшилась
Сдѣлать опытъ послѣдній, и матери вотъ что сказала:
Кликни Вагуку къ себѣ; я тайну эту открою;
Наль отысканъ; онъ здѣсь, я знаю, я вѣрю. Царица, согласно

Съ просьбою дочери, кликнуть велѣла Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей, царь съ трепетаніемъ тайнымъ
Сталъ, наконецъ, предъ лицомъ своей Дамаянти. Безгласенъ
Сдѣлался онъ, увидя ее, прелестную въ скорби,
Чистаго ангела радости въ платьѣ печальномъ вдовицы.
Сердцу его несказанный упрекъ, передъ нимъ Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взоръ на него устремивши.
Дай отвѣтъ мнѣ, Вагука—она напослѣдокъ сказала—
Зналъ ли ты вѣрнаго мужа, который былъ бы способенъ
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую съ твердой
Вѣрой въ защиту его, въ лѣсу беззащитную бросить,
Бросить одну, безъ одежды, безъ крова, безъ пищи, дотолѣ
Нѣжно любимую имъ и ничѣмъ, ни дѣломъ, ни словомъ
Ниже какимъ помышленьемъ предъ нимъ невиновную? Вотъ что
Сдѣлалъ со мною, Вагука, супругъ мой Наль Пуньялока.
Чѣмъ я его оскорбила? Чѣмъ могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Онъ предъ богами
Выбранъ былъ мной, предъ богами я съ нимъ сочеталась, и боги
Слышали клятву, имъ данную мнѣ, въ любви неизмѣнной.
Какъ же, Вагука, онъ могъ измѣнить своей Дамаянти,
Радостнымъ сердцемъ и горе, и бѣдность, и стыдъ, и изгнанье
Съ нимъ раздѣлившей, той измѣнить, которой сказалъ онъ,
Руку ей давъ предъ святымъ алтаремъ: «тебя я отнынѣ
Буду чтить и любить, защищать и питать, и съ тобою
Горе и радость, богатство и бѣдность и все неизмѣнно
Въ жизни дѣлить обѣщаюсь?» Вагука, скажи мнѣ, какъ могъ онъ
Такъ измѣниться, такъ все позабыть?— Сокрушенный и блѣдный
Слушалъ въ безмолвіи Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ея, свѣтозарныя звѣзды, были покрыты
Облакомъ скорби и быстрымъ ручьемъ сквозь густыя рѣсницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихимъ,
Трепетнымъ голосомъ Наль отвѣчалъ: что нишадское царство
Было проиграно Налемъ, не онъ въ томъ несчастный виновенъ:
Злобный Кали обезумилъ его, и имъ же, коварно
Вкравшимся въ сердце къ нему, очарованный Наль въ изступленьи
Спящую бросилъ тебя; когда же въ лѣсу ты—не зная,
Кто онъ — врага своего проклята, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владѣвшаго Налевымъ сердцемъ; и съ тѣхъ поръ
Адски страдалъ онъ, какъ въ пламени пламень горя, заключенный
Въ страждущемъ Налѣ, какъ въ мрачной тюрьмѣ. Отъ нечистаго духа
Наль избавленъ, и будетъ отъ всякой онъ клятвы свободенъ,
Если, увидясь съ женою, найдетъ, что ему сохранила
Вѣрность она и любовь. Теперь отвѣчай, Дамаянти,
Что онъ найдетъ? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты вѣрность?
По свѣту ходятъ гонцы отъ тебя и отвсюду сзываютъ
Новыхъ къ тебѣ жениховъ въ замѣну погибшаго Наля.
Вотъ что сюда привело и царя Риту перна, и самъ я,
Бѣдный конюшій Вагука, его конями былъ долженъ
Править, чтобъ могъ онъ поспѣть на счастливый выборъ. Услышавъ

Жалобы Наля, смиренно руки сложила и съ чистымъ
Взглядомъ небеснаго ангела, ангелъ земной, Дамаянти
Такъ отвѣчала: тебѣ ль, мой избранный, тебѣ ль, предпочтенный
Мною богамъ, меня оскорблять такимъ подозрѣньемъ?
Вѣдай: сама я послала брамина къ царю Рituперну
Съ ложною вѣсть о выборѣ новомъ въ Видарбѣ. Узнало
Сердце мое, что Вагука былъ ты, и невинный обманъ мой
Былъ удаченъ—ты мнѣ возвращенъ. И съ клятвою правды
Здѣсь, государь, прикасаясь къ колѣнамъ твоимъ, предъ тобою
Сердцемъ спокойнымъ, какъ будто предъ небомъ самимъ, говорю я:
Вѣрность къ тебѣ и любовь я во всей чистотѣ сохранила.
Вѣтеръ свободно играетъ, носясь по всему поднебесью;
Вѣдаетъ все онъ; пускай онъ моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Солнце въ высокомъ блаженствѣ сіяетъ, горитъ надъ водами,
Окомъ всевидящимъ ходитъ оно по всему поднебесью;
Пусть же, все видя, оно моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила;
Мѣсяцъ, свѣтило покоя, во мракѣ ночномъ замѣчаетъ
Тайное все въ небесахъ и тайное все въ поднебесьи,
Пусть же онъ, тайны всѣ зная, моимъ обвинителемъ будетъ,
Если я что, недостойное вѣрной жены, сотворила.
Пусть и небесныя силы, хранящія небо и землю,
Правду мою подтвердятъ иль смерть мнѣ пошлютъ за неправду.
Такъ вызывала и небо, и землю въ свидѣтели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вотъ ей откликнулся съ неба
Вѣтеръ и такъ свой отвѣтъ изъ пространства лазурнаго свѣжимъ
Словомъ провѣялъ: «какъ небо мое, чиста Дамаянти,
«Долгу вѣрна, въ любви неизмѣнна, слова ея правда;
«Вѣрь ей, и руку подай, какъ женѣ безпорочной; и будутъ
«Снова межъ вами союзъ и покой, и любовь, и согласье».
Вѣтеръ умолкнулъ и райской прохладой отвсюду повѣялъ
Воздухъ весны, и упали цвѣты дождемъ благовоннымъ
Съ неба при звукѣ воздушныхъ тимпановъ. Такимъ, несказанно
Чуднымъ свидѣтельствомъ Наль, исцѣленный отъ всѣхъ подозрѣній,
Вспомнилъ о томъ, что ему сказалъ царь-змѣй на прощаньи,
Въ данный имъ зеркальный щитъ поглядѣлъ и въ минуту явился
Прежнимъ Налемъ, и руки простеръ къ своей Дамаянти.
Съ крикомъ пронзительнымъ кинулась въ нихъ Дамаянти, и этотъ
Мигъ единый стократъ заплатилъ имъ за долгія муки.
Голову Наля прижавши къ своей цѣломудренной груди,
Въ сладкомъ забвеньи всего, въ упоеньи любви Дамаянти
Долго безгласна была; она, то сквозь слезъ улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то отъ избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завѣсу на нихъ, сочетавшихся снова
Дорого-купленнымъ бракомъ. Такъ, наконецъ, отдохнули
Вмѣстѣ они, до блаженства достигнувъ дорогой печали.

Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повѣсть о томъ, что розно другъ съ другомъ они претерпѣли,
Мыслей и чувствъ повѣренье, раздѣлъ и сліянье,
Все въ одномъ заключилося чувствѣ: *мы вмѣстѣ;* и память
Прошлыхъ бѣдъ настоящею радостью, свѣтомъ, отъ тѣни
Болѣе яркимъ, печальныя были веселымъ разсказомъ
Сдѣлалась. Такъ по долгой въ изгнаньи тоскѣ, возвратился
Наль къ Дамаянти, какъ солнце изъ зимняго, хладнаго знака
Въ знакъ весны возвращается; такъ Дамаянти, приникнувъ
Къ сердцу Наля, опять расцвѣла, какъ сіяющій вешнимъ
Цвѣтомъ садъ живѣй расцвѣтаетъ, дождемъ орошенный.
Тутъ пропѣли два соловья имъ пѣсню такую:

«Снова Дамаянти съ Налемъ неразлучна;
«Сердце вновь покойно, горе позабыто,
«Смолкнули желанья, такъ ликуетъ въ небѣ
«Ночь, когда ей свѣтитъ другъ желанный мѣсяцъ».

II.

Рано, лишь только что день занялся на востокѣ, царица
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вѣстью.
Наль возвратился, Бимѣ сказала она, Дамаянти
Съ мужемъ опять, и снова съ ними согласіе. Бима
Поднялъ брови, внезапною вѣстью такой изумленный.
Тутъ царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наля царя заманила въ Видарбу, какою
Выдумкой царь Ритупернъ былъ обманутъ. И ей, улыбаясь,
Бима отвѣтствовалъ кротко: я вашу женскую хитрость
Вамъ прощаю за то, что она удалась. Тутъ явился
Наль съ Дамаянти и съ ними ихъ дѣти. Приблизился къ тестю
Наль, Дамаянти приблизилась къ матери. Зятя, какъ сына,
Ласково принялъ царь благодушный Бима и нѣжнымъ
Взглядомъ поздравилъ дочь съ возвратившимся счастьемъ.
Скоро потомъ пришли и братья и подали руку
Налю и братски съ сестрой обнялися; потомъ отовсюду
Стали сходиться сродники, ближніе: вотъ напослѣдокъ
Вся Видарба наполнилась шумомъ торжественнымъ; домы
Въ пышныя ткани одѣлись; на кровляхъ явились знамена;
Площади, улицы всѣ закипѣли народомъ, и въ храмахъ
Жертвы зажглися. И вотъ, наконецъ, до царя Ритуперна
Слухъ дошелъ, что Вагука, конюхъ его, обратился
Въ Наля, что мужа нашла Дамаянти, что новаго дѣлать
Выбора ей не нужно. И царь Ритупернъ дружелюбно,
Къ Налю пришедши, сказалъ: поздравляю тебя, благородный
Царь нишадскій, съ благой перемѣной судьбы, съ возвращеньемъ
Прежняго вида и болѣ всего съ обрѣтеніемъ милой,
Вѣрной жены. И если я что неугодное сдѣлалъ,
Наль знаменитый, тебѣ тогда, какъ не въ образѣ царскомъ
Жилъ ты слугой у меня, то въ томъ виноватъ безъ вины я;
Тайны твоей я не зналъ и прошу у тебя извиненья.
Царь Ритупернъ,—отвѣтствовалъ Наль,—оскорбленья и тѣни
Я не видалъ отъ тебя; но когда бъ и обиженъ тобою
Былъ я, то Налю царю обидъ, нанесенныхъ Вагукѣ
Конюху, брать на себя неприлично. Тебя же давно я,

Царь Ритуперн, и чту, и люблю, какъ
царскаго брата.
Мнѣ благосклоннымъ ты былъ господи-
номъ, когда подъ твоею
Кровлею жилъ я слугою Вагукой, теперь
благосклоннымъ
Другомъ будь мнѣ, царю нишадскому Налю.
Ты видишь
Самъ, что Вагукѣ конюшимъ твоимъ ужъ
не быть: безъ сомнѣнья
Также захочетъ въ прежнюю службу всту-
пить и Варшнея.
Но въ убыткѣ ты, царь Ритуперн, не
останешься; даръ мой
Править конями тебѣ отдаю я рукою и
словомъ,
Такъ же, какъ самъ отъ тебя могущество
счета съ искусствомъ
Въ кости играть получилъ и нынѣ въ
Айоду ты столь же
Быстро пріѣдешь одинъ, сколь быстро
пріѣхалъ оттуда
Вмѣстѣ съ Вагукой въ Видарбу. А я
посмотрю, что удастся
Выиграть мнѣ съ искусствомъ, тобою мнѣ
даннымъ.—Другъ другу
Подали руку цари на любовь и союзъ;
и въ Айоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя
нетерпѣньемъ
Выиграть тронъ свой, также недолго остался
въ Видарбѣ.

III.

Мѣсяцъ проживши у тестя, съ избранной
дружиною храбрыхъ
Наль пошелъ, наконецъ, на свое нишад-
ское царство;
Самъ онъ сидѣлъ въ колесницѣ блестя-
щей; могучіе кони
Бѣшено прыгали, твердой рукѣ его по-
коряясь;
Слѣдомъ за нимъ шестнадцать слоновъ
боевыхъ съ крѣпостными
Башнями, полными ратниковъ, шли; за
слонами скакали
Конные, легкій отрядъ, пятьдесятъ копье-
носцевъ; за ними
Пѣшихъ дружина, пятьсотъ отборныхъ
стрѣлковъ. Не сражаться
Велъ ихъ Наль, а украсить свое всту-
пленье въ Нишаду.
Такъ снарядившись, царь на прощаньи
сказалъ Дамаянти:
Ты оставайся подъ кровлей отцовской,
покуда не ввелъ я
Новаго счастья въ нашъ домъ, и его отъ
врага не очистилъ,
Счастіе прежнее въ немъ истребившаго;
съ миромъ тогда ты
Въ нашу столицу съ дѣтьми возвратишься,
какъ на небо свѣтлый
День возвращается, темную ночь прогоняя;
живи же
Въ радости здѣсь, ожидая блаженной ми-
нуты возврата
Въ домъ семейный, на новое счастье, на
новую славу.
Взоромъ однимъ Дамаянти царю отвѣчала,
но въ этомъ
Взорѣ, полномъ небесной души, была ужъ
побѣда.
Быстрою бурею Наль полетѣлъ, и скоро
достигъ онъ
Въ грозномъ величіи царства, изъ коего
нѣкогда вышелъ
Бѣднымъ изгнанникомъ. Брату Пушкарѣ,
владѣвшему нынѣ
Бывшимъ престоломъ его, онъ сказалъ:
я тебя вызываю
Къ новой игрѣ; я поставлю на кости жену,
ты поставишь
Все нишадское царство—довольно ль съ
тебя? Но сначала
Сдѣлать мнѣ должно съ тобой уговоръ:
когда проиграешь
Ты—то все, чѣмъ владѣешь, будетъ моимъ,
надъ самой
Жизнью твоею буду я властенъ; когда жъ
проиграю
Я—то все, чѣмъ владѣю, возьмешь ты,
ежели можешь:
Знай напередъ, что тогда мы съ тобою
мечомъ разочтемся.
Полно же медлить; тебѣ по законамъ игры
мнѣ на вызовъ
Къ новой игрѣ отказать невозможно; и
властенъ теперь ты

Выбрать изъ двухъ любую игру: въ желѣзо иль въ кости.
Хочешь отвѣдать меча—выходи; я радъ поединку;
Царство, наслѣдье отцовъ, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили, силой
Должно умѣть намъ его возвратить; такъ учили насъ предки.
Часъ наступилъ; принимайся, Пушкара, за мечъ иль за кости.
Или тебѣ живому не быть, иль я Дамаянти
Съ жизнью тебѣ уступлю. — На этотъ вызовъ Пушкара
Такъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: готовъ я еще разъ съ тобою
Въ кости счастья отвѣдать; то будетъ игра роковая;
Горя съ тобой въ нищетѣ Дамаянти довольно терпѣла;
Власть и богатство со мною раздѣлитъ она и забудетъ
Прошлое скоро; а я и на тронѣ нишадскомъ всечасно
Думалъ объ ней, и ждалъ, что придешь ты; и вотъ напослѣдокъ
Ты пришелъ, и будетъ моей Дамаянти, и болѣ
Мнѣ ничего на землѣ желать не останется.—Этимъ
Дерзкимъ отвѣтомъ разгнѣванный, мечъ свой хулителю въ сердце
Чуть не вонзилъ въ запальчивости Наль, но, собой овладѣвши,
Онъ сказалъ, трепеща, и кипя, и сверкая: безумецъ,
Полно хвастать, играй: проиграешь, заплатишь. И кости
Брошены — все рѣшено: обратно нишадское царство
Съ первымъ ударомъ выигралъ Наль у Пушкары. Со смѣхомъ
Онъ, побѣдитель, взглянулъ на него, побѣжденнаго. Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которымъ
Думалъ владѣть ты, попрежнему стало моимъ и отнынѣ
Будетъ въ крѣпкихъ рукахъ: теперь межъ царемъ и межъ царствомъ
Третій никто не дерзнетъ протѣсниться. Мою жъ Дамаянти
Ты и во снѣ недостоинъ увидѣть; ты рабъ мой отнынѣ;
Такъ рѣшила судьба. Но слушай: не властью твоею
Нѣкогда былъ я низверженъ съ престола; Кали искуситель,
Врагъ мой, тебѣ помогалъ; ты объ этомъ не зналъ, безразсудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебѣ преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердіе неба
Вѣчно съ тобой и вражды да не будетъ межъ нами, Пушкара,
Братъ мой; живи, благоденствуя многіе, многіе годы.
Весь уничтоженный благостью брата, предъ нимъ на колѣна
Бросился, плача, Пушкара. О, Наль Пуньялока, да будетъ
Милость боговъ и всякое благо земное съ тобою!
Въ скромномъ удѣлѣ моемъ я, твой подданный, буду спокойнѣй
Жить, чѣмъ на тронѣ твоемъ, гдѣ покой мой основанъ
Былъ на ударѣ невѣрныхъ костей; и своими отнынѣ
Буду я столь же любимъ, сколь былъ ненавидимъ твоими.
Прежде однако очищу себя отъ вины омовеньемъ
Въ Гангесѣ грѣшнаго тѣла; въ его благодатныя волны
Брошу, проклявъ ихъ, враждебныя кости, которыми злые
Властвуютъ духи. А ты, сюда возвративъ Дамаянти
Въ блескѣ прекраснаго солнца, скажи ей, чтобъ гнѣва
Въ сердцѣ ко мнѣ не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищеннымъ въ опытѣ счастьемъ.

1846—1847.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ,

ЗАИМСТВОВАННАЯ

ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА (ШАХЪ-НАМЕ́).

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТѢ.

I.

Изъ книги царственной Ирана
Я повѣсть выпишу для васъ
О подвигахъ Рустема и Зораба.

Заря едва на небѣ занялася,
Когда Рустемъ, Ирана богатырь,
Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:
Мы на царя Афразіаба
Опять идемъ войною;
Мои сабульскія дружины
Готовы; завтра поведу
Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы всѣ Ирана
Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга
Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой мечъ,
Могучій конь мой Громъ
Безъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.
И на охоту собрался
Рустемъ; себя стянулъ широкимъ кушаком,
Колчанъ съ стрѣлами каленными
Закинулъ за спину, взялъ лукъ огромный,
Кинжалъ засунулъ за кушакъ
И Грома, сильнаго коня,
Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ
Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;
Рустемъ сѣлъ на коня и, не простившись дома
Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ въ путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почуявшій добычу,
Въ ту сторону, гдѣ за горами
Лежалъ Туранъ.
И, за́ горы перескакавъ, увидѣлъ
Онъ множество гуляющихъ онагрей;
Отъ радости его зардѣлись щеки;
И началъ онъ
Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ
Съ звѣрями дикими войну;
И, поваливъ ихъ болѣ десяти,
Сложилъ изъ хвороста костеръ,
Зажегъ его, потомъ, когда
Онъ въ жаркій уголь превратился,
Переломилъ большую ель,
И насадилъ
Огромнѣйшаго изъ онагрей
На этотъ вертелъ,
Который былъ въ его рукѣ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ
Сталъ поворачивать его тихонько,
Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагрь изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сѣлъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока запивая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говорѣ струистыхъ водъ,
Подъ вѣтвями густаго,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ,
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II.

Но вотъ, покуда спалъ
Глубокимъ сномъ Рустемъ,
А Громъ по бархатному полю
Гулялъ, травой медвяною питаясь—
Увидя, что такой могучій конь
На пажити заповѣдной Турана
Безъ сѣдока по волѣ бродитъ,
Толпой сбѣжались турки.
Замысля овладѣть конемъ,
Съ арканами къ нему они
Подкрались осторожно;
Но конь, арканъ почуя,
Какъ левъ, озлился,
И не заржалъ, а заревѣлъ;
И первому, кто руку на него
Осмѣлился поднять съ арканомъ,
Зубами голову отъ шеи оторвалъ,
А двухъ другихъ однимъ ударомъ
Копыта мертвыхъ повалилъ.
Но, наконецъ, его
Отвсюду обступили;
И мѣтко былъ арканъ ему на шею
Издалека́ накинутъ, и его
Опутали, и былъ онъ пересиленъ.
Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
Онъ не останется, немедленно вогнали
Его въ табунъ туранскихъ кобылицъ,
И разомъ былъ припущенъ Громъ
Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
Но лишь одна изъ нихъ
Плодъ отъ него желанный принесла.

III.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
Конѣ подумалъ; смотритъ, но коня
Нигдѣ не видитъ. Никогда
Онъ отъ него не убѣгалъ
Въ такую даль. Онъ свиснулъ, но на свистъ
Могучій не примчался конь
И не заржалъ издалека́.
Рустемъ, какъ бѣшеный, вскочилъ;
Весь лугъ широкій, вдоль и поперекъ,
Весь темный лѣсъ, кругомъ и на пролетъ,
Онъ обѣжалъ—напрасно; нѣтъ коня.
И въ горѣ возопилъ Рустемъ:
Мой вѣрный конь, мой славный Громъ,
Что безъ тебя начну я дѣлать?
Скакать, летать привыкши на тебѣ,
Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ латъ,
Какъ черепаха? Что же скажутъ турки,
Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?
Не можетъ быть, чтобъ ты, мой Громъ, меня
Покинулъ волею; тебя украли.
Конечно, хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
Напали на тебя; никто одинъ
Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время охать,
Рустемъ; иди пѣшкомъ, когда умѣлъ про-
Коня. И, конскую съ досадой сбрую [спать
Съ доспѣхами своими на плеча
Взваливши, онъ пошелъ, и скоро
Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
Его привелъ передъ закатомъ солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдругъ явился вдалекѣ
Среди равнины пышной,
Сіяющій въ лучахъ зари вечерней.

IV.

Рустемъ подумалъ: въ этомъ Семенгамѣ
Владычествуетъ царь, поперемѣнно другъ
Иль врагъ Ирана иль Турана;
Конечно, онъ бы и вдали
Рустема на конѣ узналъ;
Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
Теперь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
Они коня мнѣ волей иль неволей
Отыщутъ и меня почтутъ
Роскошнымъ угощеньемъ.
Такъ разсуждалъ съ собой онъ, подходя
Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ
Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
Они, къ рѣкѣ приблизившись, пропали
Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.
Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
Что въ Семенгамѣ великій богатырь
Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
Охотничалъ, и что, утративъ
На ихъ землѣ коня, идетъ онъ пѣшій.
Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого
На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,

Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтило,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣнцомъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.

V.

И царь сошелъ съ крыльца принять Ру-
Онъ поклонился и сказалъ: [стема.
Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?
Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и всѣ мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ. Рустему
Смиренная понравилася рѣчь;
Они, подумалъ онъ,
Передо мной робѣютъ.
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ
Тогда, какъ на твоемъ лугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубитъ мнѣ
Къ нему широкую дорогу.
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;
Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проведи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперь пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ.

VI.

Левъ мужества Рустемъ доволенъ былъ
Царя привѣтственною рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицомъ ве-
селымъ;
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, подчивалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,
И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струнъ, при сладкомъ пѣньи,
Младыя дѣвы,
Съ очами нѣжными газелъ,
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье
Сіяньемъ радости для всѣхъ, предъ нимъ
стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели,
И на подушкахъ пуховыхъ,
Подъ тонкой шелковою тканью,
Въ глубокій сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепетъ.

VII.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышался рѣчей пріятный шорохъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворилась дверь,

И факеловъ душистыхъ
Сіяньемъ спальня озарилась;
Рустемъ открылъ глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотомъ и жемчугами,
Стояла передъ нимъ,
Прекрасная, какъ дѣва рая;
За ней, держа въ рукахъ
Свѣтильники, стояли
Ея рабыни молодыя;
Краса живая легкой Пери
Съ краснѣющей стыдливостію дѣвы
Сливались на ея лицѣ,
Гдѣ лилій бѣлизну
Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
Но было на ея
Застѣнчиво потупленныя очи
Опущено рѣсницъ густое покрывало,
И за рубиновымъ замкомъ
Ея цвѣтущихъ, свѣжихъ устъ
Скрывалась дѣвственная тайна.
Рустемъ вскочилъ, нежданымъ изумлен-
Видѣньемъ. Кто ты? онъ спросилъ; [ный
Зачѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою?—
Я дочь царя, меня зовутъ Темина,
Пришелица ночная отвѣчала.
Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый вѣтеръ горный
Меня догнать не могутъ;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьмѣ глубокой ночи
Передъ тебя, мой витязь, привела.
Какъ чудное преданье старины,
Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повѣсть
О храбрости твоей великой;
О томъ, какъ не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, какъ всего
Ирана ты надежная твердыня,
Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
Какъ на Туранскую ты землю
Ночной порою выѣзжаешь
На боевомъ своемъ конѣ,
И, обскакавъ ее и вдоль и поперекъ,
Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
Не смѣетъ сонъ глубокій твой нарушить.
Такую повѣсть о тебѣ
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидѣть;
Теперь увидѣла, и быть твоей женой
Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселѣ
Ни тайный мѣсяца, ни яркій солнца лучъ
До моего не прикасались тѣла;
Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей про-
стотѣ
Я расцвѣла; и только въ этотъ мигъ
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустемъ;
Въ приданое твердынный этотъ замокъ
Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ.
Такъ свѣтлоликая царевна говорила.
И витязь слушалъ со вниманьемъ,
И не сводилъ съ нея очей;
Онъ разумомъ ея высокимъ,
И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
И красотой полувоздушной
Во глубинѣ души плѣнялся.
Когда жъ царевна замолчала,
Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
Одинъ изъ многомудрыхъ
Мобедовъ царскихъ
Пошелъ къ царю и отъ Рустема
Потребовалъ согласія на бракъ
Его съ царевною Теминой.
Былъ изумленъ владыка Семенгама
Такимъ нежданнымъ предложеньемъ,
И голову отъ радости высокой
Высокимъ кедромъ поднялъ;
Онъ не замедлилъ согласиться;
И тутъ же бракомъ сочетался
Рустемъ съ царевною Теминой;
Но бракъ ихъ совершенъ былъ тайно:
Страшился царь, чтобы, воюя
Съ Ираномъ, въ злобѣ на Рустема,
Афразіабъ не сокрушилъ
Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Изъ объятій
Младой супруги вырвался Рустемъ.
Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
И, давъ ее Теминѣ,
Сказалъ: теперь намъ должно разлучиться;
Меня въ Сабулѣ ждутъ
Готовыя въ походъ мои дружины;

А ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына,
Пусть носитъ онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукѣ;
Когда жъ онъ возмужаетъ,
Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ;
Но вѣдай напередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я—
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвенья,
И непримѣченный отцомъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моей повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ—
Насъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ
Мнѣ отъ тебя принесть мой даръ завѣтный;
Лишь ею онъ получитъ право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости.—И онъ, къ горячей груди
Прижавъ супругу молодую,
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ланиты, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Былъ оторваться. Обливаясь
Слезами, отъ него она
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдовѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало,
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Пріятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадованъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ
И осѣдлалъ; потомъ изъ Семенгама
Поѣхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Систанъ, потомъ въ Сабулистанъ;
И много о своемъ онъ думалъ приключеньи,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ЗОРАБЪ.

I.

Пора пришла—и у Темины
Родился сынъ, прекрасный,
Какъ мѣсяцъ. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать, и со слезами
Имъ любовалась: онъ былъ вылитый Рустемъ.
Она его Зорабомъ назвала,
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь пеклася.
И дивное созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ;
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ такъ чудно,
Что въ первый мѣсяцъ ужъ казался годовымъ;
Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на конѣ;
Шести лѣтъ былъ могучъ, какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свершилось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ
Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Желѣзножилистыя руки,
И ноги, крѣпкія, какъ кедры.
Бороться ль кто съ нимъ покушался—
Его онъ вмигъ сгибалъ въ дугу;
На львиную ль охоту выходилъ—
Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей;
Шаталъ ли дубъ иль кедръ—
Въ его рукахъ они, какъ хлыстья, гнулись:
Гнался ли за конемъ—его,
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣна конь:
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

II.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ
И такъ ей дерзко говоритъ:
На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я
Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,

Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу,
Да и тебѣ добра не будетъ.—
Темина съ гордостью и страхомъ отвѣчала:
Мой сынъ, твое рожденье
Донынѣ было тайной;
Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
Ты дѣдовъ знаменитыхъ внукъ;
И нѣтъ земныхъ величій,
Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
Сіяньемъ дѣлъ своихъ великихъ.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
Отецъ твой на прощаньи.
Когда къ нему дойдетъ молва,
Что ты достоинъ быть имъ признанъ,
Онъ позоветъ тебя въ Иранъ,
И по своей повязкѣ тамъ узнаетъ.
Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, какъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Тебя неславнаго ни знать,
Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
Не по своей породѣ знаменитой,
Не по его повязкѣ золотой
Ты будешь имъ за сына признанъ;
Васъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
Принесть отцу его залогъ завѣтный,
Лишь ею ты получишь право
Сказать въ лицо Рустему: я твой сынъ.
Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье.

III.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
Кто скроетъ въ небесахъ
Сіяющее солнце?
Кто скроетъ на землѣ
Своей породы славу?
Зачѣмъ о ней такъ поздно свѣдалъ я?
До сихъ поръ ежечасно
И встрѣчный мнѣ и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустемѣ—
Кто исполина одолѣлъ?
Кто замокъ разорилъ волшебный?
Кто войско разогналъ одинъ?
На каждый мнѣ такой вопросъ
Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.
Во мнѣ отъ изумленья
И ревности кипѣло сердце;
А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не [вѣдалъ.
Но знай теперь: изъ Семенгама
И изъ туранскихъ областей
Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
И мы пойдемъ войною на Иранъ;
И битва будетъ тамъ такая,
Что пылью мѣсяцъ въ высотѣ
Задернется, какъ темной тучей;
Съ иранскаго престола
Сгоню я шаха Кейкавуса;
И подарю Иранъ Рустему;
Потомъ пойду войною на Туранъ,
И будешь ты царицею Турана.
Такъ онъ сказалъ, и гордо удалился.
И никому онъ своего
Рожденья не открылъ:
Невѣдомая сила
Ему уста сжимала всякой разъ,
Когда была готова
Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
Какъ будто самъ отецъ ему шепталъ:
«Лишь славой ты получишь право
«Сказать въ лицо мнѣ: я твой сынъ».

IV

И скоро, къ матери опять пришедши,
Сказалъ Зорабъ: я самъ готовъ,
Но у меня коня нѣтъ боеваго;
Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
Копыта въ крошки разбивать,
Чтобъ былъ могучъ, какъ слонъ, легокъ, какъ птица,
Чтобы въ водѣ проворной рыбой плавалъ
И серной прыгалъ по горамъ,
Чтобъ и коня и сѣдока
Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой [груди,
И чтобъ, сидя на немъ,
Я не лицомъ къ лицу,
А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу.
При этомъ словѣ радостная гордость
Зажглася въ материнскомъ сердцѣ;
Она немедленно велѣла

Пригнать изъ табуновъ Турана
Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
Найти желаннаго межъ ними.
И было пригнано ихъ много;
И всѣхъ ихъ на̀ полѣ широкомъ
Передъ стѣнами Семенгама
Свели въ одинъ безчисленный табунъ;
Всѣ были дикіе, какъ вихри.
И началъ ихъ Зорабъ перебирать:
Онъ каждаго, который межъ другими
Казался легче и сильнѣй,
Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
И на спину ему клалъ руку—и однимъ
Руки желѣзныя давленьемъ
Былъ каждый вмигъ къ землѣ притиснутъ;
И въ цѣломъ табунѣ Зорабъ
Ни одного не выбралъ по желанью.

V.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старый витязь
И такъ сказалъ: я дамъ тебѣ коня,
Какого не бывало
До сей поры нигдѣ.
Онъ родился отъ Грома,
Коня Рустемова; какъ буря, силенъ;
Какъ молнія, летучъ;
Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза;
Широкій долъ, высокій холмъ
Онъ тѣнью облака перебѣгаетъ;
Безкрылой птицею по воздуху летитъ;
Въ стыдѣ павлинъ сжимаетъ пышный хвостъ,
Когда густую онъ разбра̀сываетъ гриву;
Онъ прыткій левъ—когда на круть бѣжитъ;
Онъ сильный китъ—когда въ водѣ плыветъ;
Ѣздокъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы [скорѣе
На немъ домчится до врага;
Его жъ бѣгущаго быстрѣйшей
Стрѣлою не догонитъ врагъ;
Онъ чудо-конь; но есть въ немъ и великій
Порокъ: онъ въ руки не дается.
Кому жъ его удастся укротить,
Тотъ выѣзжай на немъ хоть на Рустема.
Такой находкою нежданой
Обрадованъ Зорабъ былъ несказанно.
Скорѣй, скорѣй—онъ закричалъ—ведите
Ко мнѣ коня. И конь былъ приведенъ.
Ему Зорабъ давнулъ рукою спину
И грянулъ въ голову его
Своимъ тяжелымъ кулакомъ—
Могучій конь не пошатнулся,
Лишь, шею вытянувъ, сверкнулъ
Глазами, прянулъ на дыбы
И такъ заржалъ,
Что съ нимъ окрестность вся заржала.
Зорабъ сталъ гладить и трепать
Его, какъ шелкъ, блистающую спину—
И конь недвижимо стоялъ,
Лишь окомъ огненнымъ на витязя ко- [сился.
И на него вскочилъ Зорабъ,
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихремъ полетѣлъ;
Зорабъ же на его спинѣ сидѣлъ такъ крѣпко,
Какъ на конѣ сидитъ желѣзномъ,
Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный истуканъ.
Конь, наконецъ, подъ сильнымъ сѣдокомъ
Усталъ; его дымились ноздри,
Съ него катился пѣнный потъ.
Тогда Зорабъ сказалъ ему, разгладивъ
Его разбросанную гриву:
Мой добрый конь, теперь намъ міръ
Теперь не будетъ стыдно [открытъ:
И на глаза Рустему намъ явиться.

VI.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ снаряжаться.
Когда жъ о томъ провѣдали въ Туранѣ,
Безчисленно къ нему сходиться стали
Охотники; для нихъ его желанье было,
Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
Давно Туранъ не враждовалъ съ Ираномъ,
Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой,
И всѣ кипѣли жаркой жаждой
Войны, побѣды и добычи;
Изъ пепла вдругъ великій вспыхнулъ пламень.
Зорабъ приходитъ къ дѣду своему
И говоритъ: есть люди у меня—
Но нѣтъ у нихъ оружій;
Коня я добраго нашелъ—
Мои же люди всѣ безконны;
Итти въ походъ готовы мы—
Но вьючныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
Чтобъ тяжкій грузъ нести за нами;
Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
Въ досужное отъ боя время—

Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
Благоволи твои намъ отпереть
Конюшни, хлѣбные анбары
И оружейную палату, гдѣ напрасно
Съѣдаетъ ржа мечи и брони.
И дѣду старому по сердцу
Была такая рѣчь отъ внука;
Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
И онъ сказалъ, съ усмѣшкой, про себя:
Необычайный выбралъ способъ
Отца отыскивать мой внукъ!
Его онъ взять намѣренъ съ боя.
И всѣмъ снабдить Зораба царь спѣшитъ:
Анбары хлѣбные отворены;
Для ратниковъ, верблюдовъ и коней
Запасъ пшена, ячменя и овса
Огромный собранъ; дѣдъ не поскупился
Своей серебряной и золотой казною [также
Со внукомъ подѣлиться;
И оружейную палату отперъ онъ,
И далъ на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрѣлами полные колчаны,
Тугіе луки, топоры,
Въ серебряной оправѣ ятаганы,
Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
И палицы съ желѣзными шипами,
И копья длинныя съ булатнымъ остріемъ.
Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
Зорабъ сказалъ: вотъ все, что я теперь
Чего жъ не достанетъ, [имѣю;
То мы дополнимъ скоро
Добычей боевою;
Когда возьмемъ Иранъ,
Я всѣхъ васъ съ ногъ до головы
Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю.

VII.

Турана царь Афразіабъ
Услышалъ, что съ гнѣзда слетѣлъ орленокъ смѣлый,
Что отроку-богатырю наскучилъ
Покой безпечный дѣтскихъ лѣтъ,
Что первый пухъ едва пробился
На подбородкѣ у него—
А ужъ ему въ пространномъ мірѣ тѣсно;
Что молоко обсохнуть не успѣло
На молодыхъ его губахъ—
А ужъ на нихъ звучитъ, какъ въ небѣ громъ,
Тревожный крикъ, зовущій на войну;
Что онъ замыслилъ Кейкавусовъ
Тронъ опрокинуть и Иранъ
Своимъ толпамъ предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь въ землю топнуть,
И изъ земли вдругъ выскочило войско;
Что, наконецъ, молва есть, будто онъ
Рустемовъ сынъ, и будто отъ коня
Рустемова и конь его родился.
Афразіабъ, Турана царь, бровей
Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
И, размышляя, улыбался:
И напослѣдокъ повелѣлъ,
Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
Къ нему явился. Баруману
Онъ такъ сказалъ: возьми двѣнадцать [тысячъ
Отборныхъ ратниковъ моихъ,
И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
Но слушай (что жъ услышишь,
То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый
Во гробѣ, тайное лежитъ), [трупъ
Отдавъ ему мое письмо,
Его увѣрь, что съ нимъ Афразіабъ
На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
Раздуй въ немъ пламень боя,
Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
Онъ устремился на Иранъ:
Но берегись—отнюдь не допускай
Его увидѣться съ Рустемомъ;
Чтобы никто и имени Рустема
При немъ не смѣлъ произнести.
Не знаю я, отецъ ли
Ему Рустемъ иль нѣтъ, но оба
Они мнѣ злѣйшіе враги;
И ихъ стравить намъ должно, какъ звѣрей.
Легко случиться можетъ,
Что грозный, устарѣлый левъ
Подъ сильной лапой молодого,
Растерзанный, издохнетъ—
Тогда Иранъ смирится передъ нами,
И Кейкавусъ не усидитъ на тронѣ;
Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтобъ пересталъ
Онъ съ жадностью звѣриной
Смотрѣть на царскіе престолы.
Извѣстно мнѣ: ему Турана мало;
И на Туранъ свои остритъ онъ когти.

И если подлинно онъ сынъ Рустема,
То пусть волченокъ молодой
Заѣденъ будетъ старымъ волкомъ;
Тогда и старый пропадетъ,
Какъ пропадаетъ, изсыхая
И тяжкимъ иломъ застилаясь,
Вода въ степномъ, оставленномъ колодцѣ.
Такъ говорилъ Афразіабъ;
Потомъ онъ Баруману
Вручилъ письмо къ Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ:
Не славы, а безславья ждалъ
Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
Былъ сына храбраго на храбраго отца
Обманомъ хитрымъ наводить,
Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

VIII.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ,
Къ нему, съ письмомъ, съ дарами, съ войскомъ, Афразіабомъ посланный, идетъ,
Немедленно, вооружась,
Къ нему онъ выѣхалъ на встрѣчу.
Какъ удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружіемъ блестящаго, увидѣлъ!
Какъ удивился Баруманъ,
Когда предсталъ глазамъ его такой
Красавецъ съ ростомъ великана,
Съ весенней свѣжестью младенца,
Съ горячимъ юноши кипѣньемъ,
Съ желѣзной твердостію мужа!
Онъ на него внимательно смотрѣлъ:
Онъ изумленъ былъ несказанно,
Онъ чувствовалъ невольный трепетъ,
Въ немъ громко вопіяла жалость
При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣтущей.
И про себя подумалъ старый витязь:
О ты, прекрасная звѣзда,
Тебѣ сіять бы въ чистомъ небѣ,
Не заходя, не померкая;
Достоинъ ты, мой свѣтлый воннъ,
Чтобъ былъ орлиный твой полетъ
Совѣтомъ мудрости направленъ,
А не предательствомъ змѣинымъ.
И, подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ
Ему письмо Афразіаба.
Прочтя письмо, Зорабъ поспѣшно собралъ
Свои туранскія дружины,
И, Баруману повелѣвъ
Для отдыха остаться
Дни на два въ Семенгамѣ,
Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно:
Туранъ, за мной! При этомъ кликѣ
Всё разомъ всколебалось,
Знамена развернулись,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины;
И быстро полилась война
Съ убійствомъ, грабежомъ, пожаромъ
На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ХЕДЖИРЪ и ГУРДАФЕРИДЪ.

I.

На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость *Бѣлый замокъ;*
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
Сосѣдняго врага,
И ею два повелѣвали
Вождя; одинъ изъ тѣхъ вождей
Былъ старый Гездехѣмъ,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджиръ, наѣзникъ молодой.
Рачитель дѣла боеваго.
И съ Гездехемомъ находилась въ замкѣ
Его младая дочь,
По имени Гурдаферидъ,
Что значитъ: *витязь безъ порока;*
И на такое имя
Она имѣла право:
Прекрасная, какъ дѣвственная Перп,
Она была сильна, какъ богатырь;
Хеджиръ напрасно
Ей рыцарствомъ понравиться хотѣлъ—
Она ему ристаньемъ на конѣ,
И мѣткою стрѣльбой изъ лука,
И ловкостью владѣть мечомъ
Была равна; а мужественнымъ дѣломъ
Противъ врага предъ нею отличиться
Не могъ онъ—не было врага.
Но вдругъ съ высокой башни замка

Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ
Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепеталъ отъ радости Хеджиръ.
Двойная будетъ мнѣ побѣда,
Подумалъ онъ: одна—тамъ въ полѣ надъ врагомъ,
Другая—здѣсь надъ дѣвою надменной.
И онъ, надѣвъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія туранскія дружины;
И вслѣдъ за нимъ съ ограды замка
Завистливымъ стремится окомъ
Звѣзда красы Гурдаферидъ.

II.

И быстро подскакавъ къ туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, копья иль булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ наводить.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежѣ Ирана первый
Въ сраженье выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ, разгнѣванный, схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,
Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прянулъ,
И закричалъ Хеджиру: выходи;
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лисицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темины
И многославнаго Рустема;
Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцомъ;
По славѣ дѣлъ Рустемъ узнаетъ сына.
Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
Но вѣдать напередъ ты долженъ,
Что въ замокъ свой ужъ ты не возвратишься:
Тебя оплачетъ скоро мать,
Или жена, или невѣста.

III.

Не хвастай, подождемъ конца—
Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу—
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ Замкомъ,
И мнѣ товарищъ мудрый Гездехемъ.
А ты смотри, тамъ въ высотѣ
Два черныхъ ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будетъ имъ добыча;
Тобой насытивъ жадный голодъ,
На сѣверъ полетитъ одинъ,
На полдень полетитъ другой,
На сѣверъ къ твоему отцу,
На полдень къ матери твоей,
И имъ они за угощенье
Прокаркаютъ свое спасибо;
Не догадается отецъ,
А мать начнетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды замка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славой и утѣхой будетъ.
Такъ говоря, на Бѣлый Замокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Издалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ.
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной
Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,
И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: если въ Бѣломъ Замкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простись съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступишь.

IV.

Опомнясь, другъ на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бѣшено за копья,
И, разскакавшись, съ быстротою

Двухъ страшныхъ молній полетѣли
Одинъ противъ другаго. Острый
Конецъ копья Хеджиръ направилъ
На грудь Зораба, чтобъ ее
Насквозь имъ проколоть;
Но остріе переломилось,
Ударясь въ твердую кольчугу;
Зорабъ не пошатнулся.
Тогда свое копье
Тупымъ концомъ оборотивъ,
Его онъ, какъ рычагъ,
Между конемъ и всадникомъ просунулъ,
Имъ сильно двинулъ—и Хеджиръ,
Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взброшенъ
На воздухъ, грянулся на землю,
Какъ камень, и паденьемъ былъ
Такъ сильно оглушенъ,
Что на землѣ, какъ мертвый,
Лежалъ недвижимо, утративъ
Изъ памяти и бой, и замокъ, и Зораба,
И самое Гурдаферидъ.
Зорабъ скочилъ съ коня и обнажилъ
Свою кривую саблю,
Чтобъ голову отсѣчь врагу;
Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
И, на руку опершись слабо,
Къ сопернику другую протянулъ,
И такъ сказалъ:
Будь жалостливъ, не убивай;
Ужъ я убитъ довольно
Стыдомъ, которымъ ты меня
Сразилъ передъ стѣнами замка.
Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
Надменная торжествовать!
Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
Своею саблей отсѣкать
Мнѣ голову—ты жизнь мою пресѣкъ:
Гурдаферидъ ужъ болѣ не моя;
Отнынѣ ты мой повелитель.

V.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
Молящаго о милости врага
Онъ былъ не въ силахъ умертвить:
И онъ подумалъ: этотъ плѣнникъ
Мнѣ плѣнниковъ другихъ добыть поможетъ;
Онъ въ замокъ мнѣ отворитъ входъ;
Укажетъ въ полѣ мнѣ Рустема.
И онъ, связавъ Хеджира,
Его съ собой повелъ въ туранскій станъ,
Куда въ тотъ самый часъ вводилъ
Свои дружины Баруманъ,
Поспѣшно вышедшій изъ Семенгама,
Чтобъ, волю шаха исполняя,
Не выпускать изъ глазъ Зораба.
И первой встрѣчей Баруману
Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ
Огромности и крѣпости врага,
Обрадованъ и изумленъ
Былъ несказанно старый воинъ;
Но онъ глаза потупилъ въ землю,
Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье
При мысли, что назначенъ былъ
Прекрасной доблести такой
Предательствомъ готовить гибель.
А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
Всего собравшагося войска,
Которое, увидя, какъ могучъ
Былъ витязь побѣжденный,
Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
Побѣдоносца молодаго,
Зорабъ задумчиво-безмолвный
На боевомъ своемъ конѣ,
Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
Онъ думалъ объ отцѣ Рустемѣ,
Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
Чего ему не назначало небо.

VI.

Турецкій станъ былъ полонъ ликованья,
А въ Бѣломъ Замкѣ вопли раздавались:
Одна Гурдаферидъ безмолвно
Стояла на стѣнѣ высокой;
Она съ прискорбіемъ смотрѣла
На мѣсто, гдѣ иранскій витязь
Былъ осрамленъ копьемъ Турана.
О стыдъ! воскликнула она,
Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ мужемъ—
И первый встрѣчный сбилъ тебя съ сѣдла;
Конечно, своего копья
Не отточилъ ты, своему
Коню подпругъ не подтянулъ.
Могла довольно бы теперь
Я надъ тобою посмѣяться;
Но вытерпѣть я не могу,

Чтобъ врагъ смѣялся надъ тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Что былъ имъ съ одного удара
Нашъ первый витязь опрокинутъ.
За женщинъ онъ сочтетъ мужей Ирана—
Пускай же въ женщинѣ теперь узнаетъ
Я видѣла отсюда, [мужа.
Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боеваго,
Побѣдой свѣтелъ, красотою
Свѣтлѣе утренней звѣзды;
На замокъ онъ плѣнительнымъ лицомъ
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрѣлъ..
Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
Какимъ вдали мнѣ показался.
И со стѣны Гурдаферидъ
Сошла поспѣшнымъ шагомъ,
И выбрала въ отцовой оружейной
Доспѣхи: локоны густые
Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
Индѣйское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный станъ
Перетянула кушакомъ,
И, съ головы до ногъ
Вооруженная, вскочила
На легкаго коня,
И, не простясь съ отцомъ,
Изъ замка въ поле поскакала.

VII.

Съ копьемъ въ рукѣ наѣздница младая,
Передъ туранскій станъ примчавшись,
Воскликнула: пришельцы, кто вы?
Кто вождь вашъ? Я хочу отмстить
За обезславленнаго друга;
Я въ бой зову того, кто въ плѣнъ увелъ
Хеджира;
А если онъ робѣетъ, пусть выходятъ
Другіе за него. Туранъ не думай,
Что, одолѣвъ случайно одного,
Ужъ всѣхъ онъ одолѣлъ въ Иранѣ.
Сюда, обидчикъ нашей чести!
Своею кровью обагрянить
Ты долженъ блѣдный стыдъ Хеджира;
Я жду тебя.—Услышанъ былъ
Въ туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
И кинулись охотники толпою
Къ конямъ; но ихъ Зорабъ предупредилъ;
Онъ, выскакавъ впередъ, воскликнулъ:
Не трогайся никто; я началъ, я и кончу.
И быстро онъ впередъ помчался
При кликахъ громозвучныхъ стана.
На выстрѣлъ изъ лука приближась
Къ противнику, Зорабъ остановился
И взоръ на крѣпость устремилъ:
Онъ уповалъ, что дѣву замка
Опять увидитъ на оградѣ;
Но онъ ошибся, на оградѣ
Ея ужъ не было—она
Стояла передъ нимъ,
И онъ того не вѣдалъ.
Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
Подумала: мой врагъ опасенъ;
Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ.
И на своемъ конѣ летучемъ
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она предъ нимъ, какъ ласточка, летала,
Была и тамъ и тутъ, и всюду и нигдѣ;
А, той порою съ тетивы
Ея тугаго лука
Стрѣла слетала за стрѣлою,
И ими былъ весь твердый панцырь
Зорабовъ исцарапанъ,
И много ихъ въ щитѣ его торчало.
Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю,
Но, мнилось, былъ неистощимъ
Колчанъ наѣздницы; какъ частый дождикъ,
Ея лилися стрѣлы;
И, наконецъ, Зорабъ, терпѣнье потерявъ,
Воскликнулъ: скоро ль дѣтскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться намъ
За мужеское дѣло.
Я вижу, что своимъ досугомъ
Умѣли вы воспользоваться, персы;
Остро свои вы стрѣлы наточили—
Но объ туранскій крѣпкій панцырь
Ломается ихъ остріе.
Оставь же, другъ, напрасную заботу—
Изъ своего улья довольно
Ты пчелокъ выслалъ на меня,
Но меду здѣсь онѣ не соберутъ;
Убить своей стрѣлой ты можешь
Лѣсную пташку, много цаплю;
Но грифа сильнаго тебѣ не застрѣлить;
И такъ уймись и, если ты
Не женщина, то подъѣзжай
И бейся мужески со мною.

VIII.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
Закинула свой лукъ Гурдаферидъ,
И поскакала на Зораба,
Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;
Не дѣвичій ударъ почувствовалъ бы витязь,
Когда бъ съ конемъ не отшатнулся—
Копье пронзило воздухъ.
Тогда, свое копье оборотивъ,
Зорабъ его тупой конецъ
(Къ которому привинченъ
Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный)
За поясъ всадницы проворно запустилъ,
И вмигъ, какъ легкій пухъ,
Она слетѣла бы съ сѣдла,
Когда бы выхватить свой мечъ
И имъ перерубить копье
Однимъ ударомъ не успѣла;
И снова на сѣдло упала
Она такъ плотно, что съ него
Взвилась густая пыль: тутъ поняла
Гурдаферидъ, что не по силѣ ей
Соперникъ, стиснула колѣнами коня
И поскакала къ замку.
Зорабъ за ней; ужъ былъ онъ близко;
Ужъ слышала Гурдаферидъ,
Вблизи коня желѣзный топотъ
Ужъ обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тутъ вдругъ она оборотилась
И сбросила съ прекрасной головы
Желѣзный шлемъ въ надеждѣ побѣдить
Не силой мужеской меча, [вѣрнѣе
А дѣвственнымъ волшебствомъ красоты.
И на лицо ея волнами
Густые полилися кудри;
Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву
замка;
И онъ воскликнулъ: трудно жъ будетъ намъ
Одолѣвать мужей Ирана,
Когда иранскія такъ мужественны дѣвы.
Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мнѣ отомстить хотѣла?
И что тебя, любовь иль жажда славы,
Изъ замка выйти побудило?
Прекрасною звѣздой небесъ
Издалека ты мнѣ явилась—
Теперь тебя увидѣлъ я вблизи,
И знаю, что краса
Небесныхъ звѣздъ ничто передъ твоею.
Но я тебя не выпущу изъ рукъ;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча въ сѣти не давалась;
Ты отъ меня не убѣжишь.
При этомъ словѣ бросилъ онъ
Арканъ, и вмигъ была Гурдаферидъ
Опутана могучей петлей.
Увидя, что къ спасенью
Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
Къ коварству женскому, чтобъ самого
Плѣнителя плѣнить, она
Приподняла свои густые кудри,
И мѣсяцъ свѣтлаго лица
Отъ черной ихъ освободила тучи.
Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
Она сказала голосомъ волшебнымъ:
Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
Между людьми, какъ левъ между звѣрями,
Не жажда славы
И не любовь къ Хеджиру (что Хеджиръ
Передъ тобой!) меня изъ замка
Къ тебѣ на встрѣчу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекраснымъ,
Хотѣла я узнать, таковъ ли
Ты и вблизи—меня не обманули
Мои глаза; но въ мысли не входило
Мнѣ никогда, чтобъ могъ въ Туранѣ
Такой, какъ ты, родиться витязь.
Иди же смѣло на Иранъ;
Ты тамъ плѣнишь
Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
А если самъ, какъ я, того желаешь,
Чтобъ былъ между тобой и мною
Союзъ любви, то напередъ
Мнѣ возврати мою свободу.

IX.

Такъ сладостнымъ напиткомъ льстивой рѣчи
Коварная хотѣла упоить
Зораба. Онъ, почти ужъ охмѣленный,
Спросилъ: но что же будетъ,
Красавица, порукой за тебя,
Когда тебѣ отдамъ твою свободу?—
Мое святое слово
И имя чистое мое:

Меня зовутъ Гурдаферидъ;
А мой родитель Гездехе́мъ
Повелѣваетъ Бѣлымъ Замкомъ;
Я обѣщаюсь, если самъ
Того желаешь ты, и если
Согласенъ будетъ Гездехемъ
(А онъ согласенъ будетъ вѣрно),
Тебѣ отдать и замокъ и себя.
Ступай же на́ гору за мною;
Ключъ отъ воротъ я вынесть не замедлю;
Но прежде требую свободы.
И съ этимъ словомъ на Зораба
Она такъ нѣжно, сладко поглядѣла,
Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
Съ нея перелетѣла петля.
Довѣрчиво опъ снялъ съ нея арканъ;
Она ударила коня
И поскакала къ замку;
За нею поскакалъ Зорабъ.
Тѣмъ временемъ, встревоженный, печаль-
Стоялъ въ воротахъ Гездехѣмъ; [ный,
Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ,
И ждалъ, какой возьметъ конецъ
Безумно-бѣшеное дѣло
Безстрашной дочери его.
Онъ, раздраженный, осыпалъ
Ее упреками, но въ сердцѣ
Ея отважностью гордился.
Вдругъ шумъ послышался—онъ смотритъ,
И видитъ: скачетъ къ воротамъ
Гурдаферидъ и вслѣдъ за нею,
Отставъ немного, скачетъ витязь,
Хеджира въ полѣ одолѣвшій.
Вмигъ полворотъ онъ отворилъ;
Она въ нихъ молніей вскользнула;
Растворы схлопнулись—одинъ
Зорабъ остался передъ замкомъ
Въ сіяньи вечера багряномъ.

X.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва замка
Свое святое сдержитъ слово—
Напрасно! Вдругъ она явилась на оградѣ,
И, наклонясь къ нему, сказала такъ:
Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель?
Ужъ поздно; возвратись въ туранскій станъ;
Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый Замокъ
Не удался—будь терпѣливъ,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости.—Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
На дѣву, такъ ей отвѣчалъ:
О ты, красавица Ирана,
Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о томъ тужу, что Бѣлый Замокъ
И съ нимъ прекрасную невѣсту,
Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ рукъ;
Тужу о томъ, что былъ *тобой* обманутъ.
А замокъ твой не выше неба;
Но будь и выше неба онъ—
Войду въ него; на это
Ключъ отъ воротъ не нуженъ—завтра
И замокъ и тебя возьму я съ бою.—
Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
Гурдаферидъ сказала, усмѣхаясь;
Тебѣ ключа я выдать не могла:
Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ;
Когда же о твоемъ за тайну сватовствѣ
Ему я объявила,
Онъ отвѣчалъ: невѣсты нѣтъ въ Иранѣ
Для турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ;
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невѣстъ пре-
красныхъ
Достоинъ ты...—но возвратись;
Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоемъ
Набѣгѣ, вышлетъ на тебя
Своихъ вождей—ты ихъ не одолѣешь;
А если вышлетъ онъ Рустема,
Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя погибель неизбѣжна.
О, возвратися, возвратися
Въ твоей младой, несокрушенной силѣ!
Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы;
Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
Безжалостно сорветъ своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего, подобнаго тебѣ
И болѣе по сердцу моему,
На свѣтѣ не видала,
И ничего, подобнаго тебѣ,
На свѣтѣ не увижу.
Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
Печальнымъ окомъ на Зораба;
Потомъ сошла съ ограды: а Зорабъ,
Оставшися одинъ передъ оградой,
Задумчиво глазами
За нею слѣдовалъ; когда жъ она

Изъ глазъ его пропала,
Коня оборотилъ и въ станъ
Поѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ ли-
Надвинувъ брови [цомъ,
На гнѣвно-огненныя очи.

XI.

Близъ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлѣбомъ,
Плодами, зеленью и овощами
Богатыя: они питали замокъ.
На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
Подъѣхавъ къ стану, онъ воскликнулъ:
Сюда, мои туранцы; разорите
Здѣсь все; огню предайте нивы;
Сожгите всѣ деревья;
Съ землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноградъ;
Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
Чтобъ всѣ затрепетали въ замкѣ!
Съ его ограды любитъ
Дочь Гездехемова смотрѣть—пускай же
Она порадуется, видя,
Какъ мы въ ея работаемъ саду;
Разройте гряды всѣ, гдѣ розы
Ея цвѣтутъ, и всѣ засыпьте
Ключи, которые питаютъ
Ея луговъ густую зелень.
Когда жъ наступитъ день,
И замокъ мы вверхъ дномъ поставимъ.
Такъ повелѣлъ онъ, и упало,
Какъ съ неба градъ,
На всю окрестность
Его неистовое войско—
И стала вмигъ пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, онъ
Поѣхалъ въ станъ обратно;
За нимъ туда все войско возвратилось.

XII.

Тѣмъ временемъ, какъ въ станѣ вражьемъ
Гроза сбиралась, Гездехѣмъ,
Бѣду почуя, написалъ
Письмо такое къ Кейкавусу:
«Безчисленной толпою
«Нахлынули на насъ
«Сосѣдственные турки.
«Ихъ войско намъ не страшно;
«Но страшенъ молодой
«Ихъ войска предводитель.
«Онъ ростомъ великанъ;
«Когда на боевомъ онъ
«Конѣ, вооруженный
«Желѣзной булавою,
«Сидитъ въ желѣзной силѣ,
«Онъ всѣ земныя силы
«Считаетъ за ничто.
«Противника ему
«Не сыщется въ Иранѣ;
«Одинъ по силѣ будетъ
«Ему Рустемъ; зовутъ
«Его Зорабомъ; онъ
«Родился въ Семенгамѣ.
«Хеджиръ, его увидя,
«Изъ замка, съ нимъ сразиться,
«Пустился на конѣ;
«Но въ замокъ конь обратно
«Хеджира не принесъ.
«Когда бы не успѣлъ я
«Моихъ воротъ проворно
«Захлопнуть передъ нимъ,
«Какъ вихорь бы влетѣлъ онъ
«Одинъ въ мой крѣпкій замокъ.
«Ужъ нашу всю окрестность
«Огонь опустошилъ;
«Хеджиръ въ плѣну, и замку
«Не устоять; и нынѣ,
«Какъ скоро ночь наступитъ,
«Со всей моей дружиной
«Спасаюсь бѣгствомъ я.
«Тебя же, царь, молю:
«Сбери скорѣе войско,
«Чтобъ царство защитить
«Могучею плотиной
«Отъ злаго наводненья.
«Всего жъ необходимѣй,
«Чтобъ въ войскѣ былъ Рустемъ:
«Лишь сильному Рустему
«Возможно пересилить
«Такого великана».

XIII.

Письмо съ нарочнымъ Гездехѣмъ
Отправилъ въ ту же ночь къ царю;
Потомъ созвалъ свою дружину;
Свою казну, свои богатства собралъ,
И тайнымъ подземельнымъ ходомъ.
Который велъ далеко въ поле,

Изъ замка вышелъ.
Гурдаферидъ пошла за нимъ;
Но шла она, казалось, по неволѣ;
Была задумчива, какъ будто ей
Какой-то голосъ тайно
Шепталъ: не уходи;
Какъ будто съ кѣмъ, ей милымъ,
Навѣкъ она прощалась.
И всѣ ушли... и замокъ опустѣлъ.
Въ туманѣ занялося утро;
Зорабъ повелъ свои дружины къ замку:
И на гору онѣ взбѣжали съ крикомъ;
И кинулся, какъ бѣшеный, Зорабъ
Къ тяжелымъ воротамъ
Онъ ждалъ отпора, но отпора
Не дождался—все было въ замкѣ,
Какъ въ гробѣ, тихо; на стѣнахъ
Никто не шевелился. Въ нетерпѣньи
Зорабъ схватилъ огромный камень
И имъ ударилъ въ ворота—
Онѣ свободно растворились:
Ушедшіе нарочно ихъ
Оставили незапертыми.
Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ—
Ихъ своды громко повторили
Его коня гремучій топотъ;
И все умолкло.
Сквозь сумракъ утренній Зорабъ
Очами ищетъ
Людей—но все предъ нимъ
И пусто, и безмолвно;
Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
Стѣснилось сердце;
И стѣны онъ нѣмыя вопрошалъ:
Куда ушла моя невѣста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
Иль призракомъ пропала, не оставивъ
Слѣда? О гдѣ же ты?
На мигъ одинъ была
Ты мнѣ видѣньемъ чуднымъ...
И нѣтъ тебя;
И гдѣ найти тебя, не знаю.
И началъ онъ прилежно замокъ
Обыскивать: какъ изступленный,
Онъ бѣгалъ по стѣнамъ,
На башни лазилъ, проникалъ
Въ глубокіе подвалы,
И безпрестанно возвращался
На мѣсто, гдѣ она ему
Явилась наканунѣ,
Въ надеждѣ, что опять
Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
На безпредѣльную окрестность онъ смо-
И звалъ свою невѣсту [трѣлъ,
Со всѣхъ концовъ пустаго небосклона;
И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
И птицъ воздушныхъ,
И облака лазореваго неба.
А между тѣмъ окрестъ него
Все падало, все разрушалось;
Какъ коршуны расклевываютъ трупъ,
Такъ ратники Зораба
Крушили замокъ;
Не находя нигдѣ
Ожиданныхъ сокровищъ,
Они за то наказывали стѣны.
Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ:
Его душа была далёко.

XIV.

И къ витязю, невольнику любви,
Съ упрекомъ строгимъ обратился
Суровый пѣстунъ Баруманъ:
Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
Не таковы бываютъ тѣ, которымъ
При нихъ и долго послѣ нихъ
Въ награду дѣлъ великихъ
Отечество и всѣ народы
Дань славы и любви приносятъ.
Самихъ себя они не отдаютъ
Мгновенію ничтожному на жертву;
Не отдаютъ безумно и безпечно
Во власть любви они ума и сердца.
И имъ случается поймать
Своею сѣтью легкую газелу,
Но съ нею въ сѣть самихъ себя
Не путаютъ ребячески они;
Орелъ, влюбленный въ солнце,
Какъ соловей, по розѣ не вздыхаетъ
Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
Возьми его—тогда вѣнецъ любви
Наградою получишь отъ побѣды.
Не обнаживъ меча, такую крѣпость
Ты захватилъ—но цѣль твоя еще далёко;
На насъ свои всѣ силы вышлетъ
Царь Кейкавусъ, тогда...

Но выслушай, Зорабъ, совѣтъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершины этой всѣмъ Ираномъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящіе набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь,
Могучій самъ—не разоряй же
Безумно замка, нѣтъ; его напротивъ въ честь
Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;
Но въ честь ея и духомъ укрѣпися.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иранъ завоевать—
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня—тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Они, какъ солнца лучъ, пронзили
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ;
И во мгновенье грознымъ крикомъ
Былъ усмиренъ неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, спокоенъ Бѣлый Замокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И КЕЙКАВУСЪ.

ССОРА, ПРИМИРЕНІЕ, ПОХОДЪ.

I.

Когда письмо отъ Гездехѐма
Гонецъ поспѣшный Кейкавусу
Въ его столицѣ Истахарѣ
Вручилъ, и сдѣлалось извѣстно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана—
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собрался къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераборъ
(Сынъ царскій и наслѣдникъ трона),
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехе́демъ, Тусъ, Рохамъ,
Гургинъ, Милатъ, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ:
И, Гездехемово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ: Зорабъ мнѣ этотъ страшенъ;
Онъ овладѣлъ безъ боя Бѣлымъ Замкомъ,
Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надежныхъ мы имѣли—
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудерсъ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей—зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранскаго молокососа?
Но правда, пишетъ Гездехе́мъ,
Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажите жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?
И въ голосъ всѣ воскликнули: послать.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Былъ Гефъ, Рустемовъ зять, отправленъ.

II.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
«Ирана щитъ, Сабула обладатель,
«Великій царскій пехлеванъ,
«На насъ гроза съ Турана поднялася;
«Врагами схваченъ Бѣлый Замокъ;
«Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
«Лѣтами юноша, а силой
«Пожаръ, землетрясенье, громъ,
«Отъ Семенгамскихъ происходитъ,
«Въ народѣ говорятъ, царей.
«И пишетъ вождь нашъ Гездехе́мъ,
«Что этого богатыря
«Не одолѣть намъ, что одинъ
«Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
«Я свой совѣтъ верховный собралъ,
«И всѣ совѣтники мои
«Со мной согласны, что тебя
«Намъ должно вызвать изъ Сабула,
«Что лишь твоя рука отъ царства
«Такую гибель отразитъ.
«Итакъ, зову тебя, Рустемъ,
«Вѣнецъ, убранство, щитъ царя,

«Спасительная пристань царства,
«Твердыня трона, войска слава,
«Ирана жизнь, Турана смерть;
«Спѣши, спѣши; когда получишь
«Мое письмо, сидишь ли—встань,
«Стоишь ли—не садись;
«Идешь ли въ за́мокъ—не входи;
«Но въ тотъ же мигъ вели подать
«Доспѣхи, бросься на коня,
«И пусть съ тобою конь твой славный,
«Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
«И ты, Ирана громъ защитный,
«Будь громомъ бѣдствія Турану».

III.

Царь Кейкавусъ, окончивъ
И запечатавъ пестрымъ воскомъ
Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
Помчался; день и ночь скакалъ онъ;
Забывъ о пищѣ и ночлегѣ,
Не думая о томъ, куда вела
Дорога, подъ гору иль въ гору,
И было ль ведро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставалъ,
Какъ будто чуялъ онъ,
Куда, къ кому и съ чѣмъ
Спѣшитъ сѣдокъ неутомимый.
Гонца увидя вдалекѣ,
Рустемъ послалъ къ нему на встрѣчу
Зевара, брата своего,
И былъ обрадованъ, когда
Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
Спросилъ Рустемъ, пожаловалъ въ Сабулъ?
Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?
Подай. И, прочитавъ письмо,
Рустемъ задумался; онъ долго, долго
Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
Потупивъ голову и неподвижно
Глаза уперши въ землю.
И такъ съ собой онъ говорилъ:
Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
Какъ настоящее, опять
Оно передо мною нынѣ
Свершается... невѣроятно,
Чтобъ этотъ чудный воинъ былъ
Мой сынъ; и если подлинно имѣю
Я въ Семенгамѣ сына, онъ
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляютъ.
Конечно, быть орломъ орленку суждено;
Но мой орленокъ испытать
Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ
И ждетъ своей поры;
Когда жъ его пора наступитъ,
Взлетитъ онъ высоко́,
Втораго въ немъ Рустема
Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
Родился сынъ Теминѣ отъ Рустема,
То скоро громкая о немъ
По всей землѣ молва раздастся,
И онъ придетъ по праву славы
Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
Онъ встрѣтится со мною въ полѣ,
А жданымъ гостемъ постучится въ двери
Отцовскаго жилища; и ему
Отворятся онѣ гостепріимно;
И будетъ праздновать отецъ,
Созвавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
И въ немъ моя помолодѣетъ старость.

IV.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный воинъ,
И мысли черныя тѣснили
Его взволнованную душу;
Но что ея волненья было
Причиной—онъ того не вѣдалъ.
Вдругъ онъ очнулся и гонцу,
Который, вовсе имъ забытый,
Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
Сказалъ: спѣшить намъ нужды нѣтъ;
Ты нынче гость мой; прежде
Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
Въ случившемся для нихъ не вижу;
Что страшно имъ, то мнѣ смѣшно;
И отъ того, что старый сумасбродъ,
Испуганный турецкимъ смѣльчакомъ,
Безъ боя сдалъ нашъ за́мокъ порубежный,
Имъ чудится, что врагъ
Уже стоитъ передъ столицей,
И долженъ я встревоженный ихъ бредомъ,
Скакать къ нимъ, голову сломя.
Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;

Мнѣ нынче нѣтъ охоты воевать:
Нежданый гость пожаловалъ ко мнѣ;
Хочу его я на просторѣ
Повеселить и самъ повеселиться
Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
За пѣнной чашею на время
Военныя тревоги; разскажи
Поболѣ мнѣ теперь
О дочери и внучатахъ моихъ,
И жизни дерево зеленое со мной
Полей виномъ животворящимъ.
А ты, Зеваръ, пойди и учреди
Скорѣе пиръ богатый;
Земное все уходитъ легкой тѣнью—
Хочу съ тобой и нашимъ Гефомъ
Упиться сладостнымъ виномъ
До полнаго забвенья
О скоротечности земнаго счастья.

V.

Такъ старый воинъ говорилъ;
На языкѣ его былъ пиръ веселый,
А на душѣ лежалъ тяжелый камень
Предчувствія, похожаго на робость.
Зеваръ пошелъ готовить пиръ;
А Гефъ пошелъ за тестемъ
Въ его великолѣпный замокъ;
И заикнуться не посмѣлъ онъ
О строгомъ повелѣньи шаха:
Онъ зналъ, какъ было плохо
Ломать копье съ упрямымъ старикомъ,
И думалъ: самъ, какъ знаешь, послѣ
Ты разочтешься съ Кейкавусомъ;
Съ тобою пировать я радъ;
Твоимъ виномъ мой запыленный
Языкъ я промочу, а завтра
Конямъ мы прыти придадимъ,
И быстрота намъ возвратитъ,
Часы, потерянные лѣнью.
Весь день роскошный длился пиръ
Въ богато-убранныхъ палатахъ;
Какъ розы, пламенно сіяя
На темной зелени кустовъ,
Благоуханно угощаютъ
Звонко-поющихъ соловьевъ,
Такъ и хозяина, и гостя
Младыя дѣвы сладкопѣньемъ
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавусъ
Забыты были въ шумѣ пира;
Однѣ лишь пламенныя щеки,
Однѣ лишь свѣжія уста
Являлись ихъ очамъ, и не потоки
Ліющейся въ сраженьи крови,
А пурпуръ благовонный
Вина сверкалъ предъ ними въ драгоцѣн-
Лилейною рукой младыхъ [ныхъ,
Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
Въ весельи шумномъ день и вечеръ,
Виномъ запитые, исчезли;
Заискрилась звѣздами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пѣной
Вина послѣдняго фіалы;
И, наконецъ, могучій хмѣль
На мягкомъ ложѣ сладкой силѣ
Сна миротворнаго ихъ предалъ.

VI.

И рано на другое утро
Явился Гефъ, готовый въ путь.
Но въ путь еще Рустемъ не собирался.
На что спѣшить, сказалъ онъ, добрый гость;
И этотъ день съ тобою мы,
Откинувъ всякую заботу,
Въ весельи проведемъ.
Кто знаетъ, близко ль, далекò ли
Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?
Пока подъ кровлей мы домашней—
Не станемъ помышлять
О бурѣ, воющей кругомъ.
Быть можетъ, что ужъ въ этомъ домѣ болѣ
Мы никогда такъ веселы не будемъ;
Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
Я угощаю. Подойдите жъ,
Мой братъ Зеваръ и зять мой Гефъ, ко мнѣ;
Ты, Гефъ, садися съ правой,
А ты, Зеваръ, садися съ лѣвой
Моей руки; и помогите пить мнѣ
Душеусладное вино.
Мнѣ въ эту ночь все снилось
О сынѣ, снилось, будто сынъ
Нашелся у меня; и это мнѣ
Напомнило, что о Зорабѣ я
Тебя еще не разспросилъ подробно;
Садися жъ, Гефъ, и разскажи
За чашею вина

Мнѣ сказку о Зорабѣ.
Онъ сѣлъ; по правую съ нимъ руку
Сѣлъ Гефъ, по лѣвую Зеваръ;
Вино запѣнилося въ кубкахъ,
И пиръ съ музыкой, пѣньемъ, пляской,
Какъ наканунѣ, закипѣлъ.
Подъ шумъ его задумчиво Рустемъ
Разсказы слушалъ о Зорабѣ,
И думы черныя свои
Виномъ огнистымъ запивалъ.
Такъ день прошелъ, и вечеръ миновался,
И наступила ночь, и хмѣль могучій
Опять ихъ предалъ тихой власти
Миротворительнаго сна.

VII.

На утро такъ же рано,
Готовый въ путь, пришелъ
Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
По прежнему не торопился въ путь,
Ему сказалъ онъ: выслушай безъ гнѣва
Меня, отецъ; не раздражай царя;
Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ вспыльчивъ;
Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ
наши грани:
Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, не видитъ
Нашъ Кейкавусъ; ему вездѣ [и не слышитъ
Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,
Рустемъ; позволь мнѣ Грома осѣдлать;
Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ.—
Не бойся, Гефъ, отвѣтствовалъ Рустемъ,
Никто мнѣ въ свѣтѣ не указчикъ;
И твердо знаетъ Кейкавусъ,
Что царствуетъ въ Иранѣ онъ
По милости Рустема;
Онъ знаетъ, что моя рука
Всегда его вытаскивать умѣла
Изъ ямъ, въ которыя своей виною
Онъ безразсудно попадалъ.
Но я согласенъ; намъ пора
Отправиться въ дорогу;
Вели мнѣ Грома осѣдлать,
И ѣдемъ. Такъ сказавъ, Рустемъ
Виномъ наполнилъ кубокъ,
Окинулъ мрачными глазами
Палату пировую
И всѣхъ своихъ домашнихъ,
Вино все разомъ выпилъ,
И, кубокъ въ дребезги разбивъ,
Велѣлъ трубить походъ.
На громкій зовъ Рустемовой трубы
Вмигъ собрались Рустемовы дружины.
Окинувъ ихъ желѣзный строй глазами,
Рустемъ подумалъ: съ ними
На цѣлый свѣтъ могу войною выйти.
И, за себя Зевару поручивъ
Начальство надъ сабульской ратью,
Онъ сѣлъ на Грома
И поскакалъ впередъ
Самъ другъ съ отважнымъ Гефомъ.
И трубы загремѣли,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.

VIII.

Когда молва достигла въ Истахаръ
О приближеніи Рустема,
Всѣ первые вельможи: Фераборъ,
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехе́демъ, Тусъ, Рохамъ
Геразъ, Гургинъ, Милатъ, Ферхабъ, Бехремъ
На день пути къ нему на встрѣчу вышли.
Сынъ шаховъ Фераборъ и вождь верховный
Сошли съ коней, его увидя; [Тусъ
Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ;
И сдѣлали привѣтствіе другъ другу.
Блестящей ихъ толпою окруженный,
Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
И съ торжествомъ его ввели они
Въ палату, гдѣ великій царь
Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.
Но было сумрачно и гнѣвно
Его лицо; не отвѣчавъ ни слова
На поздравительные клики
Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
Кто ты, Рустемъ,
Чтобъ съ дерзостью такою
Топтать ногами
Святыя царскія слова?
Когда бъ въ моей рукѣ былъ мечъ,
Къ моимъ ногамъ бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тусъ, закуй ихъ въ цѣпи,
И чтобъ теперь же тесть и зять
На висѣлицѣ оба

Передъ народомъ заплясали.
Такъ въ изступленьи гнѣва
Кричалъ на тронѣ Кейкавусъ;
И всѣ кругомъ его вельможи
Въ оцѣпенѣніи стояли.
Когда жъ увидѣлъ шахъ,
Что повелѣнье медлилъ
Его исполнить Тусъ,
Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
Кричитъ съ высокаго утеса:
Предатель самъ, кто руку наложить
На дерзкаго предателя не смѣетъ!
Бери ихъ, Тусъ, я повторяю;
И съ ними съ глазъ моихъ долой;
Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!

IX.

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
Его исполнить повелѣнье;
Онъ за руку Рустема взялъ,
Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
Его увесть и дать свободу
Утихнуть бѣшенству царя—
При этомъ видѣ всѣ вельможи
Затрепетали. Но Рустемъ,
Не замѣчая ничего,
Смотрѣлъ горящими глазами,
Какъ левъ увидѣвшій змѣю,
На шаха; онъ, казалось, вдругъ
Сталъ цѣлой головою выше,
Сталъ вдвое шире грудью и плечами;
И онъ сказалъ: а ты кто, чтобъ меня
Такъ дерзостно позорить?
Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
Грози же петлею не мнѣ,
А своему Зорабу. Развѣ я
Твой подданный? Я царства пехлеванъ;
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что, когда
Я топаю ногою—подо мной
Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь—
Отъ топота его шумитъ все небо,
И, быстротѣ его чудяся,
Потокъ бѣжать перестаетъ?
Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
Что мой престолъ сѣдло, что шлемъ моя
корона?
И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?
И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
Поднять въ повиновенье
Безумной ярости твоей?
При этомъ словѣ онъ такъ сильно
Ударилъ Туса по рукѣ,
Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
Черезъ лежачаго Рустемъ
Перешагнулъ, толпу раздвинулъ
И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты.
И всѣ вельможи, Кейкавуса
Оставивъ одного на тронѣ,
Пошли поспѣшно за Рустемомъ.
Они его нашли передъ крыльцомъ
Сидящаго на Громѣ. Онъ съ сѣдла
Имъ закричалъ: простите всѣ; прости,
Иранъ. Въ Сабулъ я возвращаюсь;
Въ Сабулѣ я такой же царь,
Какъ здѣсь въ Иранѣ Кейкавусъ.
Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами
Ведите свой разсчетъ; Сабулъ
Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
Случится то же, что съ Хеджиромъ,
И если царскій Истахаръ,
Какъ Бѣлый Замокъ, будетъ схваченъ
Врагами, въ томъ не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царемъ владѣетъ нетерпѣнье
И необузданная ярость!
Сказавъ, онъ крикнулъ—Громъ помчался;
Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
Недалеко отъѣхавъ по дорогѣ
Въ Сабулъ, остановился онъ
Въ гостинницѣ, чтобъ на покоѣ тамъ
Дождаться брата
Съ дружинами Сабулистана.

X.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
Вельможи—безъ него, какъ стадо
Безъ пастуха, оставшись—обратились
Къ Гудерсу и ему сказали:
Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
Помочь въ бѣдѣ великой можешь;
Твои совѣты любитъ шахъ;
Пойди къ нему и въ волны
Его погибельнаго гнѣва
Пролей твоихъ совѣтовъ
Мирительное масло.
А ты скачи за тестемъ, Гефъ;

И догони его, пока Сабула
Онъ не достигъ. И Гефъ пустился въ путь.
Гудерсъ пошелъ къ царю.
Его увидѣлъ онъ, уединенно
Сидящаго на тронѣ;
Онъ былъ угрюмъ, но тихъ; онъ былъ
Подобенъ тучѣ громовой,
Готовой, отблиставъ и отгремѣвъ,
Дождемъ свѣжительнымъ пролиться.
И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ:
Могучій повелитель,
Царь голова, а царство тѣло;
Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
Совѣтникомъ разсудокъ; у кого же
Совѣтникъ свой молчитъ,
Тотъ слушайся чужаго,
И не стыдись исправить зло,
Поспѣшно сдѣланное въ гнѣвѣ;
Изъ устъ неосторожно бросилъ
Ты оскорбительное слово—
Пошли за нимъ мирительное вслѣдъ;
Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
Тому, кого щадить велитъ разсудокъ—
И ею былъ не онъ одинъ обиженъ:
Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
Рустема въ петлю! А Рустемъ
Тебя на тронъ отцовскій посадилъ,
И онъ же трона
Твердѣйшая опора;
Что жъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
Теперь изломанъ мечъ Ирана,
Изсохла мужества рука,
Плотины нѣтъ на вражье наводненье.
Всѣ наши витязи извѣстны Гездехему—
А что намъ пишетъ Гездехемъ?
«Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
«Не устоитъ, что на него
«Одна гроза—Рустемъ». Но гдѣ же
Теперь Рустемъ? За промедленье
Двухъ дней тобой онъ изгнанъ навсегда.
Меня къ тебѣ твои вельможи
И съ ними сынъ твой Фераборъ
Прислали умолять, чтобъ ты
Благоволилъ съ Рустемомъ примириться.
Никто, ни Фераборъ твой сынъ—
Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ—
Ни бодрый твой военачальникъ Тусъ,
Ни я съ осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
Твоя надежная защита.
Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

XI.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
Отъ сердца сказанное слово;
Онъ отвѣчалъ: пословица святую
Намъ правду говоритъ, что стариковъ
Совѣта полныя уста
Вѣрнѣйшіе хранители царей.
Я самъ теперь раскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
Въ кипѣньи гнѣва произнесъ.
Ступайте жъ всѣ къ Рустему, и зовите
Его обратно въ Истахаръ
На миръ и доброе согласье
Съ своимъ царемъ. — Хвала царю! вос-
Гудерсъ. И возвратиться [кликнулъ
Онъ поспѣшилъ къ вельможамъ, ожидав-
Его съ великимъ нетерпѣньемъ. [шимъ
Царево сердце ненадежно
(Такъ разсуждали межъ собою
Они въ невѣдѣньи, смирится ль шахъ иль
Одно и то же слово можетъ [нѣтъ);
Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово;
Царево жъ сердце то огонь,
То море бурное—огню
Даетъ двойную силу масло,
А море бурное оно покоитъ.
Такъ царскіе вельможи говорили;
Но мрачныя печалью лица ихъ
Вдругъ стали радостію свѣтлы,
Когда принесъ имъ вѣсть благую
Гудерсъ. Теперь Иранъ спасенъ!
Они воскликнули. Поѣдемъ
Скорѣй всѣ вмѣстѣ за Рустемомъ;
Его догнать намъ должно прежде,
Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.

XII.

И всѣ они отправилися въ путь;
И ѣхали весь день, всю ночь;
И той гостинницы достигли,
Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
Онъ на покоѣ ждалъ Зевара
Съ дружинами Сабулистана,

Рѣшась упорно, вопреки
Всѣмъ убѣжденьямъ Гефа,
Не возвращаться въ Истахаръ.
Но вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
Передъ собой вельможъ Ирана.
Они къ нему смиренно подошли;
Почтительно онъ всталъ, чтобъ ихъ принять.
И выступя впередъ, сказалъ ему Гудерсъ:
Рустемъ, мы присланы отъ шаха,
Тебя просить, Ирана пехлеванъ,
Чтобъ ты съ нимъ примирился.
О томъ же просимъ мы
И именемъ всего Ирана, просимъ
За нашихъ юношей; въ бою
Себя еще не испытавшихъ;
За нашихъ опытныхъ мужей,
Съ тобой ходившихъ на врага
За славою, побѣдой и добычей;
За нашихъ хилыхъ стариковъ;
За нашихъ женъ, дѣтей и внучатъ;
За весь народъ, за весь Иранъ;
Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;
Не отдавай же царства въ жертву
Свирѣпому Турану за одно
Тебя обидѣвшее слово.
Ты вѣдаешь, какъ опрометчивъ,
Какъ безразсудно гнѣвенъ шахъ:
На слово онъ ругательное скоръ,
Но такъ же скоръ и на признанье
Своей вины; съ раскаяніемъ онъ
Свою тебѣ протягиваетъ руку;
Не отвергай ея, Рустемъ.
Тебя ужалившее слово
Не ядомъ напоенный мечъ,
А легкій звукъ—забудь, Рустемъ,
О легкой, несмертельной ранѣ,
И возвратися въ Истахаръ,
Гдѣ ждетъ тебя нетерпѣливо
Съ удвоеннымъ благоволеньемъ шахъ.

XIII.

Рустемъ отвѣтствовалъ угрюмо:
Скажите шаху Кейкавусу,
Что мнѣ ни висѣлицъ его,
Ни царскихъ милостей не нужно.
Въ Сабулъ я ѣду; тамъ я царь,
Такой же царь, какъ онъ въ Иранѣ.
Мнѣ надоѣло воевать;
Довольно я игралъ
Своею жизнью и чужою
На службѣ шаха—онъ меня
И наградилъ по милости своей.
Спасибо. Мы съ нимъ кончили разсчетъ.
Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Мой Громъ на самомъ рубежѣ
Ирана спотыкнулся; я впервые
Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
Мнѣ тяжелы—когда жъ обратно
Поѣхалъ я, мой конь запрыгалъ
И радостно заржалъ. Простите жъ, добрый
Вамъ путь, но я вамъ не попутчикъ. —
Рустемъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
Чтобъ это былъ послѣдній твой отвѣтъ.
Тебя твой царь обидѣлъ, правда;
Но руку онъ на примиренье самъ,
Признавъ себя виновнымъ, подаетъ—
Чего жъ еще желаешь болѣ?
И что подумаетъ Иранъ,
Такой отвѣтъ услышавъ?
Не скажутъ ли: Рустемъ,
Состарѣвшійся левъ, бѣжитъ
Отъ львенка молодаго;
Рустемъ Зораба испугался;
Орелъ нашъ крылья опустилъ;
Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:
Тамъ носится другой орелъ,
Его моложе и отважнѣй;
Вотъ отъ чего ему такъ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться;
Вотъ отъ чего и Громъ на рубежѣ
Ирана спотыкнулся, и впервые
Рустему шлемъ и панцырь стали
Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Рустемъ,
Чтобъ про тебя молва такая
Вдругъ по всему Ирану разнеслася,
И чтобъ она постыднымъ о тебѣ
Преданьемъ перешла къ потомкамъ?—
Рустемъ, сверкнувъ глазами тигра,
Воскликнулъ: Гефъ, подай мнѣ Грома.
И, слова не сказавъ Гудерсу,
Онъ на кипучаго коня
Вскочилъ и поскакалъ путемъ обратнымъ;
И всѣ за нимъ во слѣдъ
Толпою шумною помчались.

XIV.

Съ Рустемомъ примирившись,

На пиръ веселый Кейкавусъ
Созвалъ своихъ вельможъ. И длился
Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
А той порой, когда въ царевыхъ
Палатахъ праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во всѣ входила домы,
Неспящимъ улыбалась,
Заснувшихъ пробуждала,
Разглаживала всѣмъ
Пріятной вѣстью лица.
Вдругъ ей попался кто-то
На встрѣчу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была въ своемъ полетѣ
Свѣтла и весела.
И, громко засмѣявшись,
Летунья у него
Спросила: кто ты, плакса?
Меня, онъ отвѣчалъ ей,
Зовутъ Печальнымъ Слухомъ;
Я по всему разнесъ Ирану,
Что шахъ поссорился съ Рустемомъ,
И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
И всѣхъ мои тревожатъ вѣсти.
Зажми же ротъ, сказала
Веселая Молва;
Съ Рустемомъ примирился
Твой гнѣвный Кейкавусъ;
Они теперь пируютъ
И ссору запиваютъ
Виномъ благоуханнымъ.
Печальный Слухъ съ сомнѣньемъ покачалъ
Своей косматой головою;
За это разсердилась
Веселая Молва,
И началася драка.
Печальный Слухъ былъ неуклюжъ,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигомъ былъ Печальный Слухъ,
Прибитый, изъ города выгнанъ;
И снова начала она
По улицамъ летать,
И гдѣ ни пролетала,
Воздушную летунью
Старикъ и молодой,
Здоровый и недужный,
И бѣдный и богатый,
Ласкали, миловали;
Кому жъ на сонъ грядущій
Услышать удавалось
Ея живое слово,
Тотъ сладко засыпалъ,
Обвѣянный толпою
Веселыхъ сновидѣній.

XV.

Когда на слѣдующій день
Явилось солнце, и, раздернувъ
Востока занавѣсъ пурпурный,
Среди лазореваго неба
Свое воздвигло золотое
Всеосѣняющее знамя,
Когда на пажитяхъ земли
Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
Стада пространно зашумѣли—
Труба военная столицу огласила,
И весь народъ на площадь Истахара
Шумящею толпою побѣжалъ:
Тамъ, раздѣляся на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И передъ каждою дружиной
Былъ вождь ея; а позади
Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
Великій царства пехлеванъ,
На грозномъ Громѣ ѣхалъ
Рустемъ одинъ. Не велъ дружины онъ;
Но въ немъ одномъ была душа
Всего безчисленнаго войска.
Его сабульскою дружиной
Военачальствовалъ Зеваръ;
А главнымъ воеводой рати
Былъ Тусъ, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрѣлъ—
Знамена заиграли,
Тимпаны загремѣли,
Задребезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.
И, разліясь широкимъ наводненьемъ,
Шло войско къ рубежамъ Ирана;
Подъ нимъ земля стонала и тряслася;
Отъ топа конскаго дрожали горы;
Отъ кликовъ тучи расшибались;
Стотысячно ликъ солнца отражался
На панцыряхъ, на конскихъ збруяхъ;

Какъ на пригоркахъ въ бурю
Волнуются вершины сосенъ,
Такъ волновались перья и султаны
На шишакахъ и на турбанахъ;
И тамъ земля, какъ пестрый лугъ, сіяла,
Гдѣ войско шло; но гдѣ оно прошло,
Тамъ все являлось голой степью,
Тамъ были всѣ ключи изсушены
И въ пыль растоптаны всѣ нивы.
И скоро войско на границѣ
Ирана станъ свой утвердило
Въ виду горы, на высотѣ которой,
Окрестности владыка, Бѣлый Замокъ
Стоялъ, какъ туча громовая,
И въ глубинѣ той тучи громовой
Таился молнія Зорабъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПИРЪ ВЪ БѢЛОМЪ ЗАМКѢ.

I.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
О приближеніи къ замку персовъ;
Ему наскучило давно
Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
И ждать прибытія гостей...
Вотъ наконецъ пожаловали гости.
И было все готово къ ихъ пріему:
И замокъ, снова укрѣпленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вмѣстѣ съ Баруманомъ
Зорабъ, взошедъ на башню,
Окинулъ, какъ орелъ,
Очами всю окрестность—
Очамъ его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Безчисленное войско.
Какъ смѣлый радуется ястребъ,
Увидя стадо голубей,
Въ которомъ онъ любаго
Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,
Такъ храбраго Зораба
Обрадовала сила
Идущаго противъ него врага.
Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;
И, страхъ его замѣтя,
Зорабъ сказалъ съ улыбкой:
Не бойся, наведи
На щеки прежній ихъ румянецъ.
Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!
Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!
Какъ много ихъ сюда пришло,
Чтобъ здѣсь мнѣ дать побѣды славу!
И слава та навѣкъ моею будетъ!
Но если бъ я и гибель встрѣтилъ
Въ борьбѣ съ такой великой силой—
Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,
Что я дерзнулъ надѣяться побѣды.
Противъ утеса одного
Ихъ море цѣлое стеклося;
При имени моемъ затрепеталъ
Въ своей столицѣ Кейкавусъ;
Всѣ витязи Ирана,
Которыхъ мужество и силу
Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
Сошлися здѣсь противъ Зораба.
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого,
Съ которымъ было бъ славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильныхъ
И славныхъ подымаетъ
Прославленный свой мечъ,
Которому въ бою не уступить
Великой честью озарило бъ
Мои младые годы?
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого?
Такъ спрашивалъ Зорабъ;
Но онъ не смѣлъ
По имени того назвать,
Отъ чьей руки такъ скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
Тебѣ великой было бъ славой;
Но знать хочу, о комъ ты мыслишь самъ?
О! благородно пламенѣетъ,
Какъ факелъ, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтобъ не упалъ
Твой факелъ въ воду—въ хладной влагѣ
Онъ заклокочетъ, зашипитъ,
И задымяся, вдругъ погаснетъ;

Не вѣдай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За нимъ твой конь летитъ, какъ на крылахъ,
Но мигъ одинъ—во рву и конь и всадникъ.

Былъ миръ, война спала—
Ее теперь ты разбудилъ;
Но знаешь ли, какую схватитъ
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся жъ, примѣчая,
Что я дрожу—не за себя дрожу я,
Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынутъ жребій,
И за тебя—судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучшихъ.
Иди же въ бой, Зорабъ,
Не опрометчивымъ ребенкомъ,
А твердо-осторожнымъ мужемъ.
Благодари Афразіаба,
Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣпкимъ замкомъ,
Упершися въ него ея крыломъ—
И врагъ тебя не одолѣетъ; если жъ
Захочешь славы—пусть тобой
На поединокъ вызванъ будетъ
Тотъ витязь, кѣмъ стоитъ Иранъ,
И кто, сраженный, увлечетъ
Въ свое паденіе всю силу
И все величіе Ирана.
Такъ говорилъ Зорабу,
Мѣшая медъ совѣта
Съ отравою измѣны,
Коварный Баруманъ;
Но не посмѣлъ и онъ назвать
По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
При этомъ имени—измѣна,
Какъ тайная змѣя,
Его сосала сердце.
Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
Полюбовавшись на блестящій
Равнину всю покрывшій станъ,
Зорабъ пошелъ съ подзорной башни,
И пиръ велѣлъ роскошный приготовить,
Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
При звонѣ кубковъ, при шипѣньи
Злато-пурпурнаго вина,
Отпраздновать съ друзьями
Враговъ желанное явленье.

III.

Тѣмъ временемъ въ широкій станъ
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что конямъ,
Слонамъ, верблюдамъ будетъ тѣсно
Все безпредѣльное пространство;
Но наконецъ—когда разросся
Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
Рядами улицы и на широкихъ
Межъ ними площадяхъ
Живая разлилась торговля—
Въ спокойное пришелъ устройство
Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
Когда жъ на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли—утихло все,
И каждый ратникъ подъ своимъ
Заснулъ шатромъ и въ высотѣ
Одинъ раскинулся надъ всѣми
Шатеръ небесъ, звѣздами ночи
Усыпанный необозримо.
И въ этотъ часъ, пришедши къ шаху,
Ему сказалъ Рустемъ:
Я не могу безъ дѣла оставаться;
Хочу идти къ Зорабу въ гости;
Хочу увидѣть, кто навелъ
На васъ такой незапный ужасъ;
Хочу взглянуть въ лицо богатыря,
Передъ которымъ весь Иранъ
Такъ задрожалъ; хочу своими
Глазами видѣть, стоило ль труда
Сѣдлать мнѣ Грома, надѣвать
Свой старый шлемъ, и будетъ ли какая
Мнѣ честь его убить моей рукою.
Туранъ я часто посѣщалъ;
Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
Турецкое надѣвши платье,
Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый Замокъ,
И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
Державный шахъ, пришелъ просить
На то соизволенья. Кейкавусъ
Съ улыбкой отвѣчалъ: Рустемъ,
Ты и въ турецкомъ платьѣ будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати въ день сраженья,
Ты хочешь быть и зоркимъ окомъ
Ея во тьмѣ ночной. Иди,
И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.

IV.

Одѣвшись туркомъ, осторожно
Отправился въ свой путь Рустемъ.
Хотя въ шатрѣ онъ всѣ свои доспѣхи,
Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ по-
Но безоруженъ не остался: [кинулъ—
Его рука была, какъ булава
Желѣзная, крѣпка. Во мракѣ ночи
Онъ къ Бѣлому подходитъ Замку—
Тамъ были слышны крики пированья;
И близъ воротъ незатворенныхъ
На стражѣ не стоялъ никто. Какъ левъ
Въ тотъ часъ, когда, забывъ [голодный,
Заграду затворить, безпечно пастухи
Шумятъ на праздникѣ ночномъ,
Врывается въ средину стада,
И изъ него сильнѣйшаго быка
Уноситъ—ревъ услыша, пастухи
Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
Съ добычею, погони не страшася,
Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
А пастухи назадъ приходятъ въ горѣ,
И вовсе ихъ ночной разстроенъ праздникъ—
Такъ въ замокъ грозный левъ Рустемъ
Прокрался пиръ разстроить турковъ.
Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ,
Огнями; онъ шумѣлъ
Отъ говора пирующихъ, отъ звона
Виномъ кипящихъ чашъ,
Отъ пѣнья, отъ бряканья струнъ,
Отъ бѣшено-веселой пляски:
Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ,
И все съ нимъ праздновало войско.
И, притаяся въ темномъ
Углу, на все смотрѣлъ
И видѣлъ все изъ темноты
Никѣмъ не видимый Рустемъ.

V.

На пиршествѣ безпечно
При факелахъ зажженныхъ
Зорабъ сидѣлъ съ гостями;
На немъ не шлемъ желѣзный,
А праздничный изъ свѣжихъ
Цвѣтовъ сіялъ вѣнокъ,
И онъ, самъ яркій блескъ,
Былъ яркимъ окруженъ
Блистаньемъ, былъ прекрасенъ,
Какъ цвѣтъ благоуханный
Надежды, и въ его
Груди кипѣла младость;
И голову младую
Онъ бодро подымалъ
И, обѣгая окомъ
Воспламененнымъ праздникъ,
Съ весельемъ горделивымъ
Считалъ съ нимъ пировавшихъ
Сподвижниковъ. И, видя
Его передъ собою
Прекраснаго такъ чудно,
Они позабывали
Вино, и клики ихъ
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой изъ неба
Съ благоволеньемъ звѣзды
Смотрѣли на него,
И на небѣ о немъ,
Земной звѣздѣ прекрасной,
Назначенной такъ скоро
Въ своей красѣ угаснуть,
Печалилися звѣзды.
Тогда одна изъ нихъ
Своимъ сестрамъ небеснымъ
Печальная сказала:
Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ
Такъ скоро, скоро долженъ
Увянуть! На землѣ
Прекраснаго являлось
Намъ много... и очей мы
Отвесть не успѣвали,
Какъ ужъ съ земли оно
Скрывалось—но доселѣ
Еще намъ не случилось
Тамъ видѣть ничего
Прекраснѣй и мгновеннѣй
Той прелести, какая
Такъ сладко въ этотъ мигъ
Собой насъ утѣшаетъ,
И такъ своею быстрой
Кончиною печалитъ.
О какъ онъ милъ! Какъ веселъ!
Пошлемъ въ сіяньи нашихъ
Очей, имъ веселимыхъ,
Видѣніе туда,
Гдѣ мать о немъ тоскуетъ,
Куда уже къ ней онъ

Не возвратится вѣчно;
Пускай его она
Хоть разъ еще увидитъ
Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
Отваги и надежды...
Его, быть можетъ, завтра
Придетъ схватить судьбина.

VI.

Такъ говорили звѣзды неба
О милой праздника звѣздѣ.
И вотъ онѣ паровъ и блеска—
Въ пространствѣ воздуха разлитыхъ
Межъ небомъ и землею—взяли
И свили сонъ...
И этотъ сонъ подобенъ
Былъ разноцвѣтному ковру,
Блестящему шелками,
Какой женихъ издалека
Невѣстѣ милой посылаетъ;
На немъ она въ землѣ своей
Все видитъ, что въ землѣ далекой
Ея возлюбленнаго очи
Встрѣчаютъ: горы снѣговыя.
И многоводные потоки,
И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
Деревьяхъ. И когда
На тотъ коверъ невѣста
Глядитъ—ей мнится, что сама
Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея
Онъ, возвратяся, отдыхаетъ.
Такую ткань видѣній
Изъ блеска и паровъ
Соткали звѣзды въ высотѣ;
И дали воздуху онѣ
Ее нести и съ нею тихо
Летѣть въ Туранъ,
Чтобъ спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздухъ полетѣлъ;
И матери привидѣлся прекрасный,
Какъ утро свѣтлый, сонъ;
И въ этомъ снѣ увидѣла она
Сидящаго на пиршествѣ ночномъ
За полнымъ кубкомъ сына;
Его горѣли щеки,
Его уста цвѣли,
Его сверкали очи,
Онъ полонъ былъ отваги;
И таяло отъ радости въ ней сердце.
Казалось ей, что онъ,
Въ немногіе разлуки дни,
Изъ отрока созрѣлъ
Могущественнымъ мужемъ;
И вкругъ него, казалось, много
Знакомыхъ ей и незнакомыхъ
Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
Одинъ; и, притаясь, изъ темноты
Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что къ сыну выйти не хотѣлъ
Отецъ на свѣтъ; но горе скоро
Провѣяло, какъ легкій воздухъ;
Ей стало весело, что къ сыну
Отецъ такъ близко, и что онъ,
Свою узнавъ повязку,
Изъ мрака выйдетъ и ему
Съ любовію протянетъ руку.

VII.

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
Была такимъ прекраснымъ сновидѣньемъ
Лелѣема, Зорабъ
Съ гостями праздновалъ безпечно;
И пили всѣ кипучее вино.
И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,
Одинъ по правую, другой
По лѣвую съ нимъ руку:
Былъ слѣва Баруманъ,
Къ нему не изъ любви, не для храненья
Приставленный Афразіабомъ;
А справа Синдъ; его
Послала въ слѣдъ за сыномъ мать,
Чтобъ, съ глазъ Зораба не спуская,
Онъ былъ ему въ чужой землѣ
Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
Онъ былъ изъ рода семенгамскихъ
Царей, былъ крѣпокъ силой, ростомъ
Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
И такъ очами зорокъ,
Что ночью видѣть могъ, какъ днемъ;
И это побудило мать
Ему надзоръ за сыномъ ввѣрить,
Дабы, когда имъ встрѣтится Рустемъ,
Онъ могъ немедля
Его Зорабу указать;
(Остались въ памяти у Синда

Черты Рустема съ той поры,
Когда царемъ онъ въ Семенгамѣ
Былъ такъ роскошно угощенъ,
И бракомъ сочетался
Съ царевною Теминой).
И Синдъ на праздникѣ Зораба
Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
И молча думалъ: завтра
Ему я укажу Рустема.

VIII.

Но рысьими глазами Синдъ
Увидѣлъ вдругъ, что кто-то въ темнотѣ
Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
И къ мѣсту темному пошелъ
Поспѣшнымъ шагомъ, чтобъ своими
Его глазами осмотрѣть.
Онъ тамъ увидѣлъ великана,
Огромнаго, какъ слонъ;
Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
Его глазамъ когда встрѣчался;
Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема;
Но этотъ былъ въ турецкомъ платьѣ,
Хотя и замѣчалъ
Въ немъ Синдъ какъ будто что чужое.
Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
Здѣсь спрятался и выступить на свѣтъ
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай отвѣтъ. Но не далъ
Ему Рустемъ отвѣта.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синдъ схватилъ,
Чтобъ вытянуть на свѣтъ изъ темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустемъ взмахнулъ,
И грянулъ Синда кулакомъ
По головѣ—и Синдъ упалъ,
Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
Зорабъ, примѣтивъ, что ушедшій
Не возвращался долго Синдъ,
Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащаго, обратно,
Какъ изступленный, прибѣжалъ,
Крича: убили Синда! Синдъ
Убитъ! Затрепетавъ, Зорабъ
Вскочилъ; вскочили съ нимъ всѣ гости,
И съ факелами побѣжали
Толпою къ мѣсту роковому.
Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
Онъ былъ убитъ—но кѣмъ?
Никто того не вѣдалъ.

IX.

О горе! возопилъ Зорабъ,
Въ заграду волкъ ворвался
И лучшаго зарѣзалъ въ стадѣ
Овна; а пастухи
Съ собаками дремали.
Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!..
Но некого ужъ было догонять,
Исчезъ ночной убійца. Возвратясь,
Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
Кругомъ его печально сѣли гости;
И онъ сказалъ: не радуетъ меня
Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
Направо отъ меня моимъ
Ближайшимъ другомъ занятое
Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
Онъ милой матерью моею:
И могъ одинъ въ Иранѣ указать мнѣ
Рустема; онъ одинъ изъ насъ
Его видалъ. Кто мнѣ теперь
Его укажетъ?—То услыша, покраснѣлъ
Сидѣвшій слѣва—покраснѣлъ
Предатель Баруманъ,
Не изъ любви, не для храненья
Приставленный къ нему Афразіабомъ;
Какъ Синдъ, Зорабу
Онъ могъ бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
Зорабъ, поднявъ высоко
Виномъ наполненную чашу,
Воскликнулъ: пью послѣдній кубокъ пира;
Онъ не виномъ, а клятвою кровавой
Наполненъ, клятвою отмстить
Убійцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
Его найду, и будетъ отъ меня
Ему убійство за убійство.
Когда жъ моей я клятвы не исполню,
Пускай въ отраву обратится
И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
Вино въ послѣдней этой чашѣ,
Мной осушаемой до дна.
Съ такою клятвой мщенья
(Противъ кого? о томъ не вѣдалъ онъ)
Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,

И въ дребезги расшибъ, ударивъ оземь,
кубокъ.
Потомъ всѣ гости встали съ мѣстъ,
Чтобъ Синда въ землю опустить;
И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погребеньемъ.

X.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.
При видѣ турка, Гефъ его окликнулъ,
И вся его дружина стала въ строй;
Рустемъ, узнавъ по клику зятя,
Ему знакомый подалъ голосъ;
И Гефъ, его впустивъ въ заграду стана,
Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
Гдѣ былъ ты, старый богатырь?
Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
Съ духами ль темными ночную
Бесѣду ты завелъ? въ союзъ ли съ ними
Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
Мы знаемъ, съ демонами тьмы
Давно ты водишься; и вѣрно
Отъ нихъ ты занялъ черное искусство
Быть невредимымъ, что теперь
Такъ беззаботно, безоружный,
Одинъ, переодѣтый туркомъ, ходишь
Ночной порой между шатровъ Ирана.
Рустемъ сказалъ: не въ этомъ дѣло;
Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
Издалека его увидѣлъ я,
И буду радъ, когда вблизи увижу.
Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
Нежданый помѣшалъ; насильно
Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
Я въ темнотѣ ударомъ кулака
Его убилъ—себѣ иначе
Помочь не могъ я—но о немъ
Непостижимо грустно мнѣ, и я готовъ
Почти заплакать. Гефъ, найди скорѣе
Персидскій для меня уборъ;
Замаранное кровью это платье
Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
Со всѣхъ сторонъ сбѣгутся съ лаемъ
На турка, вкругъ шатровъ персидскихъ
Ходящаго ночнымъ дозоромъ.
Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
Рустемъ турецкую одежду.
Какой-то жалобный въ немъ голосъ
Противъ ночнаго дѣла вопіялъ;
Невольно онъ жалѣлъ о Синдѣ;
Какъ будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
Свое спасенье отъ чего-то,
Неизбѣжимаго теперь.
И не пошелъ онъ къ шаху съ донесеньемъ;
Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
И легъ, и тяжко спалъ всю ночь.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

I.

Когда взошла заря на небо,
Зорабъ взошелъ на башню замка;
Съ ея площадки могъ онъ весь
Иранскій станъ, какъ на ладони, видѣть.
И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
Онъ думалъ: Синда нѣтъ; Хеджиръ
Рустема вѣрно знаетъ; мнѣ
Его укажетъ онъ. Хеджиръ
Окованный былъ приведенъ. Оковы
Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
Сказалъ: Хеджиръ, желѣза плѣна
Я золотомъ свободы замѣню,
Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
На все, о чемъ тебя разспрашивать я стану;
Будь откровененъ; съ чистымъ,
А не съ подмѣшаннымъ виномъ
Подай теперь свою мнѣ чашу.—
Я не солгу, отвѣтствовалъ Хеджиръ;
Готовъ я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Извѣстно мнѣ.—Богатые шатры
Я въ станѣ вижу, продолжалъ Зорабъ;
Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
Изъ тѣхъ шатровъ принадлежитъ?
Когда о томъ поистинѣ мнѣ скажешь,
Тебя осыплю золотомъ и честью;
Когда же нѣтъ, не усидитъ
Твоя на шеѣ голова.—
Чего же медлишь? возразилъ
Хеджиръ; разспрашивай, я буду
По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
Я не бывалъ, а смерти не страшуся.

II.

И началъ спрашивать Зорабъ:
Тамъ въ серединѣ самой стана

Я вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во всѣ концы
Дороги; и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ будто съ робкимъ ожиданьемъ;
Другіе весело отходятъ отъ шатра,
Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ
Сидитъ орелъ; и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не витязю простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ?—Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
Въ немъ шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь
Дружина вѣрная стоитъ
Тѣлохранителей. И никакой
Не страшенъ врагъ великому царю.—
Налѣво, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А на верху я вижу грифа:
Широко вѣющее знамя
Съ изображеніемъ луны
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ.—
Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераборъ, ближайшій
Къ престолу и къ цареву сердцу. —
На то Зорабъ сказалъ: имъ честь и слава!
Когда одна душа въ отцѣ и въ сынѣ,
Они всю землю завоюютъ.

III.

И продолжалъ разспрашивать Зорабъ:
Направо тамъ отъ золотаго
Шатра стоитъ, я вижу, черный;
Онъ окруженъ безчисленною стражей;
И безпрестанно скачутъ
Къ нему и отъ него гонцы.
У входа слонъ, покрытый пышнымъ
Ковромъ, и на его спинѣ
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сіяетъ
Драконъ; въ его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звѣздами,
И разстилается, какъ небо,
Широко вѣя, надъ шатрами.
Кому такая почесть?
Кто раздѣляетъ власть съ державнымъ
Его военачальникъ Тусъ, [шахомъ?—
Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ сродникъ
И право онъ имѣетъ родовое [шаха,
Въ сраженьи мѣсто заступать царя;
На зовъ его сошлося это войско,
Грозящее погибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, приросшихъ къ нимъ
Къ святой хоругви этой [драконовъ;
Прикована побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Блѣднѣетъ врагъ, ее увидя. —
Зорабъ при этомъ словѣ улыбнулся,
И продолжалъ: а этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто сѣдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?
Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и всѣ
Къ нему лицомъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣйно,
Какъ сыновья передъ отцомъ?—Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: это старецъ
Гудерсъ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечомъ пронзителенъ и крѣпокъ,
Онъ сильный царь въ своей семьѣ,
И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя... а я
Осьмидесятый; и меня
Въ строю ихъ нѣтъ.—Зачѣмъ дался ты
въ плѣнъ?

Сказалъ Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И нынче жъ будешь вмѣстѣ съ ними.

IV.

Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всѣми
Шатрами поднялся? И такъ же твердъ онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ, шатаемъ бурей,
Она жъ не двигнется, и шаткій лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ.
Конечно, тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ иранскомъ войскѣ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидитъ, я вижу, воинъ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь;
Тотъ воинъ великанъ;
Тотъ конь чудовище; и воинъ
Сидитъ не на высокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ, кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой;
Всѣ на него почтительно глядятъ;
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарища испытаннаго въ битвахъ;
Копытомъ конь нетерпѣливымъ
Разбрасываетъ землю, а когда
Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ—
Онъ чутко уши подымаетъ
И фыркаетъ; когда же
Его волнистую онъ треплетъ гриву—
Конь бѣсится, кругомъ
Стоящіе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колѣну
Дубина; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Иль изъ ноженъ до половины
Выхватываетъ мечъ—
Конь прыгаетъ, послыша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.
Мнѣ никогда такой сѣдокъ,
Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался—конь, который
Однимъ такимъ лишь сѣдокомъ
Обузданъ можетъ быть; сѣдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынесть можно. Вѣрно
О сѣдокѣ и о конѣ
И старъ и малъ въ Иранѣ знаетъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.
Онъ замолчалъ, какъ будто убѣжденный,
Что эти имена: Рустемъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

V.

Хеджиръ задумался; ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступая въ бой, Зорабъ
Своимъ отцомъ назвалъ Рустема;
И про себя Хеджиръ подумалъ:
Когда тебѣ Рустемъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомленъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не булаву
Желѣзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.
Нѣтъ! Отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я не намѣренъ.
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ.
Что жъ ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ;
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори.—Я думаю, сказалъ
Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный витязь.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно, онъ въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ намъ слухъ дошелъ, что сильный богатырь
Изъ Индіи далекой
Царемъ на помощь вызванъ—
Быть можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое.—
Но какъ зовутъ его, спросилъ Зорабъ?—
Не знаю, отвѣчалъ Хеджиръ.—
Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую.—Не знаю,
Твердилъ Хеджиръ упорно.
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣньи;
Рустемовы всѣ признаки онъ видѣлъ,
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Рустемъ—
Но имени желаннаго не могъ онъ

Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Изъ непреклоннаго Хеджира.
И снова сталъ разспрашивать его
Зорабъ: кому принадлежитъ
Тотъ свѣтлорозовый шатеръ? —
Его назвать могу я, отвѣчалъ
Хеджиръ; могучему Гуразу. —
А этотъ желтый чей?—Гургиновъ.—
А этотъ голубой?—Въ немъ Гефъ живетъ,
Рустемовъ зять.—При этомъ на Хеджира
Зорабъ разгнѣванныя очи
Оборотилъ: теперь мнѣ явно,
Что ты безстыдный лжецъ; мнѣ всѣхъ
Назвалъ ты, объ одномъ Рустемѣ
Ни слова. А Рустемъ душа Ирана,
И безъ него сраженій не бываетъ.
Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного
Принадлежащаго Рустему; гдѣ же
Рустемъ? Его съ намѣреньемъ скрываешь
Ты отъ меня. Но чудный воинъ тотъ
Передъ шатромъ зеленымъ—онъ конечно
Рустемъ. Скажи, Хеджиръ; скажи, что это
Всѣ признаки Рустемовы я вижу; [онъ!
Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;
Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,
Желалъ бы, чтобъ Рустемомъ былъ
Одинъ лишь этотъ. О! скажи,
Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты
Немедля въ станъ къ отцу и братьямъ бу-
Отпущенъ съ честью и дарами.— [дешь
Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
Ты такъ, Зорабъ, нетерпѣливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ:
Не выходи противъ него. Тебѣ
Передъ Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустемъ
На Громѣ въ полѣ выѣзжаетъ,
И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепетъ;
Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
Его дыханье буря; онъ, какъ прутья,
Ломаетъ крѣпкія деревья;
И, кто бъ его противникъ ни былъ,
Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
Горы, его Рустемъ растопчетъ,
Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
Но, къ счастью своему, грозы
Ты избѣжалъ: Рустема въ войскѣ нѣтъ;
Съ царемъ поссорясь, онъ
Въ Сабулистанъ свой возвратился,
И тамъ, о битвахъ позабывъ,
Въ роскошномъ розовомъ саду
Пируетъ весело съ гостями,
И ждетъ спокойно за виномъ,
Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана.
Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
Его хотѣлъ онъ обмануть,
Придумавши вражду царя съ Рустемомъ;
Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

VI.

Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
Съ негодованіемъ Зорабъ;
Молчи, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей!
Повѣрю ли, чтобъ пехлеванъ Ирана,
Чтобы Рустемъ, властитель боя,
Отъ боя убѣжавъ, лѣниво
Подъ кровлею домашней пировалъ?
Тогда бъ и женщины и дѣти
Его достойно осмѣяли.
Поссориться онъ могъ, конечно, съ шахомъ,
Когда, забывшись, шахъ его,
Завоевавшаго ему отцовскій
Престолъ, чѣмъ оскорбилъ; но Кейкавусъ
Еще не потерялъ разсудка;
И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Русте-
То ужъ они навѣрно примирились: [момъ,
Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу?
Что значитъ туча громовая
Безъ молніи и грома? Безъ Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иранъ вашъ значитъ? Говори жъ
Немедля, кто Рустемъ? Иль вмигъ твоя
Перелетитъ черезъ ограду замка
Къ шатрамъ иранскимъ голова.
Хеджиръ отъ злости поблѣднѣлъ.
Ты изъ меня, подумалъ про себя онъ,
Насиліемъ не вырвешь слова,
Котораго сказать я не хочу.
Не страшны мнѣ твои угрозы;
Меня убьешь ты—отъ того
Не потемнѣетъ день и въ кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только изъ своихъ
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
За то съ семидесятью девятью
Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ

Противъ Хеджирова убійцы.
И онъ сказалъ: зачѣмъ, Зорабъ,
Ты такъ бѣснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты —
Убей, ты властенъ; имя жъ,
Которое такъ жадно хочешь слышать,
Останется во мнѣ, какъ запертое
Въ могилѣ; я не вымолвлю его,
Хотя бъ и зналъ стократно, кто и гдѣ
Рустемъ. Убей меня—пусть кровью заплачу
За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей. [всѣхъ
Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ кипѣньи гнѣва
Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь пронзить Хеджиру;
Но онъ одумался, и только по щекѣ
Его съ такой ударилъ силой,
Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
Когда никто—воскликнулъ онъ —
Не хочетъ мнѣ Рустема указать,
Мой мечъ къ нему прочиститъ мнѣ дорогу.

VII.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
Вооружился, на коня,
Крылатаго дракона, прянулъ
И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
Онъ страшенъ былъ—кругомъ его
Клубился, выбитый конемъ,
Изъ нѣдръ земли кипучій, вихорь пыли;
И въ этой черной тучѣ,
Какъ молнія, броня его сверкала,
И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
Коня топочущаго ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летѣла туча громовая;
И всѣ, покинувшіе станъ,
Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
Въ испугѣ бросились назадъ,
Спѣша укрыться за окопомъ.
Такъ на лугу, заграду табуна
Покинувъ, скачутъ жеребята;
Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,
Пугаются его косматой гривы,
И шумно ломятся въ заграду;
Такъ, ужасомъ объятые, къ шатрамъ
Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
Но, мелкаго врага не замѣчая,
Онъ вихремъ мчался къ валу стана,
Чтобъ, на него взлетѣвъ съ конемъ;
Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
На смертный вызвать поединокъ;
И съ высоты окопа закричалъ
Зорабъ такимъ гремящимъ кликомъ,
Что отъ него и мертвый бы въ могилѣ
Перевернулся: Шахъ великолѣпный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крѣпкою оградой стана;
Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
Ты спрятался тамъ отъ меня,
Какъ за плетнемъ отъ волка
Съ овцами прячется пастухъ?
Съ моимъ копьемъ противъ тебя
Я выѣзжаю; въ Бѣломъ Замкѣ
Былъ умерщвленъ разбойнически Синдъ;
Я за виномъ кровавую далъ клятву
Разбойнику за друга отомстить,
И въ ясный день убить убійцу;
Столь храбраго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтобъ шелъ со мной сразиться;
Когда жъ тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
Инаго—лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
Но если изъ твоей заграды
Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
Въ твой станъ проникну и къ шатру,
Гдѣ ты таишься недоступно,
Себѣ мечомъ прочищу доступъ.
Не устрашатъ меня твои два стража,
Твой левъ и тигръ; до солнца твоего
Мое копье крылатое допрянетъ;
И выронитъ орелъ твой изъ когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатеръ твой повалю,
И ты отъ сна безпечнаго проснешься.

VIII.

При этомъ кликѣ шахъ въ испугѣ
Вскочилъ. Бѣгите за Рустемомъ,
Онъ закричалъ. Какъ этотъ звѣрь провѣдалъ,
Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю?
Скорѣй, скорѣй позвать Рустема!—
Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
Когда гонецъ предъ нимъ явился
И задыхаясь возопилъ:
Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
Шатеръ напасть грозится онъ;

Спѣши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.
Рустемъ, не покидая мѣста,
Сказалъ: служить накладно Кейкавусу;
Покоя нѣтъ ни днемъ ни ночью;
Я прошлую провелъ въ работѣ ночь,
Теперь хочу день цѣлый отдыхать.
Но вотъ второй гонецъ примчался
За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
За третьимъ; быстро,
Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
Они летѣли другъ за другомъ,
И каждый повторялъ: Рустемъ!
Зорабъ ворваться хочетъ въ станъ;
Бѣги скорѣй къ царю на помощь.
Увидя общую тревогу,
Рустемъ сказалъ: да развѣ небо
Упало? Всѣ дрожатъ передъ однимъ!
Отъ одного такой пожаръ всемірный!
Но вдругъ предъ нимъ явились
Вельможи, посланные шахомъ.
Верховный воевода Тусъ
И самъ царевъ наслѣдникъ Фераборъ;
И всѣ его доспѣхи принесли
Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
Тяжелый панцырь на него,
Гургинъ поножья; шлемъ
Былъ поданъ Фераборомъ;
Гуразъ принесъ колчанъ и лукъ;
Съ копьемъ, мечомъ и булавой пришли
Три сына стараго Гудерса;
И наконецъ съ могучимъ Громомъ,
Совсѣмъ осѣдланнымъ явился зять
Рустемовъ Гефъ. Увидя,
Какъ бѣшено, почуя бой, кипѣлъ
И прядалъ Громъ, его товарищъ вѣрный,
Рустемъ воспламенился;
На Грома онъ вскочилъ,
И, грозно крикнувъ, поскакалъ...
И всѣ очами вслѣдъ за нимъ
Въ глубокомъ страхѣ устремились.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РУСТЕМЪ и ЗОРАБЪ.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

Онъ поскакалъ туда, гдѣ богатырь,
Съ нимъ однокровный, ждалъ, гдѣ сынъ его родной
Стоялъ, противъ отца вооруженный.
Завидѣвши одинъ другаго, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
Сынъ Грома—тотъ, отца принесшій
На убіенье сына; этотъ,
Принесшій сына, чтобъ погибъ
Рукой отца: но какъ родные
Они привѣтственнымъ другъ друга ржань-
Окликнули... О горе! Неразумнымъ [емъ
Звѣрямъ былъ внятенъ голосъ крови,
А въ глубину души отца и сына
Онъ не проникъ—такъ бѣдный человѣкъ,
Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
Слѣпорожденнаго слѣпѣй бываетъ—
Для витязей то родственное ржанье
Призывомъ было въ бой свирѣпый,
И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
Остановясь одинъ противъ другаго,
Отецъ и сынъ издалека другъ друга
Смертельнымъ окомъ молча озирали.
А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями поединка,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Полки блестящіе Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку присло-
И тихимъ рати строемъ [нивши.
Одна противъ другой стояли,
Какъ двѣ на двухъ концахъ противныхъ неба
Стоятъ гровой чернѣющія тучи;
Желанье боя только въ двухъ
Избранныхъ витязяхъ горѣло;
А вкругъ ихъ все молчало, роковаго
Событія со страхомъ ожидая.

II.

И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга
Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ: здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ! моя завидна участь:
Я лѣтами еще полуребенокъ,

А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Желѣзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Сѣдой боецъ, твоя не сладитъ старость.—
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ: не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ;
Земля тверда, хотя и холодна:
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ.
Я на своемъ вѣку немало
Полей сраженья перешелъ,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь;
Ихъ много спитъ, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я
Убитаго во глубь земли холодной.
Когда же паче ожиданья
Моей руки ты избѣжишь,
То ужъ тебѣ никто, ни человѣкъ,
Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя.—Такую рѣчь
Привѣтнонѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала.
И онъ сказалъ: о бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ поправдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
Именовать.... какой-то голосъ
Мнѣ тайно говоритъ, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель.—Такъ сказалъ Зорабъ.....
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель
Могла бъ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нѣжную любовь...
Но темный духъ нашелъ тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ;
И знать тебѣ нѣтъ нужды о Рустемѣ.
Я подданный, а онъ державный князь;
Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;
Я у тебя въ долгу: вчера я, вѣдай,
Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
Ночное совершилъ убійство.

III.

При этомъ словѣ гнѣвомъ вспыхнулъ,
Какъ туча молніей, Зорабъ,
И разомъ оба поскакали,
Зорабъ направо отъ Рустема,
Рустемъ направо отъ Зораба;
И, отскакавъ во весь опоръ
На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
Коней; и быстро полетѣли
Другъ противъ друга двѣ грозы.
И начался межъ сыномъ и отцомъ
Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
Они пустили копья—
Со свистомъ пронизали
Они щиты, подставленные имъ,
И, пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись въ землю.
Тутъ обнаженными мечами
Они разить другъ друга принялися—
Мечи, скрестяся на ударѣ,
Переломились разомъ оба;
Они, мечей обломки бросивъ,
Желѣзныя схватили булавы.
Чего копье не тронуло, то мечъ
Разсѣкъ; чего не тронулъ мечъ,
То раздробила булава—
Такъ бились витязи, упорствомъ
И силою одинъ другаго стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемахъ блеска не осталось,
Всѣ перья съ гребней облетѣли,
И ни одно кольцо на ихъ кольчугахъ
Не уцѣлѣло; всѣ избиты
Ихъ были члены; потъ ручьями
Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
Подъ ними кони ихъ дымились.
Такъ на небѣ двѣ тучи громовыя,
Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ
И молніи на молніи бросаютъ;

Онѣ другъ друга истребить
Не могутъ, но подъ ихъ войною
Земля приходитъ въ трепетъ,
Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
И вся подъ ними сторона
Становится пустынна, какъ великимъ
Сраженіемъ растоптанная нива;
Когда жъ ихъ силы истощатся,
Онѣ расходятся и грозно
Издалека другъ на друга сверкаютъ
И глухо, ропотно гремятъ.
Такъ витязи, истративъ силы,
На время бой упорный прекратили.

IV.

Отецъ и сынъ избиты были оба.
Сошедъ съ коней, они имъ дали волю
Вздохнуть; а сами разошлися,
И издали дивилися другъ другу.
Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
Не можетъ быть, чтобъ этотъ звѣрь,
Столь яростно меня терзавшій,
Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
Всѣ признаки описанные мнѣ,
Но о такой неимовѣрной злости
Мнѣ мать не говорила; въ ней
Любовь къ нему родиться не могла бы,
Когда бъ ея очамъ явился онъ
Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
Но онъ и самъ назвалъ себя
Убійцей Синда... нѣтъ! онъ не Рустемъ;
Я клятвы долгъ святой исполню,
И отомщу убійствомъ за убійство.
Въ то время и Рустемъ съ собою
Такъ разсуждалъ: не отъ простой
Онъ матери; она конечно
Не человѣческой, а великанской
Породы: въ возрастѣ его
Подобной силы не имѣлъ я.
Рустемъ, Рустемъ, остерегись;
Сбери всю крѣпость, старый богатырь;
Два войска смотрятъ на тебя;
Бѣда и стыдъ, когда съ тобою
Турченокъ безбородый сладитъ
И, возвратяся въ Семенгамъ,
Разскажетъ сыну твоему
О поношеніи отца его Рустема.
Такъ, отдыхая, размышляли
Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ ихъ кони,
Усталые отъ жаркой схватки,
Но пощаженные въ бою,
Провѣтрились, остыли, освѣжились
И приготовилися снова
Своихъ могучихъ сѣдоковъ
Нести на смертный поединокъ.

V.

Еще усталые, чтобъ силы обновить,
Они за луки и за стрѣлы
Схватилися. Двѣ первыя стрѣлы
На воздухѣ слетѣлись остріями
И обезсиленныя пали
На землю; въ слѣдъ за ними частымъ
Дождемъ другія зашумѣли;
Такъ вихремъ сыплются сухіе
Съ деревьевъ листья при осеннемъ
Свистящемъ вѣтрѣ; такъ
Кругомъ ульевъ, когда согрѣетъ ихъ
Лучомъ весеннимъ солнце,
Сверкаютъ и жужжатъ, роясь, пчелы.
И непрестанно въ ихъ рукахъ
Сгибалися и разгибались луки,
Визжали рѣзко тетивы;
И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;
И вслѣдъ за каждой изъ очей
Взоръ смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
Отъ панцырей отпрыгивали стрѣлы,
Ихъ остріе ломалося объ шлемы,
Въ щиты вонзаяся, на нихъ
Онѣ густой щетиною торчали;
Такъ солнца острые лучи,
Гранитъ могучій осыпая,
Ему пронзить не могутъ твердой груди,
И лишь ея поверхность разжигаютъ.
Истративъ стрѣлы, наконецъ
Противники свои пустые
Колчаны бросили и на коней
Вскочили оба, чтобъ начать
Войну губительную снова.

VI.

Слетѣвшись на коняхъ, они
Вцѣпились крѣпкими руками
Другъ другу въ кушаки. Рустемъ
Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
Что онъ ни схватывалъ рукою,
Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;

Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
Какъ не колеблется утесъ,
Обвитый кольцами удава,
Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зорабъ напрасно мышцы
Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
Какъ не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдругъ, кушакъ отцовъ покинувъ,
Какъ бѣшеный, Зорабъ впился руками
Въ его серебряные кудри,
Разсыпанныя по плечамъ,
Въ сраженьи выпавъ изъ-подъ шлема;
Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
Не покачнувшись, усидѣлъ;
Одинъ лишь клокъ серебряныхъ сѣдинъ
Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
Ты, богатырь неодолимый
Подъ сѣдинами старика!
Воскликнулъ онъ, зачѣмъ, зачѣмъ
Съ моею молодостью сильной
Свою выводишь старость въ бой?
О! сердце у меня въ груди поворотилось,
Когда въ моей рукѣ остались
Твои сѣдые волоса!
Мнѣ показалось, что обидѣлъ
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы другъ друга
Должны такъ яростно губить?
Уже ль другихъ здѣсь не найдется
Противниковъ, чтобъ успокоить
Въ насъ жажду огненную боя?
Такъ воинъ молодой сказалъ;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотилъ грозящее лицо.

VII.

И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ стадо
Овецъ, онъ кинулся съ мечомъ
На рать туранскую. Зорабъ
При этомъ видѣ повернулъ
Коня и яростный, какъ тигръ,
Изъ тростника въ табунъ коней
Однимъ влетающій прыжкомъ,
Явился межъ дружинъ Ирана;
И началъ мечъ его сверкать,
Какъ молнія, направо и налѣво;
И люди вкругъ меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополамъ
Пересѣченный. Той порой
Рустемъ, уже достигшій строя
Дружинъ туранскихъ, вдругъ остановился;
И, обративъ глаза на рать Ирана,
Увидѣлъ, что въ ея рядахъ
Разстроенныхъ происходило;
Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
Подумалъ онъ о страхѣ Кейкавуса.
И быстро, не взглянувъ на турковъ,
Къ своимъ на помощь поскакалъ.
Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
Какъ разсыпалъ рубины крови
На яркій поля изумрудъ
Своимъ мечомъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ:
Остановись! зачѣмъ на слабыхъ
Такъ бѣшено ты нападаешь?
Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
Что вдругъ на нихъ ты кинулся нежданый,
Какъ звѣрь голодный на добычу?
Зорабъ, его увидя, изумился.
А ты, мой старый богатырь,
Воскликнулъ онъ, за что на бѣдныхъ турковъ
Такъ яростно ударилъ? Чѣмъ они
Тебя обидѣли? Но вижу,
Что снова ты въ сраженье вызвать
Меня желаешь—я готовъ.
На то Рустемъ отвѣтствовалъ: ужъ день
Смѣнила ночь; она покою
Принадлежитъ, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востокѣ солнце, витязь неба,
Свой мечъ подыметъ золотой и землю
Имъ облеснетъ, мы бой возобновимъ;
Будь здѣсь, а я здѣсь буду:
Мы пѣшіе, борьбою
И боемъ рукопашнымъ дѣло
Начатое окончимъ; оба войска
Сраженія свидѣтелями будутъ;
Увидимъ мы, которое изъ двухъ
Богатыря оплачетъ своего.

VIII.

Они разстались; сумраченъ былъ вечеръ
И темное тревожилося небо:
Оно какъ будто въ погребальный
Покровъ заранѣ облекалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый Замокъ.
Онъ на пути спросилъ у Барумана:
Что этотъ левъ, который такъ измялъ
Мои бока тяжелой лапой,
Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ? Много ль
Погибло отъ него народа?—
Ты повелѣлъ, чтобъ войско было тихо
(Такъ Баруманъ отвѣтствовалъ); и войско
Стояло строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженью; вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ будто изъ земли
Родившійся, незапно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленьемъ рати;
Всѣ приготовились къ отпору;
Но онъ, какъ будто устрашенный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ,
Какъ привидѣнье.—Громко засмѣявшись,
Сказалъ Зорабъ: итакъ, онъ только
Насъ навѣстилъ по милости своей;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ.
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ иранской кровью;
Насъ темнота ночная развела;
Но завтра на разсвѣтѣ
Опять начнется бой нашъ; завтра
Увидимъ мы, который устоитъ
Изъ насъ двоихъ, который ляжетъ мертвый.
И обѣ рати станутъ въ строй,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы.
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтить съ ликованьемъ—это
Намъ скажетъ завтрашнее утро;
А нынче намъ приличнѣй, всѣ забывъ
Тревоги, влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены,
И освѣжить языкъ, сожженный зноемъ.
Скорѣй, премудрый Баруманъ,
Вели намъ пиръ обильный приготовить.

IX.

Тѣмъ временемъ, достигнувъ стана,
Рустемъ въ шатрѣ царя,
Съ нимъ и съ его вождями,
За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во-время не подоспѣлъ,
Бѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?
И, зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: такого богатырства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человѣкъ,
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ [искусствѣ;
А свѣжей младостью своей
Мою онъ старость превосходитъ.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой
Я испыталъ сперва мое копье,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву—
Все отразилъ онъ; напослѣдокъ, вспомнивъ,
Что въ старину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ сѣдла,
Ему въ кушакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ
Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тьма съ нимъ разлучила—
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?
А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся, славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя станутъ въ строй;
И въ этотъ часъ ужъ будетъ завтра всѣмъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Лежитъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Всѣ на-лицо, озолотимъ
Безпечнымъ пированьемъ
Канунъ спокойный роковаго,
Быть можетъ, бѣдственнаго дня.

Державный шахъ, благоволи
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ.

X.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Задумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пировавшихъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино; за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И, наконецъ, по долгомъ пированьи
Всѣ по шатрамъ на сонъ и на покой
Полухмѣльные разошлися.
Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
Зеваръ, мой братъ, ты видѣлъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,
О томъ изъ насъ не вѣдаетъ никто.
Я завтра рано выйду къ дѣлу;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моей сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадетъ
побѣда,
Не стану я на мѣстѣ крови медлить,
И ты меня въ шатрѣ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди въ Сабулъ; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть
Отъ юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарѣлся и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; немало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;
Немало крѣпкихъ замковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло—
Теперь насталъ чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно
Со всадникомъ своимъ—кто бъ ни былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій—
Примчится; каждому изъ насъ
Въ тѣ ворота въ свой часъ придется стук-
И каждому отворятся они; [нуть,
На увольненье здѣсь отъ смерти
Онъ записи отъ неба не имѣлъ;
На вѣчное подданство ей
Мы всѣ укрѣплены судьбою».
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина послѣднюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеваръ,
И спи спокойно; остальное
Звѣздамъ на волю отдадимъ.
Рустемъ умолкнулъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокій погрузился.

КНИГА ОСЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ВТОРОЙ БОЙ.

I.

Когда павлинъ денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, опоясалъ
Губительный свой мечъ,
И, боемъ дышащій, вскочилъ
На огнедышащаго Грома;
И бурею на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звѣзда, пророкъ
Великихъ бѣдствій, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно шлемъ косматый
Блисталъ на головѣ Рустема;
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирался, но Зораба
Тамъ не было: Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукѣ лютни, безпечно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману:
Со мною этотъ старый левъ
И крѣпостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плеча, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркалѣ себя; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звѣзды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.

Взглянувъ ему въ геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мнѣ стыдно, я краснѣю, въ грудь мою
Втѣсняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруманъ, ужъ не Рустемъ ли онъ? Скажи
Мнѣ правду; Баруманъ, спаси
Меня; не дай мнѣ быть отцеубійцей
На ужасъ всей землѣ. Что, возвратясь,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умылъ
Въ крови отца? Всѣ знаки, ею
Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
Мои глаза, не достаетъ
Лишь одного мнѣ убѣжденья. Если онъ
Рустемъ, то я еще ему въ глаза
Сказать не смѣю: я твой сынъ!
То имъ самимъ запрещено;
Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
Когда же не Рустемъ онъ... О! какая
Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцомъ,
Богатыря такого одолѣвши!
Кто разрѣшитъ мое недоумѣнье?
Когда вчера такъ звѣрски
Со мной онъ бился, мысль, что онъ
Отецъ мой, показалась мнѣ
Мечтой несбыточной; но въ эту ночь
Я видѣлъ сонъ... я видѣлъ, что лежу
Въ его объятіяхъ, такъ нѣжно,
Такъ весело, съ такой любовью дѣтской.....
Нѣтъ! Не могу и не хочу съ нимъ биться.

II.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
Афразіабъ, коварный Баруманъ
Отвѣтствовалъ: ты видѣлъ сонъ,
Проснулся—вотъ и все. Уже ль, повѣря
Мечтѣ, начатаго такъ славно
Не довершитъ? Ты слово далъ,
И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ
Стыдомъ себя покроешь. Въ полѣ
Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжествуя
Ужъ думаетъ: передо мной робѣетъ
Мой недозрѣлый богатырь.
Такъ и Иранъ съ нимъ вмѣстѣ скажетъ;
То повторится и въ Туранѣ.
Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебѣ лежитъ святая клятва
Отмстить за Синда; самъ же онъ сказалъ
Тебѣ, что Синдъ убитъ его рукою.
А для чего свое таитъ онъ имя,
Не знаю; мой совѣтъ: не любопытствуй
И ты о томъ узнать; убей и уничтожь
Его, пока онъ самъ тебя убить
И уничтожить не успѣлъ—
Тогда избѣгнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
Такъ искуситель говорилъ;
Его слова звучали глухо;
Онъ поглядѣть въ лицо не смѣлъ Зорабу
И блѣденъ былъ, какъ полотно;
Но всѣ сомнѣнья онъ разрушилъ
Въ душѣ Зораба. Мщеньемъ закипѣвъ,
Поспѣшно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихаго прянулъ
И полетѣлъ на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на мѣстѣ,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ:
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами;
А Баруманъ туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
Его спросилъ, привѣтно улыбнувшись:
Покойно ль спалъ ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный:
Прекрасенъ этотъ день—таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило;
Цвѣты всѣ утреннимъ виномъ
Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ:
Невидимо подъ вѣтвями деревъ
И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи сіяя льются;

На солнцѣ блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ...
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще намъ уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; заключимъ
Въ виду обѣихъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пустъ будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.
Я знакъ подамъ—и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Желѣзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твои мнѣ милыя сѣдины;
И, сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,
О бранныхъ подвигахъ, и всѣмъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу,
И славное свое мнѣ скажешь имя—
О! не упорствуй, другъ; скажи,
Скажи его—мы не должны
Такъ чужды быть другъ другу; насъ
Съ тобой вчера побратовала битва.

IV.

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ—
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье;
Такъ раскрывается младая
Распуколька отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
Она сжимается и увядаетъ;
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душѣ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.
Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
Сюда пришли мы, чтобъ, роскошно
На луговомъ коврѣ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То я ужъ не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго;
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла;
Она моимъ состарѣвшимся членамъ
Живую крѣпость придаетъ.
Итакъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разсказовъ о бояхъ
Соперники на мѣстѣ боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.

V.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ: будь по-твоему, упрямый
Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ; и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь кого принесть ей въ жертву
должевъ.
На землю спрянулъ онъ съ коня,
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сошелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали;
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ друга
Обфыркали и, ознакомясь,

Между собой нѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свѣжею водою,
И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душѣ готовя.

VI.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщилися лица,
И загорѣлися глаза,
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Вокругъ котораго четыре
Желѣзныя руки, какъ змѣи,
Въ него вдавясь, переплетались.
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили; перли, гнули, жали—
Напрасно; камень и желѣзо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына
Отецъ, ни сынъ отца; дыханье
Спиралось въ ихъ груди; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горѣли;
Ихъ ноги были врыты въ землю—
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста;
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боронье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипѣнье—
Неодолимъ, неколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и, разомъ снова
Сбѣжавшися, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться
На немъ, его къ землѣ онъ придавилъ
Колѣномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

VII.

Рустемъ, увидя надъ собою
Желѣзо, возопилъ: остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ: межъ суровыхъ
Родяся турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана—знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолѣть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой иранскій нашъ обычай;
И стыдъ тому, кѣмъ будетъ онъ нарушенъ!
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману.—Я, отвѣтствовалъ Зорабъ,
Не слыхивалъ, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ?—На это возразилъ
Рустемъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покоренъ.
При этомъ словѣ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подалъ
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ

Великодушенъ, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ погибели стремила неизбѣжно
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодовалъ, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшися съ земли, онъ отряхнулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына; а Зорабъ
Ему сказалъ съ усмѣшкой: отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ.
Сѣвъ на коня, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горѣ
Туранское стояло строемъ войско;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа,—
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часѣ роковомъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновеній
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ—
Какъ будто что напомнилось ему—
Пошелъ поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ и самому
Ему она была во вредъ:
Его земля не выносила;
Когда онъ шелъ по каменному кряжу,
Какъ на пескѣ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у турковъ, онъ
Во мракѣ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебрью;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онѣ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тьмѣ раздался
Осиплый хохотъ. Кто хохочетъ? гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я!—
«А ты кто?» — Горный духъ. — «Чему смѣешься?» —
Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своей не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если—
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены—
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда и кликни—я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,
Пришелъ онъ въ дебрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;
Онъ смѣлъ колѣномъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотолѣ безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Тамъ на престолѣ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ
Искалъ свиданья съ нимъ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ; онъ дохнулъ, и мгла

Слетѣла съ головы; и духъ
Сталъ видимъ, хмурый и туманный;
И онъ спросилъ: къ кому пришелъ ты?—
Къ тебѣ, отвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые;
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ; а ты
Меня узналъ ли?—Темный духъ
Отвѣтствовалъ: съ трудомъ; ты сталъ
И старъ, и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли?
Рустемъ сказалъ: отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я донынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ;
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье.
Духъ отвѣчалъ: Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человѣкъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ;
Но ты свою мнѣ силу,
Во цвѣтѣ лѣтъ, по доброй волѣ
На сбереженье отдалъ самъ—
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлѣе, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣненная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плечи дряхлыя свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Сѣдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще не поздно; мой совѣтъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ—
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣніи стоялъ и озирался—
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба день ужъ начиналъ
Сходить, и тѣни становились
Длиннѣе. Но... Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
«Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ—
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце сѣло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?..» И въ этотъ мигъ
На заревѣ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ
Зорабъ невольно содрогнулся. [Рустема;
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блистающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣньи,
И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго
Промедлилъ, шопотомъ сказалъ: должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи
Успѣемъ ли?.. Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли—яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день—
Такъ и теперь насталъ чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившійся простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя...
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око...

Они сошлись—и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ—Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ давнулъ—и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: о ты, невѣрный обольститель!
Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженъ?
Ты небылицей о Рустемѣ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной, укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухѣ иль рыбою въ водѣ,
Не избѣжишь, хотя и въ гробѣ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски зарѣзанъ
Тобою сынъ Рустема и Темины.
Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай
Кто твой отецъ? — Я сынъ Рустема и Темины,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ сказалъ Зорабъ.
Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Теминѣ, показать;
И чтобъ сберечь ее вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь—увидишь самъ.
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалася изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ...
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,
Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ;
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ, ее увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ будто задушенный:
Зорабъ, ты сынъ мой... я Рустемъ!

V.

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ...
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробѣжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,
Имъ въ логѣ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжитъ: и на него,
Слѣпой отъ голода, отецъ въ остервененьи
Бросается, его когтями
На части рветъ и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотолѣ, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра—
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,
Какъ будто вдругъ убитый наповалъ,
На сына грянулся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ
Еще его лилася кровь, [рядомъ сынъ;
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,
Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти, и, наконецъ, такъ страшно
Нашелъ... И онъ теперь (какъ наканунѣ

Ему привидѣлось во снѣ)
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью
дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ мракѣ оба войска
Стояли, молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ;
И все опять утихло;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто; когда же, наконецъ,
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича: Рустемъ
Убитъ! на Громѣ нѣтъ Рустема!
Тогда нашелъ на войско трепетъ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремѣлъ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чѣмъ оно прійти успѣло къ
Достигъ туда его далекій шумъ; [мѣсту,
И имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному
Былъ пробужденъ; и тяжко [страданью
Онъ застоналъ—но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Послѣднее дыханье,
Послѣдній свѣтъ души своей онъ собралъ,
И на его блѣднѣющихъ устахъ
Чуть слышною музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная рѣчь;
И тихо рѣчь лилась,
Какъ теплая, слабѣющая кровь,
Все медленнѣй бѣжавшая изъ груди.

VII.

«Отецъ, пока еще во мнѣ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ—къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ нихъ,
Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
Произносимое на свѣтѣ слово:
Отецъ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ; имъ горечь
Услаждена, за гордое желанье [смерти
По славѣ подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушишься? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убилъ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звѣздами предназначенъ;
На то и Синдъ напрасно ею
Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать;
На то и ты былъ долженъ Синда ночью
Убить, чтобъ ужъ никто не могъ
Насъ во-время другъ съ другомъ позна-
Когда молва о гибели моей [комить.
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ; позволь, чтобъ Баруманъ
Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ,
Онѣ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ;
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ;
Тебя назвать отрекся... Ахъ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесятъ сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый; пусть владѣетъ
Хеджиръ и Бѣлымъ Замкомъ;
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ, какъ сонъ,
Гурдаферидъ себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнитъ:
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнесть въ Сабулъ и положить
Туда, гдѣ всѣ положены

Мои прославленные предки;
А здѣсь пускай раскинутъ надо мною
Рустемовъ царственный шатеръ.
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь...
Пришелъ, какъ молнія; ушелъ, какъ вѣтеръ...
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,
И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема.

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ;
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Желѣзной судорогой были.
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.
Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынѣ темноты
Онъ остается, и ему
Ужъ никакое на пути
Не руководствуетъ сіянье—
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался;
Рустемъ въ разстройствѣ скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ навстрѣчу,
Окровавленный, весь въ пыли,
Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранѣ столь ужаснымъ
Не видывалъ... но громозвучнымъ крикомъ
По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ, живой, явился.
Такой подъемлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
Ее схватившаго врага:
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликова о
Рустема встрѣтившее войско.
И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ: сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите всѣ, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ;
Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана.
Я много боевъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славѣ:
Смотри, Иранъ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына.
Такъ говорилъ Рустемъ, и голосъ
Его не трепеталъ; и были сухи
Его глаза; и былъ онъ страшно тихъ.
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго;
Еще за часъ цвѣтущій, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ—
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лицо...
Еще онъ живъ! воскликнулъ онъ;
Скорѣй гонца отправьте къ шаху
Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ исцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ...
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
Гонецъ, и такъ сказалъ: Рустемъ
Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью
Всѣ пораженные, рыдаютъ; ими
Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.
Но шахъ отвѣтствовалъ на это,
Не торопясь: благодаренье богу!

Рустемъ спасенъ, а врагъ лежитъ убитый;
Ему покойно, я тревожить
Его не стану: всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной ужъ силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ, ихъ обоихъ
Не выдержать Ирану.
Но если такъ Рустемъ желаетъ,
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость,
И самъ сюда придетъ,
И проситъ милости у шаха на колѣняхъ.
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ [словъ,
Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказѣ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ;
Не могъ пойти, не могъ остаться;
Но, наконецъ, передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
Пошелъ... но десяти шаговъ переступить
Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кромѣ гроба.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

РУСТЕМЪ.

I.

Рустемъ пришелъ обратно; тою порой
Они ужъ мертваго покрыли.
Была кругомъ тройная ночь:
На небесахъ, въ душѣ отца,
И въ скиніи пустой,
Гдѣ такъ недавно
Душа Зорабова сіяла—
Поднявъ въ молчаніи покровъ,
При слабомъ звѣздъ сіяньи,
Отецъ увидѣлъ
Умершаго лицо:
Оно отъ темноты,
Какъ блѣдный призракъ, отдѣлялось
Своею смертной бѣлизной;
И холодъ ужаса въ него проникъ;
Покровъ на мертваго опять онъ наложилъ,
И шопотомъ, какъ будто разбудить
Заснувшаго остерегаясь,
Сказалъ: я часто смерти
Глядѣлъ въ глаза, и никогда
Мнѣ не было предъ нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
На этомъ образѣ прекрасномъ...
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебѣ, Рустемъ! Всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладѣвшей.
Что подвиги твои теперь?
Всѣ прежніе послѣдній опозорилъ.
О милый сынъ мой; сынъ моей души!
Такую ль встрѣчу твой отецъ
Тебѣ былъ долженъ приготовить?
Тебя съ младенчества прельщалъ
Погибельный, невѣрный призракъ;
Рустемовы дѣла
Въ твою гремѣли душу;
Они къ отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью и жизнью было
Упасть на грудь отца... ты на нее упалъ,
Но объ нее расшибся; ты насильно
Въ мои объятія ворвался—
И былъ въ нихъ задушенъ.
Тебѣ я, какъ врагу, дивился,
Завидовалъ... слѣпой безумецъ!
Обманомъ я разжалобилъ твою
Безхитростно-довѣрчивую душу,
Чтобъ у тебя украсть изъ рукъ
Остатокъ дряхлой жизни,
Мнѣ самому теперь презрѣнной,
И чтобъ потомъ разбойнически младость
Твою убить въ союзѣ съ темной силой.
И наконецъ я за тебя, мой сынъ,
Пошелъ на стыдъ и униженье,
Пошелъ упасть къ ногамъ надменнымъ
Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти [шаха,
Тебя не спасъ я... О! пусть будетъ этотъ
Мирительной уплатою за все, [стыдъ
Что сотворилъ тебѣ въ обиду
Отецъ твой... такъ рѣшили звѣзды:

Я возмечталъ до неба вознестися—
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство.

II.

Такъ сѣтовалъ Рустемъ во тьмѣ ночной,
И всѣ вожди и всѣ вельможи,
Съ нимъ вмѣстѣ сѣтуя, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней
Трапезѣ. Ихъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертваго глядѣлъ
И, роковую стиснувъ
Въ рукахъ повязку, такъ
Ей говорилъ: ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!
Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты во-время сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таилъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти никакой
Ни о себѣ ей не давалъ,
Ни отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила
Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бъ туда я не входилъ—
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бъ не отнялъ жизни.
Ахъ! конь мой, конь мой, въ черный день
Меня понесъ ты на охоту—
Въ добычу намъ досталася Бѣда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отнынѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую.

III.

Такъ сѣтовалъ во тьмѣ ночной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ свой отказъ жестокій оправдать;
Но было холоднѣй мороза
Его безчувственное слово.
Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана пехлеванъ великій,
Лежишь въ пыли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой—
Хотя бъ могли съ подошвы гору сдвинуть
Или шатеръ небесный повалить
На землю—не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью—дичью легконогой
Гоняется охотникъ смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ:
Послѣдній часъ всегда въ расплохъ насъ [ловитъ.
Я самъ издалека дивился
Его великой силѣ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ
И исполинской красотѣ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;
Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто [изъ насъ
Подумать и во снѣ,
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранѣ отъ руки отца?
Теперь ему не нуженъ болѣ
Мой жизненный бальзамъ; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великолѣпнымъ погребеньемъ
Его почту и въ немъ тебя, великій
Ирана пехлеванъ; и будетъ въ Истахарѣ
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнутъ.
Теперь мнѣ дай лицо его увидѣть.

IV.

Такъ говоря, онъ подошелъ,
Чтобъ мертвому лицо открыть, но тяжкой
Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
И, головы не подымая, шаху
Сказалъ онъ: видѣть Кейкавусъ
Рустемова не будетъ сына. Удались,
Державный царь, оконченъ пиръ, гостямъ
Здѣсь мѣста болѣ нѣтъ; а сына самъ я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назадъ пойдетъ свободно:
Его душа исчезла. Такъ же
И ты, могучій Кейкавусъ,
Не медли здѣсь; иди въ свой Истахаръ,
И разскажи, когда тамъ будешь,
Какую легкую побѣду
Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было
Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
Идите всѣ; меня здѣсь одного
Съ моимъ оставьте сокрушеньемъ.
Онъ замолчалъ, и отъ покрова
Руки не отнялъ, головы не поднялъ,
И не взглянулъ на шаха; на землѣ
Близъ сына онъ лежалъ, не отводя
Отъ мертваго очей. Оборотясь
Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
Имъ Кейкавусъ: его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
Какъ сѣтуетъ Ирана Пехлеванъ—
Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ желаетъ
Остаться здѣсь одинъ; пойдемъ. И шахъ
Пошелъ; и всѣ пошли за нимъ,
Храня молчаніе; и въ полѣ
Рустемъ одинъ остался съ мертвымъ сыномъ.
И вскорѣ все пришло въ движенье войско;
Шатры попадали, и станъ исчезъ—
Какъ будто міръ какой великій
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задребезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Въ обратный путь пошли дружины.

V.

Съ земли поднявшися отъ сына,
Рустемъ увидѣлъ вдалекѣ
Лишь только пыль, подъемлемую войскомъ
На краѣ небосклона; поле,
Гдѣ былъ разбитъ иранскій станъ,
Ужъ было пусто, одиноко
Среди его стоялъ зеленый
Шатеръ; а въ сторонѣ шатры Сабула,
Гдѣ полководствовалъ Зеваръ.
Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
Ему сказалъ: теперь всему конецъ.
Иди, Зеваръ, и отъ меня
Турану миръ съ Ираномъ объяви.
Хеджиру возврати свободу,
И власть ему вручи надъ Бѣлымъ Замкомъ
Примолвивъ: «отъ Зораба
Въ награду за твою правдивость».
Потомъ ты скажешь Баруману:
«Зорабъ тебя за добрые совѣты
И за любовь къ царю Афразіабу
Отсюда съ миромъ отпускаетъ».
И самъ его до рубежей Турана
Съ отборною сабульскою дружиной
Потомъ ты проводи; когда жъ проводишь
Въ сосѣдній городъ Семенгамъ
Поди и дочери царя,
Теминѣ эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтобъ кровь съ нея не стерлась:
То матери единственный остатокъ
Отъ сына. Такъ же ей отдай
И всѣ Зорабовы доспѣхи—
Пускай они печаль ея насытятъ;
А ты, увидя, какъ она
Безъ утоленья будетъ плакать,
И рваться въ судорожномъ горѣ,
И сына тщетно призывать,
Скажи въ отраду ей, какимъ
Меня ты здѣсь оставилъ...
Ты день пробудешь въ Семенгамѣ;
Потомъ сюда о ней живую вѣсть
Мнѣ принесешь. Иди жъ немедля;
Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебѣ я ввѣрю,
И ты его въ Сабулистанъ
Отсюда съ честью понесешь,
Рустемовымъ сопутствуемый войскомъ.

VI.

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:
Принесть сюда зеленый мой шатеръ!
Отъ мѣста, на которомъ мною

Былъ сынъ убитъ, я не пойду.
Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
Стоялъ шатеръ отца—пускай надъ нимъ и
Стоитъ онъ. И шатеръ воздвигся [мертвымъ
Надъ юношей, спокойно погруженнымъ
Въ непробудимый смерти сонъ.
Его отецъ на пурпурный коверъ,
Межъ ароматовъ благовонныхъ,
Своими положилъ руками,
Накрылъ парчой, потомъ всего
Цвѣтами свѣжими осыпалъ—
Такъ, окруженный прелестями жизни,
Онъ тамъ лежалъ, объятый хладной смертью.
Потомъ Рустемомъ похоронный
Былъ учрежденъ обрядъ:
Соединивъ передъ шатромъ
Всю рать Сабулистана,
Онъ повелѣлъ, чтобъ каждый день она—
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце—
Торжественно, въ порядкѣ боевомъ,
Знамена распустивъ,
При звукѣ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
Передъ шатромъ; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны
И трубы траурною тканью
Обвиты, луковъ тетивы
Ослаблены, и копья остріями
Внизъ опрокинуты. Рустемъ
Не ѣхалъ впереди: надъ сыномъ
Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
Бесѣду безотвѣтно велъ.
Онъ утромъ говорилъ:
«Зорабъ, мой сынъ,
Звучитъ труба.... ты спишь».
А вечеромъ онъ говорилъ:
«Зорабъ, мой сынъ,
Ужъ землю солнце покидаетъ;
И ты покинешь скоро землю».
Такъ девять сутокъ онъ провелъ
Безъ сна, безъ пищи,
Неутѣшимой преданный печали.

VII.

Въ однѣ изъ этихъ сутокъ—былъ ужъ близко
Разсвѣтъ зари—какъ неподвижный
Желѣзный истуканъ, сидѣлъ
Рустемъ во глубинѣ шатра
Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холоднымъ полусвѣтомъ
Едва начавшагося утра
Чуть озаренное пустое небо
Межъ ними было видно..... Вдругъ
На этой блѣдной пустотѣ
Явился бѣлый образъ; отъ нея
Онъ отдѣлился, и безшумно,
Какъ будто вѣющій, проникъ
Въ шатеръ...—то былъ прекрасный образъ
Увидя мертваго, она [дѣвы.
У ногъ его простерлася на землю,
И не вставала долго,
И слышалось въ молчаньи ночи
Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
Ручья. Съ земли поднявшись,
Она приблизилася къ тѣлу
И, снявъ съ лица покровъ,
Смотрѣла долго
На блѣдное лицо,
Которымъ (безотвѣтно
На все земное) обладала смерть:
Зажаты были очи, нѣмы
Уста, и холодно, какъ мраморъ,
Чело. Она его въ чело, уста и очи
Поцѣловала, на голову свѣжій
Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,
Потомъ, лицо опять одѣвъ
Покровомъ, тихо удалилась,
И въ воздухѣ ночномъ,
Какъ будто съ нимъ сліянная, пропала.
И стало пусто
Опять въ шатрѣ, лишь на востокѣ
Багрянѣй сдѣлалося небо,
И одиноко тамъ горѣла
Денницы тихая звѣзда.
Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
Въ безсонномъ забытьи сидѣлъ онъ,
И думалъ смутно: это сонъ.
Когда жъ при восхожденьи солнца
Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
Чтобъ утренній привѣтъ свой
Ему сказать—на головѣ его
Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ.

VIII.

Въ десятый день изъ Семенгама
Зеваръ съ дружиной возвратился.
Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,

Что тамъ сидѣлъ надъ мертвымъ сыномъ
Рустемъ, приникнувъ головою
Къ его холодному челу—
И волосы его сѣдые
Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
На блѣдныхъ мертваго щекахъ.
При входѣ брата, приподнялъ
Онъ голову. Зеваръ
На тѣло, молча, положилъ
Окровавленную повязку.
При этомъ видѣ содрогнувшись,
Рустемъ спросилъ: зачѣмъ, мой братъ Зе- [варъ,
Принесъ назадъ мою повязку?—
Зеваръ отвѣтствовалъ: тамъ никому
Она ужъ болѣ не нужна.—Понявъ
Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
Прижалъ опять лицо свое Рустемъ
Къ челу Зораба. И никто
Не смѣлъ его ужаснаго покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, съ зарей поднявшись,
Все войско стало въ строй, Рустемъ,
Всю ночь безъ сна проведши
Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
Зеваръ, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
Надъ головой моею опрокиньте,
И отъ меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня. Когда же конь
Былъ приведенъ—какъ будто отъ недуга
Шатаясь, сокрушенный, блѣдный
Онъ вышелъ изъ шатра.....
И онъ заплакалъ взрыдъ,
Когда коня безъ сѣдока
Передъ собой увидѣлъ. Полы
Шатра отдернувъ,
На господина мертваго коню
Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши
Могучій конь оторопѣлъ, [быстро,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Обѣими руками
Обнявши голову его, Рустемъ
Ее поцѣловалъ, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,
Сказалъ: отнынѣ никому,
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ. Понялъ конь разумный
Его слова: онъ жалобно и грозно
Заржалъ, ужасно прянулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
И скрылся—и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
Рустемъ, оборотяся къ брату,
Ему сказалъ: тебѣ, мой братъ Зеваръ,
И войску моему я сына
Передаю; въ Сабулистанъ
Несите сына моего;
Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
Пусть будетъ съ предками своими
Онъ въ землю положенъ.
А нашей матери, такъ часто
Желавшей внуковъ отъ Рустема,
Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука,
Что въ красотѣ души и тѣла,
Въ отважности и въ силѣ богатырской
Ему подобнаго земля
Съ созданья не видала;
Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
Когда бъ въ немъ только одного
Порока не было—кинжала,
Ему во грудь вонзеннаго отцомъ.
Идите. Я останусь здѣсь—
Зачѣмъ останусь? Что со мною будетъ?
О томъ узнать никто не любопытствуй.
Поклонъ прощальный отъ меня
Отдайте царству и народу.
Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
Мое исполнить завѣщанье; самъ же
Въ Сабулъ я не пойду: я не могу увидѣть
Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ;
Въ пустынѣ, самого себя [здѣсь,
Хочу размыкать я, и змѣя—
Грызущее мнѣ душу горе—
Убить. То будетъ мой послѣдній,
Мой самый трудный подвигъ: змѣй
Свирѣпъ, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ.
Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте
Всѣ счастливы, и не крушитесь,
Что, въ слѣдъ за мной сюда пришедши,
Назадъ пойдете безъ меня,
Такъ должно быть. Простите;
Когда же о Рустемѣ
Тамъ станутъ говорить и спросятъ:
Куда пошелъ Рустемъ?
Отвѣтствуйте: не знаемъ.

1842—1849.

ГОМЕРОВА ОДИССЕЯ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ
СВОЙ ТРУДЪ
СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ ПОЧТЕНІЕМЪ
ПОСВЯЩАЕТЪ
В. Жуковскій.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА.

—

. . . . . .

Вы спросите, какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная греческаго языка, и изъ мечтателя романтика сдѣлаться трезвымъ классикомъ? Вотъ вамъ простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, я захотѣлъ повеселить душу *первобытною* поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно убираетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремитъ ни въ какую туманную даль. Старость — второе ребячество; подъ старость любишь разсказы; поэтому и мнѣ захотѣлось присосѣдиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ разсказчиковъ, и, не имѣя въ запасѣ собственныхъ басенъ, повторить по-русски его греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ, цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтическою болтовнею; это мнѣ и удалось: XII пѣсенъ Одиссеи кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего. Пока моя главная цѣль достигнута, муза Гомерова озолотила много часовъ моей устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими сокровищами, занятыми у Гомера? Не знаю. Если это случится—то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моей жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла нѣмецкая совѣстливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ (гдѣ я провелъ три года) я нашелъ профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особенности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственноручно, весьма четко, онъ переписалъ мнѣ въ оригиналѣ всю Одиссею; подъ каждымъ греческимъ словомъ поставилъ нѣмецкое слово, и подъ каждымъ нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ, я могъ имѣть передъ собою весь бук-

вальный смыслъ Одиссеи и имѣлъ передъ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною всѣ матеріалы зданія; не доставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоитъ собственно трудъ мой: мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ, терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней физіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. На вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? самъ не могу быть себѣ судьею, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера — спросите у него, доволенъ ли онъ своимъ гиперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово въ слово, сколько это возможно безъ насилія языку (отъ чего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною), слѣдовалъ за каждымъ словомъ и въ особенности старался сохранить *ихъ мѣсто въ стихѣ* тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: «Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ «ни на какой другой. Во всякомъ другомъ «поэтѣ, *не первобытномъ*, а уже поэтѣ-«художникѣ, встрѣчаешь съ естествен-«нымъ его вдохновеніемъ и работу искус-«ства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; «онъ младенецъ, видѣвшій во снѣ все, «что есть чуднаго на землѣ и небесахъ, «и лепечущій объ этомъ звонкимъ ребя-«ческимъ голосомъ на груди у своей кор-«милицы природы. Это тихая, широкая, «свѣтлая рѣка безъ волнъ, отражающая «чисто и вѣрно и небо, и берега, и все, «что на берегахъ живетъ и движется; «видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣт-«лый кристаллъ, отражающій, какъ будто «не существуетъ: око его не чувствуетъ. «Переводя Гомера (и въ особенности «Одиссею), недалеко уйдешь, если зай-«мешься фортуною каждаго стиха отдѣль-«но; ибо у него, т. е. у Гомера, нѣтъ «отдѣльно разительныхъ стиховъ, а есть «потокъ ихъ, который надобно схватить «*весь* во всей его полнотѣ и свѣтлости: «надобно сохранять каждому стиху его «физіономію, но такъ, чтобы его отдѣль-«ность сливалась съ стройностію цѣлаго «и въ ней исчезала. И въ выборѣ «словъ надлежитъ наблюдать особеннаго «рода осторожность: часто самое поэти-«ческое, живописное, заносчивое слово «потому именно и не годится для Гомера; «все, имѣющее видъ новизны, затѣйли-«вости нашего времени, все необыкно-«венное — здѣсь не у мѣста; оно есть, «такъ сказать, анахронизмъ; надобно «возвратиться къ языку первобытному, «потерявшему уже свою свѣжесть потому, «что всѣ его употребляли, заимствуясь «у праотца поэзіи; надобно этому обвет-«шалому, изношенному языку возвратить «его первоначальную свѣжесть и новость, «и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, «какими языкъ поэтическій, удаляясь «отъ простоты первобытной, по необхо-«димости замѣнилъ эту младенческую «простоту. Однимъ словомъ, переводя Го-«мера, надобно отказаться отъ всякаго ще-«гольства, отъ всякой украшенности, отъ «всякаго покушенія на эффектъ, отъ вся-«каго кокетства; надобно производить дѣй-«ствіе неощутительно цѣлымъ, простотою, «неразительностію, непримѣтностію выра-«женій, стройностію широкихъ, обиль-«ныхъ періодовъ, иногда прерываемыхъ, «какъ будто безъ намѣренія, отдѣльными «стихами, мало блестящими, такъ, чтобы «каждый стихъ въ періодѣ и каждое слово «въ стихѣ составляли одну общую гар-«монію, не нарушая ея никакимъ отдѣль-«нымъ, разительнымъ, часто дикимъ, зву-«комъ. Это работа весьма трудная; для «нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руко-«водствоваться однимъ чутьемъ; и для «меня эта работа была тѣмъ труднѣе,

«что я, въ этомъ отношеніи не могъ «согласоваться съ оригиналомъ, ибо его «не знаю, а могъ только его угадывать. «Но зато какое очарованіе въ этой ра- «ботѣ, въ этомъ подслушиваніи первыхъ «вздоховъ Анадіомены, раждающейся изъ «пѣны моря (ибо она есть символъ Го- «меровой поэзіи)—въ этомъ простодушіи «слова, въ этой первобытности нравовъ, «въ этой смѣси дикаго съ высокимъ и «прелестнымъ, въ этой живописности «безъ излишества, въ этой незатѣйли- «вости и непорочности выраженія, въ «этой болтовнѣ часто черезчуръ изобиль- «ной, но принадлежащей характеру без- «искуственности и простоты, и въ осо- «бенности въ этой меланхоліи, которая «нечувствительно, безъ вѣдома поэта, ки- «пящаго и живущаго съ окружающимъ «его міромъ, все проникаетъ, ибо эта «меланхолія не есть дѣло фантазіи, сози- «дающей произвольно грустныя сѣтованія, «а заключается въ самой природѣ вещей «тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло «жизнь, пластически могучую въ *на- «стоящемъ;* но и все было ничтожно, «ибо душа не имѣла за границею міра «никакого *будущаго* и улетала съ земли «безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ «безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни «настоящей, никому не шептала своихъ «великихъ, всеоживляющихъ утѣшеній». Вотъ вамъ моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ старался сохранить простой, сказочный языкъ, избѣгая всякой натяжки; пользовался, гдѣ могъ, возвышенностію церковно-славянскаго діалекта, но строго держался языка русскаго, присвоеннаго общимъ употребленіемъ; и по возможности соглашалъ его формы съ формами оригинала (которыя всѣ матеріяльно для меня сохранены въ переводѣ подстрочномъ), соглашалъ такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихѣ русскомъ, не принуждая его кривляться по-гречески.

. . . . . .

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Первый день.

Собраніе боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ, наконецъ, возвратиться въ свое отечество Итаку. Аѳина, подъ видомъ Ментеса, является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посѣтить Пилосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тщетны
Были однако заботы, не спасъ онъ сопутниковъ: сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога—
День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи же объ этомъ
Что-нибудь намъ, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Всѣ ужъ другіе, погибели вѣрной избѣгшіе, были
Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, разлукой
Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гротѣ глубокомъ
Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей супругомъ.
Но когда, наконецъ, обращеньемъ временъ приведенъ былъ

Годъ, въ который ему возвратиться назначилъ боги
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей онъ
Все не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнились жалостью боги
Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.
Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ еѳіоповъ,
(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни, гдѣ нисходитъ
Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ), чтобъ тамъ отъ народа
Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять экатомбу.
Тамъ онъ, сидя на пиру, веселился; другіе же боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны были.
Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безпорочный (его же Атридовъ
Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и о немъ помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ Олимпіецъ:
Странно, какъ смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ утверждаютъ они; но не сами ли часто
Гибель, судьбѣ вопреки, на себя навлекаютъ безумствомъ?
Такъ и Эгистъ: не судьбѣ ль вопреки онъ супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ отчизну?
Гибель онъ вѣрную вѣдалъ; отъ насъ былъ къ нему остроокій
Эрмій, губитель Аргуса, ниспосланъ, чтобъ онъ на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой воздержался.
«Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ
Въ домъ свой вступитъ, возмужавъ, какъ наслѣдникъ, захочетъ», такъ было
Сказано Эрміемъ — тщетно! не тронулъ Эгистова сердца
Богъ благосклонный совѣтомъ, и разомъ за все заплатилъ онъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада
Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка,
Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да погибнетъ
Каждый подобный злодѣй! но теперь сокрушаетъ мнѣ сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно онъ
Страждетъ, въ разлукѣ съ своими, на островѣ, вѳлнообъятомъ
Пупѣ широкаго моря, лѣсистомъ, гдѣ властвуетъ нимфа,
Дочь кознодѣя Атланта, которому вѣдомы моря
Всѣ глубины и который одинъ подпираетъ громаду
Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо и землю.
Силой Атлантова дочь Одиссея, ліющаго слезы,
Держитъ, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ словъ объ Итакѣ
Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно желая
Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
Смерти единой онъ молитъ. Ужель не войдетъ состраданье
Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно дарами
Чтилъ онъ въ Троянской землѣ, посреди кораблей тамъ ахейскихъ
Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты разгнѣванъ, Кроніонъ?
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго мужа,

Столь отличеннаго въ сонмѣ людей и умомъ и усердным
Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ?
Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ упорно враждуетъ,
Все негодуя за то, что циклопъ Полифемъ богоравный
Имъ ослѣпленъ: изъ циклоповъ сильнѣйшій, Ѳоозою нимфой,
Дочерью Форка, владыки пустынно-соленаго моря,
Былъ онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ союза въ глубокомъ
Гротѣ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одиссея
Смерти предать и не властенъ, но, по морю всюду гоняя,
Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ же вмѣстѣ,
Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ отказаться
Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всѣми безсмертными въ спорѣ,
Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха онъ злобствовать будетъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳинея Паллада
Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!
Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть отчизну
Могъ Одиссей хитроумный, то Эрмій Аргу̀со-убійца,
Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на островъ Огигскій
Къ нимфѣ прекраснокудрявой ниспосланъ отъ насъ возвѣстить ей
Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ наступилъ возвратиться
Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоянному. Я же
Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссеевомъ сынѣ
Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить, чтобъ со̀звалъ
Онъ на совѣтъ густовласыхъ ахеянъ и въ домъ Одиссеевъ
Входъ запретилъ женихамъ, у него безпощадно губящимъ
Мелкій скотъ и быковъ криворогѝхъ и медленноходныхъ.
Спарту и Пилосъ песчаный потомъ посѣтитъ онъ, чтобъ свѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава.
Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду ее надъ водой и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ;
Послѣ взяла боевое копье, заощренное мѣдью,
Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвѣ сражаетъ
Силы героевъ она, громоноснаго бога рожденье.
Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула богиня.
Тамъ на дворѣ, у порога дверей Одиссеева дома
Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облеченная въ̀ образъ
Гостя, тафійцевъ властителя, Ментеса; собранныхъ вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ богиня узрѣла;
Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ; а глашатаи, столъ учреждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а тѣ, ноздреватой
Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и разнаго мяса
Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ. Прискорбенъ
Сердцемъ, въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ одномъ помышляя:
Гдѣ благородный отецъ и ка̀къ, возвратяся въ отчизну,

Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ жилищу,
Власть воспріиметъ и будетъ опять у себя господиномъ.
Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ увидѣлъ Аѳину;
Тотчасъ онъ всталъ и ко входу поспѣшно пошелъ, негодуя
Въ сердцѣ, что странникъ былъ ждать принужденъ за порогомъ; приближась,
Взялъ онъ за правую руку пришельца, копье его принялъ,
Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
Радуйся, странникъ; войди къ намъ; радушно тебя угостимъ мы;
Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись нашею пищей.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳинея Паллада.
Съ нею вступя въ пировую палату, къ колоннѣ высокой
Прямо съ копьемъ подошелъ онъ, и спряталъ его тамъ въ поставѣ
Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее время
Копья царя Одиссея, въ бѣдахъ постоянаго, были.
Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, подведши Аѳину,
Сѣсть въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ напередъ ихъ узорной
Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; потомъ онъ поставилъ
Стулъ рѣзной для себя въ отдаленьи отъ прочихъ, чтобъ гостю
Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ обѣда,
Также, чтобъ втайнѣ его разспросить объ отцѣ отдаленномъ.
Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,
Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ;
Началъ глашатай смотрѣть, чтобъ виномъ наполнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сѣли
Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатаи подали воду
Руки умыть имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ въ корзинахъ;
Отроки свѣтлымъ напиткомъ до края имъ налили чаши.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомой пищей, вошло имъ
Въ сердце иное—желаніе сладкаго пѣнья и пляски:
Пиру онѣ украшенье; и звонкую цитру глашатай
Фемію подалъ, пѣвцу, передъ ними во всякое время
Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, прекрасно запѣлъ онъ.
Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣтлоокой Аѳинѣ,
Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слыхали другіе:
Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
Здѣсь веселятся; у нихъ на умѣ лишь музыка да пѣнье;
Это легко: пожираютъ чужое безъ платы, богатство
Мужа, котораго бѣлыя кости, быть можетъ, иль дождикъ
Гдѣ-нибудь мочитъ на брегѣ, иль волны по взморью катаютъ.
Если бъ онъ вдругъ передъ ними явился въ Итакѣ, то всѣ бы,
Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды, и золото, стали
Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ ноги быстрѣе.

Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой, и отрады
Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей земнородныхъ
Вѣсти, что онъ возвратится — ему ужъ возврата не будетъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибылъ въ Итаку и кто у тебя корабельщики? Въ край нашъ
(Это, конечно, я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, иль здѣсь ужъ бывалый
Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ сбиралося много
Въ нашемъ домѣ: съ людьми обхожденье любилъ мой родитель.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Все-откровенно тебѣ разскажу; я царя Анхіала
Мудраго сынъ, именуюся Ментесомъ, правлю народомъ
Веслолюбивыхъ тафійцевъ; и нынѣ корабль мой въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелъ, путешествуя темнымъ
Моремъ къ народамъ инаго языка; хочу я въ Темезѣ
Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимъ желѣзомъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ
На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отъ города. Наши
Предки издавна гостями другъ другу считаются; это,
Можетъ быть, слышишь нерѣдко и самъ ты, когда посѣщаешь
Дѣда героя Лаэрта... а онъ, говорятъ, ужъ не ходитъ
Болѣе въ городъ, но въ полѣ далеко живетъ, удрученный
Горемъ, съ старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрѣпляетъ, когда устаетъ онъ, влачася
По полю взадъ и впередъ посреди своего винограда.
Я же у васъ отъ того, что сказали мнѣ, будто отецъ твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умеръ еще на землѣ Одиссей благородный;
Гдѣ-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятомъ
Островѣ запертъ живой онъ, иль, можетъ быть, страждетъ въ неволѣ
Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладѣвшихъ. Но слушай
То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться, какъ самъ я
Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать неискусенъ.
Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ разлукѣ, хотя бы
Связанъ желѣзными узами былъ; но домой возвратиться
Вѣрное средство отыщетъ: на вымыслы онъ хитроуменъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына? Ты чудно
Съ нимъ головой и глазами прекрасными сходенъ; еще я
Помню его; въ старину мы другъ съ другомъ видалися часто;
Было то прежде отплытія въ Трою, куда изъ ахеянъ
Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ корабляхъ устремились.
Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ нигдѣ не встрѣчались.
Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.

Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я не знаю:
Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ невозможно.
Лучше бъ однако желалъ я, чтобъ мнѣ не такой злополучный
Мужъ былъ отцомъ: во владѣньяхъ своихъ онъ до старости бъ поздней
Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ, изъ живущихъ
Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ думаютъ люди.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не безъ славы въ грядущемъ
Домъ твой, когда Пенелопѣ такого, какъ ты, даровали
Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собранье? Даешь ли
Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складочный пиръ здѣсь конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно въ вашемъ
Домѣ безчинствуютъ: всякой порядочный въ обществѣ съ ними
Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе видя.
Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно.
Нѣкогда полонъ богатства былъ домъ нашъ; онъ былъ уважаемъ
Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ мужъ находился.
Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для цѣлаго свѣта;
Менѣе сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы онъ умеръ:
Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей бранныхъ погибъ онъ,
Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ...
Нынѣ же гарпіи взяли его, и безвѣстно пропалъ онъ,
Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушенье и вопли
Сыну въ наслѣдство оставивъ. Но я не о немъ лишь единомъ
Плачу; другое великое горе мнѣ боги послали:
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинѳа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня Аѳина:
Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ отдаленный
Нуженъ, чтобъ сильной рукой съ женихами безстыдными сладить.
О, когда бъ онъ въ тѣ двери вступилъ, возвратяся внезапно,
Въ шлемѣ, щитомъ покровенный, въ рукѣ два копья мѣдноострыхъ!..
Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время, когда онъ
Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши въ Эфирѣ
Ила Мермéрова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигалъ на своемъ кораблѣ быстроходномъ;
Яда, смертельнаго людямъ искалъ онъ, дабы напоить имъ
Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью; но Илъ отказался

Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить опасаясь;
Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой съ нимъ дружбѣ).
Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
Но—того мы, конечно, не вѣдаемъ—въ лонѣ безсмертныхъ
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить ихъ
Въ этомъ жилищѣ иль нѣтъ. Мы размыслимъ теперь совокупно,
Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра, созвавъ на совѣтъ благородныхъ ахеянъ, предъ ними
Все объяви ты, въ свидѣтели правды призвавши безсмертныхъ;
Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ разошлися;
Матери жъ, если супружество сердцу ея не противно,
Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ домъ возвратилась,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану, ея надѣлитъ онъ.
Также усердно совѣтую, если совѣтъ мой ты примешь:
Прочный корабль съ двадцатью снарядѝвши гребцами, отправься
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцомъ, чтобъ провѣдать, какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Пилосъ сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Нѣсторъ
Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго въ Спартѣ:
Прибылъ домой онъ послѣдній изъ всѣхъ мѣднолатныхъ ахеянъ.
Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно
Тризну по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.
Послѣ, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь,
Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ вашъ,
Въ немъ погубить иль обманомъ, иль явною силой; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлымъ
Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту, которымъ
Былъ умерщвленъ злокова̀рно его многославный родитель?
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
Время однако ужъ мнѣ возвратиться на быстрый корабль мой
Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня съ нетерпѣньемъ и скукой.
Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что сказалъ я,
Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, какъ съ сыномъ
Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты, не забуду.
Но подожди же, хотя и торопишься въ путь; здѣсь прохладной
Баней и члены и душу свою освѣживъ, возвратишься

Ты на корабль, къ удовольствію сердца богатый подарокъ
Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память беречь, какъ обычай
Есть межъ людьми, чтобъ, прощаяся, гости другъ друга дарили.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему
Нѣтъ! не держи ты меня, [отвѣчала:
тороплюсь я безмѣрно въ дорогу;
Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ радушно тобою,
Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ отдаривши.
Съ сими словами Зевесова дочь свѣтлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдругъ улетѣвъ. Поселила
Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ сердцѣ, живѣе
Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но проникъ онъ душою
Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣдовалъ съ богомъ.
Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, подошелъ; передъ ними
Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вниманьемъ сидѣли
Молча они; о печальномъ ахеянъ изъ Трои возвратѣ,
Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Аѳиною, пѣлъ онъ.
Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье услышавъ,
Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная: вмѣстѣ сошли съ ней
Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки; царица
Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохновенному слово:
Фемій, ты знаешь такъ много другихъ, восхищающихъ душу
Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ и героевъ;
Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя, одну; и въ молчаньи
Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви начатую
Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ, когда я
Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшемъ,
Столь преисполнившемъ славой своей и Элладу и Аргосъ.
Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше
То воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ? Виновенъ
Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посылающій свыше
Людямъ высокаго духа по волѣ своей вдохновенье.
Нѣтъ, не препятствуй пѣвцу о печальномъ возвратѣ данаевъ
Пѣть — съ похвалою великою люди той пѣсни внимаютъ,
Всякой разъ ею, какъ новою, душу свою восхищая;
Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали усладу:
Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять день возврата
Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло немало.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были своей: говорить же не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.

Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,
Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенелопою ложе раздѣлитъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный
Споръ; намъ приличнѣй вниманье склонить къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.
Тамъ всенародно въ лицо вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы
Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое, а не наше
Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову; и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
Такъ же безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.
Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвѣчалъ, возражая:
Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили
Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ, и бѣда намъ, когда ты
Въ волнообъятой Итакѣ, по волѣ Кроніона, будешь
Нашимъ царемъ, ужъ имѣя на то по рожденью и право!
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Другъ Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если бъ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно бы принялъ.
Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже на свѣтѣ?
Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство въ царевомъ
Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у народа.
Но межъ ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и юныхъ; межъ ними
Вы изберите, когда ужъ не стало царя Одиссея.
Въ домѣ жъ своемъ я одинъ повелитель; здѣсь мнѣ подобаетъ
Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добытыми въ битвахъ.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Телемаку:
О Телемакъ, мы не знаемъ—то въ лонѣ безсмертныхъ сокрыто—
Кто надъ ахейцами волнообъятой Итаки назначенъ
Царствовать; въ домѣ жъ своемъ ты, конечно, одинъ повелитель;
Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ Итака,
Здѣсь никого, кто бъ дерзнулъ на твое посягнуть достоянье.
Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о нынѣшнемъ гостѣ.
Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ славитъ
Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ родился?

Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ отца приходилъ онъ?
Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ заѣхавъ въ Итаку?
Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождавшись, чтобъ съ нимъ хоть немного
Мы ознакомились; былъ человѣкъ не простой онъ конечно.
Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
День свиданья съ отцомъ навсегда мной утраченъ; не буду
Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его возвращеньи,
Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ которымъ, сзывая
Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А нынѣшній гость нашъ
Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ Тафоса, Ментесъ,
Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, правитъ народомъ
Веселюбивыхъ тафійцевъ. Но такъ говоря, убѣжденъ былъ
Въ сердцѣ своемъ Телемакъ, что богиню безсмертную видѣлъ.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться безпечно покою.
Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокій чертогъ (на прекрасный
Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обширнымъ предъ окнами видомъ),
Всѣхъ проводивши, пошелъ, про себя размышляя о многомъ.
Факелъ зажженный неся, передъ нимъ съ осторожнымъ усердьемъ
Шла Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она—заплатилъ онъ
Двадцать быковъ, и ее съ благонравной своею супругой
Въ домѣ своемъ уважалъ наровнѣ, и себѣ не позволилъ
Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской.
Факелъ неся, Эвриклея вела Телемака—за нимъ же
Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй
Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она отворила
Двери; онъ сѣлъ на постелю и, тонкую снявши сорочку,
Въ руки старушки заботливой бросилъ ее; осторожно
Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздь Эвриклея сорочку
Подлѣ кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо
Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крѣпко задвижку ремнемъ затянула; потомъ удалилась.
Онъ же всю ночь на постелѣ, покрытый овчиною мягкой,
Въ сердцѣ обдумывалъ путь, учрежденный богиней Аѳиной.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Второй день—до разсвѣта третьяго дня. Рано поутру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на площадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ; его толкуетъ Галиѳердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилосъ. Ментеръ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссееву; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Аѳина, подъ видомъ Ментора, ободряетъ молящагося ей Телемака обѣщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу. Аѳина, получивъ отъ Ноэмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, усыпивъ жениховъ, пировавшихъ въ домѣ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на

берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Ментором, не простясь съ Пенелопою, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ, повелѣлъ онъ
Кликнуть имъ кличъ, чтобъ на площадь собрать густовласыхъ ахеянъ;
Кликнули тѣ; собрались на площадь другіе; когда же
Всѣ собрались они и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Съ мѣднымъ въ рукѣ онъ копьемъ передъ сонмомъ народнымъ явился—
Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали собаки.
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
Старцы предъ нимъ раздалися, и сѣлъ онъ на мѣстѣ отцовомъ.
Первое слово тогда произнесъ благородный Эгипцій,
Старецъ, согбенный годами, и въ жизни извѣдавшій много;
Сынъ же его Антифонтъ копьевержецъ съ царемъ Одиссеемъ
Въ кѡнеобильную Трою давно въ кораблѣ крутобокомъ
Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ свирѣпымъ въ глубокомъ
Гротѣ, послѣдній, похищенный имъ для вечернія пищи.
Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ женихами
Буйствовалъ; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ онъ все плакалъ,
Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ поръ, какъ отсюда
Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ корабляхъ удалился.
Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ незапная нужда?
Юноша ль расцвѣтающій? Мужъ ли годами созрѣлый?
Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятельской силѣ?
Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно развѣдавъ?
Или о пользѣ народной какой предложить намъ намѣренъ?
Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава ему! да поможетъ
Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться успѣшно.
Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратить онъ немедля рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ нимъ идущему, въ руку
Скипетръ вложилъ Певсенѡръ, глашатай, разумный совѣтникъ.
Къ старцу сперва обратяся, ему онъ сказалъ: благородный
Старецъ, онъ близко (и скоро его ты узнаешь), кѣмъ здѣсь вы
Собраны—это я самъ, и печаль мнѣ великая нынѣ.
Я не слыхалъ о идущей на насъ непріятельской силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно развѣдавъ,
Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать не намѣренъ.
Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мной утраченъ отецъ благородный,

Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей, васъ любившій;
Болѣе жъ злая другая напасть, отъ которой весь домъ нашъ
Скоро погибнетъ, и все, что въ немъ есть, до конца истребится,
Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные, нашихъ
Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, сыновья, имъ противно
Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ предложенье
Выслушалъ старецъ, и дочь, надѣленную щедро приданымъ,
Отдалъ по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе сердцу.
Нѣтъ; имъ удобнѣй, вседневно врываяся въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Сами же мы безпомощны теперь, равномѣрно и послѣ
Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой защиты.
Если бы сила была, то и самъ я нашелъ бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одиссеевъ
Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожитъ васъ совѣсть? По крайней
Мѣрѣ чужихъ устыдитесь людей и народовъ окружныхъ,
Намъ сопредѣльныхъ, боговъ устрашитеся мщенья, чтобъ гнѣвомъ
Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу неправду.
Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю къ Ѳемидѣ,
Строгой богинѣ, совѣты мужей учреждающей! Наше
Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горемъ оставьте. Иль, можетъ быть, мой благородный родитель
Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышленно мѣдно-обутыхъ ахеянъ;
Можетъ быть, то оскорбленье на мнѣ вы умышленно мстите,
Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но желали бы лучше
Мы, чтобъ и скотъ нашъ живой и лежачій запасъ нашъ вы сами
Силою взяли; тогда бы для насъ сохранилась надежда:
Мы бы дотолѣ по улицамъ стали скитаться, моля васъ
Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано было;
Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете горемъ.
Такъ онъ во гнѣвѣ сказалъ и повергнулъ на землю свой скипетръ;
Слезы изъ глазъ устремились: народъ состраданье проникло;
Всѣ неподвижно-безмолвны сидѣли; никто не рѣшился
Дерзостнымъ словомъ отвѣтствовать сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнулъ, ему возражая:
Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину возложить замышляешь?
Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ ахейскимъ народомъ
Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пенелопу.
Три совершилося года, ужѐ наступилъ и четвертый
Съ тѣхъ поръ, какъ, нами играя, она подаетъ намъ надежду
Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердцѣ для насъ замышляя.
Знайте, какую она вѣроломно придумала хитрость:
Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ, начала тамъ

Тонко-широкую ткань и, собравши насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все натканное днемъ распускала.
Три года длился обманъ, и она убѣждать насъ умѣла;
Но когда обращеньемъ временъ приведенъ былъ четвертый—
Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной тканью;
Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой окончить.
Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ ты все вѣдать
Самъ, и чтобъ вѣдали все равномѣрно съ тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ согласившись,
Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей угоденъ.
Если же долѣе будетъ играть сыновьями ахеянъ...
Разумомъ щедро ее одарила Аѳина; не только
Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна, но также и много
Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни и ахейскимъ
Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ; что ни Алкменѣ
Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной царевнѣ Микенѣ
Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пенелопы
Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенья тщетны;
Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до тѣхъ поръ, покуда
Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей богами
Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
Мѣсто, пока Пенелопа межъ нами не выберетъ мужа.
О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ велѣть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой далеко;
Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Икаріемъ будетъ
Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю — тогда я подвергнусь и гнѣву отца и гоненью
Демона: страшныхъ Эринній, свой домъ покидая, накличетъ
Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я покроюся вѣчнымъ.
Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго слова.
Вы же, когда хоть немного тревожитъ васъ совѣсть, покиньте
Домъ мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы—сожрите

Все; но на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не замедлитъ
Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо всѣ вы,
Такъ же безъ платы, погибнете въ домѣ, разграбленномъ вами.
Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ громовержецъ
Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ горы каменистой;
Оба сначала, какъ будто несомые вѣтромъ, летѣли
Рядомъ они, широко распустивши огромныя крылья;
Но, налетѣвъ на средину собранія, полнаго шумомъ,
Начали быстро кружить съ непрестанными взмахами крыльевъ;
Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣдою;
Сами потомъ расцарапавъ другъ другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ и градомъ.
Всѣ, изумленные, птицъ провожали глазами, и каждый
Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало въ грядущемъ.
Выступилъ тутъ предъ народъ Галіеѳердъ, многоопытный старецъ,
Сынъ Мастора; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ одинъ по полету
Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ грядущее; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки.
Прежде однако, дабы жениховъ образумить, скажу я
Имъ, что бѣда неизбѣжная мчится на нихъ, что недолго
Будетъ въ разлукѣ съ семействомъ своимъ Одиссей, что уже онъ
Гдѣ-нибудь близко таится, и смерть и погибель готовя
Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ живущихъ въ Итакѣ
Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ же, какъ бы
Во-время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то нынѣ всего бы полезнѣй
Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но навѣрно
Зная, что будетъ; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли кораблями ахейцы
Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный. По многихъ
Бѣдствіяхъ (такъ говорилъ я) и спутниковъ всѣхъ потерявши,
Всѣмъ незнакомый, въ исходѣ двадцатаго года въ отчизну
Онъ возвратится. Мое предсказанье свершается нынѣ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ: лучше,
Старый разсказчикъ, домой возвратись, и своимъ малолѣтнымъ
Дѣтямъ пророчествуй тамъ, чтобъ бѣды имъ какой не случилось.
Въ нашемъ же дѣлѣ вѣрнѣе тебя я пророкъ; мы довольно
Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ Геліоса
Птицъ, но не всѣ роковыя. А царь Одиссей въ отдаленномъ
Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣстѣ! Тогда бы
Здѣсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымышлять, возбуждая
Гнѣвъ въ Телемакѣ, уже раздраженномъ, и вѣрно надѣясь
Что-нибудь въ даръ отъ него получить для себя и домашнихъ.
Слушай однако — и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
Если ты этого юношу съ старымъ своимъ многознаньемъ
Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать, то, конечно,
Это въ сугубое горе ему самому обратится;
Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить не успѣетъ.

Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя наказанье,
Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя сокрушаться.
Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу Телемаку:
Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію въ домъ возвратиться,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, богатымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлитъ онъ.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ ахеянъ,
Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ. Никого здѣсь
Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Телемака,
Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ посѣдѣлый,
Всѣмъ докучаешь — ты намъ отъ того ненавистнѣй; а домъ ихъ
Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ насъ воздаянья
Имъ не имѣть никакого, пока на желаемый нами
Бракъ не рѣшится она; ожидая вседневно, кто будетъ
Ею изъ насъ наконецъ предпочтенъ, мы къ другимъ обратиться
Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣдуетъ, женъ между ними.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
О Эвримахъ, и вы всѣ, женихи знаменитые, болѣ
Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ ни слова;
Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ ахейцамъ извѣстно.
Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатью пріобыкшими быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилосъ песчаный сперва посѣтить, чтобъ провѣдать,
Есть ли тамъ слухи какіе о миломъ отцѣ и какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ порицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово слово.
Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится, то буду
Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья; когда же
Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцовъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыплю и должную пышно
Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню на замужство.
Кончивъ, онъ сѣлъ и умолкнулъ. Тогда поднялся неизмѣнный
Спутникъ и другъ Одиссея, царя безпорочнаго, Ментораъ.
Ввѣрилъ ему Одиссей при отплытіи домъ, быть покорнымъ
Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И полный
Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ впередъ ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло,
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ нашимъ
Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный.
Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необузданно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь, замышляютъ худое.
Сами своею играютъ они головой, разоряя
Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ мы не увидимъ.
Васъ же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здѣсь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете противъ

Малой толпы жениховъ, хоть самихъ васъ число и большое.
Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, воскликнулъ:
Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный Менторъ? Смирить насъ
Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ съ нами, которыхъ
Также немало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы внезапно
Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой
Насъ женихов благородныхъ, въ его веселящихся домѣ,
Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращенье въ отчизну
Было бъ женѣ, тосковавшей такъ долго по немъ, не на радость:
Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ многихъ
Вздумалъ одинъ одолѣть онъ; неумное слово сказалъ ты.
Вы жъ разойдитеся, люди, и каждый займися домашнимъ
Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Галиѳердъ, Одиссею
Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снарядятъ Телемака;
Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ, сбирая
Вѣсти; пути же ему своего совершить не удастся.
Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно собранье народа.
Всѣ, удалясь, по своимъ разошлися домамъ; женихи же
Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вновь возвратились.
Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взморье.
Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ къ Аѳинѣ:
Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туманное море
Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, странствуя, нѣтъ ли
Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи, богиня,
Мнѣ помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняютъ;
Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные злобы.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во мгновеніе ока,
Сходная съ Ментором видомъ и рѣчью, предстала Аѳина.
Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
Смѣлъ, Телемакъ, и разуменъ ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣломъ
Все твой отецъ, что хотѣлъ, совершалъ; и достигнешь желанной
Цѣли, свой путь безпрепятственно кончивъ; когда жъ не прямой ты
Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой, то надежды
Нѣтъ, чтобъ успѣшно ты могъ совершить предпріятое дѣло.
Рѣдко бываютъ подобны отцамъ сыновья; всѣ большею
Частію хуже отцовъ и немногіе лучше. Но будешь
Ты, Телемакъ, и разуменъ и смѣлъ, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишенъ; и надежда
Есть для тебя, что успѣшно свершишь предпріятое дѣло.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ—оставь ихъ;
Горе безумнымъ! они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,
Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы, ежедневно
Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ вдругъ погубить ихъ.
Ты же свое предпринять путешествіе можешь немедля;
Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ за тобою.
Но возвратися теперь къ женихамъ; а тебѣ на дорогу

Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ наполнятъ сосуды;
Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мореходца
Снѣди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мѣхахъ приготовятъ.
Тою порой я гребцовъ наберу; кораблей же въ Итакѣ,
Моремъ объятой, немало и новыхъ и старыхъ; межъ ними
Лучшій я выберу самъ; и немедленно будетъ онъ нами
Въ путь изготовленъ, и спустимъ его на священное море.
Такъ говорила Аѳина, Зевесова дочь, Телемаку.
Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля покинулъ.
Въ домъ возвратяся съ печалію милаго сердца, нашелъ онъ
Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдирали въ покояхъ
Козъ, а другіе, зарѣзавъ свиней, на дворѣ ихъ палили.
Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвилъ:
Юноша вспыльчивый, злой говорунъ, Телемакъ, не заботься
Болѣ о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ иль дѣломъ, а лучше
Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись, какъ бывало.
Волю жъ твою не замедлятъ ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль и отборныхъ гребцовъ, чтобъ скорѣе достигнуть
Въ Пилосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ отдаленномъ.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Нѣтъ, Антиной, неприлично мнѣ съ вами надменными вмѣстѣ
Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣтенъ.
Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтниковъ слушая умныхъ,
Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизбѣжныхъ накликать,
Такъ ли, иначе ли, съѣздивъ ли въ Пилосъ, иль здѣсь отыскавши
Средство. Я ѣду—и путь мой напрасенъ не будетъ, хотя я
Ѣду попутчикомъ, ибо (такъ было устроено вами)
Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцовъ невозможно.
Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой руку
Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобильный обѣдъ учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.
Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыслилъ; быть можетъ,
Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ песчанаго Пилоса, многихъ
Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ, заботится сильно.
Можетъ случиться и то, что богатую землю Эфиру
Онъ посѣтитъ, чтобъ, добывши тамъ яду, смертельнаго людямъ,
Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ всѣхъ уничтожить.
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—кто знаетъ!
Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ отецъ, онъ погибнетъ,
Долго бродивъ по морямъ далеко отъ друзей и домашнихъ.
Тѣмъ онъ, конечно, и насъ озаботитъ: тогда намъ придется
Всѣ раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.

Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладовую отцову,
Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи лежали;
Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла хранилось;
Куфы изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнъ, заключая божественно-чистый напитокъ
Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей возвратится
Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и превратностей много.
Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту кладовую
Входомъ служили; почтенная ключница, денно и нощно
Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ порядкѣ держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса.
Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Телемакъ ей:
Няня, амфоры наполни виномъ благовоннымъ, вкуснѣйшимъ
Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бережешь ты,
Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что въ домъ свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры закупорь;
Такъ же и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приготовь, оржаною
Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ заключалося двадцать
Мѣръ; но объ этомъ ты вѣдай одна; собери всѣ припасы
Въ кучу; за ними прійду ввечеру я, въ то время, когда ужъ
Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ помышляя.
Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ провѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи.
Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, заплакавъ,
Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила слово: зачѣмъ ты,
Милое наше дитя, отворяешь такимъ помышленьямъ
Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную чуждую, землю стремишься
Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ отъ дома далёко;
Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроятъ
Ковъ, чтобъ известь и тебя, и твое все богатство раздѣлятъ.
Лучше останься у насъ при своемъ; ни малѣйшей нѣтъ нужды
Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пускаться.
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ я рѣшился
Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни о чемъ не узнаетъ
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать,
Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль другой кто
Тайны не скажетъ — боюсь, чтобъ отъ плача у ней не поблекла
Свѣжесть лица. Эвриклея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ всѣ амфоры наливши,
Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, полныхъ мукою.
Онъ же, домой возвратившися, тамъ съ женихами остался.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
Видъ Телемака принявши, она обѣжала весь городъ;
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая, собраться

Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль быстроходный.
Послѣ, пришедъ къ Ноэмону разумнаго Фронія сыну,
Дать ей просила корабль — Ноэмонъ согласился охотно.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.
Легкій корабль на соленую влагу спустивъ и запасы,
Нужные каждому прочному судну, собравши, на самомъ
Выходѣ въ море изъ бухты его помѣстила богиня.
Люди сошлися, и въ каждомъ она возбудила отважность.
Новая мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады Аѳины:
Въ домъ Одиссея, царя благороднаго, вшедши, богиня
Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ женихов навела, помутила
Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ ихъ; влеченью
Сна уступивши, они по домамъ разошлись и недолго
Ждали его, не замедлилъ онъ пасть на усталыя вѣжды.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку сказала,
Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты столовой,
Сходная съ Ментором видомъ и рѣчью: пора, Телемакъ, намъ;
Всѣ собралися ужъ свѣтлообутые спутники наши;
Сидя у веселъ, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣньемъ;
Время итти; не годится намъ долѣ откладывать путь свой.
Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ за богиней.
Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подошедши, они тамъ
Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчанаго брега.
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
Братья, принесть поспѣшимъ путевые запасы; они ужъ
Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не слыхала;
Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну одна лишь
Знаетъ. И быстро пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ другіе.
Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ суднѣ
Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за богиней Аѳиной;
Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась; съ ней рядомъ
Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно канаты,
Также взошли на корабль и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь даровала имъ вѣтеръ попутный,
Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное море.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ скорѣе
Снасти устроить; ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся, и пурпурныя волны
Звучно подъ килемъ потекшаго въ нихъ корабля зашумѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ нихъ дорогу.
Тутъ корабельщики, черное быстрое судно устроивъ,
Чаши наполнили сладкимъ виномъ и молясь сотворили
Должное вѣчнорожденнымъ, безсмертнымъ богамъ возліянье,

Паче жъ другихъ свѣтлоокой богинѣ великой Палладѣ.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Третій и четвертый день, до вечера пятаго.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ по просьбѣ Телемака разсказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедемонѣ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинѣ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса и на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедемонъ.

Гѣліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ
Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града
Пышнаго Пилоса. Въ жертву народъ приносилъ тамъ на брегѣ
Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому богу;
Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по пяти сотъ на каждой,
Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою было.
Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ богомъ
Бѣдра въ то время, какъ въ пристань вошли мореходцы. Убравши
Снасти, и якоремъ шаткій корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемакъ, за Аѳиною слѣдуя, также
Вышелъ. Къ нему обратяся, богиня Аѳина сказала:
Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застѣнчивымъ быть ты не долженъ;
Ибо затѣмъ мы и въ море пустились, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.
Смѣло приближься къ коней обуздателю Нестору; знать намъ
Должно, какія въ душѣ у него заключаются мысли.
Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ всю правду;
Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.
Но—отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ—
Какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе, Менторъ?
Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людьми я искусенъ;
Также не знаю, прилично ли младшимъ разспрашивать старшихъ?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь разсудкомъ;
Многое демонъ откроетъ тебѣ благосклонный; не противъ
Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты рожденъ и воспитанъ.
Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака
Быстрымъ шагомъ; за нею пошелъ Телемакъ; и поспѣшно
Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ пилійцы собравшись сидѣли;
Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ; ихъ друзья, учреждая
Пиръ, суетились, вздѣвали на вертелы, жарили мясо.
Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ на встрѣчу и, руки
Имъ подавая, просили ихъ сѣсть дружелюбно съ народомъ.
Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Пизистратъ благородный,

Ласково за руки взявши обоихъ, на брегѣ песчаномъ
Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ занять пригласилъ ихъ
Между отцомъ престарѣлымъ и братомъ младымъ Ѳразимедомъ.
Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ благовоннымъ
Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ и сказалъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ Аѳинѣ:
Странникъ, ты долженъ призвать Посидона владыку: вы нынѣ
Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; совершивши
Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ возліянье съ молитвой,
Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ божественно-чистымъ
Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, поелику
Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благодѣтельныхъ нужду.
Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со мною;
Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предлагаю.
Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ благовоннымъ Аѳинѣ.
Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши, первой
Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благовоннымъ; и стала
Голосомъ громкимъ она призывать Посидона владыку:
Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не отвергни
Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши исполнишь.
Нестору славу съ его сыновьями вопервыхъ даруй ты;
Послѣ богатую милость яви и другимъ, благосклонно
Здѣсь отъ пилійцевъ великую нынѣ принявъ экатомбу;
Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратиться, окончивъ
Все, для чего мы приплыли сюда въ кораблѣ крутобокомъ.
Такъ помолясь, совершила сама возліянье богиня;
Послѣ двуярусный кубокъ она подала Телемаку;
Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пиръ многославный; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Рѣчь обратилъ къ посѣтителямъ Несторъ герой геренѣйскій:
Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не будетъ спросить васъ,
Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились довольно.
Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли влажной дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?
Съ духомъ собравшись, на то разсудительный сынъ Одиссеевъ
Такъ, отвѣчая, сказалъ (и Аѳина ему ободрила
Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ отцѣ отдаленномъ,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася добрая слава):
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ Нейона лежащей;
Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ, за собственнымъ дѣломъ;
Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая, провѣдать,
Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоянный, съ которымъ
Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, сокрушили.

Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ троянъ воевавшихъ,
Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдаленной погибли
Всѣ; а его и погибель отъ насъ неприступно Кроніонъ
Скрылъ; гдѣ нашелъ онъ конецъ свой, не знаетъ никто: на землѣ ли
Твердой онъ палъ, пересиленный злыми врагами, въ зыбяхъ ли
Моря погибъ, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ случайно
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ герой геренейскій:
Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о напастяхъ, въ землѣ той
Встрѣченныхъ нами, ахейцами, твердыми въ опытѣ строгомъ,
Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бодрымъ Пелидомъ,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ градомъ съ врагами
Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ лучшіе пали:
Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахиллесъ, и совѣтовъ
Мудростью равный безсмертнымъ Патроклъ, и лежитъ тамъ мой милый
Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столько же дивный
Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный боецъ. И немало
Разныхъ другихъ испытали мы бѣдствій великихъ, о нихъ же
Можетъ ли все разсказать хоть одинъ изъ людей земнородныхъ?
Если бъ и цѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты могъ безпрестанно
Вѣсти сбирать о бѣдахъ, приключившихся бодрымъ ахейцамъ,
Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой возвратился.
Девять трудилися лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить, вымышляя
Многія хитрости — кончить насилу рѣшился Кроніонъ.
Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ наряду быть поставленъ
Съ нимъ: далеко опереживалъ всѣхъ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смотрю на тебя я;
Съ нимъ и рѣчами ты сходенъ; но кто бы подумалъ, чтобъ было
Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходствовать умною рѣчью?
Я жъ постоянно, покуда войну мы вели, на совѣтѣ ль,
Въ сонмѣ ль народномъ, всегда заодно говорилъ съ Одиссеемъ;
Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцамъ полезнѣй.
Но когда, ниспровергнувши городъ Пріама великій,
Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ
Бѣдственный путь по моремъ приготовить замыслилъ ахейцамъ.
Былъ не у каждаго свѣтелъ разсудокъ, не всѣ справедливы

Были они — потому и постигнула злая судьбина
Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлоокую страшнаго бога.
Сильную распрю богиня Аѳина зажгла межъ Атридовъ:
Оба, созвать вознамѣрясь людей на совѣтъ, безразсудно
Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужъ садилось
Солнце; ахейцы сошлися, виномъ охмѣленные; тѣ же
Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:
Требовалъ царь Менелай, чтобъ аргивскіе мужи въ обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамѣмнонъ отвергнулъ: ахейцевъ еще удержать онъ
Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,
Гнѣвъ примирили ужасной богини... младенецъ! еще онъ
Видно не зналъ, что ужъ быть не могло примиренія съ нею:
Вѣчные боги не скоро въ своихъ измѣняются мысляхъ.
Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи, тамъ оба
Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ ахеянъ
Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два разрознившись мнѣнья.
Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другъ противъ друга
Мысляхъ: ужъ намъ беззаконнымъ готовилъ Зевесъ наказанье.
Утромъ одни на прекрасное море опять кораблями
(Взявъ и добычу и дѣвъ, глубокѡ опоясанныхъ) вышли.
Но половина другая ахеянъ осталась на брегѣ
Вмѣстѣ съ царемъ Агамѣмнономъ, пастыремъ многихъ народовъ.
Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ побѣжали
Быстро: подъ нами угласкивалъ богъ многоводное море.
Скоро пришедъ въ Тенедосъ, принесли мы тамъ жертву безсмертнымъ,
Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непреклонный еще намъ
Медлилъ дозволить возврать: онъ вторичной враждой возмутилъ насъ.
Часть за царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ совѣтовъ,
Въ многовесельныхъ пустясь корабляхъ, устремилась въ обратный
Путь, чтобъ Атриду царю Агамѣмнону вновь покориться.
Я же поспѣшно со всѣми подвластными мнѣ кораблями
Пѡплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ бѣдствіе демонъ;
Пѡплылъ со всѣми своими и сынъ бѣдоносный Тидея;
Позже отправился въ путь Менелай златовласый: въ Лезбѡсѣ
Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать намъ дорогу:
Выше ль скалами обильнаго Хіоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по лѣвую руку, иль ниже
Хіоса мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Мимонта?
Дія молили мы знаменье дать намъ; и, знаменье давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ, разрѣзавши море по самой срединѣ,
Шли мы къ Эвбеѣ для скораго близкой бѣды избѣжанья;
Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ, и, рыбообильный
Путь совершая легкѡ, корабли до Гереста достигли
Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы тучныя бедра
Тамъ на алтарь Посидоновъ, измѣривъ великое море.
День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до Аргоса,
Всѣ корабли Діомеда, коней обуздателя, стали

Въ пристани. Прямо тѣмъ-временемъ въ Пилосъ я плылъ, и ни разу
Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ посланный Діемъ, не стихнулъ.
Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣстей; и донынѣ
Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ ахеянъ, кто спасся.
Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ домашнею кровлей,
То вамъ, какъ слѣдуетъ, я разскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что съ младымъ Ахиллеса великаго сыномъ
Всѣ мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
Живъ, говорятъ, Филоктетъ, сынъ Пеановъ возлюбленный; здраво
Идоменей (никого изъ сопутниковъ, съ нимъ избѣжавшихъ
Вмѣстѣ войны, не утративши на морѣ) Крита достигнулъ;
Къ вамъ же, конечно, и въ дальнюю землю дошелъ объ Атридѣ
Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умерщвленъ былъ Эгистомъ,
Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугѣ пріялъ воздаянье.
Счастье, когда у погибшаго мужа останется бодрый
Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразившій Эгиста, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель!
Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь прекрасно созрѣвшій,
Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и потомки хвалили.
Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ благородный:
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава ахеянъ,
Правда, отмстилъ онъ, и страшно отмстилъ, и ему отъ народовъ
Честь повсемѣстная будетъ и будетъ хвала отъ потомства.
О! когда бъ и меня одарили такою же силой
Боги, чтобъ такъ же и я могъ отмстить женихамъ, наносящимъ
Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотѣли
Боги ни мнѣ, ни отцу — и удѣлъ мой отнынѣ терпѣнье.
Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой геренейскій:
Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами напомнилъ;
Слышали мы, что, твою благородную мать притѣсняя,
Въ домѣ твоемъ женихи беззаконнаго дѣлаютъ много.
Знать бы желалъ я: ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Мы же не вѣдаемъ; можетъ случиться легко, что и самъ онъ
Ихъ, возвратяся, погубитъ, одинъ ли, созвавъ ли ахеянъ...
О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва Паллада
Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много бы бѣдъ претерпѣли ахейцы!
Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви откровенны,
Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада Аѳина!
Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ присвоенъ,
Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы пропала.
Нестору такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о великомъ
Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ безсмертныхъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, излетѣло;

Богу легко защитить насъ и издали, если захочетъ;
Я жъ согласился бъ скорѣе и бѣдствія встрѣтить, чтобъ только
Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣдствій избѣгнувъ,
Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ своимъ очагомъ, какъ великій
Палъ Агамéмнонъ предательствомъ хитрой жены и Эгиста.
Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго часа
Милаго имъ человѣка избавить, когда онъ ужъ преданъ
Въ руки навѣкъ — усыпляющей смерти судьбиною будетъ.
Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ богинѣ:
Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хотя и крушитъ намъ
Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не увидимъ:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о иномъ вопрошая, хочу обратиться
Къ Нестору—правдой и мудростью всѣхъ онъ людей превосходитъ;
Былъ, говорятъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ поколѣній,
Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному богу подобенъ—
Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скрывая,
Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамéмнонъ пространнодержавный?
Гдѣ Менелай находился? Какое губящее средство
Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить съ сильнѣйшимъ?
Иль, не достигнувъ Аргòса, еще межъ чужими людьми онъ
Былъ и врага своего тѣмъ отважилъ на злое убійство?
Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой геренейскій:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь самъ ты; но если бъ
Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, возвращаясь
Въ домъ свой изъ брани троянской, Атридъ Менелай златовласый,
Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,
Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ чести
Въ полѣ далеко за градомъ Аргòсомъ лежащаго, жены
Наши его бъ не оплакали—страшное дѣло свершилъ онъ.
Тою порою, какъ бились мы на поляхъ иліонскихъ,
Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града Аргòса,
Сердце жены Агамéмнона лестью опутывалъ хитрой.
Прежде самой Клитемнéстрѣ божественной было противно
Дѣло постыдное—мыслей порочныхъ она не имѣла;
Былъ же при ней пѣснопѣвецъ, которому царь Агамéмнонъ,
Въ Трою готовяся плыть, наблюдать повелѣлъ за супругой;
Но, какъ скоро судьбина ее предала преступленью,
Тотъ пѣснопѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ безплодный,
Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.
Онъ же ее, одного съ нимъ желавшую, въ домъ пригласилъ свой;
Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ сожегъ предъ богами,
Множествомъ вкладовъ, и златомъ, и тканями, храмы украсилъ,
Дерзкое дѣло такое съ нежданнымъ окончивъ успѣхомъ.
Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли вмѣстѣ,
Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою тѣсной.
Были ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мысомъ аттійскимъ;

Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ невидимо
Тихой своею стрѣлой умертвилъ: управляя бѣгущимъ
Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твердой рукою
Фронтисъ, Онѣторовъ сынъ, наиболѣ изъ всѣхъ земнородныхъ
Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ наступившую бурю.
Путь свой замедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай, чтобъ на брегѣ
Честь погребенія другу воздать съ торжествомъ надлежащимъ;
Но когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ опять онъ
Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Маллеи
Быстро достигъ — повсемѣстно гремящій Кроніонъ, замысливъ
Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра дыханье,
Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.
Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ онъ къ Криту,
Гдѣ обитаютъ Кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Ярдана.
Видѣнъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ влагой соленой,
Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣлахъ Гортины;
Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у Феста
Нотъ нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробитъ, отшибая,
Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися отъ смерти
Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ острые камни.
Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похищенныхъ бурей,
Вѣтеръ могучій и волны ко брегу Египта примчали.
Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота много,
Странствовалъ между народовъ инаго языка, и въ то же
Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло въ Аргосѣ,
Смерти предавши Атрида—народъ покорился безмолвно.
Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ златообильной Микенѣ;
Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на погибель
Богоподобный Орестъ; и убійцу сразилъ онъ, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный родитель.
Пиръ учредивъ для аргивянъ великій, свершилъ погребенье
Онъ и преступницѣ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ презрѣннымъ.
Въ самый тотъ день и Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Прибылъ, богатства собравъ, сколь могло въ корабляхъ умѣститься.
Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленьи отъ родины странствуй,
Домъ и наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ
Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (совѣтую, требую) долженъ
Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество прибылъ изъ чуждыхъ
Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, занесенный однажды
Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ вѣтромъ, не могъ бы
Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть къ намъ не можетъ
Быстрая птица — толь страшно великой пучины пространство.
Ты же поѣдешь отсюда иль моремъ со всѣми своими,
Или, когда пожелаешь, землею: коней съ колесницей
Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ указалъ онъ
Путь въ Лакедемонъ божественный, гдѣ Менелай златовласый

Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ разспросить Менелая;
Лжи онъ, конечно, не скажетъ, умомъ одаренный великимъ.
Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
Къ Нестору слово свое обративши, сказала Аѳина:
Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить не станемъ;
Должно отрѣзать теперь языки и царю Посидону
Купно съ другими богами виномъ сотворить возліянье;
Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ миротворномъ;
День на закатѣ угасъ и ужъ болѣ не будетъ прилично
Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ; удалиться пора намъ.
Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей внимали.
Тутъ для умытія рукъ имъ служители подали воду;
Отроки свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
Бросивъ въ огонь языки, сотворили они возліянье,
Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насладились,
Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ Аѳинной
Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь не позволятъ
Вѣчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ нынѣ
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я нищій?
Будто ужъ въ домѣ моемъ ни покрововъ, ни мягкихъ постелей
Нѣтъ, чтобъ и самъ я, и гости мои насладились покойнымъ
Сномъ?—Но покрововъ и мягкихъ постелей найдется довольно.
Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ сынъ Одиссеевъ
Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, пока я
Живъ и мои сыновья обитаютъ со мной подъ одною
Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, угощать дружелюбно?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Умное слово сказалъ ты, возлюбленный старецъ, и долженъ
Волю исполнить твою Телемакъ: то конечно приличнѣй.
Здѣсь я оставлю его, чтобъ покойно подъ кровлей твоею
Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный корабль возвратиться
Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о многомъ сказать имъ:
Я изъ сопутниковъ нашихъ старѣйшій годами; они же
(Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку) по доброй
Волѣ, изъ дружбы его въ кораблѣ проводить согласились;
Вотъ для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу отважныхъ кавконовъ
Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старинный, немалый
Долгъ. Телемака же, послѣ того, какъ у васъ погоститъ онъ,
Съ сыномъ своимъ въ колесницѣ отправь ты, коней повелѣвши
Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгѣ и силою самыхъ отличныхъ.
Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрымъ орломъ улетѣвъ; изумился народъ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.
За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно сказалъ онъ:

Другъ, ты конечно и сердцемъ не робокъ и силою крѣпокъ,
Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ боги.
Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обителяхъ свѣтлыхъ Олимпа,
Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая въ сонмѣ аргивянъ.
Будь благосклонна, богиня, и намъ и великую славу
Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ, и супругѣ моей благонравной;
Я же телицу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ
Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ жертву
Здѣсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ чистымъ.
Такъ говорилъ онъ, молясь; и Палладою былъ онъ услышанъ.
Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ благородныхъ
Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, герой геренейскій;
Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный домъ и другіе
Также вступили и сѣли порядкомъ на креслахъ и стульяхъ.
Старецъ тогда для собравшихся кубокъ наполнилъ до края
Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать лѣтъ изъ амфоры налитымъ
Ключницей, снявшей впервые съ завѣтной амфоры той кровлю.
Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и другіе
Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились довольно,
Каждый къ себѣ возвратился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой геренейскій,
Самъ Телемаку, разумному сыну царя Одиссея,
Въ звонкопространномъ покоѣ кровать указалъ прорѣзную;
Легъ близъ него Писистратъ, копьеверженъ, мужей предводитель,
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищѣ отцовомъ.
Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,
Легъ на постелѣ, перестланной мягко царицею, Несторъ.
Встала изъ мрака младая съ персями пурпурными Эосъ;
Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой геренейскій,
Вышедъ изъ спальни, онъ сѣлъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ
Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,
Ярко сіявшихъ, какъ будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же
Прежде Нелей возсѣдалъ, многоумiемъ богу подобный;
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой въ обитель Аида.
Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптроносный
Пѣстунъ ахеянъ. Къ нему сыновья собрались, изъ спаленъ
Вышедъ: Эхефронъ, Персей, Стратіонъ и Аретосъ и юный
Богу подобный красой Ѳразимедъ; наконецъ и шестой къ нимъ,
Младшій изъ братьевъ, пришелъ Писистратъ благородный. И рядомъ
Съ Несторомъ сѣсть приглашенъ былъ возлюбленный сынъ Одиссеевъ.
Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ, герой геренейскій:
Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить спѣшите:
Паче другихъ преклонить я желаю на милость Аѳину,
Видимо бывшую съ нами на праздникѣ бога великомъ.
Въ поле одинъ за телицей бѣги, чтобъ немедленно съ поля
Выгналъ ее къ намъ пастухъ, за стадами смотрящій; другой же

Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти и позвать къ намъ
Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь двухъ; напослѣдокъ
Третьимъ пусть будетъ немедленно златоискусникъ Лаэркосъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изукрасить телицѣ.
Прочіе жъ всѣ оставайтесь при мнѣ, повелѣвши рабынямъ
Въ домѣ устроить обѣдъ изобильный, разставить порядкомъ
Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды принести намъ.
Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться начали: съ поля телицу
Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы люди,
Съ нимъ переплывшіе море; явился и златоискусникъ,
Нужный для ковки металловъ принесши снарядъ: наковальню,
Молотъ, клещи драгоцѣнной отдѣлки и все, чѣмъ обычно
Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня Аѳина
Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, коней обуздатель,
Золота чистаго далъ; оковалъ имъ рога онъ телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ угоденъ богинѣ.
Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и Эхефронъ;
Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами лахани
Вынесъ изъ дома Арѣтосъ, въ другой же рукѣ онъ съ ячменемъ
Коробъ держалъ; подошелъ Ѳразимедъ, ратоборецъ могучій,
Съ острымъ въ рукѣ топоромъ, поразить изготовяся жертву;
Чашу подставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней обуздатель,
Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бросивъ
Шерсти съ ея головы на огонь, помолился Аѳинѣ;
Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу ячменемъ
Такъ же осыпали. Несторовъ сынъ Ѳразимедъ многосильный,
Мышцы напрягши, ударилъ, и, въ шею глубоко вонзенный,
Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась телица; вскричали
Дочери всѣ и невѣстки царевы и съ ними царица,
Кроткая сердцемъ, Климѣнова старшая дочь Эвридика.
Тѣ же телицу, приникшую къ лону земли путеносной,
Подняли—разомъ зарѣзалъ ее Пизистратъ благородный.
Послѣ, когда истощилася черная кровь и не стало
Жизни въ костяхъ, разложивши на части ее, отдѣлили
Бедра, и сверху ихъ (дважды обвивши, какъ слѣдуетъ, кости
Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли; все вмѣстѣ
Несторъ зажегъ на кострѣ и виномъ оросилъ искрометнымъ;
Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пятью остріями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, остальное
Все разрубили на части и стали на вертелахъ жарить,
Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ обращая.
Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью младшей
Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню; когда же
Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезарнымъ подобный;
Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря многихъ народовъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,

Сѣли за вкусный обѣдъ и заботливо начали слуги
Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Несторъ, герой геренейскій, сказалъ сыновьямъ благороднымъ:
Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу немедля
Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ путь устремиться.
То повелѣніе царское было исполнено скоро;
Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесницу; въ нее же
Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила, съ различной
Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, прилична.
Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ благородный;
Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ, предводитель народовъ,
Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ ударилъ
Сильнымъ бичомъ по конямъ, и помчалися быстрые кони
Полемъ, и Пилосъ блистательный скоро исчезъ позади ихъ.
Цѣлый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ
Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пшеницей, достигнувъ, они тамъ
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ пятаго дня и весь шестой день.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакедемонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развеселенія гостей; она и Менелай разсказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островѣ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домѣ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и объ отплытіи сына. Аѳина, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антиной со своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакедемонъ, холмами объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.
Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ сродникамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жилищѣ.
Къ сыну губителя ратей Пелида свою посылалъ онъ
Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ договоръ заключивши
Выдать ее за него, и теперь сочетали ихъ боги;
Много ей давъ колесницъ и коней, молодую невѣсту

Въ градъ мирмидонскій, гдѣ царствовалъ свѣтлый женихъ, снарядилъ онъ.
Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора выбралъ невѣстой для сына,
Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ молодою рабыней
Въ позднихъ годахъ, Мегапенда. Еленѣ жъ дѣтей не хотѣли
Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ желанная ей родилася
Дочь Эрміона, подобная дивной красой Афродитѣ.
Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ палатахъ,
Сродники всѣ и друзья Менелая, великаго славой,
Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ вдохновенный
Громко звучалъ передъ ними, и два прыгуна, соглашая
Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ проворно скакали.
Тою порой Телемакъ благородный съ младымъ Пизистратомъ,
Къ царскому дому прибывъ, на дворѣ изъ своей колесницы
Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ многочтимый,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ владыкѣ Атриду;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя
Прибыли, два иноземца конечно изъ племени Дія.
Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли
Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали?
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый:
Ты, Этеонъ сынъ Воэтовъ, еще никогда малоуменъ
Не былъ, теперь же безсмысленно сталъ говорить, какъ младенецъ;
Сами не разъ испытавъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,
Мы напослѣдокъ покоимся дома, и Дій да положитъ
Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ; самихъ же
Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обоихъ.
Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою
Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повелѣвши.
Иго съ ретивыхъ коней, опѣненное потомъ, сложили;
Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали;
Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ;
Къ свѣтлой наружной стѣнѣ прислонили потомъ колесницу.
Странники были въ высокій дворецъ введены; озираясь,
Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба:
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.
Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться; когда же
Ихъ и омыла, и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба
Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.
Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ ихъ высоко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предложивъ имъ,

Кубки златые на браномъ столѣ передъ ними поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ имъ хозяинъ:
Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы люди?
Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей вашихъ;
Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зевесомъ,
Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низкихъ родятся.
Тутъ онъ имъ подалъ бычатины жареной кусъ, изъ почетной
Собственной части его отдѣливши своею рукою.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ и голодъ
Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.
Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ подслушать другіе
Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ осторожно:
Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пизистратъ благородный,
Видишь, какъ много здѣсь мѣди сіяющей въ звонкихъ покояхъ;
Блещетъ все златомъ, серебромъ, янтарями, слоновою костью;
Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую обитель;
Что за богатство! какъ много всего! съ изумленьемъ смотрю я.
Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ златовласый;
Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ крылатое слово:
Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ владыкою Зевсомъ,
Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ, нетлѣнны;
Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ со мной, а иные
Нѣтъ; претерпѣвши немало, немало скитавшись, добра я
Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на осьмой годъ въ отчизну.
Видѣлъ я Кипръ, посѣтилъ финикіянъ, достигнувъ Египта,
Къ чернымъ проникъ эѳіопамъ, гостилъ у сидонянъ, эрембовъ;
Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агницы родятся,
Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы кидаютъ;
Въ той сторонѣ и полей господинъ и пастухъ недостатка
Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молокѣ не имѣютъ;
Круглый тамъ годъ изобильно бываютъ доимы коровы.
Той же порой, какъ въ далекихъ земляхъ я, сбирая богатства,
Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой погибъ отъ убійцы
Тайно, никѣмъ непредвидѣнно, хитрымъ предательствомъ женскимъ.
Съ тѣхъ поръ и всѣ ужъ мои мнѣ сокровища стали постылы.
Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ конечно отцы вамъ
Все разсказали... О! горестно было мнѣ зрѣть истребленье
Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго многимъ богатствомъ!
Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ владѣю, лишь только бъ
Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ пространной
Кончили жизнь, далекó отъ Аргоса, питателя кóней.
Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ сокрушаясь и плача,
Здѣсь я сижу одиноко подъ кровлей домашней; порою
Горемъ о нихъ услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь утомляетъ.
Но сколь ни сѣтую въ сердцѣ своемъ я, ихъ всѣхъ поминая,
Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ

Пищи меня, поелику никто изъ ахеянъ столь много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей; на труды и печали
Былъ онъ рожденъ; на мою же досталося часть: сокрушаться,
Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не знаемъ,
Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безутѣшный родитель
Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ младымъ Телемакомъ,
Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленьи изъ дома.
Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакѣ.
Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при отцовомъ
Имени; въ обѣ схвативши пурпурную мантію руки,
Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ догадался;
Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ онъ, что дѣлать:
Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителѣ юноша началъ,
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, молчалъ онъ,
Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ, высокихъ покоевъ Елена
Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ Артемидѣ.
Кресла богатой работы подвинула сѣсть ей Адреста;
Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги Алкиппа;
Фило пришла съ драгоцѣнной корзиной серебряной, даромъ
Умной Алкандры, супруги Полиба, въ египетскихъ Θивахъ
Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители пышной.
Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и съ ними
Два троеножныхъ сосуда и золотомъ десять талантовъ;
Также царицѣ Еленѣ супруга его подарила
Прялку златую съ корзиной овальной; была та корзина
Вся изъ сребра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подлѣ царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На креслахъ Елена
Сѣла, прекрасныя ноги свои на скамью протянувши.
Сѣвъ, съ любопытствомъ она у царя Менелая спросила:
Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ Зевеса,
Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе нынѣ?
Я же скажу—справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю—но сердце
Нудитъ сказать, что еще никогда (съ изумленьемъ смотрю я)
Мнѣ ни въ женѣ не случалось, ни въ мужѣ подобнаго встрѣтить
Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ, царя Одиссея
Сыномъ, имѣетъ; младенцемъ его Одиссей благородный
Дома оставилъ, когда за меня недостойную всѣ вы,
Мужи ахейскіе, въ Трою пошли истребительной ратью.
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливымъ.
Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,
То же въ глазахъ выраженіе, та жъ голова и такіе жъ
Кудри густые на ней; а когда, помянувъ Одиссея,
Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за меня претерпѣнныхъ,
Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза и, схвативши

Въ обѣ пурпурную мантію руки, опъ ею закрылся.
Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелаю Атриду:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ думаешь самъ ты;
Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что ему неприлично,
Васъ посѣтивши впервые, себя выставлять въ разговорѣ
Смѣломъ съ тобою, плѣняющимъ всѣхъ насъ божественной рѣчью.
Старецъ родитель мой Несторъ его повелѣлъ въ Лакедемонъ
Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ ему благосклонно
Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать? Немало
Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына, когда онъ
Розно съ отцомъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ, какъ нынѣ
Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный далеко; въ народѣ жъ
Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помогъ защититься.
Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату младому:
Боги! такъ подлинно сынъ несказанно мнѣ милаго друга,
Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ посѣтилъ мой.
Я жъ самого Одиссея отличнѣе прочихъ ахеянъ
Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ корабляхъ быстроходныхъ
Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громовержецъ Кроніонъ;
Градъ бы въ Аргосѣ ему я построилъ съ дворцомъ для жилища;
Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, съ сыномъ,
Съ цѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы очистилъ, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетръ;
Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы, и ничто бы
Насъ разлучить не могло, веселящихся, дружныхъ, до злаго
Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако смерти.
Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ непреклонный
Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ вождѣленный.
Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опечалилъ;
Громко Елена аргивская, Діева дочь, зарыдала;
Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ прослезился;
Плача не могъ удержать и младой Пизистратъ: онъ о братѣ
Вспомнилъ, о братѣ своемъ Антилохѣ прекрасномъ, который
Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлюбленнымъ сыномъ.
Вспомнивъ о братѣ, Атриду онъ бросилъ крылатое слово:
Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе всѣхъ земнородныхъ.
Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ Несторъ, когда мы
Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ вспоминаемъ.
Нынѣ жъ послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слезъ за вечерней трапезою — скоро подымется Эосъ,
Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же отнюдь не противенъ
Плачъ о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигнутыхъ общей судьбиной;
Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь надежная почесть:
Слезы съ ланитъ и отрѣзанный локонъ волосъ на могилѣ.
Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бранныхъ аргивянъ
Былъ онъ; его ты конечно видалъ; а со мной никогда здѣсь
Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ былъ отличенъ,

Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отважностью въ битвахъ.
Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ Пизистрату:
Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ лишь разумный
Мужъ и годами старѣйшій тебя говорить такъ способенъ.
Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты достойный
Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для которыхъ
Счастье и въ бракѣ и въ племени ихъ уготовалъ Кроніонъ;
Такъ постоянно и Нестору онъ золотые свиваетъ
Годы, чтобъ весело въ домѣ своемъ онъ старѣлъ, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ копьями первыхъ.
Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя слезы,
Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ подадутъ намъ
Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ Телемакомъ
Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ.
Такъ онъ сказалъ и умыться имъ подалъ воды Асфалеонъ,
Спальникъ проворный царя Менелая, великаго славой.
Подняли руки они къ предложенной имъ лакомой пищѣ.
Умная мысль пробудилась тогда въ благородной Еленѣ:
Въ чаши она круговыя подлить вознамѣрилась соку,
Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенье
Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ съ благотворнымъ
Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не могъ бы заплакать,
Если бъ и мать и отца неожиданной смертью утратилъ,
Если бъ нечаянно брата лишился иль милаго сына,
Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною мѣдью.
Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чудеснымъ;
Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Ѳоона,
Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная много
Злаковъ раждаетъ и добрыхъ цѣлебныхъ и злыхъ ядовитыхъ;
Каждый въ народѣ тамъ врачъ, превышающій знаньемъ глубокимъ
Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова рода.
Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести повелѣвши,
Стала царица Елена бесѣдовать снова съ гостями:
Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, и всѣ вы,
Дѣти отцовъ знаменитыхъ, различное людямъ различнымъ,
Злое и доброе, Дій посылаетъ, все Дію возможно.
Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и сладкимъ
Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ
Вамъ разскажу—хоть всего разсказать и припомнить нельзя мнѣ—
Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подвизался и что онъ,
Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпріялъ и исполнилъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.
Тѣло свое безпощадно изсѣкши бичомъ недостойнымъ,
Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ невольникъ, вошелъ онъ
Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго городъ;
Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ платьѣ казался
Нищимъ, какимъ никогда межъ ахеянъ его не видали.
Такъ посреди онъ троянъ укрывался; безъ смысла, какъ дѣти,

Были они; я одна догадалася, кто онъ; вопросы
Стала ему предлагать я—онъ хитро отъ нихъ уклонился;
Но когда, и омывши его и натерши елеемъ,
Платье на плечи ему возложила я съ клятвой великой:
Тайны его никому не открыть въ Иліонѣ враждебномъ
Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ крутобокимъ,
Все мнѣ о замыслѣ хитромъ ахеянъ тогда разсказалъ онъ.
Многихъ троянъ длинноострою мѣдью меча умертвивши,
Вывѣдалъ въ городѣ все онъ и въ станъ невредимъ возвратился.
Многія вдовы троянскія громко рыдали, въ моемъ же
Сердцѣ веселіе было: давно ужъ стремилось въ родную
Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Аѳродиты
Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края отчизны,
Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь, и супруга,
Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица красотою.
Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Еленѣ:
Истинно то, что, жена, разсказала ты намъ о бываломъ;
Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки и нравы
Многихъ людей благородныхъ и много земель посѣтилъ я,
Но никогда и нигдѣ мнѣ досель человѣкъ, Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, подобный, еще не встрѣчался.
Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ предпріялъ и исполнилъ,
Въ чревѣ глубокомъ коня (гдѣ ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ковъ и убійство врагамъ приготовивъ;
Къ намъ ты тогда подошла—по внушенію злому конечно
Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ троянамъ—
Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деифобъ благородный;
Трижды громаду ты съ нимъ обошла и, отвсюду ощупавъ
Ребра ея, начала вызывать поименно аргивянъ,
Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая искусно.
Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ царемъ Одиссеемъ, сокрытымъ
Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались звуки.
Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Тидеевомъ сынѣ
Выйти наружу иль громко тебѣ извнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; остальные жъ,
Въ чревѣ коня притаяся, глубоко молчали ахейцы.
Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой подать порывался
Голосъ; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ погибели всѣхъ насъ избавилъ;
Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волѣ Аѳины.
Тутъ Менелаю сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Царь благородный Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Вдвое прискорбнѣй, что онъ не избѣгъ отъ губящаго рока;
Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ желѣзное сердце?..
Время однако ужъ намъ о постеляхъ подумать, чтобъ, сладко
Въ сонъ погрузившись, на нихъ успокоить усталые члены.
Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля рабынямъ
Въ сѣняхъ кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же

Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя мантіи бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ глашатай;
Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно заснули
Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ благородный.
Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ златовласый,
Подлѣ царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ сраженье;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу подобный.
Сѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ; послѣ спросилъ онъ:
Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго моря
Въ царственный градъ Лакедемонъ прибыть, Телемакъ благородный?
Нужда какая? своя иль народная? Правду скажи мнѣ.
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судьбѣ Одиссея.
Гибнетъ мое достоянье, мои разоряются земли,
Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, безжалостно бьющихъ
Мелкій нашъ скотъ и быковъ криворогихъ и медленноходныхъ,
Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ терзаютъ.
Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благосклонно
Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что своими
Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно услышалъ
Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣды и на горе.
Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не смягчая,
Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ очевидецъ.
Если же чѣмъ для тебя мой отецъ Одиссей благородный,
Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ тѣ дни, какъ съ тобою
Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ претерпѣли, ахейцы,
Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все разскажи мнѣ.
Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,
Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала бъ по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Долам бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лезбосѣ, обильно людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомѣледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.

То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно и мною обмануть не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проницательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Египта
Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ экатомбы;
Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣрны обѣтамъ.
На морѣ шумно-широкомъ находится островъ, лежащій
Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители Фаросъ;
Онъ отъ береговъ на такомъ разстояньи, какое удобно
Въ день съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ корабль пробѣгаетъ.
Пристань находится вѣрная тамъ, изъ которой большія
Въ море выходятъ суда, запасенныя темной водою.
Двадцать тамъ дней я промедлилъ по волѣ боговъ и ни разу
Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплытію вѣтеръ,
Спутникъ желанный пловцамъ по хребту многоводнаго моря.
Мы ужъ истратили всѣ путевые запасы, и люди
Бодрость теряли, какъ, сжалясь надъ нами, спасла насъ богиня,
Хитраго старца морскаго цвѣтущая дочь Идоѳея.
Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчавшись со мною,
Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей бросивъ:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Остросогбенными крючьями удили — голодъ терзалъ ихъ.
Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказала богиня:
Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное? Сердцемъ ли робокъ?
Лѣнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ веселишься
Горемъ, что долго такъ медлишь на островѣ нашемъ, не зная,
Что предпринять и сопутниковъ всѣхъ повергая въ унылость?
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я открою:
Нехотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть можетъ, нанесъ я
Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Ты же скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?
Такъ вопросилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь пребываетъ издавна морской проницательный старецъ,
Равный безсмертнымъ Протей, египтянинъ, извѣдавшій моря
Всѣ глубины и царя Посидона державѣ подвластный;
Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я родилася.
Если бъ какое ты средство нашелъ овладѣть имъ внезапно,
Все бъ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?
Если жъ захочешь, божественный, скажетъ тебѣ и о томъ онъ,
Что у тебя и худаго и добраго дома случилось
Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ безпріютно-нустыннымъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:

Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ старцемъ
Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намѣренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолѣть человѣку могучаго бога.
Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Здѣсь ежедневно, лишь Гѐліосъ неба пройдетъ половину,
Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волненіемъ темныя влаги,
Водъ глубину покидаетъ морской проницательный старецъ;
Вышедъ изъ волнъ, отдыхать онъ ложится въ пещерѣ глубокой;
Вкругъ тюленѝ хвостоногіе, дѣти младой Алозидны,
Стаей ложатся, и спятъ, и, покрытые тиной соленой,
Смрадъ отвратительный моря на всю разливаютъ окрестность.
Только что явится Эосъ, я мѣсто найду, гдѣ удобно
Спрячешься ты посреди тюленѐй; но товарищамъ сильнымъ
Тремъ повели за собою прійти съ кораблей крутобокихъ.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварнаго старца:
Прежде всего тюленѐй онъ считать и осматривать станетъ;
Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напослѣдокъ и самъ онъ
Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада, и въ сонъ погрузится.
Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погрузился онъ, силы
Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко начнетъ онъ
Биться и рваться—изъ рукъ вы его не пускайте; тогда онъ
Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ станетъ
Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою, и пламенемъ жгучимъ;
Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ сильнѣе держите.
Но, какъ скоро тебѣ человѣческій голосъ подастъ онъ,
Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ заснулъ—вы немедля
Бросьте его; и тогда благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздраженъ и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься?
Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое лоно.
Я же пошелъ къ кораблямъ, на пескѣ неподвижно стоявшимъ,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами багряными Эосъ;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному брегу, съ молитвой
Прежде колѣна склонивъ предъ богами, пошелъ я; со мною
Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло отважныхъ.
Тою порой, погрузившись въ глубокое море, четыре
Кожи тюлѐньи изъ водъ принесла намъ богиня; недавно
Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на песчаномъ
Берегѣ ямы она приготовила намъ и сидѣла,
Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней подошли мы.
Въ ямы уклавши и кожами сверху покрывъ насъ, богиня
Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь; нестерпимо насъ мучилъ
Смрадъ тюленѐй, напитавшихся горечью влаги соленой—

Сносно ль межъ чудами моря живому
лежать человѣку?
Но Идоѳея бѣдѣ помогла и страданіе наше
Кончила, ноздри амврозіей намъ благовонной помазавъ:
Былъ во мгновеніе запахъ чудовищъ морскихъ уничтоженъ.
Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли изъ водъ наконецъ тюлени и рядами
Другъ подлѣ друга вдоль шумнаго берега всѣ улеглися.
Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Своихъ тюленей онъ
Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ и началъ считать ихъ и первыхъ
Счелъ межъ своими подводными чудами насъ, не проникнувъ
Тайнаго кова; и самъ напослѣдокъ межъ ними улегся.
Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной рукою всѣ вмѣстѣ
Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чародѣйства;
Вдругъ онъ въ свирѣпаго съ гривой огромною льва обратился;
Послѣ представалъ намъ драконом, пантерою, вепремъ великимъ,
Быстротекучей водою и деревомъ густовершиннымъ;
Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй держали.
Онъ напослѣдокъ, увидя, что всѣ чародѣйства напрасны,
Сдѣлался тихъ и ко мнѣ наконецъ обратился съ вопросомъ:
Кто изъ безсмертныхъ тебѣ указалъ, Менелай благородный,
Средство обманомъ меня пересилить? Чего ты желаешь?
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Старецъ, тебѣ ужъ извѣстно (зачѣмъ притворяться?), что медлю
Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на что мнѣ рѣшиться,
Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повергая въ унылость.
Лучше скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могучіе боги),
Кто изъ безсмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ мнѣ возвратный
Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго моря?
Такъ у него я спросилъ, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Долженъ бы Зевсу владыкѣ и прочимъ богамъ экатомбу
Ты, съ кораблями пускаяся въ путь, совершить, чтобъ скорѣе,
Темное море измѣривъ, въ отчизну свою возвратиться.
Знай, что тебѣ суждено не видать, ни возлюбленныхъ ближнихъ
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края отчизны
Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свершишь экатомбы
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Иначе боги увидѣть отчизну тебѣ не дозволятъ.
Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалося милое сердце:
Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туманнаго моря,
Вновь продолжительно-труднымъ путемъ возвращаться въ Египетъ.
Такъ напослѣдокъ, отвѣтствуя, хитрому старцу сказалъ я:
Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скрывая:
Всѣ ль въ корабляхъ невредимо ахейцы, съ которыми въ Троѣ
Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ отчизну?
Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ съ кораблями?
Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги, скончался?
Такъ я спросилъ у него, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:

Царь Менелай! не къ добру ты меня вопрошаешь, и лучше бъ
Было тебѣ и не знать, и меня не разспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всемъ разскажу я подробно.
Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы остались многіе; двумъ лишь
Только вождямъ мѣднолатныхъ аргивянъ домой возвратиться
Смерть запретила (кто палъ на сраженьи, то вѣдаешь самъ ты);
Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ крушится.
Съ длинновесѣльными въ бурю морскую погибъ кораблями
Сынъ Оилѣевъ Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской
Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнулъ;
Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,
Если бъ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ святотатнаго слова:
Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.
Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было;
Сильной рукой онъ во гнѣвѣ схватилъ свой ужасный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ, и скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками разсыпавшись, въ море другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;
Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;
Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соленою влагой.
Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невредимо ко брегу
Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный владычицей Ирой.
Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ Маллеи
Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбообильнымъ
Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ предѣламъ
Области бросило той, гдѣ Ѳіестъ обиталъ, и гдѣ послѣ
Царское было жилище Ѳіестова сына Эгиста.
Скоро однако опять успокоилось море, и боги
Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ проводилъ онъ.
Радостно вождь Агамѣмнонъ ступилъ на родительскій берегъ.
Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя слезы.
Но издалѣка съ подзорной стоянки увидѣлъ Атрида
Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое замысля, ему онъ
Дать обѣщалъ два таланта); и тамъ наблюдалъ онъ ужъ цѣлый
Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ врасплохъ, возвратяся незапно.
Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ жилище Эгиста.
Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ приготовилъ:
Двадцать отважныхъ мужей изъ народа немедля онъ выбравъ,
Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ изобильный;
Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду на встрѣчу
Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя недоброе въ сердцѣ;
Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на веселомъ
Пирѣ его онъ убилъ, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Люди, съ Атридомъ пришедшіе, всѣ до единаго пали,
Но и Эгистовы съ ними сообщники также погибли.
Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалося милое сердце:
Горько заплакавъ, упалъ я на землю; мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго

Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно рыдая.
Но напослѣдокъ сказалъ мнѣ морской проницательный старецъ:
Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя ты не долженъ;
Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше подумай,
Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ отчизну.
Или застанешь его ты живаго, иль будетъ Орестомъ
Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспѣешь къ его погребенью.
Такъ онъ сказалъ, ободрился мой духъ, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое слово:
Знаю теперь о двоихъ; объяви же, кто третій, который,
Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ неволѣ крушится?
Или ужъ нѣтъ и его? Сколь ни горько, но слушать готовъ я.
Такъ я Протея спросилъ, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель Итаки.
Видѣлъ его я на островѣ, льющаго слезы обильно
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ многоконномъ Аргосѣ;
Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія будешь
Посланъ богами—туда, гдѣ живетъ Радамантъ златовласый,
(Гдѣ пробѣгаютъ свѣтлѣ безпечальные дни человѣка,
Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы не бываетъ;
Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океаномъ
Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ блаженнымъ),
Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зевеса.
Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
Я же съ друзьями отважными вновь къ кораблямъ возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на вечернюю пищу
Собралъ людей я; божественно-темная ночь наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ,
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Сдвинули съ берега мы корабли на священное море;
Мачты поднявъ и развивъ паруса, на судахъ собралися
Всѣ мореходные люди и, сѣвши у веселъ на лавкахъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку Египту
Я корабли, и успѣшно на брегѣ его совершилъ экатомбу;
Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совершивъ экатомбу,
Холмъ гробовой Агамемнону брату на вѣчную память
Тамъ я насыпалъ; и поплыли мы, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ проводилъ онъ.
Ты жъ, Телемакъ, у меня погостишь и отсель не поѣдешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двѣнадцать;

Послѣ тебя отпущу съ дорогими подарками; дамъ я
Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей блестящей, и съ ними
Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь вседневно
Ты, поминая меня, предъ богами творить возліянье.
Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмѣрно;
Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы и цѣлый
Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ роднымъ возвратиться,
Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ
Душу мою: но сопутники въ Пилосѣ ждутъ съ нетерпѣньемъ
Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ здѣсь я промедлилъ.
Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы удобно хранить я
Дома; коней жъ въ Итаку мнѣ взять невозможно: оставь ихъ
Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты владѣешь землею
Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и лотосъ и галгантъ
Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣтущимъ ячменемъ.
Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ въ Итакѣ;
Горныя пажити наши для козъ не для коней привольны;
Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ пріютенъ
Островъ, объятый волнами; Итака же менѣе прочихъ.
Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель въ сраженье;
Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ онъ:
Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна порода,
Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить и другое,
Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, которыми домъ мой
Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;
Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь сидонянъ, въ то время, когда, возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Въ домѣ царя собралися тѣмъ временемъ званые гости,
Козъ и овецъ приведя и вина дорогаго принесши
(Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣтлыхъ повязкахъ).
Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ палатахъ Атрида.—
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буйныя игры.
Но Антиной съ Эвримахомъ прекраснымъ сидѣли особо,
Прочихъ вожди, передъ всѣми отличные мужеской силой.
Фронієвъ сынъ Ноэмонъ, подошедъ къ нимъ, сидѣвшимъ особо,
Слово такое сказалъ, обратясь къ Антиною съ вопросомъ:
Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антиной, объявить, иль не можетъ,
Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пилоса будетъ?
Взятъ у меня имъ корабль—самому мнѣ онъ надобенъ нынѣ:
Плыть мнѣ въ Элиду широкополяную нужно; двѣнадцать
Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ работящихъ:

Дикіе всѣ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ объѣздить.
Такъ онъ сказалъ: женихи изумились; войти не могло имъ
Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевомъ Пилосѣ; мнили напротивъ
Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль къ своимъ свинопасамъ.
Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ, спросилъ Ноэмона:
Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ уѣхалъ? Какіе
Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые имъ изъ народа?
Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то сдѣлать?
Также скажи откровенно, чтобъ истину вѣдать могли мы:
Силою ль взялъ у тебя онъ корабль быстроходный, иль самъ ты
Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ попросилъ онъ?
Фроніевъ сынъ Ноэмонъ, отвѣчая, сказалъ Антиною:
Отдалъ я самъ произвольно, и всякой другой поступилъ бы
Такъ же, когда бы къ нему обратился такой огорченный
Съ просьбою мужъ — ни одинъ бы ему отказать не помыслилъ.
Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ самыхъ отличныхъ
Выбраны гражданъ; и ихъ предводителемъ былъ, я замѣтилъ,
Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся въ Менторовъ образъ:
Ибо я былъ изумленъ несказанно— божественный Менторъ
Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хоть и сѣлъ на корабль онъ съ другими.
Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю въ домъ возвратиться.
Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тревоги;
Бросивъ игру, женихи собрались и сѣли кругомъ ихъ.
Къ нимъ обратяся, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ, кипящій
Гнѣвомъ — и грудь у него подымалась, тѣснимая черной
Злобой, и очи его, какъ огонь пламенѣющій, рдѣли;
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло пустившись
Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной отваги не ждали:
Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ изъ народа.
Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ него. Но погибни
Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!
Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите гребцами, чтобъ могъ я,
Въ море за нимъ устремившись, его на возвратной дорогѣ
Между Итакой и Замомъ крутымъ подстеречь, чтобъ въ погибель
Плаванье вслѣдъ за отцомъ для него самого обратилось.
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссеевъ.
Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о хитромъ
Буйныхъ ея женихов заговорѣ на жизнь Телемака;
Все ей Медонтъ, благородный глашатай, открылъ: недалеко
Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ ихъ рѣчи.
Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ къ Пенелопѣ
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благородными присланъ?
Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ царя Одиссея
Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорѣй приготовить?
О! Когда бы они отъ меня отступились! Когда бы

Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно
Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу
Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ отцовъ не случалось
Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ обхожденіи съ ними,
Какъ никому не нанесъ онъ, ни словомъ, ни дѣломъ, обиды
Въ цѣломъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ и обычно
Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а другихъ ненавидѣть,
Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ живущихъ.
Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь буйные ваши поступки
Видны; а быть за добро благодарными вамъ неумѣстно.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угрожаютъ
Нынѣ бѣдой — да успѣха не дастъ имъ Зевесъ громовержецъ!
Острымъ мечомъ замышляютъ они умертвить Телемака,
Выждавъ его на возвратномъ пути: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедѣмонъ.
Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце у бѣдной
Матери; долго была безсловесна она, и слезами
Очи ея затмевались, и ей не покорствовалъ голосъ.
Съ духомъ собравшись, она наконецъ, отвѣчая, сказала:
Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое? Нужно ль
Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными конями
Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влагѣ пространной?
Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его истребилось?
Выслушавъ слово ея, благородный Медонтъ отвѣчалъ ей:
Мнѣ неизвѣстно, внушенью ль онъ бога послѣдовалъ, самъ ли
Въ сердцѣ отплытіе въ Пилосъ замыслилъ, чтобъ свѣдать, въ какую
Землю родитель судьбиною брошенъ и что претерпѣлъ онъ.
Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ царскаго дома.
Сердцегубящее горе. объяло царицу; остаться
Долѣ на стулѣ она не могла; хоть и много ихъ было
Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на порогѣ сидѣла,
Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися рабыни,
Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и юныхъ и старыхъ.
Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ Пенелопа:
Слушайте, милыя; далъ мнѣ печали Зевесъ Олимпіецъ
Болѣе всѣхъ, на землѣ современно со мною рожденныхъ;
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ.
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною; безславно умчали
Бури отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде;
О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не пришлю вамъ
Во-время въ мысли меня разбудить? А конечно ужъ знали
Всѣ вы, что онъ собрался въ кораблѣ удалиться отсюда.
О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ!

Или тогда бъ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,
Или сама бъ я осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.
Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Долiона;
Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ отцомъ и усердно
Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ Лаэрту немедля
Долженъ пойти онъ и, сѣвъ близъ него, о случившемся нынѣ
Старцу сказать; и Лаэртъ, все разумно обдумавъ, быть можетъ,
Съ плачемъ предстанетъ народу, который губить допускаетъ
Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.
Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царицѣ:
Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безпощадною мѣдью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
Было извѣстно мнѣ все; по его повелѣнью дала я
Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую клятву
Взялъ онъ: молчать до двѣнадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Гдѣ онъ, сама, иль другой кто отъѣзда его не откроетъ.
Свѣжесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача поблекнетъ.
Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пойди, и молитву
Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ грозящія смерти.
Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные боги,
Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ потомковъ
Аркезіада; и родъ ихъ всегда обладателемъ будетъ
Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ Итакѣ.
Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ Аѳинѣ:
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,
Если когда Одиссей благородный въ семъ домѣ обильно
Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ тобою,
Вспомни объ этомъ теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моихъ жениховъ злонамѣренныхъ нынѣ разрушивъ.
Такъ помолилась она и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли.
Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно надменныхъ:
Вѣрно теперь многославная наша царица готовитъ
Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ приготовлено сыну.
Такъ говорили они, не предвидя того, что и всѣмъ имъ
Было готово. Созвавъ ихъ, сказалъ Антиной, негодуя:
Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ неразумныхъ
Словъ воздержаться, чтобъ кто-нибудь здѣсь разгласить ихъ не вздумалъ.
Лучше, отсель удаляся въ молчаньи, исполнимъ на дѣлѣ
То, что теперь на совѣтѣ согласномъ своемъ положили.
Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ народа, поспѣшно
Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ на брегѣ песчаномъ.
Сдвинувъ съ песчанаго брега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили снасти,

Въ крѣпкорем енныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули. Когда же
Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собралися, всѣ вмѣстѣ,
Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.
Той порою въ высокомъ покоѣ своемъ Пенелопа
Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли сынъ безпорочный,
Или погибнетъ, сраженный рукою убійцъ вѣроломныхъ?
Словно какъ левъ, окружаемый мало-помалу стрѣлками,
Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ цѣпью онъ будетъ обхваченъ,
Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала. Но мирный
Сонъ прилетѣлъ, и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность прекрасной
Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ которой
Царь ѳесалійскія Феры, могучій Эвмелъ сочетался.
Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ Аѳина, дабы онъ
Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль Пенелопѣ, ей слезы
Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.
Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не тронувъ, безплотный
Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою, промолвилъ:
Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскуетъ ли милое сердце?
Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ запрещаютъ
Плакать и сѣтовать: твой Телемакъ невредимъ возвратится,
Скоро къ тебѣ; онъ богамъ никакой не прогнѣвалъ виною.
Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала,
Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вратахъ сновидѣній:
Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты донынѣ такъ рѣдко
Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю обитая.
Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть и крушиться,
Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могуществомъ львинымъ,
Всякой высокою доблестью въ сонмѣ данаевъ отличный,
Столь преисполнившій славой своей и Элладу и Аргосъ;
Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ отважился въ море,
Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми говорить не обыкшій.
Болѣ о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ супругѣ;
Сердце дрожитъ за него, чтобъ бѣды съ нимъ какой не случилось
На морѣ зломъ иль въ чужой сторонѣ, у чужаго народа?
Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, приготовивъ
Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ въ отчизну.
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсудно тревожась.
Спутница есть у него и такая, которой бы всякой
Смертный съ надеждою ввѣрилъ себя — для нея все возможно —
Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожалѣя,
Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ вслѣла богиня.

Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣчала:
Если ты вправду богиня и слышала голосъ богини,
То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.
Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало, и въ область Аида сошелъ онъ?
Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ Пенелопѣ:
Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея;
Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя; пусторѣчіе вредно.
Призракъ тогда, сквозь замочную скважину двери провѣявъ
Воздухомъ легкимъ, пропалъ. Пробудяся отъ сна, Пенелопа
Ложе покинула; сердцемъ она ожила, поелику
Явно въ глубокую полночь предсталъ ей пророческій образъ.
Тою порой женихи въ кораблѣ водяною дорогой
Шли, неизбѣжную мысленно смерть Телемаку готовя.
Есть на равнинѣ соленаго моря утесистый островъ
Между Итакой и Замомъ гористымъ; его именуютъ
Астеромъ; онъ невеликъ; корабли тамъ пріютная пристань
Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали на стражѣ ахейцы.

ОДИССЕЯ.

пѣснь пятая.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Седьмой день до конца тридцать перваго.

Совѣтъ боговъ. Они посылаютъ Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія, нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ эѳіоповъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, плывущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкотеи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня носятъ его бурныя волны; наконецъ, ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ феакійскаго острова Схеріи.

Эосъ, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,
На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и для смертныхъ.
Боги тогда собрались на великій совѣтъ; предсѣдалъ имъ
Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею властію первый.
Стала Аѳина разсказывать имъ о бѣдахъ Одиссея,
Въ сердцѣ тревожася долгой неволей его у Калипсы:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ теперь ни единый
Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ сердца изгнавши,
Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззаконствуя смѣло—
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ отецъ благодушный;
Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое терпитъ
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы, насильно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Нынѣ жъ враги и младаго хотятъ умертвить Телемака,
Въ морѣ внезапно напавъ на него: о родителѣ свѣдать
Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царственный градъ Лакедемонъ.

Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить
Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей? Телемака жъ
Ты проводи осторожно сама—то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо онъ въ милую землю отцовъ возвратится;
Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, прибудутъ въ Итаку.
Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, милому сыну:
Эрмій, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ прекраснокудрявой
Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣть
Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоянному; путь свой
Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ помощи смертныхъ;
Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опаснаго много,
Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схеріи тучной,
Гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы; и будетъ
Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана почесть:
Въ милую землю отцовъ съ кораблемъ ихъ отплывъ, онъ въ подарокъ
Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоцѣнныхъ получитъ
Много, столь много, что даже изъ Трои подобнсй добычи
Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно могъ возвратиться.
Такъ напослѣдокъ по волѣ судьбы онъ возлюбленныхъ ближнихъ,
Землю отцовъ и богато украшенный домъ свой увидитъ.
Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ, Аргусоубійца.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ,
Взялъ онъ и жезлъ свой, по волѣ его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у спящихъ.
Въ путь устремился съ жезломъ многосильный убійца Аргуса.
Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ эѳира слетѣлъ онъ;
Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболовомъ крылатымъ,
Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверзстаго бурею нѣдра
Бездны безплодносоленой, купая въ ней сильныя крылья.
Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною, Эрмій
Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро достигнулъ.
Съ зыби широкотуманной на твердую землю поднявшись,
Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ свѣтлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самоё тамъ увидѣлъ.
Пламень трескучій сверкалъ на ея очагѣ, и весь островъ
Былъ накуренъ благовоніемъ кедра и дерева жизни,
Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ богиня
Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною тканью.
Густо разросшись, отвсюду пещеру ея окружали
Тополи, ольхи и сладкій ліющіе духъ кипарисы;
Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздилися тамъ длиннокрылыя птицы,
Копчики, совы, морскія вороны крикливыя, шумной
Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая;
Сѣтью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,

Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды висѣли;
Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣжали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда извиваясь;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ, и злаковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто зашелъ и безсмертный
Богъ—изумился бъ и радость въ его бы проникнула сердце.
Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сразитель Аргуса;
Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и радостью сердца,
Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напослѣдокъ; и съ перваго взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшися, гостя узнала
(Быть незнакомы другъ другу не могутъ безсмертные боги,
Даже, когда бъ и великое ихъ разлучало пространство).
Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не встрѣтилъ;
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и плакалъ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни проводилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пустынное море.
Эрмія сѣсть приглася на богато украшенныхъ креслахъ,
Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ спросила:
Эрмій, носитель жезла золотаго, почтенный и милый
Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда не бывалъ ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,
Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде однако ты долженъ принять отъ меня угощенье.
Съ сими словами богиня, поставивши столъ передъ гостемъ,
Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, убійца Аргуса.
Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словомъ такимъ онъ отвѣтствовалъ нимфѣ прекраснокудрявой:
Знать отъ меня ты—отъ бога богиня—желаешь, зачѣмъ я
Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою исполняя.
Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда прилетѣлъ я—
Кто произвольно захочетъ измѣрить безплоднаго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ человѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ экатомбы?
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить, ни нарушить.
Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣйшій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сражавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ, отплывшихъ въ отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія волны богиня.
Онъ же, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою отосланъ;
Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ ближнихъ, родную
Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ увидѣлъ.
Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,

Голосъ возвысила свой и крылатое бро-
сила слово:
Боги ревнивые, сколь вы безжалостно
къ намъ непреклонны!
Васъ раздражаетъ, когда мы, богини,
пріемлемъ на ложе
Смертнаго мужа, и намъ онъ становится
милымъ супругомъ.
Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ нѣ-
когда избранъ;
Гнали его вы, живущіе легкою жизнію
боги,
Гнали до тѣхъ поръ, пока златотронныя
онъ Артемиды
Тихой стрѣлою въ Ортигіи не былъ внез-
апно застрѣленъ.
Такъ Язіонъ былъ прекраснокудрявой
Димитрою избранъ;
Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ
ложе богиня
На полѣ, три раза вспаханномъ; скоро о
томъ извѣщенъ былъ
Зевсъ и его умертвилъ онъ, низринувши
пламенный громъ свой.
Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ
смертному мужу
Помощь, когда, обхвативъ корабельную
доску, въ волнахъ онъ
Гибнулъ — корабль же его быстроходый
былъ пламеннымъ громомъ
Зевса разбитъ посреди безпредѣльно пу-
стыннаго моря:
Такъ онъ, сопутниковъ вѣрныхъ своихъ
потерявъ, напослѣдокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами
великими брошенъ.
Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ,
я хотѣла
Милому дать и безсмертье, и вѣчно цвѣ-
тущую младость.
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не
смѣетъ
Между боговъ ни одинъ отклонить отъ
себя, ни нарушить;
Пусть онъ—когда ужъ того такъ упорно
желаетъ Кроніонъ—
Морю невѣрному снова предастся; помочь
я не въ силахъ;
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ,
съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту много-
воднаго моря.
Дать лишь совѣтъ осторожный властна
я, дабы онъ отсюда
Могъ безпрепятственно въ милую землю
отцовъ возвратиться.
Ей отвѣчая, сказалъ благовѣстникъ,
убійца Аргуса:
Волю Зевеса уваживъ, немедля его ото-
шли ты,
Или, боговъ раздразживъ, на себя навле-
чешь наказанье.
Такъ отвѣчавъ, удалился безсмертныхъ
крылатый посланникъ.
Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею, могу-
чему мужу,
Волю Зевеса принявши изъ устъ благо-
вѣстнаго бога.
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ,
и очи
Были въ слезахъ; утекала медлительно
капля за каплей
Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ
по отчизнѣ; и, хладный
Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои
онъ дѣлилъ принужденно
Въ гротѣ глубокомъ, желанью ея непо-
корный желаньемъ.
Дни же свои проводилъ онъ, сидя на
прибрежномъ утесѣ,
Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая,
и очи,
Полныя слезъ, обративъ на пустыню без-
плоднаго моря.
Близко къ нему подошедши, сказала мо-
гучая нимфа:
Слезы отри, злополучный, и болѣ не
трать въ сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благо-
склонно хочу я.
Бревенъ большихъ нарубивъ топоромъ
мѣдно-острымъ и въ крѣпкій
Плотъ ихъ связавъ, по краямъ утверди
ты перила на толстыхъ
Брусьяхъ, чтобъ по морю темному плыть
безопаснѣе было.

Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпурóвымъ снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтобъ и голодъ и жажду легко ты
Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошлю за тобою
Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей ты достигнулъ,
Если угодно богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ—
Мнѣ же ни разумомъ съ ними ни властью равняться не можно.
Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, содрогнулся;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крылатое слово:
Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто иное, богиня;
Какъ же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль быстроходный
Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ вѣтромъ попутнымъ?
Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плотъ ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы, что мнѣ никакого вреда не замыслила нынѣ.
Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:
Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмѣрно твой умъ остороженъ;
Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ, произнесъ ты.
Но я клянусь и землей плодоносной, и небомъ великимъ,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ боязни,
Въ томъ, что тебѣ ни какого вреда не замыслила нынѣ.
Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала бы,
Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, затрудненьи великомъ;
Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь мнѣ,
Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное сердце.
Кончивъ, богиня богинь, впереди Одиссея поспѣшнымъ
Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Съ нею (съ безсмертною смертный) достигнувъ глубокаго грота,
Сѣлъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эрміемъ, креслахъ.
Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Мѣсто напротивъ его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амврозіи подали съ нектаромъ сладкимъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ:
Послѣ жъ, когда утоленъ былъ ихъ голодъ питьемъ и ѣдою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ милую землю отцовъ наконецъ предпріявъ возвратиться,
Хочешь немедля меня ты покинуть— прости! но когда бы
Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба назначаетъ
Злыя тревоги тебѣ испытать до прибытія въ домъ свой,
Ты бы остался со мною въ моемъ безмятежномъ жилищѣ.
Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ ты жаждешь свиданья
Съ вѣрной супругой, о ней ежечасно крушась и печалясь.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройнымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя жены

Съ нами богинями спорить своею земной красотою?
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я довольно
Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенелопѣ разумной,
Смертной женѣ съ вѣчно юной безсмертной богиней, ни стройнымъ
Станомъ своимъ, ни лица своею красотою равняться;
Все я однако, всечасно крушась и печалясь, желаю
Домъ свой увидѣть и сладостный день возвращенія встрѣтить,
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопленіе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлою въ бѣдствіяхъ грудью:
Много встрѣчалъ я напастей, немало трудовъ перенесъ я
Въ морѣ и битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце зашло и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Тамъ насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ и хламиду.
Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя ткани
Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоцѣннымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ дорогу;
Выбрала прежде топоръ, по рукѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ, и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ,
Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для плаванья легкихъ.
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
Въ гротъ свой глубокій Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, острою мѣдью
Выскоблилъ гладко, потомъ уравнялъ, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, всѣ пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строитъ на прочномъ
Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
Плотными брусьями крѣпкія ребра связавъ, напослѣдокъ
Въ гладкую палубу сбилъ онъ дубовыя толстыя доски,
Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плотъ окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракитныхъ
Сучьевъ, на дно же различнаго грузу для тяжести бросилъ.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крѣпкой ему принесла. И, устроивши парусъ (къ нему же
Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),

Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу.
Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Калипсо.
Баней его освѣживъ и душистой облекши одеждой,
Нимфа три мѣха на плотъ принесла: былъ одинъ драгоцѣннымъ
Полонъ напиткомъ, другой ключевою водою, а третій
Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лакомой пищей.
Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ попутный.
Радостно парусъ напрягъ Одиссей и, попутному вѣтру
Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могучей рукою
Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его не спускался
Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисходящаго поздно
Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще Колесницы
Имя носящей и близъ Оріона свершающей вѣчно
Кругъ свой, себя никогда не купая въ водахъ океана.
Съ нею богиня богинь повелѣла ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился онъ въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали надъ водами
Горы тѣнистой земли феакіянъ, уже недалекой:
Черным щитомъ на туманистомъ морѣ она простиралась.
Въ это мгновенье земли колебатель могучій, покинувъ
Край эѳіопянъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ Одиссея
Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ разгнѣвалось сердце;
Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головой, онъ воскликнулъ:
Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ эѳіопянъ
Праздновалъ, мнѣ вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достигъ онъ земли феакіянъ, гдѣ встрѣтить напастей,
Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ; но еще я
Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насытить.
Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши, трезубцемъ
Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
Вѣтры противные; облако темное вдругъ обложило
Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.
Разомъ и Эвръ, и полуденный Нотъ, и Зефиръ, и могучій,
Свѣтлымъ рожденный Эѳиромъ, Борей взволновали пучину.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ назначило небо!
Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь не ошиблась,
Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчизны, я въ морѣ
Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.
Страшными тучами вкругъ обложилъ безпредѣльное небо
Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воздвигъ, отовсюду
Вѣтры противные скликавъ. Погибель моя наступила.
О! троекратно, стократно счастливы данаи, въ пространной
Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ!
И лучше бъ
Было, когда бъ я погибъ и судьбу неизбѣжную встрѣтилъ

Въ день тотъ, какъ множество мѣдноокованныхъ копій трояне
Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ тѣломъ Пелида;
Съ честью бъ я былъ погребенъ, и была бъ отъ ахеянъ мнѣ слава;
Нынѣ жъ судьба мнѣ безславно-печальную смерть посылаетъ...
Въ это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся надъ его головою; стремительно плотъ закружился;
Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стремглавъ, упустивши
Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ тяжелымъ
Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ противъ друга, ударомъ;
Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и райну.
Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ онъ
Выбиться кверху, давимый напоромъ волны и стѣсненный
Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ѐму на прощаньи.
Вынырнулъ онъ напослѣдокъ, изъ устъ извергая морскую
Горькую воду, съ его бороды и кудрей изобильнымъ
Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ вспомнилъ
Плотъ свой, за нимъ по волнамъ погнался, за него ухватился,
Взлѣзъ на него и на палубѣ сѣлъ, избѣжавъ потопленья;
Плотъ же бросали и туда и сюда взгроможденныя волны:
Словно какъ шумный осенній Борей по широкой равнинѣ
Носитъ повсюду изсохшій, скатавшійся густо репейникъ,
По морю такъ беззащитное судно повсюду носили
Вѣтры; то быстро Борею его перебрасывалъ Нотъ, то шумящій
Эвръ, имъ играя, его предавалъ произволу Зефира.
Но Одиссея увидѣла Кадмова дочь Левкотея,
Нѣкогда смертная дѣва, привѣтнорѣчивая Ино,
Послѣ богиня, безсмертія честь воспріявшая въ морѣ.
Стало ей жаль Одиссея, свирѣпой гонимаго бурей.
Съ моря ныркомъ легкокрылымъ она поднялася, взлетѣла
Легкимъ полетомъ на твердо сколоченный плотъ и сказала:
Бѣдный! за что Посидонъ, колебатель земли, такъ ужасно
Въ сердцѣ разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ упорно враждуетъ?
Вовсе, однако, тебя не погубитъ онъ, сколь бы ни тщился.
Самъ на себя положися теперь (ты, я вижу, разуменъ);
Скинувши эту одежду, свой плотъ уступи произволу
Вѣтровъ и, бросившись въ волны, руками работая смѣло,
Вплавь до земли феакіянъ достигни: тамъ встрѣтишь спасенье.
Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты одѣнешь
Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ волнахъ потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ прикоснешься рукою,
Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное море
Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ, удалися.
Кончивъ, богиня ему подала съ головы покрывало.
Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она улетѣла
Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина поглотила.
Началъ тогда про себя размышлять Одиссей богоравный;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе! не новую ль хитрость замысливъ, желаетъ богиня

Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плотъ мой оставить.
Нѣтъ, я того не исполню; не близокъ еще, я примѣтилъ,
Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе будетъ.
Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, покуда еще невредимо
Судно мое и шипами надежными связаны брусья;
Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не сойду я.
Но, какъ скоро волненье могучее плотъ мой разрушитъ,
Брошуся вплавь: я инаго теперь не придумаю средства.
Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Поднялъ изъ бездны волну Посидонъ, потрясающій землю,
Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно онъ грянулъ
Ею въ него: какъ отъ быстраго вихря сухая солома,
Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разорвавшись,
Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ, Одиссеемъ
Пойманный, былъ имъ, какъ конь, убѣжавшій на волю, осѣданъ.
Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное платье,
Грудь онъ немедля свою покрывалomъ одѣлъ чудотворнымъ.
Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ онъ отважно
Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель при этомъ
Видѣ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и воскликнулъ:
По морю бурному плавай теперь на свободѣ, покуда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не примутъ;
Будетъ съ тебя! не останешься, думаю, мной недоволенъ.
Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ коней и умчался
Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высокихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклонной Палладѣ:
Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она повелѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только Борею
Бурно свирѣпствовать: волны жъ сама укрощала, чтобъ въ землю
Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ феакіянъ достигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ избѣжавши.
Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ повсюду шумящимъ
Моремъ, и гибель не разъ неизбѣжной казалась; когда же
Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно кудрявая Эосъ,
Вдругъ успокоилась буря и на морѣ все просвѣтлѣло
Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый кверху волной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою увидѣлъ онъ землю.
Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ спасенье
Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ, всѣ силы
Въ немъ истребившимъ (понеже злой демонъ къ нему прикоснулся),
Послѣ же на радость имъ всѣмъ исцѣленнаго волей безсмертныхъ—
Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и лѣса явленьемъ.
Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся на твердую землю.
Но, отъ нея на такомъ разстояньи, въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ скалами услышалъ;
Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ высокій
Съ моря бросаясь, и весь онъ былъ облитъ соленою пѣной;
Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго мѣста,

Вкруть берега подымались; торчали утесы и рифы.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна и сердце;
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть нежданную землю
Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море, достигъ я?
Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозможенъ мнѣ доступъ;
Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся плещутъ
Волны, и гладкой стѣной воздвигается берегъ высокій;
Море жъ вблизи глубоко̀ и нѣтъ мѣста, гдѣ было бъ возможно
Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной избѣгнуть.
Если пристать попытаюсь, то буду могучей волною
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщетно истративъ
Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать, не найдется ль
Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль пристань, страшуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ рыбообильнымъ
Моремъ меня, вопіющаго жалобно, вдаль не умчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ, Амфитритой
Въ морѣ питаемыхъ, мнѣ на погибель не выслалъ изъ бездны:
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ земледержецъ.
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый берегъ;
Тѣло бъ его изорвалось и кости бъ его сокрушились,
Если бъ онъ во̀-время свѣтлой богиней Аѳиной наставленъ
Не былъ руками за ближній схватиться утесъ; и къ нему прицѣпившись,
Ждалъ онъ, со стономъ на камнѣ вися, чтобъ волна пробѣжала
Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразясь, на возвратѣ
Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное море.
Если полипа изъ ложа вѣтвистаго силою вырвешь,
Множество крупинокъ камня къ его прилѣпляется ножкамъ:
Къ рѣзкому такъ прилѣпилась утесу лоскутьями кожа
Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною великой,
Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбѣжно бъ погибъ онъ,
Если бъ отважности въ душу его не вложила Аѳина.
Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся прянуть на камни,
Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ преслѣдуя землю и тщася
Гдѣ-нибудь берегъ отлогій иль мелкое мѣсто примѣтить.
Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки свѣтловодной.
Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита.
Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ молитвой:
Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь желанному, нынѣ
Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова моря.
Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ молитвамъ
Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда онъ подобенъ
Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много великихъ
Бѣдъ претерпѣвшему; сжалься, могучій, подай мнѣ защиту.
Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой потокъ, успокоилъ
Волны и, на̀ море тишь наведя, отворилъ Одиссею

Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились колѣна; повисли
Руки могучія: въ морѣ его изнурилося сердце;
Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и ноздрями
Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный, безгласный.
Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ овладѣло.
Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и чувство,
Съ груди своей покрывало, богинею данное, снявши,
Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ сліянную рѣку.
Быстро помчалася ткань по теченью назадъ, и богиня
Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки отошедши,
Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая, простерся.
Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому сердцу:
Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназначенъ отъ неба!
Если на брегѣ потока безсонную ночь проведу я,
Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды восходящій,
Вовсе меня, ужъ послѣднихъ лишеннаго силъ, уничтожатъ:
Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вѣетъ съ рѣки передъ утромъ.
Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ сѣнистаго лѣса
Въ чащѣ кустовъ я засну, то, конечно, не буду проникнутъ
Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня исцѣлитъ миротворный
Сонъ; но страшусь, не достаться бъ въ добычу звѣрямъ плотоядным.
Такъ размышлялъ онъ; ему наконецъ показалось удобнѣй
Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ рѣки недалёко
Росшій на холмѣ открытомъ. Онъ тамъ двѣ сплетенныя крѣпко
Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а другая
Дикая; въ сѣнь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышащій вѣтеръ, ни Гѣліосъ, знойно блестящій;
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода, такъ густо
Были онѣ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ ними,
Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими руками
Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ такая
Груда была, что и двое и трое могли бы удобно
Въ зимнюю бурю, какъ сильно въ она ни шумѣла, тамъ скрыться.
Груду увидя, обрадованъ былъ Одиссей несказанно.
Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ слежавшихся листьяхъ.
Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь скрываетъ
Въ полѣ далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ пламени сѣмя
Въ ней сохраниться могло безопасно отъ злаго пожара:
Такъ Одиссей, подъ листами зарывшися, грѣлся, и очи
Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ скорѣе
Въ немъ оживить изнуренныя силы. И крѣпко заснулъ онъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать второй день.

Аѳина въ сновидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь феакійскаго царя Алкиноя, идти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платья въ потокѣ. Онѣ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царевна приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко отъ города.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ, погруженный
Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низлетѣла
Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ богамъ феакіянъ,
Жившихъ издавна въ широкополяной землѣ Иперейской,
Въ близкомъ сосѣдствѣ съ циклопами, дикимъ и буйнымъ народомъ,
Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ ихъ превышая:
Но напослѣдокъ божественный вождь Навзитой поселилъ ихъ
Въ Схеріи, тучной землѣ, далекò отъ людей промышлёныхъ.
Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ построилъ жилища,
Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ поля на участки.
Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой онъ въ обитель Аида.
Властвовалъ царь Алкиной, многоумiемъ богу подобный.
Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина Паллада;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ покойно,
Станомъ и видомъ богинѣ подобясь младой, почивала
Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.
Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ служанки, Харитамъ
Юнымъ подобныя, спали, и нàкрѣпко заперты были
Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою приближась,
Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня Аѳина,
Образъ пріявшая дѣвы младой, мореходца Диманта
Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней однолѣтней.
Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня сказала:
Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая!
Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро наступитъ
Брачный твой день: ты должна и себѣ приготовить заранѣ
Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху молодому.
Доброе имя одежды опрятностью мы наживаемъ;
Мать и отецъ веселятся, любуяся нами. Проснись же,

Встань, Навзикая, и на́ рѣку мыть соберитеся всѣ вы
Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло скорѣе
Кончить. Недолго останешься ты незамужнею дѣвой;
Много тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго рода
Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты родилася.
Встань, и явися немедля къ отцу многославному съ просьбой:
Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты удобно
Взять всѣ повязки, покровы, и разныя платья, чтобъ также
Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ неприлично—
Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ утомительно дологъ.
Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь полетѣла
Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ, основали
Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шумитъ хладоносный,
Гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблачный воздухъ
Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ проникнутъ;
Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ всѣ дни пробѣгаютъ.
Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.
Эосъ тогда златотронная, вставъ, разбудила младую
Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,
Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о видѣньи
Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ ихъ покои. Царица
Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближенныхъ служанокъ,
Нити пурпурныя тонко суча; а въ дверяхъ отворенныхъ
Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ многоумныхъ
Шелъ, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей феакійскихъ.
Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала:
Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней уклавъ всѣ богатыя платья, которыхъ
Много скопилось нечистыхъ, отправилась на́ рѣку мыть ихъ.
Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ совѣтѣ почетныхъ
Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой;
Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ;
Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ;
Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы
Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.
Такъ говорила она; о желанномъ же бракѣ ей было
Стыдно отцу помянуть; догадался онъ самъ и сказалъ ей:
Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же;
Дамъ повелѣнье рабамъ заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и коробъ.
Кончивъ, рабамъ повелѣніе далъ онъ. Ему повинуясь,
Взяли они колесницу большую, ее снарядили,
Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ, ихъ привязали.
Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ уклавъ ихъ, царевна
Все помѣстила на быстроколесной, большой колесницѣ.
Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей голодъ,
Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ благороднымъ
Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колесницу царевна

Стала, принявъ отъ царицы фіалъ золотой съ благовоннымъ
Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь натереть имъ.
Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно
Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали проворной
Рысью, везя нелѣниво и грузъ, и царевну. За нею
Слѣдомъ пошли молодыя подруги ея и служанки.
Къ устью рѣки многоводной достигли онѣ напослѣдокъ.
Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ обильно
Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.
Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онѣ утомленныхъ
Муловъ и ихъ по зеленому брегу потока пустили
Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ колесницы
Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы ногами
Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря другъ съ другомъ.
Начали платья онѣ полоскать и потомъ, дочиста ихъ
Вымывъ, по взморью на мелко-блестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.
Кончивъ, онѣ искупались въ рѣкѣ и, натершись елеемъ,
Весело сѣли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдъ свой,
Влажныя платья оставивъ сушить лучезарному солнцу.
Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, царевна
Вызвала въ мячъ ихъ играть, головныя сложивъ покрывала;
Пѣсню же стала сама бѣлорукая пѣть Навзикая.
Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эриманѳъ обѣгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконогимъ оленямъ;
Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей—и любуется ими Латона;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, распознать въ ней богиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмевала царевна.
Стали онѣ наконецъ собираться домой; въ колесницу
Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали одежды.
Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала средство,
Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ повстрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей феакійскихъ ему указала дорогу:
Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія прянулъ;
Громко опѣ закричали; ихъ крикъ пробудилъ Одиссея.
Онъ поднялся и, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, воскликнулъ:
Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть можетъ, здѣсь область
Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, можетъ быть, встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ?
Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ послышался голосъ.
Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутоглавыхъ, душистыхъ,
Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаенныхъ, играютъ;
Или достигъ наконецъ я жилища людей говорящихъ.
Встанемъ же; должно мнѣ все самому испытать и развѣдать.

Съ сими словами изъ чащи кустовъ Одиссей осторожно
Выползъ; потомъ жиловатой рукою, покрытыхъ листами,
Свѣжихъ вѣтвей наломалъ, чтобъ одѣть обнаженное тѣло.
Вышелъ онъ—такъ, на горахъ обитающій, силою гордый,
Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, сверкая глазами,
Левъ; на быковъ и овецъ онъ бросается въ полѣ, хватаетъ
Дикихъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый гладомъ,
Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пастушьимъ заградамъ.
Такъ Одиссей вознамѣрился къ дѣвамъ прекраснокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклонной нуждою.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засохшею тиной;
Въ трепетѣ всѣ разбѣжалися врозь по высокому брегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аѳина
Бодрость вселила ей въ сердце и въ немъ уничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ, что приличнѣй:
Оба ль колѣна обнять у прекраснокудрявыя дѣвы?
Или, въ почтительномъ ставъ отдаленьи, молить умиленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ указала?
Такъ размышляя, нашелъ наконецъ онъ, что было приличнѣй
Словомъ молить умиленнымъ, въ почтительномъ ставъ отдаленьи
(Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую дѣву).
Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обратился къ царевнѣ:
Руки, богиня иль смертная дѣва, къ тебѣ простираю.
Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ;
Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны
Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты передъ ними
Въ домѣ семейномъ столь мирно цвѣтешь, иль свои восхищая
Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пляшешь.
Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ смертный, который
Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную вѣномъ богатымъ.
Нѣтъ! ничего столь прекраснаго между людей земнородныхъ
Взоры мои не встрѣчали донынѣ; смотрю съ изумленьемъ.
Въ Делосѣ только я — тамъ, гдѣ алтарь Аполлоновъ воздвигнутъ—
Юную стройновысокую пальму однажды замѣтилъ
(Въ храмъ же зашелъ, окруженный толпою сопутниковъ вѣрныхъ,
Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣтилось бѣдствій).
Юную пальму замѣтивъ, я въ сердцѣ своемъ изумленъ былъ
Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ не видалъ я.
Такъ и тебѣ я дивлюсь! Но, дивяся тебѣ, не дерзаю
Тронуть колѣней твоихъ: несказанной бѣдой я постигнутъ.
Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалося избѣгнуть
Моря: столь долго игралищемъ былъ я губительной бури,
Гнавшей меня отъ Огигіи острова. Нынѣ жъ сюда я
Демономъ брошенъ для новыхъ напастей— еще не конецъ имъ;
Вѣрно не мало еще претерпѣть мнѣ назначили боги.

Сжалься, царевна; тебя, испытавши превратностей много,
Первую здѣсь я съ молитвою встрѣтилъ; никто изъ живущихъ
Въ этой землѣ не знакомъ мнѣ; скажи, гдѣ дорога
Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло хоть лоскутъ
Грубой обвертки, въ которой сюда привезла ты одежды.
О! да исполнятъ безсмертные боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.
Дочь Алкиноя, отвѣтствуя, такъ Одиссею сказала:
Странникъ, конечно твой родъ знаменитъ: ты, я вижу, разуменъ.
Дій же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ Олимпа
Счастье даетъ безъ разбора по волѣ своей прихотливой;
Что ниспослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣливымъ смиреньемъ.
Если жъ достигнуть ты могъ и земли и обителей нашихъ,
То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника нужномъ, не встрѣтишь отказа.
Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ немъ живущихъ.
Въ градѣ живетъ и землей здѣсь владѣетъ народъ феакіянъ;
Я Алкиноя, царя благодушнаго дочь; Алкиноя жъ
Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признаютъ феакійцы.
Тутъ обратилась царевна къ подругамъ своимъ и служанкамъ:
Стойте! куда разбѣжалися вы, устрашась иноземца?
Онъ человѣкъ незломышленный; нѣтъ вамъ причины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь и не можетъ
Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на насъ, феакіянъ,
Злое замыслилъ; насъ боги безсмертные любятъ; живемъ мы
Здѣсь, отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на послѣднихъ предѣлахъ
Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей посѣщаетъ.
Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный, бездомный скиталецъ:
Помощь ему оказать мы должны—къ намъ Зевесъ посылаетъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣшите, подруги;
Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защитное мѣсто
Выбравъ въ потокѣ. — Сказала; сошлись ободренныя дѣвы.
Въ мѣстѣ, отъ вѣтровъ защитномъ, его посадивъ, какъ велѣла
Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,
Мантію съ тонкимъ хитономъ онѣ близъ него положили.
Послѣ, принесши фіалъ золотой съ благовоннымъ елеемъ,
Стали его приглашать къ омовенію въ свѣтломъ потокѣ.
Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣчалъ имъ:
Дѣвы прекрасныя, станьте поодаль; безъ помощи вашей
Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею
Тѣло: давно ужъ елей благовонный къ нему не касался.
Но передъ вами купаться не стану я въ свѣтломъ потокѣ;
Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовласыя дѣвы.

Такъ онъ сказалъ; и онѣ, удаляся, о томъ извѣстили
Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погрузившися, тину,
Грязно облекшую плечи и спину ему и густые
Кудри его облѣпившую, смыслъ освѣжительной влагой;
Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умаслилъ елеемъ;
Послѣ украсился даннымъ младою царевною платьемъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда Одиссея
Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня.
Берегомъ моря пошелъ онъ, и сѣлъ на пескѣ, озаренный
Силой и прелестью мужества. Царская дочь изумилась.
Слово потомъ обратила она къ густовласымъ подругамъ:
Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія дѣвы;
Думаю я, что не всѣми богами Олимпа гонимый
Этотъ скиталецъ въ страну феакіянъ божественныхъ прибылъ;
Прежде и мнѣ человѣкомъ простымъ онъ казался; теперь же
Вижу, что свой онъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся, который,
Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ бы остаться!
Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, подруги.
Такъ говорила царевна. Ея повинуяся волѣ,
Дѣвы немедля ѣды и питья принесли Одиссею.
Съ жадностью голодъ и жажду свою утолилъ богоравный,
Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не касался онъ пищи.
Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердцѣ разумной царевны:
Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ уклала,
Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ въ колесницу,
Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:
Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ, и слѣдуй за нами;
Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу; тамъ, конечно
Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей феакійскихъ; но прежде
Мой ты исполни совѣтъ (ты, я вижу, разуменъ): покуда
Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ человѣка удобренныхъ, слѣдуй
Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моей колесницею ровнымъ
Съ мулами шагомъ — у васъ впереди я поѣду; потомъ мы
Въ городъ прибудемъ... съ бойницами стѣны его окружаютъ;
Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубокая; входъ же
Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми справа и слѣва
Берегъ уставленъ, и каждый изъ нихъ подъ защитною кровлей;
Тамъ же и площадь торговая вкругъ Посидонова храма,
Твердо на тесаныхъ камняхъ огромныхъ стоящаго; снасти
Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты въ пространныхъ
Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также готовятся весла.
Намъ, феакійцамъ, не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; вся забота

Наща о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ
судахъ мореходныхъ;
Весело намъ въ корабляхъ обтекать много-
шумное море.
Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть
хочу и обидныхъ
Толковъ; народъ нашъ весьма злоязы-
ченъ; намъ встрѣтиться можетъ
Гдѣ-нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя
насъ вмѣстѣ, онъ скажетъ:
Съ кѣмъ такъ сдружилась царевна? Кто
этотъ могучій, прекрасный
Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ
ли какой иноземный?
Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ
занесенный изъ дальнихъ
Странъ человѣкъ (никакихъ мы въ со-
сѣдствѣ не знаемъ народовъ)?
Или какой по ея неотступной молитвѣ
съ Олимпа на землю
Богъ низлетѣвшій — и будетъ она обла-
дать имъ отнынѣ?
Лучше бъ самой ей покинуть нашъ край
и въ странѣ отдаленной
Мужа искать; межъ людей феакійскихъ
никто не нашелся
Ей по душѣ, хоть и много у насъ же-
ниховъ благородныхъ.
Вотъ что разсказывать могутъ въ
народѣ; мнѣ будетъ обидно.
Я жъ и сама бы конечно во всякой
другой осудила,
Если бъ, имѣя и мать и отца, безъ со-
гласья ихъ стала,
Въ бракъ не вступивши, она обращать-
ся съ мужчинами вольно.
Ты же совѣтъ мой исполни (тогда и ро-
дитель мой помощь
Скорую дастъ и отечество ты не замед-
лишь увидѣть):
Есть близъ дороги священная роща Аѳины
изъ черныхъ
Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣ-
житъ на зеленый
Лугъ; тамъ помѣстье царя Алкиноя съ
его плодоноснымъ
Садомъ, въ такомъ разстояньи отъ града,
въ какомъ человѣчій
Внятенъ намъ голосъ. Тамъ сѣвъ, подо-
жди ты до тѣхъ поръ, покуда
Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ
палатъ не достигнемъ; когда же
Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужъ
могли мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди
и разспрашивай встрѣчныхъ,
Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алки-
ной многославный.
Домъ же его ты узнаешь легко: безсло-
весный младенецъ
Можетъ дорогу къ нему указать; ни одинъ
феакіецъ
Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ ка-
комъ обитаетъ
Царь Алкиной. Окруженный строеньями
дворъ перешедши,
Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь
залу къ покоямъ царицы;
Тамъ передъ яркоблестящимъ ее оча-
гомъ ты увидишь,
Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тон-
копурпурныя нити
Подлѣ колонны высокой, въ кругу при-
ближенныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла царевы стоятъ у огня
и, на нихъ онъ
Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу
подобный.
Мимо царя ты пройди и, обнявши
руками колѣна
Матери милой моей, умоляй, чтобъ она
поспѣшила
День возвращенья въ отчизну тебѣ да-
ровать чужеземцу.
Если моленье твое съ благосклонностью
приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что воз-
любленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество
скоро увидишь.
Кончивъ, ударила звучно блестящимъ би-
чомъ Навзикая
Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣ-
жали проворной
Рысью; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли;
но царевна

Муловъ держала на крѣпкихъ возжахъ, чтобъ отъ нихъ не отстали
Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичомъ осторожно.
Солнце садилось, когда къ благовонной Палладиной рощѣ
Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшися, началъ
Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:
Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Нынѣ воньми ты молитвѣ, тобою невнятой, когда я
Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли колебателя гнѣвомъ;
Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей феакійскихъ.
Такъ говорилъ онъ, моляся; и былъ онъ Палладой услышанъ;
Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь
Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать второго дня.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѳина подъ видомъ феакійскія дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никѣмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время пировалъ съ гостями, Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ, и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молитъ царицу о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его сѣсть за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, разсказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на кораблѣ феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, молился.
Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы
Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ палатъ, Навзикая
Взъѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесницы; на встрѣчу
Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, братья;
Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всѣ одежды.
Царская дочь на свою половину пошла; развела тамъ
Яркій огонь ей рабыня эпирская Эвримедуза
(Нѣкогда въ быстромъ ее кораблѣ увезли изъ Эпира.
Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже, надъ всѣми
Онъ феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ отъ народа.
Ею была Навзикая воспитана въ царскомъ жилищѣ).
Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ старушка.
Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь Одиссей; но Аѳина
Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ замѣченъ
Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ феакійскихъ, который
Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать, кто онъ.
Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ прекраснаго града,
Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню Аѳину
Въ видѣ несущей скудель молодой феакійскія дѣвы.
Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей богоравный:
Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты, въ которыхъ
Вашъ обладатель божественный царь Алкиной обитаетъ?
Многоиспытанный странникъ, судьбою сюда издалѣка

Я заведенъ; мнѣ никто незнакомъ здѣсь, никто изъ живущихъ
Въ городѣ вашемъ, никто изъ людей, обитающихъ въ полѣ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ ты ищешь,
Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ безпорочный;
Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду впереди я;
Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не дѣлай вопросовъ
Имъ: иноземцевъ не любитъ народъ нашъ; онъ съ ними не ласковъ;
Люди радушнаго здѣсь гостелюбія вовсе не знаютъ;
Быстрымъ ввѣряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ безстрашно
Бездну морскую они, отворенную имъ Посидономъ;
Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья иль мысли.
Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Одиссея
Быстрымъ шагомъ, поспѣшно пошелъ Одиссей за богиней.
Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей феакійскихъ,
На морѣ славныхъ, онъ не былъ замѣченъ; того не хотѣла
Свѣтлокудрявая дѣва Паллада: храня Одиссея,
Тьмой несказанной его отовсюду она окружила.
Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ безконечный
Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія стѣны
Чудной красы, неприступнымъ извнѣ огражденныя тыномъ.
Но, подошедъ къ многославному дому царя Алкиноя,
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ, которыхъ искалъ ты;
Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Алкиноя
Въ сонмѣ гостей за роскошной трапезой; войди, не страшася;
Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя бъ чужеземецъ,
Все по желанью вѣрнѣе другихъ исполнять удается.
Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши, къ царицѣ;
Имя царицы Арета; она отъ однихъ происходитъ
Предковъ съ высокимъ супругомъ своимъ Алкиноемъ; вначалѣ
Сынъ Навзитой Посидономъ земли колебателемъ прижитъ
Былъ съ Перибоей, всѣхъ дѣвъ затмевавшей своей красотою,
Младшею дочерью мужа могучаго Эвримедона,
Бывшаго прежде властителемъ буйныхъ гигантовъ; но самъ онъ
Свой погубилъ святотатный народъ и себя самого съ нимъ.
Дочь же его возлюбилъ колебатель земли; отъ союза
Съ ней онъ имѣлъ Навзитоя; и первымъ царемъ феакіянъ
Былъ Навзитой; отъ него родились Рексеноръ съ Алкиноемъ;
Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукимъ застрѣленъ
Былъ Аполлономъ на пирѣ вторичнаго брака, оставивъ
Дочь сиротою, Арету; и, съ ней Алкиной сочетавшись,
Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала
Въ свѣтѣ жена, свой любящая долгъ, почитаема мужемъ;
Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ въ семействѣ
Дѣти и царь Алкиной; въ ней свое божество феакійцы
Видятъ, и въ городѣ съ радостно-шумнымъ всегда къ ней тѣснятся
Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по улицамъ ходитъ.

Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный разумъ,
Такъ, что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣшаетъ.
Если моленья твои съ благосклонностью приметъ царица,
Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюбленныхъ ближнихъ,
Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро увидишь.
Такъ говоря, свѣтлоокая Зевсова дочь удалилась;
Моремъ безплоднымъ отъ Схеріи тучной помчавшись, достигла
Скоро она Марафона; потомъ въ многолюдныхъ Аѳинахъ
Въ домъ крѣпкозданный царя Эрехтея вошла. Одиссей же
Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ сильно
Сердцемъ тревожился, стоя въ дверяхъ передъ мѣднымъ порогомъ.
Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяцъ,
Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алкиноя;
Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ порога и были
Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоревой стали;
Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чистаго злата;
Притолки ихъ изъ сребра утверждались на мѣдномъ порогѣ;
Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольцо золотое.
Двѣ—золотая съ серебряной—справа и слѣва стояли,
Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки
Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя:
Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не старѣли.
Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ порога
Лавки богатой работы; на лавкахъ лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежныхъ работницъ;
Мужи знатнѣйшіе града садилися чиномъ на этихъ
Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за царской трапезой.
Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики златые
Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ, озаряя
Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ многославныхъ.
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя; ткани жъ
Были такъ плотны, что въ нихъ не впивалось и тонкое масло.
Сколь феакійскіе мужи отличны въ правленіи были
Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь отличны ихъ жены
Были въ тканьѣ: ихъ богиня Аѳина сама научила
Всѣмъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ и хитростей много.
Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесятинный богатый
Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой; росло тамъ
Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, широковершинныхъ,
Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, роскошно цвѣтущихъ;
Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ знойное лѣто
Видимы были на вѣтвяхъ плоды; постоянно тамъ вѣялъ
Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе;
Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за смоквой,

Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялися тамъ, созрѣвая.
Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный богатый; и грозды
Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые зноемъ,
Частію ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ виноградарь; иные
Были давимы въ чанахъ; а другіе цвѣли иль, осыпавъ
Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ наливались.
Саду границей служили красивыя гряды, съ которыхъ
Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались обильно.
Два тамъ источника были; одинъ обтекалъ, извиваясь,
Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева жилища
Свѣтлой струею бѣжалъ, и граждане въ немъ черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Алкиноевъ.
Долго, дивяся, стоялъ передъ нимъ Одиссей богоравный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ, ступилъ онъ
Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома проникнулъ.
Тамъ онъ узрѣлъ феакійскихъ вождей и старѣйшинъ, творящихъ
Зоркому богу убійцѣ Аргуса виномъ возліянье
(Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда призываемъ послѣдній).
Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей богоравный;
Скрытый туманомъ, которымъ его окружила Аѳина,
Прямо къ Аретѣ приблизился онъ и къ царю Алкиною,
Обнялъ руками колѣна царицы, и въ это мгновенье
Вдругъ разступилась его облекавшая тьма неземная.
Всѣ замолчали, могучаго мужа незапно увидя;
Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ сказалъ онъ:
Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ, Арета,
Нынѣ къ колѣнамъ твоимъ и къ царю и къ пирующимъ съ вами
Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги пошлютъ вамъ
Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наслѣдуютъ ваши
Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ санъ знаменитый.
Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ возвратиться
Въ землю отцовъ, столь давно сокрушенный разлукой съ своими.
Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и сѣлъ тамъ на пеплѣ.
Всѣ неподвижно молчали, и долго молчаніе длилось.
Но наконецъ Эхеней, благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный,
Сладкорѣчивый, и старыя были и многое знавшій,
Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь къ Алкиною:
Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ молящій
Странникъ на пеплѣ сидѣлъ очага твоего передъ нами.
Почесть ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;
Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты
Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золотаго
Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пищи вечерней.
Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.
За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой,

Съ пепла онъ поднялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою
Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,
Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.
Тутъ для умытія рукъ поднесла на богатой лахани
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно. Ѣдой и питьемъ изобильнымъ
Сердце свое насладилъ Одиссей, многославный страдалецъ.
Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое слово
Царь феакіянъ: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ
Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.
Такъ онъ сказалъ, и, наполнивъ медвянымъ виномъ всѣ кратеры,
Въ чашахъ пирующимъ подалъ его Понтоной; возліянье
Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насладились.
Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произнесъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, мужей феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Кончился пиръ нашъ; теперь по домамъ на покой разойдитесь;
Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вельможъ пригласивши,
Снова придите, чтобъ странника здѣсь угостить и безсмертнымъ
Вмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ отправленье
Гостя почтеннаго такъ, чтобъ подъ нашей надежной защитой
Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и весело прибылъ
Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ ни былъ далёко;
Также, чтобъ онъ ни печали, ни зла на дорогѣ не встрѣтилъ
Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ,
Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Парки
Въ нить бытія роковую вплели для него при рожденьи.
Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его посѣтилъ насъ,
То на умѣ ихъ конечно есть замыселъ, намъ неизвѣстный;
Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда мы,
Ихъ призывая, богатыя имъ экатомбы приносимъ;
Съ нами они пировать безъ чиновъ за трапезу садятся;
Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ феакійскимъ
Странникомъ встрѣтится — онъ не скрывается; боги считаютъ
Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ циклоповъ, какъ племя гигантовъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ помышленьемъ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ, ни видомъ
Я не подобенъ, ни станомъ; простой человѣкъ я, изъ всѣхъ, вамъ
Въ мірѣ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судьбою гонимыхъ,
Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью моей я подобенъ.
Болѣ другихъ бы я могъ разсказать о великихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ непомѣрнымъ по волѣ безсмертныхъ;
Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голодомъ мучусь;
Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода: нами

Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно неволитъ
Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душой. Сколь ни сильно
Скорби душою я преданъ, но тощій желудокъ мой жадно
Требуетъ пищи себѣ и меня забывать принуждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно заботясь.
Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣтлая Эосъ,
Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну возвратный;
Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погибнуть, лишь только бъ
Свѣтлый свой домъ и семью, и рабовъ, и богатства увидѣть.
Кончилъ; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ отчизну
Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь умною рѣчью.
Послѣ, свершивъ возліянье и вкуснымъ виномъ насладившись,
Каждый въ свой домъ удалился, о ложѣ и снѣ помышляя.
Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ столовой;
Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ вмѣстѣ; рабыни
Тою порой со столовъ всю посуду поспѣшно убрали.
Тутъ бѣлорукая съ гостемъ бесѣдовать стала Арета.
Мантію съ тонкимъ хитономъ, сотканные ею самою
Дома съ рабынями, въ платьѣ пришельца узнавши, царица
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; отвѣчай мнѣ:
Кто ты? Откуда? И платье свое отъ кого получилъ ты?
Намъ ты сказалъ, что сюда былъ морской непогодою брошенъ.
Свѣтлой царицѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ разсказать всю подробно
Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по волѣ рожденныхъ
Древнимъ Ураномъ боговъ — объ одномъ разскажу откровенно:
Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ обитаетъ
Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо,
Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водятъ
Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные люди.
Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ враждебнымъ
Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокрушительнымъ громомъ
Зевсъ поразилъ посреди безпредѣльно-пустыннаго моря.
Спутниковъ всѣхъ (поглотила ихъ бездна) тогда я утратилъ.
Самъ же, на килѣ разбитаго судна, обхваченномъ мною,
Девять носившися дней по волнамъ, на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И, пріютъ благосклонно
Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла
Мнѣ наконецъ даровать и безсмертье и вѣчную младость.
Сердца однако она моего обольстить не успѣла.
Цѣлыя семь лѣтъ утратилъ я тамъ, и текли непрестанно
Слезы мои на одежды, мнѣ данныя нимфой безсмертной.
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;
Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ—не знаю,
Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ?
Сѣлъ я на крѣпкосколоченный плотъ, и она, надѣливши

Хлѣбомъ меня и душистымъ виномъ и нетлѣнной одеждой,
Слѣдомъ послала за мной благовѣющій вѣтеръ попутный.
Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ пустился я въ море;
Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали надъ водами
Ваша земля и во мнѣ оживилося милое сердце,
Столь несказанно страдавшее. Много однако еще мнѣ
Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный готовилъ:
Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ дорогу, и море
Все безпредѣльное вдругъ затревожилось; былъ я не въ силахъ,
Жалобно стонущій, судномъ владѣть на взволнованной безднѣ:
Буря его изломала въ куски и, въ кипящую влагу
Бросясь, пустился я вплавь: напослѣдокъ примчали
Къ вашему брегу меня многошумные вѣтры и море;
Гибели бъ мнѣ не избѣгнуть, когда бъ на утесистый берегъ
Былъ я волною, скалами его отшибаемой, кинутъ:
Силы напрягши, я въ сторону поплылъ и скоро достигнулъ
Устья рѣки—показалось то мѣсто пріютнымъ, тамъ острыхъ
Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ являлась защита;
На берегъ вышедъ, въ безсиліе впалъ я; божественной ночи
Тьма наступила; тогда, удалясь отъ потока, небеснымъ
Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ и въ опадшихъ
Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный послали мнѣ боги.
Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію милаго сердца,
Проспалъ всю ночь я, все утро и за полдень долго;
Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой былъ прерванъ:
Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ на брегѣ;
Съ нею, подобныя нимфамъ, онѣ, тамъ рѣзвяся, играли.
Къ ней обратилъ я молитву, и такъ поступила разумно
Юная царская дочь, какъ не многія съ ней одинакихъ
Лѣтъ поступить бы могли—молодежь разсудительна рѣдко.
Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня подкрѣпивши,
Мнѣ искупаться въ потокѣ велѣла она и одежду
Эту дала мнѣ. Я кончилъ, поистинѣ все разсказавъ вамъ.
Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благосклонно:
Странникъ, гораздо бъ приличнѣе было для дочери нашей,
Если бъ она пригласила тебя за собою немедля
Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ просьбой своей обратился.
Такъ онъ сказалъ, и ему возразилъ Одиссей хитроумный:
Царь благородный, не дѣлай упрековъ разумной царевнѣ;
Слѣдовать мнѣ за собою она предложила немедля;
Я жъ отказался—мнѣ было бы стыдно; при томъ же подумалъ
Я, что, меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣваться могъ бы:
Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные люди.
Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному гнѣву такому
Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ наблюдать намъ.
Если бъ—о, Дій громовержецъ! о, Фебъ Аполлонъ! о, Аѳина!—
Если бъ нашелся, подобный тебѣ, въ помышленьяхъ со мною

Сходный, супругъ Навзикаѣ, возлюбленный зять мнѣ, и если бъ
Здѣсь поселился онъ... Домъ и богатства бы далъ я, когда бы
Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь иноземца
Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу неугодно.
Твой же отъѣздъ я устрою, чтобъ было тебѣ то извѣстно,
Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшися, будешь
Сонный въ спокойномъ безвѣтріи плыть и достигнешь
Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю,
Сколь бы она ни лежала далеко, хотя бы въ Эвбею,
Далѣ которой ужъ нѣтъ ничего по сказанью отважныхъ
Нашихъ пловцовъ, съ златовласымъ туда Радамантомъ ходившихъ—
Титія, сына земли, посѣтилъ онъ и, сколь ни далекъ былъ
Путь по глубокому морю, его безъ труда совершили
Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ возвратившись.
Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли, какъ отважно
Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.
Такъ онъ сказалъ; пролилося веселіе въ грудь Одиссея;
Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую молитву:
Дій, нашъ отецъ, да исполнится все, что теперь обѣщалъ мнѣ
Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ плодоносной
Слава ему! А меня проводи безопасно въ отчизну.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой повелѣла царица Арета рабынямъ
Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить пурпуровый
Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлать; на коверъ же
Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантію бросить.
Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; когда же
Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
Близко онѣ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:
Странникъ, иди почивать; для тебя приготовлено ложе.
Радостно было усталому гостю призванье къ покою;
Сладкоцѣлительный сонъ наконецъ онъ вкусилъ безмятежно,
Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать прорѣзную возлегши.
Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во внутренней спальнѣ
Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей благонравной.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ ПѢСНИ.

Тридцать третій день.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отправленіе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвріаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Аресѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ. Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ разсказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ—
Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;
Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ сокрушитель.

Царь Алкиной многовластный повелъ знаменитаго гостя
На площадь, гдѣ невдали кораблей феакійцы сбирались.
Сѣли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ камняхъ другъ съ другомъ
Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по улицамъ града,
Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро ходила;
Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой Одиссея,
Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала богиня:
Вы, феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе
На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, который
Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера, тамъ увидѣть:
Буреи къ намъ брошенный, богу онъ образомъ свѣтлымъ подобенъ.
Такъ говоря, возбудила она любопытное рвенье
Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь народомъ; и сѣли
Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они обращали
Взоръ на Лаэртова сына; ему красотой несказанной
Плечи одѣла Паллада, главу и лицо озарила,
Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы онъ
Могъ пріобрѣсть отъ людей феакійскихъ пріязнь и вселилъ въ нихъ
Трепетъ почтительный, мужеской силой на играхъ, въ которыхъ
Имъ испытать надлежало его, отличась предъ народомъ.
Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось полнымъ.
Тутъ, обратяся къ нимъ, царь Алкиной произнесъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, людей феакійскихъ, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Гость иноземный—его я не знаю; бездомно скитаясь,
Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ западныхъ прибылъ—
Молитъ о томъ, чтобъ ему помогли мы достигнуть отчизны.
Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣтившій,
Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услышалъ молитву.
Должно спустить на священныя воды корабль чернобокій,
Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ пятьдесятъ два
Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь молодыми гребцами;
Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ, пускай соберутся
Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на дорогу
Вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ себѣ приглашаю.
Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а самихъ васъ,
Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу въ мой пространный
Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ угостить иноземца;
Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто; позовите
Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріялъ отъ боговъ онъ
Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его пробуждается сердцѣ.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ судьи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ Демодока.
Скоро по волѣ царя пятьдесятъ два гребца, на отлогомъ
Брегѣ безплодносоленаго моря собравшися, вмѣстѣ
Къ ждавшему ихъ на пескѣ кораблю подошли, совокупной
Силою черный корабль на священныя сдвинули воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя снасти,

Въ крѣпкорменныя петли просунули длинныя весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвердили. Отведши
Легкій корабль на открытое взморье, они собрались
Всѣ во дворцѣ Алкиноя, царемъ приглашенные. Скоро
Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы народомъ
Сдѣлались полны—тамъ были и юноши, были и старцы.
Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ криворогихъ и восемь
Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ зарѣзать;
Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили гости.
Тою порой съ знаменитымъ пѣвцомъ Понтоной возвратился;
Муза его при рожденіи зломъ и добромъ одарила:
Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, и на немъ онъ
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ колоннѣ высокой.
Лиру слѣпца на гвоздѣ надъ его головою повѣсивъ,
Къ ней прикоснуться рукою ему—чтобъ ее могъ найти онъ—
Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и подвинулъ
Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пилъ онъ, когда пожелаетъ.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Муза внушила пѣвцу возгласить о вождяхъ знаменитыхъ,
Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до небесъ возносимой,
Повѣсть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ царѣ Одиссеѣ,
Какъ между ними однажды на жертвенномъ пирѣ великомъ
Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ веселился
Въ духѣ своемъ Агамемнонъ враждой знаменитыхъ ахеянъ:
Знаменьемъ добрымъ ему ту вражду предсказалъ Аполлоновъ
Въ храмѣ Пиѳійскомъ оракулъ, когда черезъ каменный прагъ онъ
Бога спросить перешелъ—а случилось то въ самомъ началѣ
Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на троянъ и данаевъ.
Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же, своею
Сильной рукою широкопурпурную мантію взявши,
Голову ею облекъ и лицо благородное скрылъ въ ней.
Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать феакійцамъ. Когда же,
Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ пѣснопѣвецъ,
Слезы отерши, онъ мантію снялъ съ головы и, наполнивъ
Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье безсмертнымъ.
Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему феакіянъ,
Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью вторично;
Голову мантіей снова облекъ Одиссей, прослезяся.
Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ феакійскихъ;
Душу свою насладили довольно мы вкусообильной
Пищей и звуками лиры, подруги пировъ сладкогласной;
Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ подвигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ нашъ гость, возвратяся, домашнимъ

Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей превосходимъ въ кулачномъ
Боѣ, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ бѣгѣ проворномъ.
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ всѣ другіе.
Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь, Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пиршественной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить феакійцы.
На площадь всѣ собрались; толпой многочисленношумной
Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши къ бою
Вышли изъ сонма его: Акронѣй, Окіалъ съ Элатрѣемъ,
Навтій, Примнѣй, Анхіалъ, Эретмѣй съ Анабазіомѣномъ;
Съ ними явились Понтѣй, Прорѣонъ и Ѳоонъ съ Амфіаломъ,
Сыномъ Политія, внукомъ Тектона; присталъ напослѣдокъ
Къ нимъ и младой Эвріалъ, Навболидъ, равносильный Арею:
Всѣхъ феакіянъ затмилъ бы чудесной своей красотой онъ,
Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпорочный.
Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галіонтъ съ богоравнымъ
Клитонеономъ — три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые въ бѣгѣ себя испытали они. Устремившись
Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный—какую по свѣжему полю
Борозду плугомъ два мула проводятъ, настолько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.
Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испытывать силу:
Всѣхъ Эвріалъ одолѣлъ, превзошедши искусствомъ и лучшихъ.
Въ прыганьи былъ Анхіалъ побѣдителемъ. Тяжкаго диска
Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отличился. Въ кулачномъ
Боѣ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя прекрасный.
Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ, Алкиноевъ
Сынъ: не прилично ли будетъ спросить намъ у гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго роста,
Голени, бедра и руки его преисполнены
Шея его жиловата, онъ мышцами [силы, крѣпокъ; годами
Также не старъ; но превратности жизни его изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губительнѣй моря;
Крѣпость и самаго бодраго мужа оно сокрушаетъ.
Умнымъ—сказалъ, отвѣчая на то, Эвріалъ Лаодаму—
Кажется мнѣ предложенье твое, Лаодамъ благородный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвріала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратяся къ царю Одиссею:
Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя покажи намъ
Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ,—но вѣрно во всѣхъ ты искусенъ—
Бодрому мужу ничто на землѣ не дастъ столь великой
Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви же
Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печальныя думы.
Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ корабль быстроходный

Съ берега сдвинуть и наши готовы къ отплытію люди.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ предложеньемъ?
Мнѣ не до игръ; на душѣ несказанное горе; довольно
Бѣдъ испыталъ и не мало великихъ трудовъ перенесъ я;
Нынѣ жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу передъ вами,
Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ возвратиться.
Но Эвріалъ Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой насмѣшкой:
Странникъ, я вижу, что ты неподобишься людямъ, искуснымъ
Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промышлёныхъ людей, обтекающихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для торговли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ свой товаръ и опять корабли нагрузивши,
Болѣ нажить барыша: но съ атлетомъ ты вовсе несходенъ.
Мрачно взглянувъ исподлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Слово обидно твое; человѣкъ ты, я вижу, злоумный.
Боги не всякаго всѣмъ надѣляютъ; не каждый имѣетъ
Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могущество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало достоинъ—
Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; веселятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ мужествомъ твердымъ
Или съ привѣтливой кротостью; онъ украшенье собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по улицамъ града.
Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица красотою,
Прелести жъ бѣдное слово его никакой не имѣетъ.
Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы
Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла.
Милое сердце въ груди у меня возмутилъ ты своею
Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты вѣдать,
Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я въ то время, когда мнѣ
Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно.
Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы;
Видѣлъ не мало я браней и долго среди бѣдоносныхъ
Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный
Силъ; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантіи съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ—онъ огромнѣй, плотнѣй и тяжелѣ всѣхъ дисковъ,
Брошенныхъ прежде людьми феакійскими, былъ; и съ размаха
Кинулъ его Одиссей, жиловатую руку напрягши;
Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами
Веселюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ далеко черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѳина, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказала:
Странникъ, твой знакъ и слѣпой различитъ безъ ошибки, ощупавъ
Просто рукою; лежитъ онъ отдѣльно отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ здѣсь
Камня ни далѣ, ни такъ же далеко, какъ ты, неспособенъ

Бросить. Отъ словъ сихъ веселье проникло во грудь Одиссея.
Радуясь тѣмъ, что ему хоть одинъ благосклонный въ собраньи
Былъ судія, съ обновленной душой онъ сказалъ предстоявшимъ:
Юноши, прежде добросьте до этого камня; за вами
Брошу другой я и столь же далеко, быть можетъ и далѣ.
Пусть всѣ другіе, кого побуждаетъ отважное сердце,
Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскорбленный, я нынѣ
Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на борьбу вызываю;
Съ каждымъ сразиться готовъ я—съ однимъ не могу Лаодамомъ:
Гость я его—подыму ли на друга любящаго руку?
Тотъ неразуменъ, тотъ пользы своей различать неспособенъ,
Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозяиномъ выйти
Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому повредитъ онъ.
Но межъ другими никто для меня не презрителенъ, съ каждымъ
Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на грудь, испытать съ нимъ.
Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю свободно;
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ.
Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда побѣждаемъ
Въ Троѣ, когда мы ахейцы тамъ, споря, изъ лука стрѣляли.
Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной ни единый
Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться не можетъ;
Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями древнихъ
Лѣтъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, мѣткимъ стрѣлкомъ эхалійскимъ;
Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не страшились;
Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ глубокой
Старости въ домѣ семейномъ своемъ; раздраживъ Аполлона
Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука былъ имъ застрѣленъ.
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою;
Можетъ случиться однако, что кто изъ людей феакійскихъ
Въ бѣгѣ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я силы
Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая столь долго
Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.
Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ хочешь; ты только
Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохранилась
Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ, тебя оскорбившимъ
Дерзкой насмѣшкой—за то ни одинъ, говорить здѣсь привыкшій
Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не помыслитъ тебя опорочить.
Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ послѣ
Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ, когда ты,
Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной трапезой,
Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ дарованьяхъ, какія
Намъ отъ отцовъ благодатью Зевеса достались въ наслѣдство.
Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не отличны;

Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошные, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.
Но пригласите сюда плясуновъ феакійскихъ; зову я
Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ, могъ, возвратяся
Въ домъ свой, тамъ всѣмъ разсказать, какъ другихъ мы людей превосходимъ
Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ пляскѣ и въ пѣньи.
Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную лиру;
Гдѣ-нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее онъ оставилъ.
Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой лирой.
Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на средину
Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители, вышли,
Мѣсто для пляски угладили, поприще сдѣлали шире.
Тою порой изъ дворца возвратился глашатай, и лиру
Подалъ пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ; справа и слѣва
Стали цвѣтущіе юноши, въ легкой искусные пляскѣ.
Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ наслажденьемъ
Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей и дивился.
Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдохновенный
Пѣснь о прекраснокудрявой Кипридѣ и богѣ Аресѣ:
Какъ ихъ свиданіе первое въ домѣ владыки Ифеста
Было; какъ, много истративъ богатыхъ даровъ, опозорилъ
Ложе Ифеста Арей, какъ открылъ наконецъ все Ифесту
Геліосъ зоркій, любовное ихъ подстерегши свиданье.
Только достигла обидная вѣсть до Ифестова слуха,
Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ плаху поставилъ.
Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и проворно
Сѣти сковалъ изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ничѣмъ не разрывныхъ
Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готовя Арею
Стыдъ, онъ пошелъ въ тотъ покой, гдѣ богатое ложе стояло.
Тамъ онъ, сѣтями своими опутавъ подножье кровати,
Ихъ на нее опустилъ съ потолка паутиною тонкой;
Были не только невидимы оку людей, но и взорамъ
Вѣчныхъ боговъ неприметны онѣ: такъ искусно сковалъ ихъ,
Мщенье готовя, Ифестъ. Западню передъ ложемъ устроивъ,
Онъ притворился, что путь свой направилъ въ Лемносъ, крѣпкозданный
Городъ, всѣхъ болѣ другихъ городовъ на землѣ имъ любимый.
Зорко за нимъ наблюдая, Арей златоуздный тогда же
Свѣдалъ, что въ путь свой Ифестъ, многославный художникъ, пустился.
Сильной любовью къ прекрасновѣнчанной Кипридѣ влекомый,
Въ домъ многославнаго бога художника тайно вступилъ онъ.
Зевса отца посѣтивъ на высокомъ Олимпѣ, въ то время
Дома одна, отдыхая, сидѣла богиня. Арей, подошедши,
За руку взялъ и по имени назвалъ ее и сказалъ ей:
Милая, часъ благосклоненъ, пойдемъ на роскошное ложе;
Мужъ твой Ифестъ далеко; онъ на островъ Лемносъ удалился,
Вѣрно къ суровымъ синтійцамъ, нарѣчія грубаго людямъ.

Такъ онъ сказалъ и на ложе охотно легла съ нимъ Киприда.
Мало-по-малу и онъ и она уснули. Вдругъ сѣти
Хитрой Ифеста работы, упавъ, ихъ схватили съ такою
Силой, что не было средства ни встать имъ, ни тронуться членомъ;
Скоро они убѣдились, что бѣгство для нихъ невозможно;
Скоро и самъ, не свершивъ половины пути, возвратился
Въ домъ свой Ифестъ многоумный, на обѣ хромающій ноги:
Геліосъ зоркій его обо всемъ извѣстить не замедлилъ.
Въ домъ свой вступивши съ печалію милаго сердца, поспѣшно
Двери Ифестъ отворилъ, и душа въ немъ наполнилась гнѣвомъ;
Громко онъ началъ вопить, чтобъ его всѣ услышали боги:
Дій вседержитель, блаженные, вѣчные боги, сберитесь
Тяжкообидное, смѣха достойное дѣло увидѣть:
Какъ надо мной хромоногимъ Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губительнымъ богомъ
Здѣсь сочетавшись. Конечно, красавецъ и твердъ на ногахъ онъ;
Я жъ отъ рожденія хромъ—но моею ль виною? Виновны
Въ томъ лишь родители. Горе мнѣ, горе! Зачѣмъ я родился?
Вотъ посмотрите, какъ оба, обнявшися нѣжно другъ съ другомъ,
Спятъ на постелѣ моей. Несказанно мнѣ горько то видѣть.
Знаю однако, что такъ имъ въ другой разъ заснуть не удастся;
Сколь ни сильна въ нихъ любовь, но конечно охота къ такому
Сну въ нихъ теперь ужъ прошла: не сниму съ нихъ дотолѣ я этой
Сѣти, пока не отдастъ мнѣ отецъ всѣхъ богатыхъ подарковъ,
Имъ отъ меня за невѣсту, безстыдную дочь, полученныхъ.
Правда, прекрасна она, но ея перемѣнчиво сердце.
Такъ онъ сказалъ. Той порой собрались въ мѣдностѣнныхъ палатахъ
Боги; пришелъ Посидонъ земледержецъ; пришелъ дароносецъ
Эрмій; пришелъ Аполлонъ, издалека разящій стрѣлами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались дома.
Въ двери вступили податели благъ всемогущіе боги:
Подняли всѣ они смѣхъ несказанный, увидя, какое
Хитрое дѣло ревнивый Ифестъ совершить умудрился.
Глядя другъ на́ друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Злое не впрокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ одержала;
Какъ ни хромаетъ Ифестъ, но поймалъ онъ Арея, который
Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ.
Хитростью взялъ онъ; достойная мзда посрамителю брака.
Такъ говорили, другъ съ другомъ бесѣдуя, вѣчные боги.
Къ Эрмію тутъ обратившись, сказалъ Аполлонъ, сынъ Зевеса:
Эрмій, Кроніоновъ сынъ, благодатный боговъ вѣстоносецъ,
Искренно мнѣ отвѣчай, согласился ль бы ты подъ такою
Сѣтью лежать на постелѣ одной съ золотою Кипридой?
Зоркій убійца Аргуса отвѣтствовалъ такъ Аполлону:
Если бъ могло то случиться, о царь Аполлонъ стрѣловержецъ,
Сѣтью тройной бы себя я охотно опутать дозволилъ,
Пусть на меня бы собравшись богини и боги смотрѣли,
Только бъ лежать на постелѣ одной съ золотою Кипридой!

Такъ отвѣчалъ онъ; безсмертные подняли смѣхъ несказанный.
Но Посидонъ не смѣялся; чтобъ выручить бога Арея,
Къ славному дивнымъ искусствомъ Ифесту онъ, голосъ возвысивъ,
Съ просьбой своей обратился и бросилъ крылатое слово:
Дай имъ свободу; ручаюсь тебѣ за Арея; какъ самъ ты
Требуешь, все дополна при безсмертныхъ богахъ онъ заплатитъ.
Богъ хромоногій Ифестъ, отвѣчая, сказалъ Посидону:
Нѣтъ! отъ меня Посидонъ земледержецъ того ты не требуй.
Знаешь ты самъ, что всегда невѣрна за невѣрныхъ порука.
Чѣмъ же тебя, всемогущій, могу я къ уплатѣ принудить,
Если свободный Арей убѣжитъ и платить отречется?
Богу Ифесту отвѣтствовалъ такъ Посидонъ земледержецъ:
Если могучій Арей, чтобъ не быть принужденнымъ къ уплатѣ,
Скроется тайно, то все за него заплатить обязуюсь
Я. Хромоногій Ифестъ отвѣчалъ Посидону владыкѣ:
Воли твоей, Посидонъ, не дерзну и не властенъ отвергнуть.
Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила.
Богъ и богиня—лишь только ихъ были разрушены цѣпи—
Быстро вскочивъ, улетѣли. Во Фригію онъ удалился;
Скрылася въ Киприъ золотая съ улыбкой привѣтной Киприда;
Былъ тамъ алтарь ей въ пафосскомъ лѣсу благовонномъ воздвигнутъ;
Тамъ, искупавши ее и натерши душистымъ, святое
Тѣло однихъ лишь боговъ орошающимъ масломъ, Хариты
Плечи ея облачили одеждою прелести чудной.
Такъ воспѣвалъ вдохновенный пѣвецъ. Одиссей благородный
Въ сердцѣ, внимая ему, веселился; и съ нимъ веселились
Веслолюбивые, смѣлые гости морей, феакійцы.
Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ
Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ никто побѣдить ихъ.
Мячъ разноцвѣтный, для нихъ рукодѣльнымъ Полибіемъ сшитый,
Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ темносвѣтлымъ
Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прянувъ высоко,
Мячъ на лету подхватилъ, до земли не коснувшись ногами.
Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась предъ народомъ,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши въ мѣру ногами,
Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь гремѣла.
Долго смотрѣвъ, напослѣдокъ сказалъ Одиссей Алкиною:
Царь Алкиной: благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не сравнится;
Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно дивлюся.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу святую.
Царь феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ;
Разумъ великій имѣетъ, я вижу, нашъ гость иноземный;
Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить намъ подарки;
Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ знаменитыхъ,
Праведно-строгихъ судей; я тринадцатый, главный. Пусть каждый

Чистое верхнее платье съ хитономъ и
съ полнымъ талантомъ
Золота нашему гостю въ подарокъ на-
значитъ обычный.
Все повелите сюда принести и своими
руками
Страннику сдайте, чтобъ веселъ онъ
былъ за трапезою нашей.
Ты жъ, Эвріалъ, удовольствуй его, передъ
нимъ повинившись,
Давъ и подарокъ: его оскорбилъ непри-
личнымъ ты словомъ.
Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одо-
бренье другіе;
Каждый глашатая въ домъ свой послалъ,
чтобъ подарки принесъ онъ.
Но Эвріалъ, повинуясь, отвѣтствовалъ
такъ Алкиною:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ
мужей феакійскихъ,
Я удовольствую гостя, желанье твое ис-
полняя.
Мѣдный свой мечъ съ рукоятью серебря-
ной въ новыхъ
Чудной работы ножнахъ изъ слоновыя
кости, охотно
Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой
высоко оцѣнитъ.
Такъ говоря, среброкованный мечъ свой
онъ снялъ и возвысилъ
Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэр-
тову сыну:
Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! И
если сказалъ я
Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ
и развѣетъ;
Ты же, хранимый богами, да скоро увиди-
шь супругу,
Въ домъ возвратяся по долгопечальной
разлукѣ съ семьею.
Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
Радуйся также и ты, и, хранимый бо-
гами, будь счастливъ.
Въ сердцѣ жъ своемъ никогда не рас-
кайся, что мнѣ драгоцѣнный
Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня
удовольствовавъ словомъ.
Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на
плечо онъ повѣсилъ.
Солнце зашло; всѣ богатые собраны были
подарки;
Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ от-
нести Алкиноевъ;
Тамъ сыновья Алкиноя владыки, при-
нявши подарки,
Отдали матери ихъ многоумной царицѣ
Аретѣ.
Царь же повелъ знаменитаго гостя со
всѣми другими
Въ домъ свой и сѣли пришедши они на
возвышенныхъ креслахъ.
Тутъ, обратяся къ царицѣ Аретѣ, ска-
залъ благородный
Царь: принеси намъ, жена, драгоцѣннѣй-
шій самый изъ многихъ
Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши
и верхнее платье
Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ
на огонь, вскипятите
Воду, чтобъ гость нашъ омылся и, всѣ
осмотрѣвши подарки,
Имъ получѣнные здѣсь отъ людей феа-
кійскихъ, былъ веселъ,
Съ нами сидя за вечерней трапезой и
пѣнью внимая.
Я же еще драгоцѣнный кувшинъ золо-
той на прощаньи
Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ
изъ него ежедневно
Дома творить возліянье Зевсу и прочимъ
безсмертнымъ
Такъ онъ сказалъ и царица Арета велѣла
рабынямъ
Яркій огонь разложить подъ огромнымъ
котломъ троеножнымъ,
Тотчасъ котелъ троеножный на яркомъ
огнѣ былъ поставленъ.
Налили воду въ котелъ и усилили хво-
ростомъ пламя;
Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.
Тою порою Арета прекрасный ковчегъ
изъ покоевъ
Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ
положила подарки,
Золото, ризы и все, что ему феакійскіе
мужи

Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее платье съ хитономъ.
Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:
Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ, завяжи ты
Узелъ, чтобъ кто на дорогѣ чего не похитилъ, покуда
Будешь покоиться сномъ ты, плывя въ кораблѣ чернобокомъ.
То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный, услышавъ,
Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и искусный
Узелъ (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеею) сдѣлалъ.
Тутъ пригласила его домовитая ключница въ баню
Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой купальнѣ
Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той услады лишенный
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Калипсы, въ которомъ
Нимфы ему, какъ безсмертному богу, служили. Когда же
Тѣло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,
Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись хламидой,
Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ гостямъ въ пировую
Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,
Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, стояла.
Взоръ изумленный поднявъ на прекраснаго гостя, царевна
Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:
Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцовъ возвратяся,
Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчѣ со мною обязанъ.
Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
О Навзикая, прекрасноцвѣтущая дочь Алкиноя,
Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ, дозволитъ
Въ домѣ отеческомъ сладостный день возвращенья увидѣть,
Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ богу,
Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчѣ съ тобой я обязанъ.
Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ царя Алкиноя.
Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ наполнялись.
Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцомъ Демодокомъ,
Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди свѣтлозданной палаты
Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ колоннѣ высокой.
Полную жира хребтовую часть острозубаго вепря
Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя тамъ болѣ),
Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь къ Понтоною:
Эту почетную часть изготовленной вкусно веприны
Дай Демодоку; его и печальный я чту несказанно.
Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ любезны,
Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама научила
Пѣнію Муза; ей мило пѣвцовъ благородное племя.
Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него Демодоку
Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе принялъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей хитроумный:
Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ, поставляю;
Музою, дочерью Дія, иль Фебомъ самимъ наученный,
Все ты поешь по порядку, что было съ ахейцами въ Троѣ,

Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;
Можно подумать, что самъ былъ участникъ всему иль отъ вѣрныхъ
Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ деревянномъ,
Чудномъ Энеоса съ помощью дѣвы Паллады созданьи,
Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроумнымъ введенъ Одиссеемъ,
Полный вождей, напослѣдокъ святой Иліонъ сокрушившихъ.
Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было, споешь ты,
Буду тогда передъ всѣми людьми повторять повсемѣстно
Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя одарили.
Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преисполненный бога:
Началъ съ того онъ, какъ всѣ на своихъ корабляхъ крѣпкозданныхъ
Въ море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ нихъ съ Одиссеемъ
Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской утробѣ,
Какъ напослѣдокъ коню Иліонъ отворили трояне.
Въ градѣ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ мысляхъ, сидѣли
Люди троянскіе; было межъ ними троякое мнѣнье:
Или губительной мѣдью громаду пронзить и разрушить,
Или, ее докативши до замка, съ утеса низвергнуть,
Или оставить среди Иліона мирительной жертвой
Вѣчнымъ богамъ: на послѣднее всѣ согласились, понеже
Было судьбой рѣшено, что падетъ Иліонъ, отворивши
Стѣны коню, гдѣ ахейцы избранные будутъ скрываться,
Черную участь и смерть приготовивъ троянамъ враждебнымъ.
Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи ахейскіе въ градъ ворвалися,
Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ склепа;
Какъ разъяренные каждый по-своему градъ разоряли,
Какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный Арею
Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ бою Менелаемъ.
Тамъ истребительный бой (продолжалъ пѣснопѣвецъ) возжегши,
Онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный великой Палладой.
Такъ объ ахеянахъ пѣлъ Демодокъ; несказанно растроганъ
Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались слезами.
Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ супруга,
Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди передъ градомъ.
Силясь отъ дня рокового спасти сограждан и семейство.
Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ и, прижавшись
Грудью съ нему, злополучная стонетъ; враги же нещадно
Древками копій ее по плечамъ и хребту поражая,
Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и долгое горе;
Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.
Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ слезы.
Всѣми другими онѣ незамѣчены были; но мудрый
Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину ихъ, сидя
Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.
Онъ феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ; приглашаю
Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ феакійскихъ.
Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ умолкнуть;

Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладкогласіемъ дивнымъ:
Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ пѣвецъ на вечернемъ
Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжко вздыхаетъ
Странникъ; конечно прискорбіе сердцемъ его овладѣло.
Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь равно веселиться
Гость нашъ и всѣ мы; конечно для насъ то пріятнѣе будетъ.
Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца готово
Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою нашей.
Странникъ молящій не менѣе брата роднаго любезенъ
Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалостнымъ сердцемъ.
Ты же теперь, ничего не скрывая, отвѣтствуй на то мнѣ,
Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровенность похвальна.
Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать и другіе
Въ градѣ твоемъ и отечествѣ миломъ тебя величаютъ.
Между живущихъ людей безыменнымъ никто не бываетъ
Вовсе; въ минуту рожденія каждый и низкій и знатный
Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ получаетъ;
Землю и градъ и народъ свой потомъ назови, чтобъ согласно
Съ волей твоей и корабль нашъ свое направленіе выбралъ;
Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ феакійскимъ; руля мы,
Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не имѣемъ;
Сами онѣ понимаютъ своихъ корабельщиковъ мысли;
Сами находятъ онѣ и жилища людей и поля ихъ
Тучнообильныя; быстро онѣ всѣ моря обтекаютъ,
Мглой и туманомъ одѣтыя; нѣтъ никогда имъ боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть иль отъ бури въ пучинѣ погибнуть.
Вотъ что однако въ ребячествѣ я отъ отца Навзитоя
Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ Посидонъ недоволенъ
Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Исполнитъ ли то Посидонъ земледержецъ,
Иль не исполнитъ—пусть будетъ по волѣ великаго бога!
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ человѣковъ ты земли
Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ города опиши намъ:
Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые правды?
Были ль благіе для странника, чтущіе волю безсмертныхъ?
Также скажи, отчего ты такъ плачешь? зачѣмъ такъ печально
Слушаешь повѣсть о битвахъ данаевъ, о Троѣ погибшей?
Имъ для того ниспослали и смерть и погибельный жребій
Боги, чтобъ славною пѣснію были они для потомковъ.
Ты же конечно утратилъ роднаго у стѣнъ иліонскихъ,
Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу
Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ кровныхъ?
Или товарища нѣжнопривѣтнаго, кроткаго сердцемъ,
Тамъ потерялъ ты? Не менѣе брата роднаго любезенъ

Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ
и разумный совѣтникъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей начинаетъ разсказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ троянскихъ. Разрушеніе Измара, города киконовъ, и гибель многихъ сопутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе лотофаговъ. Прибытіе въ область циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаетъ къ недалекому берегу циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ сопутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей пронзаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они похищаютъ циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молитъ, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей богоравный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣснопѣвцу, который,
Слухъ нашъ плѣняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.
Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха
Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье; какъ всюду
Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ внимая; какъ гости
Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ и мясомъ
Пышно покрытыми; какъ изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненныхъ разноситъ.
Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшнѣй не можетъ.
Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ ты желаешь
Слышать, чтобъ сердце мое преисполнилось плачемъ сильнѣйшимъ:
Что же я прежде, что послѣ, и что наконецъ разскажу вамъ?
Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ послали.
Прежде однако вамъ имя свое назову, чтобъ могли вы
Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще мной не встрѣченъ послѣдній
Днь, и въ далекой странѣ я считался вамъ гостемъ любезнымъ.
Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтеньемъ многихъ
Хитростей славный и громкой молвой до небесъ вознесенный.
Въ солнечносвѣтлой Итакѣ живу я; тамъ Неріонъ, всюду
Видимый съ моря, подъемлетъ вершину лѣсистую; много
Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ отъ другаго:
Замъ, и Дулихій, и лѣсомъ богатый Закинѳъ; и на самомъ
Западѣ плоско лежитъ окруженная моремъ Итака
(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ);
Лоно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;
Я же не вѣдаю края прекраснѣе милой Итаки.
Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи долгомъ
Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ;
Тщетно меня чародѣйка, владычица Эи, Цирцея
Въ домѣ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ ей супругомъ—
Хитрая лесть ихъ въ груди у меня не опутала сердца;
Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и сродниковъ нашихъ,
Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители жили
Мы на чужой сторонѣ, далекѡ отъ родителей милыхъ.

Если однако велишь, то о странствіи трудномъ, какое
Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все разскажу я.
Вѣтеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду киконовъ,
Измару: градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,
Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой участокъ.
Я жъ настоялъ, чтобъ немедля стопою поспѣшною въ бѣгство
Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли безумцы;
Полные хмѣля, они пировали на брегѣ песчаномъ,
Мелкаго много скота и быковъ кривороги хъ зарѣзавъ.
Тою порою киконы, изъ града бѣжавшіе, многихъ
Собрали живши хъ сосѣдственно съ ними въ странѣ той киконовъ,
Сильныхъ числомъ, пріобыкшихъ сражаться съ коней, и не менѣ
Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженье вступать надлежало.
Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ древесныхъ иль раннихъ
Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось явно, что злую
Участь и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кроніонъ.
Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей быстроходныхъ,
Острыя копья, обитыя мѣдью, бросая другъ въ друга. Покуда
Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный
День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же
Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,
Въ бѣгъ обратили киконы осиленныхъ ими ахеянъ.
Съ каждаго я корабля по шести броненосцевъ отважныхъ
Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Я жъ не отвелъ кораблей легкоходныхъ отъ брега, покуда
Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ несчастныхъ
Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полѣ.
Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ; облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Мчались суда, погружаяся въ волны носами; вѣтрила
Трижды, четырежды были разорваны силою бури.
Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ, уложили;
Сами же начали веслами къ ближнему берегу править;
Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарнокудрявая Эосъ;
Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на суда мы
Сѣли; они понеслись, повинуясь кормилу и вѣтру.
Мы невредимо бы въ милую землю отцовъ возвратились,
Если бъ волненіе моря и сила Борея не
Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, [сбили отдаливъ отъ Китеры.
Девять носила насъ дней раздраженная буря по темнымъ
Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ землѣ лотофаговъ,
Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ примчалъ насъ.
Вышедъ на твердую землю и свѣжей водою запасшись,

Наскоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ учредили.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и ѣдою, избралъ я
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ (былъ третій
Съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы достигли
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ, изобильной дарами.
Мирныхъ они лотофаговъ нашли тамъ; и посланнымъ нашимъ
Зла лотофаги не сдѣлали; ихъ съ дружелюбною лаской
Встрѣтивъ, имъ лотоса дали отвѣдать они; но лишь только
Сладко-медвянаго лотоса каждый отвѣдалъ, мгновенно
Все позабылъ и, утративъ желанье назадъ возвратиться,
Вдругъ захотѣлъ въ сторонѣ лотофаговъ остаться, чтобъ вкусный
Лотосъ сбирать, навсегда отъ своей отказавшись отчизны.
Силой ихъ плачущихъ къ нашимъ судамъ притащивъ, повелѣлъ я
Крѣпко ихъ тамъ привязать къ корабельнымъ скамьямъ; остальнымъ же
Вѣрнымъ товарищамъ далъ приказанье, ни мало не медля,
Всѣмъ на проворные сѣсть корабли, чтобъ изъ нихъ ни который,
Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата домой не отрекся.
Всѣ на суда собрались и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ; земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
Рожь и пшено и ячмень и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ; ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко ни близко отъ брега циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
Ибо циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
Разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно раждалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось винограда;

Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подымется вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море
Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный демонъ: былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;
Видѣть и длинныхъ, ширóко на берегъ отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега.
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный;
Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, пригнали
Козъ съ обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой намъ пищи;
Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля
Взяли съ своихъ кораблей мы и, на три толпы раздѣляся,
Начали битву; и богъ благосклонный великой добычей
Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по жеребью козъ; для себя же
Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались,
Ибо еще на моихъ корабляхъ золотаго довольно
Было вина: мы наполнили много скудельныхъ сосудовъ
Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ священный киконовъ.
Съ острова жъ въ области близкой циклоповъ намъ ясно былъ виденъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и тьма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ,
Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій правды,
Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?
Такъ я сказалъ и, вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною
Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали;
Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли

Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ утесѣ пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ высокой стѣной изъ огромныхъ,
Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обведенъ, и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился;
Былъ нелюдимъ онъ, свирѣнъ, никакого не вѣдалъ закона;
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же
Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлилъ насъ
Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ—
Санъ уважая жреца—пощадили во градѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:
Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ, драгоцѣннымъ,
Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ; о немъ же не вѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья вездержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстнаго
Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ: въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запасшись сырами,
Болѣ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей
Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что, насъ угостивши,

Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться
съ нимъ не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы
жертву; добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодъ,
остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія
пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ
входомъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ
барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцовъ,
и козловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ
передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза
четыреколесныхъ
Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ: подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ
имъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Коз и овецъ; подоивъ же, подъ каждую
матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока
въ плетеницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно
огустѣло для сыра;
Все жъ молоко остальное разлилъ по
сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ
пажити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и
грубо сказалъ намъ:
Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла
скитаетесь всюду,
Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая
народамъ?
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовища въ
трепетъ привелъ насъ.
Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтствовалъ
такъ я циклопу:
Всѣ мы ахейцы; плывемъ отъ далекія
Трои; сюда же
Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ
прямого пути мы
Сбились; такъ было конечно угодно могучему Зевсу.
Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя
Агамемнона; онъ же
Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ
несказанною славой,
Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ,
мы тебя умоляемъ
Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно
принять и подарокъ
Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надѣляютъ.
Ты же убойся боговъ; мы пришельцы,
мы ищемъ покрова;
Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ
строго небесный Кроніонъ,
Богъ гостелюбецъ, священнаго странника
вождь и заступникъ.
Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью
циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
Видно, что издалека, иль вовсе безуменъ,
пришелецъ,
Если могъ вздумать, что я побоюсь иль
уважу безсмертныхъ.
Намъ циклопамъ нѣтъ нужды ни въ
богѣ Зевсѣ, ни въ прочихъ
Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой
ихъ всѣхъ знаменитѣй;
Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать
меня не принудитъ

Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
Къ намъ? Далеко ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злому циклопу:
Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни
Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.
Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалось.
Такъ я сказалъ и, отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
Прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь, и, огромныя вытянувъ руки,
Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, подхватилъ и ударилъ
Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ пещеру.
Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъяряемый гладомъ,
Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.
Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца,
Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстящею мѣдью
Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли пришло мнѣ:
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигнула вѣрная гибель:
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ:
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна; окончавши съ заботливымъ спѣхомъ работу,
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо.
Я жъ, въ заключеньи оставленный, началъ выдумывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина циклопова, свѣжій
Стволъ имъ обрубленной маслины дикой; его онъ, очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гулять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ конечно какъ мачта длиной, толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечомъ отъ него отрубивши три локтя,

Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я;
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я сопутниковъ жеребій кинуть,
Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
Глазъ людоѣду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоѣдъ возвратился;
Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль демонъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъятнотяжелой,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Коз и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и попрежнему съѣлъ ихъ.
Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоѣду,
Полную чашу вина золотаго ему предлагая:
Выпей, циклопъ, золотаго вина, человѣчьимъ насытясь
Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое назови мнѣ
Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
Есть и у насъ, у циклоповъ, роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ онлождаетъ;
Твой же напитокъ—амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ.
Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подалъ.
Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людоѣда.
Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:
Славное имя мое ты, циклопъ, любопытствуешь свѣдать,
Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?
Я называюсь *Никто;* мнѣ такое названіе дали
Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣронравный:
Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ.
Тутъ повалился онъ навзничь, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой
Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.

Колъ свой доставъ, мы его остріемъ
на огонь положили;
Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ
Стали боковъ — божество въ нихъ конечно вложило отважность;
Колъ обхватили они и его остріемъ раскаленнымъ
Втиснули спящему въ глазъ; и, съ конца приподнявши, его я
Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями
Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ,
Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши руками, проворно
Колъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу: облился онъ горячей
Кровью; истлѣли рѣсницы, шершавыя вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.
Такъ расторопный кова̀чъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
Крѣпость имѣлъ) погружаетъ и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остріемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемыхъ вѣтромъ, вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: зачѣмъ ты
Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: *Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
Силой не могъ повредить мнѣ. Въ сердцахъ закричали циклопы:
Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
Въ помощь отца своего призови Посидона владыку.
Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ошаривъ руками
Стѣны, циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею
Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно
Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно

Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, въ стадѣ; руно ихъ, какъ шелкъ, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злому циклопу,
По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ; а самъ я?.. Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ; обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Къ выходу всѣ побѣжали самцы и козлы и бараны;
Матки жъ, еще недоеныя, жалко блеяли въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли
Охая, щупалъ руками у всѣхъ, пробѣгающихъ мимо,
Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
Что у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; послѣдній
Шелъ мой баранъ; и медлительнымъ шагомъ онъ шелъ, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
Спину ощупавъ его, съ нимъ циклопъ разговаривать началъ:
Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же пещеру послѣдній
Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
Сладкоцвѣтущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку
Первый бѣжалъ; и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ; лишенъ я
Свѣтлаго зрѣнья гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще онъ
Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты
Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я черепъ
Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ,
Оземь ударивъ его и на части раздернувъ; отмстилъ бы
Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на свободу.
Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, путниковъ всѣхъ отвязалъ, и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
Плакать они; но, мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ немедля
Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.

Люди мои собрались и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я циклопу:
Слушай, циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь; святотатнымъ
Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
Звѣрски сожрать—наказали тебя и Зевесъ и другіе
Боги блаженные. Такъ я сказалъ; онъ, ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады;
Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.
Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страшнаго брега, опять я
Началъ кричать, вызывая циклопа. Товарищи въ страхѣ
Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище дразнишь?
Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ
На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно доброситъ.
Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью циклопа:
Если, циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой.
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
Тѣлемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая, въ землѣ у циклоповъ.
Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
Ростомъ, божественной силою мышцъ обладающій смертный...
Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись; я, тебя одаривши,
Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно

По морю; сынъ я ему; онъ отцомъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ,
Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ
Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей, и никто изъ безсмертныхъ.
Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:
О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть, какъ вѣрно
То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,
Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ свой
Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,
Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно
Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой швырнулъ; загудѣвши,
Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ
Нашей кормы; всколыхалося море отъ падшей громады;
Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу
Острова Козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.
Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы встащили;
Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
Тучныхъ циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ;
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ и его принесли мы на брегѣ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, отвергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды претерпѣвъ, напослѣдокъ и всѣхъ я
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Тою порою померкнуло солнце и тьма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобъ они на проворныхъ
Всѣ кораблях собралися и всѣ отвязали канаты.
Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

———

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эолъ, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находяся уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эолъ повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристаетъ онъ къ острову Цирцеи. Волшебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ; но Эрмій даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратить человѣческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида вопросить прорицателя Тирезія о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолію прибыли мы; обитаетъ
И'потовъ сынъ тамъ, Эолъ благородный, богами любимый.
Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесенъ; берега жъ подымаются гладкимъ утесомъ.
Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося Эолу,
Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей многосильныхъ.
Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ супружество отдалъ.
Днемъ съ благороднымъ отцомъ и заботливой матерью вмѣстѣ
Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко пируютъ
Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и пѣньемъ
Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею супругой,
Спятъ на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ кроватяхъ.
Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый вступили; тамъ цѣлый
Мѣсяцъ Эолъ угощалъ насъ радушно и съ жадностью слушалъ
Повѣсть о Троѣ, о битвахъ аргивянъ, о ихъ возвращеньи;
Все любопытный заставилъ меня разсказать по порядку.
Но напослѣдокъ, когда обратился я, въ путь изготовясь,
Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то согласясь благосклонно,
Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девятигодоваго
Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными вѣтрами; былъ онъ
Ихъ господиномъ, по волѣ Кроніона Дія, и всѣхъ ихъ
Могъ возбуждать, иль обуздывать, какъ приходило желанье.
Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ серебряной нитью
Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло дуновенья
Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ попутнымъ
Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; но домой возвратиться
Дій не судилъ намъ: своей безразсудностью всѣ мы погибли.
Девять мы сутокъ и денно и нощно свой путь совершали;
Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ отчизны.
Былъ онъ ужъ близко; на немъ всѣ огни ужъ могли различить мы.
Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился, понеже
Правилъ до тѣхъ поръ кормиломъ одинъ, никому не желая
Ввѣрить его, чтобъ успѣшнѣй достигнуть отчизны любезной.
Спутники тою порой завели разговоръ; полагали
Всѣ, что съ собою имѣлъ серебра я и золота много,
Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ Эоломъ.

Глядя другъ на̀ друга, такъ разсуждали
они межъ собою:
Боги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ
Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни вздумалъ
Онъ посѣтить. Ужъ и въ Троѣ онъ много сокровищъ отъ разныхъ
Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ совершили
Путь съ нимъ—а въ домъ свой должны возвратиться съ пустыми руками.
Такъ и Эолъ; лишь ему одному онъ богатый подарокъ
Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно завязано въ этомъ
Мѣхѣ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и золота много.
Такъ говорили одни; ихъ одобрили всѣ остальные.
Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися вѣтры на волю;
Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко рыдавшихъ,
Снова отъ брега отчизны умчали въ открытое море.
Я пробудился и долго умомъ колебался, не зная
Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить, въ пучину
Бросясь, иль, молча судьбѣ покорясь, межъ живыми остаться.
Я покорился судьбѣ, и на днѣ корабля, завернувшись
Въ мантію, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову снова
Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ плачемъ
Вышли на твердую землю; запасшись водой ключевою,
На̀скоро легкій обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ совершили.
Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ, я съ собою
Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глашатаемъ; прямо
Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ застали
Вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семейнымъ обѣдомъ
Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми на порогѣ
Сѣлъ; изумилась царева семья; всѣ воскликнули вмѣстѣ:
Ты ль Одиссей? Не зловредный ли демонъ къ тебѣ прикоснулся?
Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпрепятственно прибылъ
Въ землю отцовъ иль въ иную какую желанную землю?
Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души отвѣчалъ я:
Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приключили
Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это возможно.
Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить ихъ надѣясь.
Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ отвѣтствовалъ съ гнѣвомъ:
Прочь, недостойный! немедля мой островъ покинь; неприлично
Намъ подъ защиту свою принимать человѣка, который
Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ богамъ ненавистенъ.
Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для насъ ненавистенъ.
Кончивъ, меня онъ, рыдавшаго жалобно, и́зъ дому выслалъ.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи сердца великомъ.
Люди мои, утомяся отъ гребли, утратили бодрость,
Помощи всякой лишенные собственнымъ жалкимъ безумствомъ.
Денно и нощно шесть сутокъ носясь по водамъ, на седьмыя
Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ лестригоновъ
Ла́мосу. Тамъ, возвращаяся съ поля, пастухъ вызываетъ
На̀ поле выйти другаго; легко бъ несонливый работникъ
Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя пастися

Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ криворогихъ:
Ибо тамъ паства дневная съ ночною сближается паствой.
Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ утесы,
Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинувшись подлѣ
Устья великими, другъ противъ друга изъ темныя бездны
Моря торчащими, камнями, входъ и исходъ заграждая.
Люди мои, съ кораблями въ просторную пристань проникнувъ,
Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у берега тѣснымъ
Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда ни великихъ, ни малыхъ
Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское сіяетъ.
Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отдаленьи отъ прочихъ,
Около устья, канатомъ его привязавъ подъ утесомъ.
Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кругомъ озираясь:
Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ въ полѣ;
Изрѣдка только, взвиваясь, дымъ отъ земли подымался.
Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ
(Третій былъ съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы
Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись.
Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ; за водою съ кувшиномъ
За городъ вышла она; лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;
Встрѣтились съ нею они при ключѣ артакійскомъ, въ которомъ
Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городѣ близкомъ.
Къ ней подошедши они ей сказали: желаемъ узнать мы,
Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшней страною?
Домъ Антифата отца своего имъ она указала.
Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
Встрѣтили, ростомъ съ великую гору—они ужаснулись.
Та же велѣла скорѣй изъ собранья царя Антифата
Вызвать; и онъ, прибѣжавъ на погибель товарищей нашихъ,
Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя, другіе
Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ возвратилися; онъ же
Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь городъ; на громкій
Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа лестригоновъ могучихъ;
Много сбѣжалося ихъ, великанамъ, не людямъ подобныхъ.
Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные камни
Стали бросать; на судахъ поднялася тревога—ужасный
Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья снастей; тутъ злосчастныхъ
Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на колья и въ городъ
Всѣхъ унесли на съѣденье. Въ то время, какъ бѣдственно гибли
Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ и, отсѣкши
Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль темноносый,
Людямъ, собравшимся въ ужасѣ, молча, кивнулъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды: устрашенные дружно ударили въ весла.
Мимо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море успѣшно
Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невозвратно погибли.
Далѣе поплыли мы, въ сокрушеньи великомъ о милыхъ

Мертвыхъ, но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.
Мы напослѣдокъ достигли до острова Эи. Издавна
Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ
Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.
Былъ ихъ родителемъ Геліосъ, богъ, озаряющій смертныхъ;
Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова, Перса.
Къ брегу крутому приставъ съ кораблемъ, потаенно вошли мы
Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ благосклонный.
На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два дня и двѣ ночи,
Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжкой печалію сердца.
Третій намъ день привела свѣтозарнокудрявая Эосъ.
Взявши копье и двуострый свой мечъ опоясавъ, пошелъ я
Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый берегъ, чтобъ свѣдать,
Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится ль чей-нибудь голосъ?
Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ окрестность.
Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій, увидѣлъ
Я за широкоразросшимся лѣсомъ въ жилищѣ Цирцеи.
Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не зналъ я, идти ли
Къ мѣсту тому мнѣ, гдѣ дымъ отъ земли подымался багровый?
Дѣло обдумавъ, увѣрился я наконецъ, что удобнѣй
Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль, возвратиться,
Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ выбравъ, отправить
Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему подходилъ я,
Сжалился благостный богъ надо мной одинокимъ: навстрѣчу
Мнѣ олъ оленя богаторогатаго, тучнаго выслалъ;
Пажить лѣсную покинувъ, къ студеной рѣкѣ съ несказанной
Жаждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ полдневнаго солнца.
Мѣткое бросивъ копье, поразилъ я бѣгущаго звѣря
Въ спину: ее проколовши насквозь, остріемъ на другой бокъ
Вышло копье; застонавъ, онъ упалъ и душа отлетѣла.
Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье я изъ раны,
Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля болотныхъ
Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ три локтя длиною
Свить, переплетши тростинки и плотно скрутивъ ихъ. Веревку
Свивши, связалъ я оленю тяжелому длинныя ноги;
Между ногами просунувши голову, взялъ я на плечи
Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копье опираясь;
Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною рукою
Снесть: былъ чрезмѣрно огроменъ олень. Передъ судномъ на землю
Бросилъ его я, людей разбудилъ и, привѣтствовавъ всѣхъ ихъ,
Такъ имъ сказалъ: ободритесь, товарищи, въ область Аида
Прежде, пока не наступитъ нашъ день роковой, не сойдемъ мы;
Станемъ же нынѣ (ѣдой нашъ корабль запасенъ изобильно)
Пищей себя веселить, прогоняя мучительный голодъ.
Было немедля мое повелѣнье исполнено; снявши
Верхнія платья, они собрались у безплоднаго моря;
Всѣхъ ихъ олень изумилъ, несказанно великій и тучный;
Очи свои удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ, умыли
Руки они и поспѣшно обѣдъ приготовили вкусный.

Цѣлый мы день до вечерняго сумрака, сидя на брегѣ,
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ вѣрныхъ своихъ на совѣтъ пригласивъ, я сказалъ имъ:
Спутники вѣрные, слушайте то, что скажу вамъ, печальный:
Намъ неизвѣстно, гдѣ западъ лежитъ, гдѣ является Эосъ;
Гдѣ свѣтоносный подъ землю спускается Геліосъ, гдѣ онъ
На небо всходитъ; должны мы теперь совокупно размыслить,
Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я думаю, нечѣмъ.
Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ глазами:
Островъ, безбрежною бездной морской, какъ вѣнцомъ, окруженный,
Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ подымался
Густо вдали изъ широкорастущаго, темнаго лѣса.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце:
Въ память пришли имъ и злой лестригонъ Антифатъ и надменный
Силой своею циклопъ, Полифемъ, людоѣдъ святотатный;
Громко они застонали, обильнымъ потокомъ проливши
Слезы—напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ ихъ не было пользы.
Тутъ раздѣлить я рѣшился товарищей мѣднообутыхъ
На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ самъ я;
Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эврилохъ благородный.
Жеребьи въ мѣдноокованномъ шлемѣ потомъ потрясли мы—
Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю Эврилоху.
Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два изъ товарищей нашихъ.
Съ плачемъ они удалились, оставя насъ, горемъ объятыхъ.
Скоро они за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
Около дома толпилися горные львы и лѣсные
Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила Цирцея.
Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они подбѣжали
Къ нимъ миролюбно и, ихъ окруживши, махали хвостами.
Какъ къ своему господину, хвостами махая, собаки
Ластятся—имъ же всегда онъ приноситъ остатки обѣда—
Такъ остролапые львы и шершавые волки къ пришельцамъ
Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные въ ужасъ,
Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи поспѣшно
Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонкопріятнымъ богиня
Пѣла, сидя за широкой, прекрасной божественнотонкой
Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмертной выходитъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, Политосъ, мужей предводитель,
Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ мой, сказалъ имъ:
Слышите ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то, за тканью
Сидя, поетъ тамъ, гармоніей всю наполняя окрестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй подадимъ ей.
Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ вызвать пѣвицу.
Вышла немедля она и, блестящую дверь растворивши,

Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись, остался.
Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья, Цирцея
Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и съ прамнейскимъ
Свѣтлымъ виномъ подала имъ, подсыпавъ волшебнаго зелья
Въ чашу, чтобъ память у нихъ объ отчизнѣ пропала; когда же
Ею былъ поданъ, а ими отвѣданъ напитокъ, ударомъ
Быстрымъ жезла загнала чародѣйка въ свиную закуту
Всѣхъ; очутился тамъ каждый съ щетинистой кожей, съ свиною
Мордой и съ хрюкомъ свинымъ, не утративъ однако разсудка.
Плачущихъ всѣхъ заперла ихъ въ закутѣ волшебница, бросивъ
Имъ желудей и свидины и буковыхъ дикихъ орѣховъ
Въ пищу, къ которой такъ лакомы свиньи, любящія рыломъ
Землю копать. Къ кораблю Эврилохъ прибѣжалъ той порою
Съ вѣстью плачевной о бѣдствіи, спутниковъ нашихъ постигшемъ.
Долго не могъ, сколь ни силился, слова сказать онъ, могучимъ
Горемъ проникнутый въ сердце; слезами наполнены были
Очи его, и душа въ немъ терзалась отъ скорби; когда же
Всѣ мы его въ изумленьи великомъ разспрашивать стали,
Такъ разсказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи посланныхъ нашихъ:
Лѣсъ перешедши, какъ ты повелѣлъ, Одиссей многославный,
Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цирцеинъ
Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на мѣстѣ открытомъ.
Въ немъ, мы услышали, пѣла прекрасно пѣвица, за тканью
Сидя, не знаю, богиня иль смертная. Тотчасъ мы голосъ
Подали; вышла она и, блестящую дверь растворивши,
Въ домъ насъ вступить пригласила; забывъ осторожность, вступили
Всѣ; я остался одинъ назади, предузнавши погибель;
Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ не вышелъ.
Долго я ждалъ; напослѣдокъ ушелъ, ничего не узнавши.
Такъ онъ сказалъ; и немедля, надѣвъ на плечо среброгвоздый,
Мѣдный, двуострый мой мечъ и схвативши свой туго согбенный
Лукъ, я велѣлъ Эврилоху меня проводить, возвратившись
Той же дорогой со мною; но онъ, на колѣна въ великомъ
Страхѣ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ крылатое слово:
Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить мнѣ; увѣренъ
Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни другихъ не воротишь
Спутниковъ нашихъ; совѣтую лучше, какъ можно скорѣе
Бѣгствомъ спасаться, иль всѣ мы ужаснаго дня не минуемъ.
Такъ говорилъ Эврилохъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Другъ Эврилохъ, принуждать тебя не хочу; оставайся
Здѣсь, при моемъ кораблѣ утѣшаться питьемъ и ѣдою;
Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться мнѣ должно
Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль тамъ оставивъ.
Той же порой, какъ въ святую долину спустяся, ужъ былъ я
Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цирцеи,
Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами моими, нежданый,
Сталъ, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный образъ имѣлъ онъ

Юноши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ланитахъ, въ прекрасномъ
Младости цвѣтѣ. Мнѣ ласково руку подавши, сказалъ онъ:
Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь одиноко,
Здѣшняго края не вѣдая? Люди твои у Цирцеи;
Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ заперла свой.
Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаюсь, оттуда
Цѣлъ не уйдешь; и съ тобою случится, что съ ними случилось.
Слушай однако: тебя отъ бѣды я великой избавить
Средство имѣю; дамъ зелье тебѣ; ты въ жилище Цирцеи
Смѣло поди съ нимъ; оно охранитъ отъ ужаснаго часа.
Я же тебѣ разскажу о волшебствахъ коварной богини:
Пойло она приготовитъ и зелья въ то пойло подсыплетъ.
Но надъ тобой не подѣйствуютъ чары; чудесное средство,
Данное мною, ихъ силу разрушитъ. Послушай; какъ скоро
Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ тебѣ прикоснется,
Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись ты немедля,
Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; въ испугѣ
Станетъ на ложе съ собою тебя призывать чародѣйка—
Ты не подумай отречься отъ ложа богини: избавишь
Спутниковъ, будешь и самъ гостелюбно богинею принятъ.
Только потребуй, чтобъ прежде она поклялася великой
Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не имѣетъ:
Иначе мужество, ею разслабленный, все ты утратишь.
Съ сими словами растенье мнѣ подалъ божественный Эрмій,
Вырвавъ его изъ земли и природу его объяснивъ мнѣ:
Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ молоку бѣлизною;
Мдли его называютъ безсмертные; людямъ опасно
Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ все возможно.
Эрмій, подавъ мнѣ растенье, на свѣтлый Олимпъ удалился.
Я же пошелъ вдоль лѣсистаго острова къ дому Цирцеи,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный.
Ставъ передъ дверью прекраснокудрявой богини, я громко
Началъ ее вызывать; и, услышавъ мой голосъ, немедля
Вышла она, отворила блестящія двери и въ домъ дружелюбно
Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ сердца вступилъ я.
Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ среброгвоздный
Рѣдкой работы (для ногъ же была тамъ скамейка), богиня
Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ; но прежде,
Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и когда онъ
Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ, свершила
Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказавъ мнѣ такое
Слово: иди, и свиньею валяйся въ закутѣ съ другими.
Я же свой мечъ изощренный извлекъ и его, подбѣжавъ къ ней,
Поднялъ, какъ будто ее умертвить вознамѣрившись; громко
Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась и, съ плачемъ великимъ
Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила слово:
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
Я въ изумленьи; питья моего ты отвѣдалъ и не былъ

Имъ превращенъ; а доселѣ никто не избѣгъ чародѣйства,
Даже и тотъ, кто, не пивъ, лишь губами къ питью прикасался.
Сердце желѣзное бьется въ груди у тебя; и конечно
Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о которомъ давно мнѣ
Эрмій, носитель жезла золотого, сказалъ. что сюда онъ
Будетъ, на черномъ плывя кораблѣ отъ разрушенной Трои.
Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ и со мною
Ложе мое раздѣли: сочетавшись любовью на сладкомъ
Ложѣ, другъ другу довѣрчиво сердце свое мы откроемъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
Какъ же могу, о Цирцея, твоимъ быть довѣрчивымъ другомъ,
Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ? Мнѣ же,
Гибельный вѣрно замысля обманъ, ты теперь предлагаешь
Ложе съ тобой раздѣлить, затворившись въ твоей почивальнѣ—
Тамъ у меня безоружнаго мужество все ты похитишь.
Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ ложе твое раздѣлилъ я съ тобою
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ великой
Клятвы. что вреднаго замысла противъ меня не имѣешь.
Такъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала
Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою совершила,
Съ нею въ ея почивальнѣ я легъ на прекрасное ложе.
Тою порою заботились въ свѣтлыхъ покояхъ четыре
Дѣвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ домѣ;
Всѣ онѣ дочери были потоковъ и рощъ и священныхъ
Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгущихъ.
Дѣва одна, положивши на кресла подушки, постлала
Пышные сверху ковры, на ковры жъ полотняныя ткани.
Къ каждымъ кресламъ другая серебряный чудной работы
Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ драгоцѣнныхъ корзинахъ.
Третья смѣшала въ кратерѣ серебряной воду съ медвянымъ,
Сладкимъ виномъ; на столы же поставила кубки златые.
Свѣтлой воды принесла напослѣдокъ четвертая дѣва:
Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ котломъ, вскипятила
Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осторожно
Стала сама, изъ котла подливая воды вскипяченной
Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову теплой
Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ разслабленье
Тѣла. Когда жъ и омыть я и чистымъ натертъ былъ елеемъ,
Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантію, съ дѣвой
Въ свѣтлый покой я вступилъ, и она къ среброгвоздным, богатымъ
Кресламъ меня проводила — была тамъ для ногъ и скамейка.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть мнѣ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно и стала меня дружелюбно
Потчивать вкусною пищей; но пища была мнѣ противна.
Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ предчувствіемъ въ сердцѣ.

Видя, что, думой объятый, сижу и что къ лакомой пищѣ
Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый, Цирцея,
Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила слово:
Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отчего такъ уныло
Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды, ни питья не вкушая?
Или еще ты страшишься какого коварства? напрасенъ
Страхъ твой; ты слышалъ, тебѣ поклялась я великою клятвой.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я:
О Цирцея, какой же, пристойность и правду любящій,
Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и ѣдою,
Прежде, пока не увидитъ своими глазами спасенья
Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пищи твоей я коснулся,
Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами увидѣть.
Такъ я сказалъ, и немедля съ жезломъ изъ покоевъ Цирцея
Вышла, къ закутѣ свиной подошла и, ее отворивши,
Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодовалыхъ, оттуда
Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ ихъ
Всѣхъ, почередно помазала каждаго мазью, и разомъ
Спала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая густо
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ волшебнаго зелья;
Прежній свой видъ возвративъ, во мгновенье всѣ стали моложе,
Силами крѣпче, красивѣй лицомъ и возвышеннѣй станомъ;
Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ протянули
Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби; ихъ воплемъ
Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу Цирцеи.
Близко ко мнѣ подошедши, богиня богинь мнѣ сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Медлить не должно; поди на песчаное взморье и вѣрнымъ
Спутникамъ всѣмъ совокупно встащить повели на зыбучій
Берегъ корабль твой; потомъ, всѣ богатства и снасти въ пещерѣ
Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда возвратися.
Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ сердцемъ.
Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на песчаное взморье,
Близъ корабля я на брегѣ нашелъ всѣхъ товарищей вѣрныхъ,
Стонущихъ громко, изъ глазъ изобильныя слезы ліющихъ.
Какъ запертые въ закутахъ телята, увидя идущихъ
Съ паствы коровъ, напитавшихся сочной травой луговою,
Всѣ имъ на встрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ вырываясь тѣсныхъ,
Всѣ окружаютъ, мыча, возвратившихся съ пажити матокъ:
Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалека,
Спутники всѣ мнѣ на встрѣчу; и сильно проникла ихъ сердце
Радость, какъ будто бъ въ родную они возвратились Итаку,
Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли мы.
Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили слово:
Радостно намъ возвращенье твое, повелитель, какъ будто бъ
Въ наше отечество, въ нашу Итаку мы вдругъ возвратились.
Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ постигло?
Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣчалъ я:

Прежде, друзья, совокупною силой корабль на зыбучій
Берегъ встащите; въ пещерѣ потомъ всѣ богатства и снасти
Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло за мною.
Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую обитель Цирцеи.
Всѣхъ ихъ, питьемъ и ѣдой веселящихся, тамъ вы найдете.
Было немедля мое повеленье исполнено ими.
По Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать ихъ; онъ смѣло,
Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово:
Стойте; куда вы, безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите
Въ домъ чародѣйки опасной идти? Но она превратитъ васъ
Всѣхъ иль въ свиней, иль въ шершавыхъ волковъ, иль въ лѣсныхъ густогривыхъ
Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится
То жъ, что случилось въ пещерѣ циклопа, куда безразсудно
Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.
Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.
Такъ говорилъ Эврилохъ, и меня побуждало ужъ сердце
Мечъ длинноострый схватить и, его обнаженною мѣдью
Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ
Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши
Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:
Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается
У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожитъ неусыпно;
Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель Цирцеи.
Всѣхъ ихъ отъ моря повелъ я, корабль нашъ покинувъ на брегѣ;
Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и за нами
Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами въ трепетъ.
Тою порой остальные товарищи въ домѣ Цирцеи
Баней себя освѣжили; душистымъ натершись елеемъ,
Въ легкій хитонъ и косматую мантію каждый облекся.
Я, возвратясь, ихъ нашелъ, за роскошной трапезой сидящихъ.
Свидясь съ друзьями и все разсказавъ о случившемся съ ними,
Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ огласился.
Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея сказала:
Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ благородный,
Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воздержитесь;
Знаю довольно я, что на водахъ многорыбнаго моря,
Что на землѣ отъ свирѣпыхъ людей претерпѣли вы—горе
Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою, покуда
Въ вашей груди не родится то мужество снова, съ которымъ
Нѣкогда въ путь вы пустились, разставшись съ отчизною милой,
Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи робкомъ,
Все помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце веселью
Вы затворяете — были велики страданія ваши.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченье мы цѣлаго года
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Но когда наконецъ обращеньемъ временъ совершенъ былъ
Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни пролетѣли,

Спутники всѣ приступили ко мнѣ съ убѣдительной рѣчью:
Время' несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку подумать,
Если угодно богамъ; чтобъ спаслись мы, чтобъ могъ ты увидѣть
Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ домашнихъ.
Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ сердцемъ.
Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и тьма наступила ночная.
Спутники всѣ предались въ потемнѣвшихъ палатахъ покою.
Я жъ, возвратяся къ Цирцеѣ, съ ней рядомъ на ложѣ роскошномъ
Легъ, и колѣна ея обхватилъ и богинѣ, склонившей
Слухъ свой ко мнѣ со вниманіемъ, бросилъ крылатое слово:
О Цирцея, исполни свое обѣщанье въ отчизну
Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней; въ сокрушеньи
Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раздираютъ
Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалобнымъ плачемъ.
Такъ говорилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала богиня:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Въ домѣ своемъ я тебя понѣволѣ держать не желаю.
Прежде однако ты долженъ, съ пути уклоняся, проникнуть
Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона.
Душу пророка, слѣпца, обладавшаго разумомъ зоркимъ,
Душу Тирезія Ѳивскаго должно тебѣ вопросить тамъ.
Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ адѣ
Онъ лишь съ умомъ; всѣ другіе безумными тѣнями вѣютъ.
Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалося сердце;
Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала противна
Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хотѣлъ я, и долго
Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ безутѣшно.
Но напослѣдокъ, богинѣ отвѣтствуя, такъ я сказалъ ей:
Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ мнѣ будетъ?
Въ адѣ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ земнородный.
Такъ вопросилъ я богиню, и такъ мнѣ она отвѣчала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ этомъ
Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ поднявши,
Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борею; когда же
Ты, Океанъ въ кораблѣ поперекъ переплывши, достигнешь
Низкаго брега, гдѣ дико растетъ Персефонинъ широкій
Лѣсъ изъ ракитъ, свой теряющихъ плодъ, и изъ тополей черныхъ,
Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумитъ Океанъ водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты въ Аидову мглистую область.
Быстро бѣжитъ тамъ Пирифлегетонъ въ Ахероново лоно
Вмѣстѣ съ Коцитомъ, великою вѣтвію Стикса; утесъ тамъ
Виденъ, и обѣ подъ нимъ многошумно сливаются рѣки.
Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь: подъ утесомъ
Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три соверши возліянія мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ призвавъ ихъ:

Первое смѣсью медвяной, другое виномъ благовоннымъ,
Третье водою и, все пересыпавъ мукою ячменной,
Дай обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить, Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Послѣ (когда обѣщаніе дашь многославнымъ умершимъ)
Черную овцу и чернаго съ нею барана— къ Эреву
Ихъ обративъ головою, а самъ обратясь къ Океану—
Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ немедля великой
Придутъ толпою отшедшія души умершихъ; тогда ты
Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ крови передъ вами,
Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону;
Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ нимъ передъ ямой
Сѣвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, покуда отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, повелитель народовъ,
Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и дологъ ли путь, и успѣшно ль
Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвратишься.
Такъ говорила она; той порой златотронная Эосъ
Встала; богиня, въ хитонъ и хламиду меня облачивши,
Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя ткани
Нѣжныя плечи одѣла свои, золотымъ драгоцѣннымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы опустила.
Я же, чертоги ея перешедши, товарищей вѣрныхъ
Всѣхъ разбудилъ и, привѣтствіе каждому сдѣлавъ, сказалъ имъ:
Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудиться; покиньте
Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ къ отъѣзду.
Такъ я сказалъ; и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты печальной:
Младшій изъ всѣхъ на моемъ кораблѣ, Эльпеноръ, неотличный
Смѣлостью въ битвахъ, нещедро умомъ отъ боговъ одаренный,
Спать для прохлады ушелъ на площадку возвышенной кровли
Дома Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ охмѣленный.
Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ, услышавъ,
Вдругъ онъ вскочилъ и, отъ хмѣля забывъ, что назадъ обратиться
Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой сойти по ступенямъ,
Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался и, ударясь затылкомъ
Оземь, сломилъ позвонковую кость, и душа отлетѣла
Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ такъ говорилъ я:
Мыслите вѣрно, друзья, вы, что въ милую землю отчизны
Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала Цирцея:
Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ нимъ Персефона,
Душу Тирезія Ѳивскаго долженъ сперва вопросить я.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце;

Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,
Все понапрасну—отъ слезъ и отъ воплей намъ не было пользы.
Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стоявшему брегѣ,
Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы обильно.
Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу
Съ чернымъ бараномъ Цирцея и, тамъ ихъ оставя, межъ нами
Тихо прошла, невидимая..... смертнымъ увидѣть не можно
Бога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться невидимъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Сѣверный вѣтеръ приноситъ корабль его къ берегамъ киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссей призываетъ ихъ. Явленіе Эльпенора; онъ требуетъ погребенія. Тѣнь Одиссеевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣни древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссею. Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, но Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссей продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, звѣроловствующаго Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Ираклова образа. Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль; и онъ плыветъ обратно по теченію водъ Океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на пескѣ кораблю собрались
Всѣ мы и, сдвинувши черный корабль на священныя воды,
Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса привязали.
Взявши барана и овцу съ собой, на корабль совокупно
Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, льющіе слезы.
Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней;
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ полны.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ Океана;
Тамъ киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ землѣ обращаясь;
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.
Судно, прибывъ, на песокъ мы встащили; барана и овцу
Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана
Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цирцея.
Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей, обреченныхъ
Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый и, имъ ископавши
Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и длиною,
Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной призваннымъ вмѣстѣ:
Первое смѣсью медвяной, второе виномъ благовоннымъ,
Третье водой и, мукою ячменною все пересыпавъ,

Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ усопшихъ:
Въ домъ возвратяся, корову, тельцовъ не имѣвшую, въ жертву
Имъ принести и въ зажженный костеръ драгоцѣнностей много
Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить, особо
Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвятивши.
Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ мертвымъ,
Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой зарѣзалъ;
Черная кровь полилася въ нее и слетѣлись толпою
Души усопшихъ; изъ темныя бездны Эрева поднявшись:
Души невѣстъ, малоопытныхъ юношей, опытныхъ старцевъ,
Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скорбящихъ,
Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ копьемъ пораженныхъ смертельно
Въ битвѣ и бронѝ, обрызганной кровью, еще не сложившихъ.
Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роемъ изъ ямы,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ.
Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы и съ барана,
Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови передъ нами,
Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать громогласно
Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Персефону.
Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ нимъ передъ ямой
Сѣлъ, чтобъ мѣшать приближаться безжизненнымъ тѣнямъ усопшихъ
Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошенный Тирезій.
Прежде другихъ предо мною явилась душа Эльпенора;
Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ путеносной.
Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ погребенья,
Въ домѣ Цирцеи его мы оставили: въ путь мы спѣшили.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ душу проникло.
Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крылатое слово:
Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ царствѣ Аида!
Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ кораблѣ быстроходномъ.
Такъ я сказалъ; простонавши печально, мнѣ такъ отвѣчалъ онъ:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей многославный,
Демономъ злымъ погубленъ я и силой вина несказанной;
Крѣпко на кровлѣ заснувъ, я забылъ, что назадъ надлежало
Прежде пойти, чтобъ по лѣстницѣ съ кровли высокой спуститься:
Бросясь впередъ, я упалъ и, затылкомъ ударившись оземь,
Кость изломалъ позвоночную: въ область Аида мгновенно
Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсутственнымъ милымъ,
Вѣрной женою, отцомъ, воспитавшимъ тебя, и цвѣтущимъ
Сыномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оставленнымъ дома,
Нынѣ молю—(мнѣ извѣстно, что, область Аида покинувъ,
Ты въ кораблѣ возвратишься на островъ Цирцеи)—о! вспомни,
Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный, чтобъ не былъ
Тамъ не оплаканный я и безгробный оставленъ, чтобъ гнѣва
Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты моею бѣдою.
Бросивши трупъ мой со всѣми моими доспѣхами въ пламень,
Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря сѣдого;
Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позднихъ потомковъ

Въ землю на холмѣ моемъ то весло водрузите, которымъ
Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я волны тревожилъ.
Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Все, злополучный, какъ требуешь, мною исполнено будетъ.
Такъ мы печально бесѣдуя, другъ подлѣ друга сидѣли,
Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечомъ обнаженнымъ,
Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго призракъ.
Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье умершей
Матери милой моей Антиклеи, рожденной великимъ
Автоликономъ—ее межъ живыми оставилъ я дома,
Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ проникнула душу;
Но и ея, сколь ни тяжко то было душѣ, не пустилъ я
Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель Тѝрезій.
Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Ѳивскаго образъ;
Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ узналъ, и сказалъ мнѣ:
Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ предѣлы
Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ?
Но отклонися отъ ямы и къ крови мечомъ не препятствуй
Мнѣ подойти, чтобъ, напившися, могъ я по правдѣ пророчить.
Такъ онъ сказалъ; отклоняся отъ ямы, я мечъ среброгвоздный
Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившися черныя крови,
Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ пророча:
Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ свой ты жаждешь.
Богъ раздраженный его затруднитъ нескаванно, понеже
Гонитъ тебя колебатель земли Посидонъ; ты жестоко
Душу разгнѣвалъ его ослѣпленіемъ милаго сына.
Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь и буйныхъ
Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной Тринакріи, бездну
Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приведешь свой;
Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасетъ тамъ издавна
Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься, товарищей въ морѣ
Всѣхъ потерявъ, на чужомъ кораблѣ и нерадость тамъ встрѣтишь:
Буйныхъ людей тамъ найдешь ты, твое достоянье губящихъ,
Мучащихъ дерзкимъ своимъ сватовствомъ Пенелопу, дарами
Брачными ей докучая; ты имъ отмстишь. Но когда ты,
Праведно мстя, жениховъ, захватившихъ насильственно домъ твой,
Въ немъ умертвишь иль обманомъ иль явною силой—покинувъ
Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще ни въ волнахъ кораблей быстроходныхъ,

Пурпурногрудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья,
Ихъ по морямъ—отъ меня же узнай несомнительный признакъ:
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи—ты окончилъ свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый. И сбудется все, предреченное мною.
Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, сказалъ я:
Старецъ, пускай совершится, что мнѣ предназначили боги.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ крови
Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто не смѣетъ
Сыну въ лицо поглядѣть и завесть разговоръ съ нимъ. Скажи мнѣ,
Старецъ, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына живаго узнала?
Такъ я его вопросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
Легкое средство на это въ немногихъ словахъ я открою:
Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но безмолвно
Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не пустишь.
Съ сими словами обратно отшедши въ обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказавшая жребій.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ; но ждалъ я недолго;
Къ крови приблизилась мать, напилася и сына узнала.
Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бросила слово:
Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть въ туманную область
Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго; шумно бѣгутъ здѣсь
Страшныя рѣки, потоки великіе; здѣсь Океана
Воды глубокія льются; никто переплыть ихъ не можетъ
Самъ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ возможно. Скажи же,
Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ своими людьми ты,
По морю долго скитавшися, прибылъ сюда? Неужели
Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцовъ, ни супруги?
Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей сказалъ я:
Милая мать, приведенъ я къ Аиду нуждой всемогущей;
Душу Тирезія Ѳивскаго мнѣ вопросить надлежало.
Въ землю ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаюсь повсюду
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ Агамемнономъ поплылъ
Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель троянамъ.
Ты жъ мнѣ скажи откровенно, какою изъ Паркъ непреклонныхъ
Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти была предана ты?
Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ Артемида богиня

Тихсй стрѣлою своею тебя безъ болѣзни убила?
Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ мною:
Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль другой ужъ на мѣсто
Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ погибшимъ?
Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пенелопа?
Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ вѣрности мужу?
Иль ужъ съ какимъ изъ ахейскихъ владыкъ сочеталася бракомъ?
Такъ я ее вопросилъ; Антиклея мнѣ такъ отвѣчала:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали;
Царскій твой санъ никому отъ народа не отданъ; безспорно
Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владѣетъ, пирами
Всѣхъ угощаетъ, какъ то облеченному саномъ высокимъ
Слѣдуетъ; всѣ и его угощаютъ. Лаэртъ же не ходитъ
Болѣе въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ, не имѣя
Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мягкихъ подушекъ;
Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой убогой;
Въ лѣтнюю жъ знойную пору иль поздней порою осенней
Всюду находитъ ссбѣ на землѣ онъ въ саду виноградномъ
Ложе изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мягкою грудой.
Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ крушится, и плачетъ,
Все о тебѣ помышляя; и старость его безотрадна.
Кончилось такъ и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ Артемида
Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
Такъ же не медленный, мной овладѣвшій недугъ, растерзавши
Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторгнулъ:
Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
Нравѣ и разумѣ свѣтломъ до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый, простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью иль сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
Ей, наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться въ родному
Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?
Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить въ заблужденье не мыслитъ.
Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ жизнью.
Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погребальный

Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
Вовсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться; но помни,
Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи супругѣ.
Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ явились
Призраки женъ—ихъ прислала сама Персефона; то были
Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ героевъ;
Чёрную кровь обступили онѣ, подбѣжавъ къ ней толпою;
Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ вопросить почередно
Каждую; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ, наконецъ, показалось:
Мечъ длинноострый немедля схватилъ и, его обнаживши,
Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я всею толпою;
Другъ за другомъ онѣ по одной подходили и имя
Мпѣ называли свое; и разспрашивать каждую могъ я.
Прежде другихъ подошла благороднорожденная Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ мірѣ супруга Крефея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она разсказала:
Сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественносвѣтлой,
Между рѣками земными прекраснѣйшей, Тиро плѣнила;
Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея;
Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ, чтобъ съ нею
Въ устьѣ волнистокипучемъ рѣки сочетаться любовью;
Роды пурпурныя встали горой и, сліявшись прозрачнымъ
Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и бога и дѣву.
Дѣвственный поясъ ея развязалъ онъ, ей очи смеживши
Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ вожделѣнье,
За руку взялъ, и по имени назвалъ ее, и сказалъ ей:
Радуйся, богомъ любимая! Прежде чѣмъ полный свершится
Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся (безплоденъ
Съ богомъ союзъ не бываетъ) и ихъ воспитай ты съ любовью.
Но, возвратяся къ домашнимъ, мое называть имъ страшися
Имя; тебѣ же открою́сь: я богъ Посидонъ земледержецъ.
Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глубокое лоно.
Въ срокъ отъ нея близнецы Пелі́асъ и Нелей родилися;
Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были
Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхо́сѣ
Тучнополянистомъ жилъ Пелі́асъ; а Нелей жилъ въ песчаномъ
Пилосѣ. Но отъ Крефея еще родились у прекрасной
Тиро Эзонъ и Ферит и могучій ѣздокъ Амиѳао́нъ.
Послѣ нея мнѣ предстала Азопова дочь Антіопа.
Гордо хвалилась она, что объятія Дій отворилъ ей:
Были плодомъ ихъ любви Амфіо́нъ и Цето́съ; положили
Первое Ѳивъ седьмивратныхъ они основанье и много
Башенъ воздвигли кругомъ, поелику въ широкоравнинныхъ
Ѳивахъ они, и могучіе, жить не могли бъ безъ ограды.
Амфитріонову послѣ узрѣлъ я супругу Алкмену;
Сына Ираkла, столь славнаго силой и мужествомъ львинымъ,
Зевсу она родила, цѣломудренно съ нимъ сочетавшись.
Послѣ явилась Мегара; Креонъ, необузданносмѣлый

Былъ ей отцомъ; а супругомъ Ираклъ, въ испытаніяхъ твердый.
Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать Эпикаста;
Страшно-преступное дѣло въ незнаньи она совершила,
Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшися бракомъ.
Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.
Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Ѳивахъ
Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ,
Но Эпикаста Аидовы двери сама отворила:
Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,
Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался
Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эринній.
Послѣ явилась Хлорида; ея красотою плѣняся,
Нѣкогда съ ней сочетался Нелей, дорогими дарами
Дѣву прельстившій; былъ царь Амфіонъ Іазидъ, Орхомена
Града Минійскаго славный властитель, отецъ ей; царица
Пилоса, бодрыхъ она сыновей даровала Нелею:
Нестора, Хромія, жаднаго почестей Пе́риклимена;
Послѣ Хлорида и дочь родила многославную Перу,
Дивной красы; женихи отовсюду сошлись, но тому лишь
Дочь непреклонный Нелей назначалъ, кто быковъ круторогихъ
Съ поля Филакіи сгонитъ, отнявъ у царя Ификлеса
Силой все стадо его. Безпорочный взялся прорицатель
Смѣлое дѣло свершить; но ему положили преграду
Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада.
Но когда миновалися мѣсяцы, дни пробѣжали и годы
Кругъ совершился и Оры весну привели,—Ификлесу
Тайны боговъ онъ открылъ; Ификлесова сила святая
Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.
Славная Леда супруга Тиндара потомъ мнѣ явилась;
Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ два сына:
Ко̀ней смиритель Кастор̀ъ и боецъ Полидейкъ многосильный.
Оба землею они жизнедарною взяты живые;
Оба и въ мракѣ подземномъ честимы Зевесомъ; вседневно
Братомъ смѣняется братъ; и вседневно, когда умираетъ
Тотъ, воскресаетъ другой; и къ безсмертнымъ причислены оба.
Ифимеде́ю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ;
Съ ней сочетался,—хвалилась она,—Посидонъ земледержецъ;
Были плодомъ ихъ союза два сына (но кратокъ былъ вѣкъ ихъ);
Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на землѣ Эфіальтомъ.
Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей ихъ земля возрастила;
Всѣхъ красотой затмевали они, одному Оріону
Въ ней уступая; и оба, едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Въ девять локтей толщиной, вышиною же въ тридевять были.
Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать, что Олимпъ ихъ
Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ взволнуютъ;
Оссу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ многолѣсный
Взбросить на Оссу они покушались, чтобъ приступомъ небо
Взять, и угрозу бъ они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сынъ громовержца, Лато̀ной рожденный,
Прежде, чѣмъ младости пухъ отѣнилъ ихъ ланиты и первый

Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ ихъ обоихъ.
Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ Аріадна,
Дочь кознодѣя Миноса: изъ Крита бѣжать съ нимъ въ Аѳины
Дѣву прекрасную бодрый Тезей убѣдилъ; но не могъ онъ
Съ ней насладиться любовью; убила ее Артемида
Тихой стрѣлой, наущенная Вакхомъ, на островѣ Діѣ.
Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку жену Эрифилу,
Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ ожерельемъ...
Всѣхъ ихъ однако я счесть не могу; мнѣ не вспомнить, какія
Тамъ мнѣ явилися жены и дочери древнихъ героевъ;
Цѣлой бы ночи не стало на то; ужъ пора мнѣ предаться
Сну, удаляся ль на быстрый корабль вашъ къ товарищамъ бодрымъ,
Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъѣздъ учредите съ богами.
Такъ говорилъ Одиссей,—всѣ другіе сидѣли безмолвно
Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано сердце.
Тутъ бѣлорукая слово къ гостямъ обратила Арета:
Что, феакіяне, скажете? Станомъ и видомъ и силой
Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный. Хотя онъ
Собственно *мой* гость, но будетъ ему угощенье отъ всѣхъ насъ;
Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо дарами
Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ, надѣлить намъ:
Много у всѣхъ васъ, по волѣ безсмертныхъ, скопилось богатства.
Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени старецъ,
Ранѣе всѣхъ современныхъ ему феакіянъ рожденный.
Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и намѣреньемъ нашимъ
Слово разумной царицы согласно; ему покориться
Должно, а царь Алкиной пусть на дѣлѣ то слово исполнитъ.
Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благородному старцу:
Будетъ, что сказано, мною на дѣлѣ исполнено такъ же
Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ землѣ феакіянъ
Веслолюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмѣрно спѣшитъ онъ
Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы время подарки
Наши собрать; отправленье въ отчизну его есть забота
Общая всѣмъ вамъ, моя жъ наипаче: я здѣсь повелитель.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Если бъ и цѣлый здѣсь годъ продержать вы меня захотѣли,
Мой учреждая отъѣздъ и дары для меня собирая,
Я согласился бъ остаться, понеже мнѣ выгодно будетъ
Съ полными въ милую землю отцовъ возвратиться руками.
Больше почтенъ и съ живѣйшею радостью принятъ я буду
Всѣми, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвращеньи въ Итаку.
Онъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчалъ дружелюбно:
Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ обидной
Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ, подобный
Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, повсюду
Ложь разсѣвая въ нелѣпыхъ разсказахъ о видѣнномъ ими.
Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плѣнителенъ рѣчью.

Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ, разсказалъ ты
Намъ объ ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ бѣдствіяхъ; кончить
Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего не скрывая,
Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ товарищей бранныхъ,
Бывшихъ съ тобой въ Иліонѣ и черную встрѣтившихъ участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени много
Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ начатую повѣсть;
Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой денницы,
Если разсказывать намъ о напастяхъ своихъ согласишься.
Такъ говорилъ онъ; отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Время на все есть; свой часъ для бесѣды, свой часъ для покоя;
Если однако желаешь теперь же дослушать разсказъ мой,
Я повинуюсь и все разскажу, что печальнаго послѣ
Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ сопутниковъ; также
Кто изъ аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ троянскихъ,
Палъ отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ въ отчизну.
Послѣ того, какъ разсѣяться призракамъ женъ Персефона,
Ада царица велѣла и всѣ, разлетѣвшись, пропали—
Тѣнь Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно
Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Крови напившись, меня во мгновенье узналъ Агамемнонъ.
Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи; простерши
Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но напрасно:
Руки не слушались: не было въ нихъ ужъ ни силъ, ни движенья,
Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.
Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье проникло
Душу мнѣ; мертвому другу я бросилъ крылатое слово:
Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ,
Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурею бездну великую всю всколебавши? на сушѣ ль
Былъ умерщвленъ ты рукою врага, имъ захваченный въ полѣ,
Гдѣ нападалъ на его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищалъ и сокровища грабилъ?
Такъ вопросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказалъ онъ:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ погубленъ Посидономъ,
Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской; не на сушѣ
Былъ умерщвленъ я рукою противника явнаго въ битвѣ;
Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и плачевную участь;
Съ гнусной женою моей заодно, у себя на веселомъ
Пирѣ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при ясляхъ;
Такъ я погибъ, и товарищи вѣрные вмѣстѣ со мною
Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, которыхъ
Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много богатства,
Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный обѣдъ иль на свадьбу.

Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могучіе мужи
Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ сраженья—
Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ страха бы обмеръ, увидя
Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами, покрытыми брашномъ,
Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, лежали.
Громкіе крики Пріамовой дочери юной Кассандры
Близко услышалъ я: ножъ ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, попытался
Хладную руку къ мечу протянуть я: она равнодушно
Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область Аида,
Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть не хотѣла.
Нѣтъ ничего отвратительнѣй, нѣтъ ничего ненавистнѣй
Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро такое
Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, приготовивъ
Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество думалъ
Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣтямъ и ближнимъ—
Злое напротивъ замысля, кровавымъ убійствомъ злодѣйка
Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.
Такъ говорилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
Горе! конечно Зевесъ громовержецъ потомству Атрея
Быть навсегда предназначилъ игралищемъ бѣдственныхъ женскихъ
Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ Елены;
Такъ и тебѣ издалёка устроила смерть Клитемнестра.
Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
Слишкомъ довѣрчивымъ быть Одиссей берегися съ женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь, не должно;
Ввѣрь ей одно, про себя сохрани осторожно другое.
Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна погибель;
Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя Пенелопа,
Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ цвѣтущихъ
Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее ты покинулъ,
Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣвшій, младенецъ
Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ конечно теперь засѣдаетъ
Въ сонмѣ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ увидится; нѣжно
Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ сыну, прижмется...
Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ насладиться
Взглядомъ на милаго сына; я былъ во мгновенье зарѣзанъ.
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что скажу я:
Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ непримѣтно
Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагаться опасно.
Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая:
Могъ ли ты что-нибудь свѣдать о сынѣ моемъ? Не слыхалъ ли,
Гдѣ онъ живетъ? Въ Охроменѣ ль? Въ песчаномъ ли Пилосѣ? Въ Спартѣ ль
Свѣтлопространной у славнаго дяди, царя Менелая?
Ибо не умеръ еще на землѣ мой Орестъ благородный.
Такъ вопросилъ Агамемнонъ; ему отвѣчая, сказалъ я:
Царь Агамемнонъ, о сынѣ твоемъ ничего я не знаю;

Гдѣ онъ и живъ ли, сказать не могу; пустословіе вредно.
Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ подлѣ друга
Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ланитамъ.
Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ явилась;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Аяксъ, межъ ахейцами мужескимъ видомъ и силой
Послѣ Пелеева сына великаго всѣхъ превзошедшій.
Тѣнь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо мною,
Мнѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово: зачѣмъ ты
Здѣсь Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный?
Что, дерзновенный, какое великое дѣло замыслилъ?
Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвыя только
Тѣни отшедшихъ, лишенныя чувства, безжизненно вѣютъ?
Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, сказалъ я:
О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всѣми данаями первый,
Здѣсь я за тѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прорицатель открылъ мнѣ
Способъ вѣрнѣйшій моей каменистой Итаки достигнуть;
Въ землю ахеянъ еще я не могъ возвратиться; отчизны
Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую. Ты же
Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ
Первый: живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;
Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты, какъ въ жизни
Нѣкогда былъ; не ропщи же на смерть, Ахиллесъ богоравный.
Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ, тяжко вздыхая:
О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать, мертвый.
Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
Былъ ли въ сраженьи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ онъ сражался?
Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ Пелеѣ?
Все ли попрежнему онъ повелитель земли мирмидонской?
Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи чествть перестали,
Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ?
Въ области дня ужъ защитникомъ быть для него не могу я;
Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ отдаленной
Троѣ губилъ ополченья и грудью стоялъ за ахеянъ.
Если бъ такимъ хоть на мигъ я въ жилищѣ отцовомъ явился,
Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на многихъ,
Власти Пелея не чтущихъ и старость его оскорбившихъ.
Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, сказалъ я:
Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелеѣ великомъ;
Но о твоемъ благородномъ, возлюбленномъ Неоптолемѣ
Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ разскажу я подробно.
Самъ я его въ кораблѣ крутобокомъ моемъ отъ Скироса
Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ данаямъ въ троянскую землю;
Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона всегда онъ
Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ разумныхъ сужденьяхъ

Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бывалъ побѣждаемъ.
Въ полѣ жъ троянскомъ широкомъ, гдѣ гибельной мѣдью мы бились,
Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не хотѣлъ оставаться;
Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая храбрѣйшихъ;
Много враговъ отъ него въ истребительной битвѣ погибло;
Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь много народа
Въ краѣ троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью стоялъ за аргивянъ.
Такъ Эврипи́ла, Телефова сына, губительной мѣдью
Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ кетейцы
Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной жертвой.
Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ прекраснѣй.
Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпе́осомъ, скрыться
Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а двери громады
Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили ахейцы.
Всѣ, при вступленіи въ конскія нѣдра, вожди отирали
Слезы съ ланитъ и у каждаго руки и ноги тряслися;
Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили очи
Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣднѣлъ, содрогнулся,
Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ затвора
Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою двуострый
Мечъ, а другою обитое мѣдью копье, порывался
Въ бой на троянъ. А когда былъ разрушенъ Пріамовъ великій
Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами почетными поплылъ
Въ край свой, ни издали мѣткимъ копьемъ, ни вблизи длиннострой
Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто бываетъ
Въ жаркомъ бою, гдѣ убійство кипитъ и Арей веселится.
Такъ говорилъ я; душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Шагомъ широкимъ, по ровному Асфодилонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою
Души другихъ знаменитыхъ умер- [сына.
шихъ явились; со мною
Грустно они говорили о томъ, что тревожило сердце
Каждому; только душа Теламонова сына Аякса,
Молча, стояла вдали, одинокая, все на побѣду
Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станѣ аргивянъ доспѣхи
Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла
Дать ихъ Ѳемида; судили трояне; ихъ судъ имъ Аѳина
Тайно внушила... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ я побѣду,
Мужа такого низведшую въ нѣдра земныя? Погибъ онъ
Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ славой
Послѣ великаго сына Пелеева всѣхъ превзошедшій.
Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное слово:
Сынъ Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не долженъ ты, мертвый,
Долѣ со мной враждовать, сокрушаясь о гибельныхъ, взятыхъ
Мною оружіяхъ; ими данаямъ жестокое боги
Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о тебѣ мы
Всѣ, какъ о сынѣ могучемъ Пелея, всечасно крушились,
Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто не виновенъ
Кромѣ Зевеса, постигшаго рать копьеносныхъ данаевъ
Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинѣ безвременно предалъ.

Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье бесѣдой съ тобою
Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ великаго сердца.
Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за другими тѣнями
Мрачно пошелъ; напослѣдокъ сокрылся въ глубокомъ Эревѣ.
Можетъ быть, сталъ бы и гнѣвный со мной говорить онъ иль я съ нимъ,
Если бъ меня не стремило желаніе милаго сердца
Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть. И скоро
Въ адѣ узрѣлъ я Зевесова мудраго сына Миноса;
Скипетръ въ деснице держа золотой, тамъ умершихъ судилъ онъ
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали въ пространномъ съ вратами широкими домѣ Аида.
Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона;
Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звѣрей онъ—
Ихъ же своею желѣзной ничѣмъ не крушимой дубиной
Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступнопустынныхъ.
Титія также увидѣлъ я, сына прославленной Геи;
Девять занявъ десятинъ подъ огромное тѣло, недвижимъ
Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два коршуна, рвали
Печень его и терзали когтями утробу. И руки
Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу Зевеса,
Шедшую къ Пиѳію, онъ осрамилъ на лугу Панопейскомъ.
Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною казнью:
Въ озерѣ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водѣ, и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову къ ней онъ склонялъ, уповая напиться,
Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ погами являлось
Черное дно и его осушалъ во мгновеніе демонъ.
Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его головою,
Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами обильныхъ,
Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ роскошно цвѣтущихъ.
Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ протягивалъ руку,
Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ подымалися темнымъ.
Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною казнью;
Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками
Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ до вершины
Съ тяжкой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вздвинуть тяжесть онъ, мышцы напрягши,
Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною пылью.
Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги Гебеи, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и, темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вдругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный

Перевязь блескъ издавала, ему поперекъ перерѣзавъ
Грудь златолитымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ
Львы грознооке, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были:
Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искусства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать совершеннѣй.
Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я;
Жалобно, тяжко вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недостойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня возлагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглавнаго долженъ
Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ не по силамъ.
Я же его совершилъ и похищенъ былъ песъ у Аида;
Помощь мнѣ подали Эрмій и дочь громовержца Аѳина.
Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Аидову призракъ.
Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ, чтобъ явился
Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ и мертвыхъ.
Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные вѣки
Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Пиритоя,
Многихъ другихъ; но, толпою безчисленной души слетѣвшись,
Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я ужасомъ блѣднымъ,
Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище, голову страшной Горгоны,
Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Персефона:
Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, не медля ни мало,
Люди мои на него собрались и канатъ отвязали.
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,
Прежде на веслахъ, потомъ съ благовѣющимъ вѣтромъ попутнымъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ сопутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею, корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островѣ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліоса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ наконецъ на берегъ Калипсина острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ перерѣзавъ,
Снова по многоисплытому морю пришли мы на островъ
Эю, туда, гдѣ въ жилищѣ туманнорожденныя Эосъ
Легкія Оры ведутъ хороводы, гдѣ Геліосъ всходитъ;

Къ брегу приставъ, на песокъ мы корабль быстроходный встащили;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Спутниковъ скликавъ, послалъ я ихъ къ дому Цирцеи, чтобъ взять тамъ
Трупъ Эльпенорова, его принести и свершить погребенье.
Много деревъ нарубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ
Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.
Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всѣми доспѣхами мертвый,
Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,
Гладкое въ землю на холмѣ воткнули весло; и священный
Долгъ погребенія былъ совершенъ. Но Цирцея узнала
Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аида.
Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею
Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣннопурпурнымъ виномъ молодыя
Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:
Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,
Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,
Бросьте печаль и безпечно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь
Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра
Далѣе вы поплывете; я путь укажу и благое
Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безумiемъ вашимъ
Васъ не постигла напасть, ни на сушѣ, ни на морѣ темномъ.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей мужескимъ сердцемъ.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ скрылось и тьма наступила ночная.
Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утвержденъ былъ канатомъ;
Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и когда я
Сѣлъ въ отдаленьи отъ прочихъ, легла близъ меня и вопросы
Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ разсказалъ я подробно.
Свѣтлая такъ напослѣдокъ сама мнѣ сказала богиня:
Дѣло одно совершилъ ты успѣшно; теперь со вниманьемъ
Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога услышишь.
Прежде всего ты увидишь сиренъ; неизбѣжною чарой
Ловятъ онѣ подходящихъ къ нимъ близко людей мореходныхъ.
Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ приближась, ихъ сладкій
Голосъ услышитъ, тому ни жены ни дѣтей малолѣтныхъ
Въ домѣ своемъ никогда не утѣшить желаннымъ возвратомъ:
Пѣніемъ сладкимъ сирены его очаруютъ, на свѣтломъ
Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣлѣетъ
Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ тамъ лохмотья.
Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягченнымъ медвянымъ
Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, проплыви безъ оглядки
Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услышать
Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей веревкой; тогда ты
Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать гибельнымъ пѣньемъ.
Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать станешь, чтобъ сняли

Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно свяжутъ.
Послѣ, когда вы минуете островъ сиренъ смертоносный,
Двѣ вамъ дороги представятся; дать же совѣтъ здѣсь, какую
Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно; своимъ ты
Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опишу я и ту и другую.
Прежде увидишь стоящіе въ морѣ утесы; кругомъ ихъ
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящихъ* дано имъ богами; близъ нихъ никакая
Птица не смѣетъ промчаться, ни даже амброзію Зевсу
Легкимъ полетомъ носящіе робкіе голуби; каждый
Разъ пропадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ утесъ убиваясь;
Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго новымъ.
Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившіе, гибли съ пловцами;
Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные трупы,
Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимые въ морѣ.
Только одинъ, всѣ моря обѣжавшій, корабль невредимо
Ихъ миновалъ — посѣтитель Аэта, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ онъ
Тамъ не прошелъ, провожаемый Ирой, любившей Язона.
Послѣ ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широкаго неба
Острой вершиной восходитъ одна, облака окружаютъ
Темносгущенныя ту высоту, никогда не рѣдѣя.
Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ ни осенью свѣтелъ
Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сойдетъ ни единый
Смертный, хотя бъ съ двадцатью былъ руками и двадцать
Ногъ бы имѣлъ — столь ужасно, какъ будто обтесанный, гладокъ
Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,
Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева на западъ;
Мимо ея ты пройдешь съ кораблемъ, Одиссей многославный;
Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ направленной съ моря
Быстролетящей стрѣлою до входа высокой пещеры;
Страшная Скилла живетъ искони тамъ. Безъ умолку лая,
Визгомъ пронзительнымъ, визгу щенка молодаго подобнымъ,
Всю оглашаетъ окрестность чудовище. Къ ней приближаться
Страшно не людямъ однимъ, но и самымъ безсмертнымъ. Двѣнадцать
Движется спереди лапъ у нея; на плечахъ же косматыхъ
Шесть подымается длинныхъ, изгибистыхъ шей; и на каждой
Шеѣ торчитъ голова, а на челюстяхъ въ три ряда зубы,
Частые, острые, полные черною смертью, сверкаютъ;
Вдвинувшись задомъ въ пещеру и выдвинувъ грудь изъ пещеры,
Всѣми глядитъ головами изъ лога ужасная Скилла.
Лапами шаря кругомъ по скалѣ обливаемой моремъ,
Ловитъ дельфиновъ она, тюленей и могучихъ подводныхъ
Чудъ, безъ числа населяющихъ хладную зыбь Амфитриты.
Мимо ея ни одинъ мореходецъ не могъ невредимо
Съ легкимъ пройти кораблемъ: всѣ зубастыя пасти разинувъ,
Разомъ она по шести человѣкъ съ корабля похищаетъ.
Близко увидишь другую скалу, Одиссей многославный:

Ниже она; отстоитъ же отъ первой на
выстрѣлъ изъ лука.
Дико растетъ на скалѣ той смоковница
съ сѣнью широкой.
Страшно все море подъ тою скалою тре-
вожитъ Харибда,
Три раза въ день поглощая и три раза
въ день извергая
Черную влагу. Не смѣй приближаться,
когда поглощаетъ:
Самъ Посидонъ отъ погибели вѣрной
тогда не избавитъ.
Къ Скиллиной ближе держася скалѣ, про-
веди безъ оглядки
Мимо корабль быстроходный: отраднѣе
шесть потерять вамъ
Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль
потопить и погибнуть
Всѣмъ. Тутъ умолкла богиня; а я, от-
вѣчая, сказалъ ей:
Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я
всю истину вѣдать:
Если избѣгнуть удастся Харибды, могу
ли отбиться
Силой, когда на сопутниковъ бросится
жадная Скилла?
Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ
мнѣ сказала богиня:
О! необузданный, снова о подвигахъ
бранныхъ замыслилъ;
Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ
богами сразиться.
Знай же: не смертное зло, а безсмертное
Скилла. Свирѣпа,
Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней
невозможно.
Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь
спасеніе—бѣгство.
Горе! когда ты хоть мигъ тамъ для
тщетнаго боя промедлишь:
Высунетъ снова она изъ своей недо-
ступной пещеры
Всѣ шесть головъ и опять съ корабля
шестерыхъ на пожранье
Схватитъ; не медли жъ; поспѣшно пройди;
призови лишь Кратейю:
Скиллу она родила на погибель людей,
и одна лишь
Дочь воздержать отъ втораго на васъ
нападенія можетъ.
Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію
островъ; издавна
Геліосъ тучныхъ быковъ и барановъ па-
сетъ тамъ на пышныхъ,
Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ состав-
ляютъ быки; и бараны
Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадѣ
числомъ пятьдесятъ; и число то
Вѣчно одно; не плодятся они, и пасутъ
неусыпно
Ихъ Фаэтуса съ Лампетіей, пышнокудря-
выя нимфы.
Геліосъ ихъ Иперіонъ съ божественной
прижилъ Неерой.
Свѣтлая мать, дочерей воспитавши, въ
Тринакріи знойной
Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей
въ удаленіи, дѣвы
Тучныхъ быковъ и барановъ отцовыхъ
пасли неусыпно.
Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣд-
ствія встрѣтишь,
Если воздержишься руку поднять на
стада Геліоса;
Если же руку подымешь на нихъ, то
пророчу погибель
Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутни-
камъ; самъ ты избѣгнешь
Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одинокъ
возвратишься въ отчизну.
Такъ говорила она. Златотронная Эосъ
явилась
На небѣ; въ домъ свой богиня пошла,
разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь,
повелѣлъ, чтобъ немедля
Спутники всѣ на него собрались и ка-
натъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на
лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили тем-
ныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ прово-
жатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ,
парусовъ надуватель,

Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.
Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы — двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ сиренъ, провожаемый легкимъ понутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, немедля медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечомъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучомъ разогрѣлъ теплоноснымъ.
Уши товарищамъ воскомъ тогда зеклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, сирены увѣдили мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ сиренъ насладися,
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла троянъ и ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится.
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ немедля
Узы мои разрѣшили; они же удвоенной силой
Начали грести; а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули
Но, когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья сиренъ бѣдоносныхъ,

Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ заклеилъ, и меня отвязали отъ мачты.
Островъ сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцовъ устрашенныхъ; повиснувъ
Праздно, они по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
Въ бокъ по стремленью—иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ; все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, гресть переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Скилла;

Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ
Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинносогбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ приманку,
Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ, потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіе странствій моихъ не случалось.
Скиллинъ утесъ миновавъ и избѣгнувъ свирѣпой Харибды,
Прибыли къ острову мы наконецъ свѣтоноснаго бога.
Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки криворогіе мирно
Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Геліосово стадо.
Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно могъ я
Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ гулявшихъ,
Съ шумнымъ блеяньемъ барановъ; и тутъ же пришло мнѣ на память
Слово слѣпаго пророка Тирезія Ѳивскаго съ строгимъ
Словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель.
Тутъ къ сокрушеннымъ сопутникамъ рѣчь обратилъ я такую:
Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный скажу вамъ:
Свѣдать должны вы пророка Тирезія Ѳивскаго слово
Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убѣждавшей опасный
Островъ, гдѣ властвуетъ Геліосъ, смертныхъ людей утѣшитель:
Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они утверждаютъ.
Мимо, товарищи, черный корабль провести поспѣшите.
Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося милое сердце.
Мнѣ жъ, возражая, отвѣтствовалъ такъ Эврилохъ непокорный:
Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты великой
Силой; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза ты скованъ.
Намъ, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ давно не вкушавшимъ
Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли бъ приготовить
Ужинъ мы вкусный на островѣ, сладко на немъ отдохнувши.
Ты жъ насъ идти наудачу въ холодную ночь принуждаешь
Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое море.
Почью противные вѣтры шумятъ, корабли истребляя.
Кто избѣжитъ потопленія вѣрнаго, если во мракѣ
Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море примчится
Нотъ иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ нихъ наиболѣ
Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли погибаютъ.
Лучше теперь, покорившись велѣнію темныя ночи,
На́ берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля приготовимъ.
Завтра жъ съ денницею пустимся снова въ пространное море.
Такъ говорилъ Эврилохъ, и товарищи съ нимъ согласились.

Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдствіе Демонъ.
Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое слово:
Здѣсь я одинъ, отъ того и отвѣтъ, Эврилохъ, твой такъ дерзокъ.
Слушайте жъ: мнѣ поклянитесь великою клятвой, что, если
Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ иль стадо барановъ
Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой не коснетесь
Къ нимъ, и убить ни быка ни барана отнюдь не дерзнете.
Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цирцея.
Спутники клятвой великою мнѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися и клятву свою совершили, въ заливѣ
Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ крѣпкозданнымъ.
Близко была ключевая вода; всѣ товарищи, вышедъ
На́ берегъ, вкусный проворно на немъ приготовили ужинъ;
Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ питьемъ и ѣдою,
Стали они поминать со слезами о милыхъ погибшихъ,
Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ Скиллой предъ нами.
Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей, спустился.
Треть совершилася ночи и темнаго неба на онполъ
Звѣзды склонилися—вдругъ громовержецъ Кроніонъ Борея,
Страшно ревущаго, выслалъ на насъ, облака обложили
Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла ночь.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ сводомъ пещеры,
Гдѣ въ хороводы веселые нимфы полей собирались.
Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ и сказалъ имъ:
Черный корабль нашъ, друзья, запасенъ и питьемъ и ѣдою.
Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотатную руку;
Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и барановъ,
Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слышитъ, все знаетъ.
Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Но безпрестанно весь мѣсяцъ свирѣпствовалъ Нотъ; всѣ другіе
Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался восточный.
Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пурпурóвымъ,
Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать и въ мысли
Имъ не входило; когда же съѣстной нашъ запасъ истощился,
Начали пищу охотой они промышлять; добывая
Что, гдѣ случалось: стрѣляли дичину, иль рыбу
Остросогбенными крючьями удили—голодъ томилъ ихъ.
Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ открыли
Путь, одинокой дорогой я шелъ черезъ островъ; невольно,
Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился;
Въ мѣстѣ, защитномъ отъ вѣтра, [лился;
я руки умылъ и молитвой
Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ богамъ обратился.
Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечувствительно боги.
Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ сдѣлалъ:
Спутники вѣрные слушайте то, что скажу вамъ, печальный;
Всякій родъ смерти для насъ земнородныхъ людей ненавистенъ;
Но умереть голодною смертью всего ненавистнѣй.
Выберемъ лучшихъ быковъ въ Геліосовомъ стадѣ и въ жертву

Здѣсь принесемъ ихъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ.
Послѣ—когда возвратимся въ родную Итаку, воздвигнемъ
Въ честь Геліоса, надъ нами ходящаго бога, богатый
Храмъ и его дорогими дарами обильно украсимъ;
Если жъ, утратой своихъ круторогихъ быковъ раздраженный,
Онъ совокупно съ другими богами корабль погубить нашъ
Въ морѣ захочетъ, то легче, въ волнахъ захлебнувшись, погибнуть
Вдругъ, чѣмъ на островѣ дикомъ отъ голода медленно таять.
Такъ говорилъ Эврилохъ и сопутники съ нимъ согласились.
Лучшихъ тогда изъ быковъ Геліосовыхъ, вольно бродившихъ,
Взяли они—невдали корабля темноносаго стадо
Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ тамъ гуляло—
Ихъ обступили, безумцы; воззвавши къ богамъ олимпійскимъ,
Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба, ячменя
Болѣ въ запасѣ на черномъ своемъ кораблѣ не имѣя.
Кончивъ молитву, зарѣзавъ быковъ и содравши съ нихъ кожи,
Бедра они всѣ отсѣкли, а кости, обвитыя дважды
Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками обклали.
Но, не имѣя вина, возліянье они совершили
Просто водою и бросили въ жертвенный пламень утробу,
Бедра сожгли, остальное же, сладкой утробы отвѣдавъ,
Все изрубили на части и стали на вертелахъ жарить.
Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы смыкавшій.
Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на песчаное взморье
Шагомъ поспѣшнымъ; когда жъ къ кораблю подходилъ, благовоннымъ
Запахомъ пара мяснаго я былъ пораженъ; содрогнувшись,
Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ олимпійскимъ:
Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ на вѣжды;
Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свершили.
Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣтлый
Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной дѣвой.
Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ обратясь, онъ воскликнулъ:
Зевсъ нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣчные боги,
Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртова сына!
Дерзко они у меня умертвили быковъ, на которыхъ
Такъ любовался всегда я—всходилъ ли на звѣздное небо,
Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ ниспускался.
Если же вами не будетъ наказано ихъ святотатство,
Въ область Аида сойду я и буду свѣтить для умершихъ.
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ Кроніонъ:
Геліосъ, смѣло сіяй для безсмертныхъ боговъ и для смертныхъ
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодоносной живущихъ.
Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пламенный громъ свой,
Въ морѣ широкомъ на мелкія части разбить не замедлю
(Это мнѣ было открыто Калипсой божественной; ей же
Все разсказалъ вѣстоносецъ крылатый Кроніоновъ, Эрмій).
Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное взморье,

Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ упрекалъ; но исправить
Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарѣзаны были.
Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ приведшее, дали:
Кожи ползли, а сырое на вертелахъ мясо, и мясо,
Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали бычачій.
Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники дерзко
Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;
Но на седьмой день, предъизбранный тайно Кроніономъ Зевсомъ,
Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая буря.
Мачту поднявши и бѣлый на мачтѣ расправивши парусъ,
Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ открытое море.
Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и исчезла
Всюду земля и лишь небо, съ водами сліянное, зрѣлось,
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую темную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ нимъ потемнѣло
Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ заката примчался
Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тревога;
Лопнули разомъ веревки, державшія мачту; и разомъ
Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ разбила
Голову кормщику; черепъ его подъ унавшей громадой
Весь былъ расплюснутъ, и онъ, водолазу подобно, съ высокихъ
Ребръ корабля кувырнувшися въ глубь, тамъ пропалъ и изъ тѣла
Духъ улетѣлъ. Тутъ Зевесъ, заблиставъ, на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу; закружилось пронзенное судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило. Всѣ разомъ товарищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ вороны морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ—возврата лишилъ ихъ Кроніонъ.
Я жъ, уцѣпѣвъ, межъ обломковъ остался до тѣхъ поръ, покуда
Киля водой не отбило отъ ребръ корабельныхъ: онъ поплылъ;
Мачта за нимъ поплыла; обвивался сплетенный изъ крѣпкой
Кожи воловьей ремень вкругъ нея: за ремень уцѣпившись,
Мачту и киль имъ поспѣшно опуталъ и плотно связалъ я,
Ихъ обхватилъ и отдался во власть безпредѣльнаго моря.
Стихнулъ Зефиръ, присмирѣла сердитая буря; но быстрый
Нотъ поднялся: онъ меня въ несказанную ввергнулъ тревогу.
Снова обратной дорогой меня на Харбиду помчалъ онъ.
Цѣлую ночь былъ туда я несомъ; а когда возсіяло
Солнце—себя я узрѣлъ межъ скалами Харибды и Скиллы.
Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь поглощала;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, прицѣпился
Къ вѣтвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и нельзя мнѣ
Было ногой ни во что упереться—висѣлъ на рукахъ я.
Корни смоковницы были далеко въ скалѣ и, расширясь,
Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ осѣняли;
Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ вынесли волны
Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскѣ несказанной я долго
Ждалъ—и ужъ около часа, въ который судья, разрѣшивши

Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный, уходитъ
Съ площади—выплыли вдругъ изъ Харибды желанныя бревна.
Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестью всею упалъ на обломки несомые моремъ.
Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами править.
Скиллѣ жъ владыка безсмертныхъ Кроніонъ меня не дозволилъ
Въ морѣ примѣтить: иначе была бъ неизбѣжна погибель.
Девять носился я дней по водамъ; на десятый съ наставшей
Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо
Царствуетъ, свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая нимфа.
Принятъ я былъ благосклонно богиней. Объ этомъ однако
Мнѣ говорить ужъ не нужно: вчера описалъ я подробно
Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно
Снова разсказывать то, что ужъ мы разсказали однажды.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать четвертый день и утро тридцать пятаго.

Одиссей, одаренный щедро царемъ Алкиноемъ, царицею Аретою и феакійцами, покидаетъ съ наступленіемъ ночи ихъ островъ. Онъ засыпаетъ. Тѣмъ временемъ корабль феакійскій, быстро совершивъ свое плаваніе, достигаетъ Итаки. Вошедши въ пристань Форкинскую, мореходцы выносятъ Одиссея на берегъ, соннаго, и тамъ оставляютъ его со всѣми сокровищами, полученными имъ отъ феакійцевъ. Они удаляются. Раздраженный Посидонъ превращаетъ корабль ихъ въ утесъ. Одиссей пробуждается, но не узнаетъ земли своей, которую Аѳина покрыла густымъ туманомъ. Богиня встрѣчается съ нимъ подъ видомъ юноши. Онъ разсказываетъ ей о себѣ вымышленную повѣсть; тогда Аѳина открывается ему, принявъ на себѣ образъ дѣвы. Спрятавъ сокровища Одиссеевы въ гротѣ наядъ, богиня даетъ ему наставленіе, какъ отмстить женихамъ, превращаетъ его въ стараго нищаго и, повелѣвъ ему идти во внутренность острова къ свинопасу Эвмею, сама улетаетъ въ Лакедемонъ къ Телемаку.

Такъ Одиссей говорилъ; и ему въ потемнѣвшемъ чертогѣ
Молча внимали другіе, и всѣ очарованы были.
Тутъ обратилась къ нему Алкиноева сила святая:
Если мой домъ мѣднокованный ты посѣтилъ, благородный
Царь Одиссей, то могу уповать, что препятствій не встрѣтишь
Нынѣ, въ отчизну отъ насъ возвращаясь, хотя и не мало
Бѣдъ испыталъ ты. А я обращуся теперь, феакійцы,
Къ вамъ, ежедневно вино искрометное пьющимъ со мною
Въ царскихъ палатахъ, внимая струнамъ золотымъ пѣснопѣвца.
Все ужъ въ ковчегѣ лежитъ драгоцѣнномъ; и данныя гостю
Ризы, и чудной работы златые сосуды и много
Разныхъ подарковъ другихъ отъ владыкъ феакійскихъ; пускай же
Къ нимъ по большому котлу и треножнику прочной работы
Каждый прибавитъ; себя жъ наградимъ за убытки богатымъ
Сборомъ съ народа: столь щедро дарить одному не по силамъ.
Такъ Алкиной говорилъ; и, одобривъ его предложенье,
Всѣ по домамъ разошлися, о ложѣ и снѣ помышляя.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Каждый поспѣшно отнесъ на корабль мѣднолитную утварь;
Какъ же ту утварь подъ лавками судна укласть (чтобъ работать

Веслами въ морѣ могли, не вредя ей, гребцы молодые),
Самъ Алкиной, обошедши корабль, осторожно устроилъ.
Всѣ они въ царскихъ палатахъ потомъ учредили обѣдъ свой.
Тутъ собирателю тучъ, громоносцу Кроніону Зевсу,
Въ жертву быка принесла Алкиноева сила святая.
Бедра предавши огню, насладились роскошною пищей
Гости; и, громко звуча вдохновенною лирой, предъ ними
Пѣлъ Демодокъ, многочтимый въ народѣ. Но голову часто
Царь Одиссей обращалъ на всемірно-свѣтящее солнце,
Съ неба его понуждая сойти, чтобъ отъѣздъ ускорить свой.
Такъ помышляетъ о сладостной вечерѣ пахарь, день цѣлый
Свѣжее поле съ четою воловъ бороздившій могучимъ
Плугомъ, и весело день провожаетъ онъ взоромъ на западъ—
Тащится тяжкой стопою домой онъ готовить свой ужинъ.
Такъ Одиссей веселился, увидя склоненье на западъ
Дня. Обращаясь ко всѣмъ феакіянамъ вмѣстѣ, такое
Слово сказалъ онъ, глаза устремивъ на царя Алкиноя:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей феакійскихъ,
Въ путь снарядите меня, сотворивъ возліянье безсмертнымъ;
Сами же радуйтесь. Все ужъ готово, чего такъ желало
Милое сердце, корабль и дары; да пошлютъ благодать мнѣ
Боги Ураниды нынѣ, чтобъ я, возвратяся въ отчизну,
Дома жену безъ порока нашелъ и возлюбленныхъ ближнихъ
Всѣхъ сохраненныхъ; а вы благоденствуйте каждый съ своею,
Сердцемъ избранной супругой и съ чадами; все да пошлютъ вамъ
Доброе боги; и зло никакое чтобъ васъ не коснулось.
Кончилъ; и всѣ, изъявивъ одобренье, рѣшили немедля
Гостя, плѣнившаго ихъ столь разумною рѣчью, отправить
Въ путь. Обратяся тогда къ Понтоною, сказалъ феакіянъ
Царь благородный: наполни кратеры виномъ и подай съ нимъ
Чаши, дабы, помолившись владыкѣ Кроніону Зевсу,
Странника въ милую землю отцовъ отпустили мы съ миромъ.
Такъ онъ сказалъ и, кратеры наполнивъ виномъ благовоннымъ,
Подалъ съ нимъ чаши гостямъ Понтоной; и они возліянье
Имъ совершили богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Каждый на мѣстѣ своемъ. Одиссей хитромысленный, вставши,
Подалъ царицѣ Аретѣ двурусный кубокъ; потомъ онъ,
Голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово: царица
Радуйся нынѣ и жизнь проводи безпечально, доколѣ
Старость и смерть не придутъ въ обреченное каждому время.
Я возвращаюсь въ отеческій домъ свой; а ты, благоденствуй
Дома съ дѣтьми, съ домочадцами, съ добрымъ царемъ Алкиноемъ.
Слово такое сказавъ, черезъ мѣдный порогъ перешелъ онъ.
Съ нимъ повелѣлъ Понтоною идти Алкиной, чтобъ ему онъ
Путь указалъ къ кораблю и къ песчаному брегу морскому.
Такъ же царица Арета послала за нимъ трехъ домашнихъ служанокъ,
Съ вымытой чисто одеждой одну и съ хитономъ, другую
Съ отданнымъ ей въ сохраненье блестящимъ ковчегомъ, а третью

Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ и съ запасомъ ѣды на дорогу.
Къ брегу морскому онѣ подошли и, принявши изъ рукъ ихъ
Платье, ковчегъ и вино и дорожную пищу, немедля
Все на корабль отнесли быстроходный гребцы, и на гладкой
Палубѣ мягкоширокій коверъ съ простыней полотняной
Подлѣ кормы разостлали; чтобъ могъ Одиссей безтревожно
Спать. И вступилъ Одиссей на корабль быстроходный; и молча
Легъ онъ на мягкоширокій коверъ. И на лавки порядкомъ
Сѣли гребцы и, канатъ отвязавъ отъ причальнаго камня,
Разомъ ударили въ весла и взбрызнули темную влагу.
Тою порой миротворно слеталъ Одиссею на вѣжды
Сонъ непробудный, усладный, съ безмолвною смертію сходный.
Быстро (какъ полемъ широкимъ коней четверня, безпрестанно
Сильнымъ гонимыхъ бичомъ, поражающимъ всѣхъ совокупно,
Чуть до земли прикасаясь ногами, легко совершаетъ
Путь свой) корабль, воздвигая корму, побѣжалъ и, пурпурной
Сзади волной напирая, его многошумное море
Мчало впередъ; безпрепятственно плылъ онъ; и соколъ, быстрѣйшій
Между пернатыми неба, его не догналъ бы въ полетѣ—
Такъ онъ стремительно, зыбь разсѣкая, летѣлъ черезъ море,
Мужа неся богоравнаго, полнаго мыслей высокихъ,
Много встрѣчавшаго бѣдъ, сокрушающихъ сердце, средь бурной
Странствуя зыби, и много великихъ видавшаго браней—
Нынѣ же спалъ онъ, забывъ претерпѣнное, сномъ беззаботнымъ.
Но поднялася звѣзда лучезарная, вѣстница свѣтлой,
Въ сумракѣ раннемъ родившейся Эосъ; и, путь свой окончивъ,
Къ брегу Итаки достигнулъ корабль, обѣгающій море.
Пристань находится тамъ, посвященная старцу морскому
Форку; ее образуютъ двѣ длинныя вѣтви крутаго
Брега, скалами зубчатыми въ море входящаго; вѣтрамъ
Онъ возбраняетъ извнѣ нагонять на спокойную пристань
Волны тревожныя; могутъ внутри корабли на притонномъ
Мѣстѣ безъ привязи вольно стоять, не страшась непогоды;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистая зрится
Маслина; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ Наядами Нимфамъ;
Много въ томъ гротѣ кратеръ и большихъ двоеручныхъ кувшиновъ
Каменныхъ: пчелы, гнѣздяся въ ихъ нѣдрѣ, свой медъ составляютъ;
Такъ же тамъ много и каменныхъ длинныхъ становъ; за станами
Сидя, чудесно одежды пурпурныя ткутъ тамъ Наяды;
Вѣчно шумитъ тамъ вода ключевая; и въ гротѣ два входа:
Людямъ одинъ лишь изъ нихъ, обращенный къ Борею, доступенъ;
Къ Ноту жъ на югъ обращенный богамъ посвященъ—не дерзаетъ
Смертный къ нему приближаться, однимъ лишь безсмертнымъ открытъ онъ.
Зная то мѣсто, къ нему подошли мореходцы; корабль ихъ
Цѣлой почти половиною на́ берегъ вспрянулъ—такъ быстро
Мчался онъ, веслами сильныхъ гребцовъ понуждаемый къ бѣгу.
Сталъ неподвижно у брега могучій корабль. Мореходцы,

Съ палубы гладкой царя Одиссея рукой осторожной
Снявъ съ простынею и съ мягкимъ ковромъ, на которыхъ лежалъ онъ
Спящій глубоко, его положили на брегѣ песчаномъ;
Послѣ, богатства собравъ, отъ разумныхъ людей феакійскихъ
Имъ полученныя въ даръ по внушенью великой Аѳины,
Бережно склали у корня оливы широкосѣнистой
Все, отъ дороги поодаль, дабы никакой проходящій,
Пользуясь сномъ Одиссея глубокимъ, чего не похитилъ.
Кончивъ, пустилися въ море они. Но земли колебатель,
Помня во гнѣвѣ о прежнихъ угрозахъ своихъ Одиссею,
Твердому въ бѣдствіяхъ мужу, съ такой обратился молитвой
Къ Зевсу: о Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, не буду богами
Болѣ честимъ я, когда мной ругаться начнутъ феакійцы,
Смертные люди, хотя и божественной нашей породы;
Вѣдалъ всегда я, что въ домъ свой не мало тревогъ испытавши,
Долженъ вступить Одиссей; я не могъ у него возвращенья
Вовсе похитить: ты прежде ужъ судъ произнесъ свой.
Нынѣ жъ его феакійцы въ своемъ кораблѣ до Итаки
Спящаго, мнѣ вопреки, довезли, напередъ одаривши
Золотомъ, мѣдью и множествомъ ризъ, драгоцѣнно сотканныхъ,
Такъ изобильно, что даже изъ Трои подобной добычи
Опъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно въ домъ возвратился.
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странное слово сказалъ ты, могучій земли колебатель;
Ты ль не въ чести у боговъ и возможно ль, чтобъ лучшій,
Старшій и силою первый не чтимъ былъ отъ младшихъ и низшихъ?
Если же кто изъ людей земнородныхъ, съ тобою неравныхъ
Силой и властью, тебя не почтитъ, накажи безпощадно.
Дѣйствуй теперь, какъ желаешь ты самъ, какъ пріятнѣе сердцу.
Богъ Посидонъ, колебатель земли, отвѣчалъ громовержцу:
Смѣло бъ я дѣйствовать сталъ, о Зевесъ чернооблачный, если бъ
Силы великой твоей и тебя раздражить не страшился;
Нынѣ же мной феакійскій прекрасный корабль, Одиссея
Въ землю его проводившій и моремъ обратно плывущій,
Будетъ разбитъ, чтобъ впередъ ужъ они по водамъ не дерзали
Всѣхъ провожать; и горою великой задвину ихъ городъ.
Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ громовержецъ Кроніонъ:
Другъ Посидонъ, полагаю, что самое лучшее будетъ,
Если (когда подходящій корабль издалёка увидятъ
Жители града) его передъ ними въ утесъ обратишь ты,
Образъ плывущаго судна ему сохранивши, чтобъ чудо
Всѣхъ изумило; потомъ ты горою задвинешь ихъ городъ.
Слово такое услышавъ, могучій земли колебатель
Въ Схерію, гдѣ обиталъ феакійскій народъ, устремился
Ждать корабля. И корабль, обтекатель морей, приближался
Быстро. Къ нему подошедъ, колебатель земли во мгновенье
Въ камень его обратилъ и ударомъ ладони къ морскому
Дну основаніемъ крѣпко притиснулъ; потомъ удалился.

Шумно словами крылатыми спрашивать стали другъ друга
Веслолюбивые, смѣлые гости морей феакійцы,
Глядя одинъ на другого, и такъ межъ собой разсуждая:
Горе! кто вдругъ на водахъ оковалъ нашъ корабль быстроходный,
Къ берегу шедшій? Его ужъ вдали различали мы ясно.
Такъ говорили они, не постигнувъ того, что случилось.
Къ нимъ обратился тогда Алкиной и сказалъ: феакійцы,
Горе! я вижу, что нынѣ сбылося все то, что отецъ мой
Мнѣ предсказалъ, говоря, какъ на насъ Посидонъ негодуетъ
Сильно за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ безопасно.
Нѣкогда, онъ утверждалъ, феакійскій корабль, проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ туманнымъ,
Будетъ разбитъ Посидономъ, который высокой горою
Градъ нашъ задвинетъ. Такъ мнѣ говорилъ онъ, и все совершилось.
Вы жъ, феакійскіе люди, исполните то, что скажу вамъ:
Съ этой поры мы не станемъ уже по морямъ, какъ бывало,
Странниковъ, нашъ посѣщающихъ градъ, провожать; Посидону жъ
Въ жертву немедля двѣнадцать быковъ принесемъ, чтобъ на милость
Онъ преклонился и града горой не задвинулъ великой.
Такъ онъ сказалъ и быковъ приготовилъ на жертву объятый
Страхомъ народъ; и, усердно моляясь Посидону владыкѣ,
Всѣ феакійскіе старцы, вожди и вельможи стояли
Вкругъ алтаря. Той порой Одиссей, привезенный въ отчизну
Сонный, проснулся и милой отчизны своей не узналъ онъ—
Такъ былъ отсутствемъ давно; да и сторону всю ту покрыла
Мглою туманною дочь громовержца Аѳина, чтобъ не былъ
Прежде, покуда всего отъ нея не услышитъ, кѣмъ встрѣченъ
Царь Одиссей, чтобъ его ни жена, ни домашній, ни житель
Града какой не узнали, пока женихамъ не отмститъ онъ;
Вотъ почему и явилось очамъ Одиссея столь чуждымъ
Все, и излучины длинныхъ дорогъ, и заливъ межъ стѣнами
Гладкихъ утесовъ, и темныя сѣни деревъ черноглавыхъ.
Вставши, съ великимъ волненьемъ онъ началъ кругомъ озираться;
Скорбь овладѣла душою его, по бедрамъ онъ могучимъ
Крѣпко ударивъ руками, въ печали великой воскликнулъ:
Горе! къ какому народу зашелъ я! здѣсь, можетъ-быть, область
Дикихъ, незнающихъ правды, людей, иль, быть можетъ, я встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.
Гдѣ же я скрою богатства мои и куда обратиться
Мнѣ самому? Для чего межъ людьми феакійскими долѣ
Я не остался! къ другому изъ сильныхъ владыкъ въ ихъ народѣ
Я бы прибѣгнулъ, и онъ бы помогъ мнѣ достигнуть отчизны;
Нынѣ жъ не знаю, что дѣлать съ своимъ мнѣ добромъ; безъ храненья
Здѣсь не оставлю его, отъ прохожихъ расхищено будетъ.
Горе! я вижу теперь, что не вовсе умны и правдивы
Были въ поступкахъ со мною и царь и вожди феакійцевъ:
Ими я брошенъ въ краю, мнѣ чужомъ; отвезти обѣщались
Въ милую прямо Итаку меня, и нарушили слово;

Ихъ да накажетъ Зевесъ, покровитель лишенныхъ покрова,
Зрящій на наши дѣла и карающій наши злодѣйства.
Должно однако богатства мои перечесть, чтобъ увидѣть,
Цѣло ли все, не украли ль чего въ кораблѣ быстроходномъ.
Онъ сосчиталъ всѣ котлы, всѣ треножники, всѣ золотыя
Утвари, всѣ драгоцѣнно-сотканныя ризы, и цѣлымъ
Все оказалось; но горько онъ плакалъ о милой отчизнѣ,
Глядя на шумное море, бродя по песчаному брегу
Въ тяжкой печали. Къ нему подошла тутъ богиня Аѳина,
Образъ принявъ пастуха, за овечьимъ ходящаго стадомъ,
Юнаго, нѣжной красою подобнаго царскому сыну;
Ей покрывала двойная широкая мантія плечи,
Ноги сіяли въ сандаліяхъ, легкимъ копьемъ подпиралась.
Радуясь встрѣчѣ такой, Одиссей подошелъ къ свѣтлоокой
Дѣвѣ и, голосъ возвысивъ, ей бросилъ крылатое слово:
Другъ, ты въ землѣ незнакомой мнѣ страннику встрѣтился первый;
Радуйся; сердце жъ на милость свое преклони; сбереги мнѣ
Это добро, и меня самого защити; я какъ бога,
Другъ, умоляю тебя и колѣна твои обнимаю:
Мнѣ отвѣчай откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать,
Гдѣ я? Въ какой сторонѣ? И какой здѣсь народъ обитаетъ?
Островъ ли это гористый, иль въ море входящій, высокій
Берегъ земли матерой, покровенной крутыми горами?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Видно, что ты издалека, пришелецъ, иль вовсе безсмысленъ,
Если объ этомъ не вѣдаешь краѣ? Но онъ не безславенъ
Между краями земными, народамъ земнымъ онъ извѣстенъ
Всѣмъ, какъ живущимъ къ востоку, гдѣ Эосъ и Геліосъ всходятъ,
Такъ и живущимъ на западъ, гдѣ область туманныя ночи;
Правда, гористъ и суровъ онъ, конямъ неприволенъ, но вовсе жъ
Онъ и не дикъ, не безплоденъ, хотя не широкъ и полями
Бѣденъ; онъ жатву сторицей даетъ и на немъ винограда
Много родится отъ частыхъ дождей и отъ росъ плодотворныхъ;
Пажитей много на немъ для быковъ и для козъ, и богатъ онъ
Лѣсомъ и множествомъ водъ, безущербно годъ цѣлый текущихъ.
Странникъ, конечно молва объ Итакѣ дошла и къ предѣламъ
Трои, лежащей, какъ слышно, далеко отъ края ахеянъ.
Кончила. Въ грудь Одиссея веселье отъ словъ сихъ проникло;
Радъ былъ услышать онъ имя отчизны изъ устъ свѣтлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Паллады Аѳины;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово богинѣ
(Правду однако онъ скрылъ отъ нея хитроумною рѣчью,
Въ сердцѣ своемъ осторожно о пользѣ своей помышляя):
Имя Итаки впервые услышалъ я въ Критѣ обширномъ,
За моремъ; нынѣ жъ и самъ я предѣловъ Итаки достигнулъ,
Много сокровищъ съ собою привезши и столько же дома
Дѣтямъ оставивъ; бѣжалъ я оттуда, убивъ Архилока,
Идоменеева милаго сына, который въ обширномъ
Критѣ мужей предпріимчивыхъ всѣхъ побѣждалъ быстротою

Ногъ; онъ хотѣлъ у меня всю добычу троянскую (столько
Злыхъ мнѣ тревогъ приключившую въ тѣ времена, какъ во многихъ
Браняхъ я былъ и среди бѣдоноснаго странствовалъ моря)
Силой отнять, послику его я отцу отка-
Въ Троѣ служить и своими людьми [зался предводилъ; но его я,
Шедшаго съ поля, съ товарищемъ подлѣ дороги укрывшись,
Мѣтко-направленнымъ мѣднымъ копьемъ умертвилъ изъ засады:
Темная ночь небеса покрывала тогда, никакой насъ
Видѣть не могъ человѣкъ; и не свѣдалъ никто, что убійца
Я; но, копьемъ мѣдноострымъ его умертвивъ, не замедлилъ
Я, къ кораблю финикійскихъ людей благородныхъ пришедши,
Ихъ убѣдить предложеньемъ даровъ, чтобъ, меня на корабль свой
Взявши и въ Пилосъ привезши, тамъ на берегъ дали мнѣ выйти,
Или въ Элиду, священную область эпеянъ, меня проводили;
Но береговъ ихъ достигнуть намъ не далъ враждующій вѣтеръ
Къ горю самихъ мореходцевъ, меня обмануть не хотѣвшихъ;
Сбившись съ дороги, сюда мы приплыли ночною порою;
Въ пристань на веслахъ ввели мы корабль и никто не помыслилъ,
Сколь ни стремило къ тому насъ желанье, объ ужинѣ; всѣ мы,
Вмѣстѣ сошедъ съ корабля, улеглися на брегѣ песчаномъ;
Въ это мгновенье въ глубокій я сонъ погрузился; они же,
Взявши пожитки мои съ корабля, ихъ сложили на землю
Тамъ, гдѣ заснувшій лежалъ на пескѣ я; потомъ, возвратяся
Всѣ на корабль, къ берегамъ многолюдной Сидоніи путь свой
Быстро направили. Я же остался одинъ, сокрушенный.

Кончилъ. Съ улыбкой Аѳина ему свѣтлоокая щеки
Нѣжной рукой потрепала, явившись прекрасною, съ станомъ
Стройно высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой.
Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила слово:
Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто споритъ съ тобою
Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодѣй, на коварныя выдумки дерзкій, не можешь,
Даже и въ землю свою возвратясь, оторваться отъ темной
Лжи и отъ словъ двоесмысленныхъ, смолода къ нимъ пріучившись;
Но объ этомъ теперь говорить безполезно; мы оба
Любимъ хитрить. На землѣ ты межъ смертными разумомъ первый
Также и сладкою рѣчью; я первая между безсмертныхъ
Мудрымъ умомъ и искусствомъ на хитрые вымыслы. Какъ же
Могъ не узнать ты Паллады Аѳины, тебя неизмѣнно
Въ тяжкихъ трудахъ подкрѣплявшей, хранившей въ напастяхъ, и нынѣ
Всѣмъ феакіянамъ сердце къ тебѣ на любовь преклонившей?
Знай же теперь: я пришла, чтобъ, съ тобой все разумно обдумавъ,
Къ мѣсту прибрать здѣсь все то, что отъ щедрыхъ людей феакійскихъ
Ты получилъ при отъѣздѣ моимъ благосклоннымъ внушеньемъ;
Также, чтобъ зналъ ты, какія судьба въ многославномъ жилищѣ
Царскомъ бѣды для тебя приготовила. Ты же мужайся;
Но берегись, чтобъ никто тамъ, ни мужъ, ни жена, не провѣдалъ
Тайны, что бѣдный скиталецъ—ты самъ, возвратившійся; молча
Всѣ оскорбленья сноси, наглецамъ уступая безъ гнѣва.

Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
Смертный, и самый разумный, съ тобою случайно, богиня,
Встрѣтясь, тебя не узнаетъ: во всѣхъ ты являешься видахъ.
Помню однако я, сколь ты бывала ко мнѣ благосклонна
Въ тѣ времена, какъ въ Троянской землѣ мы сражались, ахейцы.
Но когда, ниспровергнувши городъ Пріамовъ великій,
Мы къ кораблямъ возвратились, разгнѣванный богъ разлучилъ насъ.
Съ тѣхъ поръ съ тобой не встрѣчался я, Діева дочь; не примѣтилъ
Также, чтобъ ты, на корабль мой вступивши, меня отъ какого
Зла защитила. Съ разорваннымъ сердцемъ, безъ всякой защиты,
Странствовалъ я: наконецъ отъ напастей избавили боги.
Только въ странѣ плодоносной мужей феакійскихъ меня ты
Словомъ своимъ ободрила и въ городъ мнѣ путь указала.
Нынѣ жъ, колѣна объемля твои, умоляю Зевесомъ
(Я сомнѣваюсь, чтобъ былъ я въ Итакѣ; я въ землю иную
Прибылъ; ты, такъ говоря, безъ сомнѣнья испытывать шуткой
Хочешь мнѣ сердце; ты хочешь мой разумъ ввести въ заблужденье),
Правду скажи мнѣ, я подлинно ль милой отчизны достигнулъ?
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Въ сердцѣ моемъ благосклонность къ тебѣ сохранилася та же;
Мнѣ невозможно въ несчастьи покинуть тебя: ты пріемлешь
Ласково каждый совѣтъ, ты понятливъ, ты смѣлъ въ исполненьи;
Всякій, на чужѣ скитавшійся долго, достигнувъ отчизны,
Домъ свой, жену и дѣтей пламенѣетъ желаньемъ увидѣть;
Ты жъ, Одиссей, не спѣши узнавать, воздержись отъ разспросовъ;
Прежде ты долженъ жену испытать; неизмѣнная сердцемъ,
Дома она ожидаетъ тебя съ нетерпѣніемъ, тратя
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.
Я же сомнѣнія въ томъ никогда не имѣла—напротивъ
Знала, что, спутниковъ всѣхъ потерявъ, ты домой возвратишься;
Но неприлично мнѣ было вражду заводить съ Посидономъ,
Братомъ родителя Зевса, тобой оскорбленнымъ: ты сильно
Душу разгнѣвалъ его умерщвленіемъ милаго сына.
Но, чтобъ ты могъ мнѣ повѣрить, тебѣ я открою Итаку.
Здѣсь посвященная старцу морскому Форкинская пристань;
Въ самой вершинѣ залива широкосѣнистую видишь
Маслину; близко ея полутемный съ возвышеннымъ сводомъ
Гротъ, посвященный прекраснымъ, слывущимъ наядами, нимфамъ
(Самый тотъ хладный, въ утесѣ таящійся гротъ, гдѣ столь часто
Ты приносилъ экатомбы богатыя чистымъ наядамъ).
Вотъ и гора Неріонъ, покровенная лѣсомъ широкимъ.
Кончивъ, богиня туманъ раздѣлила; окрестность явилась;
Въ грудь Одиссея при видѣ такомъ пролилося веселье;
Бросился онъ цѣловать плододарную землю отчизны;
Руки поднявъ, обратился потомъ онъ съ молитвой къ наядамъ:
Нимфы наяды, Зевесовы дочери, я ужъ не думалъ
Здѣсь васъ увидѣть; теперь веселитесь моею веселой,
Нимфы, молитвой; и будутъ дары вамъ обычные, если
Дочь броненосная Зевса Аѳина и мнѣ благосклонно

Жизнь сохранить, и милаго сына спасетъ отъ напасти.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ;
Долженъ напротивъ сокровища въ нѣдрѣ пространнаго грота
Спрятать свои, чтобъ изъ нихъ ничего у тебя не пропало.
Послѣ, все дѣло обдумавъ, мы выберемъ то, что полезнѣй.
Кончивъ, богиня во внутренность грота вошла и рукою
Темные стѣнъ закоулки ощупала; сынъ же Лаэртовъ
Все, и нетлѣнную мѣдь, и богатыя платья, и злато,
Имъ отъ людей Феакійской земли полученныя, собралъ;
Въ гротѣ ихъ склавъ, передъ входомъ его положила огромный
Камень дочь Зевса эгидодержавца Паллада Аѳина.
Оба тогда, подъ широкосѣнистою маслиной сѣвши,
Стали обдумывать, какъ погубить женихов многобуйныхъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѳина сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Выдумай, какъ бы тебѣ женихов наказать беззаконныхъ,
Болѣ трехъ лѣтъ самовластно твоимъ обладающихъ домомъ,
Муча докучнымъ своимъ сватовствомъ Пенелопу; она же,
Сердцемъ въ разлукѣ съ тобою крушась, подаетъ имъ надежду
Всѣмъ, и каждому порознь себя обѣщаетъ, и вѣсти
Добрыя шлетъ къ нимъ, недоброе въ сердцѣ для нихъ замышляя,
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Горе! и мнѣ бъ, какъ царю Агамемнону сыну Атрея,
Жалостной гибели въ царскомъ жилищѣ моемъ не избѣгнуть,
Если бы во-время мнѣ ты всего не открыла богиня!
Дай мнѣ теперь наставленіе, какъ отомстить имъ; сама же
Мнѣ помоги и такую жъ даруй мнѣ отважность, какъ въ Троѣ,
Гдѣ мы разрушили свѣтлыя стѣны Пріамова града.
Стой за меня и теперь, какъ тогда, свѣтлоокая; смѣло
Выйти готовъ и на триста мужей я, хранимый твоею
Силой божественной, если ко мнѣ ты еще благосклонна.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Буду стоять за тебя и теперь я, не будешь оставленъ
Мной и тогда, какъ приступимъ мы къ дѣлу; и думаю скоро
Лоно земли безпредѣльной обрызжется кровью и мозгомъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконныхъ, твое достоянье губящихъ.
Прежде однако тебя превращу я, чтобъ не былъ никѣмъ ты
Узнанъ: наморщу блестящую кожу твою на могучихъ
Членахъ, сниму съ головы златотемные кудри, покрою
Рубищемъ бѣднымъ плеча, чтобъ глядѣлъ на тебя съ отвращеньемъ
Каждый и струпомъ глаза, столь прекрасные нынѣ, подерну;
Въ видѣ такомъ женихамъ ты, супругѣ и сыну (который
Дома тобой былъ оставленъ), неузнанный, будешь противенъ.
Прежде однако отсюда ты долженъ пойти къ свинопасу,
Главному здѣсь надъ стадами свиными смотрителю; вѣренъ
Онъ и тебѣ и разумной твоей Пенелопѣ и сыну;
Встрѣтишь его ты у стада свиней: близъ утеса Коракса,
Подлѣ ключа Аретузы лазоревой стадо пасется,
Жадно питаясь тамъ желудьми и водой занивая

Пищу, которая тушу свиную густымъ наливаетъ
Жиромъ; съ нимъ сидя, его обо всемъ ты подробно разспросишь.
Тою порою я въ женопрекрасный пойду Лакедемонъ
Вызвать къ тебѣ, Одиссей, твоего Телемака оттуда:
Онъ же въ широкораздинную Спарту пошелъ, чтобъ услышать
Вѣсть о тебѣ отъ Атрида, и, живъ ли еще ты, провѣдать.
Свѣтлой Аѳинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Вѣдая все, для чего же ему не сказала ты правды?
Странствуя, многимъ и онъ сокрушеньямъ подвергнуться можетъ
На морѣ бурномъ, во власти грабителей домъ свой оставивъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣ- [чала:
Много о томъ, Одиссей, ты трево- житься сердцемъ не долженъ.
Я проводила его, чтобъ людей посмотрѣлъ и межъ ними
Нажилъ великую славу; легко все окончивъ, теперь онъ
Въ домѣ Атреева сына сидитъ и роскошно пируетъ.
Правда, его женихи стерегутъ въ кораблѣ темногрудомъ,
Злую погибель готовя ему на возвратной дорогѣ;
Я имъ однако того не дозволю; и прежде могила
Многихъ изъ нихъ, разоряющихъ дерзостно домъ твой, поглотитъ.
Съ сими словами богиня къ нему прикоснулася тростью.
Разомъ на членахъ его, вдругъ изсохшее, сморщилось тѣло,
Спали съ его головы златотемные кудри, сухою
Кожею дряхлаго старца дрожанія кости покрылись,
Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпомъ,
Плечи одѣлись тряпицей, въ лохмотье разорваннымъ, старымъ
Рубищемъ, грязнымъ, совсѣмъ почернѣвшимъ отъ смраднаго дыма;
Сверхъ же одежды оленья широкая кожа повисла,
Голая, вовсе безъ шерсти; давъ посохъ ему и котомку,
Всю въ заплатахъ, висящую вмѣсто ремня на веревкѣ,
Съ нимъ разлучилась богиня; что дѣлать, его научивши,
Къ сыну его полетѣла она въ Лакедемонъ священный.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать пятый день.

Одиссей приходитъ къ Эвмею; позавтракавъ съ нимъ, онъ увѣряетъ стараго свинопаса, что господинъ его скоро возвратится и подтверждаетъ то клятвою; но Эвмей ему не вѣритъ. Одиссей разсказываетъ ему вымышленную о себѣ повѣсть. Ввечеру всѣ другіе пастухи возвращаются съ наствы. Эвмей убиваетъ откормленную свинью на ужинъ. Холодная ночь; Одиссей вымышленнымъ о себѣ разсказомъ побуждаетъ Эвмея дать ему теплую мантію на ночь. Всѣ засыпаютъ въ домѣ; одинъ Эвмей уходитъ наблюдать за стадомъ, оставленнымъ въ полѣ.

Тою порою изъ пристани вкруть по тропинкѣ нагорной
Лѣсомъ пошелъ онъ въ ту сторону, гдѣ, по сказанью Аѳины,
Жилъ свинопасъ богоравный, который усерднѣе прочихъ
Царскихъ рабовъ наблюдалъ за добромъ своего господина.
Онъ на дворѣ передъ домомъ въ то время сидѣлъ за работой;
Домъ же стоялъ на высокомъ, открытомъ и кругообзорномъ
Мѣстѣ, просторный, отвсюду обходный; его для свиныхъ тамъ
Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ Лаэртомъ,

Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ, изъ твердыхъ
Камней построилъ; ограда терновая стѣны вѣнчала;
Тынъ изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другаго
Въ землю вколоченныхъ кольевъ его окружалъ; на дворѣ же
Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось:
Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ, тамъ было
Заперто—матки однѣ для расплода; самцы же во внѣшнихъ
Спали закутахъ и въ меньшемъ числѣ: убавляли, пируя,
Ихъ женихи богоравные (самъ свинопасъ принужденъ былъ
Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно);
Триста ихъ тамъ шестьдесятъ боровов на-лицо оставалось;
Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,
Злобныя: самъ свинопасъ, повелитель мужей, для себя ихъ
Выкормилъ. Сидя тогда передъ домомъ, кроилъ онъ изъ крѣпкой
Кожи воловьей подошвы для ногъ; пастухи же другіе
Были въ отлучкѣ: на пажити съ стадомъ свиней находились
Трое, четвертый самимъ повелителемъ посланъ былъ въ городъ
Лучшую въ стадѣ свинью женихамъ необузданнымъ противъ
Воли отдать, чтобъ, зарѣзавъ ее, насладились ѣдою.
Вдругъ вдалекѣ Одиссея увидѣли злыя собаки;
Съ лаемъ онѣ на него побѣжали; къ землѣ осторожно,
Видя опасность, присѣлъ Одиссей, но изъ рукъ уронилъ онъ
Посохъ и жалкую гибель въ своемъ бы онъ встрѣтилъ владѣньи,
Если бы самъ свинопасъ, за собаками бросясь поспѣшно,
Выбѣжать, кинувъ работу свою, не успѣлъ изъ заграды:
Крикнувъ на бѣшеныхъ псовъ, чтобъ пугнуть ихъ, швырять онъ большими
Камнями началъ; потомъ онъ сказалъ, обратясь къ Одиссею:
Былъ бы, старикъ, ты разорванъ, когда бъ опоздалъ я минуту;
Тяжкимъ упрекомъ легло бъ мнѣ на сердце такое несчастье;
Мнѣ же и такъ ужъ довольно печалей безсмертные дали:
Здѣсь, о моемъ господинѣ божественномъ сѣтуя, долженъ
Я для незваныхъ гостей боровов Одиссеевыхъ жирныхъ
Прочить, тогда какъ, быть можетъ, онъ самъ безъ покрова, безъ пищи
Странствуетъ въ чуждыхъ земляхъ межъ народовъ инаго языка
(Если онъ только еще гдѣ сіяніемъ дня веселится).
Въ домъ мой послѣдуй за мною, старикъ; я тебя дружелюбно
Пищею тамъ угощу и виномъ; отдохнувши, ты скажешь,
Кто ты, откуда, какія бѣды и напасти гдѣ встрѣтилъ.
Кончилъ, и въ домъ съ Одиссеемъ вошелъ свинопасъ богоравный;
Тамъ онъ на кучу его посадилъ многолиственныхъ, свѣжихъ
Сучьевъ, недавно нарубленныхъ, прежде косматою кожей
Серны, на ней же онъ спалъ по ночамъ, ихъ покрывъ. Одиссею
Былъ по душѣ столь радушный пріемъ; онъ сказалъ свинопасу:
Зевса молю я и вѣчныхъ боговъ, чтобъ тебѣ ниспослали
Всякое благо за то, что меня ты такъ ласково принялъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Если бы, другъ, кто и хуже тебя посѣтилъ насъ, мы долгъ свой

Гостя почтить сохранили бы свято—Зевесъ къ намъ приводитъ
Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу угоденъ.
Слишкомъ же щедрыми быть намъ не можно, рабамъ, въ безпрестанномъ
Страхѣ живущимъ, понеже теперь господа молодые
Властвуютъ нами. Кроніонъ рѣшилъ, чтобъ лишенъ былъ возврата
Онъ, столь ко мнѣ благосклонный; меня бъ онъ устроилъ, мнѣ далъ бы
Поле, и домъ, и невѣсту съ богатымъ приданымъ, и, словомъ,
Все, что служителямъ вѣрнымъ давать господинъ благодушный
Долженъ, когда справедливые боги успѣхомъ усердье
Ихъ наградили, какъ здѣсь и меня за труды награждаютъ;
Такъ бы со мною здѣсь милостивъ былъ онъ, когда бъ могъ достигнуть
Старости дома; но нѣтъ ужъ его... о! зачѣмъ не Еленинъ
Родъ истребленъ! отъ нея сокрушились колѣна славнѣйшихъ
Нашихъ героевъ: и онъ за обиду Атрида съ другими
Въ Трою повелъ корабли раззорить Иліонъ многоконный.
Такъ говорилъ онъ и, поясомъ легкій хитонъ свой стянувши,
Къ той отдѣленной закутѣ пошелъ, гдѣ одни поросята
Заперты были; взявъ двухъ пожирнѣй, онъ обоихъ зарѣзалъ,
Ихъ опалилъ и на части разсѣкъ и, на вертелъ наткнувши
Части, изжарилъ ихъ; кончивъ, горячее мясо онъ подалъ
Гостю на вертелѣ, ячной мукою его пересыпавъ
Послѣ, медвянымъ виномъ деревянный наполнивши кубокъ,
Сѣлъ противъ гостя за столъ и, его приглашая къ обѣду:
Странникъ, сказалъ, не угодно ль тебѣ поросятины, нашей
Пищи убогой, отвѣдать—свиней же одни безпощадно
Жруть женихи, не страшась никакого за то наказанья;
Дѣлъ беззаконныхъ однако блаженные боги не любятъ:
Правда одна и благіе поступки людей имъ угодны;
Даже разбойники, злые губители, разныя земли
Грабить обыкшіе—многой добычей, имъ данной Зевесомъ,
Свой нагрузивши корабль и на немъ возвращаясь въ отчизну—
Страхъ наказанья великій въ душѣ сохраняютъ; они же
(Видно имъ бога какого пророческій слышался голосъ),
Вѣря, что гибель постигла его, ни свое, какъ прилично,
Весть сватовство не хотятъ, ни къ себѣ возвратиться не мыслятъ,
Въ домѣ напротивъ пируютъ его и безчинно все грабятъ;
Каждую Зевсову ночь тамъ и каждый, ниспосланный Зевсомъ,
День не одну и не двѣ мы свиньи на съѣденье имъ рѣжемъ;
Такъ же они и вино, неумѣренно пьянствуя, тратятъ.
Домъ же его несказанно богатъ былъ, никто изъ живущихъ
Здѣсь благородныхъ мужей—на твердынѣ ли чернаго Зама
Или въ Итакѣ—того не имѣлъ; получалъ онъ дохода
Болѣ, чѣмъ десять у насъ богачей; я сочту по порядку:
Стадъ криворогихъ быковъ до двѣнадцати было, овечьихъ
Также, и столько жъ свиныхъ, и не менѣе козьихъ (пасутъ ихъ
Здѣсь козоводы свои и наемные); также на разныхъ
Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козьихъ особыхъ
Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы;

Каждый изъ тѣхъ козоводовъ вседневно, чередъ наблюдая,
Въ городъ съ жирнѣйшей козою, межъ лучшими выбранной, ходитъ;
Такъ же вседневно и я, надъ стадами свиными здѣсь главный,
Лучшаго борова имъ на обѣдъ посылать приневоленъ.
Такъ говорилъ онъ, а гостѣ той порою ѣлъ мясо, усердно
Пилъ и молчалъ, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя.
Пищей божественной душу свою насладивши довольно,
Кубокъ онъ свой, изъ котораго самъ пилъ, хозяину подалъ
Полный вина—и его свинопасъ съ удовольствіемъ принялъ;
Гость же, къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
Другъ, разскажи о купившемъ тебя господинѣ, который
Былъ такъ несмѣтно богатъ, такъ могучъ, и потомъ, говоришь ты,
Въ Троѣ погибъ, за обиду отмщая Атридова сына;
Знать я желаю: не встрѣтился ль гдѣ онъ случайно со мною?
Зевсу и прочимъ безсмертнымъ извѣстно, могу ли въ свою вамъ
Очередь что про него разсказать—давно ужъ скитаюсь.
Такъ свинопасъ, повелитель мужей, отвѣчалъ Одиссею:
Старецъ, теперь никакой ужъ изъ странниковъ, много бродившихъ,
Радостной вѣстью объ немъ ни жены не обманетъ, ни сына.
Часто въ надеждѣ, что ихъ, угостивъ, одарятъ, здѣсь бродяги
Лгутъ, небылицы и басни о немъ вымышляя; и кто бы,
Странствуя въ разныхъ земляхъ, ни зашелъ къ намъ въ Итаку, ужъ вѣрно
Явится къ нашей царицѣ съ нелѣпою сказкой о мужѣ;
Ласково всѣхъ принимаетъ она и разсказы ихъ жадно
Слушаетъ всѣ, и съ рѣсницъ у внимающей падаютъ капли
Слезъ, какъ у всякой жены, у которой погибъ въ отдаленьи
Мужъ. Да и ты намъ, старикъ, небылицу разскажешь охотно,
Если хламиду тебѣ иль хитонъ за труды посулимъ мы.
Нѣтъ! ужъ конечно ему иль собаки иль хищныя птицы
Кожу съ костей оборвали—и съ тѣломъ душа разлучилась,
Или онъ рыбами съѣденъ морскими, иль кости на взморьѣ
Гдѣ-нибудь, въ зыбкомъ пескѣ глубоко погребенныя, тлѣютъ;
Такъ онъ погибъ, въ сокрушеньи великомъ оставивъ домашнихъ
Всѣхъ, наипаче меня; никогда, никогда не найти ужъ
Мнѣ господина столь добраго, гдѣ бы я ни жилъ, хотя бы
Снова по волѣ безсмертныхъ къ отцу былъ и къ матери милой,
Въ домъ приведенъ, гдѣ родился, гдѣ годы провелъ молодые.
Но не о томъ я крушуся, хотя и желалъ бы хоть разъ ихъ
Образъ увидѣть глазами, хоть разъ посѣтить ихъ въ отчизнѣ—
Нѣтъ, объ одномъ Одиссеѣ далекомъ я плачу; ахъ! добрый
Гость мой, его и далекаго здѣсь не могу называть я
Просто по имени (такъ онъ со мною былъ милостивъ); братомъ
Милымъ его я, хотя и въ разлукѣ мы съ нимъ, называю.
Царь Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
Если, не вѣря вѣстямъ, утверждаешь ты, другъ, что сюда онъ
Болѣ не будетъ и если ужъ такъ ты упоренъ разсудкомъ,
Я не скажу ничего; но лишь въ томъ, что навѣрное скоро
Къ вамъ Одиссей возвратится, дамъ клятву; а мнѣ ты заплатишь

Только тогда, какъ входящаго въ домъ свой его здѣсь увидишь:
Платье тогда подаришь мнѣ, хитонъ и хламиду; до тѣхъ поръ,
Сколь ни великую бѣдность терплю, ничего не приму я;
Мнѣ самому ненавистнѣй Аидовыхъ вратъ ненавистныхъ
Каждый обманщикъ, ко лжи приневоленный бѣдностью тяжкой;
Я же Зевесомъ владыкой, твоей гостелюбной трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Здѣсь, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я;
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой; и мщенье тогда совершится надъ каждымъ,
Кто Пенелопу и сына его дерзновенно обидѣлъ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Нѣтъ, ни за вѣсти свои ты отъ насъ не получишь награды,
Добрый мой гость, ни сюда Одиссей не придетъ; успокойся жъ,
Пей, и начнемъ говорить о другомъ; мнѣ и слышать объ этомъ
Тяжко; и сердце всегда обливается кровью, когда мнѣ
Кто здѣсь хоть словомъ напомнитъ о добромъ моемъ господинѣ.
Такъ же и клятвы давать не трудись; возвратится ли, нѣтъ ли
Къ намъ господинъ мой, какъ всѣ бы желали мы—я, Пенелопа,
Старецъ Лаэртъ и подобный богамъ Телемакъ—но о сынѣ
Болѣ теперь, чѣмъ о славномъ, родившемъ его Одиссеѣ,
Я сокрушаюсь: какъ вѣтвь молодая, воспитанъ богами
Былъ онъ; я мнилъ, что со временемъ, мужеской силы достигнувъ,
Будетъ подобно отцу онъ прекрасенъ и видомъ и станомъ—
Знать непріязненный демонъ какой иль враждующій смертный
Разумъ его помутилъ: чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ,
Въ Пилосъ божественный поплылъ онъ; здѣсь же, укрывшись въ засадѣ,
Ждутъ женихи, чтобъ, его умертвивъ на возвратной дорогѣ,
Въ немъ и потомство Аркезія все уничтожить въ Итакѣ.
Мы же однако оставимъ его—попадется ль имъ въ руки
Онъ, избѣжитъ ли ихъ козней, спасенный Зевесомъ—теперь ты
Мнѣ разскажи, что съ тобой и худого и добраго было
Въ свѣтѣ? Скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? На какомъ кораблѣ и какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Если бъ мы оба съ тобой запаслися на долгое время
Пищей и сладкимъ питьемъ, и глазъ на глазъ осталися двое
Здѣсь пировать на просторѣ, отправивъ другихъ на работу,
То и тогда, ежедневно разсказъ продолжая, едва ли
Въ годъ бы и кончилъ печальную повѣсть о многихъ напастяхъ,
Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ несказаннымъ по волѣ безсмертныхъ.
Славлюсь я быть уроженцемъ широкоравниннаго Крита;
Сынъ я богатаго мужа; и вмѣстѣ со мною другихъ онъ

Многихъ имѣлъ сыновей, имъ рожденныхъ и выросшихъ дома;
Были они отъ законной супруги; а я отъ рабыни,
Купленной имъ, родился, но въ семействѣ почтенъ, какъ законный
Сынъ, былъ отцомъ благороднымъ, Кастором Гилаксовымъ сыномъ;
Онъ же отъ всѣхъ обитателей Крита, какъ богъ, уважаемъ
Былъ за богатство, за власть и за доблесть сыновъ многославныхъ;
Но приносящія смерть, безпощадно-могучія Керы
Въ область Аида его увели; сыновья же, богатства
Всѣ раздѣливъ межъ собою по жеребью, дали мнѣ самый
Малый участокъ, и домъ небольшой для житья; за меня же
Вышла богатыхъ родителей дочь; предпочтенъ былъ другимъ я
Всѣмъ женихамъ за великую доблесть; на многое годный,
Былъ я въ дѣлѣ военномъ не робокъ... но все миновалось;
Я лишь солома теперь, по соломѣ однако и прежній
Колосъ легко распознаешь ты; нынѣ жъ я бѣдный бродяга.
Съ мужествомъ бодрымъ Арей и богиня Аѳина вселили
Мнѣ боелюбіе въ сердце; не разъ выходилъ я, созвавши
Самыхъ отважнѣйшихъ, противъ враговъ злонамѣренныхъ въ битву;
Мыслью о смерти мое никогда не тревожилось сердце;
Первый напротивъ всегда выбѣгалъ я съ копьемъ, чтобъ настигнуть
Въ полѣ противника, мнѣ уступавшаго ногъ быстротою;
Смѣлый въ бою, полевого труда не любилъ я, ни тихой
Жизни домашней, гдѣ милымъ мы дѣтямъ даемъ воспитанье;
Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;
Бой и крылатыя стрѣлы и мѣдноблестящія копья,
Грозныя, въ трепетъ великій и въ страхъ приводящія многихъ,
Были по сердцу мнѣ — боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ сердце:
Люди несходны, тѣ любятъ одно, а другіе другое.
Прежде, чѣмъ въ Трою пошло броненосное племя ахеянъ,
Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной
Противъ людей иноземныхъ ходилъ — и была намъ удача;
Лучшее бралъ я себѣ изъ добычъ, и по жеребью также
Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,
Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита; когда же
Грозно гремящій Зевесъ учредилъ роковой для ахеянъ
Путь, сокрушившій колѣна столь многихъ мужей знаменитыхъ,
Съ Идоменеемъ, царемъ многославнымъ, отъ критянъ былъ избранъ
Я съ кораблями идти къ Иліону; и было отречься
Намъ невозможно: мы властью народа окованы были.
Девять тамъ лѣтъ воевали упорно мы, чада ахеянъ;
Но на десятый, когда, ниспровергнувъ Пріамовъ великій
Градъ, мы къ своимъ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ.
Мнѣ злополучному бѣдствія многія Зевсъ приготовилъ.
Цѣлый мѣсяцъ провелъ я съ дѣтьми и съ женою въ семейномъ
Домѣ, великимъ богатствомъ моимъ веселясь; напослѣдокъ
Сильно въ Египетъ меня устремило желаніе; выбравъ
Смѣлыхъ товарищей, я корабли изготовилъ; ихъ девять
Тамъ мы оснастили новыхъ; когда жъ въ корабли собрались

Бодрые спутники, цѣлыхъ шесть дней до отплытія всѣ мы
Тамъ пировали; я много зарѣзалъ быковъ и барановъ
Въ жертву богамъ, на роскошное людямъ моимъ угощенье;
Но на седьмой день, покинувши Критъ, мы въ открытое море
Вышли, и съ быстропопутнымъ, пронзительнохладнымъ Бореемъ
Плыли, какъ будто по стремю, легко; и ничѣмъ ни одинъ нашъ
Не былъ корабль поврежденъ; насъ здоровыхъ, веселыхъ и бодрыхъ
По морю мчали они, повинуясь кормилу и вѣтру.
Дней черезъ пять мы къ водамъ свѣтлоструйнымъ потока Египта
Прибыли: въ лонѣ потока легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя, жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтныхъ,
Звѣрски мужей убивая — тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ, отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я благовременно былъ вразумленъ всемогущимъ Зевесомъ.
(О! для чего избѣжалъ я судьбины и вѣрной не встрѣтилъ
Смерти въ Египтѣ! мнѣ злѣе бѣды приготовилъ Кроніонъ)
Снявъ съ головы драгоцѣнно-украшенный, кожаный шлемъ мой,
Щитъ мой сложивши съ плеча и копье мѣдноострое бросивъ,
Я подбѣжалъ къ колесницѣ царя и съ молитвой колѣна
Обнялъ его; онъ меня не отвергнулъ; но, сжалясь, съ нимъ рядомъ
Сѣсть въ колесницу велѣлъ мнѣ, лію-щему слезы, и въ домъ свой
Царской со мной удалился — а съ копьями слѣдомъ за нами
Много бѣжало ихъ, смертію мнѣ угрожавшихъ; избавленъ
Былъ я отъ смерти царемъ — онъ во гнѣвъ привести гостелюбца
Зевса, карателя строгаго дѣлъ злочестивыхъ, страшился.
Цѣлыхъ семь лѣтъ я провелъ въ сторонѣ той и много богатства
Всякаго собралъ: египтяне щедро меня одарили;
Годъ напослѣдокъ осьмой приведенъ былъ временъ обращеньемъ;
Прибылъ въ Египетъ тогда финикіецъ, обманщикъ коварный,
Злой кознодѣй, отъ котораго много людей пострадало;
Онъ, увлекательной рѣчью меня обольстивъ, Финикію,
Гдѣ и помѣстье и домъ онъ имѣлъ, убѣдилъ посѣтить съ нимъ:
Тамъ я гостилъ у него до скончанія года. Когда же
Дни протекли, миновалися мѣсяцы, полнаго года
Кругъ совершился и Оры весну привели молодую,
Въ Ливію съ нимъ въ кораблѣ, облетателѣ моря, меня онъ
Плыть пригласилъ, говоря, что товаръ свой тамъ выгодно сбудемъ;

Самъ же, напротивъ, меня, не товаръ нашъ,
продать тамъ замыслилъ;
Съ нимъ и поѣхалъ я, противъ желанья,
добра не предвидя.
Мы съ благосклонно-попутнымъ, пронзи-
тельнохладнымъ Бореемъ
Плыли; ужъ Критъ былъ за нами... но
Дій намъ готовилъ погибель;
Островъ изъ нашихъ очей въ отдаленьи
пропалъ, и исчезла
Всюду земля, и лишь небо, съ водами
сліянное, зрѣлось;
Богъ громовержецъ Кроніонъ тяжелую тем-
ную тучу
Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ
и подъ нимъ потемнѣло
Море; и вдругъ, заблиставъ, онъ съ не-
бесъ на корабль громовую
Бросилъ стрѣлу; закружилось, пронзенное
судно и дымомъ
Сѣрнымъ его обхватило; всѣ разомъ то-
варищи были
Сброшены въ воду и всѣ, какъ ворбны
морскія разсѣясь,
Въ шумной исчезли пучинѣ — возврата
лишилъ ихъ Кроніонъ
Всѣхъ; лишь объятаго горемъ великимъ
меня надоумилъ
Въ-время онъ корабля остроносаго мачту
руками
Въ бурной тревогѣ схватить, чтобъ по-
гибели вѣрной избѣгнуть;
Вѣтрамъ губящимъ во власть отдался я,
привязанный къ мачтѣ.
Девять носившися дней по волнамъ, на
десятый съ наставшей
Ночью ко брегу эеспротовъ высокобѣгу-
щей волною
Былъ принесенъ я; Федонъ, благомысля-
щій царь ихъ, безъ платы
Долго меня у себя угощалъ, поелику я
милымъ
Сыномъ его былъ, терзаемый голодомъ,
встрѣченъ и въ царскій
Домъ приведенъ: на его я, некуда мы
шли, опирался
Руку; когда же пришли мы, онъ далъ
мнѣ хитонъ и хламиду.
Тамъ я впервые узналъ о судьбѣ Одиссея;
сказалъ мнѣ
Царь, что гостилъ у него онъ, въ отчизну
свою возвращаясь;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей,
показалъ онъ:
Золото, мѣдь и желѣзную утварь чудес-
ной работы;
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ до-
станется много—
Столько сокровищъ царю Одиссей въ со-
храненье оставилъ;
Самъ же ушелъ, мнѣ сказали, въ Додону
затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ
тамъ,
Какъ, по отсутствіи долгомъ—открыто ли,
тайно ли—въ землю
Тучной Итаки ему возвратиться удобнѣе
будетъ?
Мнѣ самому, совершивъ возліяніе въ домѣ,
поклялся
Царь, что и быстрый корабль ужъ устроенъ
и собраны люди
Въ милую землю отцовъ проводить Одис-
сея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль
приготовленъ
Былъ для эеспротовъ, въ Дулихій, бога-
тый пшеницею, шедшихъ;
Онъ повелѣлъ, чтобъ къ Ликасту царю
безопасно я ими
Былъ отвезенъ. Но они злонамѣреннымъ
сердцемъ иное
Дѣло замыслили, въ бѣдствіе ввергнуть
меня сговорившись.
Только отъ брега эеспротовъ корабль ото-
шелъ мореходный,
Часъ наступилъ, мнѣ назначенный ими
для жалкаго рабства.
Силой сорвавши съ меня и хитонъ, и
хламиду, они мнѣ
Вмѣсто ихъ бѣдное рубище дали съ не-
чистой рубашкой,
Въ жалкихъ лохмотьяхъ, какъ можешь
своими глазами ты видѣть.
Вечеромъ прибыли мы къ берегамъ много-
горной Итаки.

Тутъ съ корабля крѣпкозданнаго — прежде веревкою, плотно
Свитою, руки и ноги связавъ мнѣ—всѣ на берегъ вмѣстѣ
Вышли, чтобъ, сѣвъ на зыбучемъ пескѣ, тамъ поужинать сладко.
Я же отъ тягостныхъ узъ былъ самими богами избавленъ.
Голову платьемъ, изорваннымъ въ тряпки, свою обернувши,
Бережно съ судна я къ морю, скользя по кормилу, спустился;
Бросясь въ него, я поспѣшно, обѣими правя руками,
Поплылъ и силы свои напрягалъ, чтобъ скорѣе изъ глазъ ихъ
Скрыться; въ кустарникѣ, густо покрытомъ цвѣтами, лежалъ я,
Клубомъ свернувшись; они жъ въ безполезномъ исканіи съ крикомъ
Бѣгали мимо меня; напослѣдокъ, нашедъ неудобнымъ
Долѣ напрасно бродить, возвратились назадъ и, собравшись
Всѣ на корабль свой, пустилися въ путь; такъ самими богами
Былъ я спасенъ, и они же меня проводили въ жилище
Многоразумнаго мужа: еще не судьба умереть мнѣ.
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Бѣдный скиталецъ, все сердце мое возмутилъ ты разсказомъ
Многихъ твоихъ приключеній, печалей и странствій далекихъ.
Только одно не въ порядкѣ: зачѣмъ о царѣ Одиссеѣ
Ты помянулъ? И зачѣмъ такъ на старости лѣтъ безполезно
На вѣтеръ лжешь? По несчастью, я слишкомъ увѣренъ, что мнѣ ужъ
Здѣсь не видать моего господина; жестоко богами
Былъ онъ преслѣдуемъ; если бъ онъ въ Троѣ погибъ на сраженьи,
Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь скончался,
Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ ахейскимъ народомъ,
Сыну бъ великую славу на всѣ времена онъ оставилъ...
Нынѣ же гарпіи взяли его и безвѣстно пропалъ онъ.
Я же при стадѣ живу здѣсь печальнымъ пустынникомъ; въ городъ
Къ нимъ не хожу я, какъ развѣ когда Пенелопой бываю
Призванъ, чтобъ вѣсть отъ какого пришельца услышать; они же
Гостя вопросами жадно, усѣвшись кругомъ, осыпаютъ
Всѣ—какъ и тѣ, кто о немъ, о возлюбленномъ искренно плачутъ,
Такъ и всѣ тѣ, кто его здѣсь имущество грабятъ безъ платы.
Я жъ не терплю ни вѣстей, ни разсироссовъ о немъ безполезныхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ былъ здѣсь обманутъ бродягой этольскимъ, который,
Казни страшась за убійство, повсюду скитался, и въ домъ мой
Случаемъ былъ заведенъ; я его съ уваженіемъ принялъ;
«Видѣлъ я въ Критѣ, въ царевомъ дворцѣ Одиссея, сказалъ онъ;
«Тамъ исправлялъ онъ свои корабли, но- терпѣвшіе въ бурю.
«Лѣтомъ иль осенью (такъ говорилъ Одиссей мнѣ), въ Итаку,
«Я и товарищи будемъ съ несмѣтнымъ богатствомъ».
Ты же, старикъ, испытавшій столь много, намъ посланный Діемъ,
Баснею мнѣ угодить иль меня успокоить не думай;
Мной не за это уваженъ, не тѣмъ мнѣ любезенъ ты будешь—
Нѣтъ! я Зевеса страшусь гостелюбца и самъ ты мнѣ жалокъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Подлинно, слишкомъ ужъ ты недовѣрчивъ, мой добрый хозяинъ,
Если и клятва моя не вселяетъ въ тебя убѣжденья;

Можемъ однако мы сдѣлать съ тобой уговоръ, и пускай намъ
Будутъ обоимъ поруками боги, владыки Олимпа:
Если домой возвратится, какъ я говорю, господинъ твой—
Давъ мнѣ хитонъ и хламиду, меня ты въ Дулихій, который
Сердцемъ такъ жажду увидѣть, отсюда отправишь; когда же
Мнѣ вопреки господинъ твой домой не воротится—всѣхъ ты
Слугъ соберешь и съ утеса низвергнешь меня, чтобъ впередъ вамъ
Басень нелѣпыхъ не смѣли разсказывать здѣсь побродяги.
Страннику такъ, отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Другъ, похвалу бъ повсемѣстную, имя бы славное нажилъ
Я межъ людьми и теперь и въ грядущее время, когда бы,
Въ домъ свой принявши тебя и тебя угостивъ, какъ прилично,
Жизнь дорогую твою беззаконнымъ убійствомъ похитилъ;
Съ сердцемъ веселымъ Кроніону могъ бы тогда я молиться.
Время однако намъ ужинать; скоро воротятся люди
Съ паствы — тогда и желанную вечерю здѣсь мы устроимъ.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Скоро съ стадами своими пришли пастухи свиноводы;
Стали свиней на ночлегъ ихъ они загонять, и съ ужаснымъ
Визгомъ и хрюканьемъ свиньи, спираясь, ломились въ закуты.
Тутъ пастухамъ подчиненнымъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Лучшую выбрать свинью, чтобъ, зарѣзавъ ее, дорогаго
Гостя попотчивать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою;
Много тяжелыхъ заботъ намъ отъ нашихъ свиней свѣтлозубыхъ;
Плодъ же тяжелыхъ заботъ пожираютъ безъ платы другіе.
Такъ говоря, топоромъ разрубалъ онъ большія полѣна;
Тѣ же, свинью пятилѣтнюю, жирную взявъ и вогнавши
Въ горницу, съ ней подошли къ очагу: свинопасъ богоравный
(Сердцемъ онъ набоженъ былъ) напередъ о безсмертныхъ подумалъ;
Шерсти щепотку сорвавъ съ головы у свиньи свѣтлозубой,
Бросилъ ее онъ въ огонь; и потомъ, всѣхъ боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Тутъ онъ ударилъ свинью сбереженнымъ отъ рубки полѣномъ;
Замертво пала она, и ее опалили, дорѣзавъ,
Тотчасъ другіе, разсѣкли на части и первый изъ каждой
Части кусокъ, отложенный на жиръ для боговъ, былъ Эвмеемъ
Брошенъ въ огонь, пересыпанный ячной мукой; остальныя жъ
Части, на острые вертелы вздѣвъ, на огнѣ осторожно
Начали жарить, дожаривъ же, съ вертеловъ сняли и кучей
Все на подносныя доски сложили. И поровну началъ
Пищею всѣхъ одѣлять свинопасъ: онъ приличіе вѣдалъ.
На семь частей предложенное все раздѣливъ, онъ назначилъ
Первую нимфамъ, и Эрмію, Маину сыну, вторую;
Прочія жъ каждому, какъ кто сидѣлъ, наблюдая порядокъ,
Роздалъ, но лучшей, хребтовою частью свиньи острозубой
Гостя почтилъ; и вниманьемъ такимъ несказанно довольный,
Голосъ возвысивъ, сказалъ Одиссей хитроумный: да будетъ
Столь же, Эвмей, и къ тебѣ многомилостивъ вѣчный Кроніонъ,
Сколь ты ко мнѣ, сиротѣ старику, былъ привѣтливъ и ласковъ.

Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Ѣшь на здоровье, таинственный гость мой, и нашимъ доволенъ
Будь угощеньемъ; одно намъ даруетъ, другаго лишаетъ
Насъ своенравный въ даяньяхъ Кроніонъ; ему все возможно.
Съ сими словами онъ, первый кусокъ отдѣливши безсмертнымъ
Въ жертву, пурпурнымъ наполненный кубокъ виномъ Одиссею,
Градорушителю подалъ; тотъ сѣлъ за приборъ свой; и мягкихъ
Хлѣбовъ принесъ имъ Мезавлій, который въ то время, какъ въ Троѣ
Царь Одиссей находился, самимъ свинопасомъ изъ денегъ
Собственныхъ былъ, безъ согласья царицы, безъ спроса съ Лаэртомъ,
Купленъ, для разныхъ прислугъ, у тафійскихъ купцовъ мореходныхъ.
Подняли руки они къ приготовленной лакомой пищѣ.
Послѣ жъ, когда насладились довольно питьемъ и ѣдою,
Хлѣбъ со стола былъ проворнымъ Мезавліемъ снятъ; а другіе,
Сытые хлѣбомъ и мясомъ, на ложе ко сну обратились.
Мрачно-безлунна была наступившая ночь, и Зевесовъ
Ливень холодный шумѣлъ и Зефиръ бушевалъ дожденосный.
Началъ тогда говорить Одиссей (онъ хотѣлъ, чтобъ хозяинъ
Далъ ему мантію, или свою, иль съ кого изъ другихъ имъ
Снятую; ибо о немъ онъ съ великимъ радушіемъ пекся):
Слушай, Эвмей, и послушайте всѣ вы: хочу передъ вами
Дѣломъ однимъ я похвастать—вино мнѣ языкъ развязало;
Сила вина несказанна: оно и умнѣйшаго громко
Пѣть и безмѣрно смѣяться и даже плясать заставляетъ;
Часто внушаетъ и слово такое, которое лучше бъ
Было сберечь про себя. Но я началъ, и долженъ докончить.
О! для чего я не молодъ, какъ прежде, и той не имѣю
Силы, какъ въ Троѣ, когда мы однажды сидѣли въ засадѣ!
Были Атридъ Менелай съ Одиссеемъ вождями; и съ ними
Третій начальствовалъ я, къ нимъ приставшій по ихъ приглашенью;
Къ твердовысокимъ стѣнамъ многославнаго града пришедши,
Всѣ мы отъ нихъ недалеко въ кустарникѣ, сросшемся густо,
Между болотной осоки, щитами покрывшись, лежали
Тихо. Была непріязненна ночь, прилетѣлъ полуночный
Вѣтеръ съ морозомъ и сыпался шумно-холодной метелью
Снѣгъ, и щиты хрусталемъ отъ мороза, подернулись тонкимъ.
Теплыя мантіи были у всѣхъ и хитоны; и спали,
Ими одѣвшись, спокойно они подъ своими щитами;
Я жъ, безразсудный, товарищу мантію отдалъ, собравшись
Въ путь, не подумавъ, что ночью дрожать отъ мороза придется;
Взялъ со щитомъ я лишь поясъ одинъ мой блестящій; когда же
Треть совершилася ночи и звѣзды склонилися съ неба,
Такъ я сказалъ Одиссею, со мною лежавшему рядомъ,
Локтемъ его подтолкнувъ (во мгновенье онъ понялъ, въ чемъ дѣло):
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Смертная стужа; порывистый вѣтеръ и снѣгъ хладоносный
Мнѣ нестерпимы; я мантію бросилъ; хитонъ лишь злой демонъ
Взять надоумилъ меня; никакого нѣтъ средства согрѣться.

Такъ я сказалъ. И недолго онъ думалъ, что дѣлать: онъ первый
Былъ завсегда и на умный совѣтъ и на храброе дѣло.
Шопотомъ на ухо мнѣ отвѣчалъ онъ: молчи, чтобъ не могъ насъ
Кто изъ ахеянъ товарищей нашихъ, здѣсь спящихъ, подслушать.
Такъ отвѣчавъ мнѣ, привсталъ онъ и, голову локтемъ подперши,
Братья, сказалъ: мнѣ приснился божественный сонъ; мы далёко,
Слишкомъ далёко отъ нашихъ зашли кораблей; не пойдетъ ли
Кто къ Агамемнону, пастырю многихъ народовъ, Атриду,
Съ просьбой, чтобъ въ помощь людей намъ прислать съ кораблей не замедлилъ.
Такъ онъ сказалъ. Поднялся, пробудившись, Ѳаосъ Андремонидъ;
Сбросивъ для легкости съ плечъ пурпуровую мантію, быстро
Онъ побѣжалъ къ кораблямъ; я жъ, оставленнымъ платьемъ одѣвшись,
Сладко проспалъ до явленія златопрестольной денницы.
О! для чего я не молодъ, не силенъ, какъ въ прежніе годы!
Вѣрно тогда бы и мантію дали твои свинопасы
Мнѣ—изъ пріязни ль, могучаго ль мужа во мнѣ уважая.
Нынѣ жъ кто хилаго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ уважитъ?
Страннику такъ отвѣчалъ ты, Эвмей свинопасъ богоравный:
Подлинно чудною повѣстью насъ ты, мой гость, позабавилъ;
Нѣтъ ничего неприличнаго въ ней и на пользу разсказъ твой
Будетъ: ни въ платьѣ ты здѣсь и ни въ чемъ, для молящаго, много
Бѣдъ испытавшаго странника нужномъ, отказа не встрѣтишь;
Завтра однако въ свое ты одѣнешься рубище снова;
Мантій у насъ здѣсь запасныхъ не водится, мы не богаты
Платьемъ; у каждаго только одно: онъ его до износа
Съ плечъ не скидаетъ. Когда же возлюбленный сынъ Одиссеевъ
Будетъ домой, онъ и мантію дастъ и хитонъ, чтобъ одѣться
Могъ ты, и въ сердцемъ желанную землю имъ будешь отправленъ.
Кончивъ, онъ всталъ и, пошедъ, близъ огня приготовилъ постелю
Гостю, накрывши овчиной ее и косматою козьей
Шкурою; легъ Одиссей на постель; на него онъ набросилъ
Теплую, толсто-сотканную мантію, ею жъ во время
Зимней, бушующей дико метели онъ самъ одѣвался;
Сладко на ложѣ своемъ отдыхалъ Одиссей; и другіе
Всѣ пастухи улеглися кругомъ. Но Эвмей, разлучиться
Съ стадомъ свиней опасаясь, не легъ, не заснулъ; онъ, поспѣшно
Взявши оружіе, въ поле идти изготовился. Видя,
Какъ онъ ему и далекому вѣренъ, въ душѣ веселился
Тѣмъ Одиссей. Свинопасъ же, на крѣпкія плечи повѣсивъ
Мечъ свой, одѣлся косматой, отъ вѣтра защитной, широкой
Мантіей, голову шкурой козы длинношерстною окуталъ,
Послѣ копье на собакъ и на встрѣчу съ ночнымъ побродягой
Взялъ и въ то мѣсто пошелъ ночевать, гдѣ клычистыя свиньи
Спали подъ сводомъ скалы, недоступнымъ дыханью Борея.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать пятый и тридцать шестой день. Утро тридцать седьмого.

Аѳина, явясь во снѣ Телемаку, побуждаетъ его возвратиться въ отечество. Одаренный

щедро Менелаемъ и Еленою, онъ покидаетъ вмѣстѣ съ Пизистратомъ Лакедемонъ. Ночлегъ у Діоклеса. На другой день, миновавъ Пилосъ, Телемакъ садится на корабль, беретъ съ собою Ѳеоклимена и пускается въ море. Тѣмъ временемъ Одиссей объявляетъ Эвмею, что онъ намѣренъ идти въ городъ просить подаянія и вступить въ службу къ женихамъ. Эвмей его удерживаетъ у себя и совѣтуетъ ему дождаться возвращенія Телемакова. По просьбѣ Одиссея онъ разсказываетъ ему о его отцѣ и о его матери, наконецъ и о томъ, что съ нимъ самимъ въ жизни случалось. Телемакъ, прибывши рано по утру къ берегамъ Итаки, посылаетъ корабль свой въ городъ, а самъ идетъ къ Эвмею.

Тою порой въ Лакедѣмонъ широкоравнинный достигла
Зевсова дочь, чтобъ Лаэртова внука, ему объ Итакѣ
Милой напомня, понудить скорѣй возвратиться въ отцовскій
Домъ; и она тамъ нашла Телемака съ возлюбленнымъ сыномъ
Нестора, спящихъ въ стѣнахъ Менелаева славнаго дома.
Сладостнымъ сномъ побѣжденный, лежалъ Пизистратъ неподвижно.
Полонъ тревоги былъ сонъ Одиссеева сына: во мракѣ
Ночи божественной онъ объ отцѣ помышлялъ и крушился.
Близко къ нему подошедши, богиня Аѳина сказала:
Сынъ Одиссеевъ, напрасно такъ долго въ чужой сторонѣ ты
Медлишь, наслѣдье отца благороднаго бросивъ на жертву
Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно; расхитятъ
Все, и безъ пользы останется путь, совершенный тобою.
Встань; пусть немедля отъѣздъ Менелай, вызыватель въ сраженье,
Вамъ учредитъ, чтобъ еще безъ порока застать Пенелопу
Могъ ты: ее и отецъ ужъ и братья вступить понуждаютъ
Въ бракъ съ Эвримахомъ; числомъ и богатствомъ подарковъ онъ прочихъ
Всѣхъ жениховъ превзошелъ, и приноситъ дары безпрестанно.
Могутъ легко и твое тамъ похитить добро: ты довольно
Знаешь, какъ женщина сердцемъ измѣнчива: въ новый вступая
Бракъ, лишь для новаго мужа она помышляетъ устроить
Домъ, но о дѣтяхъ отъ перваго брака, о прежнемъ умершемъ
Мужѣ не думаетъ, даже и словомъ его не помянетъ.
Въ домъ возвратися, тамъ все, что твое, поручи особливо
Самой надежной изъ вашихъ рабынь, чтобъ хранила, покуда
Боги тебѣ самому не укажутъ достойной супруги.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Выбравъ отважнѣйшихъ въ шайкѣ своей, женихи имъ велѣли,
Между Итакой и Замомъ крутымъ притаяся въ засадѣ,
Злую погибель тебѣ на возвратномъ пути приготовить.
Я же того не дозволю; и прежде могила поглотитъ
Многихъ изъ нихъ, беззаконно твое достоянье губящихъ;
Ты жъ, съ кораблемъ отъ обоихъ держась острововъ въ отдаленьи,
Мимо ихъ ночью пройди; благовѣющій вѣтеръ попутный
Богъ благосклонный, тебя берегущій, пошлетъ за тобою.
Но, подошедъ къ каменистовысокому брегу Итаки,
Въ городъ со всѣми людьми отпусти свой корабль быстроходный:
Самъ же останься на брегѣ и послѣ поди къ свинопасу,
Главному тамъ надъ свиными стадами смотрителю; вѣрный
Твой онъ слуга; у него ты ночуешь; его же съ извѣстьемъ
Въ городъ пошлешь къ Пенелопѣ разумной, дабы объявилъ ей

Онъ, что въ отчизну изъ Пилоса ты невредимъ возвратился.
Кончивъ, богиня Паллада на свѣтлый Олимпъ возвратилась.
Тутъ отъ покойнаго сна пробудилъ Телемакъ Пизистрата,
Пяткой толкнувши его и сказавши ему: пробудися,
Несторовъ сынъ Пизистратъ; и коней громозвучнокопытныхъ
Въ нашу скорѣе впряги колесницу; въ дорогу пора намъ.
Несторовъ сынъ благородный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
Сынъ Одиссеевъ, хотя и спѣшишь ты отъѣздомъ, но въ путь намъ
Темною ночью пускаться не должно; разсвѣтъ недалеко.
Должно притомъ подождать, чтобъ Атридъ благородный, метатель
Славный копья, Менелай, положивъ въ колесницу подарки
Мнѣ и тебѣ, отпустилъ насъ съ прощальнымъ привѣтливымъ словомъ:
Сладостно гостю, простившись съ хозяиномъ дома, о нѣжной
Ласкѣ, съ какою онъ былъ угощенъ, вспоминать ежедневно.
Такъ онъ сказалъ. Возсіяла съ небесъ златотронная Эосъ.
Къ нимъ тутъ пришелъ Менелай, вызыватель въ сраженье, поднявшись
Съ ложа отъ свѣтлокудрявой супруги, прекрасной Елены.
Сынъ Одиссеевъ, его подходящаго видя, поспѣшно
Тѣло блестящее чистымъ хитономъ облекъ и широкой
Мантіей крѣпкія плечи, герой многославный, украсилъ;
Встрѣтивъ въ дверяхъ Менелая и ставши съ нимъ рядомъ, сказалъ онъ,
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ Телемакъ благородный:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Въ милую землю отцовъ мнѣ теперь возвратиться позволь ты;
Сердце мое несказанно по домѣ семейномъ тоскуетъ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Менелай, вызыватель въ сраженье:
Сынъ Одиссеевъ, тебя здѣсь удерживать болѣ не буду,
Если такъ сильно домой ты желаешь. И самъ не одобрю
Я гостелюбца, который безмѣрною лаской безмѣрно
Людямъ скучаетъ: во всемъ наблюдать намъ умѣренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотѣлъ бы остаться,
Нудимъ въ дорогу, а гостя, въ дорогу спѣшащаго, держимъ:
Будь съ остающимся ласковъ, привѣтно простись съ уходящимъ.
Но подожди, Телемакъ, чтобъ въ твою колесницу подаркп
Я уложилъ, ихъ тебѣ показавъ, и чтобъ также рабынѣ
Сытный вамъ завтракъ велѣлъ на отъѣздъ во дворцѣ приготовить:
Честь, похвала и услада хозяину, если гостей онъ,
Ѣдущихъ въ дальную землю, насыщенныхъ въ путь отпускаетъ.
Если жъ ты хочешь Аргосъ посѣтить и объѣхать Элладу—
Самъ я тебѣ проводникъ; дай коней лишь запрячь въ колесницу;
Многихъ людей города покажу я; никто не откажетъ
Намъ въ угощеньи, вездѣ и подарокъ обычный получимъ:
Иль дорогой мѣднолитный треножникъ, иль чашу, иль крѣпкихъ
Муловъ чету, иль сосудъ золотой двоеручный. Атриду
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Царь многославный, Атридъ, богоизбранный пастырь народовъ,
Должно прямымъ мнѣ скорѣй возвратиться путемъ—безъ надзора
Домъ и богатства мои, отправляяся въ путь, я оставилъ;

Можетъ, пока за отцомъ я божественнымъ буду скитаться,
Тамъ приключится бѣда, иль похитится что дорогое.
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, при этомъ отвѣтѣ,
Тотчасъ Еленѣ, супругѣ своей, и домашнимъ рабынямъ
Завтракъ велѣлъ для гостей на отъѣздъ во дворцѣ приготовить.
Близко къ Атриду тогда подошелъ Этеонъ, сынъ Воэтовъ,
Только что вставшій съ постели: онъ жилъ отъ царя недалеко.
Царь повелѣлъ Этеону огонь разложить и немедля
Мяса изжарить: и тотъ повелѣнье съ покорностью принялъ.
Самъ же въ чертогъ кладовой благовонный сошелъ по ступенямъ
Царь, не одинъ, но съ Еленой и съ сыномъ своимъ Мегапендомъ;
Вшедъ въ благовонный чертогъ кладовой, гдѣ хранились богатства,
Выбралъ Атридъ тамъ двуярусный кубокъ, потомъ Мегапенду
Сыну кратеру велѣлъ сребролитную взять; а Елена
Къ тѣмъ подошла запертымъ на замокъ сундукамъ, гдѣ лежало
Множество пестрыхъ, узорчатыхъ платьевъ ея рукодѣлья.
Стала Елена, богиня межъ смертными, пестрыя платья
Всѣ разбирать, и шитьемъ богатѣйшее, блескомъ какъ солнце
Яркое, выбрала: было оно тамъ на самомъ исподѣ
Спрятано. Кончивъ, они по дворцу къ Телемаку навстрѣчу
Вмѣстѣ пошли; Менелай златовласый сказалъ: благородный
Сынъ Одиссеевъ, желанное сердцемъ твоимъ возвращенье
Въ домъ твой тебѣ да устроитъ супругъ громоогненный Иры!
Я же изъ многихъ сокровищъ, которыми здѣсь обладаю,
Самое рѣдкое выбралъ тебѣ на прощальный подарокъ;
Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся изъ сребра, но края золотые, искусной работы
Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благородный,
Царь сидонянъ, въ то время, когда; возвращаясь въ отчизну,
Въ домѣ его я гостилъ, и ее отъ меня ты получишь.
Съ сими словами вручилъ Телемаку двуярусный кубокъ
Сынъ благородный Атреевъ; кратеру работы Ифеста
Подалъ, пришедши, ему Мегапендъ, Менелаевъ могучій
Сынъ, сребролитную; свѣтлообразная, съ пестрымъ пришедши
Платьемъ, Елена его позвала и сказала: одежду
Эту, дитя мое милое, выбрала я, чтобъ меня ты
Помнилъ, чтобъ этой, мной сшитой, одеждой на брачномъ веселомъ
Пирѣ невѣсту украсилъ свою; а дотолѣ пусть у милой
Матери будетъ храниться она; ты жъ теперь возвратися
Съ сердцемъ веселымъ въ Итаку, въ отеческій домъ многославный.
Кончивъ, одежду она подала; благодарно онъ принялъ.
Тутъ осторожно дары уложилъ Пизистратъ въ колесничный
Коробъ, съ большимъ удивленьемъ все порознь сперва осмотрѣвши.
Всѣхъ въ пировую палату повелъ Менелай златовласый;
Тамъ помѣстились они по порядку на креслахъ и стульяхъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;
Гладкой потомъ пододвинула столъ; на него положила

Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ было для всѣхъ угощенье;
Мясо на части разрѣзалъ и подалъ гостямъ сынъ Воэтовъ;
Кубки златые наполнилъ виномъ Мегапендъ многославный;
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Сынъ Одиссеевъ и Несторовъ сынъ Писистратъ привязали
Къ дышлу коней и, въ богатую ставши свою колесницу,
Выѣхать въ ней со двора черезъ звонкій готовились портикъ.
Вышелъ за ними Атридъ Менелай златовласый, держащій
Въ правой рукѣ драгоцѣнный, виномъ благовоннымъ налитый
Кубокъ, чтобъ ихъ на дорогу почтить возліяньемъ прощальнымъ;
Сталъ впереди онъ коней и, вина отхлебнувши, воскликнулъ:
Радуйтесь, дѣти, и Нестору, пѣстуну многихъ народовъ,
Мой отвезите поклонъ; какъ отецъ былъ ко мнѣ благосклоненъ
Въ тѣ времена онъ, когда мы сражалися въ Троѣ ахейцы.
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ Менелаю:
Нестору все, что о немъ ты сказалъ намъ, Зевесовъ питомецъ,
Мы перескажемъ, прибывши къ нему. О! когда бъ, возвратяся
Въ домъ мой, въ Итаку, и я могъ отцу моему Одиссею
Также сказать, какъ любовно меня угощалъ ты, какъ много
Разныхъ привезъ я сокровищъ, тобою въ подарокъ мнѣ данныхъ!
Кончилъ; и въ это мгновеніе справа орелъ темнокрылый
Шумно поднялся, большого, домашняго, бѣлаго гуся
Въ сильныхъ когтяхъ со двора унеся; и толпою вся дворня
Съ крикомъ бѣжала за хищникомъ; онъ, подлетѣвъ къ колесницѣ,
Мимо коней прошумѣлъ, и ударился вправо. При этомъ
Видѣ, у всѣхъ предвѣщаніемъ радостнымъ сердце взыграло.
Несторовъ сынъ Писистратъ благородный сказалъ Менелаю:
Царь Менелай, повелитель людей, для кого, изъясни намъ,
Знаменье это Кроніонъ послалъ, для тебя ли, для насъ ли?
Такъ онъ спросилъ; и, Арея любимецъ, задумался бодрый
Царь Менелай, чтобъ отвѣтъ несомнительный дать Писистрату.
Длиннопокровная слово его упредила Елена:
Слушайте то, что скажу вамъ, что мнѣ всемогущіе боги
Въ сердце вложили, и что, утверждаю я, сбудется вѣрно.
Такъ же, какъ этого бѣлаго гуся, вскормленнаго дома,
Сильный похитилъ орелъ, прилетѣвшій съ горы, гдѣ родился
Самъ и гдѣ вывелъ могучихъ орлятъ, такъ, скитавшійся долго,
Въ домъ возвратясь, Одиссей отомститъ; но быть можетъ уже онъ
Дома; и смерть женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовитъ.
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Если то Иры супругъ, громоносный Кроніонъ, позволитъ,
Буду, тебя поминая, тебѣ я какъ богу молиться.
Такъ отвѣчавъ ей, онъ сильнымъ ударилъ бичомъ; понеслися
Быстро по улицамъ города въ поле широкое кони.
Цѣлый день мчалися кони, тряся колесничное дышло.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха, Алфеемъ

Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діоклесъ благородный;
Давъ у себя имъ ночлегъ, Діоклесъ угостилъ ихъ радушно.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Путники, снова въ свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора черезъ портикъ помчалися звонкій,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
Скоро достигли они до великаго Пилоса града.
Сынъ Одиссеевъ сказалъ Пизистрату, къ нему обратяся:
Можешь ли, Несторовъ сынъ, обѣщанье мнѣ дать, что исполнишь
Просьбу мою? Мы гостями другъ другу считаемся съ давнихъ
Лѣтъ по наслѣдству любви отъ отцовъ; мы ровесники; этотъ
Путь, совершенный вдвоемъ, неразрывнѣе дружбой связалъ насъ.
Другъ, не минуй моего корабля; но позволь мнѣ остаться
Тамъ, чтобъ отецъ твой меня въ изъявленье любви не принудилъ
Въ домѣ промедлить своемъ—возвратиться безмѣрно спѣшу я.
Такъ онъ сказалъ; Пизистратъ колебался разсудкомъ и сердцемъ,
Думая, какъ бы свое обѣщанье исполнить; обдумавъ
Все, напослѣдокъ увѣрился онъ, что удобнѣе будетъ
Звонкокопытныхъ коней обратить къ кораблю и къ морскому
Брегу. Вступя на корабль, положилъ на кормѣ онъ подарки:
Золото, платье и все, чѣмъ Атридъ одарилъ Телемака.
Послѣ, его понуждая, онъ бросилъ крылатое слово:
Медлить не должно; всѣ люди твои собрались; уѣзжайте
Прежде, пока, возвратяся домой, не успѣлъ обо всемъ я
Старцу отцу разсказать; убѣжденъ я разсудкомъ и сердцемъ,
(Зная упрямство его), что тебя онъ не пуститъ, что самъ онъ
Въ слѣдъ за тобой съ приглашеньемъ сюда прибѣжитъ, и отсюда
Вѣрно одинъ не воротится, такъ онъ упорствовать будетъ.
Кончивъ, бичомъ онъ погналъ долгогривыхъ коней и помчался
Въ городъ пилійцевъ и славнаго города скоро достигнулъ.
Къ спутникамъ тутъ обратяся, сказалъ Телемакъ благородный:
Братья, скорѣй корабля чернобокаго снасти устройте,
Всѣ соберитесь потомъ на корабль, и отправимся въ путь свой.
То повелѣніе было гребцами исполнено скоро;
Всѣ на корабль собралися и сѣли на лавкахъ у веселъ.
Тою порой Телемакъ приносилъ на кормѣ корабельной
Жертву богинѣ Палладѣ; къ нему подошелъ, онъ увидѣлъ,
Странникъ. Убійство свершивъ, онъ покинулъ Аргосъ и скитался;
Былъ прорицатель; породу же велъ отъ Мелампа, который
Нѣкогда въ Пилосѣ жилъ овцеводномъ.
Въ роскошныхъ палатахъ
Между пилійцевъ Мелампъ обиталъ, отличаясь богатствомъ;
Былъ онъ потомъ принужденъ убѣжать изъ отчизны въ иную
Землю, гонимый надменнымъ Нелеемъ, изъ смертныхъ сильнѣйшимъ
Мужемъ, который его всѣмъ богатствомъ, пока продолжался
Кругъ годовой, обладалъ, между тѣмъ, какъ въ Филаковомъ домѣ
Въ тяжкихъ оковахъ, въ глубокой темницѣ былъ жестоко мучимъ
Онъ за Нелееву дочь, погруженный въ слѣпое безумство,
Душу его омрачившее силою страшныхъ Эринній.
Керы однако избѣгнулъ и громкомычащихъ коровъ онъ

Въ Пилосъ угналъ изъ Филакіи. Тамъ, отомстивши за злое
Дѣло герою Нелею, желанную къ брату родному
Въ домъ проводилъ онъ супругу, потомъ удалился въ иную
Землю, въ Аргосъ многоконный, гдѣ былъ предназначенъ судьбою
Жить, многочисленнымъ тамъ обладая народомъ аргивянъ.
Въ бракъ тамъ вступивъ, поселился онъ въ пышноустроенномъ домѣ;
Двухъ онъ имѣлъ сыновей: Антифата и Мантія, славныхъ
Силой. Родилъ Антифатъ Оиклея отважнаго. Сыномъ
Былъ Оиклеевымъ Амфіарей, волнователь народовъ,
Милый эгидодержавцу Зевесу и сыну Латоны;
Но до порога дней старыхъ ему не судили достигнуть
Боги: онъ въ Ѳивахъ погибъ златолюбія женскаго жертвой.
Были его сыновья Алкмеонъ съ Амфилохомъ. Меламповъ
Младшій сынъ Мантій родилъ Полифейда пророка и Клита.
Клита похитила, свѣтлой его красотою плѣняся,
Златопрестольная Эосъ, чтобъ былъ онъ причисленъ къ безсмертнымъ.
Силу пророчества гордому давъ Аполлонъ Полифейду,
Сдѣлавъ его знаменитымъ межъ смертныхъ, когда ужъ не стало
Амфіарея; но онъ въ Гиперезію жить, раздраженный
Противъ отца, перешелъ; и, живя тамъ, пророчилъ всѣмъ людямъ.
Тотъ же странникъ, котораго сынъ Одиссеевъ увидѣлъ,
Былъ Полифейдовъ сынъ, называвшійся Ѳеоклименомъ;
Онъ Телемаку, Аѳинѣ тогда приносившему жертву,
Съ просьбой къ нему обратившися, бросилъ крылатое слово:
Другъ, я съ тобой, совершающимъ жертву, встрѣчаясь, твоею
Жертвой тебя и твоимъ божествомъ и твоей головою,
Также и жизнью сопутниковъ вѣрныхъ твоихъ умоляю:
Мнѣ на вопросъ отвѣчай, ничего отъ меня не скрывая,
Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ обитаешь?
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Я изъ Итаки; отцомъ же моимъ Одиссей богоравный
Нѣкогда былъ; но теперь онъ погибелью горькой постигнутъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, въ кораблѣ чернобокомъ за нимъ я,
Долго отсутственнымъ, странствую, вѣсти о немъ собирая.
Ѳеоклименъ богоравный отвѣтствовалъ внуку Лаэрта:
Странствую такъ же и я — знаменитый былъ мною въ отчизнѣ
Мужъ умерщвленъ; въ многоконномъ Аргосѣ онъ много оставилъ
Сродниковъ ближнихъ и братьевъ, могучихъ въ народѣ ахейскомъ;
Гибель и мстящую Керу отъ нихъ опасаяся встрѣтить,
Я убѣжалъ; межъ людей безпріютно скитаться удѣлъ мой.
Ты жъ, умоляю богами, скитальца прими на корабль свой,
Иначе будетъ мнѣ смерть: я преслѣдуемъ сильно ихъ злобой.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Другъ я тебя на корабль мой принять соглашаюсь охотно.
Ѣдемъ; и въ домѣ у насъ съ гостелюбіемъ будешь ты принятъ.
Такъ онъ сказалъ, и, копье мѣдноострое взявъ у пришельца,
Подлѣ перилъ корабельныхъ его положилъ на помостѣ.

Самъ же, вступивъ на корабль, оплывающій темное море,
Сѣлъ у кормы корабельной, съ собою тамъ сѣсть пригласивши
Осоклимена. Гребцы той порой отвязали канаты.
Бодрыхъ гребцовъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ имъ немедля
Снасти убрать, и, ему повинуясь, сосновую мачту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо водрузивши,
Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными парусъ;
Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь имъ послала попутный,
Зыби эѳира пронзающій вѣтеръ, чтобъ темносоленой
Бездною моря корабль ихъ бѣжалъ, не встрѣчая преграды.
Круно и Халкисъ они свѣтловодный уже миновали;
Солнце тѣмъ временемъ сѣло, и всѣ потемнѣли дороги.
Фе́у корабль, провожаемый Зевсовымъ вѣтромъ, оставивъ
Сзади, прошелъ и священную область эпеянъ Элиду.
Острые тутъ острова Телемакъ въ отдаленьи увидѣлъ.
Плылъ онъ туда, размышляя, погибнетъ ли тамъ, иль спасется.—
Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ пищу
Ѣли вечернюю, съ ними и всѣ пастухи вечеряли.
Свой удовольствовавъ голодъ обильно-роскошной ѣдою,
Такъ имъ сказалъ Одиссей (онъ хотѣлъ испытать, благосклонно ль
Сердце Эвмея къ нему, пригласитъ ли его онъ остаться
Въ хижинѣ съ нимъ, иль его отошлетъ непріязненно въ городъ):
Слушай, мой добрый Эвмей, и послушайте всѣ вы; намѣренъ
Завтра поутру я въ городъ идти, чтобъ сбирать подаянье
Тамъ отъ людей и чтобъ вашего хлѣба не ѣсть вамъ въ убытокъ.
Дай мнѣ, хозяинъ, совѣтъ и вели, чтобъ дорогу мнѣ въ городъ
Кто указалъ. Я по улицамъ буду бродить, и конечно
Кто-нибудь дастъ мнѣ вина иль краюшку мнѣ вынссетъ хлѣба;
Въ домъ многославный царя Одиссея пришедши, скажу тамъ
Людямъ, что добрыя вѣсти о немъ я принесъ Пенелопѣ.
Также пойду и къ ея женихамъ многобуйнымъ; ужъ вѣрно
Мнѣ, такъ роскошно пируя, они не откажутъ въ подачѣ.
Я же и самъ быть могу имъ на всякую службу пригоденъ;
Вѣдать ты долженъ и выслушай то, что скажу: благодатенъ
Эрмій ко мнѣ былъ, боговъ благовѣстникъ, который всѣмъ смертнымъ
Людямъ успѣхъ, красоту и великую славу даруетъ;
Мало найдется такихъ, кто бъ со мною поспорилъ въ искусствѣ
Скоро огонь разводить, и сухія дрова для варенья
Пищи колоть, и вино подносить и разрѣзывать мясо,
Словомъ, во всемъ, что обязанность низкихъ на службѣ у знатныхъ.
Съ гнѣвомъ на то отвѣчалъ ты, Эмвей, свинопасъ богоравный:
Стыдно тебѣ, чужеземецъ; какъ могъ ты такія дозволить
Странныя мысли себѣ? Ты своей головы не жалѣешь,
Въ городъ сбираясь идти къ женихамъ беззаконнымъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба:
Тамъ не тебѣ, другъ, чета имъ рабы подчиненные служатъ;
Нѣтъ! но проворные, въ платьяхъ богатыхъ, въ красивыхъ хитонахъ,

Юноши, свѣтлокудрявые, каждый красавецъ—такіе
Служатъ рабы имъ; и много на гладкоблестящихъ столахъ тамъ
Хлѣба и мяса, и кубковъ съ виномъ благовоннымъ. Останься
Лучше у насъ. Никому ты конечно межъ нами не будешь
Въ тягость, ни мнѣ, ни товарищамъ, вмѣстѣ со мною живущимъ.
Послѣ жъ, когда возвратится возлюбленный сынъ Одиссеевъ,
Ты отъ него и хитонъ и другую одежду получишь;
Будешь имъ также и въ сердцемъ желанную землю отправленъ.
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ сынъ Лаэртовъ: да любитъ,
Добрый хозяинъ, тебя и великій Зевесъ Олимпіецъ
Столь же, какъ мнѣ ты, мою безпріютность призрѣвъ, сталъ любезенъ.
Нѣтъ ничего ненавистнѣй бездомнаго странствія; тяжкой
Мучитъ заботой во всякое время голодный желудокъ
Бѣдныхъ, которымъ бродить суждено по землѣ безъ пріюта.
Здѣсь я охотно дождусь Телемака; а ты разскажи мнѣ
Все, что о славной въ жснахъ Одиссеевой матери знаешь,
Все, что съ отцомъ, на порогѣ оставленномъ старости, было—
Если еще Геліосовымъ блескомъ они веселятся;
Или ужъ нѣтъ ихъ и оба они ужъ въ Аидовомъ домѣ?
Сыну Лаэртову такъ отвѣчалъ свинопасъ богоравный:
Все по порядку тебѣ разскажу, ничего не скрывая;
Живъ благородный Лаэртъ, но всечасно Зевеса онъ молитъ
Дома, чтобъ душу его онъ исторгнулъ изъ дряхлаго тѣла;
Горько онъ плачетъ о долго-отсутственномъ сынѣ, лишившись
Доброй, разумной и сердцемъ избранной супруги, которой
Смерть преждевременно въ дряхлость его погрузила: о миломъ
Сынѣ крушась неутѣшно и сѣтуя, съ свѣтлою жизнью
Рано разсталась она. Да не встрѣтитъ никто изъ любимыхъ
Мною и мнѣ оказавшихъ любовь столь печальной кончины!
Я же, покуда ея сокрушенная жизнь продолжалась,
Въ городъ къ ней часто ходилъ, чтобъ ее навѣстить, поелику
Былъ я въ ребячествѣ съ дочерью доброй царицы, Клименой,
Самою младшею между другими, воспитанъ; я съ нею
Росъ и, почти какъ она, былъ любимъ въ ихъ семействѣ; когда же
Мы до желаннаго возраста младости зрѣлой достигли,
Выдали замужъ въ Самосѣ ее, взявъ большіе подарки.
Былъ награжденъ я красивой хламидой и новымъ хитономъ,
Также для ногъ получилъ и сандаліи; послѣ, царица
Въ поле къ стадамъ отослала меня и со мной дружелюбнѣй
Прежняго стала. Но все миновалось. Блаженные боги
Щедро однако успѣхомъ прилежный мой трудъ наградили;
Имъ я кормлюсь, да и добрыхъ людей угощать мнѣ возможно.
Но отъ моей госпожи ничего ужъ веселаго нынѣ
Мнѣ не бываетъ, ни словомъ, ни дѣломъ, съ тѣхъ поръ, какъ вломились
Въ домъ нашъ грабители: намъ же рабамъ иногда такъ утѣшно
Было бъ ее навѣстить, про себя ей все высказать, свѣдать
Все про нее, и, за царскимъ столомъ отобѣдавъ, съ подачей
Весело въ поле домой на вседневный свой трудъ возвратиться.

Кончилъ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Чудно! такъ въ дѣтствѣ еще ты, Эвмей свинопасъ, изъ отчизны
Въ землю далекую былъ увезенъ отъ родителей милыхъ?
Все мнѣ теперь разскажи, ничего отъ меня не скрывая:
Городъ ли тотъ, населенный обильно людьми, былъ разрушенъ
Гдѣ твой отецъ и твоя благородная мать находились,
Или, оставшись у стада быковъ и барановъ одинъ, ты
Схваченъ морскимъ былъ разбойникомъ; онъ же тебя здѣсь и продалъ
Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну?
Другъ, отвѣчалъ свинопасъ богоравный, людей повелитель,
Если ты вѣдать желаешь, то все разскажу откровенно;
Слушай, въ молчаніи сладкодушистымъ виномъ утѣшаясь;
Ночи теперь безконечны, есть время для сна, и довольно
Времени будетъ для нашей радушной бесѣды; не нужно
Рано ложиться въ постелю намъ: сонъ неумѣренный вреденъ.
Всѣ же другіе, кого побуждаетъ желанье, пусть идутъ
Спать, чтобъ при первыхъ лучахъ восходящей денницы на паству
Въ поле, позавтракавъ дома, съ господскими вытти свиньями;
Мы на просторѣ здѣсь двое, виномъ и ѣдой веселяся,
Память минувшихъ печалей веселымъ о нихъ разговоромъ
Въ сердцѣ пробудимъ: о прошлыхъ бѣдахъ поминаетъ охотно
Мужъ, испытавшій ихъ много, и долго бродившій на свѣтѣ.
Я же о томъ, что желаешь ты знать, разскажу откровенно.
Есть (вѣроятно ты вѣдаешь) островъ, по имени Сира,
Выше Ортигіи, гдѣ поворотъ совершаетъ свой солнце;
Онъ необильно людьми населенъ, но удобенъ для жизни,
Тученъ, приволенъ стадамъ, виноградомъ богатъ и пшеницей:
Тамъ никогда не бываетъ губящаго голода; люди
Тамъ никакой не страшатся заразы; напротивъ, когда тамъ
Хилая старость объемлетъ одно поколѣнье живущихъ,
Лукъ свой серебряный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.
Два есть на островѣ города, каждый съ своею отдѣльной
Областью; былъ же владѣльцемъ обоихъ родитель мой Ктезій,
Сынъ Орменоновъ, безсмертнымъ подобный.
Случилось, что въ Сиру
Прибыли хитрые гости морей финикійскіе люди,
Мелочи всякой привезши въ своемъ кораблѣ чернобокомъ.
Въ домѣ жъ отцовомъ рабыня жила финикійская, станомъ
Стройная, рѣдкой красы, въ рукодѣльяхъ искусная женскихъ.
Душу ее обольстить удалось финикійцамъ коварнымъ:
Мыла она, не вдали корабля ихъ, бѣлье; тутъ одинъ съ ней
Тайно въ любви сочетался — любовь же всегда въ заблужденье
Женщинъ, и самыхъ невинныхъ своимъ поведеніемъ вводитъ.
Кто и откуда она, у рабыни спросилъ обольститель?
Домъ указавъ своего господина, она отвѣчала:
Я уроженица мѣднобогатаго града Си-
Тамъ мой отецъ Арибасъ знаменитъ [дона;
былъ великимъ богатствомъ;
Силой морскіе разбойники, злые тафійцы схватили
Шедшую съ поля меня и сюда увезли на продажу

Мужу тому, отъ него дорогую потребовавъ цѣну.
Ей отвѣчая, сказалъ финикіецъ ея обольститель:
Будешь конечно ты рада въ отчизну свою возвратиться
Съ нами; опять тамъ увидишь и мать, и отца въ ихъ блестящемъ
Домѣ: они же, мы вѣдаемъ, живы и славны богатствомъ.
Выслушавъ то, что сказалъ онъ, ему отвѣчала рабыня:
Я бы на все согласилась охотно, когда бъ, мореходцы,
Вы поклялися въ отчизну меня отвезти безъ обиды.
Такъ отвѣчала рабыня; и тѣ поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Къ нимъ обратяся, рабыня крылатое бросила слово:
Будемъ теперь осторожны; молчите; изъ васъ ни который
Слова не молви со мной, гдѣ меня бы ему ни случилось
Встрѣтить, на улицѣ ль, подлѣ колодца ль, чтобъ кто господину,
Насъ подсмотрѣвъ, на меня не донесъ: раздраженный, меня онъ
Въ цѣпи велитъ заключить, да и вамъ приготовитъ погибель.
Скуйте жъ языкъ свой; окончите торгъ поскорѣй, и когда вы
Въ путь изготовитесь, нужнымъ запасомъ корабль нагрузивши,
Въ домѣ царевомъ меня обо всемъ извѣстите немедля;
Золота, сколько мнѣ подъ руки тамъ попадется, возьму я;
Будетъ притомъ отъ меня вамъ еще и особый подарокъ:
Знать вы должны, что смотрю я за сыномъ царя малолѣтнымъ;
Мальчикъ смышленый; со мною гулять изъ дворца онъ вседневно
Ходитъ; я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну
Этотъ товаръ продадите вы людямъ инаго языка.
Такъ имъ сказавши, она возвратилась въ палаты царевы.
Тѣ же, годъ цѣлый оставшись ан островѣ нашемъ, прилежно
Свой крутобокій корабль нагружали, торгуя, товаромъ;
Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ,
Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье:
Крупный электронъ, оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
Разную всѣ предлагали. А онъ по условію, молча,
Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
Вытти она; проходя же палату, гдѣ множествомъ кубковъ
Столъ былъ уставленъ для царскихъ вельможъ, приглашенныхъ къ обѣду
(Были въ то время они на совѣтѣ въ собраньи народномъ),
Три двоеручныхъ сосуда проворно она, ихъ подъ платьемъ
Скрывъ, унесла; я за нею пошелъ, ничего не размысля.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и всѣ потемнѣли дороги.
Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли;
Тамъ, оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій;
Всѣ собрались на корабль и пошелъ онъ дорогою влажной,
Взявъ насъ, меня и ее, и Зевесъ ниспослалъ намъ попутный
Вѣтеръ; шесть сутокъ и денно, и нощно мы по морю плыли.

Но на седьмой день, какъ то предназначено было Зевесомъ,
Вдругъ Артемида измѣнницу быстрой убила стрѣлою:
Мертвая на полъ она корабельный упала морскою
Курицей — рыбамъ ее и морскимъ тюленямъ на съѣденье
Бросили въ морѣ; а я тамъ остался одинъ сокрушенный.
Волны и вѣтеръ попутный корабль принесли нашъ въ Итаку;
Здѣсь я Лаэртомъ на деньги его былъ у хищниковъ купленъ.
Такъ я Итаку впервые своими глазами увидѣлъ.
Выслушавъ повѣсть, Эвмею сказалъ Одиссей богоравный:
Добрый Эвмей, несказанно всю душу мою ты растрогалъ,
Мнѣ повѣствуя, какія съ тобою бѣды приключились;
Съ горемъ однако и радость тебѣ ниспослалъ многодарный
Зевсъ, проводившій тебя, претерпѣвшаго много, въ жилище
Кроткаго мужа, который тебя и поитъ здѣсь и кормитъ
Съ нѣжной заботой; и жизнь ты проводишь веселую; мнѣ же
Участь не та—безъ пріюта брожу межъ людей земнородныхъ.
Такъ говоря о былыхъ временахъ, напослѣдокъ и сами
Въ сонъ погрузились они, но на малое время; былъ кратокъ
Сонъ ихъ: взошла свѣтлотронная Эосъ. Въ то время у брега,
Снасти убравъ, Телемаковы спутники мачту спустили,
Быстро къ причалу на веслахъ корабль привели и, закинувъ
Якорный камень, надежнымъ канатомъ корабль утвердили у брега;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волною,
Вкусный обѣдъ приготовили съ сладкимъ виномъ пурпуровымъ.
Свой удовольствовавъ голодъ питьемъ и роскошной ѣдою,
Такъ морсходцамъ сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Въ городъ на веслахъ теперь отведите корабль чернобокій;
Самъ же я въ поле пойду навѣстить пастуховъ, и порядкомъ
Все осмотрѣть тамъ; а вечеромъ въ городъ пѣшкомъ возвращуся;
Завтра жъ, друзья, въ благодарность за ваше сопутствіе, васъ я
Въ домъ нашъ со мной отобѣдать и выпить вина приглашаю.
Θеоклименъ богоравный тогда вопросилъ Телемака:
Сынъ мой, куда же пойти присовѣтуешь мнѣ ты? Къ какому
Жителю горносуровой Итаки мнѣ въ домъ обратиться?
Или прямою дорогою въ вашъ домъ пойти къ Пенелопѣ?
Θеоклименъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Въ прежнее время тебя, не задумавшись, прямо бы въ домъ свой
Я пригласилъ: мы тебя угостили бъ какъ должно; теперь же
Худо тамъ будетъ тебѣ безъ меня; ты увидѣть не можешь
Матери милой; она, на глаза женихамъ не желая
Часто являться, сидитъ наверху за тканьемъ одиноко;
Но одного я изъ нихъ назову, онъ доступнѣе прочихъ:
То Эвримахъ благородный, Полибія умнаго сынъ; на него же
Смотритъ въ Итакѣ народъ, какъ на бога, съ почтеньемъ великимъ.
Онъ безъ сомнѣнія лучшій межъ ними; усерднѣй другихъ онъ
Съ матерью брака, чтобъ мѣсто занять Одиссеево, ищетъ;
Но лишь единый въ эѳирѣ живущій Зевесъ Олимпіецъ
Вѣдаетъ, что имъ судьбой предназначено—бракъ иль погибель?

Кончилъ; и въ это мгновеніе справа поднялся огромный
Соколъ, посолъ Аполлоновъ, съ пронзительнымъ крикомъ; въ когтяхъ онъ
Дикаго голубя мчалъ и ощипывалъ; перья упали
Между Лаэртовымъ внукомъ и судномъ его быстроходнымъ.
Ѳеоклименъ, то увидя, отвелъ отъ другихъ Телемака,
За руку взялъ, и по имени назвалъ, и шопотомъ молвилъ:
Знай, Телемакъ, не безъ воли Зевеса поднялся тотъ соколъ
Справа; я вѣщую птицу, его разсмотрѣвъ, угадалъ въ немъ.
Царственнѣй вашего царскаго рода не можетъ въ Итакѣ
Быть никакой; навсегда вамъ владычество тамъ сохранится.
Ѳеоклимену отвѣтствовалъ сынъ Одиссеевъ разумный:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты какъ другъ, и дарами осыпанъ
Такъ изобильно, что каждый, съ кѣмъ встрѣтишься, счастью такому
Будетъ дивиться. Потомъ онъ сказалъ, обратяся къ Пирею:
Клитіевъ сынъ, благородный Пирей, изъ товарищей, въ Пилосъ
Вмѣстѣ со мною ходившихъ, ты самый ко мнѣ былъ усердный;
Будь же таковъ и теперь, пригласи моего чужеземца
Въ домъ свой и пусть тамъ живетъ онъ, покуда я самъ не приду къ вамъ.
Выслушавъ, такъ отвѣчалъ Телемаку Пирей копьевержецъ:
Сдѣлаю все, и сколь долго бы въ домѣ моемъ онъ ни прожилъ,
Буду его угощать и ни въ чемъ онъ отказа не встрѣтитъ.
Кончилъ Пирей, и, вступивъ на корабль, приказалъ, чтобъ немедля
Люди взошли на него и причальный канатъ отвязали.
Люди, взошедъ на корабль, помѣстились на лавкахъ у веселъ.
Тутъ, въ золотыя сандаліи сынъ Одиссеевъ обувши
Ноги, свое боевое копье, заощренное мѣдью,
Съ палубы взялъ; а гребцы отвязали канатъ и на веслахъ
Къ городу поплыли, судно отчаливъ, какъ то повелѣлъ имъ
Сынъ Одиссеевъ, подобный богамъ, Телемакъ благородный.
Сынъ Одиссеевъ тѣмъ временемъ шелъ и пришелъ напослѣдокъ
Къ дому, гдѣ множество было въ закутахъ свиней и гдѣ съ ними,
Сторожъ ихъ, спалъ свинопасъ, Одиссеевъ слуга неизмѣнный.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать седьмой день.

Телемакъ приходитъ въ жилище Эвмея, который принимаетъ его съ несказанною радостію. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращеніи сына. Одиссей, повинуясь Аѳинѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жениховъ. Сіи послѣдніе тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антиноемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа, свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною: Эвримахъ лицемѣрно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порой Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано
Вставъ и огонь разложивъ, приготовили завтракъ. Насытясь
Вдоволь, на паству погнали свиней пастухи. Къ Телемаку
Бросились дружно на встрѣчу Эвмеевы злыя собаки;
Ластясь къ идущему, прыгали дикіе звѣри; услышавъ
Топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лаэртовъ разумный
Сынъ, изумившійся, бросилъ крылатое слово Эвмею:
Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой товарищъ
Или знакомецъ; собаки на встрѣчу бѣгутъ и, не лая,
Машутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу.
Словъ онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увидѣлъ,
Сынъ; въ изумленьи вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ
Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду
Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину на встрѣчу
Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милыя руки
Сталъ у него цѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями
Слезы; какъ нѣжный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ
Сына, который незапно явился ему черезъ двадцать
Лѣтъ по разлукѣ—единственный, поздно рожденный имъ, долго
Жданный въ печали—съ такой свинопасъ Телемака любовью,
Крѣпко обнявши, всего цѣловалъ, какъ воскресшаго; плача
Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово:
Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я,
Въ Пилосъ отплывшаго, видѣть уже не надѣялся болѣ.
Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ
Очи тобой насладить, возвратившимся въ домъ свой; донынѣ
Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но болѣ
Въ городѣ жилъ межъ народа: знать, было тебѣ непротивно
Видѣть, какъ въ домѣ твоемъ безъ стыда женихи бунтовали.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я

Здѣсь: повидаться пришелъ я съ тобою, Эвмей, чтобъ провѣдать
Дома ль еще Пенелопа, иль бракомъ уже сочеталась
Съ кѣмъ изъ своихъ жениховъ, Одиссеево жъ ложе пустое
Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое злой паутиной?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ свинопасъ богоравный:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоемъ Пенелопа
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой и тратитъ
Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ и печали.
Такъ говоря, у него онъ копье мѣдноострое принялъ;
Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ гладкій порогъ перешедши.
Съ мѣста поспѣшно вскочилъ передъ нимъ Одиссей; Телемакъ же,
Мѣсто отрекшись принять, Одиссею сказалъ: не трудися,
Странникъ, сиди; для меня ужъ конечно найдется мѣстечко
Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ нашъ умный хозяинъ.
Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился на мѣсто; Эвмей же
Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и покрылъ ихъ овчиной;
Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сѣлъ на нее; деревянный
Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбереженнымъ, подносъ передъ милымъ
Гостемъ поставилъ усердный Эвмей свинопасъ, и корзину
Съ хлѣбомъ большую принесъ и наполнилъ до самаго края
Вкусномедвянымъ виномъ деревянную чашу. Потомъ онъ
Сѣлъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ божественнымъ рядомъ.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ питьемъ и ѣдою,
Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ богоравный: отецъ мой,
Кто чужеземный твой гость? На какомъ кораблѣ онъ въ Итаку
Прибылъ? Какіе его привезли корабельщики? Въ край нашъ
(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ онъ.
Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ богоравный:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Онъ уроженецъ широкоравниннаго острова Крита,
Многихъ людей города, говоритъ, посѣтилъ и немало
Странствовалъ: такъ для него ужъ судьбиною сотканно было.
Нынѣ жъ, бѣжавъ съ корабля отъ весспротовъ, людей злоковарныхъ,
Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я его уступаю;
Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ себя повѣряетъ.
Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Добрый Эвмей, ты для сердца печальное слово сказалъ мнѣ;
Какъ же могу я въ свой домъ пригласить твоего чужеземца?
Я еще молодъ; еще я своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду;
Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не знаетъ, что выбрать,
Вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ содержать нашъ въ порядкѣ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая,
Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
Ищетъ супружества съ ней и дары ей щедрѣе приноситъ;
Но чужеземцу, котораго гостемъ ты принялъ, охотно
Мантію я подарю и красивый хитонъ и подошвы

Ноги обуть; да и мечъ отъ меня онъ получитъ двуострый;
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю;
Пусть онъ покуда живетъ у тебя, угощаемый съ лаской;
Платье жъ сюда я немедля пришлю и съ запасомъ для вашей
Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и домашнихъ.
Въ городъ ходить къ женихамъ я ему не совѣтую; слишкомъ
Буйны они и въ поступкахъ своихъ необузданно дерзки;
Могутъ обидѣть его, для меня бы то было прискорбно;
Самъ же я ихъ укротить не могу: противъ многихъ и самый
Сильный безсиленъ, когда онъ одинъ; ихъ число тамъ велико.
Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ такъ Телемаку:
Если позволишь ты мнѣ, мой прекрасный, сказать откровенно—
Милымъ я сердцемъ жестоко досадую, слыша, какъ много
Вамъ женихи беззаконные здѣсь оскорбленій наносятъ,
Домъ захвативши такого, какъ ты, молодого героя;
Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бога?
Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый, при общемъ великомъ раздорѣ?
Если бъ имѣлъ я и свѣжую младость твою и отважность—
Или когда бы возлюбленный сынъ Одиссеевъ, иль самъ онъ,
Странствуя, въ домъ возвратился (еще не пропала надежда)—
Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь я позволилъ,
Если бы, имъ на погибель, одинъ не рѣшился проникнуть
Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ выгнать оттуда
Шайку ихъ. Если бъ одинъ я съ толпой и не сладилъ, то все же,
Было бы лучше мнѣ, въ домѣ моемъ пораженному, встрѣтить
Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ безчинныхъ поступковъ и видѣть,
Какъ въ немъ они обижаютъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
Ихъ угождать вожделѣніямъ гнуснымъ въ обителяхъ царскихъ,
Какъ расточаютъ и хлѣбъ и вино, безпощадно запасы
Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить не мысля.
Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Все разскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать;
Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ со мною, ни братьевъ
Также моихъ не могу я винить, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ раздорѣ, понеже
Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно, всегда лишь одинъ былъ
Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ прародитель Аркезій;
Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей равномѣрно
Прижилъ меня одного съ Пенелопой. И былъ я младенцемъ
Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ ограбили хищные люди.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣсного Закинѳа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣніе грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожираютъ нещадно

Наше добро, и меня самого напослѣдокъ погубятъ.
Но, конечно, того мы не знаемъ, то въ лонѣ безсмертныхъ
Скрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ Пенелопѣ разумной
Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я невредимъ возвратился.
Самъ же останусь я здѣсь у тебя; приходи къ намъ скорѣе.
Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ, опричь Пенелопы,
Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію мнѣ угрожаютъ.
Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ богоравный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно; и все, что велишь ты,
Будетъ исполнено; ты же еще мнѣ скажи откровенно,
Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью пошелъ я и къ дѣду Лаэрту?
Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о далекомъ
Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ и, голодъ
Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами.
Съ той же поры, какъ пошелъ въ кораблѣ чернобокомъ ты въ Пилосъ,
Онъ, говорятъ, ужъ не ѣстъ, и не пьетъ, и его никогда ужъ
Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая тяжко и плача,
Дома сидитъ онъ, исчахлый, чуть дышущій, кожа да кости.
Сынъ Одиссевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу:
Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это, оставить должны мы;
Если бы все по желанію смертныхъ, судьбинѣ подвластныхъ,
Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ отецъ мой въ Итаку.
Ты же, увидѣвши матъ, возвратись, заходить не заботясь
Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь сказать, чтобъ немедля,
Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домашнихъ, отправила къ дѣду
Ключницу нашу обрадовать вѣстью нежданою старца.
Кончивъ, велѣлъ онъ идти свинопасу. Взявъ въ руки подошвы,
Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ городъ пошелъ. Отъ Аѳины
Не было скрыто, что домъ свой Эвмей, удаляся, покинулъ;
Тотчасъ явилась богиня, младою, прекрасною, съ станомъ
Стройно-высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ искусною дѣвой;
Въ двери вступивъ, Одиссею предстала она; Телемаку жъ
Видѣть себя не дала, онъ ея не примѣтилъ: не всѣмъ намъ
Боги открыто являются; но Одиссей могъ очами
Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли также:
Лаять не смѣя, онѣ, завизжавъ, со двора побѣжали.
Знакъ головою она подала. Одиссей, догадавшись,
Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой заграды богиню
Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая, сказала Аѳина:
Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Можешь теперь ты открыться и все разсказать Телемаку;
Оба, условясь, какъ женихамъ приготовить ихъ гибель,
Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ; сама я за вами
Скоро тамъ буду, и мстительный бой совершимъ совокупно.
Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулась она къ Одиссею:
Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто хитономъ покрылись
Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался станомъ, моложе
Свѣтлымъ лицомъ, посмуглѣвшія щеки стали полнѣе;

Черной густой бородою покрылся его под-
бородокъ.
Собственный образъ ему возвративши,
богиня исчезла.
Въ хижину снова вступилъ Одиссей;
Телемакъ, изумленный,
Очи потупилъ: онъ мыслилъ, что видитъ
безсмертнаго бога.
Въ страхѣ къ отцу обратяся, онъ бро-
силъ крылатое слово:
Странникъ, не въ прежнемъ теперь предо
мной ты являешься видѣ;
Платье не то на тебѣ, и совсѣмъ измѣ-
нился твой образъ;
Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ
безпредѣльнаго неба;
Будь же къ намъ благостенъ; золота много
тебѣ принесемъ мы
Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ,
могучій, помилуй.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый:
Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты без-
смертнымъ меня уподобить?
Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ
тяжкимъ вздыханьемъ
Столько обидъ ты терпѣлъ, притѣснителямъ
злымъ уступая.
Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ
цѣловать, и съ рѣсницы
Пала на землю слеза — удержать онъ ее
былъ не въ силахъ.
Но (что предъ нимъ былъ желанный
отецъ Одиссей, не повѣря)
Снова, ему возражая, сказалъ Телемакъ
богоравный:
Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ,
своимъ чародѣйствомъ
Очи мои ослѣпившій, чтобъ послѣ я го-
рестнѣй плакалъ;
Смертному мужу подобныхъ чудесъ совер-
шать невозможно
Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь
богъ превращать во мгновенье
Волей своей старика въ молодого и юношу
въ старца;
Былъ ты сначала старикъ, неопрятно
одѣтый; теперь же
Вижу, что свой ты богамъ, безпредѣльнаго
неба владыкамъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, воз-
вращеннаго въ домъ свой;
Также и бывшему чуду со мною не
слишкомъ дивися;
Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей,
говорю я, не будетъ
Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ стран-
ствіяхъ много, и нынѣ
Волей боговъ приведеннаго въ землю
отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ. А мое превращеніе было богини
Аѳины,
Мощной добычницы, дѣло; возможно ей
все; превращенъ былъ
Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ
въ молодого,
Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье
на тѣлѣ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба
владыкамъ, легко насъ
Смертныхъ людей надѣлять и красой и
лицомъ безобразнымъ.
Такъ онъ отвѣтствовавъ, сѣлъ; Телемакъ
въ несказанномъ волненьи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ
громкимъ рыданьемъ.
Въ сердце тогда имъ обоимъ проникло
желаніе плача:
Подняли оба пронзительный вопль со-
крушенья; какъ стонетъ
Соколъ иль крутокогтистый орелъ, у
которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ
роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и
стонали
Громко: и въ плачѣ могло бъ ихъ за-
стать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ,
обратясь къ Одиссею:
Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты,
какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои ко-
рабельщики? Въ край нашъ

(Это конечно я знаю и самъ) не пѣшкомъ же пришелъ ты.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Все я, мой сынъ, разскажу, ничего отъ тебя не скрывая;
Славные гости морей феакійцы меня привезли къ вамъ;
Всѣхъ, кто ихъ помощи проситъ, они по морямъ провожаютъ.
Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и сонный былъ ими
На берегъ вынесенъ (щедро меня, отпуская въ дорогу,
Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ они одарили:
Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спрятано въ гротѣ глубокомъ).
Присланъ сюда я богиней Аѳиной затѣмъ, чтобъ съ тобою
Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на свободѣ устроить.
Ты же теперь назови женихов и число ихъ скажи мнѣ;
Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда они, и какъ много
Тамъ ихъ, дабы, все подробно обдумавъ разсудкомъ и сердцемъ,
Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ, никого не призвавши
Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, иль другіе помощники нужны?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ благородный:
Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ твоихъ многославныхъ;
Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой копьевержецъ могучій—
Но о несбыточномъ мнѣ ты теперь говоришь, невозможно
Двумъ намъ со всею толпой женихов многосильныхъ бороться.
Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не десять, не двадцать; гораздо
Болѣе; всѣхъ перечесть ихъ тебѣ я могу по порядку;
Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова къ намъ пятьдесятъ два,
Знатны всѣ родомъ они, шесть служителей съ ними; съ Закинѳа
Острова прибыло двадцать; а съ темнолѣсистаго Зама
Двадцать четыре: всѣ знатныхъ отцовъ сыновья; напослѣдокъ
Къ нимъ мы и двадцать должны изъ Итаки причесть, при которыхъ
Фемій, пѣвецъ богоравный, глашатай Медонъ и проворныхъ
Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ порядокъ искусныхъ.
Если съ такою толпою бороться одни мы замыслимъ,
Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ твой погибеленъ будетъ;
Лучше подумай о томъ, не найдется ль помощникъ, который
Могъ бы за насъ постоять, благосклонно подавши намъ руку?
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Выслушай то, что скажу, и въ умѣ сохрани, что услышишь:
Если бъ Кроніонъ отецъ и Паллада великая были
Наши помощники, стали ль тогда бъ мы пріискивать новыхъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ богоравный;
Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощниковъ назвалъ; высоко
Правда они въ облакахъ обитаютъ; но оба не намъ лишь
Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ богамъ всемогуществомъ страшны.
Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Оба они не останутся долго отъ насъ въ отдаленьи
Въ часъ воздаянья, когда у меня съ женихами въ жилищѣ
Царскомъ послѣдній Ареевъ разсчетъ смертоносный начнется.
Завтра поутру, лишь только подымется Эосъ, ты въ городъ
Прямо пойдешь; тамъ останься въ толпѣ женихов многобуйныхъ.

Позже туда я приду съ свинопасомъ Эвмеемъ подъ видомъ
Стараго нищаго въ рубищѣ бѣдномъ. Когда тамъ ругаться
Станутъ они надо мною въ жилищѣ моемъ, не давай ты
Милому сердцу свободы, и что бъ ни терпѣлъ я, хотя бы
За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и выброшенъ въ двери,
Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули— ты будь равнодушенъ.
Можешь конечно сказать иногда (чтобъ унять ихъ буянство)
Кроткое слово, тебя не послушаютъ; будетъ напрасно
Все: предназначенный день ихъ погибели близко; терпѣнье!
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ на сердцѣ положитъ
Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то замѣтя,
Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ, доспѣхи Арея
Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею въ уголъ сложивши;
Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ тамъ бывшихъ оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
Мнѣ же и высшую въ сердце влагаетъ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится:
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.
Намъ же двоимъ два копья, два меча ты отложишь и съ ними
Два изъ воловьей кожи щита приготовишь, чтобъ въ руки
Взять ихъ, когда нападенье начнемъ; женихамъ же конечно
Умъ ослѣпятъ всемогущій Зевесъ и Аѳина Паллада.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови моей происходишь,
Тайну храни, чтобъ никто о моемъ возвращеньи не свѣдалъ
Здѣсь, ни Лаэртъ мой отецъ, ни Эвмей свинопасъ, ни служитель
Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа; мы двое—
Ты лишь да я—наблюдать за рабынями нашими будемъ;
Также и многихъ рабовъ испытанью подвергнемъ, чтобъ свѣдать,
Кто между ими тебя и меня уважаетъ и любитъ,
Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя, столь достойнаго чести.
Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ многославный:
Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро на самомъ
Дѣлѣ узнаешь; и духъ мой не слабымъ найдешь ты конечно.
Думаю только, что опыту всѣхъ подвергать безполезно
Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣждаю размыслить:
Много истратится времени, если испытывать всѣхъ ихъ,
Каждаго порознь, начнемъ мы тогда, какъ враги беззаботно
Будутъ твой домъ разорять и твое достояніе грабить.
Но я желаю и самъ, чтобъ, подвергнувши опыту женщинъ,
Могъ отличить ты порочныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ; рабовъ же
Трудно испытывать всѣхъ, одного за другимъ, на работѣ
Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ въ досужное время,

Если ужъ подлинно знакъ ты имѣлъ отъ владыки Зевеса.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой крѣпкозданный корабль, Телемака носившій
Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился къ брегу Итаки. Когда же
Въ пристань глубокую острова судно ввели мореходцы,
На берегъ вздвинуть они поспѣшили его совокупной
Силой; а слуги проворные, судно совсѣмъ разгрузивши,
Въ Клитіевъ домъ отнесли всѣ подарки царя Менелая.
Въ царскій же домъ Одиссеевъ былъ вѣстникъ пловцами немедля
Посланъ сказать Пенелопѣ разумной, что сынъ, возвратяся,
Въ поле пошелъ, кораблю же прямою дорогою въ городъ
Плыть повелѣлъ (чтобъ, о сынѣ отсутственномъ въ сердцѣ тревожась,
Плакать напрасно о немъ перестала царица). Тотъ вѣстникъ
Встрѣтился, путь свой окончить спѣша, съ свинопасомъ, который
Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ Телемакомъ былъ посланъ.
Къ дому царя многославнаго оба пришли напослѣдокъ.
Вслухъ передъ всѣми рабынями вѣстникъ сказалъ Пенелопѣ:
Прибылъ обратно въ Итаку возлюбленный сынъ твой, царица.
Но свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и на ухо все ей,
Что Телемакъ повелѣлъ разсказать, прошепталъ осторожно.
Кончивъ разсказъ и исполнивъ свое порученіе, царскій
Домъ онъ оставилъ и въ поле къ свиньямъ возвратился поспѣшно.
Но женихи, пораженные, духомъ уныли; покинувъ
Залу, они у ограды высокаго царскаго дома
Рядомъ на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ за воротами сѣли.
Такъ говоритъ имъ тогда Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло отправясь
Въ путь, Телемакъ, отъ него мы подобной отваги не ждали.
Должно намъ, черный, удобнѣйшій къ бѣгу, корабль изготовивъ,
Въ немъ мореходныхъ отправить людей, чтобъ они убѣдили
Нашихъ товарищей въ городъ какъ можно скорѣй возвратиться.
Кончить еще не успѣлъ онъ, какъ, съ мѣста на пристань взглянувши,
Только что къ брегу приставшій корабль Анфиномъ усмотрѣлъ тамъ;
Снасти и весла на немъ убирали пловцы. Обратяся
Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ, такъ онъ сказалъ: не трудитесь
Вѣсти своей посылать понапрасну: они возвратились.
Видно ихъ богъ надоумилъ какой, или увидѣли сами
Быстро бѣгущій корабль, и настигнуть его не успѣли.
Такъ онъ сказалъ; тѣ, поднявшись, пошли всей толпою на пристань.
На берегъ скоро былъ вздвинутъ корабль чернобокій пловцами,
Бодрые слуги немедля сгрузили съ него всю поклажу;
Сами жъ на площади всѣ женихи собрались; но съ собою
Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ напослѣдокъ,
Къ нимъ обратясь, Алкиной, сынъ Эвпейтовъ надменный, сказалъ имъ:
Горе! безсмертные сами его отъ бѣды сохранили!
Каждый тамъ день сторожа на лобзаемыхъ вѣтромъ вершинахъ
Другъ подлѣ друга толпою сидѣли; когда жъ заходило
Солнце, мы, берегъ покинувъ, всю ночь въ кораблѣ быстроходномъ
По морю плавали взадъ и впередъ до восхода денницы,

Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и немедля погубимъ.
Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его проводилъ невредимо.
Мы же надъ нимъ совершить, что замыслили вмѣстѣ, удобно
Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ; но до тѣхъ поръ, покуда
Живъ онъ, исполнить намѣренье наше мы будемъ не въ силахъ;
Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрѣлъ для совѣта и дѣла;
Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ благосклонностью смотрятъ.
Должно намъ прежде—пока онъ народа не созвалъ на помощь—
Кончить, понеже онъ медлить, какъ я въ томъ увѣренъ, не станетъ.
Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ народѣ онъ скажетъ,
Какъ мы его погубить сговорились и въ томъ не успѣли;
Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ не одобритъ;
Могутъ, озлобясь на наши поступки, и насъ изъ отчизны
Выгнать, и всѣ мы тогда по чужимъ сторонамъ разбредемся.
Можемъ напасть на него мы далеко отъ города въ полѣ,
Можемъ близъ города выждать его на дорогѣ; тогда намъ
Все раздѣлить ихъ придется имущество; домъ же уступимъ
Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею межъ нами.
Если же вамъ не угоденъ совѣтъ мой и если хотите
Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцовскимъ владѣлъ достояньемъ—
То пировать намъ по-прежнему, въ домѣ его собираясь,
Будетъ нельзя, и ужъ каждый особо, въ свой домъ возвратяся,
Свататься станетъ, подарки свои присылая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.
Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно, внимали другіе.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови;
Злачный Дулихій, пшеницей богатый, покинувъ, въ Итакѣ
Онъ отличался отъ всѣхъ жениховъ и самой Пенелопѣ
Нравился умною рѣчью, благими лишь мыслями полный.
Такъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный:
Нѣтъ! посягать я на жизнь Телемака, друзья, не желаю;
Царскаго сына убійство есть страшно-безбожное дѣло;
Прежде боговъ вопросите, чтобъ свѣдать, какая ихъ воля;
Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣренье наше,
Самъ соглашусь я его поразить и другихъ на убійство
Вызову; если жъ Зевесъ запретитъ, мой совѣтъ: воздержитесь.
Такъ онъ сказалъ, подтвердили его предложенье другіе.
Вставши, всѣ вмѣстѣ они возвратилися въ домъ Одиссея;
Въ домъ же вступивъ, тамъ на стульяхъ они помѣстилися гладкихъ.
Но Пенелопа разумная, дѣло иное придумавъ,
Вышла къ своимъ женихамъ многобуйнымъ изъ женскихъ покоевъ;
Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тайномъ на жизнь Телемака:
Все благородный глашатай Медонъ ей открылъ; и, поспѣшно,
Взявши съ собой двухъ служанокъ, она, божество межъ женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ.

Рѣчь къ Антиною свою обративъ, Пенелопа сказала:
Злой кознодѣй, Антиной необузданный, словомъ и дѣломъ
Ты изъ товарищей самый разумнѣйшій— такъ здѣсь въ Итакѣ
Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ твой прославленный разумъ?
Бѣшеный! что побуждаетъ тебя Телемаку готовить
Смерть и погибель? Зачѣмъ ты сиротъ притѣсняешь, любезныхъ
Зевсу? Неправъ человѣкъ, замышляющій ближнему злое.
Иль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда прибѣжалъ, устрашенный
Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ за то, что, приставши
Къ шайкѣ тафійскихъ разбойниковъ, съ ними ограбилъ еспротовъ,
Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь народъ порывался
Смерти предать и готовъ у него былъ исторгнуть изъ груди
Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ, предать истребленью;
Но Одиссей, за него заступившись, народъ успокоилъ;
Ты жъ Одиссеево грабишь богатство, жену Одиссея
Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссееву сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и другимъ въ осторожность.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О многоумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой предаешься тревогѣ?
Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ никого, кто бъ помыслилъ
Руку поднять на убійство любимца боговъ Телемака.
Нѣтъ! и покуда я живъ и покуда очами я землю
Вижу, тому не бывать, иль—скажу передъ всѣми, и вѣрно
Сбудется слово мое — обольется убійца своею
Кровью, моимъ пораженный копьемъ; Одиссей, не забылъ я,
Бралъ здѣсь нерѣдко меня на колѣни и мяса куски мнѣ
Клалъ на ладонь и вина благовоннаго выпить давалъ мнѣ.
Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю Телемака.
Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ страшиться, по крайней
Мѣрѣ отъ насъ жениховъ. Но судьбы избѣжать невозможно.
Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ иное.
Но Пенелопа, къ себѣ возвратяся, тамъ въ свѣтлыхъ покояхъ
Плакала горько о миломъ своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Смерклось, когда къ Одиссею и къ сыну его возвратился
Старый Эвмей. Онъ нашелъ ихъ, готовящихъ ужинъ, зарѣзавъ
Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде однако,
Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина ударомъ
Трости своей превратила по-прежнему въ хилаго старца,
Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ Эвмей благородный
Съ перваго взгляда его не узналъ и (сберечь неспособный
Тайну) не бросился въ городъ обрадовать вѣстью царицу.
Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Телемакъ: наконецъ ты,
Честный Эвмей, возвратился? Скажи же, что видѣлъ? Что слышалъ?
Въ городъ обратно пришли ль, наконецъ, женихи изъ засады?
Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ на дорогѣ?
Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей благородный:

Свѣдать о нихъ и разспрашивать мнѣ не входило и въ мысли;
Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился: какъ бы скорѣе
Данное мнѣ порученье исполнить и къ вамъ возвратиться.
Шедши жъ туда, я съ гонцомъ, отъ ходившихъ съ тобой мореходцевъ
Посланнымъ, встрѣтился—первый онъ все объявилъ Пенелопѣ;
Только одно разскажу я, что видѣлъ своими глазами:
Къ городу близко уже, на вершинѣ Эрмейскаго холма
Былъ я, когда быстролетный, въ глубокую нашу входящій
Пристань, корабль усмотрѣлъ; я примѣтилъ, что было въ немъ много
Ратныхъ; щитами, двуострыми копьями ярко блисталъ онъ;
Это они, я подумалъ: но правда ли? Знать мнѣ неможно.
Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила святая блеснула
Легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно Эвмею.
Кончивъ работу и пищу состряпавъ, они съ свинопасомъ
Сѣли за столъ, и порадовалъ душу имъ ужинъ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдою, о ложѣ
Каждый подумалъ; и сна благодать ниспослали имъ боги.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать осьмой день.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эвмею проводить туда и своего гостя. Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и приводитъ оттуда съ собою Ѳеоклимена. Пенелопа разспрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во время путешествія; Ѳеоклименъ пророчествуетъ ей возвращеніе Одиссея. Тѣмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою встрѣчаютъ они Мелантія, который ихъ обоихъ оскорбляетъ. Пришедъ къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку, которая, узнавши его, умираетъ. Онъ входитъ въ пировую палату, проситъ милостыни у женихонъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопа зоветъ его къ себѣ, желая разспросить объ Одиссеѣ; онъ обѣщается придти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ, Телемакъ благородный,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавъ золотыя сандаліи, въ руку
Взялъ боевое копье, заощренное мѣдью, которымъ
Ловко владѣлъ, и, готовый въ дорогу, сказалъ свинопасу:
Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить свиданьемъ со мною
Милую мать: безъ сомнѣнья, дотолѣ крушиться и горько
Плакать она безутѣшная будетъ, пока не увидитъ
Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей, поручаю
Этого странника; въ городъ поди съ нимъ, дабы подаяньемъ
Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ, кто захочетъ,
Хлѣба ему иль вина. Мнѣ нельзя на свое попеченье
Всякаго нищаго брать; и своихъ ужъ заботъ мнѣ довольно;
Если же этимъ обидится твой чужеземецъ, тѣмъ хуже
Будетъ ему самому; я люблю говорить откровенно.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, согласился остаться;
Нашему брату обѣдъ добывать подаяніемъ легче
Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый даетъ намъ, что хочетъ.
Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за скотиной и всякую службу

Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пастухамъ повинуяся. Добрый
Путь, мой прекрасный; меня же проводить хозяинъ, когда я
Здѣсь у огня посогрѣюсь, когда на дворѣ потеплѣетъ;
Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно; тѣло насквозь проницаетъ
Утренникъ рѣзкій; до города жъ, вы говорите, не близко.
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Телемакъ благородный поспѣшнымъ
Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ мысляхъ готовилъ
Онъ женихамъ. Наконецъ онъ пришелъ безпрепятственно въ домъ свой.
Тамъ, боевое копье прислонивши къ высокой колоннѣ,
Онъ черезъ каменный двери порогъ перешелъ и увидѣлъ
Первую въ домѣ усердную няню свою Эвриклею:
Мягкія клала на стулья овчины старушка. Потокомъ
Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и скоро
Всѣ собрались Одиссеева дома рабыни; и съ плачемъ
Голову, плечи и руки онѣ у него лобызали.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная; сына она обняла, и съ любовію нѣжной
Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая
Громко, ему цѣловать и крылатое бросила слово:
Ты ль, ненаглядный мой, милый мой сынъ, возвратился? Тебя я
Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплывшаго въ Пилосъ
Тайно, со мной не простясь, чтобъ узнать объ отцѣ отдаленномъ.
Все разскажи мнѣ теперь по порядку, что видѣлъ, что слышалъ.
Ласково ей отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, не печаль мнѣ души, и тревоги напрасной
Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно отъ гибели вѣрной;
Но, сотворивъ омовенье и чистой облекшись одеждой,
Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой поди и съ молитвой
Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу безсмертнымъ,
Если враговъ наказать намъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать чужеземца, который
Нынѣ со мною, когда возвращался я, прибылъ въ Итаку:
Вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда напередъ былъ отправленъ;
Въ городъ его проводить поручилъ я Пирею, дабы онъ
Въ домѣ его подождалъ моего возвращенія съ поля.
Такъ говорилъ онъ, и слово его не промчалося мимо
Слуха царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести экатомбу,
Если враговъ наказать имъ поможетъ Зевесъ Олимпіецъ.
Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго дома
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки;
Образъ его несказанной красой озарила Аѳина
Такъ, что дивилися люди, его подходящаго видя.
Всѣ вкругъ него собрались женихи многобуйные; каждый
Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя недоброе въ сердцѣ.
Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы отдѣлясь, подошелъ онъ
Къ мѣсту, гдѣ Ментеръ сидѣлъ и при немъ Антифатъ съ Галиѳердомъ,
Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность царю Одиссею.

Сѣвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все разсказалъ, какъ случилось.
Скоро явился Пирей, копьеверженъ, и Θеоклименъ съ нимъ
Вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ города; не былъ
Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья; къ нему подошелъ онъ.
Первое слово сказалъ тутъ Пирей Одиссееву сыну:
Въ домъ мой пошли, Телемакъ благородный, невольницъ, чтобъ взяли
Тамъ всѣ подарки, которые ты получилъ отъ Атрида.
Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ богоравный:
Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей, чѣмъ окончится дѣло;
Если въ жилищѣ моемъ женихами надменными тайно
Буду убитъ я, они все имущество наше раздѣлятъ;
Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ подарки наслѣдствомъ
Были; но если на нихъ обратится губящая Кера—
Все мнѣ веселому, самъ веселящійся, въ домъ принесешь ты.
Кончивъ, повелъ за собою онъ многострадавшаго гостя
Въ домъ свой, и скоро туда безпрепятственно прибыли оба.
Тамъ, положивши на кресла и стулья свои всѣ одежды,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться. Когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантіи, оба
Вышедъ изъ гладкихъ купаленъ, они помѣстились на стульяхъ.
Тутъ принесла на лохани серебряной руки умыть имъ
Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣстнымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищей они насладились.
Противъ же нихъ, невдали отъ двухстворныхъ дверей, Пенелопа
Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкія нити сучила.
Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой ѣдой, Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная, сыну сказала:
Видно мнѣ лучше наверхъ мой уйти и лежать одиноко
Тамъ на постелѣ, печалью перестланной. горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ далекую Трою
Мстить за Атрида пошелъ Одиссей—ты, я вижу, не хочешь,
Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуйные вновь соберутся,
Мнѣ разсказать, что узналъ объ отцѣ: возвратился ль онъ, живъ ли?
Милая мать, отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ,
Слушай, я все разскажу, ничего отъ тебя не скрывая.
Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдѣ пастырь людей многославный
Несторъ меня въ благолѣпно-устроенномъ принялъ жилищѣ,
Принялъ такъ нѣжно, какъ сына отецъ принимаетъ, когда онъ
Въ домъ возвращается, долго напрасно имъ жданный; такъ Несторъ
Самъ и его сыновья многославные были со мною
Ласковы. Но объ отцѣ ничего разсказать онъ не могъ мнѣ;
Живъ ли, скитается ль гдѣ на земли, иль погибъ ужъ, объ этомъ
Слуховъ къ нему не дошло. Къ Менелаю Атриду меня онъ,
Давъ мнѣ коней съ колесницею кованой, въ Спарту отправилъ.

Тамъ я увидѣлъ Елену Аргивскую, многихъ ахеянъ,
Многихъ троянъ погубившую, волей боговъ всемогущихъ.
Царь Менелай, вызыватель въ сраженье, спросилъ, за какою
Нуждою прибылъ къ нему я въ божественный градъ Лакедемонъ?
Все разсказалъ я подробно ему, ничего не скрывая.
Такъ на мои мнѣ слова отвѣчалъ Менелай златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,
Сами безсильные, мыслятъ они захватить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ логовищѣ
Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцовъ положила, сама же
Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ, травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ въ логовище—
Разомъ бы страшная участь птенцовъ безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки Одиссея.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лесбосѣ, обильно людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомѣледомъ выступивъ въ бой рукопашный,
Онъ опрокинулъ врага на великую радость ахейцамъ—
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одиссей вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбѣжной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я разскажу откровенно, и мною обманутъ не будешь;
Что самому возвѣстилъ мнѣ морской проницательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю истину вѣдать.
Видѣлъ его на далекомъ онъ островѣ, льющаго слезы
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ возвратный:
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ которыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго моря.
Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай, вызыватель въ сраженье.
Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и послали попутный
Вѣтеръ намъ боги — въ отечество милое насъ проводилъ онъ.
Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволновалась душа Пенелопы.
Ѳеоклименъ богоравный тогда ей сказалъ: не крушися,
Многоразумная старца Икарія дочь, Пенелопа,
Знаетъ не все онъ; теперь на мое обратися вниманьемъ
Слово: я то, что случиться должно, предскажу вамъ навѣрно;
Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною вашей трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома кляняся
Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже Одиссей, что сокрытъ онъ
Гдѣ-нибудь въ домѣ, иль ходитъ, незнаемый, все узнавая
Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбѣжную въ мысляхъ готовя.
Вѣщая птица, которую видѣлъ вблизи корабля я,
То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объявилъ Телемаку.
Ѳеоклимену разумная такъ отвѣчала царица:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли, собравшись
Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ шумныя игры.
Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ имъ пригнали
Мелкій скотъ пастухи, приводившіе къ нимъ ежедневно
Козъ и барановъ, ихъ кликнулъ глашатай Медонъ; былъ любимецъ
Онъ жениховъ и вседневно къ столу ихъ его приглашали.
Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли довольно; войдите
Въ домъ, и начнемъ нашъ обѣдъ совокупною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя пища намъ вдвое вкуснѣе.
Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся его приглашенью,
Встали и къ дому пошли всей толпою; когда же вступили
Въ домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жиромъ налитыхъ свиней убивать; былъ зарѣзанъ и тучный
Быкъ. И за стряпанье всѣ принялися они. Той порою
Въ городъ идти съ Одиссеемъ Эвмей собрался; и, готовый
Въ путь, онъ сказалъ наконецъ, обратяся къ Лаэртову сыну:
Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ нынче жъ тебя проводилъ я
Въ городъ, какъ намъ повелѣлъ господинъ мой—сказать откровенно,
Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя здѣсь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бранить господинъ мой
Будетъ за это меня; а господская брань непріятна.
Время однако идти намъ; ужъ болѣ прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ пронзителенъ будетъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ же, и будь ты моимъ провожатымъ.
Только сыщи мнѣ какой бы то ни было посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная—слышно—что щею
Можно сломить. Такъ сказавъ, на плеча онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ.
Далъ ему въ руки Эвмей суковатую палку; и оба
Вмѣстѣ пошли, пастуховъ и собакъ сторожами оставивъ
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ своего господина
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ набросивъ на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой, напослѣдокъ
Къ городу близко они подошли. Находился тамъ свѣтлый
Ключъ; обложенъ былъ онъ камнемъ, и брали въ немъ граждане воду.
Въ старое время Итакъ, Неріонъ и Поликторъ прекрасный
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ онъ рощею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ студеной струею
Ключъ въ водоемъ со скалы, на вершинѣ которой воздвигнутъ
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили тамъ путники жертву.
Тамъ козоводъ повстрѣчался имъ—сынъ Долiоновъ Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,

Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей двое
Было. Увидя идущихъ, онъ началъ ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгнѣвалъ въ груди Одиссеевой сердце;
Подлинно здѣсь негодяй негодяя ведетъ— говорилъ онъ—
Права пословица: ровнаго съ ровнымъ безсмертные сводятъ.
Ты, свинопасъ безтолковый, куда путешествуешь съ этимъ
Нищимъ, столовъ обирателемъ, грязнымъ бродягой, который,
Стоя въ дверяхъ, неопрятныя плечи объ притолку чешетъ,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая въ подарокъ.
Могъ бы у насъ онъ, когда бы его къ намъ прислалъ ты, закуты
Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ подстилки готовить;
Скоро бы онъ раздобрѣлъ, простоквашей у насъ обжираясь;
Это однако ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать ненасытный желудокъ.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно;
Если войти онъ отважится въ домъ Одиссея—скамеекъ
Много изъ рукъ жениховъ на его полетитъ тамъ пустую
Голову; ребра, таская его, тамъ ему обломаютъ
Объ полъ; и, такъ говоря, Одиссея онъ, съ нимъ поравнявшись,
Пяткою въ ляшку толкнулъ, но съ дороги не сбилъ, не принудилъ
Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ ужъ готовъ былъ Лаэртовъ
Сынъ, побѣжавши за нимъ, суковатою палкою душу
Выбить изъ тѣла его, иль, взорвавши на воздухъ, ударить
Оземь его головою. Но онъ удержался. Эвмей же
Началъ ругать оскорбителя; руки поднявъ, онъ воскликнулъ:
Нимфы потока, Зевесовы дочери, если когда вамъ
Тукомъ обвитыя бедра козловъ и барановъ здѣсь въ жертву
Царь Одиссей приносилъ, не отриньте мольбы, возвратите
Намъ Одиссея; да благостный демонъ его намъ проводитъ!
Выгналъ тогда бъ изъ тебя онъ надменныя мысли, забылъ бы
Ты, какъ шальной, по дорогамъ шататься и бѣгать безъ дѣла
Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопытныхъ слугъ оставляя.
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ свинопасу:
Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли какое замыслилъ?
Дай срокъ, тебя, какъ товаръ, въ кораблѣ чернобокомъ отсюда
Я увезу и продамъ въ иноземье за добрыя деньги;
Здѣсь же иль самъ Аполлонъ сребролукій сразитъ Телемака
Тихой стрѣлой, иль, мечомъ жениховъ пораженный, погибнетъ
Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утративщій день возвращенья.
Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ оставивъ обоихъ,
Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ обители царской, онъ прямо
Тамъ въ пировую палату вступилъ и за столъ съ женихами
Сѣлъ Эвримаха напротивъ, къ которому былъ онъ усерднѣй,
Нежели къ прочимъ; ему предложилъ тутъ служитель мяснаго,
Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса; онъ началъ
Ѣсть. Той порой Одиссей подошелъ съ свинопасомъ Эвмеемъ
Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда послышались струны

Цитры глубокой, потомъ раздалося и пѣ,
ніе; Фемій
Пѣлъ; Одиссей, ухватясь за Эвмееву руку, воскликнулъ:
Другъ, мы конечно пришли къ Одиссееву славному дому.
Можетъ легко быть онъ узнанъ межъ всѣми другими домами:
Длинный рядъ горницъ просторныхъ, широкій и чисто мощеный
Дворъ, обведенный зубчатой стѣною, двойныя ворота
Съ крѣпкимъ замкомъ — въ нихъ ворваться насильно никто не помыслитъ.
Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ; паръ благовонный
Мяса я чувствую; слышу и стройно звучащія струны
Цитры, богами въ сопутницы пиру веселому данной.
Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ богоравный:
Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ; человѣкъ ты разумный;
Прежде однако должны мы размыслить о томъ, что намъ сдѣлать
Лучше: тебѣ ли во внутренность дома вступить и явиться
Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ, а мнѣ здѣсь остаться?
Или тебѣ на дворѣ подождать одному, а войти къ нимъ
Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто здѣсь съ тобой не подрался,
Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ — я такъ говорю въ осторожность.
Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одиссей хитроумный;
Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ понятны; войди ты
Прежде одинъ: я покуда остануся здѣсь; я довольно
Въ жизни тревожной ударовъ сносилъ; и швыряемо было
Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не учиться; не мало видалъ я
Бурь и сраженій; пусть будетъ и нынѣ со мной, что угодно
Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ побѣжденъ быть желудокъ,
Жадный, насильственный, множество бѣдъ приключающій смертнымъ
Людямъ: ему въ угожденье и крѣпкоребристые ходятъ
Моремъ пустымъ корабли, принося разоренье народамъ.
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Уши и голову, слушая ихъ, подняла тутъ собака
Аргусъ; она Одиссеева прежде была, и ее онъ
Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней ходить не успѣлъ, принужденный
Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники часто на дикихъ
Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою ее уводили.
Нынѣ жъ забытый (его господинъ былъ далеко), онъ, бѣдный
Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, который отъ многихъ
Муловъ и многихъ коровъ на запасъ тамъ копили, чтобъ послѣ
Имъ Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно покинутый Аргусъ.
Но Одиссееву близость почувствовалъ онъ, шевельнулся,
Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъявленіе радости уши;
Близко жъ подползть къ господину и даже подняться онъ не былъ
Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣвши, слезу, отъ Эвмея
Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ сказалъ свинопасу:
Странное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ навозной собаку
Вижу; прекрасной породы она, но сказать не умѣю,
Сила и легкость ея на бѣгу таковы ль, какъ наружность?
Или она лишь такая, какихъ у господъ за столами

Часто мы видимъ: для роскоши держатъ ихъ знатные люди.
Такъ, отвѣчая, сказалъ ты, Эвмей, свинопасъ Одиссею:
Это собака погибшаго въ дальнемъ краю Одиссея;
Если бъ она и понынѣ была такова же, какою,
Плыть собираясь въ Троянскую землю, ее господинъ мой
Дома оставилъ—ея быстротѣ и отважности вѣрно бъ
Ты подивился; въ лѣсу ни въ какомъ захолустьѣ укрыться
Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье несказанное было.
Нынѣ же бѣдная брошена; нѣтъ ужъ ея господина,
Въ чужѣ погибъ онъ; служанки жъ о ней и подумать лѣнятся;
Рабъ нерадивъ; не принудь господинъ повелѣніемъ строгимъ
Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:
Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ человѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ.
Кончилъ, и, въ двери свѣтло-населеннаго дома вступивши,
Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ женихи пировали.
Въ это мгновеніе Аргусъ, увидѣвшій вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой смертоносною Меры.
Прежде другихъ Телемакъ богоравный Эвмея, который,
Ходя кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему головою
Подалъ онъ знакъ, чтобъ къ нему подошелъ; осмотрѣвшись, пустую
Взялъ онъ скамью, на которой всегда за столомъ раздаватель
Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать женихамъ по порядку.
Эту скамью пододвинувъ къ столу Телемакову, сѣлъ онъ
Противъ него; предложилъ тутъ, приблизившись къ блюдомъ, глашатай
Мяса варенаго часть имъ, и хлѣбъ, изъ корзины имъ взятый.
Вслѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одиссей богоравный
Въ образѣ хилаго старца, который чуть шелъ, подпираясь
Посохомъ, съ бѣдной котомкою, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ;
Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогѣ, спиной прислоняся къ дубовой
Притолкѣ (выскоблилъ острою скобелью плотникъ искусный
Гладко ее, напередъ топоромъ по снуру обтесавши).
Тутъ свинопасу Эвмею сказалъ Телемакъ, подавая
Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими взятый, и вкуснаго мяса,
Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститься могло: отнеси ты
Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ потомъ обошелъ онъ
Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ подаянья—стыдливымъ
Нищему, тяжкой нуждой удрученному, быть неприлично.
Такъ онъ сказалъ, и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Одиссею.
Близко къ нему приступивши, онъ бросилъ крылатое слово:
Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ сказать, чтобъ потомъ ты,
Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ подаянья—стыдливымъ
Нищему быть, говоритъ онъ, въ жестокой нуждѣ неприлично.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Зевсъ да пошлетъ благоденствіе между людьми Телемаку,
Давъ совершиться всему, что теперь замышляетъ онъ въ сердцѣ!
Такъ онъ сказалъ, и, обѣими взявши руками подачу,
Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на убогой котомкѣ.

Началъ онъ ѣсть; той порой вдохновенно
запѣлъ предъ гостями
Фемій; когда же тотъ вдоволь наѣлся, а этотъ умолкнулъ—
Начали вновь женихи бушевать; но богиня Аѳина,
Тайно приближась къ Лаэртову сыну, ему повелѣла
Встать и ходить вкругъ столовъ ихъ, прося подаянья: хотѣла
Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ и кто беззаконникъ:
Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изъятія смерти предать назначала.
Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго началъ просить подаянья,
Руку къ нему простирая, какъ нищій, скитаться обыкшій.
Съ жалостнымъ сердцемъ они на него въ изумленьи смотрѣли,
Знать любопытствуя, кто и откуда пришелъ онъ. Сидѣвшій
Съ ними пастухъ козоводъ, забіяка Мелантій сказалъ имъ:
Слушайте вы, женихи многославной царицы, я видѣлъ
Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда повстрѣчавшись;
Думаю, былъ онъ сюда приведенъ свинопасомъ Эвмеемъ;
Самъ же не знаю я, кто и въ какой сторонѣ родился онъ.
Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея съ досадою крикнулъ:
Ты, свинопасъ, негодяй всѣмъ извѣстный, зачѣмъ ты приводишь
Въ городъ такихъ развращенныхъ бродягъ? Ужъ и здѣшняя сволочь
Этихъ столовъ обирателей намъ нестерпимо докучна;
Видно еще для тебя недовольно, что всѣ здѣсь запасы
Тратятъ они—и еще одного ты привелъ къ намъ обжору.
Такъ, возражая, Эвмей свинопасъ отвѣчалъ Антиною:
Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоброе молвилъ
Слово теперь. Приглашаетъ ли кто человѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, иль искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ—
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто пригласитъ произвольно?
Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы къ рабамъ Одиссея
Самый неласковый былъ завсегда, и ко мнѣ особливо;
Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телемакомъ, моимъ господиномъ.
Кротко Эвмею сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное слово; онъ любитъ
Ссориться самъ, и другихъ на раздоръ подбиваетъ охотно.
Тутъ, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ крылатое слово:
Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благодушный, печешься,
Другъ Антиной, выгоняя своимъ повелительнымъ словомъ
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—но будетъ ли Дій тѣмъ доволенъ?
Дай, что захочешь; не спорю я; самъ приглашаю напротивъ;
Матери также моей не страшися; тебя не осудитъ
Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ.
Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не приходятъ
Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ же давать не охотникъ.
Кончилъ, и гнѣвно ему возразилъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:

Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный, гордорѣчивый?
Если бъ вотъ это отъ каждаго здѣсь жениха получилъ онъ—
Вѣрно сюда бы три мѣсяца вновь заглянуть не подумалъ.
Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на которую ноги
Клалъ подъ столомъ, и, грозяся, ее показалъ Одиссею.
Прочіе жъ всѣ подавали, котомку его наполняя
Хлѣбомъ и мясомъ. И, много собравъ, Одиссей ужъ готовъ былъ
Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной насытиться пищей; но прежде
Онъ подошелъ къ Антиною и бросилъ крылатое слово:
Дай мнѣ и ты. Не послѣднимъ тебя здѣсь считаю, но первымъ
Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю ты подобишься видомъ;
Щедродаянье должно быть тебѣ и приличнѣй и легче
Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ по всей безпредѣльной
Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не всегда безпріютно
Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ — была безъ сомнѣнья святая
Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ добычниковъ поплылъ
Я въ отдаленный Египетъ (онъ тамъ приготовилъ мнѣ гибель).
Въ лонѣ потока Египта легкоповоротные наши
Всѣ корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ отборные люди
Тамъ на морскомъ берегу сторожить ихъ остались; другимъ же
Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буйство; они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мирныхъ Египта
Бросились, начали женъ похищать и дѣтей малолѣтныхъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жителей града
Скоро достигла, и сильная ранней зарей собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью оружій
Поле кругомъ закипѣло; Зевесъ, веселящійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; отразить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвсюду насъ смерть окружила;
Многихъ тогда изъ товарищей мѣдь умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли на печальное рабство.
Я же былъ жителю Крита, въ Египетъ прибывшему, проданъ
Дметору, сыну Эзона, владѣвшаго Кипромъ: въ Итаку
Прибылъ изъ Кипра я, много имѣвъ на пути злоключеній.
Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Вѣрно намъ демонъ такую чуму посылаетъ, такую
Норчу пировъ! отойди отъ стола моего; на срединѣ
Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и Египта и Кипра.
Что за наглецъ неотступный! какой побродяга безстыдный!
Всѣхъ почередно ты здѣсь обошелъ; и тебѣ, что попалось
Подъ руки каждому, подали всѣ, не изъ щедрости: здѣсь имъ
Есть что подать; подавать же чужое легко. Убирайся жъ
Прочь. Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ Одиссей хитроумный:

Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой разсудокъ несходенъ;
Въ домѣ своемъ ты и соли щепотку мнѣ дать пожалѣлъ бы,
Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ прохлаждаяся, хлѣба
Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ вашъ, я вижу, обиленъ.
Такъ онъ сказалъ. Антиной, разсердясь, на него изъ подлобья
Грозно очами сверкнулъ и бросилъ крылатое слово:
Если еще грубіянить ты вздумалъ, бродяга, то даромъ
Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не выдешь отсюда.
Тутъ онъ скамейкой швырнулъ — и жестоко ударила въ спину
Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утесъ, не шатнувшись,
Онъ устоялъ на ногахъ, несраженный ударомъ; онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Къ двери потомъ возвратяся, онъ сѣлъ на порогъ и котомку
На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ женихамъ: обратите
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многославной царицы, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Не было бъ въ томъ ни бѣды, ни прискорбія тяжкаго сердцу,
Если бы кто, за имѣнье свое, за быковъ, за блестящихъ
Шерстью овецъ заступаяся, вытерпѣлъ злые побои;
Мнѣ жъ отъ руки Антиноя побои достались за гнусный,
Жадный и множество бѣдъ приключающій людямъ желудокъ.
Если же боги и мщенье Эринній живутъ и для бѣдныхъ—
Смерть, Антиной, а не бракъ вожделѣнный ты встрѣтишь, обидчикъ.
Гнѣвно, ему возражая, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Ѣшь и молчи, негодяй; иль бѣги неоглядкой отсюда;
Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за ноги будешь рабами
Вытащенъ въ дверь и всѣ кости твои обломаются объ полъ.
Кончилъ; угрозы его не одобрилъ никто; негодуя,
Такъ говорили иные изъ юношей дерзконадменныхъ:
Ты, Антиной, поступилъ непохвально, обиду нанесши
Этому нищему; что же, когда онъ одинъ изъ безсмертныхъ?
Боги нерѣдко, облекшися въ образъ людей чужестранныхъ,
Входятъ въ земныя жилища, чтобъ видѣть своими очами,
Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто наблюдаетъ ихъ правду.
Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ были напрасны.
Злою обидой глубоко въ душѣ Телемакъ сокрушался
Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои утаивши, онъ только
Молча потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.
Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ чужеземецъ
Въ домѣ ихъ такъ оскорбленъ, обратяся къ рабынямъ, сказала:
О! когда бы его поразилъ Аполлонъ сребролукій!
Ей Эвринома, разумная ключница, такъ отвѣчала:
Если бы все исполнялось согласно съ желаніемъ нашимъ,
Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ ни одинъ бы не встрѣтилъ.
Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ возразила:
Правда, мнѣ всѣ ненавистны они, намъ отъ всѣхъ притѣсненье;
Но Антиной наиболѣе съ черною Керою сходенъ:
Принятъ въ нашъ домъ чужеземецъ и, ходя кругомъ, подаянья

Просить у всѣхъ онъ гостей, принужденный строгой нуждою—
Подали всѣ, и свою онъ наполнилъ котомку; лишь этотъ,
Вмѣсто подачи, въ него, какъ безумный, скамейкою бросилъ.
Такъ Пенелопа рабынямъ своимъ говорила въ покояхъ
Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на порогѣ, обѣдалъ.
Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса, царица сказала:
Слушай, Эвмей благородный, скажи иноземцу, что я съ нимъ
Здѣсь повидаться желаю, чтобъ знать отъ него, не слыхалъ ли
Онъ о супругѣ моемъ и ему не случилось ли гдѣ съ нимъ
Встрѣтиться: кажется мнѣ человѣкомъ онъ, много видавшимъ.
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
Если бъ твои женихи хоть на мигъ поутихли, царица,
Милое сердце твое онъ своимъ бы разсказомъ утѣшилъ.
Три дня и три ночи онъ ужъ гостить подъ моею убогой
Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ корабля убѣжавъ отъ ѳеспротовъ.
Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ не кончилъ разсказа;
Но какъ внимаютъ пѣвцу, вдохновенному свыше богами,
Пѣснь о великомъ поющему людямъ, судьбинѣ подвластнымъ,
Въ нихъ возбуждая желаніе слушать его непрестанно,
Такъ я внималъ чужеземцу, сидя передъ нимъ неподвижно;
Съ нимъ Одиссей по отцу, говоритъ онъ, считается гостемъ;
Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ Миноса, рожденный,
Прибылъ оттолѣ сюда онъ, и много превратностей встрѣтилъ,
Скудно мірскимъ подаяньемъ питаясь; и слышалъ онъ, будто
Края ѳеспротовъ, сосѣдняго съ нашей Итакой, достигнулъ
Царь Одиссей, возвращаясь въ домъ свой съ великимъ богатствомъ
Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему Пенелопа:
Кликни его самого; я желаю, чтобъ самъ разсказалъ онъ
Все мнѣ подробно, покуда игрой на дворѣ передъ дверью
Или во внутреннихъ горницахъ будутъ они забавляться;
Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ запасы,
Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ домашніе люди;
Имъ же удобнѣй, вседневно врываясь въ домъ нашъ толпою,
Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормленныхъ рѣзать,
Жрать до упада и свѣтлое наше вино безпощадно
Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ въ немъ такого
Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья избавить.
Если же онъ возвратится и снова отчизну увидитъ,
Съ сыномъ своимъ онъ отмститъ имъ за все. Такъ царица сказала.
Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и такъ сильно, что въ цѣломъ
Домѣ какъ громъ раздалось; засмѣявшись, Эвмею, поспѣшно
Кликнувъ его, Пенелопа крылатое бросила слово:
Добрый Эвмей, приведи ты сюда чужеземца немедля;
Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я теперь несомнѣнно
Знаю, что злые мои женихи неизбѣжно погибнутъ
Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
Выслушай то, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Если меня безъ обмана онъ доброю вѣстью утѣшитъ,

Мантію дамъ я ему и хитонъ и красивую обувь.
Кончила. Ей повинуясь, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ
Хочетъ она разспросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.
Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣшишь,
Мантію ты и хитонъ и красивую обувь получишь.
Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,
Въ городѣ можешь сбирать отъ людей— тамъ подастъ, кто захочетъ.
Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
Все безъ обмана я могъ бы теперь разсказать Пенелопѣ,
Старца Икарія дочери многоразумной; я много
Знаю о мужѣ ея: мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.
Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно, и мысли
Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой—
Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя нетерпѣнье
Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далёкомъ,
Ей разскажу, помѣстясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я
Плохо—то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.
Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуясь, пошелъ къ Пенелопѣ;
Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопа спросила:
Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же придти не хотѣлъ онъ,
Бѣдный? Боится ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
Нѣтъ; онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согласиться;
Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, боясь,
Просить тебя терпѣливо дождаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
Если его ты одна обо всемъ на досугѣ разспросишь.
Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:
Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и правъ онъ:
Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ посреди земнородныхъ неможно
Встрѣтить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвратныхъ.
Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,
Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ столовой
Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слыхали другіе:
Милый, теперь я иду; за свиньями, за домомъ, за всѣми
Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ
Будь здѣсь, себя береги, и смотри, чтобъ съ тобой никакого
Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаетъ.
Зевсъ да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!

Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но ты самъ, ночевавши
Дома, сюда возвратися поутру съ отборной свиньею.
Боги мой умъ просвѣтятъ и меня надоумятъ, что дѣлать.
Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удовольствовавъ голодъ,
Въ поле пошелъ онъ къ свиньямъ острозубымъ, оставивши царскій
Домъ, оглашаемый шумомъ пирующихъ; пѣньемъ и пляской
Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная ночь наступила.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОСЬМНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать осьмой день.

Бой Одиссея съ Иромъ. Онъ напрасно совѣтуетъ Анфиному разстаться съ женихами. Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый бракъ; они приносятъ ей подарки. Мелантo оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ него скамейкою. Женихи расходятся по домамъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ всѣмъ извѣстный бродяга; шатаясь
По міру, скуднымъ онъ жилъ подаяньемъ, и въ цѣлой Итакѣ
Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ, и нахальствомъ, и пьянствомъ;
Силы, однако, большой не имѣлъ онъ, хотя и высокъ былъ
Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ (такъ матерью названъ
Былъ при рожденьи), но въ городѣ вся молодежь величала
Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ былъ на посылкахъ.
Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ принуждать, чтобъ покинулъ
Домъ свой; и бросилъ ему раздраженный крылатое слово:
Прочь отъ дверей, старичишка, иль за ноги вытащенъ будешь;
Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ, меня понуждая
Вытолкать въ двери тебя; но марать понапрасну своихъ я
Рукъ не хочу; убирайся, иль дѣло окончится дракой.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому здѣсь; и сколько бъ
Тамъ кто ни подалъ тебѣ, я не стану завидовать; оба
Здѣсь на порогѣ мы можемъ просторно сидѣть; намъ не нужно
Споръ заводить. Ты, я вижу, такой же, какъ я, безпріютный
Странственникъ; бѣдны мы оба. Лишь боги даруютъ богатство.
Воли однако рукамъ не давай; не совѣтую; старъ я:
Но, разсердяся, и грудь у тебя разобью я и губы
Въ кровь; и просторнѣе будетъ тогда мнѣ на этомъ порогѣ
Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не придешь во второй разъ
Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэртова сына.
Иръ въ несказанной досадѣ воскликнулъ, ему отвѣчая:
Онъ же прожора и умничать вздумалъ! не хуже стряпухи
Старой лепечетъ! постой же; тебя проучитъ мнѣ порядкомъ
Должно, принявъ въ кулаки и изъ челюстей зубы повыбивъ
Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, истребляющей ниву.
Полно жъ сидѣть; выходи, покажи намъ свое здѣсь умѣнье;
Вотъ поглядимъ мы, ты сладишь ли съ тѣмъ, кто тебя посильнѣе.
Такъ межъ обоими нищими въ бранныхъ словахъ загорѣлась

Ссора на гладкомъ порогѣ дверей. То примѣтила прежде
Всѣхъ Антиноева сила святая. И съ хохотомъ громкимъ
Онъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ: друзья, поглядите,
Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. Подобнаго мнѣ не случалось
Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дій посылаетъ забаву:
Съ старымъ бродягой поссорился Иръ, и конечно ужъ скоро
Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе, намъ должно стравить ихъ.
Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣявшись, вскочили поспѣшно
Съ мѣстъ и соперниковъ, грязнымъ одѣтыхъ тряпьемъ, обступили.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю;
Козьи желудки лежатъ тамъ на угольяхъ; сами на ужинъ
Ихъ для себя отложили мы, жиромъ и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ побѣдителемъ будетъ,
Взялъ для себя изъ желудковъ обжаренныхъ лучшій; потомъ мы
Будемъ вседневно его приглашать и къ обѣду; другимъ же
Нищимъ сбирать здѣсь столовыя крохи впередъ не дозволимъ.
Такъ предложилъ Антиной, и одобрили всѣ предложенье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Въ бой выходить съ молодымъ старику, изнуренному въ силахъ
Нищенской жизнію, трудно, друзья; но докучный желудокъ
Нудитъ меня согласиться, хотя бъ и стерпѣть здѣсь побои.
Слушайте жъ то, что скажу: поклянитесь великою клятвой
Мнѣ, что, потворствуя Иру, никто на меня не подыметъ
Рукъ и сопернику верхъ надо мной одержать не поможетъ.
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклялися; когда же
Всѣ поклялися они и клятву свою совершили,
Слово къ отцу обративши, сказалъ Телемакъ богоравный:
Если ты самъ добровольно желаешь и смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не долженъ имѣть: кто посмѣетъ
Руку поднять на тебя, тотъ съ собою здѣсь многихъ поссоритъ.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и, конечно, со мною
Будутъ теперь заодно Антиной, Эвримахъ и другіе.
Такъ онъ сказалъ. Женихи согласились. Тогда сынъ Лаэртовъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность храня, опоясалъ.
Тутъ обнаружились крѣпкія ляшки, широкія плечи,
Твердая грудь, жиловатыя руки, и сдѣлала выше
Ростомъ его, непримѣтно къ нему подошедши, Аѳина.
Всѣ женихи на него съ изумленьемъ великимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Иру бѣда; за нахальство теперь онъ заплатитъ. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого нищаго скрыты!
Такъ говорили они. Обуяла великая трусость
Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили насильно;
Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на ногахъ онъ держался.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Лучше тебѣ хвастуну умереть иль совсѣмъ не родиться
Было бы, если теперь такъ дрожишь, такъ безстыдно робѣешь

Ты передъ этимъ, измученнымъ бѣдностью, старымъ бродягой.
Слушай однако, и то, что услышишь, исполнится вѣрно:
Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей одолѣетъ,
Будешь ты брошенъ на черный корабль и на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
Уши и носъ безпощадною мѣдью тебѣ онъ обрѣжетъ,
Въ крохи изрубитъ тебя и собакамъ отдастъ на съѣденье.
Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость проникнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли руки
Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей богоравный:
Сильно ль ударить его кулакомъ, чтобъ издохъ онъ на мѣстѣ?
Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть? Обдумавъ
Все, напослѣдокъ онъ выбралъ несильный ударъ, поелику
Иначе могъ бы въ сердцахъ женихов возбудить подозрѣнье.
Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ Одиссея ударилъ
Иръ. Одиссей же его по затылку близъ уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая кровь полилася
Ртомъ; онъ, завывъ, опрокинулся; зубы его скрежетали,
Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же, всплеснувши руками,
Всѣ помирали отъ смѣха. А сынъ благородный Лаэртовъ,
За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и портикъ къ воротамъ
Дома его черезъ дворъ протащилъ; и, его приневоливъ
Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ прислонилъ, суковатую палку
Втиснулъ ему полумертвому въ руки и гнѣвное бросилъ
Слово: сиди здѣсь, собакъ и свиней оттоняй; и нахально
Властвовать въ домѣ чужомъ не пытайся впередъ, высылая
Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль будетъ съ тобою
Хуже бѣда. Онъ сказалъ, и, на плечи набросивъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня на веревкѣ,
Къ двери своей возвратился и сѣлъ на порогѣ. А гости
Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему подступивши, сказали:
Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ, чтобъ они совершили
Все то, чего наиболѣ теперь ты желаешь, о чемъ ты
Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ отъ злаго прожоры
Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ на твердую землю
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ.
Такъ женихи говорили; былъ радъ Одиссей прорицанью.
Съ угольевъ снявши желудокъ, наполненный жиромъ и кровью,
Подалъ Лаэртову сыну его Антиной; и, два хлѣба
Взявъ изъ корзины, принесъ ихъ ему Анфиномъ; онъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его поздравляя:
Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! теперь нищетою
Ты удрученъ; да пошлютъ наконецъ и тебѣ изобилье
Боги! Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Ты, Анфиномъ, благомысленный юноша, вижу я; знатенъ
Твой благородный отецъ, повсемѣстно молвою хвалимый,
Низъ, уроженецъ Дулихія многобогатый; его ты
Сынъ, мнѣ сказали; и самъ испыталъ я, сколь ты добродушенъ.

Слушай же, другъ, и размысли, размысли о томъ, что услышишь:
Все на землѣ измѣняется, все скоротечно; всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, человѣкъ скоротечнѣй;
Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не помыслитъ, покуда
Счастіемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на ногахъ онъ;
Если жъ бѣду ниспошлютъ на него всемогущіе боги,
Онъ негодуетъ, но твердой душой неизбѣжное сноситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ обитающимъ людямъ,
Что бъ ни послалъ намъ Кроніонъ, владыка безсмертныхъ и смертныхъ.
Нѣкогда славенъ и я межъ людьми былъ великимъ богатствомъ;
Силой своей увлеченный, тогда беззаконствовалъ много
Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ своихъ полагаясь.
Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяетъ неправду!
Должно въ смиреньи напротивъ дары отъ боговъ принимать намъ.
Вижу, какъ здѣсь женихи, самовластно безчинствуя, губятъ
Все достоянье царя, и наносятъ обиды супругѣ
Мужа, который, я мыслю, недолго съ семьей и съ отчизной
Будетъ въ разлукѣ. Онъ близко. О другъ, да хранительный демонъ
Вовремя въ домъ твой тебя уведетъ, чтобъ ему на глаза ты
Здѣсь не попался, когда возвратится въ отеческій домъ онъ.
Здѣсь не пройдетъ безъ пролитія крови, когда съ женихами
Станетъ вести свой разсчетъ онъ, вступя подъ домашнюю кровлю.
Такъ онъ сказалъ и вина золотого, свершивъ возліянье,
Выпилъ; и кубокъ потомъ возвратилъ Анфиному. И тихимъ
Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой наклоненной, съ печалью
Милаго сердца, какъ будто предчувствіемъ бѣдствія полный;
Но не ушелъ отъ судьбы онъ; его оковала Паллада,
Пасть отъ копья Телемакова вмѣстѣ съ другими назначивъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой опять, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ свѣтлоокая дочь громовержца вложила желанье
Въ грудь Пенелопы разумной супруги Лаэртова сына
Выдти, дабы, женихамъ показавшись, сильнѣйшимъ желаньемъ
Сердце разжечь имъ, въ очахъ же супруга и милаго сына
Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною ихъ уваженья.
Такъ, улыбнуться уста приневоливъ, она Эвриномѣ,
Ключницѣ старой, сказала: хочу я—чего не входило
Прежде мнѣ въ умъ—женихамъ ненавистнымъ моимъ показаться;
Также хочу и совѣтъ тамъ подать Телемаку, чтобъ болѣ
Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабителей, онъ не водился;
Добры они на словахъ, но недобрыя мысли въ умѣ ихъ.
Ей Эвринома усердная ключница такъ отвѣчала:
То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Выдь къ нимъ и милому сыну подай откровенно совѣтъ свой.
Прежде однако омойся, натри благовоннымъ елеемъ
Щеки; тебѣ не годится съ лицомъ безобразнымъ отъ плача,
Къ нимъ выходить: красота увядаетъ отъ скорби всегдашней.
Сынъ же твой милый созрѣлъ, и тебѣ, какъ молила ты, боги
Дали увидѣть его съ бородою расцвѣтшаго мужа.

Ключницѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пенелопа сказала:
Нѣтъ, никогда, Эвринома, для нихъ ненавистныхъ не буду
Я омываться и щекъ натирать благовоннымъ елеемъ.
Боги, владыки Олимпа, мою красоту погубили
Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одиссей въ отдаленную Трою.
Но иозови Гиподамію, съ нею пускай Автоноя
Также придетъ, чтобъ меня проводить въ пировую палату:
Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости женской противно.
Такъ говорила царица. Поспѣшно пошла Эвринома
Кликнуть обѣихъ служанокъ, чтобъ тотчасъ послать къ госпожѣ ихъ.
Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Аѳины Паллады:
Сну мироносцу велѣла богиня сойти къ Пенелопѣ.
Сонъ прилетѣлъ и ее улелѣялъ, и все въ ней утихло.
Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и ей усыпленной
Все, чѣмъ плѣняются очи мужей, даровала богиня:
Образъ ея просіялъ той красой несказанной, какою
Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-томной съ харитами пляскѣ
Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ вѣнчанной, сіяетъ;
Стройный ея возвеличился станъ и все тѣло нѣжнѣе,
Чище, свѣжѣй и блистательнѣй сдѣлалось кости слоновой.
Такъ одаривши ее, удалилась богиня Аѳина.
Но бѣлорукія обѣ рабыни, вбѣжавши поспѣшно
Въ горницу, шумомъ нарушили сладостный сонъ Пенелопы.
Щеки руками съ просонья потерши, она имъ сказала:
Какъ же я сладко заснула въ моемъ сокрушеньи! О! если бъ
Мнѣ и такую же сладкую смерть принесла Артемида
Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной тоской перестала
Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одиссей, гдѣ супругъ мой,
Доблестью всякой украшенный, между ахеянъ славнѣйшій.
Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопа сошла; вслѣдъ за нею
Обѣ служанки сошли, и она, божество красотою,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки. Колѣна
Ихъ задрожали при видѣ ея красоты, и сильнѣе
Вспыхнуло въ каждомъ желаніе ложе ея раздѣлить съ ней.
Сына къ себѣ подозвавши, его Пенелопа спросила:
Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли разумѣ? Въ возрастѣ дѣтскомъ
Былъ ты умнѣй и приличіе всякое болѣе вѣдалъ.
Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ, и кто ни посмотритъ
Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній ли, каждый породу
Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ угадаетъ.
Гдѣ же однако твой умъ? Ты совсѣмъ позабылъ справедливость.
Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ совершилось;
Этого странника въ домѣ своемъ допустилъ ты обидѣть;
Что же? Когда чужеземецъ, довѣрчиво твой посѣтившій
Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть, и ругаться имъ станетъ

Всякой—постыдный упрекъ отъ людей на себя навлечешь ты.
Матери такъ отвѣчалъ благомысленный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, твой упрекъ справедливъ; на него не могу я
Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ ужъ не трудно
Зло отличать отъ добра; изъ ребячества вышелъ я, правда;
Но не всегда и теперь удается мнѣ лучшее выбрать:
Наши незваные гости приводятъ мой умъ въ безпорядокъ;
Злое одно замышляютъ они; у меня жъ руководца
Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Иромъ не ихъ самовольствомъ
Было устроено; высшая здѣсь обнаружилась воля.
Если бъ, о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!
Всѣ женихи многобуйные въ нашей обители нынѣ,
Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома покояхъ, сидѣли,
Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые, такъ же, какъ этотъ
Иръ побродяга, теперь за воротами дома сидящій!
Трепетной онъ головою мотаетъ, какъ пьяный; не можетъ
Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни подняться, чтобъ въ домъ свой
Медленнымъ шагомъ добресть черезъ силу; совсѣмъ онъ изломанъ.
Такъ про себя говорили они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ Эвримахъ благородный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Если бъ могли всѣ ахейцы язійскаго Аргоса нынѣ
Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число собралося
Въ домѣ твоемъ пировать. Превосходишь ты всѣхъ земнородныхъ
Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ и разумомъ свѣтлымъ.
Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопа ему отвѣчала:
Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила волей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы
Въ Трою и съ ними ношелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся
Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна.
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой демонъ со мною.
Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою онъ готовъ былъ покинуть,
Взявши за правую руку меня, онъ сказалъ на прощаньи:
Думать не должно, чтобъ воинство мѣднообутыхъ ахеянъ
Все безъ урона изъ Трои въ отчизну свою возвратилось;
Слышно, что въ боѣ отважны троянскіе мужи, что копья
Мѣтко бросаютъ; въ стрѣляніи изъ лука зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье межъ двухъ равносильныхъ
Ратей рѣшащими разомъ конями владѣютъ. Навѣрно
Знать не могу я, позволитъ ли Дій возвратиться сюда мнѣ,
Или ногибель я въ Троѣ найду. На твое попеченье
Все оставляю. Пекись объ отцѣ и объ матери милой
Такъ же усердно, какъ прежде, и даже усерднѣй: понеже
Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ возмужаетъ, ты замужъ
Выдь, за кого пожелаешь, и домъ нашъ покинь. На прощаньи
Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ исполнилось. Скоро,
Скоро она, ненавистная ночь ненавистнаго сердцу

Брака наступитъ для бѣдной меня, всѣхъ земныхъ утѣшеній
Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ несказанное горе.
Въ прежнее время обычай бывалъ, что, когда начинали
Свататься, знатнаго рода вдову иль богатую дѣву
Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи отличиться старались;
Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ быковъ и барановъ,
Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и невѣсту дарили
Щедро; чужое жъ имущество тратить безъ платы стыдились.
Кончила. Въ грудь Одиссея проникло веселье, понеже
Было пріятно ему, что отъ нихъ пожелала подарковъ,
Льстя имъ словами, душою же ихъ ненавидя, царица.
Ей отвѣчая, сказалъ Антиной, сынъ Эвнейтовъ надменный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Всякой подарокъ, тебѣ отъ твоихъ женихов подносимый,
Ты принимай: непозволено то отвергать, что дарятъ намъ.
Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя ни домой, ни въ иное
Мѣсто, пока ты изъ насъ по желанью не выберешь мужа.
Такъ говорилъ Антиной; согласилися всѣ съ нимъ другіе.
Каждый потомъ за подаркомъ глашатая въ домъ свой отправилъ.
Посланный длинную мантію съ пестрымъ шитьемъ Антиною
Подалъ; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ украшали,
Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ, въ кольцо задѣваясь, держалъ онъ
Мантію. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ золото съ чуднымъ искусствомъ,
Свѣтлыхъ, какъ солнце, большихъ янтарей принесли Эвримаху.
Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пурпурною ягодой сходныхъ
Шариковъ каждая — подалъ проворный слуга Эвридаму;
Былъ молодому Пизандру, Поликтора умнаго сыну,
Женскій уборъ принесенъ, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочіе всѣ на подарки. Принявъ ихъ,
Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно пошла Пенелопа.
Съ ней удалились, подарки неся, и младыя рабыни.
Тѣ же, опять обратившися къ пляскѣ и сладкому пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи; когда же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
Три по срединѣ палаты поставивъ жаровни, наклали
Много полѣньевъ туда, изощренной нарубленныхъ мѣдью,
Мелкихъ, сухихъ и лучиною тонкой зажгли ихъ, смолистыхъ
Факеловъ къ нимъ подложивши. Смотрѣть за огнемъ почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни. И съ ними
Такъ говорить Одиссей хитромысленный началъ: подите,
Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ покои
Вашей царицы, Икарія дочери многоразумной;
Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и волну руками
Дергайте, горе ея развлекая своимъ разговоромъ.
Я же останусь смотрѣть за огнемъ, и свѣтло здѣсь въ палатѣ
Будетъ, хотя бы они до утра пировать здѣсь остались;
Имъ не удастся меня утомить; я терпѣть научился.
Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на другую взглянули

Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣчала Меланто,
Дочь Долiона (ее воспитала сама Пенелопа
Съ дѣтства, и много игрушекъ и всякихъ ей лакомствъ давала;
Сердце жъ ея нечувствительно было къ печалямъ царицы;
Тайно любовный союзъ съ Эвримахомъ она заключила);
Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ словомъ:
Видно совсѣмъ потерялъ ты разсудокъ, бродяга; не хочешь
Видно искать ты ночлега на кузницѣ, или въ закутѣ,
Или въ шинкѣ; здѣсь конечно пріютнѣй тебѣ; на слова ты
Дерзокъ въ присутствiи знатныхъ господъ; и душою не робокъ;
Знать, отъ вина помутился твой умъ, иль, быть можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать; иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ поднялъ ты носъ— берегися однако;
Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться кто-нибудь Ира сильнѣе;
Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ желѣзнымъ повыбьетъ;
Вытолкнутъ въ дверь по затылку имъ будешь ты, кровью облитый.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая собака;
Въ мелкiя части болтунью тебя искрошитъ онъ прикажетъ.
Слово его испугало рабынь; и онѣ во мгновенье
Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дрожали отъ страха;
Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то, что сказалъ имъ
Странникъ. А онъ у жаровень стоялъ, наблюдая, чтобъ ярче
Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ жениховъ, имъ готовя
Мыслiю все, что потомъ и на самомъ исполнилось дѣлѣ.
Тою порой женихов и Аѳина сама возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщенiе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Такъ говорить Эвримахъ, сынъ Полибiевъ, началъ (обидѣть
Словомъ своимъ Одиссея, другихъ разсмѣшивши, хотѣлъ онъ):
Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи Пенелопы, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Этотъ нашъ гость безъ сомнѣнiя демономъ посланъ, чтобъ было
Намъ за трапезой свѣтлѣй; не отъ факеловъ такъ все сiяетъ
Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой нѣтъ волоса болѣ.
Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ Одиссею, примолвилъ:
Странникъ, ты вѣрно поденщикомъ будешь согласенъ наняться
Въ службу мою, чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ,
Рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя;
Круглый бы годъ получалъ отъ меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ногъ надлежащую обувь.
Думаю только, что будешь худой ты работникъ, привыкнувъ
Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мiрскимъ подаяньемъ питаясь:
Даромъ свой жадный желудокъ кормить для тебя веселѣе.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
Если бъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ
Дни, по косѣ, одинаково острой, обоимъ намъ дали

Въ руки, чтобъ, вмѣстѣ работая съ самаго ранняго утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ,
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работящихъ,
Дали четыре намъ поля вспахать для посѣва, тогда бы
Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
Поле изрѣзалъ. А, если бъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
Зевсъ, и мнѣ дали бы щитъ, два копья мѣдноострыхъ и мѣдный
Кованый шлемъ, чтобъ моей головѣ былъ надежной защитой,
Первымъ въ сраженьи меня ты тогда бы увидѣлъ; тогда бы
Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка.
Но человѣкъ ты надменный; твое непріязненно сердце;
Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь великимъ и сильнымъ
Лишь потому, что находишься въ обществѣ низкихъ и слабыхъ.
Если бъ однако, нежданный никѣмъ, Одиссей вамъ явился—
Сколь ни просторная плотникомъ сдѣлана дверь здѣсь, она бы
Узкой тебѣ, неоглядкой бѣгущему, вдругъ показалась.
Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на него изъ подлобья
Грозно очами сверкнулъ, и слово крылатое бросилъ:
Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, грязный бродяга:
Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ господъ и не робокъ душой ты;
Видно вино помутило твой умъ, иль, быть можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла болтать иль, осиливъ
Бѣднаго Ира, такъ сдѣлался гордъ—берегися однако.
Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ, чтобъ пустить въ Одиссея;
Но Одиссей, отскочивши, къ колѣнамъ припалъ Анфинома;
Мимо его прошумѣвъ, виночерпія сильно скамейка
Въ правую треснула руку, и чаша, въ ней бывшая, на полъ
Грянулась; тотъ, опрокинутый, навзничь упалъ, застонавши.
Начали громко шумѣть женихи въ потемнѣвшей палатѣ;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:
Лучше бы было, когда бъ, до прихода къ намъ, этотъ незваный
Гость на дорогѣ издохъ, не завелъ бы у насъ онъ такого
Шума. Теперь мы за нищаго ссоримся; пиръ нашъ испорченъ;
Кто при великомъ раздорѣ такомъ веселиться захочетъ?
Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сила святая:
Буйные люди, вы всѣ помѣшались; не можете болѣ
Скрыть вы, что хмѣль обуялъ васъ. Знать, демонъ какой поджигаетъ
Всѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы, спать ужъ пора вамъ;
Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать никого я не буду.
Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Тутъ, обратяся къ собранью, сказалъ Анфиномъ благородный,
Низовъ блистательный сынъ, отъ Аретовой царственной крови:
Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ

Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Пусть виночерпій опять намъ наполнитъ виномъ благовоннымъ
Кубки, чтобъ мы, возліявъ, на покой по домамъ разошлися;
Странника жъ здѣсь ночевать въ Одиссеевомъ домѣ оставимъ,
На руки сдавъ Телемаку: онъ гость Телемакова дома.
Такъ Анфиномъ говорилъ, и понравилось всѣмъ, что сказалъ онъ.
Тутъ Муліонъ, дулихійскій глашатай, слуга Анфиномовъ,
Мужъ благородной породы, вина намѣшавши въ кратеры,
Кубки наполнилъ до края и подалъ гостямъ; совершивши
Имъ возліянье блаженнымъ богамъ, осушили всѣ кубки
Гости; когда жъ, совершивъ возліянье, виномъ насладились
Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ предаться покою.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать осьмаго дня.

Одиссей вмѣстѣ съ Телемакомъ выноситъ оружія изъ столовой, потомъ остается одинъ. Меланто снова его оскорбляетъ. Онъ разсказываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ повѣсть и увѣряетъ ее, что Одиссей скоро возвратится въ домъ свой. Эвриклея узнаетъ его по рубцу на ногѣ; онъ повелѣваетъ ей молчать. Пенелопа разсказываетъ ему сонъ свой, потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ стрѣльбою изъ Одиссеева лука; наконецъ Пенелопа удаляется.

Всѣ разошлися; одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Аѳиной остался.
Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ нему обратяся: мой милый
Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружія вынесть отсюда.
Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ палатѣ, какъ прежде, оружій,
Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда отвѣчай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужъ сдѣлались вовсе они не такія, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбытіи въ Трою, покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти смрадной покрылись.
Также и высшую въ сердце вложилъ мнѣ Зевесъ осторожность:
Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда загорѣться лихая;
Кровью тогда сватовство и торжественный пиръ осквернится—
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое желѣзо.
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинуясь родителя волѣ,
Кликнулъ старушку, усердную няню свою Эвриклею;
Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ служанки сюда не входили
Прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцовыхъ оружій;
Здѣсь безъ присмотра они; всѣ испорчены дымомъ; отца же
Нѣтъ. Я донынѣ ребенокъ безсмысленный былъ, но теперь я
Знаю, что должно отнесть ихъ туда, гдѣ не можетъ ихъ портить
Копоть. Сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ приняться и дома
Быть господиномъ, и знать обходиться съ отцовымъ богатствомъ.
Кто же, когда покидать не велишь ты служанкамъ ихъ горницъ,
Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ здѣсь свѣтить за работой?
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Этотъ старикъ; не трудяся, никто, и хотя бъ онъ чужой былъ,

Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ, оставаться не долженъ.
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда принялися
Мѣдные съ гребнями шлемы, съ горбами щиты, съ остріями
Длинными копья наверхъ выносить; и Аѳина Паллада
Имъ невидимо, держа золотую лампаду, свѣтила.
Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ Одиссею: родитель,
Въ нашихъ очахъ происходитъ великое, думаю, чудо;
Гладкія стѣны палаты, сосновые средніе брусья,
Всѣ потолка перекладины, всѣ здѣсь колонны такъ ясно
Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ будто бъ пожаръ былъ кругомъ ихъ—
Видно здѣсь кто изъ боговъ олимпійскихъ присутствуетъ тайно.
Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный
Сыну: молчи, ни о чемъ не разспрашивай, бойся и мыслить:
Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ обычай.
Время тебѣ на покой удалиться, а я здѣсь останусь;
Видѣть хочу поведенье служанокъ; хочу въ Пенелопѣ
Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня обо всемъ разспросила.
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты немедленно вышелъ;
Факелъ зажженный неся, онъ пошелъ въ тотъ покой почивальный,
Гдѣ по ночамъ миротворному сну предавался обычно.
Въ спальню пришедши, онъ легъ и заснулъ въ ожиданьи денницы.
Тою порою одинъ Одиссей въ опустѣвшей палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно съ Палладой остался.
Вышла разумная тутъ изъ покоевъ своихъ Пенелопа,
Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой, съ младой Артемидой
Сходная. Сѣсть ей къ огню пододвинули стулъ, изъ слоновой
Кости точеный, съ оправой серебряной, чудной работы
Икмаліона (для ногъ и скамейку придѣлалъ художникъ
Къ дивному стулу). Онъ мягкоширокой покрытъ былъ овчиной.
Многоразумная сѣла на стулъ Пенелопа. Вступивши
Съ ней бѣлорукія царскаго дома служанки въ палату,
Начали всѣ убирать тамъ столы съ недоѣденнымъ хлѣбомъ,
Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ надменные гости
Пили; и, выбросивъ на полъ золу изъ жаровень, наклали
Новыхъ полѣньевъ туда, чтобъ нагрѣлась палата и былъ въ ней
Свѣтъ. А Меланто опять привязалась ругать Одиссея:
Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь и ночью покоя
Дать намъ, бродя здѣсь какъ стѣнь, чтобъ подмѣтить, что въ домѣ служанки
Дѣлаютъ. Вонъ! говорю я тебѣ, побродяга; наѣлся
Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну я въ тебя головнею.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей хитроумный:
Что жъ такъ неистово ты на меня, сумасбродная, злишься?
Или противно тебѣ, что въ грязи я, что, въ рубищѣ бѣдномъ
По міру ходя, прошу подаянья? Что жъ дѣлать? Я нищій.
Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно бродящимъ скитальцамъ.
Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми не совсѣмъ безпріютно

Жилъ; и богатоустроеннымъ домомъ владѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно давалъ неимущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаетъ ихъ свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ—такъ было ему то угодно.
Ты, безразсудная, такъ же (кто знаетъ, какъ скоро!) утратишь
Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь гордишься;
Станешь тогда ты противна своей госпожѣ; да и можетъ
Самъ Одиссей возвратиться—надежда не вовсе пропала;
Если же онъ и погибъ, и возврата лишенъ, то еще здѣсь
Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Аполлоновъ питомецъ,
Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведенье служанокъ домашнихъ,
Скрыться не можетъ ничто отъ него; онъ изъ дѣтства ужъ вышелъ.
Такъ онъ сказалъ. Пенелопа, услышавъ разумное слово,
Рѣчь обратила свою раздраженная къ дерзкой служанкѣ:
Ты, какъ собака, безстыдница, злишься; меня жъ не обманешь;
Знаю твое поведенье; за все головою заплатишь.
Развѣ не слышала ты, какъ сюда пригласить я велѣла
Этого странника, мысля, что можетъ сказать мнѣ какую
Вѣсть о супругѣ моемъ, о которомъ давно такъ я плачу?
Тутъ, обратясь къ Эвриномѣ, сказала она: Эвринома,
Стулъ пододвинь поскорѣе, покрытый овчиною мягкой;
Должно, чтобъ здѣсь иноземецъ покойно сидѣлъ, и свои намъ
Всѣ разсказалъ приключенья, и мнѣ отвѣчалъ на вопросы.
Такъ говорила она. Эвринома немедленно гладкій
Стулъ принесла и покрыла его густошерстной овчиной;
Сѣсть приглашенъ былъ на стулъ Одиссей богоравный женою.
Такъ, обратяся къ нему, начала говорить Пенелопа:
Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу, отвѣчай мнѣ:
Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ твой? Кто мать? Гдѣ родился?
Такъ, отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
О царица, повсюду и всѣ на землѣ безпредѣльной
Люди тебя превозносятъ, ты славой до неба достигла;
Ты уподобиться можешь царю безпорочному; страха
Божія полный, и многихъ людей повелитель могучій,
Правду творитъ онъ; въ его областяхъ изобильно родится
Рожь и ячмень, и пшено, тяготѣютъ плодами деревья,
Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ многорыбіемъ воды;
Праведно властвуетъ онъ и его благоденствуютъ люди.
Ты же, царица, меня вопрошай обо всемъ; не касайся
Только отчизны моей и семьи и семейнаго дома:
Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда говорить здѣсь
Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я немало. Въ чужомъ же
Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми, предаваться слезамъ неприлично.
Слезы напрасны: бѣдамъ не приносятъ онѣ исцѣленья.
Можетъ притомъ и на мысли придти здѣсь рабынямъ, сама ты
Можешь подумать, что слезы отъ хмѣля мои происходятъ.
Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:

Странникъ, мою красоту я утратила волей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ корабляхъ чернобокихъ ахейцы
Въ Трою, и съ ними пошелъ мой супругъ, Одиссей богоравный.
Если бъ онъ жизни моей покровителемъ былъ, возвратяся
Въ домъ, несказанно была бъ я тогда и славна и прекрасна;
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ злой демонъ со мною.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, лѣснаго Закинѳа,
Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой Итаки,
Нудятъ упорно ко браку меня, и нашъ домъ разоряютъ;
Мнѣ жъ не по сердцу никто; ни просящій защиты, ни странникъ,
Ниже глашатай служитель народа; одинъ есть желанный
Мной — Одиссей, лишь его неотступное требуетъ сердце.
Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ; прибѣгнуть къ обману
Я попыталась однажды; и демонъ меня надоумилъ
Станъ превеликій поставить въ покояхъ моихъ; начала я
Тонкоширокую ткань и, собравъ жениховъ, имъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахейскія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ погребенъ безъ покрова.
Такъ я сказала; они покорились мнѣ мужескимъ сердцемъ.
Цѣлый я день за тканьемъ проводила; а ночью, зажегши
Факелъ, сама все, натканное днемъ, распускала. Три года
Длилася хитрость удачно, и я убѣждать ихъ умѣла.
Но когда, обращеньемъ временъ приведенный, четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни пролетѣли—
Все имъ открыла одна изъ служанокъ, лихая собака;
Сами они тутъ застали меня за распущенной тканью:
Такъ и была приневолена ими я трудъ мой окончить.
Способа нѣтъ ужъ теперь избѣжать мнѣ отъ гнуснаго брака;
Хитрости новой на умъ не приходитъ; меня всѣ родные
Нудятъ къ замужству; и сынъ огорчается, видя, какъ домъ нашъ
Грабятъ: а онъ ужъ созрѣлъ и теперь за хозяйствомъ способенъ
Самъ наблюдать, и къ нему уваженье Зевесъ пробуждаетъ
Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно мнѣ, кто ты? Ужъ вѣрно не отрасль
Славнаго въ древности дуба, не камень отъ груди утеса.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Вижу, что ты о породѣ моей неотступно желаешь
Свѣдать. Я все разскажу, хоть печаль и усилитъ разсказъ мой
Въ сердцѣ моемъ. Такъ бываетъ со всякимъ, кто долго въ разлукѣ
Съ милой семьей, сокрушенный, какъ я, межъ людей земнородныхъ
Странствуетъ, ихъ посѣщая обители, самъ безпріютный.
Но отвѣчать на вопросы твои я съ охотою буду.

Островъ есть Критъ посреди виноцвѣтнаго моря, прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Тамъ девяносто они городовъ населяютъ великихъ.
Разные слышатся тамъ языки: тамъ находишь ахеянъ
Съ первоплеменной породой воинственныхъ критянъ; кидоны
Тамъ обитаютъ, дорійцы кудрявые, племя пеласговъ,
Въ городѣ Гноссѣ живущихъ. Едва девяти лѣтъ достигнувъ,
Тамъ ужъ царемъ былъ Миносъ, собесѣдникъ Кроніона мудрый,
Дѣдъ мой, родитель великаго Девкаліона, который
Идоменея родилъ и меня. Въ кораблѣ крутоносомъ
Идоменей, многославный мой братъ, въ отдаленную Трою
Поплылъ съ Атридомъ; мое жъ знаменитое имя Аитонъ;
Послѣ него родился я; онъ старшій и властью сильнѣйшій.
Въ Критѣ гостилъ Одиссей; и онъ мною, какъ гость, одаренъ былъ.
Въ Критъ же его занесло буреносною силою вѣтра:
Въ Трою плывя, и, у мыса Маллеи застигнутый бурей,
Въ устье Амизія ввелъ онъ свой быстрый корабль и въ опасной
Пристани сталъ близъ скалы Элеѳійской, богами спасенный.
Къ Идоменею онъ въ городъ пришелъ, утверждая, что гостемъ
Былъ онъ царю, что его почиталъ и любилъ несказанно.
Но ужъ дней десять прошло иль одиннадцать съ тѣхъ поръ, какъ поплылъ
Царь въ корабляхъ крутоносыхъ въ Троянскую землю. Я принялъ
Вмѣсто царя во дворцѣ Одиссея, и мной угощенъ былъ
Онъ дружелюбно съ великою роскошью; было запасовъ
Много у насъ; и сопутники всѣ Одиссеевы хлѣбомъ,
Собраннымъ съ міра, и огненноцвѣтнымъ виномъ и прекраснымъ
Мясомъ быковъ угощаемы досыта были; двѣнадцать
Дней провели богоравные люди ахейскіе съ нами:
Въ море идти не пустилъ ихъ Борей, бушевавшій съ такою
Силой, что было нельзя на ногахъ устоять и на сушѣ;
Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый день онъ утихнулъ.
Въ море пустились они. Такъ неправду за чистую правду
Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ ихъ лились; какъ таетъ
Снѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблачныхъ горъ, теплоноснымъ
Эвромъ согрѣтый и прежде туда нанесенный зефиромъ —
Имъ же растаеннымъ рѣки полнѣютъ и льются быстрѣе —
Такъ по щекамъ Пенелопы прекраснымъ струею лились
Слезы печали о миломъ, предъ нею сидѣвшемъ супругѣ.
Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ ея сокрушеньемъ
(Очи свои, какъ желѣзо иль рогъ неподвижныя, крѣпко
Въ темныхъ рѣсницахъ сковавъ, и въ нее ихъ вперивъ, не мигая),
Воли слезамъ не давалъ. И, насытяся горестнымъ плачемъ,
Такъ напослѣдокъ ему начала говорить Пенелопа:
Странникъ, я способъ имѣю, тебя испытанью подвергнувъ,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и спутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощалъ тамъ въ палатахъ царя, какъ теперь увѣряешь.
Можешь ли мнѣ описать ты, какое въ то время носилъ онъ
Платье, каковъ онъ былъ видомъ, и кто съ нимъ сопутники были?

Ей отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испытаніяхъ твердый:
Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому ужъ двадцатый
Годъ, какъ, мою посѣтивши отчизну, супругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталося въ памяти, вамъ разскажу я:
Въ мантію былъ шерстяную, пурпурнаго цвѣта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ двойными крючками
Бляхой держалася мантія; мастеръ на бляхѣ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепетала; и страшно
Песъ на нее разъяренный глядѣлъ и, изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изумленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ, носилъ онъ изъ чудной
Ткани, какъ плёнка, съ головки сушенаго снятая лука,
Тонкой, и свѣтлой, какъ яркое солнце; всѣ женщины, видя
Эту чудесную ткань, удивлялися ей несказанно.
Я же—замѣть ты—не вѣдаю, гдѣ онъ такую одежду
Взялъ? Надѣвалъ ли ужъ дома ее до отбытія въ Трою?
Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ своихъ при отъѣздѣ?
Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ гость? Одиссея любили
Многіе люди; сравниться же мало могло съ нимъ ахеянъ.
Мечъ мѣдноострый двойную пурпурную мантію, съ тонкимъ,
Сшитымъ по мѣркѣ хитономъ ему подаривъ на прощаньи,
Съ почестью въ путь проводилъ я его въ кораблѣ крѣпкозданномъ.
Съ нимъ находился глашатай; не много постарѣ годами
Былъ онъ; его и теперь описать вамъ могу я: горбатый,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа на тѣлѣ;
Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ товарищей болѣ
Чтилъ Одиссей, поелику онъ вѣдалъ, сколь былъ онъ разуменъ.
Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ душѣ Пенелопы:
Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ подробно.
Горестнымъ плачемъ о миломъ, далекомъ супругѣ насытясь,
Такъ напослѣдокъ опять начала говорить Пенелопа:
Странникъ, до сихъ поръ одно сожалѣнье къ тебѣ я имѣла—
Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и почтенъ несказанно.
Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама я сложила
Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему подала, золотою
Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его никогда здѣсь не встрѣтить
Въ домѣ семейномъ, въ отечествѣ миломъ! зачѣмъ онъ, зачѣмъ онъ
Насъ покидалъ! непріязненный демонъ его съ кораблями
Въ море увелъ, къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Нѣжной своей красоты не губи сокрушеньемъ; не сѣтуй
Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя укорять я
Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться женѣ объ утратѣ
Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ въ любви родились ей
Дѣти; красой же богамъ Одиссей, говорятъ, былъ подобенъ.

Ты успокойся однако и выслушай то, что скажу я:
Правду одну я скажу, ничего отъ тебя не скрывая,
Все объяснивъ, что узналъ о прибытіи къ вамъ Одиссея
Въ области тучной ѳеспротовъ, отъ здѣшнихъ береговъ недалёкой.
Живъ онъ; и много везетъ на своемъ кораблѣ къ вамъ сокровищъ,
Собранныхъ имъ отъ различныхъ народовъ; но спутниковъ вѣрныхъ
Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокій корабль, виноцвѣтнымъ
Моремъ отъ знойной Тринакріи плывшій, Зевесъ и блестящій
Геліосъ громомъ разбили своимъ за пожранье священныхъ,
Солнцу любезныхъ быковъ—всѣ погибли въ волнахъ святотатцы.
Онъ же, схватившій оторванный киль корабля, былъ на островъ
Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ феакійцы;
Почесть ему оказали они, какъ безсмертному богу;
Щедро его одарили и даже сюда безопасно
Сами хотѣли его проводить. И давно бъ ужъ въ Итакѣ
Былъ онъ; но, здраво размысливши, онъ убѣдился, что прежде
Разныя земли ему для скопленья богатствъ надлежало
Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ не могъ съ нимъ сравниться
Въ знаніи выгодъ своихъ и въ разсчетливомъ, тонкомъ разсудкѣ—
Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ благодушный, который
Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ возліянье, поклялся
Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устроенъ и собраны люди
Въ милую землю отцовъ проводить Одиссея; меня же
Онъ напередъ отослалъ, поелику корабль приготовленъ
Былъ для ѳеспротовъ, въ Дулихій, обильный пшеницею, шедшихъ;
Мнѣ и богатство, какое скопилъ Одиссей, показалъ онъ.
Даже и внукамъ въ десятомъ колѣнѣ достанется много—
Столько добра имъ оставлено было царю въ сохраненье.
Самъ же, сказали, пошелъ онъ въ Додону затѣмъ, чтобъ оракулъ
Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ тамъ,
Какъ по отсутствіи долгомъ, въ отчизну, въ желанную землю
Милой Итаки ему возвратиться удобнѣе будетъ.
Живъ онъ, ты видишь сама; и конечно здѣсь явится скоро;
Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и отъ родины свѣтлой
Онъ недалеко; могу подтвердить то и клятвой великой;
Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и владыкой безсмертныхъ,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится то, что сказалъ я.
Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой кругъ, Одиссей возвратится;
Прежде, чѣмъ мѣсяцъ наставшій смѣненъ наступающимъ будетъ,
Вступитъ онъ въ домъ свой. Ему отвѣчая, сказала царица:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный, свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ, и дарами осыпанъ
Столь изобильно, что счастью такому всѣ будутъ дивиться.
Мнѣ же не то предвѣщаетъ мое сокрушенное сердце:
Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя не отправимъ
Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь властвуютъ въ домѣ;
Здѣсь никого не найдется такого, каковъ Одиссей былъ,

Странниковъ всѣхъ угощавшій, и всѣмъ на прощаньи даривши
Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и постелю,
Мантіей теплой покрытую, здѣсь приготовьте, чтобъ могъ онъ
Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей златотронной денницы.
Завтра жъ поутру его вы, въ купальнѣ омывши, елеемъ
Чистымъ натрите, дабы онъ, опрятный, за столъ съ Телемакомъ
Сѣлъ и съ гостями обѣдалъ. И горе тому, кто обидѣть
Вновь покусится его непристойно; ему никакого
Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бъ онъ и сильно озлился.
Иначе, странникъ, повѣришь ли ты, чтобъ хоть мало отъ прочихъ
Женъ я возвышеннымъ духомъ и свѣтлымъ умомъ отличалась,
Если я грязнымъ тебя и нечисто одѣтымъ за столъ нашъ
Сѣсть допущу? Не надолго намъ жизнь достается на свѣтѣ;
Кто здѣсь и самъ безъ любви и въ поступкахъ любви не являетъ,
Тотъ ненавистенъ, пока на землѣ онъ живетъ, и желаютъ
Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ нещадно и мертвый;
Кто жъ, безпорочный душой, и въ поступкахъ своихъ безпороченъ—
Имя его, съ похвалой по землѣ разносимое, славятъ
Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его величаютъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Теплая мантія мнѣ и роскошное ложе противны
Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго снѣгомъ покрытыя горы,
Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ очей потерялъ я.
Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ привыкъ я, на жесткой постелѣ.
Много, много ночей провалялся въ безсонницѣ тяжкой
Я, ожидая пришествія златопрестольной денницы;
Также и ногъ омовеніе мнѣ не по сердцу; по крайней
Мѣрѣ къ моимъ прикоснуться ногамъ ни одной не позволю
Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ домѣ служащихъ.
Нѣтъ ли старушки, любящей заботливо службу и много
Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра испытавшей? Охотно
Ей прикоснуться къ моимъ съ омовеньемъ ногамъ я дозволю.
Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала царица:
Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей къ намъ изъ близкихъ, изъ дальнихъ
Странъ приходило—умнѣй же тебя никого не случалось
Встрѣтить мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма разсудительны. Есть здѣсь
Въ домѣ старушка, совѣтница умная, полная добрыхъ
Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила она; онъ былъ ею
Выкормленъ, ею въ минуту рожденія на руки принятъ.
Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я заботу;
Встань, Эвриклея, моя дорогая разумница, вымой
Ноги ему, твоего господина ровеснику; съ нимъ же,
Можетъ быть, сходенъ и видомъ ужъ сталъ Одиссей, изнуренный
Жизнію трудной: въ несчастіи люди старѣются скоро.
Такъ говорила она; Эвриклея закрыла руками
Очи, но слезы пробились сквозь пальцы; она возопила:
Свѣтъ мой, дитя мое милое! гдѣ ты? За что же Кроніонъ

Такъ на него, столь покорнаго волѣ боговъ, негодуетъ?
Кто жъ изъ людей передъ громоигрателемъ Зевсомъ такія
Тучныя бедра быковъ сожигалъ, и ему экатомбы
Такъ приносилъ изобильно, моля, чтобъ онъ свѣтлую старость
Далъ ему дома провесть, расцвѣтающимъ радуясь сыномъ?
Были напрасны молитвы; навѣки утратилъ возвратъ онъ.
Горе! быть можетъ, теперь, никому не родной, на чужбинѣ,
Гдѣ-нибудь, впущенный въ домъ богача, онъ отъ глупыхъ служанокъ
Встрѣченъ такой же тамъ бранью, какой былъ отъ этихъ собакъ ты,
Странникъ, обиженъ; за то и не хочешь имъ дерзкимъ позволить
Ноги омыть у тебя. То однако порядкомъ исполнить
Мнѣ повелѣла моя госпожа Пенелопа. Охотно
Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи исполняя.
Нѣтъ! для тебя самого. Несказанно мою ты волнуешь
Душу. Послушай, я выскажу мысли мои откровенно:
Странниковъ бѣдныхъ немало въ нашъ домъ приходило; но сердце
Мнѣ говоритъ, что изъ нихъ ни одинъ (съ удивленьемъ смотрю я)
Не былъ такъ голосомъ, ростомъ, ногами, какъ ты, съ Одиссеемъ
Сходенъ. Сказала. Ей такъ отвѣчалъ Одиссей хитроумный:
Правда, старушка, и самъ отъ людей я, которымъ обоихъ
Насъ повстрѣчать удавалось, слыхалъ, что во многомъ другъ съ другомъ
Мы удивительно сходны, какъ то мнѣ и ты говоришь здѣсь.
Такъ отвѣчалъ онъ. Сіяющій тазъ, для мытья ей служившій
Ногъ, принесла Эвриклея; и, свѣжей водою двѣ трети
Таза наполнивъ, ее долила кипяткомъ. Одиссей же
Сѣлъ къ очагу; но лицомъ обернулся онъ къ тѣни, понеже
Думалъ, что, за ногу взявши его, Эвриклея знакомый
Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся откроется разомъ
Тайна. Но только она подошла къ господину, рубецъ ей
Бросился прямо въ глаза. Разъяреннаго вепря клыкомъ онъ
Раненъ былъ въ ногу тогда, какъ пришелъ посѣтить на Парнассѣ
Автоликона, по матери дѣда (съ его сыновьями),
Славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ—Эрмій
Тѣмъ дарованьемъ его наградилъ, поелику онъ много
Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ благосклонному богу.
Автоликонъ, посѣтивъ плодоносную землю Итаки,
Новорожденнаго сына у дочери милой нашелъ тамъ.
Выждавъ, когда онъ окончитъ свой ужинъ, ему на колѣна
Внука пришла положить Эвриклея. Она тутъ сказала:
Автоликонъ, богоданному внуку ты выдумать долженъ
Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно
Зевса о внукѣ молилъ. То принявъ предложенье, сказалъ онъ
Зятю и дочери: вашему сыну готово ужъ имя;
Васъ посѣтить собираясь, я разсерженъ несказанно
Многими былъ изъ людей, населяющихъ тучную землю;
Пусть назовется мой внукъ Одиссеемъ; то значитъ: *сердитый*.
Если жъ когда онъ, достигнувши мужескихъ лѣтъ, пожелаетъ
Дѣдовскій домъ посѣтить на Парнассѣ, гдѣ наша обитель,
Будетъ онъ мной угощенъ и съ богатымъ отпущенъ подаркомъ.

Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду.
Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно
Встрѣтилъ руки пожиманьемъ и сладколаскательнымъ словомъ;
Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала
Очи и руки и голову, громко рыдая. Богатый
Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить
Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,
Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля;
Голову снявши съ быка и его распластивши, на части
Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертелъ,
Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку.
Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Солнце тѣмъ временемъ сѣло и ночь наступила; о ложѣ
Каждый подумалъ, и сна благодать ниспослали имъ боги.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Автоликоновы всѣ сыновья, на охоту собравшись,
Скликали быстрыхъ собакъ. Сынъ Лаэртовъ отправился съ ними.
Долго они по крутому, покрытому лѣсомъ, Парнассу
Шли; напослѣдокъ достигли глубокихъ, вѣтристыхъ ущелій;
Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
Тихо съ глубокихъ, ліющихся медленно водъ океана;
Въ дикую дебрь углубились охотники всѣ; передъ ними,
Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вмѣстѣ
Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лаэртовъ
Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣнныя копья.
Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись
Дикихъ; въ тѣнистую глубь ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ, знойно блестящій,
Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода—такъ густо
Были они сплетены; и скопилось тамъ много опадшихъ
Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ,
Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ на встрѣчу изъ дикаго лога
Прянулъ; щетину встопорщивъ, ужасно сверкая глазами,
Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый, къ нему подбѣжавшій,
Былъ Одиссей. Онъ копье длинноострое поднялъ, готовый
Звѣря пронзить; но успѣлъ Одиссею поранить колѣно
Острымъ клыкомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
Мяса, нагрянувши бѣшено съ боку, но кость уцѣлѣла.
Въ правое звѣрю плечо боевое копье сынъ Лаэртовъ
Сильно всадилъ; и, плечо проколовъ, остріемъ на другой бокъ
Вышло копье; повалился кабанъ и душа отлетѣла.
Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велѣли
Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
Заговорили. И всѣ напослѣдокъ къ отцу возвратились.
Автоликонъ и его сыновья Одиссея, отъ раны
Давъ исцѣлиться ему, и его одаривши богато,

Сердцемъ веселаго, сами веселые, съ миромъ послали
Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать несказанно
Были его возвращенію рады; оній разспросили
Сына подробно о ранѣ, и онъ разсказалъ по порядку,
Какъ, на Парнассѣ ловитвой звѣрей веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ вепремъ клычистымъ былъ раненъ въ колѣно.
Эту-то рану узнала старушка, ощупавъ руками
Ногу; отдернула руки она въ изумленьи; упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара ея зазвенѣла
Мѣдь, покачнулся водою наполненный тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе проникли старушку,
Очи отъ слезъ затуманились, ей не покорствовалъ голосъ.
Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она возгласила:
Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я
Прежде, пока не ощупала этой ноги, не узнала!
Кончивъ, она на свою госпожу обратила поспѣшно
Взоры, чтобъ ей возвѣстить возвращеніе милаго мужа.
Та жъ не могла ничего, обратяся глазами въ другую
Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла вниманьемъ.
Но Одиссей, ухвативши одною рукою за горло
Няню свою, а другою ее подойти приневоливъ
Ближе къ нему, прошепталъ ей: ни слова! меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претерпѣвши немало,
Волей боговъ возвратился я въ землю отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но—ужъ если твои для узнанія тайны открылись
Очи—молчи! и чтобъ въ домѣ никто обо мнѣ не провѣдалъ!
Иначе слушай—и то, что услышишь, исполнится вѣрно—
Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Здѣсь и тебя я щадить, хоть тобой и воспитанъ, не стану
Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями строгій мой судъ совершится.
Сыну Лаэртову такъ, отвѣчая, сказала старушка:
Странное слово изъ устъ у тебя, Одиссей, излетѣло;
Вѣдаешь самъ ты, какъ сердцемъ тверда я, какъ волей упорна:
Все сохраню, постояннѣй, чѣмъ камень, цѣлѣй, чѣмъ желѣзо;
Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про себя, что услышишь.
Если Зевесъ истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ здѣсь, чтобъ межъ ними
Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ отъ добрыхъ и честныхъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть не трудись понапрасну;
Самъ все увижу и буду умѣть все подробно развѣдать.
Только молчи. Произволу боговъ предадимъ остальное.
Такъ говорилъ Одиссей; и поспѣшно пошла Эвриклея
Теплой воды принести, поелику вся прежняя на полъ
Вылилась. Вымывъ и чистымъ елеемъ умасливши ноги,
Снова скамейку свою Одиссей пододвинулъ къ жаровнѣ;
Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ свой отрепьями рубища скрылъ онъ.
Умная такъ, обратяся къ нему, Пенелопа сказала:
Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу, отвѣчай мнѣ:

Скоро наступитъ пора насладиться покоемъ; и счастливъ
Тотъ, на кого и печальнаго сонъ миротворный слетаетъ.
Мнѣ жъ несказанное горе послалъ непріязненный демонъ;
Днемъ, сокрушаясь и сѣтуя, душу свою подкрѣпляю
Я рукодѣльемъ, хозяйствомъ, присмотромъ за дѣломъ служанокъ;
Ночью жъ, когда все утихнетъ и всѣ вкругъ меня, погрузившись
Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безпечно, одна я, тревогой
Мучась, въ безсонницѣ тяжкой сижу на постелѣ и плачу.
Плачетъ Аида, Пандарова дочь блѣдноликая, плачетъ;
Звонкую пѣсню она заунывно съ началомъ весеннихъ
Дней благовонныхъ поетъ, одиноко таясь подъ густыми
Сѣнями рощи, и жалобно льется рыдающій голосъ;
Плача, Итилоса милаго, сына Цетосова, мѣдью
Острой нечаянно ею сраженнаго, мать поминаетъ.
Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не знаю, что выбрать—
Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря за хозяйствомъ, за свѣтлымъ
Домомъ его, за работой служанокъ, за всѣмъ достояньемъ,
Честь Одиссеева ложа храня и молву уважая?
Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ того, кто усерднѣй
Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары мнѣ приноситъ?
Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ неразумнымъ, разстаться
Съ матерью нѣжной не могъ, и супружескій домъ мнѣ покинуть
Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ мужеской силы достигнувъ,
Требуетъ самъ отъ меня, чтобъ изъ дома я вышла немедля;
Онъ огорчается, видя, какъ наше имущество грабятъ.
Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашнихъ; кормлю ихъ пшеницей;
Видѣть люблю, какъ они, на водѣ, полоскаясь, играютъ.
Снилося мнѣ, что, съ горы прилетѣвшій, орелъ крутоносый,
Шею свернувъ имъ, ихъ всѣхъ заклевалъ, что въ пространной столовой
Мертвые были они на полу всѣ разбросаны; самъ же
Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я стонала, и горько
Плакала; вмѣстѣ со мною и много прекрасныхъ ахейскихъ
Женъ о гусяхъ, умерщвленныхъ могучимъ орломъ, сокрушалось.
Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь на высокую кровлю
Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ голосомъ внятно:
Старца Икарія умная дочь, не крушись, Пенелопа.
Видишь не сонъ мимолетный, событіе вѣрное видишь;
Гуси—твои женихи, а орелъ, ихъ убить прилетавшій
Грозною птицей, не птица, а я, Одиссей твой, богами
Нынѣ тебѣ возвращенный твоимъ женихамъ на погибель.
Такъ онъ сказалъ мнѣ, и въ это мгновенье мой сонъ прекратился;
Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я увидѣла, гуси
Всѣ на-лицо; и, толпяся къ корыту, клюютъ тамъ пшеницу.
Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей богоравный:
Сонъ, государыня, твой толковать безполезно: онъ ясенъ
Самъ по себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ немъ значенья; и если
Самъ Одиссей предсказалъ женихамъ ихъ погибель—погибнутъ

Всѣ; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и отъ мстительной Керы.
Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
Странникъ, конечно бываютъ и темные сны, изъ которыхъ
Смысла нельзя намъ извлечь; и не всякой сбывается сонъ нашъ.
Создано двое воротъ для вступленія снамъ безтѣлеснымъ
Въ міръ нашъ: одни роговыя, другія изъ кости слоновой;
Сны, проходящіе къ намъ воротами изъ кости слоновой,
Лживы, несбыточны, вѣрить никто изъ людей имъ не долженъ;
Тѣ же, которые въ міръ роговыми воротами входятъ,
Вѣрны; сбываются всѣ приносимыя ими видѣнья.
Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный, я думаю, вышелъ
Сонъ—сколь ни радостно было бы то для меня и для сына.
Слушай теперь, что скажу, и замѣть про себя, что услышишь:
Завтра наступитъ онъ, день ненавистный, въ который покинуть
Домъ Одиссеевъ принудятъ меня; предложить имъ стрѣлянье
Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ Одиссей здѣсь двѣнадцать
Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и тѣ жерди не близко
Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой онъ пронизывалъ кольца
Всѣ. Ту игру женихамъ предложить я теперь замышляю;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты откладывать. Вѣрь мнѣ,
Въ домѣ своемъ Одиссей многохитростный явится прежде,
Нежели кто между ими, рукою ощупавши гладкій
Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь кольца прострѣлитъ.
Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртову сыну:
Если бъ ты, странникъ, со мною всю ночь согласился въ палатѣ
Этой сидѣть и меня веселить разговоромъ, на умъ бы
Сонъ не пришелъ мнѣ: но вовсе безъ сна оставаться намъ слабымъ
Смертнымъ не должно. Здѣсь всѣмъ намъ, землей многодарной кормимымъ,
Боги безсмертные мѣру, особую каждому, дали.
Время однако на верхъ мнѣ уйти, чтобъ лежать одиноко
Тамъ на постелѣ, печалью перестланной, горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ супругъ мой отсюда
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Тамъ отдохну я, а ты ночевать, иноземецъ, останься
Здѣсь; и ложись на постелю иль на полъ, какъ самъ пожелаешь.
Такъ Пенелопа сказавши, пошла по ступенямъ высокимъ
Вверхъ — не одна, всѣ рабыни за нею пошли; и, въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ
Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Ночь съ тридцать осьмаго на тридцать девятый день. Утро и полдень тридцать-девятаго дня.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрыя знаменія. Столовую приготовляютъ къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантій, который опять оскорбляетъ Одиссея, и наконецъ Филотій, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намѣреніе умертвить Телемака. За столомъ Ктезиппъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ приходятъ въ разстройство: Ѳеоклименъ предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя Одиссей богоравный
Ложе изъ кожи воловьей, еще недубленой; покрывши
Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами убитыхъ,
Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его Эвриклея одѣла.
Тамъ Одиссей, женихамъ истребленіе въ мысляхъ готовя,
Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ ворота́, онъ увидѣлъ, служанки,
Жившія въ тайной любви съ женихами, толпой побѣжали,
Съ хохотомъ громкимъ, болтая, шумя и крича непристойно.
Вся его внутренность пламенемъ гнѣва зажглась несказаннымъ.
Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣлать—
Встать ли и, вслѣдъ за безстыдными бросившись, всѣхъ умертвить ихъ?
Или остаться, давъ волю въ послѣдній имъ разъ съ женихами
Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ рычитъ, ощенившись,
Злобная сука, щенятокъ своихъ защищая, когда ихъ
Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покусаться готовясь,
Такъ на безстыдницъ его раздраженное сердце роптало.
Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло
Въ логѣ циклопа, въ то время, когда пожиралъ безпощадно
Спутниковъ онъ злополучныхъ моихъ— и терпѣнье разсудку
Выходъ изъ страшной пещеры для насъ погибавшихъ открыло.
Такъ усмирялъ онъ себя, обращаясь къ милому сердцу.
Милое сердце ему покорилось, и снова терпѣнье
Въ грудь пролилося его; но ворочался съ боку онъ на бокъ.
Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный
Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда, чтобъ отвсюду
Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ, огнемъ неприжженный,
Такъ на постелѣ ворочался онъ, безпрестанно тревожась
Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному съ жениховъ многосильной
Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ Паллада Аѳина,
Съ неба слетѣвшая въ видѣ младой, расцвѣтающей дѣвы.
Тихо къ его изголовью приближась, богиня сказала:
Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ несчастнѣйшій? Развѣ
Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домѣ ты встрѣченъ женою?
Сынъ же таковъ твой, что всякой ему бы отцомъ захотѣлъ быть.
Свѣтлой богинѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Истину ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ я крѣпко
(Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться) тревожусь, не зная,
Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ многочисленной шайкой
Сладить? Они всей толпою всегда собираются въ домѣ.

Но и другою тревогой мое озабочено сердце:
Если по волѣ твоей и Кроніона всѣхъ истреблю я—
Какъ мнѣ спастися отъ мщенья родни ихъ? Подумай объ этомъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:
Ты, маловѣрный! надѣются жъ люди въ бѣдѣ и на слабыхъ
Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта подать неспособныхъ—
Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ напасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и ясно скажу я:
Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады на двухъ насъ напало
Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель устроить—при нихъ же
Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и быковъ круторогихъ.
Спи, ни о чемъ не тревожась: несносно лежать на постелѣ,
Глазъ не смыкая; твои же напасти окончатся скоро.
Съ сими словами богиня ему затворила дремотой
Очи, потомъ на Олимпъ улетѣла. И всѣхъ усладитель
Нашихъ тревогъ, разрѣшающій сладко усталые члены,
Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жъ его, отъ тревоги проснувшись,
Сѣла безсонная въ горькихъ слезахъ на постелѣ; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ, громогласно
Стала она призывать Артемиду и такъ ей молилась:
О Артемида, богиня великая, дочь громовержца,
Тихой стрѣлою твоею меня порази, и изъ тѣла
Выведи душу мою. О! когда бы меня ухватила
Буря и мглистой дорогой со мною умчалася въ край тотъ,
Гдѣ начинаетъ свой путь океанъ, кругообратно бѣгущій!
Были жъ Пандаровы дочери схвачены бурею. Боги
Мать и отца погубили у нихъ; сиротами остались
Въ домѣ семейномъ онѣ; Афродита богиня питала
Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ, виномъ благовоннымъ;
Ира дала имъ, отъ всѣхъ отличая ихъ дѣвъ земнородныхъ,
Умъ и красу; Артемида плѣнительной стройностью стана
Ихъ одарила; Аѳина ихъ всѣмъ научила искусствамъ.
Но, когда на высокій Олимпъ вознеслась Китерея
Тамъ умолять, чтобъ супружества счастіе далъ непорочнымъ
Дѣвамъ Зевесъ громолюбецъ, который, все вѣдая въ мірѣ,
Благо и зло земнороднымъ по волѣ своей посылаетъ—
Гнусныя гарпіи, дѣвъ беззащитныхъ похитя, ихъ въ руки
Предали грозныхъ эринній, чудовищамъ въ рабство. О! если бъ
Такъ и меня олимпійскіе боги съ земли во мгновенье
Сбросили! если бъ меня, съ Одиссеемъ въ душѣ, Артемида
Свѣтлокудрявая въ темную вдругъ затворила могилу
Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа, противнаго сердцу!
Но и тяжелыя скорби становятся легче, когда мы,
Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи сердца день цѣлый проведши,
Ночью въ объятія сна предаемся—мы все забываемъ,
Зло и добро, лишь коснется очей онъ цѣлебной рукою;
Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями страшными демонъ;
Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня несказанно съ нимъ сходный,

Самый тотъ образъ имѣвшій, какой онъ имѣлъ, удаляясь;
Я веселилась; я думала: это не сонъ— и проснулась.
Такъ говорила она. Поднялась златовласая Эосъ.
Жалобы плачущей въ слухъ Одиссеевъ входили; и, слыша
Ихъ, онъ подумалъ, что ею былъ узнанъ; ему показалось
Даже, что образъ ея надъ его изголовьемъ летаетъ.
Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на которыхъ лежалъ онъ,
Всѣ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкѣ, а кожу воловью
Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ поднялъ съ молитвою руки:
Если, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и землей и водою
Въ домъ мой (хотя и подвергнулъ напастямъ) привелъ невредимо
Дай, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь проснется, мной вѣщее слово
Было услышано; самъ же мнѣ знаменьемъ сердце обрадуй.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Кроніонъ молитву услышалъ:
Страшноударившимъ громомъ изъ звѣзднобезтучнаго неба
Зевсъ отвѣчалъ. Преисполнилась радостью грудь Одиссея.
Слово же первое онъ отъ рабыни, моловшей на царской
Мельницѣ близкой, услышалъ; на мельницѣ этой двѣнадцать
Было рабынь и вседневно отъ ранняго утра до поздней
Ночи ячмень и пшено тамъ онѣ для домашнихъ мололи.
Спали другія, всю кончивъ работу; а эта, слабѣе
Прочихъ, проснулася ранѣ, чтобъ трудъ довершить неготовый.
Жерновъ покинувъ, сказала она (и пророчество было
Въ словѣ ея Одиссею): Зевесъ, нашъ отецъ и владыка,
На небѣ нѣтъ облаковъ, и его наполняютъ, сверкая,
Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемогущій! Кому посылаешь
Знаменье грома? Услышь и меня, да исполнится нынѣ
Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ царя Одиссея
Будетъ сегодняшній пиръ женихов многобуйныхъ! Колѣна
Мы сокрушили свои непрестанной работой, обжорству
Ихъ угождая—да нынѣшнимъ кончатся всѣ здѣсь пиры ихъ!
Такъ говорила рабыня, былъ радъ Одиссей прорицанью
Грома и слова, и въ сердцѣ его утвердилась надежда.
Тутъ Одиссеева дома рабыни сошлися изъ разныхъ
Горницъ и жаркій огонь на большомъ очагѣ запалили.
Ложе покинулъ свое и возлюбленный сынъ Одиссеевъ;
Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ привязавши,
Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее мѣдью;
Такъ онъ ступилъ на порогъ и сказалъ, обратясь къ Эвриклеѣ:
Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ странникъ? Покойно ль
Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна, а часто
Между людьми иноземными худшему почести всякой
Много окажетъ, на лучшаго жъ вовсе и и взгляда не броситъ.
Такъ говорилъ Телемакъ. Эвриклея ему отвѣчала:
Ты понапрасну, дитя, невиновную мать обвиняешь;
Съ нею сидя, здѣсь виномъ утѣшался онъ, сколько угодно

Было душѣ; но не ѣлъ, хоть его и просили. Но горло
Сытъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ о снѣ и постелѣ,
Мягкое ложе она приготовить велѣла рабынямъ.
Онъ же напротивъ, какъ жалкій, судьбою забытый бродяга,
Спать на пуховой постелѣ, покрытой ковромъ, отказался;
Кожу воловью постлалъ на полу и, овчинъ положивши
Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла его одѣяломъ.
Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ изъ палаты
Вышелъ съ копьемъ; двѣ лихія за нимъ побѣжали собаки.
На площадь, главное мѣсто собранья ахеянъ, пошелъ онъ.
Тутъ всѣхъ рабынь Одиссеева дома созвавши, сказала
Имъ Эвриклея, разумная дочь Певсенорида Опса:
Всѣ на работу! однѣ за метлы; и проворнѣе выместь
Горницы, вспрыснувъ полы; на скамейки, на кресла и стулья
Пестропурпурныя ткани постлать; ноздреватою губкой
Начисто вымыть столы; всполоснуть пировыя кратеры;
Чаши глубокія, кубки двудонные вымыть. Другія жъ
Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ, поелику
Нынѣшній день женихи не замедлятъ приходомъ, напротивъ
Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ готовимъ великій.
Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуяся волѣ,
Двадцать рабынь побѣжали на ключъ темноводный; другія
Начали горницы всѣ прибирать и посуду всю чистить.
Скоро прислали и слугъ женихи: за работу принявшись,
Стали они топорами полѣнья колоть. Воротились
Съ свѣжей рабыни водой отъ ключа. Свинопасомъ Эвмеемъ
Пригнаны были три борова, самые жирные въ стадѣ:
Заперли ихъ въ окруженную частымъ заборомъ заграду.
Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею, спросилъ дружелюбно:
Странникъ, учтивѣе ль стали съ тобой Телемаковы гости?
Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на тебя нападаютъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе боги Олимпа
Имъ воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, съ какою
Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чужое богатство!
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами смотрящій, Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на обѣдъ; съ нимъ товарищей было
Двое. И, козъ привязавши подъ кровлей сѣней многозвучныхъ,
Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся, дерзкій Мелантій:
Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не хочешь, я вижу,
Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убирайся отсюда скорѣе;
Иль и со мной у тебя напослѣдокъ дойдетъ до расправы;
Можешь тогда и моихъ кулаковъ ты отвѣдать; ты слишкомъ
Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь домѣ бываютъ обѣды.
Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтствовалъ; только,
Молча, потрясъ головою и страшное въ сердцѣ помыслилъ.

Третій тутъ главный пастухъ подошелъ къ нимъ, коровникъ Филотій;
Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся, жирной коровой.
Въ городъ же ихъ привезли на судахъ перевозчики, всѣхъ тамъ,
Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ рабочіе люди.
Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣняхъ многозвучныхъ;
Самъ же, приближась къ Эвмею, спросилъ у него дружелюбно:
Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей, приведенный
Въ городъ? Къ какому себя причисляетъ онъ племени? Гдѣ онъ
Домъ свой отцовскій имѣетъ? Въ какой сторонѣ онъ родился?
Съ виду онъ бѣдный скиталецъ, но царственный образъ имѣетъ.
Боги бездомно-бродящихъ людей унижаютъ жестоко;
Но и могучимъ царямъ испытанья они посылаютъ.
Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правою сдѣлавъ рукою,
Ласково онъ обратился и бросилъ крылатое слово:
Радуйся, добрый отецъ чужеземецъ; теперь нищетою
Ты удрученъ—но пошлютъ наконецъ и тебѣ изобилье
Боги. О Зевсъ! ты безжалостнѣй всѣхъ, на Олимпѣ живущихъ!
Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣкамъ; ты самъ, нашъ создатель,
Насъ предаешь безпощадно бѣдѣ и грызущему горю.
Потомъ прошибло меня и въ глазахъ потемнѣло, когда я
Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царѣ Одиссеѣ: какъ ты, онъ,
Можетъ быть, бродитъ въ такихъ же лохмотьяхъ, такой же бездомный.
Гдѣ онъ, несчастный? Еще ли онъ видитъ сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ онъ?
О благодушный, великій мой царь! надъ стадами коровъ ты
Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня молодого поставилъ;
Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ никого здѣсь другого,
Кто бы имѣлъ столь великое стадо коровъ крѣпколобыхъ.
Горе! я самъ приневоленъ сюда ихъ водить на пожранье
Этимъ грабителямъ. Сына они притѣсняютъ въ отцовомъ
Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ; между собою
Все раздѣлить ужъ богатство царя отдаленнаго мыслятъ.
Часто мнѣ замыселъ въ милое сердце приходитъ (хотя онъ,
Правду сказать, и не вовсе похваленъ: есть въ домѣ наслѣдникъ),
Замыселъ въ землю чужую со стадомъ моимъ, къ иноземнымъ
Людямъ уйти. Несказанное горе мнѣ, здѣсь оставаясь,
Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой отдавать имъ; давно бы
Эту покинулъ я землю, гдѣ столько неправды творится;
Стадо уведши съ собою, къ иному царю перешелъ бы
Въ службу—но вѣрится все мнѣ еще, что воротится въ домъ свой
Онъ, нашъ желанный, и всѣхъ ихъ, грабителей, разомъ погубитъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Видно порода твоя не простая, мой честный коровникъ;
Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь разсудокъ;
Радость за то объявляю тебѣ и клянуся великой
Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною здѣшней трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссеева дома клянуся
Вамъ, что еще ты отсюда уйти не успѣешь, какъ самъ онъ

Явится; можешь тогда ты своими глазами увидѣть,
Если захочешь, какой съ женихами разсчетъ поведетъ онъ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ пастуховъ повелитель Филотій:
Если ты правду сказалъ, иноземецъ (и Дій да исполнитъ
Слово твое), то и я, ты увидишь, не празденъ останусь.
Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Такъ говорили о многомъ они, отъ другихъ въ отдаленьи.
Тою порой женихи, согласившись предать Телемака
Смерти, сходились; но въ это мгновеніе слѣва поднялся
Быстрый орелъ, и въ когтяхъ у него трепетала голубка.
Знаменьемъ въ страхъ приведенный, сказалъ Анфиномъ благородный:
Замыселъ нашъ умертвить Телемака, друзья, по желанью
Намъ не удастся исполнить. Подумаемъ лучше о пирѣ.
Такъ онъ сказалъ; подтвердили его предложенье другіе.
Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Одиссеевъ вступили
Домъ, положивши на гладкія кресла и стулья одежды,
Начали крупныхъ барановъ, откормленныхъ козъ и огромныхъ,
Жирныхъ свиней убивать; и корову зарѣзали также.
Были изжарены прежде одни потроха́ и въ кратеры
Влито съ водою вино. Свинопасъ двоеручные кубки
Подалъ, потомъ и въ прекрасныхъ корзинахъ коровникъ Филотій
Хлѣбы разнесъ: а Мелантій виномъ благовоннымъ наполнилъ
Кубки. И подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Но Одиссею, съ намѣреньемъ хитрымъ въ умѣ, на порогѣ
Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣститься; подвинувъ
Къ ней небольшую, простую скамейку и низенькій столикъ,
Часть потроховъ онъ принесъ, золотой благовоннымъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и, его подавая, сказалъ Одиссею:
Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ моими гостями,
Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ женихов я не дамъ ужъ
Воли; мой домъ не гостиница, гдѣ произвольно пируетъ
Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, царево жилище.
Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой отъ словъ непристойныхъ,
Также и воли рукамъ не давайте; иль будетъ здѣсь ссора.
Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему удивлялись.
Но, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ:
Какъ ни досадно, друзья, Телемаково слово, не должно
Къ сердцу его принимать намъ; пускай онъ грозится! давно бы,
Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный Кроніонъ, его мы
Здѣсь упокоили—сталъ онъ теперь говорунъ нестерпимый.
Кончилъ; но слово его Телемакъ безъ вниманья оставилъ.
Въ это время народъ черезъ городъ съ глашатаемъ жертву
Шелъ совершать: въ многотѣнную рощу метателя вѣрныхъ
Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовласыхъ ахеянъ направленъ.
Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хребтовое мясо,
Роздали части, и начали пиръ многославный. Особо

Тутъ принесли Одиссею проворные слуги такую жъ
Мяса подачу, какую имѣли и сами; то было
Такъ имъ приказано сыномъ его, Телемакомъ разумнымъ.
Тою порою Аѳина сама жениховъ возбуждала
Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы разгорѣлось сильнѣе
Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэртова сына.
Тамъ находился одинъ, отъ другихъ беззаконной отличный
Дерзостью, родомъ изъ Зама; его называли Ктезиппомъ.
Былъ онъ несмѣтно богатъ, и, гордяся богатствомъ, замыслилъ
Спорить съ другими о бракѣ съ женою Лаэртова сына.
Такъ, къ женихамъ обратяся, сказалъ имъ Ктезиппъ многобуйный:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я приглашаю:
Мяса, какъ слѣдуетъ, добрую часть со стола получилъ ужъ
Этотъ старикъ—и весьма бъ непохвально, неправедно было,
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто ихъ участка лишалъ здѣсь.
Я жъ и свою для него приготовилъ подачу, чтобъ могъ онъ
Что-нибудь дать за купанье рабынѣ, иль должный подарокъ
Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ домѣ живущихъ;
Тутъ онъ, схвативши коровью, въ корзинѣ лежавшую ногу,
Сильно ее въ Одиссея швырнулъ; Одиссей, отклонивши
Голову вбокъ, избѣжалъ отъ удара; и страшной улыбкой
Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши, ударила въ стѣну.
Грозно взглянувъ на Ктезиппа, сказалъ Телемакъ раздраженный:
Будь благодаренъ Зеѳесу, Ктезиппъ, что ударъ не коснулся
Твой головы чужеземца: онъ самъ отъ него отклонился;
Иначе острымъ копьемъ повѣрнѣе въ тебя бы попалъ я;
Сталъ бы не бракъ для тебя — погребенье отецъ твой готовить.
Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непристойныхъ поступковъ
Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте; ужъ я не ребенокъ,
Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что надобно дѣлать.
Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ быть терпѣливымъ
Здѣсь истребленья барановъ и козъ, и вина, и богатыхъ
Нашихъ запасовъ — я съ цѣлой толпою одинъ не управлюсь;
Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не совѣтую дѣлать;
Если жъ намѣренье ваше меня умертвить, то конечно
Будетъ пристойнѣй, чтобъ, въ домѣ моемъ пораженный, я встрѣтилъ
Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ беззаконныхъ поступковъ и видѣлъ,
Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей, какъ рабынь принуждаютъ
Злымъ угождать вожделѣньямъ въ священныхъ обителяхъ царскихъ.
Такъ онъ сказалъ, всѣ кругомъ неподвижно хранили молчанье.
Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣчалъ напослѣдокъ:
Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ; не трогайте болѣ
Стараго странника; также оставьте въ покоѣ и прочихъ
Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова славнаго сына.
Я жъ Телемаку и матери свѣтлой его дружелюбно
Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный совѣтъ предложу здѣсь:
Въ сердцѣ своемъ вы донынѣ питали надежду, что боги,

Вашимъ молитвамъ внимая, домой возвратятъ Одиссея;
Было донынѣ и намъ невозможно на медленность вашу
Сѣтовать, такъ поступать вамъ совѣтовалъ здравый разсудокъ
(Могъ послѣ брака незапно въ свой домъ Одиссей возвратиться);
Нынѣ жъ сомнѣнія нѣтъ намъ: мы знаемъ, что онъ невозвратенъ.
Матери умной своей ты теперь, Телемакъ благородный,
Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того, кто щедрѣй на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ отеческомъ домѣ
Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ заботиться станетъ.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ отцомъ и судьбой Одиссея
(Что бы съ нимъ ни было: живъ ли, погибъ ли) клянусь передъ всѣми
Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю вступить, что напротивъ
Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать, и много
Дамъ ей подарковъ; но изъ дома выслать ее по неволѣ
Я и помыслить не смѣю—то Зевсу не будетъ угодно.
Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ несказанный Аѳина
Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и разсудокъ разстроивъ.
Дико они хохотали; и, лицами вдругъ измѣнившись,
Ѣли сырое, кровавое мясо; глаза ихъ слезами
Всѣ затуманились; сердце ихъ тяжкой заныло тоскою.
Ѳеоклименъ богоравный тогда поднялся и сказалъ имъ:
Вы, злополучные, горе вамъ! горе! невидимы стали
Головы ваши во мглѣ и невидимы ваши колѣна;
Слышенъ мнѣ стонъ вашъ, слезами обрызганы ваши ланиты.
Стѣны, я вижу, въ крови; съ потолочныхъ бѣжитъ перекладинъ
Кровь; привидѣньями, въ бездну Эрева бѣгущими, полны
Сѣни и дворъ, и на солнце небесное, вижу я, всходитъ
Страшная тѣнь и подъ ней вся земля покрывается мракомъ;
Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хохотать продолжали.
Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, началъ:
Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ въ умѣ помѣшался;
На площадь должно его проводить намъ, пусть выдетъ на свѣжій
Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно темно здѣсь въ палатѣ.
Ѳеоклименъ богоравный сказалъ, обратясь къ Эвримаху:
Нѣтъ! Эвримахъ, въ провожатыхъ твоихъ не имѣю я нужды;
Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и уши; разсудокъ
Мой не разстроенъ, и память свою я еще не утратилъ.
Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ подходящую быстро
Слышу Бѣду; ни одинъ отъ нея не уйдетъ; не избѣгнетъ
Силы ея ни который изъ васъ, святотатцевъ, губящихъ
Домъ Одиссеевъ и въ немъ беззаконнаго много творящихъ.
Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно палату покинувъ, къ Пирею
Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ прежнею ласкою принятъ.
Тою порой, поглядѣвши съ насмѣшкой одинъ на другого,
Начали всѣ Телемака дразнить женихи, надъ гостями
Дома его издѣваясь, и такъ говорили иные:
Другъ Телемакъ, на отборъ негодяи тебя посѣщаютъ;

Прежде вотъ этотъ нечистый пожаловалъ
въ домъ твой бродяга,
Хищникъ обѣденныхъ крохъ, ни въ какую работу негодный,
Слабый, гнилой старичишка, земли безполезное бремя;
Гость же другой помѣшался и началъ безпутно пророчить.
Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ, Телемакъ многомудрый:
Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей на корабль крутобокій
Бросить, къ Сикеламъ отвезть и продать за хорошія деньги.
Такъ говорили они; Телемакъ, ихъ словамъ не внимавшій,
Молча, смотрѣлъ на отца, дожидаясь спокойно, чтобъ подалъ
Знакъ онъ, когда начинать съ беззаконною шайкой расправу.
Въ горницѣ ближней на креслахъ богатыхъ въ то время сидѣла
Многоразумная старца Икарія дочь Пенелопа;
Было ей слышно все то, что въ собраньи гостей говорилось.
Веселъ-безпечно и живъ разговоромъ и хохотомъ шуменъ
Былъ ихъ обѣдъ, для котораго столько настряпали сами;
Но никогда и нигдѣ и никто не готовилъ такого
Ужина людямъ, какой приготовилъ съ Палладою грозный
Мужъ для незваныхъ гостей, беззаконныхъ ругателей правды.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Тридцать девятый день.

Пенелопа приноситъ лукъ и стрѣлы Одиссеевы; при видѣ ихъ Эвмей и Филотій проливаютъ слезы; Антиной насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женихи напрасно стараются натянуть его. Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотію; они приготовляются къ умерщвленію женіховъ. Послѣ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другого дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опытъ; женихи тому противятся; но по приказанію Телемака лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина вселила желанье
Въ грудь Пенелопы, разумной супруги Лаэртова сына,
Лукъ женихамъ Одиссеевъ и грозныя стрѣлы принесши,
Вызвать къ стрѣлянію въ цѣль ихъ и тѣмъ приготовить имъ гибель.
Вверхъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно взошла Пенелопа;
Мягкоодутлой рукою искусственно выгнутый мѣдный
Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой доставши, царица
Въ дальнюю ту кладовую пошла (и рабыни за нею),
Гдѣ Одиссеевы всѣ драгоцѣнности были хранимы:
Золото, мѣдь и желѣзная утварь чудесной работы.
Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ и набитый
Множествомъ стрѣлъ бѣдоносныхъ колчанъ. Подаренъ Одиссею
Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ Лакедемонѣ гостемъ
Ифитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ. Они же
Встрѣтились прежде другъ съ другомъ въ Мессинѣ, гдѣ нужно обоимъ
Домъ посѣтить Орхилока разумнаго было
Въ Мессинѣ Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ Итаки мессинцы
Мелкаго много скота увели; съ пастухами оттуда
Триста быковъ круторогихъ разбойничье судно украло.
Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юноша свѣжести полный

Былъ онъ въ то время; его же послали отецъ и геронты.
Ифитъ отыскивалъ также пропажу: коней и двѣнадцать
Добрыхъ жеребыхъ кобылъ и могучихъ работниковъ муловъ.
Ифиту искъ удался; но погибелью стала удача:
Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью силы великой
Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ чудныхъ, пришелъ онъ—
Въ домѣ своемъ умертвилъ имъ самимъ приглашеннаго гостя
Звѣрскій Ираклъ, посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый
Имъ гостелюбно для странника столъ, за которымъ убійство
Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучно-копытныхъ присвоить.
Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ, Одиссея тамъ встрѣтилъ.
Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ; умирая, великій
Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ наслѣдство оставилъ.
Ифита острымъ мечомъ и копьемъ одаривъ длиннотѣнимъ,
Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ пригласить свой
Друга не могъ: прекратилъ сынъ Зевесовъ, Ираклъ безпощадный
Жизнь благородному Ифиту, Эврита славнаго сыну,
Давшему лукъ Одиссею и стрѣлы. И не бралъ съ собою
Ихъ никогда Одиссей на войну въ кораблѣ чернобокомъ:
Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно храня, ихъ берегъ онъ
Въ домѣ своемъ: но въ отечествѣ всюду имѣлъ при себѣ ихъ.
Близко къ дверямъ запертымъ кладовой подошедъ, Пенелопа
Стала на гладкій дубовый порогъ (по снуру обтесавши
Брусъ, тотъ порогъ тамъ искусно уладилъ строитель, дверныя
Притолки въ немъ утвердилъ, и на притолки створы навѣсилъ);
Съ скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключъ свой вложила царица въ замокъ; отодвинувъ задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петляхъ заржавѣвшихъ створы
Двери блестящей; какъ дико мычитъ выгоняемый на лугъ
Быкъ круторогій—такъ дико тяжелые створы визжали.
Взлѣзши на гладкую полку (на ней же ларцы съ благовонной
Были одеждой), царица, поднявшись на цыпочки, руку
Снять Одиссеевъ съ гвоздя ненатянутый лукъ протянула:
Бережно былъ онъ обвернутъ блестящимъ чахломъ; и, доставши
Лукъ, на колѣни свои положила его Пенелопа;
Сѣвъ съ нимъ и вынувъ его изъ чахла, зарыдала и долго,
Долго рыдала она; напослѣдокъ, насытившись плачемъ,
Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ многобуйнымъ въ собранье,
Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и великій
Тулъ, мѣдноострыми быстросмертельными полный стрѣлами.
Слѣдомъ за ней принесенъ былъ рабынями ящикъ съ запасомъ
Мѣди, желѣза и съ разною утварью бранной. Царица,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пировали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій державшаго, стала,
Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки. И, слово
Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ, Пенелопа сказала:
Слушайте всѣ вы, мои женихи благородные: домъ нашъ

Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя богатство
Мужа, давно разлученнаго съ милой отчизною; права
Нѣтъ вамъ на то никакого; меня лишь хотите принудить
Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрѣшить вы мой выборъ. Готова
Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ лукъ Одиссеевъ;
Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Колецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго, гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная буду крушиться.
Съ сими словами велѣла она свинопасу Эвмею
Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать женихамъ благороднымъ.
Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его; къ женихамъ онъ пошелъ съ нимъ;
Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и коровникъ Филотій.
Къ нимъ обратяся обоимъ, сказалъ Антиной, негодуя:
Вы, деревенщина грубая, только однимъ ежедневнымъ
Занятъ вашъ умъ! Отъ чего вы расплакались? Горе ль усилить
Въ сердцѣ хотите своей госпожи? И безъ васъ ужъ довольно
Скорбью томится она безполезною въ долгой разлукѣ
Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте; а если хотите
Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ вашъ и стрѣлы
Намъ женихамъ на рѣшительный бой. Сомнѣваюсь однако
Я, чтобъ легко натянулъ кто такой несказанно упорный
Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ Одиссей былъ,
Нѣтъ между нами. Его я въ то время видалъ—и понынѣ
Помню о немъ, хоть тогда и ребенкомъ еще былъ неумнымъ.
Такъ говоря про другихъ, про себя уповалъ онъ, что сладитъ
Съ лукомъ, натянетъ легко тетиву и всѣ кольца прострѣлитъ.
Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что первою жертвою будетъ
Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ собственномъ домѣ такъ дерзко
Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и другихъ возбуждалъ онъ.
Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ сказалъ Телемакъ богоравный:
Горе! конечно мой разумъ привелъ въ безпорядокъ Кроніонъ!
Милая мать, столь великимъ умомъ одаренная, слышу,
Здѣсь говоритъ, что съ супругомъ другимъ соглашается свѣтлый
Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ довольный, смѣюсь, какъ безумецъ.
Часъ наступилъ; женихи, приготовьтесь къ послѣднему дѣлу.
Въ цѣлой ахейской землѣ вы такой не найдете невѣсты—
Гдѣ бъ ни искали, въ священномъ ли Пилосѣ, или въ Аргосѣ,
Или въ Микинахъ, иль въ нашей Итакѣ, иль тамъ на пространствѣ
Черной земли матерой — но хвала не нужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать намъ свой опытъ; берите
Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на дѣлѣ.
Я жъ и себя самого испытанью хочу здѣсь подвергнуть.
Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣлою всѣ кольца
Мѣтко пробить, удаленіе матери милой изъ дома
Съ мужемъ другимъ и мое одиночество будутъ сноснѣе

Мнѣ, ужъ владѣть небезсильному лукомъ отца Одиссея.
Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпуровую мантію сбросилъ;
Всталъ, и, съ мечомъ мѣдноострымъ блестящую перевязь снявши,
Жерди въ глубокихъ для каждой особенно вырытыхъ ямкахъ,
Ихъ по снуру уровнявъ, утвердилъ; основанья жъ, чтобъ прямо
Всѣ, не шатаясь, стояли, землей отопталъ. Всѣ дивились,
Какъ онъ искусно порядокъ, ему незнакомый, устроилъ.
Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схвативъ Одиссеевъ
Лукъ, попытался на немъ натянуть тетиву; и погнулъ онъ
Трижды его, но, упорствуя, трижды онъ вновь разогнулся.
Имъ овладѣть, нацѣпивъ тетиву, уповая, въ четвертый
Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой приняться за дѣло;
Но Одиссей по условью кивнулъ головой; отложивши
Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ Телемакъ богоравный:
Горе мнѣ! видно я слабымъ рожденъ и останусь безсильнымъ
Вѣчно; я молодъ еще и своею рукой не пытался
Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго злую обиду.
Ваша теперь череда, женихи, вы сильнѣе; пусть каждый
Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершить попытается подвигъ.
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ
Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной, сынъ Эвпейтовъ, сказалъ имъ:
Съ правой руки подходите одинъ за другимъ вы, начавши
Съ мѣста, откуда вино подносить на пиру начинаютъ.
Такъ Антиной предложилъ и одобрили всѣ предложенье.
Первый, поднявшійся съ мѣста, пошелъ Леодей, сынъ Эйноповъ,
Жертвогадатель ихъ былъ онъ и подлѣ кратеры на самомъ
Краѣ стола за обѣдомъ садился. Ихъ буйство противно
Было ему! и нерѣдко онъ ихъ порицалъ, негодуя.
Первый онъ долженъ былъ взяться за лукъ роковой, наблюдая
Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ схватилъ Одиссеевъ
Лукъ; но его и погнуть онъ не могъ; отъ напрасныхъ усилій
Слабыя руки его онѣмѣли. Онъ съ горемъ воскликнулъ:
Нѣтъ! не по силамъ мнѣ лукъ Одиссеевъ; другой попытайся
Крѣпость его одолѣть; но у многихъ мужей знаменитыхъ
Душу и жизнь онъ возьметъ. И конечно желаннѣе встрѣтить
Смерть, чѣмъ живому скорбѣть о утратѣ того, что такъ сильно
Насъ привлекало вседневно сюда чародѣйствомъ надежды.
Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ пылаетъ желанье
Бракъ заключить съ Пенелопой, женой Одиссея; но каждый,
Лукъ испытавъ Одиссеевъ и силу надъ нимъ утомивши,
Съ горемъ въ душѣ принужденъ за другую ахейскую дѣву
Свататься будетъ, подарки свои расточая; она же
Выберетъ доброю волей того, кто щедрѣй и пріятнѣй.
Такъ говоря, ненатянутый лукъ опустилъ онъ на землю,
Къ гладкой дверной половинкѣ его прислонивши; но рядомъ

Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ замочной приставилъ.
Сѣлъ онъ на стулъ свой потомъ, къ женихамъ возвратяся безпечно.
Гнѣвно къ нему обратившись, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Странное слово изъ устъ у тебя, Леодей, излетѣло,
Слово печальное, страшное; слышать его мнѣ противно.
Душу и жизнь, говоришь ты, у многихъ людей знаменитыхъ
Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому, что его неспособенъ
Ты натянуть. Но безсильнымъ отъ матери былъ благородной
Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ властителемъ лука;
Многіе будутъ въ числѣ жениховъ безъ сомнѣнья способнѣй
Сладить съ нимъ. Кончилъ. Потомъ, козовода Мелантія кликнувъ,
Слушай, Мелантій, сказалъ, здѣсь огонь ты разложишь; къ огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укругъ, чтобъ могли мы
Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій
Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй натянутъ быть можетъ.
Такъ онъ сказалъ. И Мелантій, огонь разложивъ превеликій,
Близко поставилъ скамейку, покрытую мягкой овчиной;
Сала принесъ напослѣдокъ укругъ; и, растаявши сало,
Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ нихъ ни который
Лука не могъ и немного погнуть — несказанно былъ тугъ онъ;
Взяться за опытъ тогда въ свой чередъ Антиной съ Эвримахомъ
Были должны, межъ другими отличные мужеской силой.
Въ это мгновеніе, разомъ поднявшися, изъ дома вмѣстѣ
Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ Филотій; за ними
Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одиссей, онъ, широкій
Дворъ перейдя, за ворота двустворныя вышелъ. Позвавши
Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую рѣчь обратилъ къ нимъ:
Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ль вамъ открыться?
Или мнѣ лучше смолчать? Но меня говорить побуждаетъ
Сердце. Отвѣтствуйте: что бы вы сдѣлали, если бъ внезапно,
Демономъ вдругъ приведенный какимъ, Одиссей, господинъ вашъ,
Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ женихамъ ли тогда бъ вы пристали?
Прямо скажите мнѣ все, что велитъ вамъ разсудокъ и сердце.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный коровникъ Филотій:
Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на наши молитвы ты отдалъ
Намъ Одиссея! да благостный демонъ его къ намъ проводитъ!
Самъ ты увидишь тогда, что и я не остануся празденъ.
Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный, боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили домой Одиссея.
Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ волѣ вполнѣ убѣдяся,
Такъ имъ обоимъ сказалъ наконецъ Одиссей богоравный:
Знайте же, я Одиссей, претерпѣвшій столь много напастей,
Въ землю отцовъ приведенный по волѣ боговъ черезъ двадцать
Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ моего возвращенья
Только вы двое желаете; я не слыхалъ, чтобъ другой кто
Здѣсь помолился богамъ о свиданіи скоромъ со мною.
Слушайте жъ, вамъ разскажу обо всемъ: что случиться должно здѣсь,

Если мнѣ Дій истребить жениховъ многобуйныхъ поможетъ,
Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, приданое каждой
Дамъ и построю вамъ домы вблизи моего, и, какъ братья,
Будете жить вы со мною и съ сыномъ моимъ Телемакомъ.
Вамъ же и признакъ могу показать, по которому ясно
Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ, вамъ знакомый;
Вепремъ, вы помните, былъ я пораненъ, когда съ сыновьями
Автоликона охотой себя забавлялъ на Парнассѣ.
Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, распахнувши тряпицы
Рубища. Тѣ жъ, разсмотрѣвши прилежно рубецъ, имъ знакомый,
Начали плакать; и, крѣпко обнявъ своего господина,
Голову, плечи и руки и ноги его цѣловали.
Головы ихъ со слезами и онъ цѣловалъ, и за плачемъ
Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе солнца, когда бы
Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись первый: отрите
Слезы, чтобъ, изъ дому вышедши, кто не засталъ васъ, такъ горько
Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна откроется наша.
Должно, чтобъ снова—одинъ за другимъ, а не вмѣстѣ—вошли мы
Въ залу, я первый, вы послѣ. И ждите, чтобъ мной былъ вамъ поданъ
Знакъ. Женихи многобуйные, думаю я, не позволятъ
Въ руки мнѣ взять тамъ мой лукъ и колчанъ мой, набитый стрѣлами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа, и лукъ и колчанъ мнѣ
Самъ принеси. И потомъ ты велишь, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ и чтобъ, если
Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.
Ты же, Филотій, возьми ворота на свое попеченье.
Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ затяни ихъ задвижку.
Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ, въ двери столовой вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ.
Послѣ явились одинъ за другимъ свинопасъ и Филотій.
Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и его надъ пылавшимъ
Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не могъ онъ однако
Крѣпость его побѣдить. Застонало могучее сердце;
Голосъ возвысивъ, кипящій досадой, онъ громко воскликнулъ:
Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокрушенный, стыжуся:
Нѣтъ мнѣ печали о томъ, что отъ брака я долженъ отречься—
Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ невѣстъ и въ Итакѣ,
Моремъ объятой, и въ разныхъ другихъ областяхъ Кефаленскихъ.
Но столь ничтожными крѣпостью быть съ Одиссеемъ въ сравненьи—
Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного погнуть былъ не въ силахъ
Лука его—то стыдомъ насъ покроетъ и въ позднемъ потомствѣ.
Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, воскликнулъ, ему возражая:
Нѣтъ, Эвримахъ благородный, того не случится, и въ этомъ
Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ великій сего дня
Празднуетъ праздникъ: въ такой день натягивать лукъ неприлично;
Спрячемъ же лукъ; а жердей выносить намъ не нужно отсюда.

Пусть остаются; украсть ихъ конечно никто изъ живущихъ
Въ домѣ царя Одиссея рабовъ и рабынь не помыслитъ.
Намъ же опять благовоннымъ виномъ пусть наполнитъ глашатай
Кубки, а лукъ Одиссеевъ запремъ, совершивъ возліянье.
Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ разумный Мелантій
Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ здѣсь принести Аполлону,
Лука сгибателю, бедра ихъ въ жертву. Согнуть онъ поможетъ
Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не истратимъ напрасно.
Такъ предложилъ Антиной, и одобрили всѣ предложенье.
Тутъ для умытія рукъ имъ глашатаи подали воду;
Отроки, свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ напиткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю справа начавши;
Вкуснымъ питьемъ насладились они, сотворивъ возліянье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ Одиссей многоумный:
Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи Пенелопы, склоните, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ разсудокъ и сердце.
Вотъ вамъ — тебѣ Эвримахъ, и тебѣ, Антиной богоравный,
Столь разсудительно дѣло рѣшившіе — добрый совѣтъ мой:
Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ предавъ остальное;
Завтра рѣшитъ Аполлонъ, кто изъ васъ побѣдителемъ будетъ;
Мнѣ же отвѣдать позвольте чудеснаго лука; узнать мнѣ
Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ изнуренныхъ хоть мало
Силы, меня оживлявшей въ давнишнее младости время,
Или я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ уничтоженъ.
Кончилъ. Но просьбы его не одобрилъ никто. Испугался
Каждый при мысли, что съ гладкоблистающимъ лукомъ онъ сладитъ.
Слово къ нему обративши, сказалъ Антиной, сынъ Эвпейтовъ:
Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль разсудка лишился?
Мало тебѣ, что спокойно, допущенный въ общество наше,
Здѣсь ты пируешь, обѣдая съ нами, и всѣ разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще никакому
Нищему не было нами позволено? Все недоволенъ!
Видно твой умъ отуманенъ медвянымъ виномъ; отъ вина же
Всякой, его неумѣренно пьющій, безумѣетъ. Былъ имъ
Нѣкогда Эвритіонъ, многославный кентавръ, обезумленъ.
Въ домъ Пиритоя, великою славнаго силой, вступивши,
Праздновалъ тамъ онъ съ лапиѳами; разума пьянствомъ лишенный,
Буйствовать звѣрски онъ вдругъ принялся въ Пиритоевомъ домѣ.
Всѣ раздражились лапиѳы; покинувъ трапезу, изъ залы
Силой его утащили на дворъ, и нещадною мѣдью
Уши и носъ обрубили они у него; и, разсудка
Вовсе лишенный, кентавръ убѣжалъ, поношеньемъ покрытый.
Злая зажглась отъ того у кентавровъ съ лапиѳами распря;
Онъ же отъ пьянства тамъ первый плачевную встрѣтилъ погибель.
Такъ и съ тобою случится, бродяга безсмысленный, если
Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть; не молвою прославленъ
Будешь ты въ области нашей; на твердую землю ты будешь
Къ злому Эхету царю, всѣхъ людей истребителю, сосланъ;

Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ гибели жалкой. Сиди же
Смирно и пей; и на старости силой не спорь съ молодыми.
Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему Пенелопа:
Нѣтъ, Антиной, непохвально бъ весьма и неправедно было,
Если бъ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь лишалъ ихъ участка.
Или ты мыслишь, что этотъ старикъ, натянувши великій
Лукъ Одиссеевъ, на силу свою полагаясь, помыслитъ
Мной завладѣть, и свою безразсудно мнѣ руку предложитъ.
Это конечно ему не входило и сонному въ мысли;
Будьте жъ спокойны и долѣ такимъ опасеньемъ не мучьте
Сердца — ни вздумать того, ни на дѣлѣ исполнить неможно.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, такъ отвѣчалъ Пенелопѣ:
О многоумная старца Икарія дочь Пенелопа,
Мы не боимся, чтобъ дерзость такую замыслилъ онъ—это
Вовсе несбыточно; мы лишь боимся стыда, мы боимся
Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ ахейцами, низкій породой:
Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго мужа
Вздумали свататься; лука жъ его натянуть не умѣютъ
Вотъ посѣтилъ ихъ нашъ братъ побродяга, покрытый отрепьемъ;
Легкой рукой тетиву натянулъ и всѣ кольца стрѣлою
Мѣтко пробилъ онъ. Такъ скажутъ. И будетъ намъ стыдъ нестерпимый.
Кончилъ. Разумная старца Икарія дочь возразила:
Нѣтъ, Эвримахъ, на себя порицанье и стыдъ навлекаютъ
Люди, которые домъ и богатства отсутственныхъ грабятъ,
Правду забывши; а тутъ вамъ стыда никакого не будетъ:
Этотъ же странникъ, и ростомъ высокій и мышцами сильный,
Родомъ не низокъ: рожденъ, говоритъ онъ, отцомъ знаменитымъ.
Дайте же страннику лукъ Одиссеевъ — увидимъ, что будетъ.
Слушайте также (и то, что скажу я, исполнится вѣрно),
Если натянетъ онъ лукъ и его Аполлонъ тѣмъ прославитъ,
Мантію дамъ я ему и красивый хитонъ и подошвы
Ноги обуть; дамъ копье на собакъ и на встрѣчу съ бродягой;
Также и мечъ онъ получитъ, съ обоихъ сторонъ заощренный,
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю его я отправлю.
Ей возражая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, Одиссеевымъ лукомъ не можетъ никто здѣсь
Властвовать; дать ли не дать ли его, я одинъ лишь на это
Право имѣю — никто изъ живущихъ въ гористой Итакѣ
Иль на какомъ островѣ, съ многоконной Элидою смежномъ.
Если придетъ мнѣ на умъ, здѣсь никто запретить мнѣ не можетъ
Страннику стрѣлы и лукъ подарить и унесть ихъ позволить.
Но удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства,
Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ
Были; судить же о лукѣ не женское дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ повелитель.
Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;
Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ, покуда
Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.
Тою порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею
Съ ними пошелъ. На него всей толпой женихи закричали.
Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконадменныхъ:
Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты бредешь, какъ безумный,
Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же собакамъ, которыхъ вскормилъ здѣсь
Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣденіе выброшенъ, если
Намъ Аполлонъ и блаженные боги даруютъ побѣду.
Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушенный ихъ крикомъ,
Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поставить на прежнее мѣсто;
Но Телемакъ, на него погрозяся, разгнѣванный крикнулъ:
Съ лукомъ сюда! Ты, Эвмей, ошалѣлъ; ужъ не хочешь ли волѣ
Всѣхъ угождать? Не трудись, иль тебя, хоть и старъ ты, я въ поле
Камнями самъ провожу: молодой старика одолѣетъ.
Если бы силой такой я одинъ одаренъ былъ, какую
Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи Пенелопы,
Въ страхѣ тогда по своимъ бы домамъ разбѣжалися разомъ
Всѣ они, въ домѣ моемъ беззаконій творящіе много.
Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописанный подняли хохотъ.
Въ сердцѣ однако у нихъ на него присмирѣла досада.
Волю его исполняя, Эвмей, черезъ залу прошедши,
Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ Одиссею; потомъ онъ,
Кликнувъ усердную няню его Эвриклею, сказалъ ей:
Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на ключъ, и чтобъ, если
Шумъ иль стенанье въ столовой послышится имъ, не посмѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна, чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ своимъ занимаясь.
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки, замкнула
Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украдкою залу,
Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой, и заперъ ворота;
Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный пеньковый канатъ; имъ связалъ онъ
Крѣпко затворъ у воротъ и, въ столовую снова вступивши,
Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за минуту скамейкѣ,
Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ рукахъ обращая
Лукъ свой туда и сюда, осторожно разсматривалъ, цѣлы ль
Роги и не было ль что безъ него въ нихъ попорчено червемъ.
Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ собой разсуждали:
Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ привыкъ обходиться; быть можетъ,
Луки работаетъ самъ, и, имѣя ужъ лукъ, начатой имъ
Дома, намѣренъ его по образчику этого сладить;
Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный, его разбираетъ?
Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ—удастся
Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть такую жъ удачу
Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ Одиссеевымъ сладивши лукомъ.
Такъ женихи говорили, а онъ, преисполненный страшныхъ

Мыслей, великій осматриваль лукъ.
Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣснопѣнье готовясь,
Строитъ ее, и упругія струны на ней, изъ овечьихъ
Свитыя тонкотягучихъ кишекъ, безъ труда напрягаетъ—
Такъ безъ труда во мгновеніе лукъ непокорный напрягъ онъ.
Крѣпкую правой рукой тетиву потянувши, онъ ею
Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ.
Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и въ лицѣ измѣнились
Всѣ—тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ вышины, подавая
Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одиссея проникло:
Въ громѣ Зевесовомъ онъ предвѣщанье благое услышалъ.
Быструю взялъ онъ стрѣлу, на столѣ отъ него недалеко
Вольно лежавшую; прочія жъ заперты въ тѣсномъ колчанѣ
Были — но скоро ихъ шумъ женихамъ надлежало услышать.
Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ концомъ опереннымъ,
Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, прицѣляся, въ кольца
Выстрѣлилъ—быстро отъ перваго всѣ до послѣдняго кольца,
Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, заощренная мѣдью.
Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнулъ стрѣлецъ богоравный:
Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ, не нанесъ посрамленья.
Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть Одиссеевъ не много
Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, скитаясь, утратилъ
Силы, хотя женихи и ругаются мной безпощадно.
Должно однако, покуда свѣтло, угощенье иное
Имъ приготовить; и пѣніе съ звонкою цитрой, душою
Пира, на новый, теперь имъ приличнѣйшій, ладъ перестроить.
Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ. Телемакъ богоравный
Понялъ условленный знакъ; онъ немедля свой мечъ опоясалъ,
Въ руки схватилъ боевое копье и за стуломъ отцовымъ
Сталъ, ко всему изготовясь, оружіемъ мѣднымъ блестящій.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Тридцать девятый день.

Одиссей убиваетъ Антиноя, открывается женихамъ и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха. Телемакъ приноситъ сверху оружія; онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантій, который снабжаетъ оружіями женіховъ; но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотіемъ; они запираютъ его связаннаго на верху. Явленіе Аѳины, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены. Одиссей повелѣваетъ вынести трупы изъ столовой. Казнь рабынь и Мелантія. Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ поспѣшно съ себя, Одиссей хитроумный
Прянулъ, держа свой колчанъ со стрѣлами и лукъ, на высокій
Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя высыпалъ стрѣлы
На полъ у ногъ, и потомъ, къ женихамъ обратяся, воскликнулъ:
Этотъ мнѣ опытъ, друзья женихи, удалося окончить;
Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣлялъ до сего дня,
Выбралъ теперь; и въ нее угодить Аполлонъ мнѣ поможетъ.
Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой стрѣлой въ Антиноя:

Взявъ со стола золотую съ двумя рукоятями чашу,
Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ вино беззаботно
Полную чашу къ устамъ подносилъ онъ; и мысли о смерти
Не было въ немъ. И никто изъ гостей многочисленныхъ пира
Вздумать не могъ, чтобъ одинъ человѣкъ на толпу ихъ замыслилъ
Дерзко ударить и разомъ предать ихъ губительной Керѣ.
Выстрѣлилъ, грудью подавшись впередъ, Одиссей, и пронзила
Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло въ затылокъ;
На бокъ упалъ Антиной; покатилася по полу чаша,
Выпавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ изъ ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толкнулъ отъ себя онъ
Столъ и его опрокинулъ; вся пища (горячее мясо,
Хлѣбъ и другое), смѣшавшись, свалилися на полъ. Ужасный
Подняли крикъ женихи, Антиноя узрѣвъ умерщвленнымъ.
Всею толпою со стульевъ вскочили они и, глазами
Бѣгая вкругъ по стѣнамъ обнаженнымъ, искали оружій—
Не было тамъ ни щита, ни копья, заощреннаго мѣдью.
Гнѣвными начали всѣ упрекать Одиссея словами:
Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ, чужеземецъ; послѣдній
Сдѣлалъ ты выстрѣлъ теперь; ты погибъ неизбѣжно; убилъ ты
Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ волнообъятой Итакѣ,
Самаго знатнаго; будешь за то ястребами расклеванъ.
Мнили они, что случайно стрѣлой чужеземца товарищъ
Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ слѣпотѣ не видали
Сѣти, которою близкая всѣхъ ихъ опутала гибель.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
А! вы, собаки! вамъ чудилось всѣмъ, что домой ужъ изъ Трои
Я не приду никогда, что вольны безпощадно вы грабить
Домъ мой, насильствуя гнусно моихъ въ немъ служанокъ, тревожа
Душу моей благородной жены сватовствомъ ненавистнымъ,
Правду святую боговъ позабывъ, не страшася ни гнѣва
Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла беззаконныя мести!
Въ сѣть неизбѣжной погибели всѣ наконецъ вы попали.
Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ;
Всѣ, озираясь, глазами искали дороги для бѣгства.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ, бросилъ крылатое слово:
Если ты подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой,
Праведны всѣ обвиненья твои. Беззаконнаго много
Въ домѣ твоемъ и въ твоихъ областяхъ совершилось; но здѣсь онъ,
Главный виновникъ всего, Антиной, пораженный тобою,
Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломышленній всегдашній зачинщикъ,
Насъ поджигалъ: не о бракѣ одномъ онъ съ твоей Пенелопой
Думалъ; иное, чего не позволилъ Кроніонъ, таилось
Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя; Телемака,
Власти державной наслѣдника, смерти предать замышлялъ онъ.
Нынѣ судьбой онъ постигнутъ; а ты, Одиссей, пощади насъ
Подданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣну, какую захочешь
Самъ, за вино, за ѣду и за все, что истрачено нами;

То, что здѣсь стоятъ откормленныхъ двадцать быковъ, дастъ охотно
Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пощаду
Гнѣвъ твой; теперь же твой праведенъ гнѣвъ; на него мы не ропщемъ.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей благородный:
Нѣтъ, Эвримахъ—и хотя бы вы съ вашимъ сполна всѣ богатства
Вашихъ отцовъ принесли мнѣ, прибавя къ нимъ много чужого—
Руки мои васъ губить не уймутся до тѣхъ поръ, покуда
Кровію вашей обиды моей дочиста не омою.
Выборъ теперь вамъ одинъ: иль со мной, защищаяся, бейтесь,
Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти—
Знайте однако, что Керы васъ всѣхъ на пути переловятъ.
Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердца.
Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ устрашеннымъ, воскликнулъ:
Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладѣвши
Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ поръ
Будетъ съ порога высокаго стрѣлы пускать онъ, покуда
Всѣхъ не положитъ насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя
Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройтесь
Противъ налета убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши,
Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери
Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ помощь
Скликать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы.
Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ мечъ свой,
Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заощренный, и съ крикомъ ужаснымъ
Прянулъ впередъ. Но на встрѣчу ему Одиссей богоравный
Выстрѣлилъ; грудь близъ сосца проколола и, въ печень вонзившись,
Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей
Выронилъ мечъ онъ, за столъ уцѣпиться хотѣлъ, и споткнувшись
Вмѣстѣ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудонный
Кубокъ свалилися наземь; онъ объ полъ стучалъ головою,
Болью проникнутый; ноги отъ судорогъ бились; ударомъ
Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его наконецъ потемнѣли
Очи. Тогда Анфиномъ благородный, вскочивъ, устремился
Въ бой; уповая, что противъ него Одиссей не замедлитъ
Выдти, сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; но сзади
Бросилъ копье Телемакъ, заощренное мѣдью; вонзилось
Между плечами и грудь прокололо оно; застонавши,
Треснулся объ полъ лицомъ Анфимонъ.
Телемакъ же проворно
Прочь отскочилъ; онъ копья не хотѣлъ изъ убитаго вырвать,
Сердцемъ тревожась, чтобъ, въ это мгновеніе, съ боку напавши,
Кто изъ ахеянъ его, занятаго копья исторженьемъ,
Острымъ мечомъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши
Смертный ударъ, подъ защиту отца поспѣшилъ онъ укрыться.
Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово:
Щитъ, два копья мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій изъ твердой
Мѣди, къ твоей головѣ приспособленный шлемъ принесу я;
Самъ же надѣну и латы; Эвмею съ Филотіемъ вѣрнымъ
Также надѣть ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я стрѣлъ, возвратися;
Иначе буду, оставшись одинъ, оттѣсненъ отъ защитныхъ
Притолокъ. Такъ онъ сказалъ; Телемакъ все исполнилъ поспѣшно:
Бросясь въ ту верхнюю горницу, гдѣ находились доспѣхи,
Взялъ тамъ четыре щита онъ, четыре съ густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей окованныхъ мѣдью
Копій; и съ ношей своей онъ къ отцу возвратился немедля;
Прежде однако надѣлъ на себя мѣднолитныя латы;
Мѣдными латами также облекшись, Эвмей и Филотій
Стали съ боковъ Одиссея, глубокою полнаго думой.
Онъ же, покуда еще оставались пернатыя стрѣлы,
Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ попадалъ, не давая
Промаха; другъ подлѣ друга валяся, они издыхали.
Но напослѣдокъ, когда истощилися стрѣлы, великій
Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ немъ болѣе нужды,
Къ притолкѣ свѣтлой его прислонилъ и стоять тамъ оставилъ.
Четверокожнымъ щитомъ облачивши плеча, на могучей
Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный шлемъ, осѣненный
Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страшно на гребнѣ, и въ руку
Взялъ два копья боевыхъ, заощренныхъ смертельною мѣдью.
Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей находилась другая
Тайная дверь; отъ высокаго залы пространной порога
Тѣсный былъ этою дверью на улицу выходъ изъ дома;
Доступъ желая къ нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ всякій исходъ былъ отрѣзанъ.
Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ крылатое слово
Бросилъ: друзья, не удастся ль кому потаенною дверью
Выбѣжать, крикнуть тревогу и намъ поскорѣе на помощь
Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ онъ послѣднія стрѣлы.
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, сказалъ Агелаю:
Нѣтъ, Агелай благородный, нельзя; потаенныя двери
Слишкомъ у нихъ на виду, да и выходъ такъ тѣсенъ, что цѣлой
Можетъ толпѣ заградить тамъ дорогу одинъ небезсильный.
Но погодите, оружіе вамъ я найти не замедлю;
Горницу знаю, въ которой доспѣхи, изъ этой палаты
Взятые, кучею склалъ Одиссей, помогаемый сыномъ.
Такъ Агелаю сказавъ, злоковарный Мелантій обходомъ
Въ горницу тайно прокрался, гдѣ сложены были доспѣхи.
Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щитовъ онъ, двѣнадцать
Копій и столько же мѣдныхъ хвостами украшенныхъ шлемовъ.
Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ ихъ поспѣшно онъ роздалъ.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна, когда онъ,
Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ шлемахъ, съ щитами, трясущихъ
Длинными копьями; гибель ему неизбѣжной явилась.
Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ крылатое слово:
Вѣрно какая изъ нашихъ рабынь, Телемакъ, измѣнивши
Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ, иль хитрый Мелантій?

Робко на то отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:
Горе! мое небреженье причиной всему; я виновникъ
Этой бѣды—заспѣшивъ, позабылъ оружейной палаты
Дверь запереть; и лазутчикъ, хитрѣе меня, побывалъ тамъ.
Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты туда и за дверью
Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты увидишь: служанка ль какая,
Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье имѣю.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя тайно.
Тою порой за оружіемъ хитрый Мелантій собрался
Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ, Эвмей богоравный
На ухо такъ прошепталъ Одиссею, стоявшему близко:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Вотъ онъ предатель; его угадалъ я; онъ крадется, видишь,
Снова туда за оружіемъ; что, государь, повелишь мнѣ
Сдѣлать? Убить ли крамольника, если удастся съ нимъ сладить?
Или насильно сюда притащить, чтобъ надъ нимъ наказанье
Самъ совершилъ ты за наглое въ домѣ твоемъ поведенье?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь жениховъ многобуйныхъ
Буду удерживать, сколь бы ни сильно ихъ бѣшенство было;
Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги загните
На спину; послѣ, скрутивъ на спинѣ ихъ, его на веревкѣ
За руки вздерните вверхъ по столбу и вверху привяжите
Крѣпкимъ узломъ къ потолочинѣ: двери жъ, ушедши, замкните;
Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ виситъ ни живой онъ ни мертвый.
То повелѣніе царское было исполнено скоро:
Вмѣстѣ пошли свинопасъ и Филотій; подкравшися, стали
Справа и слѣва они у дверей дожидаться, чтобъ вышелъ
Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ во второй разъ доспѣхи
Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ на порогъ (несъ прекрасный
Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а въ другой находился
Старый, широкій, подернутый плѣснію щитъ, въ молодые
Давніе годы герою Лаэрту служившій, теперь же
Брошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ перегнившими швами)
Кинулись оба на вора они; въ волоса уцѣпившись,
На полъ его повалили, кричащаго громко, и крѣпко
Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью загнувши
На спину, сзади скрутили плетенымъ ремнемъ, какъ велѣлъ имъ
Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный.
Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по столбу, привязали
Къ твердой его потолочинѣ; тамъ и остался висѣть онъ.
Съ злобной насмѣшкой ему тутъ сказалъ свинопасъ богоравный:
Будь здѣсь покуда заботливымъ сторожемъ, честный Мелантій;
Мы для тебя перестлали покойную, видишь, постелю.
Вѣрно теперь не проспишь златотронной, въ туманѣ рожденной
Эосъ въ ея восхожденіи съ водъ океана, и въ пору
Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ отборныхъ пригонишь.
Кончилъ. И, бросивъ его тамъ, висящаго въ страшныхъ мученьяхъ,
Оба съ оружіемъ, дверь за собой затворивъ, удалились.

Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
Яростью всѣ тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.
Къ первымъ тогда подошла свѣтлоокая дочь громовержца,
Сходная съ Ментором видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
Ей Одиссей, ободрившійся, бросилъ крылатое слово:
Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверстникъ.
Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслилъ, что видитъ Аѳину.
Но женихи обратились на Ментора всею толпою.
Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: будь остороженъ,
Менторъ, не слушай его убѣжденій, не думай въ сраженье
Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помощь.
Съ нами одинъ онъ не сладитъ, свое мы возьмемъ; но, когда мы,
Ихъ пересиливъ обоихъ, отца уничтожимъ и сына,
Съ ними тогда умертвимъ и тебя ненавистнаго, если
Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;
Послѣ жъ, когда уничтожитъ васъ мѣдь безпощадная, все мы,
Что ни имѣешь ты дома иль въ полѣ, возьмемъ и, смѣшавши
Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.
Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.
Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:
Нѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлорукую Зевса,
Девять съ троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;
Хитрость твоя наконецъ и Пріамовъ разрушила городъ.
Что жъ? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ женихами
Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь приступаешь?
Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣло
Противъ враговъ, на тебя нападающихъ здѣсь совокупно,
Выступитъ Менторъ Алкимидъ, тебѣ за добро благодарный.
Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:
Бодрость царя и разумнаго сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма
Тамъ перекладинѣ легкою, сизою ласточкой сѣла.
Тою порой Агелаемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,
Димоптолемъ, Эвриномъ и Пизандръ, сынъ Поликторовъ бодрый,
Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ яростно были
Въ бой подстрекаемы (силой они отличались отъ прочихъ,
Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спастись уповавшихъ
Боемъ; другіе же, всѣ умерщвленные, кучей лежали).
Такъ, обратясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:
Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уймется;
Менторъ покинулъ его, безполезно нахваставъ; одинъ онъ

Съ ними теперь на высокомъ порогѣ стоитъ беззащитный.
Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ, друзья, не бросайте;
Бросьте сначала вы шесть; и великая будетъ намъ слава,
Если его поразимъ ненавистнаго съ помощью Зевса;
Съ прочими жъ сладить нетрудно, лишь только бъ сломить Одиссея.
Такъ онъ сказалъ, и, ему новинуясь, пустили другіе
Разомъ шесть копій; но сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ Аѳина:
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну; когда же
Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ копій они избѣжали,
Такъ, обратяся къ своимъ, Одиссей хитроумный сказалъ имъ:
Очередь наша теперь; приступите, товарищи, къ дѣлу,
Копья нацѣльте и бросьте въ толпу жениховъ, уничтожить
Насъ замышляющихъ, прежде столь много обидъ намъ нанесши.
Такъ онъ сказалъ. И, прицѣлясь, они мѣдноострыя копья
Кинули разомъ; и Демоптолема сразилъ многосильный
Самъ Одиссей, Телемакъ Эвріада, Филотій Пизандра,
Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Элатопа; и разомъ
Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ стиснувши зубы.
Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши толпой и поспѣшно
Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ вонзенныя въ нѣдра ихъ копья,
Снова ихъ разомъ въ противниковъ, мѣтко прицѣлясь, пустили;
Снова Аѳина могучая сдѣлала тщетнымъ ударъ ихъ.
Вкось полетѣвши, глубоко вонзилося въ притолку гладкой
Двери одно; а другое въ одну изъ дверныхъ половинокъ
Втиснулось; третье воткнулось въ досчатую стѣну. Однако
Анфимедонъ Телемака поранилъ, въ ручную попавши
Кисть: пролетая, копье остріемъ оцарапило кожу.
Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея Ктезиппъ длинноострой
Мѣдью; копье же, надъ нимъ прошумѣвъ, водрузилося въ землю.
Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полнаго думой,
Снова они въ жениховъ неизбѣжныя бросили копья.
Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ сокрушитель;
Амфидамантъ былъ пронзенъ Телемакомъ, Полибъ свинопасомъ;
Мѣтко нацѣливъ копьемъ мѣдноострымъ, Филотій Ктезиппу
Грудь просадилъ; и, удачнымъ ударомъ хвалясь, онъ воскликнулъ:
Сынъ Полиѳердовъ, лихой на обидныя рѣчи, теперь ты
Дерзкій языкъ свой уймешь отъ ругательствъ нахальныхъ; предайся
Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ и слава и сила.
Я же тебя отдарилъ здѣсь за ногу коровью, которой
Такъ благосклонно попотчивалъ ты Одиссея бродягу.
Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сторожитель Филотій.
Тою порой умерщвленъ былъ Дамасторовъ сынъ Одиссеемъ,
Сынъ Леокритовъ, младой Эйвеноръ былъ убитъ Телемакомъ:
Острою мѣдью въ животъ пораженный, лицомъ онъ, со всѣхъ ногъ
Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно охнулъ и умеръ.
Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ головами Паллада

Страшную людямъ эгиду: и ужасъ разстроилъ ихъ чувства.
Начали бѣгать они, ошалѣвъ, какъ коровы, когда ихъ
Вешней порою (въ то время, какъ дни прибывать начинаютъ)
Густо осыплютъ на пажити слѣпни сердитые. Тѣ жъ ихъ
Били, какъ соколы кривокогтистые съ выгнутымъ клевомъ,
Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугавшихся птицъ—и густыми
Стаями съ неба на землю, спасаясь, бросаются птицы;
Соколы жъ гонятъ ихъ, ловятъ когтями, и нѣтъ имъ пощады,
Запертъ и путь для спасенья, и травлею тѣшатся люди;
Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ) справа и слѣва,
Какъ ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгъ, былъ дымящейся кровью ихъ залитъ
Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Леодей и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Въ домѣ твоемъ ни одной изъ рабынь, въ немъ живущихъ, ни словомъ
Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ непристойное; самъ я
Многихъ напротивъ удерживать здѣсь отъ постыдныхъ поступковъ
Тщился—напрасно! отъ зла не отвелъ я ихъ рукъ святотатныхъ;
Страшною участью всѣ неизбѣжно постигнуты нынѣ.
Я же, ихъ жертвогадатель, ни въ чемъ неповинный, ужели
Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ дѣламъ воздаянье?
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
Если ты подлинно жертвогадателемъ былъ между ими,
То безъ сомнѣнія часто въ жилищѣ моемъ ты молился
Дію, чтобъ мнѣ возвратиться домой запретилъ, чтобъ съ тобою
Въ домъ твой моя удалилась жена и чтобъ съ нею дѣтей ты
Прижилъ—за это теперь и людей ужасающей смерти
Ты не избѣгнешь. Сказалъ. И, могучей рукою схвативши
Мечъ, изъ руки Агелая въ минуту его умерщвленья
Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно ударилъ по шеѣ;
Крикнулъ онъ—въ крикѣ неконченномъ съ плечъ голова покатилась.
Но отъ губительной Керы избѣгнулъ сынъ Терпіевъ, славный
Пѣснями Фемій, всегда жениховъ на пирахъ веселившій
Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ къ потаенной прижавшись
Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсудкомъ, не зная, что выбрать,
Выдти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ, обнимая великій
Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на которомъ такъ часто
Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей многославный;
Или къ колѣнямъ его съ умоляющимъ броситься крикомъ?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что полезнѣе будетъ,
Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить о пощадѣ.
Цитру свою положивъ звонкострунную бережно на полъ
Между кратерой и стуломъ серебряногвоздным, поспѣшно
Къ сыну Лаэртову дивный пѣвецъ подбѣжалъ и колѣна
Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ крылатое слово:
Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и помилуй.
Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь, когда пѣснопѣвца,

Сладко безсмертнымъ и смертнымъ поющаго, смерти предашь здѣсь;
Пѣнію самъ я себя научилъ; вдохновеніемъ боги
Душу согрѣли мою; и тебя, Одиссей, я, какъ бога,
Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи пѣснопѣвца.
Будетъ свидѣтелемъ мнѣ и возлюбленный сынъ твой, что волей
Въ домъ вашъ входить никогда я не мыслилъ, что самъ не просился
Пѣснями здѣсь на пиру забавлять женихов, что напротивъ
Силой сюда приводимъ былъ и пѣлъ здѣсь всегда принужденно.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову силу святую.
Громко отцу закричалъ Телемакъ, находившійся близко:
Стой! не губи неповиннаго яростной мѣдью, родитель.
Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благостенъ будь: обо мнѣ онъ
Въ дѣтствѣ моемъ неусыпно имѣлъ попеченье. Но гдѣ онъ,
Честный Медонтъ? Не убили ль его свинопасъ иль Филотій?
Или онъ самъ злополучный попалъ подъ ударъ твой смертельный?
Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ лежалъ онъ, коровьей,
Только что содранной кожей покрытый, чтобъ Керы избѣгнуть.
Выскочилъ онъ изъ-подъ стула и, сбросивши кожу коровью
Съ плечъ, подбѣжалъ къ Телемаку и, ноги его обхвативши,
Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетѣ бросилъ крылатое слово:
Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за меня, чтобъ отецъ твой
Грозномогучій на мнѣ не отмстилъ безпощадною мѣдью
Злымъ женихамъ, столь давно, столь нахально его достоянье
Грабившимъ здѣсь, и тебя самого оскорблявшимъ безумно.
Мрачно взглянувъ изъ подлобья, сказалъ Одиссей богоравный:
Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохранилъ, чтобъ отнынѣ
Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ говорилъ въ поученье,
Сколь здѣсь благія дѣла намъ спасительнѣй дѣлъ беззаконныхъ;
Слушай теперь: изъ палаты, убійствомъ наполненной, вышедъ,
Сядь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣвцемъ, властителемъ слова;
Я же остануся въ домѣ и все здѣсь устрою, что нужно.
Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣснопѣвцемъ, изъ горницы вышедъ,
Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу владыкѣ,
Сѣли; но все озирались кругомъ, опасаясь убійства.
Очи водилъ вкругъ себя Одиссей, чтобъ узнать, не остался ль
Кто неубитый, случайно избѣгшій могущества Керы?
Мертвые всѣ, онъ увидѣлъ, въ крови и въ пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу тамъ, какъ рыбы, которыхъ—
На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубокозеленаго моря
Неводомъ мелкопетлистымъ—рыбакъ высыпаетъ на землю;
Тамъ на пескѣ раскаленномъ ихъ, влаги соленой лишенныхъ,
Геліосъ пламенный душитъ, и всѣ до одной умираютъ.
Мертвые такъ тамъ одинъ на другомъ неподвижно лежали.
Къ сыну сперва обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда пригласить Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разумной старушкѣ.
Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, повинуяся, отперъ

Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей сказалъ: Эвриклея,
Добрая няня моя, такъ давно за рабынями въ домѣ
Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно въ порядкѣ,
Кличетъ отецъ, говоритъ онъ съ тобою намѣренъ; поди къ намъ.
Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его пролетѣло
Слово. И, двери отперши тѣхъ горницъ, гдѣ жили служанки,
Вышла она; и старушку повелъ Телемакъ къ Одиссею.
Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвленныхъ явился,
Потомъ и кровью покрытый; подобился льву онъ, который,
Съѣвши быка, подымается, сытый, и тихо изъ стада—
Грива въ крови и вся страшная пасть, обагренная кровью—
Въ логъ свой идетъ, наводя на людей неописанный ужасъ.
Кровію такъ Одиссей съ головы былъ до ногъ весь обрызганъ.
Трупы увидя и крови пролитой ручьи, Эвриклея
Громко хотѣла воскликнуть, чудясь толь великому дѣлу;
Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержать отъ восторга;
Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бросилъ крылатое слово:
Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо, безъ всякаго крика;
Радостный крикъ подымать неприлично при видѣ убитыхъ.
Дiевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ беззаконій погибли;
Правда была имъ чужда, никого изъ людей земнородныхъ,
Знатный ли, низкій ли былъ онъ, уважить они не хотѣли.
Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ злополучныхъ постигла.
Ты же теперь назови мнѣ рабынь, здѣсь живущихъ, дабы я
Могъ отличить развращенныхъ отъ честныхъ и вѣрныхъ межъ ними.
Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка ему отвѣчала:
Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ тебя не скрывая;
Въ домѣ теперь пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ работницъ,
Разнаго возраста; заняты всѣ рукодѣльемъ домашнимъ;
Дергаютъ волну; и каждая въ домѣ свою отправляетъ
Службу. Двѣнадцать изъ нихъ, поведеньемъ развратныхъ, не только
Противъ меня, но и противъ царицы невѣжливы были.
Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но разумно ему Пенелопа
Въ дѣло служанокъ мѣшаться до сихъ поръ еще запрещала.
Я же наверхъ побѣгу объявить ей великую нашу
Радость: она почиваетъ; знать, боги ей сонъ ниспослали.
Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитроумный старушкѣ:
Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; прикажи, чтобъ рабыни—
Тѣ, на которыхъ ты мнѣ донесла—здѣсь немедля явились.
Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно пошла Эвриклея
Кликнуть рабынь и велѣть имъ идти къ своему господину.
Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотiемъ, съ старымъ Эвмеемъ,
Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя имъ волю:
Трупы теперь приберите; пускай вамъ помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ богатые стулья
Дочиста здѣсь ноздреватою, мокрою вытрите губкой.
Послѣ жъ, когда приберете совсѣмъ пировую палату,
Всѣхъ поведеньемъ развратныхъ рабынь изъ нея уведите;

Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною круглою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечомъ заколовъ длиннооострымъ
Каждую; пусть, осрамивши развратомъ мой домъ, наказанье
Примутъ онѣ за союзъ непозволенный свой съ женихами.
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ всѣ собралися рабыни,
Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися крупныя слезы.
Начали трупы онѣ выносить, и въ сѣняхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, клали ихъ тѣснымъ
Рядомъ, одинъ прислоняя къ другому, какъ самъ Одиссей имъ
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по сердцу было рабынямъ.
Вынесши трупы, онѣ и столы, и богатые стулья
Дочиста всѣ ноздреватою, мокрою вытерли губкой.
Заступомъ тою порой Телемакъ, свинопасъ и Филотій
Въ залѣ просторной весь полъ, обагренный пролитою кровью,
Выскребли чисто; оскребки же вынесли за дверь рабыни.
Залу очистивъ и все приведя тамъ въ обычный порядокъ,
Выдти оттуда они осужденнымъ рабынямъ велѣли,
Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и житною башней
Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли мѣстѣ, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сынъ Одиссеевъ сказалъ имъ:
Честною смертью, развратницы, вы умереть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать Пенелопу
Здѣсь осрамившія, въ домѣ моемъ съ женихами слюбившись.
Кончивъ, канатъ корабля черноносаго взялъ онъ и туго
Такъ натянулъ, укрѣпивши его на колоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было ногой до земли имъ достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или какъ голуби, въ сѣти
Цѣлою стаей — летя на ночлегъ свой — попавшіе (въ тѣсныхъ
Петляхъ трепещутъ они и ночлегъ имъ становится гробомъ),
Всѣ на канатѣ онѣ голова съ головою повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть ихъ постигла
Скоро: немного подергавъ ногами, всѣ разомъ утихли.
Силою вытащенъ послѣ на дворъ козоводъ былъ Мелантій;
Мѣдью нещадною вырвали ноздри, обрѣзали уши,
Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ, изрубивши
Въ крохи, его на съѣденіе бросили жаднымъ собакамъ.
Руки и поги свои, обагренныя кровью, омывши,
Въ домъ возвратились они къ Одиссею. Все кончено было.
Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ, сказалъ ей: немедля,
Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры;
Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты потомъ Пенелопѣ
Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ собою рабынь приближенныхъ
Всѣхъ привела. Позови равномѣрно и прочихъ служанокъ.
Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему отвѣчала:
То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу справедливымъ.
Прежде однако тебѣ принесу я опрятное платье;
Этихъ нечистыхъ отрепьевъ на крѣпкихъ плечахъ ты не долженъ
Въ домѣ своемъ многославномъ носить: то тебѣ неприлично.

Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей многоумный:
Прежде всего мнѣ огня для куренья подай, Эвриклея.
Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и скоро
Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвратилась; окуривать началъ
Сѣрой столовую онъ и широкій, стѣной обнесенный
Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣтлые дома покои,
Стала служанокъ сбирать и немедленно всѣмъ имъ велѣла
Въ залу придти; и немедленно, факелы взявши, рабыни
Въ залу пришли; обступивши веселой толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки онѣ у него цѣловали.
Онъ же далъ волю слезамъ; онъ рыдалъ отъ веселья и скорби,
Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ своихъ узнавая.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать девятаго и утро сороковаго дня.

Эвриклея приноситъ радостную вѣсть Пенелопѣ, которая идетъ вмѣстѣ съ нею въ пировую палату. Пенелопа медлитъ узнать своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть жителей города, учреждаетъ шумную пляску; омывшись въ купальнѣ, онъ возвращается къ Пенелопѣ, и, сказавъ ей тайну, только имъ двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣнія. Всѣ ложатся спать, Одиссей и Пенелопа разсказываютъ другъ другу свои приключенія. Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ побѣжала старушка
Вѣсть принести госпожѣ, что желанный супругъ возвратился.
Были отъ радости тверже колѣна ея и проворнѣй
Ноги. Подкравшися къ спящей, старушка сказала: проснися,
Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобъ очами
Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла душою вседневно.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно, но все наконецъ онъ
Съ нами, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ жениховъ, разорявшихъ
Домъ нашъ и тратившихъ наши запасы на зло Телемаку.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Другъ, Эвриклея, знать боги твой умъ помутили! Ихъ волей
Самый разумнѣйшій можетъ лишиться мгновенно разсудка,
Можетъ и слабый умомъ пріобрѣсть несказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе въ здравомъ разсудкѣ
Ты бы не стала теперь надъ моею печалью ругаться,
Радостью ложной тревожа меня? И зачѣмъ прервала ты
Сладкій мой сонъ, благодатно усталыя мнѣ затворившій
Очи? Ни разу я такъ не спала съ той поры, какъ супругъ мой
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ несказаннымъ стѣнамъ Иліона.
Нѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда, гдѣ была ты.
Если бъ не ты, а другая изъ нашихъ домашнихъ служанокъ
Съ вѣстью такой сумасбродной пришла и меня разбудила—
Я бы не ласковымъ словомъ, а бранью насмѣшницу злую
Встрѣтила. Старости будь благодарна своей, Эвриклея.
Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ отвѣчала:
Нѣтъ, не смѣяться пришла, государыня, я надъ тобою;
Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не ложь я сказала.

Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ всѣ такъ здѣсь ругались—
Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно возвращеньи
Зналъ—но разумно молчалъ объ отцѣ онъ, который, скрываясь,
Здѣсь женихамъ истребленіе вѣрное въ мысляхъ готовилъ.
Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вскочивъ, Пенелопа
Радостно кинулась нянѣ на шею въ слезахъ несказанныхъ.
Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бросила слово:
Если ты правду сказала, сердечный мой другъ, Эвриклея,
Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ ты говоришь, возвратился,
Какъ же одинъ онъ съ такой жениховъ многочисленной шайкой
Сладилъ? Они всей толпою всегда собирался въ домѣ.
Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала старушка:
Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только тамъ слышался тяжкій
Вой убиваемыхъ; въ горницѣ нашей, забившись въ уголъ,
Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершись и не смѣя промолвить
Слова, покуда твой сынъ Телемакъ изъ столовой не вышелъ
Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Одиссеемъ былъ посланъ.
Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мертвыми страшно стоящій;
Трупы ихъ были одинъ на другомъ на полу, обагренномъ
Кровью, набросаны: радостно было его мнѣ увидѣть.
Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному льву былъ подобенъ.
Трупы убитыхъ теперь всѣ лежатъ на дворѣ за дверями
Кучею. Онъ же, заботяся домъ окурить благовонной
Сѣрой, огонь разложилъ; а меня за тобою отправилъ.
Ждетъ онъ; пойдемъ; наконецъ вамъ обоимъ проникнетъ веселье
Душу, которая столько жестокихъ тревогъ претерпѣла:
Главное, долгое милаго сердца желанье свершилось;
Живъ онъ, домой невредимъ возвратился и дома супругу
Съ сыномъ живыми нашелъ, а враговъ, истребителей дома,
Въ домѣ своемъ истребилъ; и обиды загладило мщенье.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ до времени; всѣмъ намъ
Было бы счастьемъ великимъ его возвращенье въ отчизну—
Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожденному сыну;
Все я однако тому, что о немъ ты сказала, не вѣрю;
Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ боговъ, раздраженный
Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ наказавшій злодѣйства.
Правда была имъ чужда; никого изъ людей земнородныхъ—
Знатный ли, низкій ли къ нимъ приходилъ—уважать не хотѣли;
Сами погибель они на себя навлекли; но супругъ мой...
Намъ ужъ его не видать; въ отдаленьи плачевномъ погибъ онъ.
Ей Эвриклея разумная такъ, возражая, сказала:
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло.
Онъ, я твержу, возвратился; а ты утверждаешь, что вѣчно
Онъ не воротится; если же такъ ты упорна разсудкомъ,
Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ на колѣнѣ; свирѣпымъ
Вепремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на охотѣ онъ раненъ;
Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ этомъ

Тотчасъ хотѣла сказать и тебѣ; но, зажавъ мнѣ рукою
Ротъ, онъ меня, осторожно разумный, принудилъ къ молчанью.
Время однако идти; головой отвѣчаю за правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни безпощадно.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа сказала:
Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя и великій
Умъ ты имѣешь, безсмертныхъ боговъ сокровенныя мысли.
Къ сыну однако съ тобою готова идти я; увидѣть
Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ всю толпу истребилъ ихъ.
Съ сими словами она по ступенямъ пошла, размышляя,
Что ей приличнѣе: издали ль съ нимъ говорить, иль, приближась,
Голову, руки и плечи его цѣловать? Перешедши
Двери высокій порогъ и въ палату вступивъ, Пенелопа
Сѣла тамъ противъ супруга, въ сіяньи огня, у противной
Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ у колонны, потупивъ
Очи, сидѣлъ, ожидая, какое разумная скажетъ
Слово супруга, его тамъ своими глазами увидя.
Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней тревожилось сердце;
То, на него подымая глаза, убѣждалась, что въ правду
Онъ передъ ней; то противное мыслила, въ рубищѣ жалкомъ
Видя его. Телемакъ напослѣдокъ воскликнулъ съ досадой:
Милая мать, что съ тобой? Ты въ своемъ ли умѣ? Для чего же
Такъ въ отдаленьи угрюмо сидишь, не подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать, и его ни о чемъ не разспросишь?
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по многихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты сердцемъ безчувственнѣй камня.
Сыну царица разумная такъ, отвѣчая, сказала:
Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
Я произнесть не могу, ни какой мнѣ вопросъ не приходитъ
Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю ему; но, когда онъ
Подлинно царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ
Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные, знаки имѣемъ.
Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ бѣдахъ, улыбнулся;
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Другъ, не тревожь понапрасну ты мать, и свободную волю
Дай ей меня разспросить. Не замедлитъ она убѣдиться
Въ истинѣ; я же въ изорванномъ рубищѣ; трудно въ такомъ ей
Видѣ меня Одиссеемъ признать и почтить, какъ прилично
Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ: что сдѣлать полезнѣй?
Если когда и одинъ кто убитъ кѣмъ бываетъ, и мало
Близкихъ друзей и родныхъ за убитаго мстить остается—
Все, избѣгая бѣды, покидаетъ отчизну убійца.
Мы жъ погубили защитниковъ града, знатнѣйшихъ и лучшихъ
Юношей въ цѣлой Итакѣ: объ этомъ должны мы подумать.
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Все ты умнѣе, родитель, придумаешь самъ; прославляютъ
Люди твою повсемѣстно премудрость; съ тобою сравнится
Разумомъ, всѣ говорятъ, ни одинъ земнородный не можетъ;
Что повелишь, то и будетъ исполнено; сколько найдется
Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь помощникомъ буду.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Слушай же; вотъ что мнѣ кажется самымъ удобнымъ и лучшимъ:
Всѣ вы, омывшись, одѣньтесь богато, какъ будто на праздникъ;
Такъ же одѣться должны и рабыни домашнія наши;
Съ звонкою цитрой въ рукахъ пѣснопѣвецъ божественный долженъ
Весть хороводъ, управляя шумящею пляской, чтобъ, слыша
Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣды и всякой, идущій
Мимо по улицѣ, думать могли, что пируютъ здѣсь свадьбу.
Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не прошелъ о великомъ убійствѣ
Всѣхъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ поръ, пока не уйдемъ мы
За городъ на поле наше, въ нашъ садъ плодовитый; тамъ можемъ
Все на просторѣ устроить, на помощь призвавъ олимпійцевъ.
Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено скоро;
Чисто омывшись, одѣлись богато, какъ будто на праздникъ
Всѣ; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ богоравный,
Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ пробудилъ вожделѣнье
Сладостныхъ пѣсней и стройноживой хороводныя пляски.
Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремѣлъ и дрожалъ, и окружность
Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ и служанокъ;
Всякой, по улицѣ шедшій, музыку и пѣніе слыша,
Думалъ: рѣшилась свою пировать напослѣдокъ царица
Свадьбу; невѣрная! мужа, избраннаго сердцемъ, дождаться,
Домъ многославный его сохраняя, она не хотѣла.
Такъ говорили они, о случившемся въ домѣ не зная.
Тою порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ, Эвринома
Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ натерла.
Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой озарила,
Станомъ возвысила, сдѣлала тѣломъ полнѣй и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, мастеръ,
Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изумляетъ;
Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая Зевса.
Вышедъ изъ бани, лицомъ лучезарный, какъ богъ, возвратился
Онъ въ пировую палату и сѣлъ на оставленномъ стулѣ
Противъ супруги; глаза на нее устремивъ, онъ сказалъ ей:
Ты непонятная! боги, владыки Олимпа, не женскимъ
Нѣжноступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ тебя одарили;
Въ свѣтѣ жены не найдется, способной съ такою нелаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтить супруга, который, по многихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать отсутствія лѣтъ возвратился.
Слушай же, другъ Эвриклея; постель приготовь одному мнѣ;

Лягу одинъ я—когда въ ней такое желѣзное сердце.
Но Одиссею разумная такъ отвѣчала царица:
Ты непонятный! не думай, чтобъ я величалась, гордилась,
Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи. Живо я помню
Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ покидая Итаку.
Если жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея, постелю
Ты приготовь; но не въ спальнѣ, построенной имъ; а въ другую
Горницу выставь большую кровать, на нее положивши
Мягкихъ овчинъ, на овчины же полость съ широкимъ покровомъ.
Такъ говорила она, испытанью подвергнуть желая
Мужа. Съ досадою онъ, обратясь къ Пенелопѣ, воскликнулъ:
Сердцу печальное слово теперь ты, царица, сказала;
Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать? Человѣку своею
Силою сдѣлать того невозможно безъ помощи свыше;
Богу конечно легко передвинуть ее на другое
Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій, хотя бъ и рычагъ онъ
Взялъ, не шатнулъ бы ея; заключалася тайна въ устройствѣ
Этой кровати. И я, не иной кто, своими руками
Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася маслина съ темной
Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ:
Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
Слаженныхъ камней; и, сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и на петли навѣсилъ;
Послѣ у маслины вѣтви обсѣкъ и по близости къ корню
Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у корня, отвсюду
Острою мѣдью его по снуру обтесавъ, основаньемъ
Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелью брусья
Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати. Цѣла ли
Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ, не знаю; быть можетъ,
Сняли ее, подпиливъ въ основаніи масличный корень.
Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали колѣна и сердце.
Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ; заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;
Было богамъ неугодно, чтобъ, сладкую молодость нашу
Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ, я къ тебѣ приласкалась;
Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой иноземный
Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.
Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не склонила бъ
Къ лести пришельца и, съ нимъ не бѣжала бъ, любви покоряся,

Въ Трою, когда бы предвидѣть могла, что ахеяне ратью
Придутъ туда и ее возвратятъ принужденно въ отчизну.
Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ непристойный поступокъ;
Собственнымъ сердцемъ она не замыслила бъ гнуснаго дѣла,
Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣдствіе ввергшаго дѣла.
Ты мнѣ подробно теперь Одиссей описалъ всѣ примѣты
Нашей кровати — о ней же никто изъ живущихъ не знаетъ,
Кромѣ тебя и меня и рабыни одной приближенной,
Дочери Актора, данной родителемъ мнѣ при замужствѣ;
Дверь заповѣданной спальни она стерегла неусыпно.
Ты же мою, Одиссей, убѣдилъ непреклонную душу.
Кончила. Скорбью великой наполнилась грудь Одиссея.
Плача, приникнулъ онъ къ сердцу испытанной, вѣрной супруги.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посидона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую землю
Ихъ, утомленныхъ, изъѣденныхъ острою влагой, выходитъ;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья.
Такъ веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,
Рукъ бѣлонѣжныхъ отъ шеи его оторвать не имѣя
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать златотронная Эосъ,
Если бъ о томъ не подумала дочь свѣтлоокая Зевса:
Ночь на предѣлахъ небесъ удержала Аѳина; денницѣ жъ
Златопрестольной изъ водъ океана коней легконогихъ,
Съ нею летающихъ, Лампа и брата его Фаэтона
(Ихъ въ колесницу свою заложивъ) выводить запретила.
Такъ благонравной супругѣ сказалъ Одиссей хитроумный:
О Пенелопа, еще не конецъ испытаніямъ нашимъ;
Много еще впереди предлежитъ мнѣ трудовъ несказанныхъ,
Много я подвиговъ тяжкихъ еще совершить предназначенъ.
Такъ мнѣ пророка Тирезія тѣнью предсказано было
Нѣкогда въ области темной Аида, куда нисходилъ я
Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и сопутникамъ день возвращенья.
Время однако идти, Пенелопа, на ложе, чтобъ, въ сладкій
Сонъ погрузившись, свои успокоить усталые члены.
Умная такъ отвѣчала на то Одиссею царица:
Ложе, возлюбленный, будетъ готово, когда пожелаетъ
Сердце твое; ты по волѣ боговъ благодѣтельныхъ снова
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ возлюбленномъ краѣ отчизны;
Если же все наконецъ по желанью исполнили боги,
Другъ, разскажи мнѣ о новыхъ тебѣ предстоящихъ напастяхъ;
Слышать и послѣ могла бъ я о нихъ; но мнѣ лучше немедля
Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди. Одиссей отвѣчалъ ей:
Ты неотступная! странно твое для меня нетерпѣнье.
Если однако желаешь, я все разскажу; но не будетъ
Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ мнѣ: «покинувъ

Царскій свой домъ и весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей не увидишь,
Моря не знающихъ, пищи своей никогда не солящихъ,
Также не зрѣвшихъ еще на водахъ кораблей быстроходныхъ,
Пурпурно-грудыхъ, ни веселъ, носящихъ, какъ мощныя крылья,
Ихъ по морямъ. Отъ меня же узнай несомнительный признакъ;
Если дорогой ты путника встрѣтишь и путникъ тотъ спроситъ:
Что за *лопату* несешь на блестящемъ плечѣ, иноземецъ?
Въ землю весло водрузи — ты окончилъ свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней подходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, своимъ и народнымъ
Счастьемъ богатый.» Вотъ то, что въ Аидѣ сказалъ мнѣ Тирезій.
Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему отвѣчала:
Если достигнуть до старости намъ дозволяютъ благіе
Боги, то есть упованье, что наши бѣды прекратятся.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.
Тою порой Эвринома съ кормилицей, факелы взявши,
Ложе пошли приготовить изъ мягкихъ постилокъ; когда же
Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,
Лечь на постелю свою, утомяся, пошла Эвриклея;
Факелъ пылающій въ руки взяла Эвринома и въ спальню
Ихъ повела, осторожно свѣтя передъ ними; съ весельемъ
Въ спальню вступили они; Эвринома ушла; а супруги
Старымъ обычаемъ вмѣстѣ легли на покойное ложе.
Скоро потомъ Телемакъ, свинопасъ и Филотій, окончить
Пляску велѣвъ, отослали служанокъ и сами по темнымъ
Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись, тамъ легли и заснули.
Тою порою, утѣхой любви удовольствовавъ душу,
Нѣжновеселый вели разговоръ Одиссей съ Пенелопой.
Все разсказала она о жестокихъ, испытанныхъ ею
Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи безпощадно,
Сколько быковъ круторогихъ и козъ, и овецъ, и свиней тамъ
Съѣдено ими, и сколько кувшиновъ вина дорогаго
Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ свой чередъ разсказалъ онъ:
Сколько напастей другимъ приключилъ, и какія печали
Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ она, и до тѣхъ поръ
Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, покуда не кончилась повѣсть.
Онъ разсказалъ: какъ въ началѣ ограбилъ киконовъ; какъ прибылъ
Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ себя насыщаютъ;
Что потерпѣлъ отъ циклопа и какъ за товарищей, звѣрски
Сожранныхъ имъ, отомстилъ и отъ гибели спасся плачевной;
Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который радушно
Принялъ его, одарилъ и отправилъ домой; какъ въ отчизну

Злая судьба возвратиться ему не дала; какъ обратно
Въ море его, вопіющаго жалобно, буря умчала;
Какъ принесенъ былъ онъ къ брегу лихихъ лестригоновъ: они же
Разомъ его корабли и сопутниковъ мѣдно-обутыхъ
Всѣхъ истребили; а онъ съ остальнымъ кораблемъ чернобокимъ
Спасся. Потомъ разсказалъ онъ о хитрыхъ волшебствахъ Цирцеи;
Также о томъ, какъ въ туманную область Аида, въ которомъ
Душу Тирезія велѣно было спросить, быстроходнымъ
Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умершихъ товарищей тѣни
Встрѣтилъ и матери милой отшедшую душу увидѣлъ;
Какъ онъ подслушалъ сиренъ сладкострастноубійственный голосъ;
Какъ межъ пловучихъ утесовъ, Харибдой и Скиллой, которыхъ
Смертный еще ни одинъ не избѣгнулъ, прошелъ невредимо;
Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ Геліоса;
Какъ въ наказанье за то былъ корабль ихъ губительнымъ громомъ
Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ сопутниковъ бездна
Вдругъ поглотила, а онъ, избѣжавъ истребительной Керы,
Къ брегу Огигіи острова былъ принесенъ, гдѣ Калипсо
Нимфа его приняла, и, желая, чтобъ былъ ей супругомъ,
Въ гротѣ глубокомъ его угощала и даже хотѣла
Дать напослѣдокъ ему и безсмертье и вѣчную младость,
Вѣрнаго сердца однако его обольстить не успѣла;
Какъ принесенъ былъ онъ бурей на островъ людей феакійскихъ,
Съ честью великой его, какъ безсмертнаго бога, принявшихъ;
Какъ наконецъ въ кораблѣ ихъ онъ прибылъ домой, получивши
Множество мѣди и злата и ризъ драгоцѣнныхъ въ подарокъ.
Это послѣднее онъ разсказалъ ужъ въ дремотѣ и скоро
Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успокоитель сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ свѣтлоокой Паллады:
Въ сердцѣ своемъ убѣдившись, что сномъ безмятежнымъ на ложѣ
Подлѣ супруги довольно уже Одиссей насладился,
Выдти изъ водъ океана велѣла она златотронной
Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одиссей пробудился.
Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ онъ разумной супругѣ:
Много съ тобой, Пенелопа, донынѣ мы бѣдъ претерпѣли
Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ тщетно, крушилась;
Я осужденъ былъ Зевесомъ отцомъ и другими богами
Странствовать, надолго съ милой отчизной моей разлученный.
Нынѣ опять мы на сладостномъ ложѣ покоимся вмѣстѣ.
Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
Все возвратить: завоюю одно; добровольно другое
Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ.
Надобно прежде однако нашъ садъ плодовитый и поле
Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, сокрушеннаго горемъ.
Ты жъ безъ меня осмотрительна будь, Пенелопа. Съ восходомъ
Солнца по городу быстро раздастся молва о убійствѣ,
Мной совершенномъ, о гибели всѣхъ женихов многобуйныхъ.

Ты удалися съ рабынями вмѣстѣ на верхъ и сиди тамъ
Смирно, ни съ кѣмъ не входя въ разговоръ, никому не являйся.
Кончивъ, на плечи свои онъ накинулъ прекрасную броню,
Сына съ Филотіемъ, съ вѣрнымъ Эвмеемъ позвалъ и велѣлъ имъ
Также Ареево въ руки оружіе взять и облечься
Въ брони; то было исполнено; крѣпкою мѣдью покрывшись,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ воротъ. Восходила
Въ тихомъ сіяніи Эосъ. Аѳина ихъ, мглой окруженныхъ,
Вывела тайно по улицамъ людnаго города въ поле.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Сороковой день.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ Аидъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамемнона. Амфимедонъ разсказываетъ о погибели жениховъ Агамемнону, который воздаетъ хвалу мужественному Одиссею и благонравной Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей открывается отцу; за обѣдомъ онъ узнанъ Долiономъ и его сыновьями. Вѣсть о погибели жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ. Эвпейтъ ведетъ своихъ сообщниковъ противъ Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ. Между враждующими заключается миръ съ помощью Аѳины.

Эрмій тѣмъ временемъ богъ Киллинейскій, мужей умерщвленныхъ
Души изъ труповъ безчувственныхъ вызвалъ; имѣя въ рукѣ свой
Жезлъ золотой (по желанью его наводящій на бодрыхъ
Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у сонныхъ),
Имъ онъ махнулъ, и, столпясь, полетѣли за Эрміемъ тѣни
Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прилѣпленныя—если одна, оторвавшись
Свалится наземь съ утеса—визжатъ, въ безпорядкѣ порхая:
Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ тѣни; и велъ ихъ
Эрмій, въ бѣдахъ покровитель, къ предѣламъ тумана и тлѣнья;
Мимо Левкада скалы и стремительныхъ водъ океана,
Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣловъ, гдѣ боги
Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфодилонскій
Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усопшихъ летаютъ.
Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахиллеса Пелида;
Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный и сынъ Теламоновъ
Бодрый Аяксъ, красотою и мужествомъ браннымъ и силой,
Послѣ Пелеева сына, ахеянъ другихъ затмевавшій.
Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо и грустно
Тѣнь Агамемнона, сына Атреева, тутъ подошла къ нимъ;
Слѣдомъ за ней подошли и всѣ тѣни товарищей, падшихъ
Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамемнона прежде
Всѣхъ обратила: Атридъ, намъ казалось, что Зевсъ громолюбецъ
Болѣ къ тебѣ, чѣмъ къ героямъ другимъ, благосклонствовалъ; имъ ты
Былъ надъ владыками сильными первовластителемъ сдѣланъ
Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ претерпѣли, ахейцы.
Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ предназначено было
Страшную Меру, которой никто не избѣгъ изъ рожденныхъ.
О! для чего, окруженный величіемъ, властью и славой,

Ты не погибъ межъ товарищей бранныхъ
у стѣнъ Иліона!
Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ
насыпанъ ахейцами, сыну
Славу великую ты навсегда бы въ на-
слѣдство оставилъ;
Нынѣ жъ плачевною смертью по волѣ
судьбины погибъ ты.
Тѣнь Агамемнона тѣни Пелидовой такъ
отвѣчала:
Сынъ Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты
завидно былъ счастливъ;
Палъ далеко отъ Аргоса въ Троянской
землѣ ты, но пало
Много тобой умерщвленныхъ троянъ вкругъ
тебя, и за трупъ твой
Бились ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ
вихрями пыли
Тихій, огромный и страшный, лежалъ
тамъ, забывъ колесничный
Бой; и день цѣлый мы бились всѣ за
тебя, и конца бы
Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не раз-
велъ насъ грозою.
Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораб-
лямъ возвратились
Съ нимъ мы; его положивши на одръ и
водою омывши,
Масломъ натерли прекрасную голову;
много рыдало
Вкругъ бездыханнаго трупа ахеянъ, свои
отъ печали
Волосы рвавшихъ. И съ нимфами моря
изъ бездны глубокой
Вышла скорбящая мать; и раздался ея
несказанный
По морю крикъ: трепетаніе страха про-
никло ахеянъ;
Всѣ всколебались, и всѣ бъ къ кораб-
лямъ убѣжали глубокимъ,
Если бы ихъ не успѣлъ удержать много-
знающій старецъ
Несторъ, всегда подававшій совѣты раз-
умные; полный
Мыслей благихъ, обратяся къ товари-
щамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Стойте, ахейцы! куда вы бѣжите, арги-
вяне? Что васъ
Такъ испугало? То съ нимфами моря
изъ бездны глубокой
Скорбная мать подымается мертваго сына
увидѣть.
Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе
мужи. И трупъ твой
Нимфы прекрасныя, дочери старца морей,
окружили
Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ри-
зой его облачили;
Музы—всѣ девять — смѣняяся, голо-
сомъ сладостнымъ пѣли
Гимнъ похоронный; никто изъ аргивянъ
съ сухими глазами
Слушать не могъ сладкопѣнія музъ, вра-
чевательницъ сердца;
Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей
надъ тобой проливали
Горькія слезы безсмертные боги и смерт-
ные люди;
Но на осьмнадцатый день былъ огню
ты торжественно преданъ;
Мелкаго много скота и быковъ криворо-
гихъ убили
Въ почесть твою; и въ божественной
ризѣ, помазанный сладкимъ
Медомъ и мазью душистою, былъ ты со-
жженъ; и ахейцы,
Въ мѣдь облачась, у костра, на кото-
ромъ сгоралъ ты, кипѣли,
Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя
колесницахъ; великій
Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифесто-
во пламя пожрало
Трупъ твой, съ восходомъ денницы мы
собрали бѣлыя кости,
Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили
мазью; златую
Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ
ей, сказала,
Ту подарилъ драгоцѣнную урну, со-
зданье Ифеста.
Нынѣ хранятся въ ней кости твои, Ахил-
лесъ лучезарный,
Вмѣстѣ съ костями Патрокла, погибшаго
прежде во брани,
Но далеко отъ костей Антилоха, который
тобою,

Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ ахеянъ любимъ былъ.
Холмъ погребальный великій надъ вашими урнами былъ тутъ
Ратью святой копьеносныхъ аргивянъ у свѣтло-широкихъ
Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ выходящемъ, насыпанъ;
Будетъ далеко онъ на морѣ видимъ пловцамъ мореходнымъ
Нашихъ временъ, и грядущаго времени всѣмъ поколѣньямъ.
Мать же твоя принесла тутъ дары, у боговъ испрося ихъ;
Были цѣною побѣды на играхъ они для ахеянъ.
Часто бывалъ, Ахиллесъ, ты свидѣтелемъ игръ похоронныхъ,
Въ честь многославныхъ, похищенныхъ смертью, царей и героевъ;
Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣнца, снаряжалися къ бою—
Здѣсь же тебя привело въ изумленіе въ трепетъ при видѣ
Чудныхъ даровъ, среброногой Ѳетидой въ награду побѣды
Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ ихъ избранный любимецъ.
Такъ и по смерти ты именемъ живъ, Ахиллесъ, и навѣки
Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ поколѣньяхъ.
Мнѣ жъ, послужило ль къ чему окончаніе славное брани?
Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю отцовъ возвращенье:
Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнуснымъ жены развращенной.
Такъ говорили о многомъ они въ откровенной бесѣдѣ.
Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрмій Аргусоубійца,
Души въ Аидъ жениховъ, Одиссеемъ убитыхъ, ведущій.
Оба они, изумяся, приблизились къ тѣнямъ; въ густомъ ихъ
Сонмѣ душа Агамемнона, сына Атреева, душу
Амфимедона, Мелантова славнаго сына, узнала.
Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Атриду считался;
Амфимедонову душу душа Агамемнона грустнымъ
Словомъ спросила: что сдѣлалось съ вами? Зачѣмъ васъ такъ много
Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную область приходитъ? Никто бы
Лучшихъ не выбралъ, когда бъ надлежало межъ первыми въ градѣ
Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ Посидонъ съ кораблями,
Бурю пригнавъ и великія волны воздвигнувъ? На сушѣ ль
Врагъ многосильный сразилъ васъ незапно, захваченныхъ въ полѣ,
Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ и барановъ,
Или во градѣ, гдѣ женъ похищали и грабили домы
Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ считался ты въ жизни.
Помнишь ли время, когда твой отеческій домъ посѣтилъ я,
Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ братомъ моимъ Менелаемъ
Шелъ въ корабляхъ разрушать Иліона могучія стѣны?
Цѣлый мы плавали мѣсяцъ по темно-широкому морю
Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей, городовъ сокрушитель.
Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридовой тѣни:
Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Агамемнонъ,
Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты, питомецъ Зевесовъ.
Если же вѣдать желаешь, тебѣ разскажу я подробно,
Какъ мы погибли, какую намъ смерть приготовили боги.
Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о бракѣ съ женой Одиссея;
Въ бракъ не желая вступить, и отъ брака спастись не имѣя

Средства, намъ гибель и смерть замышляла
въ душѣ Пенелопа.
Слушай, какую она вѣроломно придумала
хитрость.
Станъ превеликій въ покояхъ поставя
своихъ, начала тамъ
Тонко-широкую ткань и, собравши
насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, нынѣ мои женихи—поелику на
свѣтѣ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до
поры той, какъ будетъ
Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань
не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приго-
товить хочу я
Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки на-
вѣкъ усыпляющей смерти
Парками отданъ, дабы не посмѣли ахей-
скія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ
погребенъ безъ покрова.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей
мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ
проводила, а ночью,
Факелъ зажегши, сама все, натканное
днемъ, распускала.
Три года длился обманъ и она убѣждать
насъ умѣла;
Но, когда обращеньемъ временъ приведен-
ный четвертый
Годъ совершился, промчалися мѣсяцы, дни
пролетѣли—
Все намъ одна изъ служительницъ, знав-
шая тайну, открыла;
Сами тогда жъ мы застали ее за рас-
пущенной тканью;
Такъ и была приневолена нехотя трудъ
свой окончить.
Но, лишь, окончивъ свой трудъ принуж-
денный, она напослѣдокъ
Ткань, какъ луна иль какъ солнце блестя-
щую, намъ показала,
Демонъ враждебный незапно привелъ
Одиссея въ Итаку;
Въ домъ онъ сначала пришелъ къ
свинопасу Эвмею; туда же
Былъ приведенъ и подобный богамъ Те-
лемакъ, совершившій
Свой отъ песчанаго Пилоса путь въ ко-
раблѣ чернобокомъ.
Оба они, тамъ замысливъ ужасную нашу
погибель,
Въ городъ вошли многославный; сперва
Телемакъ, Одиссеевъ
Сынъ; а за нимъ напослѣдокъ и самъ
Одиссей хитроумный;
Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ
убогое платье,
Въ образѣ хилаго старца, который чуть
шелъ, подпираясь
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ
набросивъ на плечи.
Намъ же (и самымъ разумнымъ изъ насъ)
не входило ни разу
Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Одис-
сей, возвратившійся тайно
Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его
поносили словами;
Долгое время онъ въ собственномъ домѣ
съ великимъ терпѣньемъ,
Молча, сносилъ и швырянье и наши
обидныя рѣчи.
Но, ободренный эгидоносителемъ грознымъ
Зевесомъ,
Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ всѣ до-
спѣхи прекрасные собралъ,
Въ дальній покой перенесъ ихъ, и тамъ
запертыми оставилъ;
Послѣ коварнымъ совѣтомъ своимъ побу-
дилъ Пенелопу,
Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссеевъ тугой
намъ принесши,
Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и
къ вѣрной погибели нашей.
Мы же (и самый сильнѣйшій изъ
насъ) не могли непокорный
Лукъ натянуть тетивою: на то недостало
въ насъ силы;
Но, когда поднесенъ Одиссею былъ лукъ
свинопасомъ,
Всею толпой на него закричали мы, лукъ
Одиссеевъ
Въ руки давать запрещая бродягѣ, хотя
и просилъ онъ.

Намъ вопреки, Телемакъ богоравный на то согласился.
Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ испытаніяхъ твердый,
Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца стрѣла пролетѣла.
Прянувъ тогда на порогъ, изъ колчана онъ высыпалъ стрѣлы,
Страшно кругомъ озираясь. И былъ Антиной имъ застрѣленъ
Первый; и бѣшено сталъ посылать онъ стрѣлу за стрѣлою;
Не было промаха; падали всѣ умерщвленные; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему подавалъ изъ безсмертныхъ.
Бросясь на нашу толпу, онъ по всей разогналъ насъ палатѣ.
Страшное тутъ началося убійство, раздался великій
Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ и дымился затопленный кровью
Полъ. Такъ плачевно погибли мы всѣ, Агамемнонъ. Еще тамъ
Наши лежатъ погребенья лишенные трупы; о нашей
Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ родныхъ и изъ ближнихъ;
Наши кровавыя раны еще не омыты, еще насъ
Пламень не сжегъ и никто не оплакалъ, и почести нѣтъ намъ.
Амфимедоновой тѣни Атридова тѣнь отвѣчала:
Счастливъ ты, другъ, многохитростный мужъ, Одиссей богоравный!
Добрую, нравами чистую выбралъ себѣ ты супругу;
Розно съ тобою, себя непорочно вела Пенелопа,
Дочь многоумная старца Икарія; мужу, любящимъ
Сердцемъ избранному, вѣрность она сохранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ; и въ пѣсняхъ Каменъ сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной женѣ Пенелопѣ.
Участь иная коварной Тиндаровой дочери, гнусно
Въ руку убійцы супруга предавшей: объ ней сохранится
Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она на всегда посрамила
Полъ свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ своимъ безпорочныхъ.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя грустно
Въ темныхъ жилищахъ Аида, въ глубокихъ предѣлахъ подземныхъ.
Тою порой Одиссей и сопутники, вышедъ изъ града,
Поля достигли, которое самъ обработывалъ добрый
Старецъ Лаэртъ съ попеченьемъ великимъ, давно имъ владѣя.
Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ
Домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
Спали; была между ими старушка породы сикельской;
Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно.
Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и къ прочимъ, сказалъ имъ:
Всѣ вы теперь совокупно войдите во внутренность дома.
Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ нашъ ее тамъ зарѣжьте;
Я же къ родителю прямо пойду: испытать я намѣренъ,
Буду ль имъ узнанъ, меня угадаютъ ли старцевы очи,
Или отъ долгой разлуки я сталъ и отцу незнакомцемъ?
Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ; и поспѣшно
Въ домъ съ Телемакомъ вступили они; Одиссей же направилъ
Путь къ плодоносному саду, тамъ встрѣтить надѣясь Лаэрта.
Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Долiона, и не было также

Тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Долiоновыхъ; посланы были
Всѣ они въ поле терновникъ сбирать для заграды садовой;
Съ ними пошелъ и старикъ Долiонъ указать имъ дорогу.
Старца Лаэрта въ саду одного Одиссей многоумный
Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищалъ деревцо; былъ одѣтъ неопрятно;
Платье въ заплатахъ; худыми ремнями изъ кожи бычачей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потершейся козьей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя.
Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушенный и дряхлый.
Онъ притаился подъ грушей, далъ волю слезамъ и, въ молчаньи,
Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ, что сдѣлать:
Вдругъ ли открывшись, ко груди прижать старика и, цѣлуя
Руки его, объявить о своемъ возвращеньи въ Итаку?
Или вопросами вывѣдать все отъ него понемногу?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напослѣдокъ, что лучше
Опыту старца притворнообидною рѣчью подвергнуть.
Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей богоравный къ Лаэрту.
Голову онъ наклонялъ, деревцо подчищая мотыкой.
Близко къ нему подступивши, сказалъ Одиссей лучезарный:
Старецъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
Деревѣ; смоквы, оливы и груши и сочные грозды
Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя— все здѣсь въ приборѣ.
Но, не сердись на меня, не могу не сказать откровенно,
Старецъ, что самъ о себѣ ты заботишься плохо; угрюма
Старость твоя, ты нечистъ, ты одѣтъ неопрятно; ужъ вѣрно
Твой господинъ до тебя такъ недоборъ не за лѣность къ работѣ.
Самъ же ты образомъ вовсе не сходенъ съ рабомъ подчиненнымъ;
Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоемъ нахожу я;
Болѣ подобенъ ты старцу, который, омывшись, насытясь,
Спитъ на роскошной постелѣ, какъ всякому старцу прилично.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Кто господинъ твой? За чьимъ плодоноснымъ ты садомъ здѣсь смотришь?
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ, какъ это сказалъ мнѣ
Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ сюда повстрѣчавшій?
Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ; со мной разговора
Весть не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта, когда я о гостѣ,
Нѣкогда принятомъ мною, его разспросить попытался:
Живъ ли и здѣсь ли еще, иль ужъ въ область Аида сошелъ онъ?
Вѣдать ты долженъ, и выслушай то, что скажу я: давно ужъ
Мнѣ угощать у себя посѣтившаго домъ мой случилось
Странника; много до тѣхъ поръ гостей изъ далекихъ, изъ ближнихъ
Странъ приходило ко мнѣ; но такой между ими разумный
Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя уроженцемъ Итаки,
Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго, сыномъ.

Принялъ я въ домѣ своемъ Одиссея; и мной угощенъ былъ
Онъ съ дружелюбною роскошью — много запасовъ имѣлъ я
Въ домѣ; и много подарковъ мой гость получилъ на прощаньи:
Золота далъ я отличной доброты семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную чашу, вѣнчанную чудно цвѣтами,
Съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать широкихъ вседневныхъ
Мантій и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ двѣнадцать хитоновъ;
Кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣльныхъ невольницъ:
Были онѣ молодыя, красивыя; самъ онъ ихъ выбралъ.
Крупную старецъ слезу уронивъ, отвѣчалъ Одиссею:
Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ край, о которомъ желаешь
Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли недобрые люди.
Ты понапрасну съ такимъ гостелюбьемъ истратилъ подарки;
Если бъ въ Итакѣ живымъ своего ты давнишняго гостя
Встрѣтилъ, тебя отдарилъ бы онъ такъ же богато, принявши
Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ гости другъ друга дарили.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня не скрывая:
Сколько съ тѣхъ поръ миновалося лѣтъ, какъ въ своемъ угощалъ ты
Домѣ несчастнаго странника? Странникъ же этотъ былъ сынъ мой,
Сынъ Одиссей—злополучный! быть можетъ, далеко отъ милой
Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ морской иль на сушѣ
Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотоядным достался въ добычу;
Матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ погребенъ и оплаканъ;
Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой Пенелопой
Съ плачемъ и крикомъ на одръ положенъ; и она не закрыла
Милыхъ очей; и обычной ему не оказано чести.
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю истину вѣдать:
Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты живешь? Кто отецъ твой?
Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ ты прибылъ въ Итаку?
Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чужимъ, какъ попутчикъ,
Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя здѣсь оставя, отплылъ онъ?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Если ты знать любопытствуешь, все разскажу по порядку;
Я родился въ Алибантѣ; живу тамъ въ богатыхъ палатахъ;
Полипимо́нидъ Афейдъ, той страны обладатель, отецъ мой;
Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязненный демонъ
Противъ желанья меня, отъ Сиканіи плывшаго, бросилъ;
Свой же корабль я поставилъ подъ склономъ Нейона лѣсистымъ.
Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ поръ ужъ пять совершилось
Лѣтъ, какъ, мое посѣтивши отечество, сынъ твой пустился
Въ море. Ему жъ при отплытіи счастливый путь предсказали
Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ нимъ разлучился;
Весело поплылъ и онъ; мы питались надеждою сладкой:
Часто видаться, другъ другу подарками радуя сердце.
Такъ говорилъ Одиссей; и печаль отуманила образъ
Старца; и, прахомъ наполнивши горсти, свою онъ сѣдую
Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ глубокимъ, осыпалъ.
Сердце у сына въ груди повернулось и, спершись, дыханье

Кипулось въ ноздри его — онъ сраженъ былъ родителя скорбью.
Бросясь къ нему, онъ, его обхватя и цѣлуя, воскликнулъ:
Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей, столь желанный тобою,
Волей боговъ возвратившійся въ землю отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ; воздержись отъ стенаній, оставь сокрушенье и слезы.
Слушай однако; мгновенья намъ тратить не должно, понеже
Въ домѣ моемъ истребилъ я ужъ всѣхъ женихов многобуйныхъ,
Мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за наши обиды.
Кончилъ Лаэртъ изумленный отвѣтствовалъ такъ Одиссею:
Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвратившійся въ домъ свой—
Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое уничтожить сомнѣнье.
Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ Одиссей хитроумный:
Прежде тебѣ укажу я на этотъ рубецъ; мнѣ поранилъ
Ногу, ты помнишь, клыкомъ разъяренный кабанъ на Парнассѣ;
Былъ же туда я тобою и милою матерью посланъ
Къ Автоликону, отцу благородному матери, много
(Насъ посѣтивъ) посулившему дать мнѣ богатыхъ подарковъ.
Если жъ желаешь, могу я тебѣ перечесть и деревья
Съ садѣ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда я однажды,
Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ по дорожкѣ.
Самъ ты, деревья даря, поимянно мнѣ каждое назвалъ:
Далъ мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣтившихся, десять отборныхъ
Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ пятьдесятъ виноградныхъ
Лозъ обѣщалъ, приносящихъ весь годъ многосочные грозды;
Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ янтарь золотой иль пурпурный,
Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благодатью Зевеса.
Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна и сердце у старца;
Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были. Заплакавъ,
Милаго сына онъ обнялъ, потомъ обезпамятѣлъ; въ руки
Принялъ его, всѣхъ лишеннаго силъ, Одиссей богоравный;
Но напослѣдокъ, когда возвратились и память и силы,
Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши на сына, сказалъ онъ:
Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на Олимпѣ
Мстящіе боги, когда беззаконники вправду погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что подымется въ градѣ
Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ, и съ ужасной
Вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ городамъ кефаленскимъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты тревожиться долженъ.
Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, находящійся близко отсюда;
Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ съ старымъ Эвмеемъ
Прямо послалъ, имъ велѣвъ приготовить обѣдъ намъ обильный.
Съ сими словами къ красивому дому направили путь свой
Сынъ и отецъ; и, когда напослѣдокъ вступили въ красивый
Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ съ старымъ Эвмеемъ, состряпавъ
Пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки вино разливали.
Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омывши, рабыня
Старцева тѣло его благовоннымъ елеемъ натерла,

Чистою мантіей плечи его облекла; а Аѳина,
Тайно къ нему подошедши, его возвеличила ростомъ,
Сдѣлался тѣломъ полнѣй и лицу придала моложавость.
Вышелъ изъ бани онъ свѣтелъ. Отца подходящаго видя,
Сынъ веселился его красотою, божественно чистой.
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
О родитель! конечно одинъ изъ боговъ олимпійскихъ
Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ выпрямилъ станъ твой!
Кротко на то Одиссею Лаэртъ отвѣчалъ многославный:
Если бъ — о Дій громовержецъ! о Фебъ Аполлонъ! о Аѳина!—
Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда съ кефаленскою ратью
Нериконъ градъ на утесѣ земли матерой ниспровергнулъ,
Если бы въ домѣ вчера я такимъ предъ тобою явился,
Броню надѣлъ на плеча и, тебѣ помогая, ударилъ
Вмѣстѣ съ тобой на толпу жениховъ— сокрушилъ бы колѣна
Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь отцомъ, веселился.
Такъ говорили они, собесѣдуя сладко другъ съ другомъ.
Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ приготовивъ и сѣвши
Вмѣстѣ за столъ надлежащимъ порядкомъ на креслахъ и стульяхъ,
Весело подняли руки они къ приготовленной пищѣ.
Скоро съ работы пришелъ и старикъ Долiонъ съ сыновьями;
Звать ихъ за столъ къ нимъ на встрѣчу рабыня сикельская вышла.
(Всѣхъ сыновей воспитала она, а за старымъ отцомъ ихъ,
Слабымъ отъ лѣтъ, съ неусыпнымъ усердіемъ въ домѣ пеклася).
Въ двери столовой вступивши, при видѣ нежданаго гостя,
Всѣ изумились они и стояли, не трогаясь съ мѣста.
Ласково къ нимъ обратяся, сказалъ Одиссей хитроумный:
Что же ты медлишь? Садися за столъ къ намъ, старикъ; удивленье
Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами; давно ужъ сидимъ мы
Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы возвратились съ работы.
Такъ онъ сказалъ. Долiонъ, подбѣжавъ къ своему господину,
Руки его цѣловать съ несказанною радостью началъ;
Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ крылатое слово:
Здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, желанный! Увидѣть намъ дали
Боги тебя — а у насъ ужъ въ душѣ и надежды свиданья
Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да будутъ съ тобою!
Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы всю истину вѣдать,
Далъ ли уже ты разумной супругѣ своей Пенелопѣ
Знать о своемъ возвращеньи? Иль вѣстника должно послать къ ней?
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитроумный:
Сказано все ей, старикъ; не заботься объ этомъ напрасно.
Такъ отвѣчалъ Одиссей. Долiонъ помѣстился на гладкомъ
Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь господину,
Съ словомъ привѣтливымъ руку пожали ему и обѣдать
Сѣли съ другими за столъ близъ отца своего Долiона.
Такъ пировали они въ многославномъ жилищѣ Лаэрта.
Осса тѣмъ временемъ съ вѣстью ходила по улицамъ града,
Страшную участь и лютую смерть женихов разглашая;

Всѣ взволновалися жители града; великой толпою
Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался народъ къ Одиссееву дому;
Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ схоронили; другихъ же
Въ домы семейные ихъ по инымъ городамъ разослали,
Трупы развезть поручивъ рыбакамъ на судахъ быстроходныхъ.
На площадь стали потомъ всѣ печально сбираться; когда же
На площадь всѣ собрались и собраніе сдѣлалось полнымъ,
Первое слово къ народу Эвпейтъ обратилъ благородный;
Въ сердцѣ о сынѣ своемъ, Антиноѣ прекрасномъ, который,
Первый застрѣленный, первою жертвою былъ Одиссея,
Онъ сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ онъ народу:
Граждане милые, страшное зло Одиссей намъ ахейцамъ
Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ нѣкогда въ Трою увлекши
Вслѣдъ за собой, корабли и сопутниковъ всѣхъ погубилъ онъ;
Нынѣ жъ, домой возвратясь, умертвилъ кефаленянъ знатнѣйшихъ.
Братья, молю васъ—пока изъ Итаки не скрылся онъ въ Пилосъ
Или не спасся въ Элиду, священную землю эпеянъ—
Выдти со мной на губителя; иначе стыдъ насъ покроетъ;
Мы о себѣ и потомству оставимъ поносную память,
Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ сыновей ихъ убійцамъ
Здѣсь не отмстимъ. Для меня же, скажу, ужъ тогда нестерпима
Будетъ и жизнь; и за ними погибшими въ землю сойду я.
Нѣтъ! не допустимъ, граждане, ихъ праведной кары избѣгнуть.
Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ состраданье проникло.
Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ Одиссеевомъ домѣ
Ночь ту проведшіе, вставши отъ сна, предъ народнымъ собраньемъ
Оба явились; при видѣ ихъ каждый пришелъ въ изумленье.
Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ сказалъ: приглашаю
Выслушать слово мое васъ, граждане Итаки; не противъ
Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей благородный;
Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ безсмертныхъ боговъ олимпійскихъ
Тамъ появился незапно, облекшійся въ Ментора образъ;
Онъ, всемогущій, то, стоя предъ нимъ, возбуждалъ въ Одиссеѣ
Бодрость, то, противъ толпы женихова обращаясь, гонялъ ихъ
Трепетныхъ изъ угла въ уголъ, и всѣ другъ на друга валились.
Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ ужасомъ схвачены блѣднымъ.
Выступилъ тутъ предъ народъ Галиѳердъ многоопытный старецъ,
Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ минувшее, вѣдалъ;
Съ мыслью благой обратяся къ согражданамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди Итаки;
Вашей виною, друзья, совершилась бѣда роковая;
Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣры, когда мы
Во-время васъ убѣждали унять сыновей безразсудныхъ,
Много себѣ непозволенныхъ дѣлъ позволявшихъ, губившихъ
Домъ Одиссеевъ и злыя обиды нанесшихъ супругѣ
Мужа, который, мечтали, сюда не воротится вѣчно.
Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему покоритеся слову:
Мирно останьтеся здѣсь, чтобъ бѣды на себя не накликать

Злѣйшей. Сказалъ; половина большая собранья съ свирѣпымъ
Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ остались другіе.
Тѣ жъ, негодуя на рѣчь Галиѳердову, вслѣдъ за Эвпейтомъ
Бросились шумнонеистовымъ сонмомъ готовиться къ бою.
Всѣ, облачившися въ крѣпкія мѣдноблестящія брони,
За городъ вышли и тамъ собралися великой толпою.
Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный горемъ великимъ,
Мнилъ, что за сына отмститъ; но ему не назначено было
Въ домъ свой опять возвратиться: его стерегла ужъ судьбина.
Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь обратила
Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, верховный владыка,
Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты теперь замышляешь?
Злую ль гражданскую брань и свирѣпокровавую сѣчу
Здѣсь воспалить? Иль противникамъ миромъ велѣть сочетаться?
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель Кроніонъ:
Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты о томъ вопрошаешь;
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что погубить
Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей многоумный? Что хочешь
Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же тебѣ я открою
Мысли: отмстилъ женихамъ Одиссей богоравный—имѣлъ онъ
Право на то; и царемъ онъ останется; клятвой великой
Миръ утвердится; а горькую смерть сыновей ихъ и братьевъ
Въ жертву забвенію мы предадимъ; и любовь совокупитъ
Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе здѣсь водворится.
Кончивъ, велѣлъ онъ идти нетерпѣньемъ горѣвшей Аѳинѣ.
Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа шагнула богиня.
Тѣ же, насытяся вдоволь, обѣдъ свой окончили. Голосъ
Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бросилъ крылатое слово:
Должно, чтобъ кто-нибудь вышелъ теперь посмотрѣть: не идутъ ли?
Такъ онъ сказалъ, и одинъ изъ младыхъ сыновей Долiона
Въ двери пошелъ; но съ порога дверей, подходящихъ увидя,
Громко воскликнулъ и быстрое слово Лаэртову сыну
Бросилъ: Идутъ! поспѣшите! Оружіе въ руки! ихъ много!
Всѣ побѣжали немедля и въ крѣпкія брони одѣлись;
Былъ Одиссей самъ-четвертъ; Долiоновы стали съ нимъ рядомъ
Шесть сыновей. И Лаэртъ съ Долiономъ оружіе также
Взяли—сѣдые, нуждой ополченные ратники-старцы.
Всѣ совокупно, облекшися въ мѣдноблестящія брони,
Вышли они, Одиссей впереди, изъ дверей. Къ Одиссею
Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громовержца Зевеса,
Сходная съ Ментором видомъ и рѣчью, богиня Аѳина;
Радостью былъ онъ проникнутъ, ее предъ собою увидя.
Къ сыну потомъ обратяся, онъ бросилъ крылатое слово:
Другъ Телемакъ, наступила пора и тебѣ отличиться
Тамъ, гдѣ, сражаясь, великою честью себя покрываетъ
Страха незнающій мужъ. Окажися достойнымъ породы
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
Кротко отцу отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Самъ ты увидишь, родитель, что я посрамить не желаю
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ всею землею.
Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Лаэртъ вдохновенно воскликнулъ:
Добрые боги, какой вы мнѣ день даровали! О радость!
Слышу, какъ сынъ мой и внукъ мой другъ съ другомъ о храбрости спорятъ!
Дочь многосильная Зевса, къ нему подошедши, сказала:
Бодрый Аркезіевъ сынъ, изъ товарищей всѣхъ мнѣ милѣйшій,
Въ помощь призвавши Зевеса-отца и Аѳину Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотѣнное брось наудачу.
Слово ея пробудило отважность великую въ старцѣ;
Онъ, помолясь владыкѣ Зевесу и грозной Палладѣ,
Вышелъ впередъ и копье длиннотѣнное бросилъ, не цѣлясь.
Въ мѣдноланитный Эвпейтовъ шеломъ онъ попалъ и, защиту
Мѣди пробивши, расколонный черепъ копье просадило;
Грянулся навзничь Эвпейтъ, и на немъ загремѣли доспѣхи.
Тутъ на переднихъ ударя самъ-другъ, Одиссей съ Телемакомъ
Начали быстро разить ихъ мечомъ и копьемъ; и погибли
Всѣ бы они, и домой ни одинъ не пришелъ бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя Зевса
Громко не крикнула, гибель спѣша отвратить отъ народа:
Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы, граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду прекратите!
Такъ возопила Аѳина; всѣ схвачены трепетомъ блѣднымъ
Были они и, оружіе въ страхѣ изъ рукъ уронивши,
Пали на землю, сраженные крикомъ богини громовымъ;
Въ бѣгство потомъ обратясь, устремились, спасаяся, въ городъ.
Громко тогда завопивъ, Одиссей, непреклонный въ напастяхъ,
Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ орелъ поднебесный.
Но громовою стрѣлою Кроніона вдругъ раздвоилось
Небо и ярко она предъ Аѳиной ударила въ землю.
Дочь свѣтлоокая Зевса тогда Одиссею сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
Руку свою воздержи отъ пролитія крови, иль будетъ
Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо громами Кроніонъ.
Такъ говорила богиня. Онъ радостно ей покорился.
Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой пріявшая Ментороvъ образъ
Свѣтлая дочь громовержца богиня Аѳина Паллада.

1831. 1851—1852.

—

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖИДЪ.

I.

Солнце склонялось къ горамъ Іудейскимъ. Медлительнымъ шагомъ,
Очи потупивъ, объятъ размышленьемъ о томъ, что случилось
Столь недавно, шелъ Никодимъ отъ Голгоѳы. Все тихо
Было кругомъ. Три креста на вершинѣ горы одиноко
Въ блескѣ вечернемъ сіяли. Внизу былъ сумракъ. Пещера
Съ гробомъ пустымъ, съ отвалившимся камнемъ отъ входа, прохладно
Сѣнью деревъ благовонныхъ закрыта была. Тамъ глубокій
Царствовалъ сонъ. Никодимъ, задумавшись, шелъ черезъ городъ;
Шелъ онъ тѣмъ самымъ путемъ, по которому несъ на Голгоѳу
За сорокъ дней передъ тѣмъ свой крестъ незабвенный Учитель.
Все, что было въ тотъ день, повторялось въ душѣ Никодима.
Здѣсь Вероника обтерла Страдальцу раны, кровавымъ
Потомъ покрытыя. Тамъ, узрѣвъ проливающихъ слезы
Женъ, Онъ сказалъ: «Не Меня вамъ должно оплакивать, дщери
Ерусалима! А плачьте нынѣ себя! Наступаютъ
Дни, въ которые съ трепетомъ скажутъ горамъ: упадите,
Горы, на насъ! и холмамъ: покройте насъ, холмы! Въ томъ мѣстѣ
Палъ Онъ подъ тяжкимъ крестомъ, изнуренный. Далѣ, увидѣвъ
Матерь, лишенную чувствъ, Онъ сказалъ, проходя: «Ободрися,
Милая матерь!» Тамъ, наконецъ, облеченъ въ багряницу,
Въ узахъ, въ терновомъ вѣнцѣ, Онъ стоялъ предъ народомъ, смиренный,
Тихій, но полный величія. «Се человѣкъ!» съ состраданьемъ
Молвилъ Пилатъ, и руки омылъ,—и волнуясь, какъ море,
«Кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ!» воскликнулъ
Громко безумный народъ... И Его повели на Голгоѳу...

II.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Голгоѳу, Всемогущій, Вседержитель, былъ [гоѳу;
Какъ человѣкъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто падалъ, Вставалъ съ усиліемъ, переводилъ [далъ,
Дыханіе; потомъ, шаговъ немного
Переступивъ, подъ ношею, Его давившей,
Какъ плотоядный звѣрь свою добычу,
Имъ схваченную, давитъ, падалъ снова.
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному столь чуждому любви,

И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ
Надъ нимъ изречь, какъ Богъ, свой приговоръ,
Онъ поднялъ грустный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «Ты будешь жить,
Пока Я не приду». И удалился.
И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совсѣмъ
Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложенъ
На плечи Симона изъ Киринеи,—
И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа
Исчезла вслѣдъ за Нимъ. Все замолчало
На улицѣ ужасно опустѣлой.
Народъ вокругъ Голгоѳы за стѣнами
Ерусалимскими столпился. Городъ
Сталъ тихъ, какъ гробъ. Одинъ, оцѣпенѣлый,
Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ
Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,
Что съ нимъ случилось, чьи были тѣ
Слова, которыхъ каждый звукъ свинцовой
Буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ
Сидѣлъ неисторжимъ, не слышенъ
Уху, но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши
Какъ полусонный очи, онъ со страхомъ
Замѣтилъ, что на Мòріи, надъ храмомъ,
Чернѣли тучи, съ запада, съ востока,
И съ сѣвера, и съ юга,—въ одну густую
Сліявшіяся тьму. Туда уперъ онъ
Испуганное око. Вдругъ крестъ-на-крестъ
Тамъ молніей разрѣзалася тьма;
Громъ грянулъ; чудный отзывъ въ глубинѣ
Святилища отвѣтствовалъ ему,
Какъ будто тамъ разорвалась завѣса.
Ерусалимъ затрепеталъ—и весь
Внезапно потемнѣлъ, лишенный солнца;
И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами.
Изъ глубины ея былъ голосъ; было
Теченье въ воздухѣ безплотныхъ слышно;
Во мракѣ образы возставшихъ
Изъ гроба, вдругъ явясь, смотрѣли
Живымъ въ глаза... Толпами отъ Голгоѳы
Бѣжалъ народъ; былъ слышенъ шумъ
Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя
Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ
Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ [страхѣ,
Вслѣдъ за толпою отъ своихъ дверей,
Не зная самъ куда, и въ ней исчезъ.

Тѣмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.
Во мглѣ громадой безобразной зданья
Чернѣли. Жители всѣ затворились
Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ сномъ
Заснуло. И вотъ надъ этой темной бездной
Отъ тучъ, ихъ затмевавшихъ, небеса,
Ужъ полныя звѣздами ночи, стали чисты:
Въ ихъ глубинѣ была невыразима
Неизглаголанная тишина,
И слуху сердца слышалося тамъ,
Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали
Ихъ стражи ангелы, съ невыразимой
Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо
Надъ Элеонскою горой звѣзда
Денницы подымалась. Агасверъ,
Всю ночь по улицамъ Ерусалима
Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,
Вдругъ очутился за стѣнами града,
Передъ Голгоѳой. На горѣ пустой,
На чистомъ небѣ, ярко три креста
Чернѣли. У подошвы темной
Горы — былъ входъ въ пещеру, и великимъ камнемъ
Онъ былъ задвинутъ; и не вдали, какъ
Недвижимыя тѣни, въ сокрушеньи [двѣ
Двѣ женщины сидѣли, устремивъ
Глаза—одна на камень гроба, а другая
На небеса. Увидя ихъ, и камень,
И на горѣ кресты, затрепеталъ
Всѣмъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,
Что грозный камень на него идетъ,
Чтобъ задавить. И какъ безумный,
Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голгоѳы...

Есть островъ; онъ скалою одинокой
Подъемлется изъ бездны океана;
Вокругъ него все пусто: безпредѣльность
Воды и безпредѣльность неба.
Когда вода тиха, а небеса
Безоблачны, онъ кажется тогда,
Въ сіяньи дня, уединенно-мрачнымъ
Пустынникомъ лазури безпредѣльной;
Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отраженный
Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него
Пучинахъ блещущими, онъ чернѣетъ,
Какъ сумрачный отверженецъ созданья.
Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря
И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны

Бросаются, какъ змѣи, вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Вонзаются, ихъ ребръ не сокрушая:
Онъ кажется, въ семъ боѣ недвижимый,
Всемірнаго хаѳса господиномъ.
На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло; воздухъ густо былъ наполненъ
Парами. Въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,
И всѣ подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяло; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на-крестъ сжавъ, онъ, вождь побѣдъ недавно
И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ, надъ бездной на скалѣ,
И на море—которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя впивая всей широкой грудью,
Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздымалося—смотрѣлъ. Предъ нимъ шипустыня пламенная разстилалась. [роко
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце,
Съ негодованьемъ силы, вдругъ лишенной
Свободы — онъ смотрѣлъ на этотъ хаосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
Имъ быстро созданный и столь же
Погибшій; а широкій океанъ, [быстро
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обиженную душу
Безчувственнымъ величіемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запиралъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.
Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣни, призраки тріумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались; а въ дали далекой
Звучалъ потомства неумолкный голосъ;
И мнилося ему, что на порогѣ
Инаго міра встрѣтить ждутъ его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.
Но въ этотъ мигъ, когда воспоминаньемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ—орелъ
Ширококрылый, отъ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.
Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.
Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣснимый
На сердце палъ ему; весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Горгоны,
Ему предсталъ: всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ быть—и долгій путь
Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество... И онъ затрепеталъ;
И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ къ краю
Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
Смотрѣлъ на мо̀ре; и оно его
Къ себѣ какъ будто звало, и къ нему
Въ своихъ ползущихъ на скалу волнахъ
Безчисленныя руки простирало.
И ужъ его нога почти черту
Между скалой и пустотой воздушной
Переступила... Въ этотъ мигъ его
Глазамъ, какъ будто изъ земли рожденный,
На западѣ скалы, огромной тѣнью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,
Явился нѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «Куда, Наполеонъ!»... При этомъ зовѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Оцѣпенѣлъ: поднятая нога
Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ
Глаза, и чувствовалъ съ какимъ-то страннымъ
Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
Пришлецъ и для него и для всего
Созданія чужой; но онъ невольно

Предъ нимъ благоговѣлъ, его черты
Съ неностижимымъ сердца изумленьемъ
Разсматривалъ... Къ нему шелъ человѣкъ,
Въ которомъ все не человѣчье было:
Онъ былъ живой, но жизни чуждъ казался;
Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ
Давнишнее, когда-то вдругъ—подобно [было
Созданьямъ допотопнымъ—въ камень
Неумирающій и неживущій
Преображенное; въ его глазахъ
День внѣшній не сіялъ, но въ нихъ глу- [боко
Горѣлъ какой-то темный свѣтъ,
Какъ зарево далекаго сіянья;
Вкругъ головы сѣдые волоса
И борода, широкими струями
Грудь покрывавшая, изъ серебра
Казались вылитыми; лобъ
И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
Морщинами крестъ-на-крестъ были
Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжкихъ,
Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
До пятъ недвижно падала; и ноги
Его шли по землѣ, какъ бы въ нее
Не упираясь. Пришлецъ, приближась,
На узника скалы вперилъ свои
Пронзительныя очи, и сказалъ:
«Куда ты шелъ? И гдѣ бъ ты былъ, когда бъ
Мой голосъ во-время тебя не назвалъ?
Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
Не можетъ быть бесѣды между нами,
И мыслями мѣняться намъ нельзя;
Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
Я здѣсь одинъ минутный призракъ, го- [лосъ
Безъ отзыва... Врачомъ твоей души
Хочу я быть—и передъ нею всю
Мою судьбу явлю безъ покрывала;
Въ молчаньи слушай. Участи моей
Страшнѣе не было и нѣтъ, и быть
Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
Проклятью преданный, лишенный смерти,
И въ смерти—жизни; вѣчно по землѣ
Бродить приговоренный, и всему
Земному чуждый; памятью о прошломъ
Терзаемый, и въ области живыхъ живой
Мертвецъ, имъ страшный и противный;
Не именующій здѣсь никого
Своимъ, и, что когда любилъ на свѣтѣ,
Все пережившій, все похоронившій;
Все пережить и все похоронить
Опредѣленный; нѣтъ мнѣ на землѣ
Ни радости, ни траты, ни надежды;
День настаетъ, ночь настаетъ, они
Безъ смѣны для меня; жизнь не про- ходитъ,
Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
Окаменившая живое время;
И посреди собратій бытія,
Живущихъ радостно иль скорбно, жизнь
Любящихъ иль изъ жизни уводимыхъ
Упокоительной рукою смерти,
На этомъ братскомъ пиршествѣ созданій
Мнѣ мѣста нѣтъ; хожу кругомъ трапезы
Голодный, жаждущій—меня они
Не замѣчаютъ; я стражду, какъ никто
И сонный не страдалъ, — мое жъ стра- данье
Для нихъ не быль, а вымыселъ давнишній,
Давно разсказанная дѣтямъ сказка...
Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
Съ презрѣньемъ спросишь у меня: за- Сюда пришелъ я, чтобъ такой [чѣмъ же
Безумной басней надъ тобой ругаться?
Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ
Васъ, близорукихъ жителей земли;
Но для тебя моей судьбины тайну
Я всю вполнѣ открою... Слушай.

Я—Агасверъ, не сказка Агасверъ,
Которою кормилица твоя
Тебя въ ребячествѣ пугала,—нѣтъ! о, нѣтъ!
Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью,
Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ сердцемъ
И съ помнящей минувшее душою;
Я Агасверъ—вотъ исповѣдь моя...
О, нѣтъ! языкъ мой повторить не можетъ
Живымъ, для слуха внятнымъ словомъ
Того, что нѣкогда свершилось, что
Въ проклятіе жизнь бѣдную мою
Преобратило,—имя Агасверъ
Тебѣ сказало все... Нѣтъ! въ языкѣ
Моемъ такого слова не найду я,
Чтобъ то изобразить, что былъ я самъ,

Что мыслилось, что видѣлось, что ныло
Въ моей душѣ, — что въ ночахъ безсонныхъ,
Что въ тяжкомъ снѣ, что въ привидѣньяхъ,
Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Которые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь
Удара громоваго... дни несказанной
Тоски и тренета, со дня Голгоѳы
Прошедшіе!.. Ерусалимъ былъ тихъ;
Но было то предтишье подходящей
Бури; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,
Потупленность головъ, походки шаткость,
И подозрительность суровыхъ взглядовъ—
Все было знаменьемъ чего-то, страшно
Постигнувшаго всѣхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всѣхъ грозящаго. Кругомъ
Ерусалимскихъ стѣнъ какой-то мрачный,
Невѣдомый во градѣ никому,
Бродилъ, и крикомъ жалобнымъ, на всѣхъ
Концахъ всечасно въ градѣ слышнымъ:
Отъ запада и отъ востока горе! [«горе!
Отъ сѣвера и отъ полудня горе!
Ерусалиму горе!» повторялъ.
А я изъ всѣхъ людей Ерусалима
Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей,
Мечталось мнѣ, страшнѣйшая—моя;
Чудовище съ лицомъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого
Стократъ ужаснѣйшимъ. Что Онъ сказалъ мнѣ?
Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни ночь меня
Не покидали—яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Который ядомъ слова одного
Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его могуществу не вѣрилъ; я
Упорствовалъ обманщика въ Немъ видѣть;
Но чувствовалъ, что я приговоренъ...
Къ чему?.. Невѣдѣнья ужасный призракъ,
Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,
Стоялъ передо мной—и мучилъ страхом
Неизглаголаннымъ меня. Противъ [
Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непонятымъ мной, словомъ
Изрекшаго, и противъ всѣхъ Его
Избранниковъ я былъ неукротимой
Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были
Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Неодержимы; кто встрѣчался въ градѣ
Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный
Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи,
Безъ роскоши—ужъ тотъ конечно былъ
Слугой Іисуса Назорея. Въ ихъ
Собраніяхъ вседневно совершалось
О Немъ воспоминанье: часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было
Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ
Благую вѣсть о немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ, не-
И эта злоба скоро разразилась [злобныхъ;
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеньемъ
И наконецъ убійствомъ. Я, какъ дикій
Звѣрь, ликовалъ, когда былъ передъ храмомъ
Стефанъ, побитый каменьемъ, замученъ;
Когда потомъ пріяли муку два
Іакова, одинъ мечомъ, другой
Съ вершины храма сброшенный; когда
Пронесся слухъ, что Петръ былъ распятъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,
Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнетъ. Тщетная надежда!
Во мнѣ тоска отъ страха неизвѣстной
Мнѣ казни только раздражалась. Я,
При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,
Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли, властвовалъ четвертый—Нѣронъ.
Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ ле-
Вокругъ меня четыре поколѣнья [жало;
Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ
Моемъ садились за мою трапезу...
Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ
Все болѣе и болѣ чуждъ и сиръ,
И нелюдимъ и грустенъ становился:
Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,

Ни старъ, ни молодъ, но что жизнь моя
Желѣзно-мертвую пріобрѣла
Несокрушимость. Самому себѣ,
Среди моихъ живыхъ дѣтей и внуковъ
И правнуковъ, казался я надгробнымъ камнемъ,
Межъ ихъ могилъ стоящимъ одиноко камнемъ;
И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
Объятыхъ тлѣньемъ труповъ. Всѣ ужъ дѣти
И всѣ ужъ внуки были взяты смертью,
И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
И бѣшенствомъ я началъ хоронить...

Тѣмъ временемъ часъ-отъ-часу душ-
Въ Ерусалимѣ становилось. Зная, [нѣе
Что будетъ, всѣ Іисуса Назорея
Избранники покинули убившій
Учителя ихъ городъ и ушли
За Іорданъ. И все, и все сбывалось,
Что предсказалъ Онъ: Палестина вся
Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
Терзали области ея; и скоро
Приблизился къ Ерусалиму часъ
Его судьбы: то время наступило,
Когда, какъ Онъ пророчилъ, «благо будетъ
Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
Съ младенцами грудными, горе старцамъ
И юношамъ, живущимъ въ градѣ, горе
Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣ-
Всѣ бѣдствія въ одну бѣду слилися. [вамъ.»
Веспасіановъ сынъ — извнѣ — пути
Изъ града всѣ загородилъ, вогнавъ
Туда насильно моръ и голодъ;
Внутри господствовали буйство, бунтъ,
Усобица, безвластье, безначалье,
Владычество разбойниковъ, извнѣ
Прикликанныхъ своими на своихъ.
Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
Грабителей, грабителей отъ града, града
Отъ легіоновъ Тита... Всюду бой;
Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
Отъ голода, отъ муки передсмертной,
Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
Ѣды—ревъ мятежа, разврата пѣсни,
Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голод-
Младенцевъ, матерей тяжелый вой... [ныхъ
И въ высотѣ надъ этой бездной днемъ—
Безоблачно пылающее небо,
Зловонную заразу вызывая
Изъ труповъ, въ градѣ и внѣ града
Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій мечъ,
Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
Пророча гибель... И погибнуть весь
Израиль обреченъ былъ; отовсюду
Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пасхальнымъ
Въ Ерусалимъ, народъ былъ разомъ преданъ
На истребленье мстительному Риму.
И всѣ истреблены... убійствомъ, гладомъ,
Въ когтяхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ на чужбинѣ.
Погибъ Ерусалимъ Господній. Отъ созданья
Міръ не видалъ погибели подобной.
О, страшно онъ боролся съ смертнымъ часомъ!
Когда въ него, всѣ стѣны проломивъ,
Ворвался врагъ и бросился на храмъ,—
Народъ, въ его толпу, изъ-за ограды
Исторгшись, врѣзался, и съ ней сцѣпившись,
Вслѣдъ за собой ее вовлекъ въ средину
Ограды—бой ужасный, грудь-на-грудь,
Тутъ начался; и наконецъ, спасаясь,
Вкругъ скиніи, во внутренней оградѣ,
Столпились мы, отчаянный, послѣдній
Израиля остатокъ... Тутъ увидѣлъ
Я несказа́нное: подъ святотатной
Рукою скинія открылась, стало
Намъ видимо невиданное окомъ:
Ковчегъ завѣта... Въ этотъ самый мигъ
Храмъ запылалъ, и въ скинію пожаръ
Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
Слилися крикъ, одни завывъ отъ горя,
А тѣ заликовавъ отъ торжества
Побѣды... Вся гора слилася въ пламя,
И посреди его, какъ длинный, гору
Обвившій змѣй—чернѣло войско Рима.
И въ этотъ мигъ... все для меня исчезло!
Раздавленный обрушившимся храмомъ,
Я палъ—почувствовавъ, какъ черепъ
И кости всѣ мои вдругъ сокрушились; [мой
Безпамятство мной овладѣло... Долго ль

Продлилося оно—не знаю. Я
Пришелъ въ себя, пробившись сквозь какой-то
Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалося страданье: боль
Отъ раздробленья всѣхъ костей, и бремя
Меня давившихъ камней, и дыханья
Запертаго тоска, и жаръ болѣзни,
И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла
Возстановляющей, при страшной мукѣ
И голода и жажды—это все
Я совокупно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ—безъ мысли,
Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувствомъ
Неконченнаго бытія, которымъ,
Какъ тяжкой грёзой, вся душа
Была задавлена и трепетала
Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой
Насквозь пронзаетъ заживо зарытыхъ
Въ могилу. Но меня моя могила
Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,
Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ
И невредимъ: разбивъ меня на смерть,
Меня, ожившаго, они извергли,
Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не постигнулъ,
Гдѣ я. Передо мною подымались
Вершины горныя; межъ нихъ лежали
Долины, и всѣ онѣ покрыты были
Обломками—какъ будто бы то мѣсто
Градъ каменный, обрушившійся съ неба,
Незапно завалилъ, и тамъ нигдѣ
Не зрѣлося живаго человѣка:
То былъ Ерусалимъ!.. Спокойно солнце
Садилось, и его прощальный блескъ,
На высотѣ Голгоѳы угасая,
Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза—и я,
Ее увидя, весь затрепеталъ:
Изъ этой повсемѣстной тишины,
Изъ этой бездны разрушенья, снова
Послышалося мнѣ: «Ты будешь жить,
Пока Я не приду...» Тутъ въ первый разъ
Постигнулъ я вполнѣ свою судьбину:
Я буду жить! я буду жить, пока
Онъ не придетъ!.. Какъ жить?.. Кто Онъ?
Придетъ?.. И все грядущее мое [Когда
Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ
Погибшаго Ерусалима: тамъ
На камнѣ камня не осталось; тамъ
Мое минувшее исчезло все;
Все, жившее со мной, убито; тамъ
Ничто ужъ для меня не оживетъ
И не родится,—жизнь моя вся будетъ
Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,
И жизнь безъ смерти. Я въ бѣщенствѣ
И бѣшеное произнесъ на все [завылъ
Проклятіе,—безъ отзыва мой голосъ
Раздался глухо надъ громадой камней,
И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣзда
Вечерняя надъ высотой Голгоѳы
Взошла на небо... и невольно—
Сколь мой ни бѣшенствовалъ духъ—
Сіяньи тайную отрады каплю [въ ея
Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы
И проклинанья выпилъ... Но то была
Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига..
Что съ онаго я испыталъ мгновенья!..
О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико
Роптalъ, какъ злобствовалъ, какъ проклиналъ,
Какъ ненавидѣлъ жизнь, какъ страстно
Невнемлющую смерть любилъ!.. Съ двойнымъ
Отчаяньемъ и бѣшенствомъ, слова
Страдальца Іова я повторялъ:
«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:
Родился человѣкъ, и проклята
Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ
Послышался; да звѣзды ей не свѣтятъ,
Да не взойдетъ ей день, ей—незапѣршей
Меня родившую утробу!» А когда я
Воспоминалъ слова его печали
О томъ, сколь малодневенъ человѣкъ:
«Какъ облако уходитъ онъ, какъ цвѣтъ
Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ
Онъ прежде цвѣлъ, не узнаетъ его»,—
О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ
Завидовалъ... Передо мною все
Рождалося и въ часъ свой умирало:
День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь
Въ сіяньи дня; сколь мнѣ завидно было,
Когда на небѣ облако свободно
Летѣло, таяло и исчезало;
Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смолкалъ;

Когда съ деревьевъ падалъ листъ; все,
Я видѣлъ знаменіе смерти, было [въ чемъ
Мнѣ горькой сладостью: одна лишь смерть—
Смерть, упованіе не быть, исчезнуть—
Всему, что жило вкругъ меня, давала
Томительную прелесть; жизнь же
Во всемъ твореніи я ненавидѣлъ
И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
И съ этой злобой на твореньe, съ дикимъ
Возстаньемъ всей души противъ Творца
И съ несказанной ненавистью противъ
Распятаго—отчаянно пошелъ я,
Неумирающій, всему живому
Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
Меня терзавшими, не убивая,—
И голодомъ, и жаждою, и зноемъ,
И хладомъ,—грозною нуждой влекомый,
Между людьми, какъ нищій безпріютный,
Я побирался... Милостыню мнѣ
Давали безъ вниманья и участья,
Какъ лепту, который мимоходомъ
Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
Такъ я сыпучими песками жизни
Тащился съ ношею моею, зная,
Что никуда ее не донесу.
И вмѣстѣ съ смертію былъ у меня
И сонъ—успокоитель жизни—отнятъ.
Что днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
На жизнь, богопроклятія, вражда
Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины—
Непризнаваемой, но безпрестанно
Грызущей сердце—боль: то въ темнотѣ
Ночной, вкругъ изголовья моего,
Толпою привидѣній стоя, сонъ
Отъ головы измученной моей
Неумолимо отгоняло. Буря
Ночная мнѣ была отрадней тихой,
Украшенной звѣздами ночи: тамъ
Съ мутящимъ землю бѣшенствомъ стихій
Я бѣшенствомъ души моей сливался;
Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
Тамъ одинокая межъ одинокихъ,
Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ,—
Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ
Мой жребій повторяла, на меня
Съ небесъ вперяя пламенное око.
Такъ, въ изступленіи страданья, злобы
И безнадежности, скитался я
Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скопилось
Въ одну мучительную жажду смерти.
«Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!»
то было крикомъ
Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, которымъ
На горькую мнѣ зависть гибли люди.
Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
На днѣ ея, о камни сокрушенный,
Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
Свое меня не принимало; пламень
Меня пронзалъ мучительно насквозь,
Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
Когда къ вершинамъ горъ скоплялись
И тамъ кипѣли молніи, туда [тучи
Взбирался я, въ надеждѣ тамъ погибнуть;
Но молніи кругомъ меня вилися,
Дробили и деревья и утесы—я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что—можетъ быть—
Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ: и съ чумными, въ больницѣ душной,
Я ложе ихъ дѣлилъ, ихъ трупы бралъ
На плечи и, зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ—
Напрасно! мной чума пренебрегала...
Я съ караваномъ многолюднымъ степью
Песчаной Аравійской шелъ;
Вдругъ раскаленное затмилось небо
И солнце въ немъ исчезло: вихрь
Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
На насъ; храпя, въ песокъ уткнули морды
Верблюды; люди пали ницъ—я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остововъ, на пиру
Орловъ, сдирающихъ съ костей остатки
Истлѣвшихъ труповъ. Въ тотъ ужасный день,
Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
И пепелъ завалилъ Помпею, я

Природы судорогой страшной былъ
Обрадованъ; при стонѣ и трясеньи
Горы дымящейся, горящей, тучи
Золы и камней и кипучей лавы
Бросающей изъ треснувшаго чрева,
При воѣ, крикѣ, давкѣ, шумѣ въ бѣгство
Толпящихся сквозь пепелъ все затмив-
Въ которомъ, ничего не озаряя, [шій,
Сверкалъ невидимый пожаръ горы,
Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы—ею
Обхваченный, я, вмигъ прожженный, въ уголь
Былъ обращенъ, и въ море, на́ брегъ
Гонимое землетрясенья силой,
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На брѣгъ, на произволъ землетрясенью.
То былъ послѣдній опытъ мой—насильствомъ
Взять смерть. Я сталъ подобенъ гробу,
Въ которомъ запертой мертвецъ, ожившi
И съ крикомъ долго бившись понапрасну,
Чтобъ вырваться изъ душнаго заклепа,
Вдругъ умолкаетъ—и послѣдней ждетъ
Минуты, задыхаясь: такъ въ моемъ
Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
Отчаянно моя душа. «Всему
Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
И проклинай; но затвори молчаньемъ
Уста и замолчи на вѣчность!»—такъ
Сказалъ я самому себѣ...
Но слушай.

Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ—и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ... И что̀ моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣлъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ! Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили.
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ,
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ [знака
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра, старецъ
Игнатій—съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Звѣрямъ на растерзанье произвольно
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ—
На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
«Тебя—запѣли тихо—Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ...» О! это пѣнье—
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы—здѣсь мою всю душу
Проникнуло незапнымъ вдохновеньемъ.
Что̀ предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Что̀ вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился—
Не знаю... Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже къ намъ мчался
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, въ сторону меня съ любовью

Рукой смиренно отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди.»
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... Но
Еще меня перекрестить и взоръ [успѣлъ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда жъ очнулся, вкругъ
Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклепѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ—а я
Отъ мѣста крови, плача, удалился,
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ...
Что послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ ученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась на двое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубоко мнѣ втѣснилось въ грудь, и знакомъ
Такого измѣненья было то, [ъ
Что проклинаніе моимъ устамъ
Произносить уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно-плачущую обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Внезапная отрада посѣтила:
Еще неоткровенное—какъ свѣжій,
Предутренній благоуханный воздухъ—
Вливалося въ меня и усмиряло
Мою борьбу съ собой... О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой при-
Произнесенъ... Но я уже не злобой [говоръ
Наполненъ былъ при томъ воспоми-
А скорбію раскаянья глубокой [наньи,
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лицо во прахъ и горько плакать...
То были первыя минуты тайной,
Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося... Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
Немедля, поплылъ я; корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу.
Промыслъ
Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, ста-
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель [рецъ
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я... Но Провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась...
Скитаясь одиноко, я незапно

Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола...»
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ и долго онъ,
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою,
Какой не знаетъ міръ...
Онъ продолжалъ:

«Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахъ,
Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святаго мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: «Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ пріидешь!»
Онъ оросилъ меня водой крещенья.
И на другое утро—о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей!
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христовомъ
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови». И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной, жизни;
И наконецъ передъ моими, мракомъ
Покрытыми, очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ...
Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святой евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубоко почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
Былъ не одинъ страданія цѣлитель—
Былъ ангелъ, прямо низлетѣвшій съ неба:
Все, что пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,
То въ образахъ великихъ этотъ сонъ
Явилъ очамъ моей души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Непомраченные, часъ отъ часу
Живѣй изъ облекающей ихъ тайны
Моей душѣ сіяютъ, передъ ней
Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущія...
Корабль нашъ, вѣтромъ
Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь,
Летѣлъ; а я непробудимымъ сномъ,
Подъ вѣяньемъ полуденной прохлады,
Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненныя повторялъ,
Которыми, бесѣдуя со мною,
Передъ моимъ непосвященнымъ окомъ

Разоблачилъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
Передъ моимъ тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что̀ ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мною
Во снѣ пророка все передо мной,
И надо мною, на сушѣ, на водахъ,
И въ вышинѣ небесъ, и въ глубинѣ
Земли видѣній чудныхъ было полно...

Я видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на тронѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
Печатями великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Коня исторглися, какъ страшный всадникъ—смерть—
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
Предъ Агнцемъ все—и небо, и земля,
И все, что въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И всѣ тьмы ангеловъ на небесахъ—
Въ единое слилось славохваленье.
Я зрѣлъ, какъ ангелъ свѣтлый совершил
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье [ъ
Печатію живаго Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Бѣды и казнь гласящими трубами,
И слышалъ голосъ: «время миновалось!»
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за женою, двѣнадцатью звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
На небо унесенъ; какъ началася
Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Низвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу истребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиглавый звѣрь поднялся;
Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ жатва
Великая свершилась; какъ на бѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
Оружіемъ—себя жъ именовалъ
Онъ «Слово Божіе»—явился Всадникъ;
Какъ вслѣдъ за Нимъ шло воинство на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый,
И какъ изъ устъ Его на казнь людей
Мечъ острый исходилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣпями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
Потомъ на высотѣ великій бѣлый
Явился тронъ; какъ отъ лица, на тронѣ
Сидящаго, и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ...
И новыя тогда я небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый
Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
Сіяющій, увидѣлъ. И раздался,
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
«Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
Здѣсь храма нѣтъ Ему; здѣсь Самъ онъ храмъ Свой;
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ.
Ни смерти болѣе ни слезъ ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
Все прежнее и совершилось дѣло
Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба: здѣсь сіяетъ слава
Господняя, и Агнецъ служитъ здѣсь
Свѣтильникомъ, и Божіе лицо
Спасенные очами видѣть будутъ».
И слышалъ я, какъ все небесъ пространство
Гласъ наполнялъ отвсюду, говорящій:
«Я Богъ живой, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Подходитъ время»...

Такіе образы въ ту ночь, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой Земли,

Мой первый сонъ блаженный озаряли.
Недаромъ я о томъ здѣсь говорю,
Что изъ писаній ты безъ вѣры знаешь:
Хочу, чтобъ ты постигъ вполнѣ мой
Когда пророкъ святое откровенье [жребій.
Мнѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
Во глубинѣ души моей оно
Осталось врѣзаннымъ; и съ той поры
Во тьмѣ моей приговоренной жизни
На казнь скитальца Каина, оно
Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
Уже теперь надеждою живу,
Хотя еще не уведенъ изъ жизни
Рукой меня отвергшей смерти... Солнце
Всходило въ пламени лучей, когда
Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
На лонѣ голубаго моря темной
Тянулся полосою брегъ Святой
Земли; одни лишь горы—снѣговой
Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедронос-
Ливанъ и Элеонъ изъ низшихъ горъ—[ный
Свои зазженныя лучами солнца
Вершины воздвигали. О, съ какимъ
Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
Ужъ не было Израиля! Прошло
Треть вѣка съ той поры, какъ я ее
Покинулъ. О, что былъ я въ страшный мигъ
Разлуки съ ней! и что потомъ со мной
Сбылося и какимъ я возвратился
Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
Колоднику, который на свободѣ
Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много лѣтъ
Лежалъ въ цѣпяхъ,—гдѣ всѣ, кого на свѣтѣ
Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертые,
Въ его глазахъ погибли: гдѣ каждый день
Его терзали пыткой палачи,
И съ ними самый яростный изъ всѣхъ
Палачъ—обремененное ужасной
Виной, бунтующее противъ жизни
И Бога—собственное сердце... Я
Не помню, что во мнѣ сильнѣе было—
Свободы ль сладостное чувство, или
Ужасная о прошлой пыткѣ память.
Безлюдною страною окруженный,
Гдѣ царствовалъ опустошенья ужасъ,
Достигнулъ я Ерусалима. Онъ
Громадой черныхъ отъ пожара камней,
Какъ мертвый трупъ, изсѣченный въ куски,
Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
Своею мрачностью въ сіяньи тихомъ
Безоблачнаго неба. И случилось
То въ самый праздникъ Пасхи; но его
Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
Не смѣлъ народъ на праздникъ свой великій
Сходиться. Къ бывшему пробравшись
Святилищу, узналъ я съ содроганьемъ
То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я,
Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
Вдругъ, посреди безмолвія развалинъ,
Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
Простертыхъ на землѣ немногихъ стар-
цевъ,
И женщинъ, и дѣтей—остатокъ бѣдный
Израиля. Они рыдая пѣли:
«Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
Мы о тебѣ скорбимъ, богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!»
При этомъ пѣньи я упалъ
На землю и въ молчаньи плакалъ горько,
О прежней славѣ Божьяго народа
И о его постигшей казни помышляя.
Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
И всей землѣ былъ; не могло
Его ничто земное ни унизить,
Ни возвеличить: онъ, народъ избран-
Народъ отверженный отъ Бога былъ. [ный,
На немъ лежитъ печать благословенья, онъ
Запечатлѣнъ проклятія печатью.
Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
Того, что ужъ свершилося и вновь
Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
Не вѣруетъ тому, что существуетъ
Имъ столь желанное и имъ самимъ
Отвергнутое Благо; и его
Надежда ложь, его безъ смысла вѣра!
Отъ плачущихъ я тихо удалился,
И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,
Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
Но вдругъ невольно я оцѣпенѣлъ:
Передъ собой увидѣлъ я остатокъ
Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
И настежъ отворенной дверью; въ ней

Сидѣлъ шакалъ; онъ, злобными глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
Въ развалинахъ... То былъ мой прежній домъ...
И я стоялъ предъ дверью роковой
Свидѣтелемъ погибели моей.
И мнѣ въ глаза то мѣсто—гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подходящаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя — пятномъ суровымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицомъ приникнувъ
Къ землѣ, къ которой нѣкогда нога
Святая прикоснулась, и слезами
Я обливалъ ее, и въ этотъ мигъ
Почудилося мнѣ, что Онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахѣ
Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій... Я поднялся...
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ несъ свой крестъ
Онъ, бѣшенымъ ругаемый народомъ...
Вслѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,—
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голгоѳы. Отдѣлясь отъ черной груды
Развалинъ, зеленью благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зазженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величіи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце нисходило
Съ небесъ, на всю окрестность наводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голгоѳы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
Ногой къ ея святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взошелъ на высоту ея,
О, какъ мое затрепетало сердце!
Моимъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ
Полузаглаженныхъ, на мѣстѣ, гдѣ явился,
Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ прахъ,
Я горькими слезами долго плакалъ.
Но въ этотъ мигъ раскаянья — терзанье
И благодарностью, невыразимой
Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головой моей, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
Къ ногамъ отца, готоваго простить...
Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голгоѳы, въ покаяньи,—
Одинъ, отвсюду разрушеньемъ страшнымъ
Земныхъ величій и всего, что было
Моимъ житейскимъ благомъ, окруженный.
Между обломками Ерусалима
Пробравшися, и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Геѳсиманскихъ густотѣнныхъ
Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахѣ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь—
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ послѣднихъ
Страданіемъ лишенный силъ — въ смертельной
Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдальцамъ.
Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ея святыню я
Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразитъ очарованье ночи,
Подъ сѣнью Геѳсиманскихъ маслинъ мною
Въ молчаніи всемірномъ проведенной!
Когда взошелъ на верхъ я Элеонской
Горы, съ которой, все свершивъ земное,
Сынъ Человѣческій на небеса
Вознесся—предо мной явилось солнце
Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; тонкій паръ
Лежалъ; но вдалекѣ уже горѣла
Въ сіяньи утреннемъ Голгоѳа. Чернымъ
Остовомъ, посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнію отъ Элеонской

Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Сіянья воскресительнаго ждущій... Я
Въ послѣдній разъ съ святой горы взглянулъ
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ,—еще въ его обломкахъ
Я видѣлъ трупъ съ знакомыми чертами;
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ
Былъ долженъ умереть: была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;
Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣсто,
Гдѣ нѣкогда стоялъ Ерусалимъ. [сто,
На гробѣ прежняго другой былъ долженъ
Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голгоѳою, и вовсе чуждый
Израилю бездомному,—какъ я,
На горькое скитанье по землѣ
Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба новаго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлуку
Господній градъ, я отъ него пошелъ,—
И съ той поры я странствую... Но слушай.
Мой жребій все остался тотъ же, страшный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.
Какъ прежде, я не умирать и вѣчно
Скитаться здѣсь приговоренъ; всѣмъ людямъ
Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;
Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и непогоду; подаяньемъ
Питаться принужденный, принимая
Съ стыдомъ и скорбію, что̀ первый встрѣчный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ броситъ.
Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,
Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность
Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,
И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
Со мною, въ страхѣ убѣжитъ; не схватитъ
Меня земля разинутой своею [пастью;
Въ землетрясенье не задушитъ
Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлебнуться.
Всѣ, всѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:
Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью
Борьбу напрасно мучимому тѣлу
Могу я дать безплодными своими
Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я
Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.
Такъ я скитаюся. И нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если
Моя судьба не измѣнилась—самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то̀ мгновенье,
Когда проклятье пало на меня,
Когда, своей вины не признавая,
Свирѣпо самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.
Я проклиналъ, я бѣшено бороться
Съ неодолимой Силою дерзалъ.
О, я теперь иной!.. Тотъ, за меня
Поднятый къ небу, мученика взглядъ
И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили
Озлобленность моей ожесточенной
Души въ смиреніе, и на Голгоѳѣ
Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось
Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, Онъ въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,
Меня казнилъ какъ Богъ: меня спасалъ
Погибелью моей, и мнѣ изрекъ [ложенье.
Въ своемъ проклятіи благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,
Бѣжавшаго въ то время отъ Голгоѳы,
Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,
Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ
Въ училищѣ страданій несказанныхъ,
И какъ цѣна, которою купилъ я
Сокровище, Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣнимымъ благомъ—
Ничтожна!.. Такъ, перерожденный, новый,
Пошелъ я отъ Голгоѳы, произвольно,
Съ благодареніемъ взявъ на плеча̀

Весь грузъ моей судьбы и сокрушенно
Моей вины всю глубину измѣривъ.
О, благодать смиренія! о, сладость
Цѣлительной раскаянья печали
У ногъ Спасителя! Какою новой
Наполнился я жизнію; какой
Во мнѣ и вкругъ меня иной открылся
Великій міръ, когда, себя низвергнувъ
Смиреньемъ въ прахъ и уничтоживъ
Всѣ обаянія, всѣ упованья
Земныя,—я бунтующую волю
Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
Когда одинъ съ раскаянной виною
Передъ моимъ Спасителемъ остался!
Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренно волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя!
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля. Наконецъ,
Когда я всю мою вину постигнулъ,
Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
Къ ногамъ обруганнаго мною Бога—
Моей судьбы исчезла безотрадность;
Все измѣнилось: Тотъ, Кого безумно
Я отрицалъ—моимъ въ пустынѣ жиз-
Сопутникомъ, подпорой, другомъ, все [ни
Земное замѣнившимъ, все земное
Забвенію предавшимъ, сталъ!
За Нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
Исполненный глубокимъ сокрушень-
Которое, мою пронзая душу, [емъ,
Къ нему ея глубокую любовь
Питало, какъ елей питаетъ пламя
Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
Я вѣру всѣми силами любилъ,
Какъ утопающій ту доску любитъ,
Которая въ волнахъ его спасаетъ.
Но этотъ міръ достался мнѣ не вдругъ.
Мертвецъ между живыми, навсегда
Къ позорному прикованный столбу
Передъ толпой ругательной колодникъ,—
Я часто былъ тоской одолѣваемъ:
Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось.
Но каждый разъ, когда такой порывъ
Души, обиженной презрѣньемъ горь-
кимъ
Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
Меня крушилъ, мнѣ явственнѣй являлось
Чудовище моей вины, меня
Пожрать грозящее, и съ обновленной
Покорностью сильнѣй я прижимался
Къ окровавленному кресту Голгоѳы.
И наконецъ, по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ
крѣпкій
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.
Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все: чего
Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
Начто тревожить жаждущее сердце
Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
Презрѣніе иль злобу отъ людей?
Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ
все, Имъ все,
Все отъ Него, все одному Ему—
Такое для меня знаменованье
Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
Всѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
Души хранитель. И съ людьми, меня
Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
Божественное поминая слово:
Отецъ! прости имъ: что творятъ, не знаютъ!
Межъ ними ближняго я не имѣю,
Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
И знай: пространства нѣтъ здѣсь для меня
—Такъ соизволилъ Богъ!—въ одно мгно-
Могу туда переноситься я, [венье
Куда любовь меня пошлетъ на помощь,
На помощь—но не дѣломъ, словомъ: что
Могу я сдѣлать для людей? но словомъ
Утѣхи, состраданія, надежды,
Иль укоризны, иль остереженья.
Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ...
Мнѣ нѣтъ мѣста ни въ какомъ семействѣ; я
Не радуюся ничьему рожденью,
И никого роднаго у меня
Не похищаетъ смерть. Всѣ поколѣнья,
Одно вслѣдъ за другимъ, уходятъ въ землю:

Я ни съ однимъ изъ нихъ не разлучаюсь,
И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
Любовью къ людямъ безнаградной—я
Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
Любви, къ ея Источнику, къ ея
Подателю питаю...
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ
Кто первый возлюбилъ меня; любовь, [Тому,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ;
Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ.
Той любовію я близокъ къ людямъ,
Хотя и розно съ ними несказанной
Моею участью; въ веселья ихъ
Семействъ, въ народные пиры ихъ
Я не мѣшаюся; но есть одно,
Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
Давно утраченное мною благо.
Безъ ропота на горькую утрату,
Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертью,
Въ ея земныхъ явленьяхъ насладиться.
Когда я вижу старика въ послѣдней
Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
Сначала дышущаго тяжко, вдругъ
Блѣднаго и миротворнымъ сномъ
Заснувшаго, и вкругъ его постели
Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
Ему рука родная закрываетъ;
Когда я вижу блѣднаго младенца,
Возвышеннаго въ ангелы небесъ
Прикосновеніемъ безмолвной смерти;
Когда расцвѣтшую невѣсту-дочь,
Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
Случайностей хранительною смертью,
Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
Въ тюремномъ мракѣ сладко засыпаетъ
Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
Когда на полѣ боя, переставъ
Терзаться въ судорогахъ смертныхъ,
Окостенѣлые лежатъ спокойно: [трупы
Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
Тоску глубокую; она меня—
Какъ устарѣлаго скитальца память
О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
Провелъ младые дни, гдѣ былъ богатъ
Надеждами—томитъ. И слезы
Бѣгутъ изъ глазъ моихъ; меня объемлетъ
Унылость,—я завидую счастливцамъ,
Сокровища неоцѣнимой смерти,
Его не зная, сохранившимъ... Есть
Еще одно великое мгновенье,
Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
Какъ соискупленный ихъ братъ, вступаю:
Съ смиреніемъ презрѣнье ихъ пріемля,
Какъ очистительное наказанье
Моей вины, я къ тайнѣ причащенья,
Со страхомъ Божіимъ и вѣрой, сердцемъ
Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
Когда небесныя незримо силы
Предъ Божіимъ престоломъ въ храмѣ слу-
И херувимовъ братство христіанъ [жатъ,
Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
И всякое земное попеченье
Забывъ, дориносимаго чинами
Небесными Царя царей подъемлетъ,—
Въ великій часъ, когда, на всѣхъ концахъ
Созданія, въ одну сливаетъ душу
Всѣхъ христіанъ таинственная жертва;
Когда живые всѣ—и царь, и нищій,
И счастливый, и скорбный, и свободный,
И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
Единое совокупляясь, чашѣ
Спасенья предстоятъ—о, въ этотъ часъ
Я людямъ братъ! моя судьба забыта;
Ни прошлаго, ни будущаго нѣтъ;
Все предо мной земное исчезаетъ;
Я чувствую блаженное одно
Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
Присутствіи неизреченномъ...
Что былъ бы я безъ этой казни, всю
Мою пересоздавшей душу? Злобнымъ
И нераскаяннымъ Богоубійцей
Сошелъ бы въ землю... А потомъ?.. Теперь
О, будьте вы навѣкъ благословенны, [же...
Уста, изрекшія мой приговоръ!
О, Ты, лицо, подъ терніемъ вѣнца
Облитое струями крови, Ты,
Печальный, на меня поднятый взоръ,
Ты, голосъ, сладостный и въ изреченьи
Преступнику суда—васъ навсегда
Раскаянье хранитъ въ моей душѣ;
Оно васъ въ ней, своею мукой, въ
Надежду и любовь преобратило. [вѣру,

Разрушивъ все, чѣмъ драгоцѣнна жизнь,
И осудивъ меня не умирать,—
Въ замѣну далъ Себя. За Нимъ
Иду я черезъ міръ уединеннымъ
Путемъ, чужой всему, что вкругъ меня
Кипитъ, тревожитъ, радуетъ, волнуетъ,
Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
Корысти, сладострастья, славы, власти.
Что нужно мнѣ? На голодъ корка хлѣба,
Ночлегъ на непогоду, ветхій платъ
На покровенье наготы—во всемъ
Иномъ я независимъ отъ людей
И міра. На потребу нужно мнѣ одно—
Покорность, и предъ Господомъ всей
Уничтоженіе. О, сколько силы, [воли
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
Твое, а не мое да будетъ! Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
Имъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, Кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строитъ, намъ во благо. Міръ,
Въ которомъ я живу, который вамъ,
Слѣпымъ невольникамъ земнаго, дол-
Казаться дикою пустыней... нѣтъ, [женъ
Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
Былъ силою Всевышнею постигнутъ,
И, уничтоженный, предъ нею палъ
Во прахъ, она передо мною вся
Въ твореніи Господнемъ отразилась.
Міръ человѣческій исчезъ, какъ призракъ,
Передъ Господнею природой; въ ней
Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
Пріяло высшее знаменованье.
О, этотъ міръ презрительнымъ житейскимъ
Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрью
Ужасенъ. Но тому, кто сердцемъ весь
Раскаянья сосудъ испилъ до дна,
И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
Къ Нему изъ сокрушительныхъ когтей
Отчаянія убѣжалъ—тому
Природа вратъ, великая бесѣда,
Господняя развернутая книга,
Гдѣ буква каждая благовѣститъ
Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
Для выраженья той природы чудной,
Которой я, истерзанный, на грудь
Упалъ, которая лѣкарство мнѣ
Всегда цѣлящее даетъ—я словъ
Не знаю. Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба;
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ;
Глубокое молчанье лѣса; мо́ря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю; горъ—потопа
Свидѣтелей—громады; безпредѣльныхъ
Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
Блистанья, рёвъ и грохотъ водопадовъ...
О, какъ могу изобразить творенья
Все обаяніе. Среди Господней
Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
Уединенія, въ неизреченномъ
Его присутствіи, и чудеса
Его созданія въ моей душѣ
Блаженною становятся молитвой;
Молитвой—но не призываньемъ въ часъ
Страданія на помощь, не прошеньемъ,
Не выраженьемъ страха иль надежды,—
Смиреннымъ, безсловеснымъ предстоянье́мъ
И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
Его величія, Его святыни,
И благости, и безпредѣльной власти,
И сладостной сыновности моей,
И моего предъ Нимъ уничтоженья—
Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
Душа къ Нему, горящая, стремится—
Такою предъ Его природой чудной
Становится моя молитва. Съ нею
Сливается нерѣдко вдохновенье
Поэзіи... Поэзія—земная
Сестра небесныя молитвы, голосъ
Создателя, изъ глубины созданья
Къ намъ исходящій чистымъ отго-
лоскомъ
Въ гармоніи восторженнаго слова!
Величіемъ природы вдохновенный,
Непроизвольно я пою—и мнѣ
Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
Созданіе внимаетъ, посреди
Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
Утесовъ и пустынь необозримыхъ,
И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,

Съ которыхъ видны золотыя нивы,
Веселыя селенья человѣковъ,
И все движенье жизни скоротечной...

Такъ странствую я по землѣ, въ глазахъ
Людей проклятый Богомъ, никакому
Земному благу непричастный, злобный,
Все ненавидящій скиталецъ. Тайны
Моей они не постигаютъ; путь мой
Ихъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
Созданія идетъ онъ; тамъ, гдѣ я
Лишь небеса Господнія святыя
Надъ головою вижу; а внизу,
Далеко подъ ногами, весь смятенный
Міръ человѣческій. И съ высоты
Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
Я, всю ее однимъ объемля взоромъ,
Въ ея волненіяхъ и измѣненьяхъ,
Какъ въ неизмѣнной стройности природы
Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
Изъ глубины уединенья, гдѣ
Онъ мой единый собесѣдникъ, мнѣ
Его пути среди разнообразныхъ
Судебъ земныхъ виднѣй. И ужъ второе
Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
Дорогою иду. И въ этотъ путь
Пошелъ я съ той границы, на которой
Міръ древній кончился, гдѣ на его
Могилѣ колыбель свою поставилъ
Новорожденный міръ. За сей границей,
Какъ великанскія, сквозь тонкій сумракъ
Разсвѣта, смутно зримыя громады
Снѣжноголовыхъ горъ, стоятъ — минув-
Вѣковъ видѣнія: остовы древнихъ [шихъ
Имперій, какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
Горъ первобытныхъ, слитые въ одно
Великое минувшаго созданье...
Стовратныя египетскія Ѳивы
Съ обломками неизмѣримыхъ храмовъ,
Остатки насыпей и земляныхъ
Кургановъ тамъ, гдѣ были Вавилонъ
И Ниневія, пепелъ Персеполя—
Давнишняго природы обожанья
Свидѣтели—являются тамъ въ мертвомъ
Величіи. И посреди сихъ, въ ужасъ
Ввергающихъ, Востока великановъ,
Межъ лаврами душистыми лежатъ
Развалины Эллады, красотою,
Поэзіей, искусствомъ и земною
Блестящей мудростью и наслажденьемъ
Роскошества чаруя землю. Быстро
Временъ въ потокѣ скрылася она;
Но на ея гробницѣ вѣетъ геній
Неумирающій. Тамъ, наконецъ,
Въ одну столпясь великую громаду,
И храмы Греціи, и пирамиды
Египта, и сокровища Востока,
И древній весь до-христіанскій Западъ,
Могучій Римъ ихъ груды обратилъ
Въ одну, ему подвластную, могилу.
Съ пригорка, гдѣ немного жизни было,
Наименованный когда-то Римомъ,
Самъ изъ себя онъ внутреннею силой
Медлительно, въ теченіе вѣковъ,
Зерно къ зерну могущества земнаго
Неутомимо прибавляя, выросъ.
Онъ грозно, наконецъ, свое міродержав-
Между народами рабовъ одинъ [ство,
Свободный, какъ великій монументъ
Надгробный имъ разрушенныхъ державъ,
Воздвигнулъ. Этотъ Римъ, въ то время,
Когда меня моя судьба постигла,
Принесши все Молоху государство
Въ жертву и всѣ частныя земныя
Разрушивъ блага, чтобъ на нихъ построить
Публичнаго безжизненнаго блага
Темницу,—этотъ Римъ, въ то время
Владыка всѣхъ, рабомъ былъ одного,
И вся вселенная на разграбленье
Была ругательное предзна
Лишь только для того, чтобъ кесарь могъ
Роскошничать въ палатахъ золотыхъ,
Чтобъ чернь всегда имѣла хлѣбъ и игры...
А между тѣмъ, въ ничтожномъ Виѳлеемѣ
Былъ въ ясли положенъ Младенецъ...
Римъ
О Немъ не вѣдалъ. Но когда Онъ былъ
На крестъ позорный вознесенъ, судьбины
Міровластительства его ударилъ часъ,
И въ то же время былъ разбитъ и брошенъ
Живаго Бога избранный сосудъ—
Израиль. Палъ Ерусалимъ. Его
Святилище покинувъ,—Откровенье
Всему явилось міру, и великій

Споръ начался тогда межъ княземъ міра
И царствомъ Божіимъ. Одинъ скитаясь я
Между земными племенами,
Очами могъ слѣдить неизмѣнимый
Господній путь сквозь всѣ ихъ измѣненья...
Терзая мучениковъ, Римъ ихъ кровью
Христову пашню для всемірной жатвы
И для своей погибели удобрилъ.
И возрасла она...

1851—1852.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

I.

...И въ ономъ снѣ видѣнія стѣснились,
И чудные мнѣ слышалися гласы...
Мнѣ голосъ былъ: «Я Альфа и Омега;
Я сущій, будущій и бывшій; Я
Живущій, и въ моей рукѣ ключъ ада
И смерти.»—И увидѣлъ я, что Нѣкто
Въ одеждѣ длинной, съ поясомъ златымъ,
Какъ пламень солнечный лицомъ, семь звѣздъ
Въ десницѣ, и двуострый мечъ изъ устъ,
Сидѣлъ на тронѣ. И четыре тронъ
Животныхъ на хребтѣ держали,
Имѣя образъ льва, тельца, орла
И человѣка; и шесть крыльевъ было
У каждаго [животнаго великихъ];
И были крылья ихъ могучими очами покрыты;
[И нѣтъ ни днемъ, ни ночью имъ покоя].
Ц горній тронъ тотъ окружали двадцать
Четыре старца—на престолахъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ золотыми на главахъ
Коронами, сидѣвшіе. И громко
Животные тронодержавцы пѣли:
«Свять! свять! свять!» Когда же начиналось
Ихъ пѣніе, всѣ предъ горнимъ троном
Четыре старца падали на землю, [двадцать
Къ Его ногамъ кладя свои короны...
И новое предстало мнѣ видѣнье:
Въ рукѣ Сидѣвшаго узрѣлъ я книгу:
Извнѣ и извнутри она была
Исписана, и было семь на ней
Печатей. И былъ голосъ: «Кто достоинъ
Печати съ книги снять?..» И плакалъ я,
Что не было достойнаго. Тогда
Предъ Тѣмъ, Кто возсѣдалъ на горнемъ тронѣ,
Среди животныхъ и вѣнчанныхъ старцевъ,
Сталъ седмирогій, седмиокій Агнецъ,
Какъ бы закланный; Онъ взялъ книгу; тутъ
На землю передъ Нимъ всѣ пали двадцать
Четыре старца; арфы были въ ихъ
Рукахъ и золотыя чаши. Съ нихъ же
Святыхъ молитвы, дымомъ ѳиміама
Благоухая, къ трону подымались.
И новую воспѣли пѣснь тутъ старцы;
И ангелы тогда окрестъ животныхъ
И старцевъ, тысячами тысячъ, пѣнье
Ихъ повторили; съ ними жъ все созданье,
Все—что на небесахъ, что на землѣ,
Что подъ землей, что на моряхъ, что въ безднѣ
Морей—Сѣдящему на горнемъ тронѣ
Воспѣло, въ пѣснь одну сліясь: «Тебѣ
Благословенье, слава и держава
Во вѣки!» И «аминь!» провозгласили
Животныя; на землю пали старцы.
И къ запечатанной приближась книгѣ,
Снялъ Агнецъ первую печать—и бѣлый
Явился конь; его сѣдокъ держалъ
Великій лукъ, и былъ ему вѣнецъ
Данъ на побѣду. Агнецъ снялъ другую
Печать—предсталъ конь огненнаго цвѣта,
На немъ сѣдокъ съ мечомъ [убійства].
Когда печать снялъ третью съ книги Агнецъ—
Явился черный конь, и мѣру всадникъ
Его имѣлъ въ рукѣ. Когда же Агнцемъ
Снята была четвертая печать—
Конь блѣдный выбѣжалъ, и былъ ужасный
На немъ сѣдокъ, и тотъ сѣдокъ былъ—смерть!
И адъ за нимъ бѣжалъ, и власть имѣлъ онъ
Губить мечомъ и голодомъ и моромъ,
И дикимъ звѣремъ. Пятую печать
Снялъ Агнецъ—души убіенныхъ громко
О мщеньи возопили. Но одѣли
Ихъ въ ризы бѣлыя, дабы они
Съ терпѣніемъ того, что будетъ, ждали:

Когда жъ печать шестую Агнецъ снялъ—
Настало страшное землетрясенье;
Какъ власяница солнце потемнѣло,
И сдѣлалась луна какъ кровь. И звѣзды,
Какъ плодъ смоковницы великимъ вѣтромъ
Шатаемой, попадали на землю;
И небо, вдругъ свернувшися какъ свитокъ,
Исчезло; съ мѣстъ своихъ на сушѣ горы
И въ морѣ острова сбѣжали. Всѣ
Цари земные, ихъ вожди, вельможи,
И сильные, и всякій рабъ, и всякій
Свободный—скрылися въ ущелья горъ
И въ глубины пещеръ, и говорили
Горамъ: «падите на главы намъ, скройте
Насъ отъ Сѣдящаго на тронѣ; скройте
Насъ отъ разгнѣваннаго Агнца... Страшный
День гнѣва наступилъ Его: предъ Нимъ
Кто устоитъ?...» Тогда я четырехъ
Увидѣлъ ангеловъ: на четырехъ углахъ
Земли они стояли и четыре
Въ рукахъ держали вѣтра, чтобы вѣтеръ
Ни на̀ морѣ не вѣялъ, ни на землѣ,
Ни на древа земныя. Тутъ увидѣлъ
Я ангела: съ востока солнца въ блескѣ
Идущаго, и онъ держалъ въ рукѣ
Печать живаго Бога. И тогда
Свершилося двѣнадцати колѣнъ
Запечатлѣнье той живой печатью
И вдругъ—и тронъ и Агнца окружили
Безчисленность людей изъ всѣхъ народовъ
И поколѣній, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Съ вѣтвями пальмъ въ рукахъ, и возгласили
Они хвалу Сѣдящему на тронѣ [сили
И Агнцу. Тутъ всѣ четверо животныхъ,
Всѣ старцы и всѣхъ ангеловъ, кругомъ
Стоявшихъ, легіоны—пали ницъ,
Воскликнувъ: «Честь, благодаренье, слава,
Премудрость, власть и сила и держава
И поклоненье Господу во вѣки
Вѣковъ!» И Агнецъ снялъ печать седьмую:
Глубокое безмолвье воцарилось
На небесахъ какъ бы на полчаса.
Семь ангеловъ приблизилися къ трону—
И было имъ дано семь трубъ. Потомъ
Осьмой съ кадильницею ангелъ
Предъ жертвенникомъ сталъ и съ ѳиміамомъ
На жертвенникъ молитвы возложилъ
Святыхъ—и отъ руки его вознесся
Моленій дымъ благоуханно чистый.
Потомъ онъ, жертвеннымъ огнемъ наполнивъ
Кадильницу, повергъ ее на землю. [нивъ
И сдѣлались повсюду гласы, молній
Блистанье, громы, шумъ землетрясенья.
И вострубить семь ангеловъ готовясь,
Приставили семь трубъ къ своимъ устамъ.
И съ первою трубой—огонь и градъ
На землю пали съ кровью, и сгорѣла
Деревьевъ третья часть, и вся трава
Зеленая сгорѣла. Со второй
Трубой—гора пылающая въ море
Низверглася, и моря третья часть
Преобратилась въ кровь, и третья часть
Живущихъ въ морѣ умерла, и третья
Часть плывшихъ по морю судовъ погибла.
Съ третьей
Трубой—звѣзда, горящая какъ свѣточъ,
На третью часть истоковъ водныхъ, рѣкъ
И всѣхъ земныхъ потоковъ пала съ неба,
И воды стали горьки какъ полынь,
И люди всѣ, ихъ пившіе, погибли.
Съ четвертою трубой—затмилась третья
Часть солнца и луны и звѣздъ, и третья
Часть дня была безъ свѣта, и третья
Часть ночи безъ сіянья звѣздъ, и было
Въ томъ мракѣ слышно, какъ летѣлъ,
Крылами, ангелъ, вопіющій: «Горе [шумя
Живущимъ на землѣ, когда отъ трехъ
Послѣднихъ трубъ изыдетъ голосъ!» Съ
Трубою—новая звѣзда упала [пятой
Съ небесъ, и былъ ей данъ отъ бездны
И отворилась бездна, и пошелъ [ключъ.
Изъ бездны дымъ, какъ изъ великой печи.
И помрачилося отъ дыма солнце
И все воздушное пространство.
Изъ дыма тучей саранча исторглась
И кинулась—не на луга густые
И не на зелень нивъ, но на людей,
Неполучившихъ знаменья печати
Живаго Бога, чтобъ, не убивая,
Лишь уязвлять ихъ жаломъ скорпіоннымъ;
И шумъ отъ крылъ ея подобенъ
Былъ стуку колесницъ, когда бѣгутъ
Въ сраженье кони; и царемъ ея
Былъ ангелъ бездны, имя онъ имѣлъ
Тамъ Аваддона. И съ шестой трубой—
Раздался гласъ, трубившему сказавшій:

«Дай волю четыремъ вблизи великой
Рѣки Евфрата ангеламъ, носящимъ узы.»
И ангеламъ была дана свобода
На погубленіе людей. И было
Ихъ воинство несмѣтно; были латы
На всадникахъ изъ пламени; ихъ кони
Тройною язвою дышали. Ихъ
Дыханье третью часть людей живущихъ
Незапно умертвило. Остальные жъ
Безъ покаянія во тьму безвѣрья
И злодѣянья глубже погрузились.
Тутъ семь громовъ своими голосами
Проговорили... Ангелъ—я увидѣлъ—
Стоящій на морѣ одной ногой
И на землѣ другою, поднялъ къ небу
Десницу, и клялся Живымъ во вѣки
Вѣковъ, создавшимъ небеса и все
Что въ небесахъ, создавшимъ землю
И все что на землѣ, создавшимъ море
И все, что въ морѣ есть—клялся, что болѣ
Ужъ времени не будетъ, но что въ день,
Когда седьмый вострубитъ ангелъ, тайна
Господняя свершится, какъ пророкамъ
Она была открыта. И вострубила
Труба седьмая: и раздался голосъ
Отвсюду: «Царство міра стало царствомъ
Живаго Бога и его Христа,
И царствовать во вѣки будетъ онъ!»
И снова ницъ на землю пали двадцать
Четыре старца предъ Всевышнимъ Богомъ,
И возгласили всѣ: «Благодаримъ
Тебя, Который былъ, и есть, и будетъ,
Тебя, Господь, за то, что власть свою Ты
Великую пріялъ и воцарился!
Насталъ день гнѣва Твоего, день страшный
Суда и погубленія губившихъ.»
И растворился Божій храмъ на небѣ,
И въ храмѣ Божіемъ ковчегъ явился
Его завѣта, и послышалися гласы
Отвсюду, молніи зажглися, громы
Заговорили; зашумѣли грады
И по землѣ пошло землетрясенье...
И на небѣ великое тогда
Явилось знаменье: жена, чудесно
Одѣянная въ солнце, подъ ногами
Луна, на головѣ двѣнадцать звѣздъ
Вѣнцомъ... За онымъ знаменьемъ другое
Явилось страшное: великій, чермный,
Седмиголовый съ десятью рогами
Драконъ, на головахъ седмь діадимъ;
И третью часть онъ звѣздъ своимъ хвостомъ
Низвергнулъ съ неба. Ставъ передъ женою,
Страдавшей мукою родовъ, разинулъ
Онъ пасть, чтобы пожрать ея младенца,
Какъ скоро онъ родится. Но младенецъ,
Пасти жезломъ желѣзнымъ обреченный
Народы, былъ на небо унесенъ;
Жена жъ, ушедъ въ пустыню, скрылась въ тихомъ
Ей уготовленномъ отъ Бога мѣстѣ.
Тутъ началась на небесахъ война:
Архангелъ Михаилъ съ своею ратью
Пошелъ на чермнаго дракона; чермный
Драконъ пошелъ съ своею ратью противъ
Архангела, но былъ сраженъ,
И не нашлось ему на небѣ мѣста!
Сраженъ былъ древній змій, его же имя
Діаволъ-сатана, всего созданья
И человѣковъ обольститель; съ нимъ
Низвержены и ангелы его.
И на небѣ раздался громкій гласъ:
«Спасенья время совершилось! Царство
Настало Бога и Христа, понеже палъ
Онъ, клеветникъ, на насъ и братій нашихъ
И ночь и день предъ Богомъ клеветавшій!
Онъ побѣжденъ святою кровью Агнца,
И словомъ ихъ свидѣтельства, и тѣмъ,
Что вѣруя они не возлюбили
Своей души до самой смерти.
Возвеселитесь, небеса, и всѣ
Живущіе на небесахъ; а вамъ,
Живущимъ на землѣ и на водахъ,
Вамъ горе: сатана сошелъ къ вамъ, полный
Великой ярости, понеже знаетъ,
Что времени ему осталось мало!»
Разсвирѣпѣвъ, драконъ пошелъ войною
На всѣхъ рожденныхъ отъ жены, покорныхъ
Заповѣдямъ Господнимъ, и Христовымъ
Свидѣтельствомъ запечатлѣнныхъ. Тутъ
Свершилось новое видѣнье: вышелъ
Десятирогій седмиглавый звѣрь
Изъ моря; были на рогахъ короны
И богохульныя на головахъ

Стояли имена. И далъ ему
Драконъ свой тронъ, и власть свою, и силу:
И вся земля послѣдовала звѣрю
И поклонилася дракону. Звѣрь
Отверзъ свои уста на богохульство,
И всѣ живущіе, которыхъ имя,
Съ созданья міра, въ книгу жизни Агнцемъ
Не внесено, повернлись ницъ предъ нимъ.
Тогда другой явился, изъ земли
Изшедшій, звѣрь: подобно агнцу, онъ
Имѣлъ два рога; говорилъ, какъ черный
Драконъ, и дѣйствовалъ передъ дракономъ
Со всею властію, какъ первый звѣрь,
Которому онъ поклоняться всѣхъ
Живущихъ и всю землю заставлялъ,
Творя предъ ними знаменья: сводя
Огонь съ небесъ и чудесами разумъ
Внимающихъ ему вводя въ обманъ,
Ликъ звѣря, исцѣлѣвшаго отъ раны
Смертельной, сдѣлать убѣждая. Было
Ему дано вложить въ ликъ звѣря духъ,
Чтобъ онъ и говорилъ и возбуждалъ
Убійство противъ тѣхъ, кто поклоняться
Не будетъ лику звѣря, и онъ всѣмъ—
И малымъ, и великимъ, и богатымъ,
И нищимъ, и свободнымъ, и рабамъ—
На ихъ челѣ или рукѣ ликъ звѣря
Изобразитъ, иль имени его число
Напишетъ.—И новое видѣніе предстало:
Явился на горѣ Сіонѣ Агнецъ,
И были собраны къ Нему сто сорокъ
Четыре тысячи запечатлѣнныхъ
Печатію Его Отца.
И голосъ въ небѣ слышенъ былъ, подобный
Потоковъ многихъ шуму и громовъ
Великихъ гласу, и струны арфъ,
Сопровождавшихъ пѣніе, звучали:
То было пѣніе предъ горнимъ тономъ,
Предъ четырьмя животными его
И передъ старцами,—и пѣнье то
Одни, печать живаго Бога на челѣ
Носящіе, могли изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Живущихъ повторить. Потомъ явился
По небесамъ летящій ангелъ; онъ
Имѣлъ въ рукѣ Евангелье, чтобъ благо
Спасенья всѣмъ благовѣстить народамъ.
За нимъ летѣлъ другой по небу ангелъ,
Гласящій: «Палъ великій Вавилонъ,
Понеже яростнымъ виномъ разврата
Народы всѣ онъ напоилъ.» И третій
Явился ангелъ, и гласилъ онъ: «Горе
Всѣмъ поклоняющимся звѣрю, всѣмъ,
Кто начертанье имени его
Иль образа пріемлетъ на чело
Иль на руку свою! Тотъ будетъ пить
Господней ярости вино, въ Его
Сосудѣ гнѣва; тотъ низверженъ будетъ
Въ огонь и въ пламенную сѣру, будетъ
Передъ очами ангеловъ святыхъ
И передъ Агнцемъ мучимъ, и во вѣки
Ему отъ мукъ не будетъ утоленья!»
И гласъ тогда проговорилъ съ небесъ:
«Блаженны мертвые, блаженны всѣ,
Кто въ Господѣ отнынѣ умираютъ:
Они найдутъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ
Успокоеніе, и ихъ дѣла
Пойдутъ за ними вслѣдъ.»—И въ небесахъ
Явилось облако; на немъ въ сіяньи
Сынъ Человѣческій сѣдящій зрѣлся;
На головѣ златой вѣнецъ, въ рукѣ
Серпъ острый. И сказалъ Ему изшедшій
Изъ храма ангелъ: «Изготовь твой серпъ—
И жни: настало время жатвы, хлѣбъ
Созрѣлъ на нивѣ.» И послалъ свой серпъ
На землю Тотъ, Кто въ небесахъ былъ ви-
На облакѣ,—и вся земля была [димъ
Пожата. Тутъ семь ангеловъ, имѣвшихъ
Семь язвъ послѣднихъ—ими жъ прекратится
Господній гнѣвъ—явились въ небесахъ,
И всѣ, отвергнувшіе звѣря, ликомъ
Его и имени его числомъ
Необольщенные, стояли въ морѣ
Кристально-пламенномъ, имѣя арфы
Господнія въ своихъ рукахъ, и пѣли
Пѣснь Моисееву и Агнца пѣснь
Святую: «Чудны всѣ дѣла Твои,
Господь, и праведны Твои пути,
Царь праведныхъ! Всѣ пріидутъ покло-
Тебѣ языки, ибо оправданія [ниться
Свои явилъ Ты.» И потомъ на небѣ
Храмъ скиніи свидѣтельства отверзся,
И ангелы, носящіе семь язвъ,
Изъ храма вышли; были имъ даны

Семь яростію Бога полныхъ чашъ,
И дымомъ храмъ наполнился отъ силы
Господней и отъ славы; и никто
Не могъ войти во храмъ, пока семи
Всѣхъ язвъ семь ангеловъ не совершили.
И къ ангеламъ изшелъ изъ храма гласъ
Господній, говорящій имъ: «Идите
И гнѣва Божія семь чашъ излейте
На землю.» И съ первой чаши гной
истекъ—и раны
Покрыли всѣхъ, имѣвшихъ начертанье
Звѣриное и ликъ звѣриный чтившихъ.
Другая чаша излилася въ море—
И море стало кровью, и живое
Все стало мертвымъ въ глубинѣ его.
И третья чаша излилась на рѣки
И на источники—и стали кровью
Всѣ. И ангелъ водъ воскликнулъ: «Слава,
Господь, твоей неизреченной правдѣ:
Пролившіе святую кровь пророковъ
Достойны кровью жажду утолять.»
Четвертая была излита чаша
На солнце — и людей живущихъ солнце
Великимъ зноемъ стало опалять,
И опаленные великимъ зноемъ
Произнесли хулы на имя Бога,
Пославшаго имъ казнь, и покаяньемъ
Не принесли Ему достойной славы.
И чаша пятая была излита
На тронъ звѣриный—и покрылось царство
Его глубокой тьмой, и отъ страданья
Свои языки злобясь грызли люди,
И не покаявшись хулили Бога.
Шестая чаша на̀ воды великой
Рѣки Евфрата пролилась—и воды
Изсякли, чтобъ царямъ съ востока путь
Былъ уготовленъ. И седьмая чаша
Была на воздухъ излита—великій
Тогда отъ храма и отъ трона голосъ
Послышался, сказавшій: «Совершилось!»
И было страшное блистанье, громы,
Землетрясенье, голоса̀, какихъ
Съ созданья человѣка на землѣ не вѣдали;
И на три части былъ разрушенъ градъ
Великій: помянулъ Господь великій
Градъ Вавилонъ—и ярости своей
Виномъ его Онъ напоилъ, и далъ
Испить свою чашу гнѣва Своего.
И убѣжали острова, игоръ
Не стало, и какъ золото тяжелый
Упалъ на землю градъ, и людямъ были
Великія приключены имъ язвы,
И имя Божіе они хулили.
И мнѣ тогда единый изъ седми
Носящихъ чаши ангеловъ сказалъ:
«Я покажу тебѣ судъ надъ великой
Блудницею, сидящею на многихъ
Водахъ; вели блудодѣянье съ нею
Цари земные, и виномъ ея разврата
Земные люди упивались.»—Въ духѣ
Онъ перевелъ меня въ пустыню; тамъ
Увидѣлъ я жену на седмиглавомъ
Десятирогомъ черномъ звѣрѣ; та жена
Сидѣла облеченная въ порфиру
Багряную, блистая жемчугами,
И золотомъ, и камнями драгими;
Въ ея рукѣ была златая чаша,
До края полная виномъ ея
Разврата; надпись на ея челѣ
Стояла: «Тайна, Вавилонъ великій,
Мать любодѣйства и земныхъ развратовъ.»
И кровію она святыхъ, и кровью
Свидѣтелей Исусовыхъ была
Упоена. И я тому дивился.
И ангелъ мнѣ сказалъ: Чему дивишься?
Тебѣ я тайну и жены и звѣря
Открою: звѣрь, тобою зримый, былъ—
И нѣтъ его; и онъ изъ бездны выйдетъ,
Пойдетъ въ погибель, и дивиться будутъ
Всѣ на землѣ живущіе, которыхъ
Съ начала міра имя въ книгу жизни
Не вписано, увидѣвши, что звѣрь
И былъ, и не былъ, и явился. Семь
Звѣриныхъ главъ суть семь холмовъ,
на нихъ же
Сидитъ развратница жена, и семь
Царей; изъ нихъ погибло пять, шестой
Ужъ есть, седьмой еще не приходилъ,
Когда жъ придетъ, придетъ онъ не надолго.
И звѣрь, который былъ, есть
Осьмой отъ седмерыхъ, и онъ пойдетъ
Въ погибель; десять же роговъ суть десять
Царей, еще не воспріявшихъ царство,
Но обреченныхъ воспріять его,
На часъ одинъ, со звѣремъ совокупно,
Чтобъ власть свою и силу передать
Единомышленному съ ними звѣрю.
И съ Агнцемъ яростно начнутъ они

Вести войну, и Агнецъ побѣдитъ ихъ,
Понеже Онъ—владыка всѣхъ владыкъ
И царь царей. И всѣ, кто съ Нимъ въ союзѣ,
Суть вѣрные, суть призванные Имъ
Его избранники. А вóды, гдѣ
Сидитъ развратница, суть племена,
Языки, люди и народы міра.
И роги на главѣ звѣриной злобно
Жену-развратницу возненавидятъ,
И разорятъ ее, и обнажатъ,
И, плоть ея сожравъ, ее огнемъ
Сожгутъ, понеже Богъ имъ положилъ
На сердце—волю совершить Его
И звѣрю уступить свою державу,
Пока слова Господнія не будутъ
Исполнены. А зримая тобою
Жена есть градъ великій, царь земныхъ
Царей.»—Потомъ увидѣлъ я иного,
Великую имѣющаго власть,
Святаго ангела, съ небесъ на землю
Сходящаго, и славою его
Вся освѣтилася земля; и сильно
Онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Палъ,
Палъ Вавилонъ, великій градъ, блудница!
Онъ сталъ пристанищемъ бѣсовъ, вертепомъ
Духовъ нечистыхъ, гнусныхъ птицъ поганымъ
Виталищемъ, понеже онъ виномъ
Развратной ярости своей народы
Всѣ упоилъ, понеже съ нимъ творили
Блудодѣянія цари земные,
И роскошью его обогатились
Купцы земные.» Тутъ иной раздался
Изъ неба голосъ: «Отойди, народъ мой,
Отъ нечестивой, чтобъ не быть ея
Грѣховъ участникомъ и не погибнуть
Отъ язвъ ея, понеже до небесъ
Ея грѣхи достигли, и Господь
Неправды всѣ ея воспомянулъ.
Что сотворила вамъ, то сотворите
Ей нынѣ вы, и по дѣламъ ея
Воздайте вдвое, и въ чашѣ, ею поднесенной вамъ,
Вино ей растворите вдвое; скорбью
И муками воздайте ей за славу
Ея и за гордыню! Величаясь,
Она въ своемъ надменномъ сердцѣ говорить: «Сижу царицею; я не вдова
И горя не увижу!»—И за то
Въ единый день ее постигнутъ язвы,
И плачъ, и гладъ, и смерть, и сожжена
Огнемъ блудница будетъ, поелику
Господь, ее судящій, всемогущъ.»
Тогда о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Цари земные, съ ней блудодѣянья
Творившіе; узрѣвши дымъ ея
Пожара и смотря издалека
На казнь ея, со страхомъ говорить
Великимъ будутъ: «Горе, Вавилонъ,
Великій городъ, городъ крѣпкій: въ часъ
Единый—судъ свершился надъ тобою!»
И всѣ о ней восплачутъ, возрыдаютъ
Купцы земные, поелику ихъ
Товаръ никѣмъ не будетъ покупаемъ;
Ужъ никому не будутъ продавать
Ни золота, ни серебра, ни перловъ,
Ни камней дорогихъ, ни ризъ пурпурныхъ,
Ни шолку, ни виссона, ни деревъ
Благоуханныхъ, ни издѣлій всякихъ
Изъ дерева, слоновой кости, мѣди,
Желѣза, мрамора и янтаря;
Не будутъ продавать уже ни пряныхъ
Кореньевъ, ни куреній, ни ливана,
Ни мирры, ни смолы благоуханной,
Ни чистаго елея, ни вина,
Ни хлѣба, ни овецъ, ни козъ, ни коней,
Ни колесницъ, ни человѣчьихъ тѣлъ
И душъ. И будутъ, плача и рыдая,
Купцы земные въ страхѣ говорить:
«Въ единый часъ погибло все твое
Богатство, градъ великій Вавилонъ!»
И издали смотря на казнь ея,
Всѣ корабельщики, всѣ по морямъ
Ходящіе на корабляхъ воскликнутъ:
«Гдѣ градъ, великому подобный граду?»
И головы они посыплютъ пепломъ,
И съ плачемъ и рыданьемъ скажутъ: «Горе
Тебѣ, великій градъ, который всѣхъ
Ходящихъ по морямъ обогатилъ
Своимъ богатствомъ: ты въ единый часъ
Былъ разоренъ—и страшно опустѣлъ!
Возрадуйтесь о томъ, всѣ небеса,
Святые всѣ и всѣ пророки: судъ вашъ
Богъ совершилъ надъ нимъ!» И ангелъ взялъ

Тяжелый, жернову подобный, камень
И съ высоты—его низвергнулъ въ море,
Сказавъ: «Такъ быстро ниспровергнутъ
Градъ Вавилонъ великій! И тебя [будешь,
Не станетъ болѣ; и въ тебѣ не будутъ
Слышимы ни струны лиръ,
Ни звуки флейтъ, ни голосá поющихъ,
Ни громъ звучащихъ трубъ, и никакого
Художества въ тебѣ уже не будетъ!
Не будетъ слышно шумной жернововъ
Работы! Ужъ тебя не освѣтятъ
Свѣтильники, и гóлоса невѣстъ
И жениховъ въ тебѣ не будетъ слышно!
Понеже были сильными князьями
Твои купцы, понеже всѣ народы
Твоими чарами увлечены
Въ погибельное заблужденье были,
И кровь пророковъ, и святыхъ, и всѣхъ
Убитыхъ на землѣ обрѣтена
Была въ тебѣ!» Тутъ услышалъ я
На небѣ гласъ, какъ будто шумный
Народа многаго; и восклицалъ [говоръ
Онъ: «Аллилуія! спасенье, слава,
И честь, и сила Господу! понеже
Суть истинны и праведны суды
Его: Онъ поразилъ Своимъ судомъ
Развратницу, которая всю землю
Наполнила своимъ любодѣяньемъ,
И кровь своихъ рабовъ, ея рукою
Пролитую, на ней взыскалъ!» И снова
Раздался гласъ, поющій «Аллилуія»
И четверо держащихъ тронъ животныхъ
И съ ними всѣ въ златыхъ коронахъ двадцать
Четыре старца падши поклонились
Сѣдящему на тронѣ Богу, громко
Воскликнувъ «Аллилуія!» И отъ трона
Изшелъ великій голосъ, говорящій:
«Хвалите Бога всѣ Его рабы,
Всѣ малые, великіе и всѣ
Боящіеся Бога!» И услышалъ
Какъ бы гласъ толпы людей великой,
Какъ будто шумъ отъ многихъ водъ,
Какъ будто гласъ грома, говорящій: «Аллилуія!—
Господь Всевышній воспріялъ державу!
Возрадуемся и возвеселимся,
И славу воздадимъ Ему, понеже
Бракъ Агнца наступилъ и ужъ готова
На бракъ жена, одѣянная въ чистый
Виссонъ, — виссонъ же праведность святыхъ.»
И я услышалъ гласъ: «Блаженны всѣ
Призвàнные на брачный Агнца пиръ!»—
И небеса отверзлись: тамъ явился
Конь бѣлый; и Сѣдокъ того коня
Именовался Истиннымъ и Вѣрнымъ,
Судящимъ и воюющимъ по правдѣ;
И очи были у него какъ пламень,
И много діадимъ на головѣ
Имѣлъ Онъ, и было имя,
Невѣдомое никому, на Немъ
Начертано, лишь Онъ единый вѣдалъ
То имя; Онъ окровавленной ризой
Былъ облеченъ; Себя именовалъ
Онъ «Слово Божіе.» И вслѣдъ за Нимъ
Шло воинство небесное, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное бѣлый
И чистый. И изъ устъ Его мечъ острый
На казнь народовъ исходилъ; Онъ ихъ
Пасетъ жезломъ желѣзнымъ, и точило
Вина Господней ярости онъ топчетъ.
И на бедрѣ Его и на одеждѣ
Есть начертанье: Царь царей, Владыка
Владыкъ. Тутъ ангела увидѣлъ я,
Стоящаго на солнцѣ; онъ скликалъ
Всѣхъ поднебесныхъ птицъ и говорилъ имъ:
«Слетайтеся со всѣхъ сторонъ, летите
На вечерю великую Господню,
Чтобъ трупы пожирать царей, и трупы
Владыкъ и трупы воеводъ, и трупы
Коней и всадниковъ, и трупы всѣхъ
Свободныхъ, всѣхъ рабовъ, всѣхъ малыхъ, всѣхъ
Великихъ!» Тутъ узрѣлъ я звѣря,
Царей земныхъ и всю ихъ рать,
Собравшихся, чтобы вступить въ сраженье
Съ Сидящимъ на конѣ и съ силой ратной
Его. И звѣрь былъ схваченъ, вмѣстѣ съ нимъ
И лжепророкъ, творившій чудеса,
Чтобъ увлекать къ принятью начертанья
Звѣринаго и въ поклоненье лику
Его людей. Ихъ бросили живыхъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой;
Другіе жъ всѣ истреблены мечомъ,
Который исходилъ изъ устъ на бѣломъ
Конѣ Сидящаго, и птицы ихъ

Пожрали трупы. Тутъ явился ангелъ,
Отъ бездны ключъ имѣющій въ рукѣ
И цѣпь великую: дракона, змѣя
Лѣтъ древнихъ—онъ же сатана и дьяволъ—
На тысячу сковалъ онъ лѣтъ,
И бросилъ въ бездну, и печатью заперъ
Дверь бездны, чтобъ не могъ народовъ,
Покуда тысяча не совершилась
Лѣтъ, обольщать губитель; онъ же послѣ
На малое освободиться время
Былъ предназначенъ. Тутъ увидѣлъ я
Престолы и на нихъ сѣдящихъ, судъ
Творить назначенныхъ; увидѣлъ души
Святыя за свидѣтельство Христа
Убитыхъ и за слово Божье, звѣрю
Не поклонившихся, ни лику звѣря,
И не принявшихъ знаменья его
Ни на чело, ни на руку свою,
И ожили, чтобъ тысячу съ Христомъ
Лѣтъ царствовать, они. Другіе жъ всѣ
Остались мертвыми, пока вполнѣ
Тысячелѣтіе не совершится.
То будетъ воскресеньемъ первымъ. Благо
Тому, кто въ первомъ воскресеньи приметъ
Участіе: надъ нимъ вторая смерть
Имѣть не будетъ власти, и—священникъ
Христа и Бога—будетъ вмѣстѣ съ Нимъ
Онъ тысячу лѣтъ царствовать. Когда же
Тысячелѣтія свершится кругъ,
Освободится сатана, и выйдетъ
Прельщать живущіе на всѣхъ концахъ
Земли народы, и начнетъ на брань
Ихъ собирать: и будетъ, какъ песокъ
Морской, число сподвижниковъ его.
И выступила рать на широту
Земли, и окружила станъ святыхъ
И градъ возлюбленный, и низлетѣлъ
Съ небесъ отъ Бога огнь и всѣхъ пожралъ ихъ;
А сатана, ихъ обольстившій, ввергнутъ
Въ глубь озера, пылающаго сѣрой,
Гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и звѣрь и лжепророкъ
Должны терпѣть мученія во вѣки
Вѣковъ. Потомъ великій бѣлый я
Престолъ увидѣлъ и Того, Кто былъ
На томъ престолѣ; отъ лица жъ Его
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось. И я увидѣлъ мертвыхъ,
И малыхъ, и великихъ, передъ Богомъ
Стоящихъ; было много книгъ раскрыто,
И разогнулася животныхъ книга:
И по дѣломъ своимъ, какъ было въ книгахъ
Записано, всѣ мертвые судились.
И море возвратило мертвыхъ, бывшихъ
На днѣ его; и смерть и адъ своихъ
Всѣхъ мертвыхъ отдали; и по дѣламъ
Своимъ судимъ былъ каждый. Смерть и адъ
Въ глубь озера пылающаго были
Навѣкъ низвержены: и то была
Вторая смерть. И тотъ, кто не былъ въ книгу
Животныхъ вписанъ, навсегда низвергнутъ
Въ глубь озера пылающаго былъ.
И новое тогда узрѣлъ я небо
И землю новую, понеже прежнихъ
Не стало, и исчезло море. Я
Увидѣлъ градъ святый, увидѣлъ новый
Ерусалимъ, отъ Бога нисходящій
Съ небесъ, убранный какъ невѣста,
Идущая для брака къ жениху.
И раздался великій гласъ, съ небесъ:
«Здѣсь скинія Господняя; и въ ней
Всѣ человѣки собраны, и будетъ
Жить съ ними Богъ; Его народомъ будутъ
Они, и Онъ ихъ Богомъ будетъ. Онъ
Сотретъ съ очей ихъ всякую слезу,
И смерти болѣе, ни слезъ, ни воплей,
Ни скорби, ни болѣзни ужъ не будетъ,
Понеже прежнее все миновалось.»
Тогда сказалъ Сѣдящій на престолѣ:
«Все новое творю Я,—совершилось!
Я вѣчный Богъ, Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ. Я отъ воды
Живой дамъ жаждущему выпить тунеядцу
И все наслѣдуетъ—кто побѣждаетъ,
И буду Богъ ему, и будетъ онъ
Мнѣ сыномъ! А всѣ отступники живаго Бога
Въ глубь озера пылающаго будутъ
Навѣкъ низвержены: и будетъ то
Вторая смерть.» Тогда ко мнѣ единый
Изъ ангеловъ, принесшихъ съ неба семь
Послѣднихъ въ чашахъ язвъ, пришедъ, сказалъ:
«Иди со мной: тебѣ невѣсту Агнца
Я покажу.» И въ духѣ онъ восхитивъ

Меня на высоту горы великой,
Тамъ показалъ великій городъ мнѣ—
Святой Іерусалимъ, отъ Бога съ неба
Сходящій, Божію имѣвшій славу,
Блистающій, какъ камень драгоцѣнный—
Кристалловидный ясписъ. Обнесенъ
Былъ градъ высокою стѣной; двѣнадцать
Въ ней было вратъ; и на вратахъ стояло
Двѣнадцать ангеловъ; и имена
Двѣнадцати израильскихъ колѣнъ
На нихъ начертанныя зрѣлись; было трое
Вратъ на востокъ, на западъ трое, трое
На полдень, и на полночь трое. Твердыхъ
Двѣнадцать основаній стѣны града
Имѣютъ, и написаны на нихъ
Всѣ имена двѣнадцати Христовыхъ
Апостоловъ. И ангелъ, говорившій
Со мной, имѣлъ для измѣренья града
И стѣнъ и вратъ его златую трость.
Былъ градъ о четырехъ углахъ; длиной
И шириной былъ равенъ. И измѣривъ
Его своей златою тростью, ангелъ
Нашелъ, что все его пространство было
Двѣнадцать тысячъ стадій, и что онъ
Въ длину, и въ широту, и въ высоту
Былъ равенъ, и что стѣны града были,
По мѣрѣ человѣческой, въ сто сорокъ
Четыре локтя. Стѣны жъ града были
Изъ ясписа; самъ городъ былъ построенъ
Изъ золота, чистѣйшему стеклу
Подобнаго; а основанье стѣнъ
Изъ свѣтлыхъ драгоцѣнныхъ камней было:
Изъ ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоникса, смарагда, хрисопраса,
Вирилла, хрисолиѳа, іацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двѣнадцать вратъ воздвигнуты изъ цѣльныхъ
Жемчужинъ каждыя; помосты улицъ
Изъ золота, какъ чистое сіяли
Стекло. Но храма въ немъ я не видалъ:
Его былъ храмомъ Вседержитель Богъ
И Агнецъ. Граду солнце и луна
Для свѣтлости не нужны были: слава
Господняя ему сіяла, Агнецъ
Его свѣтильникъ былъ; и всѣ народы
Спасенные ходить во свѣтѣ будутъ
Его; и принесутъ въ него цари
Земные честь свою и славу; днемъ
Его врата не затворятся, ночи жъ
Не будетъ тамъ. Въ него народовъ честь
И слава принесется. Не войдетъ лишь
Въ него ничто нечистое, никто,
Нечестіемъ и ложью осквернённый;
Войдутъ лишь тѣ, которыхъ имена
Записаны у Агнца въ книгу жизни.—
И рѣку чистую воды живой
Тутъ ангелъ показалъ мнѣ: свѣтлымъ
Она кристалломъ отъ престола Божья
И Агнцева текла; на берегу
Ея потока древо жизни, плодъ свой
Двѣнадцать разъ дающее, росло
И листъ давало свой на исцѣленье
Народовъ. «И ужъ болѣ ничего
Проклятаго не будетъ; тронъ Господній
И Агнцевъ будетъ въ немъ; и будутъ Богу
Служить Его рабы; они увидятъ
Его лицо, и будетъ на челѣ ихъ имя
Его начертано. И ночи тамъ
Не будетъ; ни свѣтильника, ни солнца
Не будетъ нужно, поелику самъ Господь
Ихъ свѣтомъ будетъ, и они во вѣки
Вѣковъ тамъ будутъ царствовать со славой.»
Такъ ангелъ говорилъ; и пасть на землю
Предъ нимъ хотѣлъ я. «Воздержись — сказалъ онъ—
Отъ поклоненья: твой я и всѣхъ братій
Твоихъ, пророковъ, сослужитель—всѣхъ,
Кто каждое написанное чтитъ
Въ сей книгѣ слово. Богу поклоняйся!
Не запечатывай—потомъ сказалъ онъ—
Пророческихъ сей книги словъ, понеже
Подходитъ время. Пусть еще творитъ
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняетъ; правду
Пусть продолжаетъ праведникъ творить;
Пусть освящается святый! Приду
Я скоро, и со Мной мое возмездье,
И каждый по дѣламъ своимъ тогда
Получитъ мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ, и первый и
Послѣдній.» Благо тѣмъ, кто соблюдаетъ
Его законъ, дабы отъ древа жизни
Вкусить и въ градъ святый войти вратами.
Но не войдутъ туда ни чародѣи,
Ни слуги идоловъ, ни любодѣйства

Рабы, ни оскверненные убійствомъ,
Ни любящіе ложь. И Онъ, Христосъ,
Ко всѣмъ церквамъ съ свидѣтельствомъ своимъ
Пославшій ангела...

II.

...Изъ словъ пророка
Рожденныя, видѣнья предо мной,
Глубоко спящимъ, быстро пролетали...
Я видѣлъ тронъ, стоящій на хребтѣ
Великихъ четырехъ шестикрылатыхъ
Животныхъ, и предъ тропомъ золотыми
Коронами вѣнчанныхъ старцевъ.
Я видѣлъ, что на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце Нѣкто.
И слышалъ пѣнье: «свять! свять! свять!»
И голосъ съ престола былъ: «Я Альфа и
Я первый и послѣдній; Я всему [Омега;
Начало и конецъ». Я видѣлъ книгу,
Запечатлѣнную семью печатьми,
Въ рукѣ Сѣдящаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ Агнца, предъ Которымъ все—
Животные-престолоносцы, старцы,
И ангелы, и все, что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ земли,
Что на моряхъ, что въ глубинѣ морей—
Все въ пѣснь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати Агнецъ снялъ
Съ великой книги; какъ четыре быстро
Коня пустились: бѣлый, черный, красный
И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страшный
Именовался «Смерть». Я видѣлъ ужасъ
Землетрясенья, какъ затмилось солнце,
И кровью сдѣлалась луна, и звѣзды
Попадали на землю, и свернувшись
Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышалъ я, какъ раздалися вопли
Земныхъ людей: «падите на главы
Намъ, горы, и сокройте насъ
Отъ Агнца: часъ суда Его насталъ!»
Я видѣлъ ангела, съ востока въ блескѣ
Идущаго, неся въ рукѣ печать
Живаго Бога, и свершилъ онъ ею
Двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнье.
И быстро предо мной во снѣ видѣнья
Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Губительными ангеловъ, на землю
Все бѣдствіе пославшихъ, я увидѣлъ.
И ангелъ на̀ морѣ и на землѣ
Стоявшій, поклялся, съ простертой къ небу
Десницею, что время миновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился —
Увидѣлъ я—на небѣ храмъ отверстый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отвсюду
Зажглися молніи, заговорили
Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену,
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтный
Пожрать ея младенца порывался;
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
Дракона-змія, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмиглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ нимъ
Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемірная; какъ ангелы, семь чашъ
Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Исшедшій произнесъ: «Свершилось все!»
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
Сказавшій: «Палъ великій Вавилонъ!»
Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣ ономъ, Аллилуія;
Какъ въ небесахъ явился чудный Всадникъ,
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
Ему лишь вѣдомымъ; а Самъ Себя
Онъ «Словомъ Божіимъ» именовалъ.
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за Нимъ, на бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссонъ одѣянное чистый
Шло воинство, и какъ изъ устъ Его
На казнь людей мечъ острый исходилъ.

Увидѣлъ я, какъ на Него поднялся
Съ своею силой звѣрь; какъ схваченъ былъ
И звѣрь и лжепророкъ его, людей
Ему въ служенье увлекавшій; какъ
Въ глубь озера пылающаго ихъ
Низвергли; острый мечъ же, исходившій
Изъ устъ Вождя, всю рать ихъ истребилъ;
Какъ послѣ—змія, древняго дракона,
Могучій ангелъ, цѣпью оковавъ,
Во глубину неисходимой бездны
На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
Прельщать людей, пока не совершится
Тысячелѣтіе. И видѣлъ я великій бѣлый
И отъ лица Сидѣвшаго на тронѣ [тронъ,
Бѣжали небо и земля, и мѣста
Имъ не нашлось нигдѣ; и видѣлъ я,
Какъ глубина земли и моря мертвыхъ
Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми вмѣстѣ
Они стекались къ трону; какъ предъ
Раскрылася на судъ послѣдній книга [ними
Животныхъ; какъ былъ страшный вѣчный судъ
Произнесенъ; какъ смерть и адъ на вѣки
Въ глубь озера пылающаго были
Низвержены, и какъ потомъ явились
Другое небо и земля, и новый
Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
Градъ Божій, свѣтлый, какъ невѣста...

ПРИМѢЧАНІЯ
къ II тому.

Разрушеніе Трои. Изъ Энеиды Виргилія.

Упоминаніе объ *Энеидѣ* въ числѣ предметовъ занятій поэта встрѣчается въ бумагахъ Жуковскаго уже въ концѣ 1814 г., но первые опыты перевода относятся лишь къ началу 20-хъ тг. «Жуковскій отъ *Іоанны* Шиллеровой перешелъ къ Виргиліеву *Энею*»,—замѣчаетъ Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву въ маѣ 1822 г., а въ началѣ сентября того же года уже сообщаетъ ему: «на сихъ дняхъ я съ удовольствіемъ слушалъ переводъ Жуковскаго изъ *Энеиды*». «Переводъ Жуковскаго изъ Виргилія мнѣ полюбился своею живостью...»—прибавляетъ онъ нѣсколько позднѣе, въ другомъ письмѣ, отъ 23-го января 1823 г., по поводу сообщенія Дмитріеву о чтеніи перевода Жуковскаго въ торжественномъ собраніи россійской академіи. Въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго къ Гнѣдичу поэтъ, благодаря за присылку «господина Марона», проситъ прислать ему *Энеиду* Петрова. Переводъ В. П. Петрова (род. 1736; † 1799)—наиболѣе ранній переводъ у насъ «Энеиды» Виргилія (три первыя пѣсни вышли въ 1770 г.; переводъ 12-ти пѣсенъ въ 1781—1786 гг.).

Отрывки изъ Иліады.

Жуковскій не зналъ греческаго языка, но интересъ къ классическому эпосу пробудился у него уже рано. «Гомера читаю на англійскомъ, имѣя передъ собою и Фоссовъ переводъ,—пишетъ Жуковскій А. И. Тургеневу въ сентябрѣ 1810 г., изъ Муратова.—Не соглашаюсь, однако, чтобы Фоссовъ переводъ былъ лучше Попова; можетъ-быть, въ первомъ найдешь болѣе истиннаго Гомерова духу и греческой простоты, но онъ сухъ, и чувствительно, что нѣмецъ Фоссъ изъ всей силы хотѣлъ быть грекомъ. Попъ растянутъ и иногда очень удаляется отъ Гомерова духа, особливо когда дѣло дойдетъ до боговъ, говоря о которыхъ, онъ вмѣшиваетъ такія выраженія, которыя болѣе приличны новѣйшимъ метафизикамъ; зато языкъ его стихотворнѣе. Эти два перевода по-настоящему надобно читать вмѣстѣ: одинъ увеличитъ цѣну другого; Попова щеголеватость сдѣлаетъ пріятнѣе Фоссову простоту, а Фоссова сухость сдѣлаетъ еще пріятнѣе Попову блистательную поэзію. Чуть ли и я со временемъ не примусь за греческую граматику, а латинская уже и очень вертится въ головѣ моей...» (Письмо къ А. И. Тургеневу). Іог. Фоссъ (1751—1826) считается образцовымъ нѣмецкимъ переводчикомъ Гомера; переводъ его вышелъ въ 1781 г. Англійскіе переводы Гомера, принадлежавшіе А. Попу, извѣстному англійскому поэту (1688—1744), вышли въ 1715—1720 и 1725 гг. Въ 1828 году Жуковскимъ былъ оконченъ, какъ нѣчто цѣльное, обширный отрывокъ изъ различныхъ пѣсенъ Иліады (VI—XX) и тогда же былъ напечатанъ въ альманахѣ Дельвига «Сѣверные Цвѣты» на 1829 годъ,—подъ заглавіемъ: *Отрывки изъ Иліады*, и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкіе переводы Иліады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный языкъ его; здѣсь, такъ сказать, одинъ отголосокъ отголоска. Стихи, напечатанные курсивомъ, принадлежатъ самому переводчику: они служатъ соединеніемъ отрывковъ, вполнѣ переведенныхъ изъ Иліады и заимствованныхъ изъ VI, XVII, XVIII, XIX и XX пѣсней» [«Сѣв. Цвѣты», стр. 76]. Къ тому же времени относились, повидимому, и первыя попытки Жуковскаго полнаго перевода Иліады; окончательно къ полному переводу поэмы поэтъ приступилъ только подъ конецъ своей жизни, въ 1849 г., и успѣлъ перевести лишь первую пѣснь и отрывки второй, хотя

имѣлъ твердое намѣреніе дать полный переводъ.

Ундина. Старинная повѣсть.

Первые отрывки перевода Ундины появились въ «Библіотекѣ для чтенія» (1835, т. XII; и 1837, т. XX), сполна повѣсть была напечатана въ отдѣльномъ изданіи въ началѣ 1837 г. (СПБ., 1837). Къ изданію приложено предисловіе нашего поэта, особое посвященіе *(Бывали дни восторженныхъ видѣній...)*, написанное въ 1836 г. и относящееся къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, и 20-ть прекрасныхъ гравюръ, сдѣланныхъ дерптскимъ художникомъ Мейделемъ. Въ предисловіи Жуковскій такъ излагаетъ исторію своего труда, — приводимъ предисловіе сполна, такъ какъ при послѣдующихъ изданіяхъ оно не перепечатывалось авторомъ: «Повинуясь волѣ, которую мнѣ было особенно пріятно исполнить, я разсказалъ русскими стихами Ундину. Въ 1833 г., находясь въ Швейцаріи и живя уединенно на берегу Женевскаго озера (въ деревенькѣ Верне близъ Монтре), написалъ я первыя три главы этой повѣсти. По возвращеніи моемъ въ Россію, занятія другого рода надолго отвлекли меня отъ начатаго поэтическаго труда, и только въ нынѣшнемъ году я могъ опять за него приняться. Послѣднія главы «Ундины» написаны въ сельскомъ уединеніи близъ Дерпта, гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ попрежнему посвятить досугъ свой поэзіи». Предисловіе помѣчено: *Эльстферъ. 26 іюля 1836 г.*

Объ авторѣ повѣсти, де ла Моттъ Фуке (de la Motte Fouqué, 1777—1848), мы уже упоминали выше, въ біографическомъ очеркѣ нашего поэта. По характеру своихъ литературныхъ произведеній, этотъ писатель, какъ вѣрно о немъ замѣчено, былъ «средневѣковой рыцарь, ошибкой попавшій въ новое время». Совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ остальныхъ его произведеній, безчисленнаго ряда рыцарскихъ романовъ—стоитъ прелестная сказка-поэма *Ундина* (1813), этотъ «перлъ нѣмецкой сказочной поэзіи», Ундина—единственный, полный жизни и ясно очерченный образъ, созданный Фуке. «Причина, почему этотъ образъ такъ удался ему,— замѣчаетъ историкъ,—заключается, по всей вѣроятности, въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь авторъ задался цѣлью представить такое существо, которое только на половину человѣкъ, на половину же состоитъ изъ стихійныхъ элементовъ, изъ волнъ морской пѣны, свѣжей прохлады водъ и необузданнаго движенія,—такое существо, у котораго, какъ говорится, нѣтъ души, такъ какъ пока Ундина еще не отдалась рыцарю, она находится въ таинственномъ союзѣ съ безпокойнымъ, бездушнымъ моремъ... Фуке, который былъ поэтомъ, не будучи психологомъ, нашелъ въ этомъ дѣтищѣ природы — олицетворявшемъ собою одну изъ стихій и потому заключавшемъ въ себѣ лишь одинъ изъ элементовъ жизни—такой предметъ для своей фантазіи, который былъ ей вполнѣ по силамъ»...

Камоэнсъ.

Драматическая поэма. Подражаніе Гальму.

Луисъ де Камоэнсъ (Luis de Camõens), знаменитѣйшій поэтъ Португаліи, род. въ 1824—1825 гг. Несчастія его жизни равнялись его славѣ. Главной причиной бѣдственно сложившейся жизни поэта была его несчастная любовь. Имѣя доступъ ко двору, Камоэнсъ влюбился здѣсь въ дочь очень высокопоставленнаго лица; любовь была взаимной, стала извѣстной, и бѣдный поэтъ былъ вскорѣ удаленъ. Онъ поступилъ во флотъ, отправлявшійся къ берегамъ Марокко,—и съ этого времени, почти до самаго конца своей жизни, по собственному его выраженію, «берется то за мечъ, то за перо». Жизнь его, главнымъ образомъ, проходитъ на дальнемъ Востокѣ, въ Африкѣ, Индіи, Азіи. Поэтъ принимаетъ участіе въ разныхъ сухопутныхъ и морскихъ экспедиціяхъ; въ одномъ изъ сраженій онъ теряетъ глазъ. Одно время онъ занимаетъ видную административную должность въ Макао,—проводитъ здѣсь нѣкоторое время спокойно; но потомъ опять подвергается несчастіямъ. Во время одного переѣзда, корабль, на которомъ былъ поэтъ, имѣя при себѣ почти оконченную *Лузіаду*, былъ разбитъ бурей, пошелъ ко дну, все имущество поэта погибло, кое-какъ спасся лишь онъ самъ, спасена была и поэма... «Съ больнымъ сердцемъ и пустымъ кошелькомъ» поэтъ въ 1570 г. возвращается изъ своихъ приключеній въ Лиссабонъ. Въ слѣдующемъ году въ печати появляется его *Лузіада*, — и хотя «вызываетъ восторгъ современниковъ (въ томъ же году выходитъ вторымъ изданіемъ), поэтъ послѣдніе годы жизни проводитъ въ крайней бѣдности. Назначенная ему королевская пенсія не превышала 200—300 руб. въ годъ, да и та выплачивалась не аккуратно. Заболѣвъ въ 1580 г. и не имѣя ни средствъ, ни близкихъ людей—поэтъ долженъ былъ лечь въ городской госпиталь, гдѣ и умеръ... Лиссабонское землетрясеніе 1755 г. разрушило до основанія церковь, около которой была могила Камоэнса; въ 1880 г., передъ трехсотлѣтіемъ смерти поэта, предполагаемые останки поэта были съ королевскими почестями перенесены въ церковь Санта-Марія въ Белемѣ и похоронены рядомъ съ могилой короля Себастіана, которому посвятилъ поэтъ свою *Лузіаду*. Камоэнсу принадлежитъ не мало различныхъ произведеній,—онъ писалъ

драмы, идиліи, сонеты; но величайшимъ его произведеніемъ, а равно и всей португальской литературы, является его знаменитая поэма *Os lusiadas* (1572). Предметъ поэмы—разсказъ объ извѣстной экспедиціи и открытіяхъ Васко де Гамы, знаменитаго португальскаго мореплавателя († 1524), при чемъ, однако, въ эту общую нить разсказа поэтомъ искусно вплетены всѣ важнѣйшія происшествія и событія португальской исторіи, и древней и позднѣйшей. Въ связи съ этимъ общенаціональнымъ содержаніемъ произведенія стоитъ и его заглавіе, восходящее къ имени Lusus'a, баснословнаго короля португальцевъ и родоначальника древнѣйшаго населенія «Лузитаніи», т. е. Португаліи... Поэма Камоэнса является въ полномъ смыслѣ національнымъ эпосомъ португальцевъ,—ихъ національной эпической поэмой, какой не имѣетъ ни одинъ изъ европейскихъ народовъ. Предметъ «Лузіады», ея герой—сама Португалія, португальскій народъ. Поэтъ прославляетъ въ своемъ произведеніи все, что составляетъ его національную славу, всѣ выдающіяся національныя историческія событія и происшествія... И—что особенно важно, является наиболѣе характернымъ—поэтъ воспѣваетъ дѣйствительныя дѣянія своего народа, а не сочиняетъ ихъ. Разсказъ Камоэнса не уклоняется отъ исторической правды; съ прелестью внѣшняго изложенія его поэма «соединяетъ вѣрную передачу фактовъ», и въ этомъ отношеніи Камоэнсъ является «лучшимъ историкомъ своей страны». Жизнь Камоэнса, полная приключеній и трагизма, вдохновила многихъ поэтовъ и драматурговъ; къ послѣднимъ принадлежалъ и нѣмецкій писатель Францъ баронъ Мюнхъ-Беллингаузенъ (1806—1871), писавшій подъ псевдонимомъ Фр. Гальма, произведенія котораго вообще отличались «романтически-расплывающеюся мягкостью». Лучшей его драмой считается *Равенскій Гладіаторъ* (Der Fechter von Ravenna); большой любовью публики пользовались также *Гризельда* и *Сынъ Пустыни*. Менѣе извѣстной была его драматическая поэма *Камоэнсъ* (вышла въ 1838 г.), принадлежавшая къ наиболѣе раннимъ его произведеніямъ. Гальмъ въ молодости отличался страстью къ театру, хорошо зналъ условія сцены,—но «писалъ свои пьесы больше умомъ, чѣмъ фантазіей и чувствомъ»; каждая изъ его драмъ, по выраженію одного критика—«диссертація въ драматической формѣ». Драма Гальма *Камоэнсъ*, вышедшая во время путешествія Жуковскаго по Европѣ и, можетъ-быть, видѣнная имъ въ вѣнскомъ Бургтеатрѣ, произвела на нашего поэта, по словамъ Зейдлица, «глубокое впечатлѣніе»,—и онъ тотчасъ же началъ переводить ее на русскій языкъ. «Мысли, высказанныя въ драмѣ Камоэнсомъ, и нѣкоторыя обстоятельства жизни этого знаменитаго поэта, побудили Жуковскаго,—читаемъ у Зейдлица,—вести работу поспѣшно, какъ знаменіе собственнаго memento mori!.. Онъ чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ и былъ въ очень мрачномъ расположеніи духа. Портретъ, снятый съ него въ то время въ Венеціи и присланный мнѣ въ подарокъ, представляетъ его сидящимъ въ скорбномъ раздумьѣ у письменнаго стола. Онъ подписалъ подъ этимъ портретомъ послѣднія слова умирающаго Камоэнса:

«Поэзія есть Богъ—въ святыхъ мечтахъ земли»!

Даже въ переводѣ видно, какъ много измѣнилось настроеніе его духа. Начало драмы—по бо́льшей части, прямой переводъ съ нѣмецкаго; но подъ конецъ Жуковскій прибавилъ къ подлиннику такъ много своего, что явно намекалъ на самого себя...»

Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть.

«*Наль и Дамаянти*,—замѣчаетъ Жуковскій къ своему переводу,—есть эпизодъ огромной индѣйской поэмы *Магабхараты*. Этотъ отрывокъ, самъ по себѣ составляющій полное цѣлое, два раза переведенъ на нѣмецкій языкъ; одинъ переводъ, Бопповъ, ближе къ оригиналу: другой, Рюккертовъ, имѣетъ болѣе поэтическаго достоинства. Я держался послѣдняго. Не зная подлинника, я не могъ имѣть намѣренія познакомить съ нимъ русскихъ читателей; я просто хотѣлъ разсказать имъ по-русски ту повѣсть, которая плѣнила меня въ разсказѣ Рюккерта, хотѣлъ самъ насладиться трудомъ поэтическимъ, стараясь найти въ языкѣ моемъ выраженія для той дѣвственной, первообразной красоты, которою полна индѣйская повѣсть о Налѣ и Дамаянти. Вотъ что́ говоритъ А. В. Шлегель объ этомъ отрывкѣ: «По моему мнѣнію эта поэма не «уступаетъ никакой изъ древнихъ и новыхъ «въ красотѣ поэтической, въ увлекательности «страстей, въ возвышенной нѣжности чувствъ «и мыслей. Прелесть ея доступна всякому «читателю, молодому и старику, знатоку ис«кусства и необразованному, руководствую«щемуся однимъ естественнымъ чувствомъ. «Повѣсть о Налѣ и Дамаянти есть самая лю«бимая изъ народныхъ повѣстей въ Индіи, «гдѣ вѣрность и героическое самоотверженіе «Дамаянти такъ же извѣстны всѣмъ и каж«дому, какъ у насъ постоянство Пенелопы».

Магабхарата—вмѣстѣ съ *Рамаяной*—двѣ важнѣйшія и наиболѣе древнія поэмы индусскаго эпоса. По своему общему содержанію, *Магабхарата* является огромной энциклопедіей, объединяющей въ себѣ всѣ древнія сказанія индусовъ, охватывающей собою и индусскую миѳологію и индусскую исторію, ихъ право, философію и т. д. Основной сюжетъ *Магабхараты* (санскр. «ма-

hâbharata»—великая война Бхарата)—борьба двухъ княжескихъ родовъ, Куру и Панду, происходящихъ одинаково отъ Бхарата, изъ-за обладанія городомъ Гостинапура и прилегающей къ нему земли (небольшой клочокъ земли, мѣстность близъ нынѣшняго Дели). Борьба оканчивается примиреніемъ воюющихъ сторонъ. Разсказу объ этой борьбѣ посвящено, однако, не болѣе лишь $^1/_5$ части поэмы; все остальное ея содержаніе занято рядомъ вставныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ иные сами по себѣ представляютъ обширныя, совершенно отдѣльныя поэмы,—къ числу такихъ принадлежитъ и *эпизодъ о Налѣ и Даманти*. Событія, послужившія основнымъ сюжетомъ для поэмы, изслѣдователями относятся приблизительно къ X в. до Р. Хр., къ тому времени, когда индусы жили въ долинѣ Ганга, и у нихъ начиналъ складываться государственный и общественный строй. Заслуга Жуковскаго—въ отношеніи ея перевода—хорошо характеризуется слѣдующими словами Плетнева: «Наше пріобрѣтеніе съ появленіемъ этой поэмы,—замѣчаетъ онъ,—во всемъ смыслѣ истинное сокровище. Это—открытіе новаго міра съ новыми богатствами всѣхъ царствъ природы. Поэтъ вводитъ насъ въ страну солнца и чудесъ, гдѣ люди, звѣри, растенія, горы, рѣки и все видимое какъ бы утаены были отъ общихъ испытаній творенія и живутъ подъ законами одной всемощной фантазіи. Надобно было созидать все новое для повѣствованія о новообрѣтенномъ краѣ. Тутъ явился Жуковскій истиннымъ образователемъ языка, раздвинувъ область его во всѣ стороны...» («О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго», стр. 116). Въ *посвященіи* поэмы, обращенномъ къ великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, въ поэтической картинѣ ряда сновидѣній, Жуковскій изображаетъ важнѣйшіе фазисы своей уже прожитой жизни—свою первую встрѣчу съ великой княгиней и будущей императрицей Александрой Ѳеодоровной, послѣдующую жизнь свою въ царской семьѣ, наконецъ, осуществленіе своихъ давнишнихъ мечтаній о собственномъ семейномъ счастіи... Общее настроеніе поэта грустное: покой его настоящей семейной жизни напоминаетъ ему близкій покой вѣчный, — одновременно съ тѣмъ передъ воображеніемъ поэта встаютъ и «тѣни прошлаго»; счастливое настоящее не устраняетъ воспоминанія о счастіи прошедшемъ, и поэтъ вспоминаетъ о «двухъ родныхъ, земной судьбиною разрозненныхъ могилахъ»,—Маріи и Александры Протасовыхъ... Послѣдняя, какъ извѣстно, была похоронена далеко отъ Дерпта, въ Ливорно.

Рустемъ и Зорабъ.

Плодородная, «цвѣтущая розами» страна, лежащая между Индомъ и Оксусомъ, Персидскимъ заливомъ, Тигромъ, горами Курдистана и Каспійскимъ моремъ, извѣстная у грековъ подъ именемъ Персиды, занимавшаяся въ древности попеременно бактрами, мидянами и персами, издавна отъ своихъ обитателей имѣла названіе Ирана, «страна свѣта», «царство солнца»—въ противоположность Турану («область тьмы»), холоднымъ, безплоднымъ пустынямъ сѣвера, лежавшимъ на востокъ отъ Каспійскаго моря и далѣе по ту сторону Оксуса,—откуда неслись страшныя снѣжныя бури и вьюги, или летѣлъ песокъ, заносившій плодородныя долины Ирана,—гдѣ кочевали дикія, чуждыя иранцамъ и по языку и по происхожденію хищныя племена, постоянно вторгавшіяся опустошительными набѣгами въ благословенныя страны иранцевъ... Въ Иранѣ, странѣ очень рѣзкихъ противоположностей климата, крутыхъ перемѣнъ погоды, уже рано развивается дуализмъ, обработанный позднѣе Зороастромъ (IX—X до Р. Хр.). Иранъ—страна солнца, царство добраго Ормузда; повелитель Турана—злой Ариманъ; въ пещерахъ и ущельяхъ здѣсь живутъ злые духи, дивы (или девы—*daeva*), постоянно старающіяся причинить человѣку зло, наставить гибельныя чары... Климатическія условія страны и исконная борьба съ сосѣдственными кочевыми племенами,—наложившія замѣтный слѣдъ на общее міровоззрѣніе древняго Ирана,—легли въ основу и всего національнаго эпоса иранцевъ.

Величайшее національное произведеніе древне-персидской литературы и поэзіи возникаетъ приблизительно лишь къ концу X—пол. XI вв. по Р. Хр.,—въ ту эпоху, когда давно уже не существовали ни древне-мидійско-персидское царство, разрушенное Александромъ Македонскимъ, ни новоперсидская монархія сассанидовъ, покоренная мусульманами (перв. пол. VII в. по Р. Хр.), когда персидская культура подпадаетъ вліянію арабовъ. Это было *Шахъ-Наме* («Книга царей», «Книга героевъ»), произведеніе знаменитаго персидскаго поэта Абдуль-Казимъ-Мансура (род. ок. 940 г. по Р. Хр.; ум. въ 1021 г.), прозваннаго Фирдуси,—«Райскій», «поэтъ рая», и обладавшаго, повидимому, дѣйствительно не только замѣчательными поэтическими дарованіями, но и геніальнымъ умомъ. «Ни одинъ изъ восточныхъ поэтовъ,—говоритъ изслѣдователь, — не можетъ сравниться съ нимъ по силѣ и глубинѣ чувства; въ величественномъ развитіи его изложенія господствуетъ титаническій паѳосъ, его торжественный тонъ переходитъ иногда въ самые мягкіе аккорды,—онъ умѣетъ удивительно связать преобладающую суровость и величіе съ идиллической прелестью и элегической мягкостью...» Фирдуси происходилъ

изъ деревни близъ города Туса, въ Хорасанѣ. Онъ дѣлается извѣстнымъ лишь съ того времени, какъ принимается за свое знаменитое произведеніе—на 36 году жизни; отрывки будущей поэмы случайно дошли до шаха Махмуда,—отличавшагося любовью къ литературѣ и поэзіи, цѣнившаго дѣятельность поэтовъ и ученыхъ, собиравшаго ихъ около себя, заботившагося вообще о поднятіи и развитіи въ Персіи просвѣщенія, наукъ и искусствъ,—и такъ ему понравились, что онъ приказалъ визирю выдать поэту по 1000 золотыхъ за каждую тысячу риѳмованныхъ двустишій (которыми написана поэма). Поэтъ отклонилъ эту награду,—прося, чтобы ему только по окончаніи всего произведенія выдана была небольшая сумма, необходимая ему для поправленія его маленькаго хозяйства. Поэма была окончена только черезъ 30 лѣтъ, лишь на 71 году жизни поэта. Когда поэму,—разсказываетъ преданіе,—доставили шаху, онъ, въ порывѣ восторга, приказалъ дать поэту за нее столько золота, сколько можетъ снести слонъ... Но поэтъ былъ ужъ предметомъ зависти придворныхъ: послѣдними дѣло было устроено такъ, что поэтъ не получилъ и обѣщанныхъ ранѣе 1000 золотыхъ за каждое двустишіе,—вмѣсто золотыхъ, ему прислали по тысячѣ серебряныхъ монетъ... Деньги принесли какъ разъ въ то время, какъ поэтъ былъ въ банѣ; въ негодованіи присланныя шахомъ серебряныя монеты поэтъ здѣсь же всѣ роздалъ баньщикамъ и—еще тому человѣку, у котораго онъ передъ этимъ выпилъ стаканъ факао, и велѣлъ передать шаху, что онъ, поэтъ, не изъ-за денегъ создалъ *Шахъ-Наме*... Поэтъ покинулъ дворъ и отправился странствовать; въ этомъ прошли послѣдніе годы его жизни,—пока онъ не вернулся, на склонѣ дней своихъ, въ свою родную деревню близъ Туса, гдѣ и умеръ... Преданіе прибавляетъ, что шахъ, между тѣмъ, узналъ истину и послалъ поэту обѣщанные 60.000 золотыхъ, особое почетное платье и другіе дары,—но послы хана пришли къ дому поэта въ тотъ моментъ, когда изъ воротъ выносили тѣло скончавшагося Фирдуси... Его могилу до сихъ поръ показываютъ въ Тусѣ.

Своимъ содержаніемъ поэма *Шахъ-Наме*, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ человѣчества, съ области древнѣйшихъ сказаній и миѳовъ иранскаго племени, охватываетъ всю исторію Ирана до завоеванія Персіи мусульманами, т. е. приблизительно за періодъ 2000—3000 лѣтъ. Передъ нами не поэма въ обычномъ смыслѣ этого слова, а «миѳо-историческое произведеніе, — собравшее миѳы, народныя сказанія и исторію въ одну поэтическую рамку, придающую цѣлому художественное единство». Наибо́льшее мѣсто отведено главнѣйшему національному герою,—«слонообразному пехлеванy» (рыцарю, богатырю) Рустему, котораго окружаетъ цѣлый рядъ эпическихъ лицъ и характеровъ... Впрочемъ, настоящій герой «Шахъ-Наме» не то или другое дѣйствующее здѣсь лицо,—а весь иранскій народъ, различныя судьбы его исторіи. Главный предметъ поэмы — исторія борьбы между иранскимъ и туранскимъ племенами; этотъ основной сюжетъ, по обыкновенію всѣхъ восточныхъ поэмъ, осложняется множествомъ побочныхъ, вставныхъ эпизодовъ. Все произведеніе зиждится на возвышенной идеѣ Зороастровой религіи, на представленіи о неутомимой борьбѣ духа свѣта Ормузда, и его царства, свѣтлаго Ирана, противъ духа тьмы Аримана и его «царства тьмы», Турана; все произведеніе воодушевлено и оживлено этою основною идеею,—первоначальными нитями своими, а отчасти и всѣмъ своимъ содержаніемъ уходя въ эпоху, задолго предшествовавшую эпохѣ, извѣстной намъ по исторіи, эпохѣ Кира, Дарія, Ксеркса... Послѣднихъ не знаетъ національный эпосъ Персіи; народная память сохранила имена лишь гораздо болѣе раннихъ своихъ героевъ,—лишь они продолжали жить въ памяти народа и лишь они увѣковѣчены были его поэзіей, а отчасти—и памятниками древности. Въ Персіи находится множество развалинъ, связанныхъ съ именемъ Рустема,—старыхъ дворцовъ, древнихъ мостовъ, плотинъ, шлюзовъ; имя Рустема въ этомъ отношеніи можно сравнить съ именемъ Роланда для нѣкоторыхъ мѣстностей средневѣковой Европы. Героическія сказанія, созданныя иранскими племенами и несравненно дольше индійскихъ или греческихъ остававшіяся разбросанными въ устахъ народа, не объединенными въ одно національное цѣлое, собранныя сравнительно лишь поздно — были собраны въ произведеніи Фирдуси повидимому съ необычайной тщательностью и заботой о вѣрности и точности передачи. Изслѣдователи допускаютъ, что у Фирдуси могли быть и письменные матеріалы.

Вышеприведенныя черты преданія набрасываютъ какой-то трагическій оттѣнокъ на жизнь Фирдуси; нельзя не отмѣтить и общаго меланхолическаго колорита въ поэмѣ Фирдуси; во всемъ его твореніи по временамъ какъ бы звучатъ сказанныя имъ слова:

Изъ земли мы—къ землѣ возвратимся;
На землѣ мы полны скорбями и печалями.
Ты уходишь отсюда—но міръ остается,
И никто еще не разгадалъ его тайны...

Въ общемъ своемъ содержаніи поэма, впрочемъ, необыкновенно разнообразна по своему тону и поэтическимъ краскамъ. «Фирдуси об-

наруживаетъ, — замѣчаетъ изслѣдователь, — поистинѣ изумительную многосторонность, и если повсюду раздается основной трагическій тонъ, эхо міровой борьбы между Ормуздомъ и Ариманомъ,—поэтъ все же вводитъ въ восхитительномъ разнообразіи элементъ прелестнаго и ужаснаго, героическаго и идиллическаго, трагическаго и романтическаго,—каждому отводя настоящее, ему подобающее, мѣсто и предѣлы...»

Національнымъ памятникомъ древне-персидской литературы Жуковскій пользовался въ нѣмецкомъ переводѣ Рюккерта. «Эта поэма не есть чисто-персидская, — писалъ Жуковскій о своемъ переводѣ *Рустема и Зораба* своему другу Зейдлицу.—Все лучшее въ поэмѣ принадлежитъ Рюккерту. Мой переводъ не только вольный, но своевольный: я многое выбросилъ и многое прибавилъ...» Этотъ отзывъ нашего поэта о своемъ трудѣ является слишкомъ скромнымъ. При сравненіи съ нѣмецкимъ оригиналомъ,—русскій переводъ Жуковскаго по своимъ общимъ литературнымъ достоинствамъ нисколько ему не уступаетъ, съ внѣшней же стороны, со стороны изложенія, даже превосходитъ. «Изложеніе у Жуковскаго, — замѣчаетъ Зейдлицъ,—сокращеннѣе, событія слѣдуютъ быстрѣе одно за другимъ, выключены нѣкоторые эпизоды, ничего не прибавляющіе къ развитію дѣйствія». По собственному указанію Жуковскаго, имъ, между прочимъ, прибавлены эпизоды явленія дѣвы ночью къ тѣлу Зораба и эпизодъ прощанія съ конемъ...

Гомерова Одиссея.

«Я не могъ передать женѣ приказанія вашего величества побранить меня за лѣнь и за безвременный сонъ на лаврахъ,—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ мартѣ 1842 г.—Я не лѣнюсь; а спать на моихъ лаврахъ мнѣ весьма безпокойно: старые мои лавры очень измялись, а свѣжихъ добыть не надѣюсь. Не позволяя себѣ этой надежды, которая уже мнѣ не къ лицу, а просто для внутренняго наслажденія и какъ бы изъ благодарности къ доброй музѣ, которая въ старину была мнѣ доступна и украшала своими цвѣтами жизнь мою, я принялся за большой трудъ, который очень приличенъ моимъ теперешнимъ лѣтамъ. Лирическая, вдохновенная пора поэзіи для меня миновалась; могу быть только болтливымъ сказочникомъ, какъ то бываетъ со всѣми подъ старость; и если воображеніе мое, охлажденное временемъ, не можетъ болѣе вымышлять, то могу по крайней мѣрѣ разсказывать за другими. Хочу передать Россіи Гомеровы сказки и принялся за переводъ *Одиссеи*; уже перевелъ почти двѣ пѣсни...» Такъ сообщалъ поэтъ своей бывшей ученицѣ о началѣ новаго своего гигантскаго труда—переводѣ *Гомеровой Одиссеи*... Переводъ начатъ былъ въ январѣ 1842 г.; оконченъ въ апрѣлѣ 1849 г. Работа шла съ большими перерывами,—но поэтъ занимался ею съ увлеченіемъ. Въ своихъ письмахъ этого времени онъ сообщаетъ цѣлый рядъ подробностей о ея ходѣ...

«Стоустая молва не обманула васъ,—пишетъ нашъ поэтъ вел. кн. Константину Павловичу въ окт. 1842 г.,—я перевожу *Одиссею*. Съ греческаго?—спросите вы. Нѣтъ, не съ греческаго, а вотъ какъ: здѣсь есть профессоръ, знатокъ греческаго языка; онъ переводитъ мнѣ слово въ слово Одиссею, т. е. подъ каждымъ греческимъ словомъ ставитъ нѣмецкое. Изъ этого выходитъ нѣмецкая галиматья; но эта галиматья даетъ мнѣ порядокъ словъ оригинала и его буквальный смыслъ, поэтическій же смыслъ даетъ мнѣ нѣмецкій переводъ Фосса и нѣсколько другихъ переводовъ въ прозѣ: одинъ нѣмецкій и два французскихъ и еще одинъ архиглупый русскій (въ прозѣ). Изъ всего этого я угадываю истинный смыслъ греческаго оригинала и стараюсь въ переводѣ своемъ наблюдать не только вѣрность поэтическую, что главное, но и вѣрность буквальную, сохраняя по возможности и самый порядокъ словъ, что на нашемъ языкѣ довольно возможно съ помощью перестановокъ (inversion), которыя нашему языку свойственнѣе всѣхъ другихъ новыхъ языковъ. Для чего я выбралъ этотъ трудъ?—продолжаетъ поэтъ.—Для того, чтобъ дать себѣ великое наслажденіе выразить на нашемъ языкѣ, во всей ея дѣтской простотѣ, поэзію первобытную: буду стараться, чтобы въ русскихъ звукахъ отозвалась та чистая гармонія, которая впервые раздалась за 3000 лѣтъ передъ симъ подъ яснымъ небомъ Греціи. Это наслажденіе полное. Новѣйшая поэзія, конвульсивная, истерическая, мутная и мутящая душу, мнѣ опротивѣла; хочется отдохнуть посреди свѣтлыхъ видѣній первобытнаго міра. Если же напишу что-нибудь свое, то оно будетъ далеко отъ той горячки, которая теперь кипитъ во всемъ, и вездѣ производитъ бредъ сумасшествія. Очень радъ, что вы любите *Одиссею*; я самъ люблю ее болѣе *Иліады*. Въ *Иліадѣ* болѣе высокихъ, поэтическихъ образовъ; въ *Одиссеѣ* вся жизнь давно-минувшаго во всей ея дѣтской беззаботности и въ неподдѣланномъ простодушіи. Если Богъ дастъ мнѣ кончить начатый трудъ, то *Одиссея* моя будетъ посвящена вамъ...»

«Мнѣ кажется, что моя *Одиссея* есть лучшее мое созданіе:—ее оставлю на память обо мнѣ отечеству,—пишетъ Жуковскій Плетневу въ декабрѣ 1848 года, когда предпринятый трудъ былъ почти оконченъ.—Я, рус-

скій паукъ, прицѣпился къ хвосту орла, Гомера, взлетѣлъ съ нимъ на его высокій утесъ—и тамъ въ недоступной трещинѣ соткалъ для себя пріютную паутину. Могу похвастать, что этотъ совѣстливый, долговременный и тяжелый трудъ совершенъ былъ съ полнымъ самоотверженіемъ, чисто для одной прелести труда. Не съ кѣмъ было подѣлиться своимъ поэтическимъ праздникомъ. Одинъ былъ у меня нѣмой свидѣтель—гипсовый бюстъ Гомеровъ, величественно смотрѣвшій на меня съ печи моего кабинета. Было, однако, для меня и раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще—когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньемъ». Объ одиночествѣ своего поэтическаго труда поэтъ говоритъ и въ письмѣ къ Зейдлицу:

«Какъ ни уютно мнѣ въ моей семьѣ,—пишетъ онъ ему за годъ до своей смерти,—но съ моею поэзіей никто здѣсь не знакомъ. Русскаго языка мои ближніе не знаютъ... Для курьеза посылаю тебѣ табличку, изъ которой увидишь ходъ перевода. Тѣ числа, противъ которыхъ стоятъ точки, означаютъ тѣ дни, въ которые я занимался переводомъ; изъ этого увидишь, что послѣднія 12 пѣсенъ переведены менѣе нежели въ 100 дней. Эти сто дней были счастливые дни! Для чего я работалъ? Уже, конечно, не для славы. Нѣтъ, для прелести самаго труда! Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, какое заключалось для меня въ уединенной, безмятежной бесѣдѣ съ поэтическими, дѣвственно-непорочными видѣніями Гомера, которыя прилетали ко мнѣ изъ свѣтлой старины и навѣвали мнѣ на душу свѣжій воздухъ поэзіи первобытной...»

Наиболѣе ранній полный переводъ Одиссеи вышелъ у насъ прозой—въ Москвѣ, въ 1788 г., безъ указанія имени переводчика: *Одиссея, героическое твореніе Омира (2 ч., М. 1788 г.;* второе изд.—2 ч., СПБ., 1815 г.). Въ 1826—1828 гг. вышла *Омирова Одиссея* И. И. Мартынова, съ примѣчаніями (4 ч., СПБ., 1826—1828). Въ 1840 г. появилась первая пѣснь Одиссеи «въ стихахъ, размѣромъ подлинника» какого-то Джунковскаго (СПБ., 1840), но продолженія не было. Отдѣльные небольшіе отрывки встрѣчаемъ въ «В. Евр.» 1808 г., «Сѣв. Меркуріѣ» 1810 г. и нѣкот. др. тогдашнихъ изданіяхъ.

Въ числѣ важнѣйшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, какія стали достояніемъ русскаго общества, въ переводѣ В. А. Жуковскаго, переводъ Одиссеи Гомера занимаетъ безспорно первое мѣсто. Позднѣйшій изслѣдователь, внимательно сличившій переводъ Жуковскаго съ греческимъ текстомъ Гомера—въ заключеніе своихъ изученій говоритъ: — «Мы не можемъ не высказать своего удивленія передъ свѣжестью и бодростью вдохновенія, блескомъ красокъ художественнаго языка, чрезвычайнымъ умѣньемъ «сдѣлать Гомеровскій стихъ ощутительнымъ въ стихѣ русскомъ», какія проявилъ маститый поэтъ въ этой своей самой обширной переводной работѣ. Та энергія, тотъ юношескій пылъ, съ какимъ престарѣлый поэтъ, едва кончивъ Одиссею, послѣ неутомимаго, усидчиваго труда надъ ея второю половиною, принимается за переводъ Иліады, который, однако, судьба не судила ему довести дальше II-й пѣсни,—были поддерживаемы въ немъ живымъ сознаніемъ образовательнаго значенія памятника, передаваемаго имъ русскому обществу, русскому юношеству, памятника, сіяющаго немеркнущею славою среди прочаго литературнаго достоянія человѣчества, во всѣ времена вдохновлявшаго величайшихъ геніевъ въ области искусства...» Только читая *Одиссею* Жуковскаго съ греческимъ подлинникомъ въ рукахъ,—можно вполнѣ оцѣнить всю степень той самостоятельной «творческой работы», которую выказалъ здѣсь нашъ знаменитый поэтъ. «Часто одинъ выборъ того, а не другого выраженія въ родномъ языкѣ для передачи даннаго слова подлинника, или прибавка слова, лишняго сравнительно съ точнымъ текстомъ оригинала, не измѣняя общаго его смысла, придаютъ яркости образу или мысли древняго поэта и становятся ихъ поэтическимъ истолкованіемъ...» «Благодаря подысканію въ сокровищницѣ родного языка выраженій, оттѣняющихъ различныя подробности описанія, иногда благодаря введенію въ него новыхъ мелкихъ черточекъ, подсказанныхъ поэтическимъ переживаньемъ фантазіи древняго поэта, пересказъ Гомера достигаетъ порою у Жуковскаго удивительной наглядности...» Наиболѣе характерною чертою перевода Одиссеи Жуковскаго, со стороны стиля, является чрезвычайное обиліе и разнообразіе эпитетовъ. Жуковскій распоряжается эпитетами совершенно свободно,—далеко не всегда въ его переводѣ является тотъ эпитетъ, какой употребленъ въ данномъ стихѣ у Гомера. Это обусловливается, главнымъ образомъ, требованіями размѣра. Часто также, для наполненія стиха, эпитеты прибавлены тамъ, гдѣ у Гомера ихъ нѣтъ. Извѣстный запасъ эпитетовъ, мѣтко обрисовывающихъ тотъ или другой предметъ, находится въ распоряженіи нашего поэта, и онъ разсыпаетъ его въ своемъ переводѣ щедрою рукою. При этомъ тѣ способы образованія эпи-

тетовъ, какіе были имъ выработаны въ болѣе раннихъ его произведеніяхъ, иногда даже самые эпитеты, употребленные въ этихъ произведеніяхъ, находятъ себѣ примѣненіе и въ Одиссеѣ, такъ что, можно сказать, поэтъ расточилъ на Гомерову поэму все богатство и роскошь художественныхъ украшеній, какъ на свое любимое, балованное младшее дитя. Простыми эпитетами поэтъ пользуется сравнительно рѣдко. Простые или менѣе сложные эпитеты часто уступаютъ мѣсто сложнымъ и длиннымъ: вмѣсто «туманный» — «темно-туманный»; вмѣсто «соленый» (о морской пучинѣ), «темно-, «мутно-, «безплодно- и «пустынно-соленый»; вмѣсто эпитетовъ того же моря «пустой» или «безплодный», «бурно-, «безпредѣльно- и «непріятно-пустынный», для одного и того же греческаго эпитета моря; вмѣсто «звонкій» (покой—сѣни), «звонкопространный»; вмѣсто «вѣтристый», «лобзаемый вѣтромъ», «открытый воющимъ вѣтрамъ»; вмѣсто «искрометный» о винѣ или «багряный» (въ греч. т.)— «огненно-цвѣтный», «пѣнно-, «свѣтло-пурпурный»; «пурпурно-медвяный», вмѣсто простого «медвяный», «сочно-медвяный» (о травѣ) и т. д. Изслѣдователь отмѣчаетъ также «удачный подборъ поэтомъ чисто-русскихъ выраженій для передачи иныхъ оборотовъ греческаго языка. Образность нѣкоторыхъ изъ нихъ,—прибавляетъ авторитетный изслѣдователь,—порою едва ли уступаетъ Гомеровскимъ». Въ запасѣ эпитетовъ Жуковскаго встрѣчаемъ: «кознодѣй» (объ Атлантѣ, въ обращеніи Аѳины къ Одиссею, «финикіецъ... злой кознодѣй»), или «крамольникъ»; такія слова, какъ «палата», «кравчій» (всегда въ формулахъ приготовленій къ пиру), «сорочка» (о хитонѣ), «князь», «тризна», «вѣно» и т. п. Такія выраженія какъ: «сѣли чиномъ» (въ описаніи сотрапезованія), «нашелъ бы управу», «хлѣбомъ, собраннымъ съ міра»,— сообщаютъ переводу Жуковскаго Гомеровой поэмы извѣстный народнорусскій колоритъ. Или такіе эпитеты, вводимые поэтомъ въ текстъ Гомера отъ себя, взятые изъ языка народной поэзіи: «студеная» (вода, въ формулахъ приготовленій къ пиру), «браный» (столъ, въ формулахъ о трапезѣ), «круговыя», «завѣтная» (амфора), «ретивые кони», «лихія собаки» и, какъ бранное выраженіе, «вражда лихая», «лихой на обидныя рѣчи», «незваный гость», «поле широкое», «погибель горькая» и т. п. Такія выраженія, какъ: «на самомъ исподѣ», «говорунъ нестерпимый», «говорунъ посѣдѣлый», «вечерять», «его онъ поздравствовалъ», «на шею... паркъ... накликать» («эринній накличутъ»), довольно опредѣленно указываютъ на стремленіе поэта приблизить языкъ своего перевода къ языку народному». Вторая часть Одиссеи содержитъ значительное число сценъ, героями коихъ являются подонки общества, бродягинищіе, грубые, нахальные слуги и служанки. Въ этихъ полныхъ реализма сценахъ поэтъ нашъ пробуетъ сообщить стилю своего перевода низменный тонъ. Припомнимъ такія выраженія, какъ: «деревенщина грубая», «съ женихами слюбившись», «моихъ кулаковъ отвѣдать», «слабый, гнилой старичишка!», «шальной», «сволочь» (въ смыслѣ «отребье общества»), «марать понапрасну рукъ не хочу», «умничать вздумалъ, не хуже стряпухи старой лепечетъ», «поднялъ ты носъ», «не тебѣ, другъ, чета», «нашему брату» (нищій о нищихъ), «на вѣтеръ ляжетъ» (удачная и точная передача подлиннаго греческаго выраженія), «вино мнѣ языкъ развязало» и мн. под. Впрочемъ, не надо забывать, что литературныя привычки поэта сложились въ ту пору, когда литература была еще настолько далека отъ народной жизни, что реализмъ бытовыхъ сценъ 2-й половины Одиссеи не могъ быть переданъ нашимъ поэтомъ съ достаточною опредѣленностью и послѣдовательностью» (См. С. П. Шестакова, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Гомера. Казань, 1902).

Странствующій жидъ.

Въ предисловіи къ первому изданію поэмы въ 1857 г., въ одномъ изъ посмертныхъ дополнительныхъ томовъ къ пятому изданію сочиненій Жуковскаго, гр. Д. Н. Блудовъ о литературной сторонѣ поэмы писалъ:

«Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ, вѣчномъ жидѣ. Вѣроятно, что въ началѣ хотѣли въ немъ представить судьбу всѣхъ евреевъ, не обратившихся въ христіанство, и, такъ сказать, олицетворить въ одномъ человѣкѣ остатки народа іудейскаго, разсѣянные по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимые, повидимому обреченные на истребленіе, но не исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенные свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало-по-малу сіе аллегорическое первобытное значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесенная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ устъ въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема, украшаема, или обезображиваема новыми преданіями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена, и въ наше время, странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ сіе таинственное лицо и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое онъ желалъ произвести на читателей, или зрителей. Бо́льшею частію однакожъ вездѣ

сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не измѣняется, оставаясь вопреки теченію вѣковъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковскій представляетъ его, въ своемъ Агасверѣ, совсѣмъ инымъ, преображеннымъ благодатію существомъ. Цѣлію поэта, основною идеею его творенія, было, какъ онъ самъ говоритъ, сдѣлать родъ апоѳеоза страданій и несчастія, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу довольно твердую, чтобы не упасть подъ бременемъ золъ, и особливо не зараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости.

«Все здѣсь на пользу, и радость, и горесть,
хвала жизнодавцу Зевесу!»

сказалъ Жуковскій въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученію евангельскому, еще сильнѣе представлена и, такъ сказать, развита въ его Агасверѣ, который нашелъ блаженство въ страданіяхъ, продолжающихся почти два тысячелѣтія. Долго волнуемый самыми буйными, какъ бы воюющими съ небомъ, страстями, лишенный всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собой могилы семейства своего, внуковъ и правнуковъ, онъ повсюду ищетъ, проситъ, требуетъ смерти; наконецъ увѣряется, что лишенъ и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ божественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любви одного изъ нихъ, душа его потрясена, проникнута, онъ христіанинъ! И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою-жъ, какъ прежде, для него измѣняется совершенно, отъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ возлюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ познаетъ великую совершающуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что произнесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствіе непостижимаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семъ мірѣ, онъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи, — участіи въ богоубійствѣ,—уже не тяготитъ души его, но терзая умиляетъ ее. Въ семъ состояніи Агасверъ, въ поэмѣ Жуковскаго, является предъ другое, почти столь же чрезвычайное историческое лицо, предъ того, который равно изумлялъ вселенную возвышеніемъ своимъ и паденіемъ, — императора Наполеона I-го. Онъ является въ минуту, когда великій Сентъ-Эленскій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательнаго прошедшаго и безнадежнаго будущаго, бременемъ уже невыносимымъ для однѣхъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнію. Чѣмъ Агасверъ,—какъ должно полагать, — удержалъ его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей ни съ чѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и настоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки нашихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію, сей разсказъ его безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковскаго остается не довершеннымъ. — Но и въ семъ видѣ, какъ намъ кажется, оно заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религіозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей поэмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее смѣло на судъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковскаго, въ семъ послѣднемъ его произведеніи, имѣетъ нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли плѣняться въ другихъ его сочиненіяхъ. Вмѣсто изобилующаго образами и сравненіями, цвѣтущаго, почти роскошнаго поэтическаго слога, — въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминаютъ намъ слова Ривароля о стихахъ Данте: «каждый изъ нихъ, «безъ всякихъ посторонніхъ украшеній, дер«жится, такъ сказать, самъ собою, одною си«лою мысли или чувства и вѣрностію, какъ «будто безыскусственною, выраженія» [«Соч.» т. X, СПБ., 1857, стр. I—V].

Легенда о *вѣчномъ жидѣ* примыкаетъ къ циклу мѣстныхъ палестинскихъ преданій, развившихся на основаніи нѣкоторыхъ неясныхъ упоминаній въ Евангеліяхъ (Іоан. XX, 22; Мѳ. XVI, 28; Лк. IX, 27; Мк. IX, 1), понятыхъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые изъ свидѣтелей земной жизни Спасителя были чудеснымъ образомъ избавлены отъ смертной доли... «Эту участь представляли себѣ то наградой, то наказаніемъ,—почему ее приписывали то любимому ученику Спасителя, которому, полагали, она ясно была предсказана, то, наоборотъ, человѣку, особенно виновному предъ Христомъ...» Въ одномъ «Путеводителѣ по Іерусалиму» конца XIV вѣка *(Liber terrae Sanctae Jerusalem)* указывается мѣсто близъ Іерусалима, гдѣ, по преданію, Іоаннъ Буттадей ударилъ Іисуса Христа, говоря Ему дерзко: «Ступай мимо, отправляйся на смерть!» Христосъ отвѣтилъ ему: «Я пойду на смерть; но ты не умрешь, до Моего возвращенія...» (battre—бить, ударять; Deus—Богъ). Въ «Путеводителѣ» прибавляется, что

многіе встрѣчали въ разныхъ мѣстахъ этого человѣка, скитающимся по міру... Нужно думать, легенда, по своему первоначальному происхожденію, принадлежала къ разряду многочисленныхъ апокрифическихъ легендъ и преданій, — «которыя по-своему досказывали тотъ или другой эпизодъ евангельской исторіи, почему-либо возбудившій вниманіе и дѣятельность фантазіи. Такъ создались средневѣковые разсказы объ Іудѣ и Пилатѣ, объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и Вероникѣ, наконецъ, о Малхѣ, которому ап. Петръ отсѣкъ ухо, но котораго излѣчилъ Спаситель.—Имя Малха уже непосредственно примыкаетъ къ циклу легендъ о «вѣчномъ жидѣ»... Въ памятникахъ средневѣковой Европы первыя упоминанія о «вѣчномъ» или «странствующемъ жидѣ» восходятъ ко второй пол. XIII вѣка. Нѣкій итальянскій астрологъ Гвидо Бонатти сообщаетъ, что «въ 1267 г. прослѣдовалъ на поклоненіе въ монастырь св. Іакова, современникъ земной жизни Спасителя, Іоаннъ Буттадей (Ioannes Buttadeus),—получившій свое прозвище отъ того, что нанесъ ударъ Спасителю, во время его шествія на Голгоѳу и которому въ наказаніе Христосъ сказалъ: «Ты дождешься Моего возвращенія», почему послѣдній и принужденъ странствовать до второго пришествія...» По итальянскимъ средневѣковымъ сказаніямъ, личность вѣчнаго жида отожествляется съ выше упомянутыхъ Малхомъ, — при чемъ Малхъ, рабъ первосвященника, которому ап. Петръ отсѣкъ ухо въ Геѳсиманскомъ саду, отожествляется съ служителемъ Анны, который ударилъ Іисуса по щекѣ, сказавъ: «Такъ отвѣчаешь ты первосвященнику?..» Въ наказаніе за свою дерзость, Малхъ—разсказываетъ легенда—осужденъ на вѣчное пребываніе въ подземномъ склепѣ, гдѣ онъ ходитъ безостановочно вокругъ столба, такъ что даже полъ опустился подъ ногами... Этотъ разсказъ о Малхѣ сообщается въ запискахъ итальянскихъ путешественниковъ XV—XVI вв. въ Іерусалимъ, и вообще былъ очень распространеннымъ въ Италіи, гдѣ имя Малха сдѣлалось даже нарицательнымъ, перейдя въ пословицы («У него лицо, какъ у жида Малха...»). Преданія о Малхѣ встрѣчаются и во Франціи: во всѣхъ французскихъ мистеріяхъ Малхъ представляется принимающимъ участіе въ мученіяхъ Спасителя, — забывъ оказанное ему благодѣяніе... Къ палестинскому преданію о «вѣчномъ жидѣ» довольно тѣсно примыкаетъ армянскій разсказъ о нѣкоемъ Картафилѣ, записанный въ 1228 г. Матвѣемъ Парижскимъ со словъ одного армянскаго епископа. Картафилъ былъ привратникомъ преторіи Пилата во время суда надъ Христомъ. Когда евреи влекли осужденнаго ими Спасителя мимо вратъ преторіи, — Картафилъ ударилъ его по спинѣ и съ презрительной усмѣшкой сказалъ: «Иди же скорѣе, Іисусъ! Что ты такъ медлишь!» Христосъ посмотрѣлъ на него строго: «Я иду,—возразилъ онъ:—а ты будешь ждать Моего возвращенія». И Картафилъ ждетъ до сихъ поръ пришествія Христа... Ему было около 30 лѣтъ при смерти Спасителя; всякій разъ, когда ему минетъ сто лѣтъ, на него нападаетъ немощь, кажущаяся неизлѣчимою, онъ впадаетъ въ какое-то изступленіе,—но затѣмъ снова становится здоровъ и молодъ, какимъ былъ во время крестной смерти. Его крестилъ Ананія, и въ крещеніи названъ онъ Іосифомъ. Онъ обыкновенно живетъ въ Арменіи, а также въ другихъ странахъ Востока. Онъ живетъ въ обществѣ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, ведетъ святую жизнь, говоритъ мало и обдуманно, и лишь отвѣчая на вопросы: тогда онъ разсказываетъ о быломъ, объ обстоятельствахъ смерти Спасителя, разсказывая—проливаетъ слезы... Вся надежда его на то, что онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію... Въ какихъ-либо греческихъ или славянскихъ апокрифахъ легенды о «вѣчномъ жидѣ» не встрѣчается; равно въ легендахъ латинскаго Запада, и преданіяхъ восточнаго христіанства, за исключеніемъ приведеннаго упоминанія въ палестинскомъ «Путеводителѣ». Популярность легенды о «вѣчномъ жидѣ» ограничивается главнымъ образомъ Германіей, скандинавскимъ Сѣверомъ, Нидерландами и Франціей;—но здѣсь она сравнительно недавняго происхожденія и распространилась путемъ не устнымъ, а литературнымъ...

Наиболѣе раннимъ западно-европейскимъ литературнымъ памятникомъ, воспроизводящимъ легенду, является нѣмецкая народная книга или листокъ: *Ahasverus*, относящаяся къ первымъ годамъ XVII в. [*Kurze Erzählung von einem Judeen aus Jerusalem, mit Namen Ahasverus, welcher bei der Kreuzigung Christi selbst persönlich zugegen gewesen auch das Crucifige über Christum hat helfen schreien und um Barnabam bitten etc. Gedruckt zu Leyden, Anno 1602*]. Здѣсь за «вѣчнымъ» или «странствующимъ жидомъ» упрочивается имя «Агасвера»; онъ представляется неутомимымъ, безконечнымъ странникомъ, не знающимъ покоя... Въ книгѣ сообщается, что имя Агасверъ было первоначальное; въ крещеніи названъ же онъ былъ Buttadeus... Благодаря этому нѣмецкому пересказу—легенда обновляется и получаетъ широкое распространеніе. Авторъ нѣмецкой книги воспроизводитъ отчасти средневѣковыя преданія романскихъ народовъ о Буттадеѣ, отчасти пользуется данными Матвѣя Парижскаго,—но имя Картафила-Іосифа замѣнилъ другимъ... Нѣмецкая народная книга

Ahasverus, въ свою очередь, послужила основой позднѣйшихъ литературныхъ обработокъ легенды о «вѣчномъ» или «странствующемъ жидѣ».

Вотъ содержаніе нѣмецкаго листка (съ небольшими сокращеніями):

«Paulus von Eitzen, докторъ св. писанія и епископъ въ Шлезвигѣ, разсказывалъ многимъ лицамъ, — что въ молодости, когда онъ былъ студентомъ въ Виттенбергѣ, во время одной поѣздки его, въ 1542 году, къ своимъ родителямъ въ Гамбургъ, въ ближайшее воскресенье, въ церкви, въ то время, какъ священникъ говорилъ проповѣдь — онъ замѣтилъ человѣка, высокаго ростомъ, съ длинными волосами по плечамъ, съ босыми ногами, стоящаго передъ самой каѳедрой и внимательно слушавшаго проповѣдь,—каждый разъ, когда проповѣдникъ произносилъ имя Іисуса, человѣкъ этотъ съ глубокимъ смиреніемъ очень низко наклонялся, билъ себя въ грудь и вздыхалъ... Хотя была очень суровая зима, онъ не имѣлъ на себѣ другой одежды,—кромѣ штановъ, внизу совершенно изорванныхъ, и верхняго платья, доходящаго до колѣнъ, перевязаннаго поясомъ, опускающимся до ногъ. Ему казалось лѣтъ съ пятьдесятъ. Многіе бывшіе здѣсь разсказывали,— что этотъ человѣкъ появлялся въ Англіи, Франціи, Италіи, Венгріи, Персіи, Испаніи, Польшѣ, Московіи, Ливоніи, Швеціи, Даніи и въ другихъ мѣстахъ, что родомъ онъ еврей, изъ Іерусалима, зовутъ Агасверомъ, ремесломъ былъ сапожникъ, что во время крестной смерти Спасителя онъ лично былъ въ Іерусалимѣ—и съ того времени продолжалъ жить, постоянно переходя изъ одного мѣста въ другое, что онъ много знаетъ подробностей изъ времени земной жизни Христа, за Которымъ неотступно слѣдовалъ во все время суда, съ того самаго момента, какъ Спаситель былъ схваченъ, поведенъ къ Пилату и, наконецъ, былъ распятъ... Заинтересованный всѣмъ этимъ, — Павелъ Эйтценъ послѣ отыскалъ этого человѣка и постарался самого его разспросить, откуда онъ. Тотъ, хотя сдержанно, подтвердилъ все выше приведенное,—что родомъ онъ еврей, зовутъ Агасверомъ, по ремеслу былъ сапожникъ, что во времена Спасителя онъ жилъ въ Іерусалимѣ, что лично былъ при осужденіи и распятіи Христа, вмѣстѣ съ другими кричалъ: «распни Его», и также просилъ за Варнаву, такъ какъ вмѣстѣ съ другими считалъ Христа еретикомъ и злодѣемъ,—что съ тѣхъ поръ не умираетъ и былъ во многихъ странахъ. Въ подтвержденіе этого онъ разсказывалъ о многихъ обстоятельствахъ крестныхъ страданій Спасителя. При дальнѣйшихъ разспросахъ, — онъ разсказалъ, что когда Пилатъ вынесъ Христу осужденіе, онъ, зная, что осужденный долженъ былъ идти на казнь мимо его дома, поспѣшилъ домой оповѣстить домашнихъ, чтобы они также могли видѣть Христа, когда тотъ будетъ идти мимо его дома,—самъ взялъ своего маленькаго ребенка и, держа его на рукахъ, сталъ передъ дверью дома. Когда Христосъ, неся свой тяжелый крестъ, и приблизившись къ его жилищу, остановился, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть и перевести духъ,—сапожникъ-еврей съ гнѣвомъ и ругательными словами сталъ гнать Христа, не позволяя Ему остановиться около дома. Христосъ тогда строго взглянулъ на него и сказалъ: «Я остановлюсь и отдохну — ты же пойдешь!» («Ich will stehen und ruhen, Du aber sollst gehen»)... И еврей тотчасъ же опустилъ на землю своего ребенка и, не въ силахъ будучи оставаться дома, пошелъ вслѣдъ за Іисусомъ, — оставался при Его казни, потомъ, когда все совершилось, не въ состояніи былъ уже вернуться опять въ городъ, въ свой домъ, и вообще не возвращался уже болѣе въ Іерусалимъ, не видѣлъ болѣе ни жены своей, ни дѣтей, — пошелъ въ чужую страну, оттуда въ другую, и такъ до сихъ поръ... Много, много лѣтъ спустя, черезъ нѣсколько столѣтій, онъ былъ въ Палестинѣ; но она была опустошена, и Іерусалимъ лежалъ въ развалинахъ, — его нельзя было узнать... Онъ убѣжденъ, что Господь избралъ его, въ наказаніе, быть—до самаго страшнаго суда — живымъ свидѣтелемъ противъ жидовъ и вообще невѣрующихъ... Агасверъ былъ разспрашиваемъ потомъ отъ людей ученыхъ, и послѣдніе были изумлены сообщенными отъ него свѣдѣніями о событіяхъ, совершившихся въ странахъ Востока послѣ земной жизни Спасителя... Что касается до собственнаго образа его жизни, онъ держитъ себя спокойно и сдержанно; онъ говоритъ только когда ему предлагаютъ вопросы; если ему предлагаютъ пищу, онъ ѣстъ мало, очень умѣренно; онъ всегда спѣшитъ, остается очень по недолгу въ одной странѣ. Въ Гамбургѣ, въ Данцигѣ ему предлагали денегъ,—онъ не бралъ больше двухъ шиллинговъ, да и тѣ тотчасъ же раздавалъ бѣднымъ, говоря, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ нужды, что Богъ самъ о немъ позаботится, — что онъ раскаялся въ своемъ преступленіи, и надѣется, что Богъ проститъ его, такъ какъ онъ совершилъ грѣхъ по невѣдѣнію... Его никогда не видали, чтобы онъ смѣялся. Въ каждой странѣ онъ говоритъ на томъ языкѣ, на которомъ тамъ говорятъ. Когда онъ жилъ въ Гамбургѣ и въ Данцигѣ, изъ многихъ мѣстъ приходили люди, чтобы его видѣть..» [Bibliothek der Deutschen Klassiker. Zweiter Band. Hildburghausen, 1861, SS. 707—711].

Какъ было замѣчено нами въ біографиче-

скомъ очеркѣ поэта,—мысль обработать легенду о «странствующемъ жидѣ» возникла у Жуковскаго уже въ 1831 году; къ этому времени относится сохранившійся въ бумагахъ поэта небольшой отрывокъ, помѣщенный нами въ началѣ. Снова возвращается онъ къ этой мысли въ нач. 1840 г.; но окончательно приступаетъ къ этому произведенію лишь за 9 мѣсяцевъ до смерти... На одной изъ рукописей поэмы въ началѣ помѣчено: *начато 8/20 іюля 1851 года въ Баденъ*. Мы видѣли, съ какими усиліями писалъ престарѣлый, полуслѣпой поэтъ это послѣднее свое произведеніе. «Что напишу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камердинеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него...» Поэма осталась неоконченной; мѣстами самые стихи написаны какъ бы вчернѣ...

Помѣщаемыя ниже два переложенія изъ *Апоаалипсиса*—отрывки, входившіе первоначально въ поэму «Странствующій жидъ»: обширность ихъ заставила поэта выдѣлить ихъ изъ поэмы,—для которой подъ конецъ написано было имъ въ третій разъ лишь самый сокращенный пересказъ *Апокалипсиса*...

ОГЛАВЛЕНІЕ

II тома.

стр.

Отдѣлъ второй.

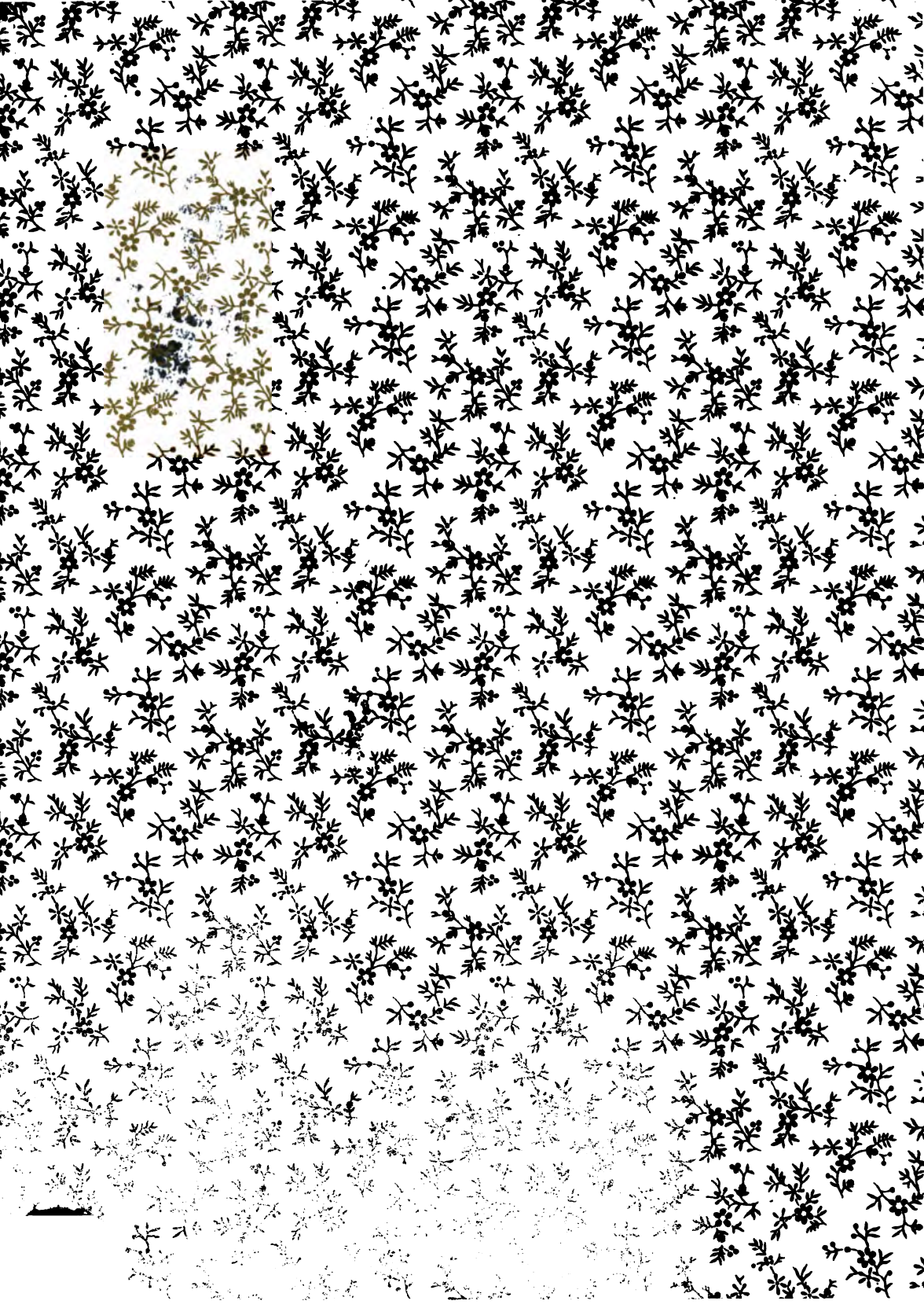
1822. Изъ Энеиды Виргилія. Разрушеніе Трои 3
1828. 1829. 1849—1851. Отрывки изъ Иліады 19
1817. 1833—1836. Ундина. Старинная повѣсть. *Подражаніе Ла-Моттъ Фуке.* 49
1839. Камоэнсъ. Драматическая поэма. *Подражаніе Гальму* 100
1837—1841. Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть. *Подражаніе Рюккерту* . . 112

1846—1847.

Рустемъ и Зорабъ. Вольное подражаніе Рюккерту 161

1842—1849.

Гомерова Одиссея 214

1851—1852.

Странствующій жидъ 474
Изъ Апокалипсиса 493
Примѣчанія 504